ОБЩЕЕ
УЧЕНІЕ О ГОСУДАРСТВѢ

Людвига Гумпловича,
профессора Грацскаго университета.

ПЕРЕВОДЪ СО ВТОРОГО НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ СО ВСТУПИТЕЛЬНЫМЪ ОЧЕРКОМЪ, ПРИМѢЧАНІЯМИ И ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ

Ив. Н. Нѣровецкаго.

Motto:

«Die siegenden Naturgesetze zu **erkennen** ist der höchste Triumph unserer Wissenschaft!»

(*Изъ помѣщеннаго въ этой книгѣ письма Л. Гумпловича къ Ив. Нѣровецкому*).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Складъ изданія въ Юридическомъ книжномъ магазинѣ Н. К. МАРТЫНОВА, (Невскій пр., д. № 50).
1910.

ОБЩЕЕ

УЧЕНІЕ О ГОСУДАРСТВѢ

Людвига Гумпловича,

профессора Грацскаго университета.

ПЕРЕВОДЪ СО ВТОРОГО НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ СО ВСТУПИТЕЛЬНЫМЪ ОЧЕРКОМЪ, ПРИМѢЧАНІЯМИ И ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ

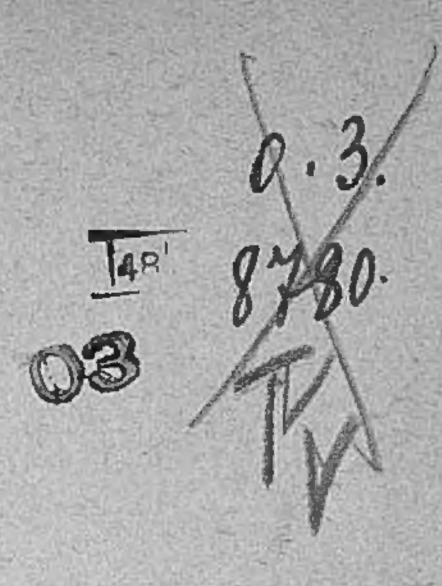
Ив. Н. Нѣровецкаго.

Motto:

«Die siegenden Naturgesetze zu **erkennen** ist der höchste Triumph unserer Wissenschaft!»

(*Изъ помѣщеннаго въ этой книгѣ письма Л. Гумпловича къ Ив. Нѣровецкому*).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Складъ изданія въ Юридическомъ книжномъ магазинѣ Н. К. МАРТЫНОВА, (Невскій пр., д. № 50).
1910.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, СПБ. Б. Подъяческая, 39.

Дополняющій эту книгу очеркъ свой

о

„Новѣйшихъ успѣхахъ конституціонныхъ идей“

посвящаю

ученикамъ своимъ,

въ память о незабвенномъ для меня общеніи съ учащимся юношествомъ за время (1905—1909 г.г.) преподаванія мною **законовѣдѣнія** въ С.-Петербургскихъ гимназіяхъ—II-й, Ларинской, VIII-й и гимназ. и реальн. учил. Л. Д. Лентовской.

Ив. Жѣровецкій.

Оглавленіе.

Стр.

Дополнительная статья.

(Отъ переводчика, *Ив. Нѣровецкаго*).

«Новѣйшіе успѣхи конституціонныхъ идей».

Людвигъ Гумпловичъ, какъ государствовѣдъ.

Людвигъ Гумпловичъ (1838—1909 г.г.) *) прежде всего соціологъ, ученіе свое выработавшій подъ вліяніемъ громадныхъ естественно-научныхъ завоеваній XIX вѣка.

На этой-то соціологической основѣ онъ и создаетъ затѣмъ своеобразное ученіе о государствѣ, подходя къ послѣднему, какъ къ явленію, „естественно" возникшему изъ другихъ, предварительныхъ, догосударственныхъ соціальныхъ формацій. Такими первичными соціальными группами являются многочисленныя орды; столкновеніе ихъ между собою приводитъ къ завоеванію, откуда затѣмъ естественно возникаетъ организація властвованія, и являющаяся существеннымъ признакомъ всякаго государства. Властвуетъ это послѣднее съ помощью принудительныхъ правовыхъ нормъ, являющихся уже чисто государственнымъ установленіемъ.

Основнымъ элементомъ государства служитъ отнюдь не личность, а соціальная группа, которая является главнѣйшимъ факторомъ и дальнѣйшаго государственнаго развитія.

Какъ возникновеніе, такъ и развитіе, и разрушеніе государства происходятъ согласно извѣстнымъ всесильнымъ соціальнымъ естественнымъ законамъ (Naturgesetze), съ которыми тщетно борется человѣческій произволъ.

Высшей формой достигнутаго развитія является современное „культурное государство", въ которомъ все болѣе и

---

*) Въ августѣ 1909 года телеграфъ принесъ извѣстіе о трагической кончинѣ проф. грацскаго университета Людвига Гумпловича: больной ракомъ, онъ рѣшилъ покончить счеты съ жизнью и (вмѣстѣ съ женой своей) отравился.

болѣе отдаленные слои народныхъ массъ становятся участниками властвованія и получаютъ такимъ образомъ возможность пріобщиться къ высшимъ благамъ культуры. Въ дальнѣйшее-же будущее, не желая выступать въ роли пророка, Гумпловичъ не заглядываетъ и не считаетъ неосновательнымъ ученіе Антона Менгера *), отваживающагося въ своемъ „Новомъ ученіи о Государствѣ" такъ увѣренно и детально рисовать картину далекаго будущаго, картину „народнаго трудового государства" („volkstümlicher Arbeitsstaat").

Монистъ, вѣрно преданный завѣтамъ естествознанія, Гумпловичъ стремится поставить государственную науку на позитивную почву, кладя въ основу изученія государства этнографическія и историческія данныя. Исторія, работающая надъ установленіемъ фактовъ дѣйствительной жизни, является вѣрной союзницей всѣхъ наукъ и въ особенности науки о государствѣ. Къ сожалѣнію, историческія описанія, претендуя на научное значеніе, зачастую удаляются въ область поэзіи или политики **). Въ такомъ видѣ, конечно, исторія является лишь помѣхой для всякаго истиннаго, объективнаго знанія; и государственная наука должна чрезвычайно осторожно относиться къ столь важнымъ для нея историческимъ даннымъ. Это дѣлаетъ работу государствовѣда весьма трудной,—но per aspera ad astra!

Стремясь къ позитиваціи ученія о государствѣ, Гумпловичъ не можетъ спокойно наблюдать, какъ въ Германіи многіе государствовѣды (и даже такіе солидные, какъ Лабандъ) ведутъ эту науку по весьма произвольному, чисто-конструктивному („юридическому") пути. Гумпловичъ объявляетъ этимъ „юристамъ" войну. И слѣдуетъ признать, что порою споръ съ обѣихъ сторонъ ведется со слишкомъ уже большимъ пыломъ. Съ кѣмъ-же это столь горячо полемизировалъ государствовѣдъ-соціологъ? Съ формально-индивидуалистическимъ направленіемъ, со „школою юристовъ", которые, увлекаясь стройными конструкціями римскаго гражданскаго права, ни что-же сумняшеся, стали пересажи-

*) См. у Гумпловича Allgemeines Staatsrecht" 1907, S. 267—279.

**) См. у Гумпловича „Allgemeines Staatsrecht" 1907, Anhang (C)—„Psychologie der Geschichtsschreibung", S. 502—526.

вать цивилистическіе пріемы, понятія и категоріи въ чуждую имъ область публичнаго права. Получались, правда, (у болѣе талантливыхъ) *) элегантныя и стройныя логически очертанія различныхъ публично-правовыхъ институтовъ. Но къ сожалѣнію, ясность и элегантность получаются иногда за счетъ истинности; вѣдь формальная логика сама по себѣ безплодна, она намѣчаетъ границы, очерчиваетъ понятія, но не въ силахъ заполнить данныя границы надлежащимъ содержаніемъ. Особаго-же содержанія эти „государствовѣды-юристы“ не желали искать, не усматривая существенной разницы между цивилистикой и публичнымъ правомъ. И вотъ стали воздвигаться въ Германіи „конструкціи“ государственнаго права,—но сколько здѣсь было искусственнаго, субъективнаго и порою (даже невольно) политиканствующаго!—Кромѣ того (какъ мною выше замѣчено) эту формальную „школу юристовъ“ можно назвать еще индивидуалистической, такъ какъ она, противополагая личность государству, слишкомъ мало обращаетъ вниманія на союзное начало, столь важное для уясненія общественной основы государства, сказывавшейся и въ прошломъ, и призванной соціальными задачами будущаго къ еще большему развитію. Преемственно продолжая романтическое пониманіе личности, это направленіе весьма чуждо сознанія тѣхъ многочисленныхъ связей, которыя несомнѣнно соединяютъ человѣка съ различными общественными союзами.

Вотъ съ кѣмъ горячо полемизировалъ Гумпловичъ!—и въ полемикѣ этой особенно отчетливо и рельефно обрисовывается его собственный научный обликъ: это былъ всѣми фибрами души своей рвавшійся къ позитивизму государствовѣдъ-соціологъ, признававшій основнымъ и движущимъ началомъ государственности союзное начало. Этимъ-же самымъ боевымъ настроеніемъ объясняются и многія допущенныя Гумпловичемъ преувеличенія. Такъ, въ своемъ неудержимомъ стремленіи къ позитивизму онъ зачастую доходитъ до фактопоклонства и не хочетъ удѣлить надлежащаго вниманія существу и значенію „нормы“; иногда съ-маху разрубаетъ гордіевъ узелъ такихъ „проклятыхъ вопросовъ“,

*) Такъ, напр., у Лабанда въ его „Das Staatsrecht des Deutschen Reiches“.

надъ которыми человѣчество не скоро еще, вѣроятно, перестанетъ мучиться. Таковы увлеченія и ошибки Гумпловича. Онъ не оставилъ намъ того строго-выдержаннаго, стройно и аккуратно „конструированнаго" наслѣдія, какое оставили „государствовѣды-юристы". Но, какъ теорія этихъ послѣднихъ была искусственна и безжизненна, такъ въ ученіи Гумпловича всегда била ключемъ сама жизнь, которую онъ дѣлалъ объектомъ научнаго изслѣдованія.

Являясь непримиримымъ врагомъ формально - индивидуалистическаго направленія и вообще занимая обособленное положеніе среди представителей государственной науки, Гумпловичъ все-таки ближе подходитъ къ историко-органической школѣ, главнымъ корифеемъ которой является Оттонъ Гирке, а послѣдователями его—Кааль, Розинъ и Прейссъ.

Признавая нѣкоторую связь между гражданскимъ и государственнымъ правомъ, какъ двумя вѣтвями единаго, обобщающаго ихъ соціальнаго права (Socialrecht), Гирке *) тѣмъ не менѣе энергично возражаетъ противъ игнорированія своебразнаго характера государственныхъ явленій и не допускаетъ, чтобы, въ угоду формальной логикѣ, государствовѣдѣніе подчинялось цивилистическимъ пріемамъ и понятіямъ. Выработанныя цивилистическія формулы придаютъ какъ-будто ясность явленіямъ, даже безъ особаго ихъ изслѣдованія. Но пріемъ этотъ крайне ошибоченъ: онъ отвлекаетъ отъ изученія генезиса явленій, наводя на искусительную и въ высшей степени пагубную идею—отожествлять генезисъ самихъ явленій съ генезисомъ понятій. Происхожденіе государства и права имѣетъ отнюдь не искусственный, а естественный, историко-органическій и притомъ мирный характеръ.

Готовый принять, mutatis mutandis, это высказанное Оттономъ Гирке воззрѣніе, Гумпловичъ однако никакъ не можетъ согласиться съ мирнымъ характеромъ происхожденія и развитія соціальныхъ явленій, видя всюду лишь борьбу, какъ основной реальный принципъ государственной и междугосударственной жизни.

---

*) См. у Gierke — „Die Grundbergiffe des Staatsrechts und die neuesten Staatsrechtstheorien" 1874.

Съ другой-же стороны Гумпловичъ долженъ высоко цѣнить указанія историко-органической школы на чрезвычайную важность общественнаго, союзнаго начала въ судьбахъ государства, о чемъ такъ убѣдительно трактуетъ От. Гирке въ своихъ незабвенныхъ для германской научной литературы трудахъ *).

Таково въ общихъ чертахъ отношеніе Гумпловича къ двумъ наиболѣе значительнымъ нѣмецкимъ школамъ государственной науки въ концѣ XIX вѣка.

Являясь противникомъ всякихъ искусственныхъ построеній, онъ весьма скептически относится и къ „теоріи“ такъ назыв. „правового государства“ („Rechtsstaat“), каковое увлеченный патріотическимъ чувствомъ Руд. Гнейстъ готовъ видѣть и въ Пруссіи, далеко еще не усвоившей принциповъ современнаго культурнаго государства.

Соціологъ-государствовѣдъ признаетъ, что государства естественно возникаютъ, естественно развиваются до высшихъ формъ и также естественно гибнутъ, а „на руинахъ ихъ расцвѣтаетъ новая жизнь“ **). Такъ разрушаются отдѣльныя государства, культура-же, достигнутая ими, не пропадаетъ, а передается другимъ государственнымъ формамъ,— она есть достояніе человѣчества.

Соціальные „естественные законы“ непреодолимы и тщетно человѣческій произволъ ведетъ съ ними постоянную и въ то же время безплодную борьбу. Однако же, познавая эти законы и согласно имъ дѣйствуя, можно съ успѣхомъ способствовать дальнѣйшему естественному ходу культурно-государственнаго развитія.

Теорія Л. Гумпловича вызвала оживленіе въ итальянской и французской научной литературѣ и оказала огромное вліяніе на Лингга (Lingg—„Empirische Untersuchungen zur allgemeinen Staatslehre“ 1890) и Ратценгофера, создавшаго на этой соціологической почвѣ цѣлую систему научной политики („Begriff und Wesen der Politik“, 1893).

Какой же, послѣ всего сказаннаго, вырисовывается передъ нами обликъ Л. Гумпловича, какъ представителя го-

*) Otto Gierke „Das deutsche Genossenschaftsrecht“ 1881; „Die Genossenschaftstheorie und die deutsche Rechtssprechung“ 1887.

**) См. у Гумпловича—„Allgemeines Staatsrecht“, 1907, S. 33 ff. („Die Funktion des Staates im socialen Weltprozesse“).

сударственной науки? — Это былъ соціологъ - государствовѣдъ, монистъ, вѣрно преданный завѣтамъ естествознанія и стремившійся поставить государственную науку на позитивную почву. Правда, боевой духъ его творчества приводилъ часто къ преувеличеніямъ и ошибкамъ, но ошибки встрѣчаются во всѣхъ ученіяхъ и ихъ исправитъ критика. Для насъ же имѣетъ неоцѣнимое значеніе тотъ призывъ, которымъ онъ будилъ зачарованную различными субъективными „принципами“ и „конструкціями“ государственную науку.

„Познаніе непобѣдимыхъ естественныхъ законовъ есть высшій тріумфъ нашей науки,“—таковъ безсмертный завѣтъ недавно сошедшаго въ могилу Л. Гумпловича.

Ив. Нѣровецкій.

Петербургъ,
Янв. 1910 года.

ПРЕДИСЛОВІЯ АВТОРА.

1.

Къ первому нѣмецкому изданію.

Тѣсная связь между науками приводитъ къ тому, что всякій прогрессъ въ какой-нибудь области умственной работы вліяетъ и на всѣ другія отрасли знанія; что новое пониманіе вещей къ какой-либо одной умственной сферѣ, словно электрическій токъ, сообщается всѣмъ другимъ и влечетъ ихъ съ собою впередъ. Современный сильный расцвѣтъ естествознанія вызвалъ въ философіи реалистическое міропониманіе, и направленію этому должны слѣдовать и всѣ прочія философскія дисциплины,—иначе имъ не принадлежать къ циклу современныхъ наукъ. Сказанное всецѣло относится и къ философскому *) или такъ назыв. общему государственному праву.

Но между тѣмъ какъ старая естественно-правовая точка зрѣнія справедливо признается уже негодной, да и такъ назыв. „органическое" міропониманіе (виднымъ представителемъ котораго недавно еще являлся Аренсъ) никакъ уже не можетъ выдерживать натиска со стороны новаго реалистическаго направленія,—до сихъ поръ все-таки еще не достаетъ такого систематически изложеннаго ученія, которое, согласно пробивающемуся всюду реалистическому пониманію, считалось бы съ требованіями современной науки.

Особенно тяжело недостатокъ этотъ ощущается въ высшей школѣ, гдѣ учащаяся молодежь желая ознакомиться съ философскимъ или такъ назыв. общимъ государственнымъ

*) Первое изданіе этой книги у Гумпловича было озоглавлено—„Philosophisches Staatsrecht".—*Пер.*

правомъ, обращается къ произведеніямъ, хотя и помѣченнымъ иногда новѣйшими датами, но все-таки основаннымъ на такихъ философскихъ понятіяхъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ современнымъ научнымъ сознаніемъ.

Устранить данный недостатокъ, помочь учащейся университетской молодежи подступить и въ этой области поближе къ побѣдоносно пробивающемуся всюду реалистическому міропониманію—вотъ задача моей книги!

Придерживаться въ какой-нибудь одной научной области такихъ взглядовъ, которые въ другихъ областяхъ уже сданы въ архивъ устарѣлыхъ предразсудковъ,—это анахронизмъ, и сохраненіе его не можетъ не вредить данной отрасли знанія, поэтому необходимо всѣ силы свои направить къ уничтоженію подобнаго анахронизма. Требованіе это становится особенно настоятельнымъ, если данная отрасль знанія является предметомъ обязательныхъ занятій университетской молодежи: вѣдь здѣсь потеря особенно ощутительна и трудно ее наверстать.

Людвигъ Гумпловичъ.

Грацъ,
Янв. 1877 года.

II.

Ко второму нѣмецкому изданію.

Трудно было мнѣ рѣшиться приступить ко второму изданію этой, двадцать лѣтъ тому назадъ написанной и давно уже разошедшейся книги. То были первые, неувѣренные шаги по новому пути, который и для меня самого тогда не представлялся еще вполнѣ яснымъ. Но вотъ съ тѣхъ поръ въ цѣломъ рядѣ трудовъ я все дальше и дальше подвигался впередъ по тому-же направленію, стараясь изслѣдовать и выяснить природу государства съ соціологической точки зрѣнія.

Мнѣ и не грезился никогда такой успѣхъ, какой выпалъ на мою долю. И если вѣрно, что „иностранная критика является какъ-бы судомъ потомства“ (досл. „das Ausland die Nachwelt repräsentirt“),—то послѣ всѣхъ трудовъ своихъ я со спокойнымъ сердцемъ могъ-бы и на покой.

Остановлюсь прежде всего на Италіи. Съ чувствомъ глубокой благодарности вспоминаю о тѣхъ своихъ многихъ итальянскихъ друзьяхъ, которые подвергли самому обстоятельному разбору мои труды и дали въ своихъ соціологическихъ произведеніяхъ столь отрадный для меня отзывъ о скромныхъ моихъ заслугахъ. Прежде всѣхъ пармскій проф. А. Ронкали, который въ Giornale degli Economisti восторженно привѣтствовалъ *) мою соціологическую теорію; затѣмъ коллега его Ичиліо Ванни въ своей Programma Critico (1888 г.) столь вѣрно разбираетъ мое ученіе, а въ дальнѣйшихъ своихъ успѣшныхъ опытахъ создать на основаніи соціологіи новую философію права онъ считается **) съ моей теоріей. А этотъ бодрый и столь много успѣвшій Анджело Ваккаро! Возьмемъ прекрасный, ученый трудъ его—„Le Basi del Diritto e dello Stato“ (1893 г.): сколь глубоко онъ здѣсь захватываетъ мое ученіе, сколько самъ я почерпнулъ отсюда для дальнѣйшаго углубленія взглядовъ. Онъ уже рѣшилъ было переводить мой „Rassenkampf“, но его предупредилъ французскій переводчикъ Charles Baye, переводъ котораго сталъ сильно распространяться и по Италіи, такъ что недовольный моей теоріей Паоло Мантегацца поставилъ ей въ вину то обстоятельство, что она сдѣлалась „столь популярной“ въ Италіи ***). Вѣдь и Мантегацца упрекаетъ меня въ томъ, въ чемъ раньше еще такъ мило укорялъ пылкій Наполеонъ Калайяни, а именно—въ чрезвычайномъ пессимизмѣ ****). Но вотъ, когда я мысленно переношусь въ кругъ всѣхъ своихъ друзей, воодушевляемыхъ единой наукой, когда я вспоминаю о нихъ,—о Вадала-Папале, ди-Бер-

*) „Un Sistema di Sociologia“. Giornale degli Economisti 1883, vol. I Facs. IV.

**) „Il probleme della filosofia dell diritto“ 1890; „La funzione pratica della filosofia dell diritto“ 1894.

***) Fanfulla della Domenica 15 Decembre 1895.

****) Napoleone Colajanni—„Un Sociologo Pessimista“. Estratto della Rivista di Filosofia scientifica. Anno V, 5, 1886.

нардо, Франческо Нитти, Чельзо Феррари, Джюзеппе Фьяминго, объ основателяхъ Rivista Italiana di Sociologia и о многихъ другихъ единомышленникахъ, которые и въ печати, и въ письмахъ выражали мнѣ чувства дружескаго расположенія и симпатіи,—тогда ужъ я, право, окончательно не знаю, гдѣ этотъ мнимый пессимизмъ.

Затѣмъ перейду къ Франціи, гдѣ мнѣ посчасливилось найти такого талантливаго переводчика, какъ Charles Baye.

Изъ-подъ пера Ферд. Брюнетьера, Габр. Тарда и многихъ другихъ выходили по поводу переведенной Ш. Бейемъ моей „La lutte des races" прекрасныя, полныя ума и остроумія статьи. Сколь драгоцѣнны были для меня замѣчанія справедливо прославленнаго критика Ферд. Брюнетьефа *), который, правда, недавно, отчаявшись въ наукѣ, бѣжалъ въ ватиканъ. Отчаянье это проглядывало уже въ нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ, встрѣчающихся въ той статьѣ, которую онъ написалъ по поводу моей книги. „Если важно", разсуждалъ Брюнетьеръ, „чтобы человѣкъ былъ священнымъ для человѣка, то этого не должны забывать всѣ тѣ науки, которыя имѣютъ дѣло съ человѣкомъ; и презирать намъ ихъ ложные выводы, противорѣчащіе необходимой истинѣ этого основнаго принципа". Въ словахъ этихъ нетрудно уже было подмѣтить предстоящее сенсаціонное отчаянье Брюнетьера. Духъ ватикана уже обвѣвалъ его, когда онъ писалъ эти строки. Однако „истина", „необходимая" для того, чтобы не было противорѣчій съ извѣстнымъ „основнымъ принципомъ", не научная, но „религіозная истина". А кто колеблется между научной и религіозной истинами, ну,—тому, конечно, вольно выбирать послѣднюю. Замѣчательно устроено въ этомъ мірѣ: кто не въ состояніи переносить суроваго климата на ледяныхъ высотахъ науки, тотъ всегда обрѣтаетъ себѣ пріютъ во многихъ, столь благодѣтельныхъ убѣжищахъ— подъ скалой св. Петра, у ковчега завѣта, у священной Каабы и т. д. И было-бы слишкомъ жестокосердно отнимать у нихъ то спасеніе, котораго они вмѣстѣ съ милліонами людей здѣсь ищутъ и обрѣтаютъ.

Не къ этому направленію принадлежитъ Габріель Тардъ, глубокій соціологъ, создавшій въ своей „Logique Sociale" (1893) такое художественно-философское произведеніе, ко-

*) Revue des deux Mondes, отъ 15 янв. 1893 г.

торое очаровываетъ и порабощаетъ и къ которому, во избѣжаніе полнаго плѣненія, слѣдуетъ подходить лишь хорошо вооруженнымъ. Габріель Тардъ—мой умственный антиподъ, мой Парижскій противоположный полюсъ; всѣ соціальныя явленія онъ хочетъ постичь „съ одного пункта“ и чудесно изображаетъ, какъ все развивалось лишь силою руководящихъ человѣчествомъ „законовъ подражанія“. Моя теорія ему нѣсколько непріятна, такъ какъ я, наоборотъ, стремлюсь выяснить то-же самое развитіе, ведя наблюденія свои уже со многихъ пунктовъ. Онъ не можетъ съ этимъ примириться: его излюбленную мечту разрушаетъ „ужасный австріецъ“ („le terrible Autrichien“ *). Однако-же истина должна находиться гдѣ-нибудь между нами; вѣдь иначе развѣ могли-бы его произведенія столь сильно увлекать меня?—да и онъ со своей стороны не такъ ужъ сильно громитъ меня.

Особо хочу я здѣсь выразить сердечную признательность слѣдующимъ двумъ парижскимъ научнымъ свѣтиламъ: Морису Блоку, патріарху французскихъ экономистовъ и Альфреду Фуллье, который, подобно итальянскому Ванни, неутомимо работаетъ надъ созданіемъ новой философіи права. Блокъ, который пережилъ нѣсколько поколѣній философовъ и политиковъ и лично наблюдалъ возникновеніе и паденіе столькихъ теорій, котораго, какъ видѣвщаго „все возможное“, теперь уже не удивитъ никакое новое ученіе,—избралъ мою соціологическую теорію предметомъ весьма лестнаго для меня доклада, прочитаннаго въ Academie de sciences morales et politiques **). А Фуллье, въ ушахъ котораго со всѣхъ сторонъ звучатъ однѣ лишь гармоніи, огорченъ, что я рисую человѣческую жизнь... въ столь мрачныхъ краскахъ. Причисляя меня къ соціологамъ, „воспѣвающимъ гимнъ войнѣ“, онъ спрашиваетъ: „Неужели же въ обществѣ не существуетъ вовсе отношеній, построенныхъ на чувствѣ симпатіи, на подражаніи, на взаимномъ внушеніи?“ ***) Увѣряю почтеннаго коллегу, что я высоко

---

*) Revue Philosophique, Juni 1893 и за 1896 годъ I, стр. 639.

**) Bulletin de l'Academie des sciences morales et politiques; séance du 21 Janvier 1893.

***) Revue des deux Mondes 1895, liv. 128, p. 365; и „Le Mouvement Positiviste et la Conception Sociologique du Monde“ 1896, p. 238.

цѣню подобныя разсужденія. Но во всякомъ случаѣ не я же запѣваю эту „пѣснь войны", нѣтъ,—я не лишь слышу ее и передаю безъ прикрасъ то, что доносится до моего слуха. А философская лирика Фуллье заставляетъ меня думать, что существуетъ еще болѣе тонкій слухъ, который, среди грохота смертоносныхъ орудій улавливаетъ нѣжное чириканье сверчковъ въ травѣ. Откровенно сознаюсь, что я завидую ему въ столь тонкомъ слухѣ.

Еще шлю свою сердечную признательность далеко на югъ, въ прекрасную Испанію, уважаемому коллегѣ моему, проф. Саламанкскаго университета Педро Дорадо Монтеро; отъ не только взялъ на себя трудъ перевести эту мою книгу на испанскій языкъ, такъ что она стала учебнымъ пособіемъ для студентовъ этого стариннаго университета, но и снабдилъ ее учеными комментаріями и, такимъ образомъ, еще при жизни моей создалъ мнѣ иллюзію посмертной славы. Право, когда я представляю себѣ мысленно этихъ прилежныхъ студентовъ, какъ они ходятъ „по валамъ саламанкскимъ" и готовятся къ экзамену по моему „Derecho philosophico", то мнѣ становится досадно, что они пользуются не вторымъ изданіемъ этой книги. Вѣдь тутъ они могли бы больше почерпнуть, такъ какъ эти два десятилѣтія прошли не безслѣдно для моего научнаго опыта.

Но выражая столько признательности чужимъ краямъ, я былъ бы несправедливъ, если бы не упомянулъ о томъ величайшемъ успѣхѣ, которымъ меня обрадовала и моя австрійская родина. Истинный сынъ Вѣны (неистинные менѣе расположены ко мнѣ) Густавъ Ратценгоферъ создалъ на основаніи моей соціологической теоріи такую величественную систему „политики", которая выдѣляется среди всемірной литературы и составляетъ красу нѣмецкаго научнаго слова. Но германскіе профессора, конечно, ни слова объ этомъ; они не ждали съ этой стороны такого сильнаго потока мыслей, который смылъ карточные домики ихъ системъ. Неразрѣшимую до сихъ поръ проблему, разрѣшеніе которой и я самъ въ первомъ изданіи этой книги считалъ еще „невозможнымъ",—вотъ эту-то именно проблему и разрѣшилъ блестяще Ратценгоферъ, опираясь въ значительной степени на выработанную мною въ позднѣйшихъ моихъ соціологическихъ произведеніяхъ теорію. Ни въ Германіи, ни

въ какой другой странѣ не было до сихъ поръ научнаго построенія политики; и вотъ Ратценгоферъ сдѣлалъ это въ своемъ трехтомномъ произведеніи—„Begriff und Wesen der Politik“ (1893). Я даже понимаю молчаніе германскихъ профессоровъ. Эта книга не можетъ быть для нихъ пріятна. Вѣдь вмѣстѣ съ „политикой“ Ратценгофера профессорамъ надлежало бы признать и ту соціологію, на которой она построена, ту же самую соціологію, на которую они глядятъ такъ косо и все еще считаютъ ее ненаучной. Да къ тому же и упомянутая политика, и соціологія—обѣ не германскаго происхожденія. Неужели придутъ обѣ ex oriente? Неужели-же новая германская имперія должна получать идеи изъ Австріи? О, нѣтъ! не бывать этому! Это было бы чѣмъ-то положительно неслыханнымъ! Но посмотримъ. Этой нелюбимой маркой „made in Austria“ имъ впослѣдствіи все-таки придется пользоваться, хотя бы даже и косвеннымъ путемъ, черезъ дальніе чужіе края.

За двадцать лѣтъ, протекшихъ послѣ первой попытки выступить на новый путь, много новаго мною пережито, испытано, продумано и изучено. Въ новомъ изданіи я, конечно, долженъ былъ со всѣмъ этимъ считаться, долженъ былъ разсмотрѣть эти новыя данныя. Поэтому мнѣ не представлялось заманчивымъ переиздавать старую, во многихъ мѣстахъ неудовлетворительную книгу, имѣющую для меня самого лишь значеніе первой ступени, на которую я тогда вступилъ. Мнѣ было бы, пожалуй, легче написать новую книгу, а старую я охотно даже предалъ бы забвенію. И если я все-таки рѣшился ее переработать и пополнить новыми пріобрѣтеніями послѣдняго своего научнаго опыта, то сдѣлалъ это послѣ неоднократныхъ, настойчивыхъ просьбъ со стороны многихъ учениковъ, этихъ моихъ юныхъ друзей, жаловавшихся, что мое „Philosophisches Staatsrecht“ можно достать уже лишь въ испанскомъ переводѣ Дорадо, а переводомъ этимъ пользоваться имъ затруднительно.

Людвигъ Гумпловичъ.

Грацъ.
Мартъ 1897 года.

III.

Къ русскому изданію.

(Изъ письма *) къ переводчику, **Ив. Н. Нѣровецкому**).

Всемірная исторія представляетъ изъ себя непрерывную борьбу человѣка съ естественными законами и непрерывную побѣду этихъ законовъ надъ человѣкомъ. Такая борьба происходитъ въ государствахъ и между государствами. Наивное, искусственное описаніе ея даютъ намъ историки. Научное же пониманіе этой борьбы составляетъ задачу государствовѣдѣнія. Историки еще претендуютъ описаніями своими учить насъ, какъ мы должны поступать, что должны дѣлать и что допускать (historia magistra vitae!). Наука о государствѣ такихъ претензій не имѣетъ. Она знаетъ, что

---

*) Вотъ это письмо въ подлиникѣ:

Graz 1/XI 1905.

Lieber Freund! Ihr Schreiben vom 16 Octob. hat mich sehr erfreut. Mit Vergnügen stimme ich Ihrem Vorhaben zu, mein „Allgem. Staatsrecht" mit Ihren Ergänzungen in russischer Sprache erscheinen zu lassen.

Sie verlangen von mir einige Worte, als Einleitnng für die russiche Uebersetzung meines Buches.

Wohlan! vielleicht genügen Ihnen die folgenden:

Die Weltgeschichte ist ein fortwährender Kampf des Menschen gegen die Naturgesetze und ein fortwährender Sieg der Naturgesetze über den Menchen. Dieser Kampf spielt sich ab in den Staaten und zwischen den Staaten. Die naive, künstlerische Beschreibung dieses Kampfes liefert uns der Historiker. Das wissenschaftliche Begreifen desselben ist Aufgabe der Staatswissenschaft. Der Historiker erhebt aber noch den Anspruch uns durch seine Beschreibung zu lehren, wie wir handeln sollen, was wir tun und was wir lassen sollen (Historia magistra vitae!). Diesen Anspruch erhebt die Staatswissenschaft nicht. Sie weiss, das dieser ewige Kampf des Menschen gegen die Naturgesetze den höchsten Reiz des Lebens bildet, diesem Leben einen Werth giebt. Die Staatswissenschaft ist weit davon entfernt dem Leben des Menschen diesen Reiz und diesen Werth rauben zu wollen.— Und schliesslich um was geht's? Mögen die Geschlechter der Menschen, wie von Ewigkeit, so auch ferner um's Glück kämpfen; die siegenden Naturgesetze zu erkennen ist der höchste Triumpf unserer Wissenschaft!

Ludwig Gumplowicz.

Graz, Universität,
am 1 November 1905.

эта вѣчная борьба человѣка съ естественными законами составляетъ высшую прелесть жизни, даетъ жизни извѣстную цѣнность. Государственная наука далека отъ того, чтобы отнимать отъ человѣческой жизни эту прелесть и цѣнность. И что же наконецъ? Да пусть поколѣнія человѣческія и дальше (какъ это вѣчно было) борются за свое счастье; познаніе же непобѣдимыхъ естественныхъ законовъ—вотъ высшій тріумфъ нашей науки!

Людвигъ Гумпловичъ.

Грацъ, университетъ.
1 ноября 1905 года.

Предисловіе переводчика.

Переведенная мною книга озаглавлена въ подлинникѣ „Allgemeines Staatsrecht", но я позволяю себѣ нѣсколько отступить отъ буквальнаго значенія этого нѣмецкаго титула и выпускаю ее въ русскомъ изданіи подъ заглавіемъ—„Общее Ученіе о Государствѣ", что, несомнѣнно, болѣе подходитъ къ характеру даннаго произведенія. Да и самъ вѣдь Гумпловичъ заявляетъ (см., напр., § 225), что, по его пониманію, „общее государственное право—не юридическая дисциплина, не юридическое ученіе, но наука о государствѣ". Почему-же въ такомъ случаѣ не называть вещи ихъ настоящими именами?

Предлагаемое мною русскимъ читателямъ „Общее Ученіе о Государствѣ" Л. Гумпловича есть переводъ со второго нѣмецкаго изданія. Вышедшее въ 1907 году третье изданіе весьма мало даетъ новаго, съ другой-же стороны много цѣннаго изъ прежняго матеріала здѣсь выброшено, послѣ чего и самый текстъ получаетъ порою нѣсколько странную архитектуру; во многихъ мѣстахъ тутъ замѣтна печать какой-то поспѣшности. Не являлось-ли это результатомъ охватившей Гумпловича тяжкой болѣзни? Въ виду этого я рѣшилъ не измѣнять порядка предпринятой работы,—продолжалъ переводить второе нѣмецкое изданіе, снабжая его попутно своими примѣчаніями, и въ концѣ концовъ модернизировалъ переведенное „Общее Ученіе о Государствѣ" своими собственными статьями.

Во вступительномъ краткомъ очеркѣ („Людвигъ Гумпло-

вичъ, какъ государствовѣдъ"), отмѣчая позицію Гумпловича среди другихъ нѣмецкихъ представителей государственной науки, я указываю и на тѣ его послѣднія научныя переживанія, которыя отразились въ третьемъ нѣмецкомъ изданіи. Къ сожалѣнію, переживанія эти здѣсь Гумпловичъ обнаруживаетъ далеко не въ полной мѣрѣ. Такъ, напр., развивая мысль о „функціи государства въ соціальномъ міровомъ процессѣ", подвергая критикѣ смѣлую попытку Антона Менгера, онъ даже и не упоминаетъ о той дѣйствительно свѣжей струѣ, которую вноситъ въ нашу науку Л. Дюги.

Въ дополнительной-же своей статьѣ (о „Новѣйшихъ Успѣхахъ Конституціонныхъ Идей") я старался вкратцѣ отмѣтить важнѣйшія перипетіи во внутреннемъ развитіи различныхъ государствъ (кромѣ американскихъ) за это послѣднее десятилѣтіе (1900—1910 г.г.).

Насколько удалось мнѣ выполнить свою задачу,—объ этомъ судить научной критикѣ, указанія которой были-бы весьма цѣнны для дальнѣйшихъ моихъ работъ.

Въ заключеніе позволю себѣ здѣсь выразить свою глубокую благодарность профессору Л. І. Петражицкому за его авторитетное вниманіе къ моему труду, хотя, конечно, съ теоріей Гумпловича онъ не можетъ согласиться. Мнѣ сейчасъ вспоминается, что, излагая ученикамъ своимъ ученіе Гумпловича и даже дѣлая его, mutatis mutandis, какъ-бы основою своего курса „общаго ученія о государствѣ", я всегда, словно для уравновѣшенія умовъ своихъ слушателей, знакомилъ ихъ съ теоріей Л. І. Петражицкаго, которая, какъ приходилось мнѣ замѣчать, живо запечатлѣвалась въ ихъ представленіи и вызывала рядъ юныхъ научзапросовъ.

Приношу здѣсь также глубокую свою признательность профессорамъ-государствовѣдамъ И. Ал. Ивановскому и Л. П. Дымшѣ, моимъ университетскимъ учителямъ, которые всегда такъ охотно откликались на мои молодые, студенческіе научные запросы и давали мнѣ столько цѣнныхъ указаній относительно теоріи Л. Гумпловича.

Ив. Нѣровецкій.

С.-Петербургъ, 8-го февр. 1910 года.

Введеніе.

---

§ 1.

Что́ такое наука?

Понятіе о государственной наукѣ до сихъ поръ въ высшей степени шатко и спорно. Для того, чтобы дать ясное и точное опредѣленіе его, слѣдуетъ предварительно рѣшить: что̀ такое наука вообще? И вотъ, лишь въ случаѣ разрѣшенія этого вопроса легко можно будетъ установить и понятіе о государствовѣдѣніи.

Ясно, что можетъ существовать о д н о лишь правильное понятіе о наукѣ. Невозможно, чтобы натуралистъ понималъ ее иначе, чѣмъ государствовѣдъ и юристъ. Если бы у насъ было два различныхъ понятія о наукѣ, то одно изъ нихъ, очевидно, являлось бы ложнымъ, другое—правильнымъ. Издавна однако царствуетъ несогласіе въ понятіяхъ о „наукѣ“ между натуралистами съ одной, и государствовѣдами и философами права—съ другой стороны. Сознавая это несогласіе, старались его обосновать различіемъ „точныхъ“ наукъ отъ „философскихъ“, „реальныхъ“ отъ наукъ о „духовной“ природѣ человѣка („geistige“ Wissenschaften) или „моральныхъ“. Такое обоснованіе неудовлетворительно; оно не выдерживаетъ критическаго взгляда на вещи. Имя прилагательное, какъ опредѣленіе (differentia specifica), можетъ, конечно, обозначать различныя качества, различныя модификаціи коренного понятія (genus proximum), но это послѣднее по существу своему должно оставаться однимъ и тѣмъ же.

Одно изъ двухъ! Либо „духовныя“ и „моральныя“ знанія

образуютъ „науку“ на такомъ же основаніи, какъ и „точныя“ или „реальныя“,—либо они вовсе не составляютъ науки. Въ послѣднемъ случаѣ ихъ можно назвать фантазіей, вѣрой, поэзіей или какъ угодно, только бы не злоупотреблять словомъ „наука“. Если же, несмотря на всю свою „духовность и моральность“, знанія эти не перестаютъ быть „наукой“,—тогда они безъ страха могутъ сойтись съ тѣмъ понятіемъ о наукѣ, которое составили себѣ естествоиспытатели и, сойдясь, открыто и серьезно примириться съ нимъ.

И дѣйствительно,—они могутъ это сдѣлать! Для государствовѣдѣнія и отдѣльныхъ его дисциплинъ нѣтъ надобности уклоняться въ сторону отъ того понятія о наукѣ, которое установлено Ньютономъ и Александромъ Гумбольдтомъ, Дарвиномъ и Геккелемъ, и которое теперь пользуется всеобщимъ признаніемъ.

Взглянемъ же поближе на это понятіе. Всякая наука, проникая въ извѣстную сумму эмпирическихъ фактовъ и положеній, является изслѣдованіемъ обнаруживающихся въ нихъ законовъ. Всякая наука, слѣдовательно, опирается на наблюденіе явленій, происходящихъ въ мірѣ, — въ природѣ и исторіи, и стремится раскрыть управляющіе ими законы. Установленія этихъ законовъ она достигаетъ посредствомъ логическихъ умозаключеній, при случаѣ же должна пользоваться также и гипотезами (а).

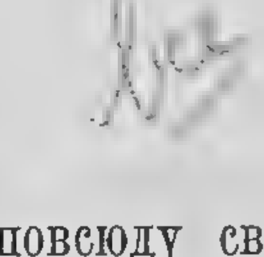
а) Для выясненія понятія о «наукѣ» приведемъ то мѣсто, въ которомъ Огюстъ Контъ говоритъ о своей «позитивной философіи»: «Высшее призваніе позитивной философіи—раскрывать законы феноменовъ; первый отличительный признакъ ея заключается именно въ томъ, что она считаетъ недоступными для человѣческаго разума всѣ тѣ величественныя тайны, которыя теологическая философія излагаетъ—напротивъ—со столь удивительною легкостью, входя въ мельчайшія ихъ детали». («Principes de philosophie positive», Paris 1868, p. 94)... «Наша интеллектуальная дѣятельность достаточно разжигалась силой истинной надежды—раскрыть законы феноменовъ»... (ib., p. 96). «... вотъ основное характерное свойство позитивной философіи: она считаетъ, что всякіе феномены, какъ подчиненные естественнымъ законамъ, неизмѣнны, и правильное раскрытіе ихъ является цѣлью всѣхъ нашихъ стремленій»... (ib. p. 98, 99).

Послѣ вышеизложеннаго взгляда Конта нельзя, конечно, усмотрѣть никакого прогресса въ ученіи Дильтея (Dilthey, «Einleitung in die Geisteswissenschaften». 1883, S. 5), опредѣляющаго науку, какъ такую «совокупность положеній, элементами которой являются понятія»; и словомъ «наука» онъ обозначаетъ «всякую

совокупность духовныхъ (?) явленій». — Разумѣется, опредѣленіе Конта гораздо яснѣе и не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ, въ то время какъ «духовныя явленія» Дильтея скорѣе затемняютъ понятіе науки, чѣмъ выясняютъ его (о Дильтеѣ см. ниже—§ 2 пунктъ b).

Гораздо понятнѣе выражается Масарикъ, видящій въ наукѣ «разумное пониманіе вещей, а также выясненіе этихъ послѣднихъ въ ихъ сосуществованіи и послѣдовательности». (Masaryk, «Versuch einer concreten Logik», Wien 1887).

§ 2.

Дуализмъ и монизмъ.

Натуралисты и адепты „точнаго“ знанія повсюду свято придерживаются такого пониманія науки; но не всегда, къ сожалѣнію, можно это наблюдать у государствовѣдовъ и ученыхъ юристовъ. Вѣдь эти послѣдніе издавна считаютъ, что государство и право—нѣчто совершенно иное, чѣмъ земля и планеты, чѣмъ животное и растеніе; они полагаютъ, что въ то время, какъ предметами естествознанія являются матеріальныя тѣла, произведенія природы,—что въ это самое время философія права и государства имѣетъ дѣло уже съ „духовными“ объектами, которые вовсе не продукты природы, а напротивъ того—произведенія человѣческой свободной воли. Отсюда выводили заключеніе, что точныя знанія—нѣчто совершенно иное, чѣмъ наука о „духовной“ природѣ человѣка („Geisteswissenschaft“), и что для этой послѣдней науки значеніе должны имѣть совсѣмъ иные правила и методы, чѣмъ для точной.

Не нужно теперь забывать, что это дуалистическое пониманіе и вытекающая изъ него двойственность наукъ коренятся въ томъ воззрѣніи, по которому природа противополагается духовной жизни. Такое пониманіе было вѣрнымъ выраженіемъ того дуализма, который проходитъ черезъ представленія всѣхъ временъ и народовъ и только лишь въ наши дни начинаетъ отступать передъ монизмомъ (a).

Двà разобщеныхъ міра зналъ раньше человѣческій умъ: матеріальный и духовный. Природа и духъ, какъ враги, стояли другъ противъ друга. Моста не было и пропасть зіяла между этими двумя великими сферами человѣческаго изслѣдованія. Не удивительно, что и наука разбилась на двѣ, враждебно одна противъ другой стоя-

щія области — „естественныхъ“ и „моральныхъ“ наукъ или наукъ о духовной природѣ человѣка. Теперь это старое дѣленіе разбито и уже не можетъ притязать на существенное значеніе.

Какъ природа и разумъ проникаютъ взаимно другъ въ друга,— точно такъ же всякая естественная наука въ науку о „духовныхъ“ явленіяхъ, а эта послѣдняя—въ естественную. Понятіе науки, какъ мы его выше изложили, относится теперь ко всѣмъ ея областямъ; оно вездѣ остается однимъ и тѣмъ же.

Ничего въ этомъ понятіи не мѣняется, — безразлично, вращается ли испытующій умъ человѣка въ области природы, или же въ сферѣ исторіи и человѣческаго общества.

Когда натуралистъ изслѣдуетъ явленія природы, онъ систематизируетъ ихъ и этимъ путемъ старается раскрывать управляющіе ими таинственные законы. Точно такую же задачу имѣетъ теперь передъ собой историкъ, политикъ и философъ права. Онъ долженъ наблюдать явленія исторіи, государственной и правовой жизни, долженъ классифицировать эти явленія и изслѣдовать таинственные законы ихъ развитія. Данная задача имѣетъ двойную аналогію со сферой дѣятельности натуралиста: вѣдь—во-первыхъ—явленія эти изображаютъ извѣстную сторону природы, какъ жизни человѣческой, при чемъ—во-вторыхъ — пріемомъ изслѣдованія служитъ одинъ и тотъ же научный методъ.

Возраженіе, будто историческія, государственныя и правовыя явленія зависятъ отъ воли и произвола человѣка и поэтому не подлежатъ „точному“ изслѣдованію,—такое возраженіе теперь ужъ не выдерживаетъ критики. По примѣру Шопенгауера и Букле, благодаря огромнымъ успѣхамъ статистики, въ настоящее время знаютъ, что и всѣ эти явленія, которыя происхожденіемъ своимъ обязаны будто-бы лишь „свободной волѣ“ человѣка,—что всѣ они при своемъ вступленіи въ жизнь, при существованіи, при развитіи и при отходѣ въ вѣчность повинуются извѣстнымъ всесильнымъ законамъ, обнаруживаютъ неизмѣнный прочный порядокъ. Такое пониманіе,— а правильность его не подлежитъ никакому сомнѣнію,— должно теперь въ свою очередь привести къ тому, чтобы разсматривать право и государство,—эти произведенія и сферы яко-бы „свободной человѣческой дѣятельности и произвола“,—чтобы тѣмъ не менѣе разсматривать ихъ, какъ естественныя явленія, существованіе и развитіе которыхъ зависятъ отъ высшихъ законовъ и обнаруживаютъ незыблемый порядокъ. И вотъ, государство и право

перестаютъ быть продуктами человѣческаго произвола; они поднимаются въ высшую сферу, въ которую, соединяясь другъ съ другомъ, вливаются безчисленные акты человѣческой воли, но гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ надъ всѣмъ этимъ потокомъ человѣческихъ волеизліяній господствуютъ особые законы. Вотъ это—сфера естественныхъ явленій; она, правда, соприкасается съ человѣческимъ произволомъ, однако лишь съ виду подчинена ему, на самомъ же дѣлѣ недоступна. Къ сферѣ этой принадлежатъ государство и право, а слѣдовательно они должны быть разсматриваемы и изслѣдуемы такъ же, какъ и другія естественныя явленія (b, c, d, e).

a) Справедливо замѣчаетъ Давидъ Фридрихъ Штрауссъ («Der alte und der neue Glaube» 1872, S. 211), что дуализмъ и монизмъ ни въ коемъ случаѣ нельзя смѣшивать съ идеализмомъ и матеріализмомъ. Напротивъ, какъ матеріализмъ, такъ и идеализмъ «непримиримые враги дуализма», какъ міровоззрѣнія, «раздваивающаго человѣка на тѣло и душу, раздѣляющаго его существо на временное и вѣчное и противопоставляющаго бренному міру—вѣчнаго Бога-Творца. Съ дуалистическимъ міровоззрѣніемъ не сходятся ни матеріализмъ, ни идеализмъ, которые, стоя на почвѣ монизма, стремятся объяснить всѣ явленія однимъ принципомъ, стараются представить себѣ міръ и жизнь, какъ нѣчто цѣльное. При этомъ одна теорія витаетъ вверху, а другая остается внизу: идеалистическая слагаетъ все изъ представленій и идейныхъ силъ, матеріалистическая же—изъ атомовъ и силы ихъ. Но для того, чтобы данныя теоріи удовлетворяли своей задачѣ, одну изъ нихъ нужно свести съ ея недосягаемости до самыхъ низшихъ естественныхъ сферъ, нужно при этомъ путемъ тщательныхъ наблюденій провѣрить ее,—другой же (матеріалистической) слѣдуетъ принять въ соображеніе также высшія духовныя и нравственныя проблемы и постараться разрѣшить ихъ».

b) «Попытка» берлинскаго академика и профессора философіи Дильтея создать новое «основаніе для изученія общества и исторіи» совершенно неудачна; въ своемъ трудѣ—«Einleitung in die Geisteswissenschaften» (1883) онъ хочетъ установить науку о духовныхъ явленіяхъ, какъ «самостоятельное цѣлое, на ряду съ естественной». Конечно, намѣреніе его—«уладить споръ между исторической школой и отвлеченными теоріями»—можетъ быть похвально. Однакоже исходная точка зрѣнія и направленіе, которыхъ придерживается Дильтей, ведутъ его къ игнорированію всѣми пріобрѣтеніями исторической школы и ставятъ на ложный путь «отвлеченныхъ теорій». Вѣдь вмѣсто того, чтобы при наблюденіи фактовъ держаться направленія, протореннаго исторической школой, и дополнять его добытыми между тѣмъ естественно-научными, въ особенности же антропологическими и этнологическими знаніями,—вмѣсто этого

Дильтей остановился «на внутреннемъ (!) опытѣ, на фактахъ сознанія», думая найти здѣсь «прочную основу» для своихъ разсужденій.

Это уклоненіе отъ исторической школы Дильтей хочетъ софистически обосновать тѣмъ, что, исходя изъ принципа,—«всякая наука покоится на опытѣ»,—разъясняетъ данное положеніе слѣдующимъ образомъ: «всякій опытъ основу и отсюда опредѣленную силу свою находитъ лишь въ условіяхъ нашего сознанія»; принципъ искаженъ до неузнаваемости; въ нашемъ «представленіи о всей природѣ, какъ въ пустомъ призракѣ», Дильтей не признаетъ никакой реальности,—реальными же напротивъ считаетъ лишь «покоющіеся на внутреннемъ опытѣ факты нашего сознанія». Отсюда онъ заключаетъ, что «анализъ этихъ (внутреннихъ) фактовъ является центромъ наукъ о духовныхъ явленіяхъ и, соотвѣтственно (?) духу исторической школы, остается познаніемъ принциповъ духовнаго міра въ предѣлахъ этого послѣдняго; и такимъ образомъ духовныя науки составляютъ систему» (S. XVII). Слѣдовательно, Дильтей какъ бы снова направилъ ихъ по пути старой метафизики и гегеліанской діалектики, чтò собственно и было его цѣлью.

Аргументація Дильтея сводится къ совершенно ложнымъ заключеніямъ. Вѣдь прежде всего нелогично отставлять въ сторону наблюденіе внѣшнихъ фактовъ подъ тѣмъ предлогомъ, что «всякій опытъ... имѣетъ опредѣленную силу лишь въ нашемъ сознаніи», т. е., что «наше представленіе о всей природѣ оказывается лишь тѣнью, которую бросаетъ скрытая для насъ дѣйствительность». Само собой разумѣется, что мы, люди «всю природу», всѣ внѣшнія явленія познаемъ только лишь въ зеркалѣ нашего человѣческаго интеллекта,—да иначе и быть не можетъ. Внѣшнія явленія и вся природа имѣютъ для насъ смыслъ лишь постольку, поскольку они отражаются въ нормальномъ человѣческомъ разсудкѣ Думать же о «скрытой дѣйствительности» («verborgene Wirklichkeit»), объ этой кантовской «вещи въ себѣ» («Ding an sich»)—положительно безуміе. Вѣдь, конечно, для насъ, познающихъ все человѣчески-интеллектуально, «вещь въ себѣ» вовсе не существуетъ, и для людей нормальныхъ она не представляетъ уже никакого интереса.

Далѣе «самостоятельность» «наукъ о духовныхъ явленіяхъ» («Geisteswissenschaften») Дильтей хочетъ мотивировать тѣмъ, что на выше указанномъ основаніи ограничиваетъ ихъ «анализомъ внутреннихъ фактовъ»; но тутъ опять-таки невозможно усматривать предѣлъ между естественными науками и науками о духовной природѣ человѣка,—вѣдь и тѣ факты, которые наблюдались Ньютономъ, Дарвиномъ и Геккелемъ, являются тоже лишь «внутренними», такъ какъ и величайшіе натуралисты познаютъ только при помощи человѣческаго интеллекта и видятъ также лишь «тѣнь, отбрасываемую (на нашъ духъ) скрытою дѣйствительностью». Затѣмъ, какъ естественная наука, такъ и наука о духовныхъ явленіяхъ оперируютъ надъ однимъ и тѣмъ же объектомъ, а именно—надъ «тѣнью» при-

роды, надъ пустымъ призракомъ пресловутой «вещи въ себѣ»; и такимъ образомъ перегородка, воздвигнутая Дильтеемъ между этими двумя отдѣлами науки, оказывается излишней.

Гегеліанство въ томъ или иномъ видѣ, кажется, вошло въ традицію берлинской кафедры философіи.

Впрочемъ, съ «попыткой» своей Дильтей остановился на первомъ томѣ, что̀ предохранило его отъ дальнѣйшихъ заблужденій.

c) На существенное сходство между естественной наукой и наукой о духовныхъ явленіяхъ указываетъ между прочимъ Hippolite Taine. Вотъ что онъ говоритъ: «.... on permettra à un historien d'agir en naturaliste; j'étais devant mon sujet comme devant la metamorphose d'un insecte» («Origines de la France moderne» I. V.).

d) Вотъ какъ выражается Фридрихъ Мюллеръ относительно кажущагося различія между естественными и гуманитарными науками, при существенномъ сходствѣ ихъ предмета, т. е. природы: «Извѣстно, что человѣкъ, какъ отдѣльная особь, ... является объектомъ естествовѣдѣнія; съ другой же стороны, какъ членъ духовнаго общенія, въ отношеніи своихъ поступковъ онъ входитъ въ область историческихъ и, слѣдовательно, гуманитарныхъ наукъ. Нельзя отрицать, что тѣ законы, по которымъ въ послѣднемъ случаѣ дѣйствуетъ человѣкъ, такъ-же строги и неизмѣнны, какъ и законы въ первой категоріи явленій; и, слѣдовательно, нельзя оспаривать, что въ этомъ смыслѣ между обѣими данными категоріями нѣтъ собственно никакой противоположности; но все-таки тутъ сохраняется нѣкоторое существенное (?) различіе, а именно: происходящее въ первой категоріи сводится къ естественнымъ причинамъ, въ которыхъ моральная сторона человѣка не играетъ никакой роли, между тѣмъ какъ происходящее въ послѣдней категоріи зависитъ отъ такихъ причинъ, которыя лежатъ въ самомъ человѣкѣ, какъ моральной личности. Итакъ, природа въ первомъ случаѣ дѣйствуетъ непосредственно, въ послѣднемъ же—косвенно,—черезъ человѣка; вотъ поэтому-то и законы въ первомъ случаѣ представляются столь простыми (?) и опредѣленными, въ послѣднемъ-же наоборотъ—настолько запутанными и безпорядочными, что многіе видятъ во второй категоріи не законъ, а только лишь произволъ и случай». («Einleitung in die Sprachwissenschaft». 1876, I, 11).

e) «Направленіе современнаго мышленія, несомнѣнно, клонится къ монизму. Что же касается до дуализма, то,—будь это противоположеніемъ духа природѣ, содержанія формѣ, существа явленію, да и вообще, какъ бы мы его ни понимали,—во всякомъ случаѣ при теперешнихъ естественно-научныхъ взглядахъ онъ представляетъ изъ себя совершенно разбитую точку зрѣнія. Для этихъ современныхъ знаній нѣтъ никакой матеріи безъ духа (т. е. безъ опредѣляющей ее необходимости), а равнымъ образомъ—и духа безъ матеріи. Или вѣрнѣе—нѣтъ ни духа, ни матеріи въ обычномъ смыслѣ, но существуетъ одно лишь—оба они вмѣстѣ. Обвинять въ матеріализмѣ дан-

ное, на наблюденіяхъ построенное воззрѣніе было бы столь же неправильно, какъ еслибы кто-нибудь вздумалъ уличать его въ спиритуализмѣ». Вотъ что̀ говоритъ Августъ Шлейхеръ въ своемъ посланіи къ Геккелю, озаглавленномъ—«Die Darwin'sche Theorie und die Sprachwissenschaft» (1863); Геккель, будучи согласенъ съ этими словами, цитируетъ ихъ въ своей Общей Морфологіи (Generelle Morphologie. 1866, I, 105).

§ 3.

Методъ государственной науки.

Наблюденіе и изслѣдованіе естественныхъ явленій въ области государственной и правовой жизни—вотъ предметъ государствовѣдѣнія, предметъ, въ сущности сходный съ объектами всѣхъ другихъ „точныхъ“ наукъ. Сходство въ предметѣ, разумѣется, приводитъ и къ примѣненію одного и того же метода, а именно—индукціи.

Итакъ, на государственную науку мы смотримъ совершенно иначе, чѣмъ это дѣлала до сихъ поръ бо̀льшая часть государствовѣдовъ и философовъ права. Вѣдь то, что̀ они предлагали намъ, какъ „философію права и государства“, а равнымъ образомъ какъ „общее или философское государственное право“,—ученія эти по большей части являлись системами логическихъ выводовъ изъ произвольнаго, a priori взятаго принципа,—изъ какой-нибудь „идеи“. Не на эмпирически установленныхъ фактахъ, не на объективномъ наблюденіи естественныхъ явленій въ государствѣ и обществѣ, не на этихъ положительныхъ данныхъ основывали они свои ученія, а напротивъ — на хитросплетеніи философскихъ принциповъ и „истинъ“. При этомъ методомъ у нихъ служила не индукція, исходящая изъ конкретныхъ фактовъ и со времени Бэкона получившая въ естественныхъ наукахъ исключительное примѣненіе. Въ то время, какъ, благодаря индуктивному методу, естествознаніе достигло огромныхъ успѣховъ,—государствовѣды и философы права въ области „гуманитарныхъ наукъ“ самоувѣренно считали возможнымъ обойтись безъ него и полагали, что слѣдуетъ пользоваться одной лишь дедукціей, исходящей изъ апріорныхъ принциповъ. Вотъ, этотъ-то именно особый способъ изслѣдованія и долженъ былъ

образовать главное различіе между „естественными“ науками и науками о „духовныхъ“ явленіяхъ.

Ложное понятіе о „наукѣ“ вмѣстѣ съ дедуктивнымъ методомъ привели теперь къ тому, что теряющіеся во все болѣе и болѣе поверхностныхъ абстракціяхъ государствовѣды и философы права окончательно утратили всякое къ себѣ довѣріе; и вотъ лучшіе юристы теперь сомнѣваются въ будущности этихъ двухъ отраслей знанія,— въ будущности юридической и государственной наукъ.

Эти, къ сожалѣнію, весьма основательныя сомнѣнія будутъ разсѣяны лишь тогда, когда вѣрный индуктивный методъ вмѣстѣ съ правильнымъ понятіемъ о „наукѣ“ получатъ доступъ въ данную область. Вѣдь ученіе о государствѣ и философія права ни въ коемъ случаѣ не предназначены для безплодной діалектики, — нѣтъ, передъ ними лежитъ широкій путь науки, широкій путь эмпирическихъ наблюденій и изслѣдованій. По этой дорогѣ шли даже многіе романисты и германисты, этотъ путь былъ указанъ чуткимъ инстинктомъ исторической школы (a). Велика область соціальныхъ явленій, образующихъ предметъ государствовѣдѣнія: она широко раскинулась передъ нами—въ исторіи государственной и правовой жизни народовъ, въ этнографическихъ и этнологическихъ изслѣдованіяхъ ихъ состоянія, нравовъ и обычаевъ. Слѣдуетъ воспринимать вещи въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существуютъ,—безъ выдумокъ и безъ прикрасъ; нужно брать не болѣе, чѣмъ предлагаетъ намъ исторія, нужно стараться придерживаться фактовъ и дѣйствительности,—и вотъ тогда безъ затрудненій можно будетъ воздвигнуть поистинѣ научное строеніе общаго государственнаго права (b).

a) Въ «Jenauer Literatur-Zeitung» (1876, № 33) Мейеръ (H. G. Meyer) справедливо замѣчаетъ по моему адресу, что «индуктивный методъ государственной науки долженъ являться историческимъ». Но одного лишь историческаго направленія еще недостаточно. Государствовѣдѣніе кромѣ результатовъ историческаго изслѣдованія должно также принимать въ соображеніе этнографическія и доисторическія (prähistorische) изысканія и считаться съ ними. Историческая школа упустила изъ виду данное обстоятельство, да отчасти она и не въ состояніи была этого сдѣлать. Но теперешнее огромное развитіе такихъ вспомогательныхъ для государствовѣдѣнія наукъ, какъ этнографія, доисторическая (prähistorische) антропологія и др., даетъ намъ возможность примѣнять къ государственной наукѣ индуктивный методъ съ гораздо большимъ успѣхомъ, чѣмъ это могло быть сдѣлано «историческимъ направленіемъ».

Въ своемъ «государственномъ правѣ» Цэпфль (Zöpfl) какъ будто указываетъ на вѣрный историческій индуктивный методъ. Вотъ его слова: «Если мы хотимъ достичь практическихъ познаній относительно существа государства, то нужно исходить изъ историческаго его проявленія—изъ факта—и отсюда уже слѣдуетъ направляться къ той идеѣ (къ разумной мысли), которая лежитъ въ основѣ государства» («Grundsätze d. allg. Staatsr.», S. 1). Къ сожалѣнію, однако и Цэпфль не соблюдалъ этого правильнаго метода, при примѣненіи котораго прежде всего, конечно, пришлось бы изслѣдовать дѣйствительное происхожденіе государства, о чемъ въ государственной наукѣ до сихъ поръ почти не было и рѣчи. Подъ «историческимъ проявленіемъ» и подъ «фактомъ» Цэпфль, конечно, разумѣетъ только фактъ существованія (Bestandes) государства и отсюда желаетъ исходить. Въ этомъ ошибка Цэпфля. Исходя изъ одного лишь факта существованія государства, не добраться до «идеи» его. Только разсмотрѣвъ съ естественно-научной точки зрѣнія дѣйствительный способъ возникновенія, генезисъ и развитіе государства,—лишь послѣ этого можно прійти къ истинной идеѣ, т. е. къ познанію сущности (des Wesens) государства.

b) Съ тѣхъ поръ, какъ появилось вышеприведенное замѣчаніе Мейера (1876 г.), я въ цѣломъ рядѣ трактатовъ[1]) сдѣлалъ государство и соціальное развитіе предметомъ тщательнаго изслѣдованія, при чемъ для проведенія своей программы прибѣгалъ къ помощи богатыхъ успѣховъ этнологіи, пользовался изысканіями относительно доисторическихъ временъ, антропологіей и больше всего исторіей. Изслѣдованія эти я назвалъ соціологическими, а примѣненный мною въ данной области индуктивный методъ является,—точнѣе выражаясь,—также соціологическимъ. И вотъ, за это юристы «вѣнской школы» (Грюнгутъ и его приверженцы) объявили форменный походъ противъ моей «соціологіи», которую они были такъ любезны назвать «нигилизмомъ» и «пропагандой дѣла». Съ другой же стороны, напротивъ, мнѣ весьма отрадно, что глубочайшій австрійскій мыслитель Густавъ Ратценгоферъ (не юристъ и не профессоръ) въ замѣчательномъ своемъ сочиненіи—«Wesen und Zweck der Politik»—открыто призналъ соціологическій методъ и при помощи него достигъ неподражаемаго успѣха въ области теоріи политики. Наконецъ съ особеннымъ удовольствіемъ позволю себѣ упомянуть здѣсь Вильгельма Вундта (имѣющаго, конечно, большее значеніе, чѣмъ государствовѣды—юристы «вѣнской школы» вмѣстѣ съ ихъ корифеемъ Грюнгутомъ); въ своей «Logik» (1895, B. II, S. 498), послѣ тщательной оцѣнки соціологическаго метода въ государственной наукѣ, Вундтъ высказываетъ взглядъ, что данному методу «принадлежитъ будущность преимущественно передъ всѣми другими».

[1]) «Rechtsstaat und Socialismus» 1881; «Der Rassenkampf» sociologische Untersuchungen 1883; «Grundriss der Sociologie» 1885; «Sociologie und Politik» 1892; «Die Sociologische Staatsidee» 1892.

§ 4.

Задача государственной науки.

Государствовѣдѣніе до сихъ поръ чаще всего понимали, какъ тенденціозную науку. Въ зависимости отъ точки зрѣнія авторовъ оно должно было соотвѣтствовать той или иной ясно преднамѣченной цѣли,—должно было оправдывать данный государственный порядокъ или же опровергать его и рекомендовать другой. Итакъ государственной наукѣ приходилось служить средствомъ, употреблявшимся для извѣстной цѣли. Но наука имѣетъ цѣль въ самой себѣ; поэтому, когда государствовѣдѣніе выставляютъ, какъ средство, то этимъ унижаютъ престижъ науки. Мы же вовсе не считаемъ задачей государствовѣдѣнія — защищать данный правопорядокъ (вѣдь, если онъ нормаленъ и согласенъ съ естественными законами, то и не нуждается въ такой защитѣ) и не добиваемся никакого идеальнаго строя. Мы хотимъ лишь познать, какія естественныя силы произвели человѣческое сосуществованіе въ государствѣ и какія управляютъ имъ. Мы хотимъ изучить законы, руководящіе развитіемъ этихъ государственныхъ отношеній; хотимъ познать ту единую великую „волю", которая—высоко надъ всякимъ человѣческимъ произволомъ и надъ злополучіемъ индивидуальной воли — съ естественной необходимостью установляетъ и регулируетъ человѣческое сосуществованіе въ государствѣ. И вотъ, если мы познаемъ дѣйствіе этой „воли", если разгадаемъ ея направленіе,—тогда достигнемъ высшей цѣли, до какой только можетъ дойти человѣческій умъ (а).

а) «Всякая дѣйствительная наука изслѣдуетъ абсолютныя истины»,—такъ совершенно вѣрно говоритъ юристъ Шлоссманнъ (Vertrag, S. 190).

Вопросъ лишь въ томъ,—что̀ юристы понимаютъ подъ словомъ «истина» («Wahrheit»)? Я, помнится, какъ-то прочелъ во введеніи къ одной системѣ гражданскаго права, что «частное право должно являться совокупностью истинъ». Глубокомысленный юристъ, очевидно, полагалъ, что такія законодательныя постановленія, — какъ, напр.: должникъ обязанъ платить кредитору 6% за неустойку (Verzugszinsen) или супругъ является «главою семьи»,—должны быть «абсолютными истинами».

§ 5.

Значеніе государственной науки.

Часто бываетъ, что предлагающіе какое-нибудь ученіе превозносятъ его, какъ-будто съ ученіемъ этимъ не можетъ сравниться никакая другая наука. Мы не намѣрены здѣсь этимъ заниматься. Всѣ науки одинаково важны, и съ научной точки зрѣнія одна не можетъ быть важнѣе другой.

Трактуя же здѣсь о „значеніи“ („Wichtigkeit“) своего предмета, мы желаемъ лишь выяснить роль его въ политической жизни народовъ. И, разумѣется, въ такомъ спеціальномъ отношеніи одна наука можетъ быть бо̀льшей, а другая мѐньшей важности.

Пока недостаточно ясно еще сознаютъ, сколь глубокое вліяніе оказываетъ государственная наука на практическую политику, на жизнь и развитіе государства, на измѣненія и перевороты въ государственномъ строѣ. А однако,— если взглянуть на исторію данной науки и параллельно съ этимъ прослѣдить за развитіемъ политическихъ отношеній, то совершенно ясно можно будетъ замѣтить это вліяніе. Конечно, государственная наука является дочерью практической политики и исторіи государствъ,—но все-таки она даетъ этимъ послѣднимъ не меньше, чѣмъ получаетъ отъ нихъ.

Какъ зароненныя въ землю сѣмена даютъ урожай, такъ корень, пущенный практической политикой и историческимъ развитіемъ, пышно разростается, благодаря государственной наукѣ, которая сильно укрѣпляетъ его, развиваетъ и затѣмъ снова пускаетъ въ потокъ исторіи.

Возьмемъ (государственно—и естественно-правовые) принципы свободы, равенства и братства. Не являлись ли они въ сущности достояніемъ государствовѣдѣнія? А эти-то именно принципы и раздули то неукротимое пламя французской революціи, благодаря которому въ Европѣ уничтоженъ средневѣковый государственный режимъ.

Не принадлежала ли къ государствовѣдѣнію та идея „единства“, которая зажигательной искрой прежде всего заблистала въ рѣчахъ Фихте и воспламенила умы? Не гегелевскимъ ли государственно-философскимъ ученіемъ была та идея о проявившемся въ нѣмец-

кой націи міровомъ духѣ, которая на всѣ части Германіи распространила пламя національнаго воодушевленія и способствовала политическому движенію, окончившемуся объединеніемъ Германіи, присоединеніемъ Шлезвигъ-Голштиніи и лѣваго берега Рейна? И, если разсмотримъ причины тѣхъ великихъ политическихъ движеній, которыя подъ знаменемъ національности происходили на востокѣ Европы, которыя на Бугѣ и Вислѣ потребовали столько кровопролитныхъ жертвъ и предали въ руки палача цѣлыя человѣческія поколѣнія, — если вглядимся въ данныя движенія, то съ удивленіемъ замѣтимъ, что и тутъ была извѣстная государственно-правовая идея, которая впервые высказана на Вѣнскомъ конгрессѣ и съ тѣхъ поръ дала просторъ неизвѣстнымъ раньше политическимъ страстямъ; она вызвала стремленія, совершенно непонятныя прежнимъ поколѣніямъ, теперь же принесшія горе для милліоновъ людей. Эта послѣдняя идея называется „правомъ національности“ („Nationalitätenrecht“) (a).

Всѣ подобныя идеи являются теперь дѣтищами политической философіи и государствовѣдѣнія. Это такія понятія, которыя наука лелѣетъ и развиваетъ, пока они не пріобрѣтаютъ государственно-преобразовательной силы.

Но корень этихъ идей и понятій лежалъ, конечно, въ фактахъ. Вотъ тутъ-то и обнаруживается характерное для науки, живое взаимодѣйствіе между фактомъ и идеей (b). И въ государствовѣдѣніи больше, чѣмъ въ какой-либо другой области, проявляется это вѣчно возобновляющееся оплодотвореніе идеи фактомъ, и обратно—ускореніе факта при помощи идеи. Вотъ гдѣ лежитъ практическое значеніе государственной науки и огромная роль ея въ политической жизни народовъ. Государствовѣдѣніе представляетъ изъ себя какъ бы громадную мастерскую, гдѣ обрабатывается тотъ матеріалъ, изъ котораго потомъ вовлеченныя въ политическую борьбу партіи выковываютъ себѣ оружіе.

Непосредственнаго же участія въ этой борьбѣ государственная наука не принимаетъ. Ей принадлежитъ лишь прошлое,—то, что̀ выступаетъ передъ ней, какъ уже вполнѣ законченное явленіе. Наоборотъ, — что̀ еще подвержено измѣнчивому счастью борьбы, что̀ еще относится къ злобѣ дня, — на все это государственная наука составленными ею понятіями и ученіями оказываетъ, конечно, лишь косвенное вліяніе, непосредственно же сюда она не вторгается. Наука далека отъ злободневной политики.

Когда мы такимъ образомъ представили себѣ значеніе государственной науки,—то отсюда сама собою вытекаетъ ея польза. Основательное знакомство съ ученіями этой науки даетъ намъ возможность оцѣнить по достоинству относящіяся къ данной области понятія и идеи. Такимъ образомъ противъ политическихъ лозунговъ можно выставить безпристрастное изслѣдованіе; и вотъ твердо и непоколебимо стоимъ мы среди бушующаго потока политическихъ фразъ.

Основательное изученіе государственной науки будущему общественному дѣятелю и народному представителю дастъ возможность идеями и знаніями побороть политическіе лозунги и громкія фразы.

Мы живемъ во время борьбы, ведомой съ помощью умственнаго оружія, силою котораго одерживаются блистательнѣйшія побѣды. Государственная наука, хотя она и далека отъ борьбы, во всякомъ случаѣ доставляетъ матеріалъ для этого умственнаго вооруженія,—и вотъ тутъ ея практическая польза (с).

а) Можетъ показаться, будто мы здѣсь одно и то же обстоятельство, одну и ту же государственно-правовую идею называемъ двумя отдѣльными именами,—по отношенію къ Германіи отмѣчая ее, какъ идею «единства», по отношенію же къ Польшѣ,—какъ идею «національности». Но это не такъ. Были, да отчасти и теперь еще существуютъ двѣ различныя государственно-правовыя идеи, то здѣсь, то тамъ проявляющіяся.

Въ Германіи создалось представленіе, что неумѣстна многочисленность государствъ, имѣющихъ одинаковое въ національномъ отношеніи населеніе, что, наоборотъ, эти многія государства съ національносходнымъ населеніемъ должны образовать единое государство. Идею эту обыкновенно называли идеей національнаго единства; точно такъ же поступаемъ теперь и мы.

Совершенно иная государственно-правовая идея волновала польскую націю; а именно,—тутъ дѣйствовалъ взглядъ, что каждая нація имѣетъ право на собственное національное правительство и, конечно, не должна покоряться ни передъ какимъ «чужимъ» правленіемъ.

Вотъ какія замѣчанія я считаю нужнымъ здѣсь привести для обоснованія вышеуказаннаго различія. Они имѣютъ лишь предварительный характеръ. Дальнѣйшая же, подробная разработка даннаго вопроса помѣщена ниже—въ V-ой главѣ.

b) Въ этомъ взаимодѣйствіи между фактомъ и идеей и заключается секретъ всякаго развитія, происходящаго въ жизни и наукѣ. Это—простой законъ, съ величественнымъ проявленіемъ котораго мы повсюду встрѣчаемся. Фактъ производитъ извѣстное впечатлѣніе на человѣческую психику, эластичность которой, усиливъ данное впе-

чатлѣніе, пускаетъ его, какъ двигательную силу, обратно въ област фактовъ. Эта эластичность нашей психики приводитъ къ тому, что выходящая изъ нея двигательная сила по большей части перелетаетъ черезъ свою цѣль и требуетъ здѣсь фактической поправки, для того чтобы развитіе человѣческихъ отношеній шло правильнымъ путемъ. Этотъ простой законъ постоянно слѣдуетъ имѣть въ виду, если мы желаемъ вѣрно понимать сущность политическаго развитія.

c) Совершенно справедливо замѣчаетъ Гольтцендорфъ: «Идеи служатъ въ высшей степени важными проявленіями государственной жизни, а поэтому игнорированіе ими указываетъ на величайшее политическое невѣжество» («Principien der Politik», S. 15). Въ своемъ сочиненіи, трактующемъ о «философіи и политикѣ» («Welt- und Staatsweisheit») Ласкеръ изображаетъ взаимодѣйствіе между «господствомъ ученій и положеніемъ государственнаго устройства». «Въ великихъ эпохахъ», говоритъ онъ (S. 27), «можно узнать двигательную силу идеи. Цѣлые народы,—властвующіе и подвластные силою слова и ученія приводятся къ рѣшительному образу дѣйствія».

§ 6.

Трудность государственной науки.

Трудность государствовѣдѣнія и особенно общаго государственнаго права заключается вовсе не въ огромномъ количествѣ матеріала. Овладѣть этимъ послѣднимъ государствовѣду помогаютъ историки всѣхъ временъ и народовъ. У нихъ мы въ изобиліи находимъ замѣтки, касающіяся государственнаго права. Излагая исторію государствъ и народовъ, они, подъ-часъ сами того не замѣчая, даютъ намъ массу интересующаго насъ матеріала.

Правда, въ большинствѣ случаевъ историки повѣствуютъ главнымъ образомъ объ участи государей, о войнахъ и ихъ перемѣнномъ счастьѣ,—однако давно уже междуусобицы и государственные перевороты становятся излюбленнымъ предметомъ историческаго изложенія. И вотъ, даже у самыхъ черствыхъ историковъ, — у тѣхъ, которые весьма мало интересуются политическимъ устройствомъ,—и у этихъ иногда мы находимъ важныя сообщенія относительно государственныхъ установленій. Другіе же, напротивъ, съ особеннымъ или даже съ исключительнымъ вниманіемъ останавливаются на внутреннихъ государственныхъ событіяхъ,—на борьбѣ

партій и на различныхъ политическихъ компромиссахъ. Итакъ, добываніе матеріала причиняетъ государствовѣду меньше всего труда и заботъ.

Трудность его задачи, напротивъ, въ обманчивости этого матеріала. Нигдѣ, — по тѣмъ или инымъ причинамъ, — не было столько скрытаго и неяснаго, какъ въ государственныхъ дѣлахъ; нигдѣ не дѣлается столько для виду, какъ въ публичномъ и международномъ правѣ; нигдѣ не было столько лжи, не высказано и не написано столько разсчитаннаго прямо на обманъ, какъ въ данной области; нигдѣ не сдѣлано столько въ пользу условности, а также не разыграно столько умышленныхъ комедій, какъ здѣсь.

Вотъ въ чемъ большое затрудненіе для государствовѣда. Довѣрять онъ долженъ только фактамъ; къ внѣшнему же виду государственной жизни слѣдуетъ относиться въ высшей степени скептически. Государствовѣдъ всегда долженъ имѣть въ виду, что внѣшнія формы государственнаго права по большей части устанавливаются съ цѣлью сокрытія дѣйствительнаго существа его; и слѣдуетъ помнить, что эти формы весьма затрудняютъ познаніе сущности государственнаго права.

Записанное государственное право почти всегда является соглашеніемъ между двумя или нѣсколькими борющимися изъ-за власти и преимущества партіями. При этомъ вполнѣ естественно, что одна партія постоянно норовитъ обмануть другую. Государственное право, какъ выраженіе заключеннаго наконецъ примиренія, носитъ на себѣ духовный отпечатокъ сильнѣйшей партіи, которая тутъ входитъ въ соглашеніе съ болѣе слабой. Но здѣсь происходитъ, что сильнѣйшая партія всегда маскируется и показываетъ видъ, будто-бы она даетъ слабѣйшей гораздо больше, чѣмъ дѣлаетъ это на самомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ возникаетъ государственное право, которое всегда больше умалчиваетъ, чѣмъ выражаетъ; больше скрываетъ, чѣмъ раскрываетъ; больше обѣщаетъ, чѣмъ исполняетъ; хвастаетъ тѣмъ, чего въ дѣйствительности не заключаетъ въ себѣ (a).

Но при всемъ этомъ существуетъ нѣчто еще худшее. Записанное государственное право вовсе еще не прекращаетъ борьбы партій; оно ни въ коемъ случаѣ не ознаменовываетъ собою окончанія ея, а указываетъ лишь на нѣкоторое затишье; это — перемиріе, которое постоянно нарушается, такъ какъ въ моментъже ратификаціи его условій борьба снова начинается. Отсюда слѣдуетъ, что всякое записанное государственное право является всегда

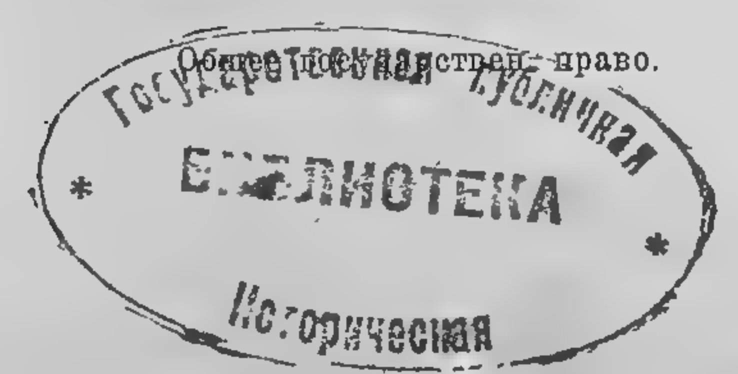
уже въ значительной мѣрѣ устарѣлымъ и отжившимъ и представляетъ собою какой-то остатокъ, имѣющій тенденцію переживать самого себя.)

И вотъ, общее государственное право, предметомъ котораго является государство и его право, должно считаться со всѣми этими обстоятельствами. Оно не должно поддаваться обманчивому виду формы, не должно допускать себя до ослѣпленія мишурой. Для того, чтобы понять сущность отношеній, государствовѣду слѣдуетъ всмотрѣться въ замаскированное и скрытое содержаніе,—въ самый корень вещей. Наука никогда не должна считать существующими такія обстоятельства, которыя, будучи преходящими, разсѣялись; однимъ словомъ, общее государственное право во всѣхъ этихъ формахъ должно схватывать лишь существенныя черты, сохраняющіяся при непрерывныхъ измѣненіяхъ.

а) Относительно способа возникновенія древнѣйшаго римскаго государственнаго права знаменитый романистъ Густавъ Demelius говоритъ слѣдующее: «.... такъ и древнѣйшіе публичноправные законы (leges publicae) были не чѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ согласія со стороны народа на извѣстныя, предложенныя ему соціально-правовыя положенія. Что касается до lex curiata de imperio [1]) и до власти сената (auctoritas patrum) при избираніи царя, — то здѣсь никто не станетъ въ этомъ сомнѣваться. И, если въ такъ наз. lex tribunicia Брута есть нѣчто историческое,—въ такомъ случаѣ данный законъ также былъ lex curiata de imperio. Охранялся новый порядокъ клятвой народа. Самые важные законы въ древнѣйшее время были leges sacratae,—законы, которые, являясь въ формѣ договора (foedus) между патриціями и плебеями, скрѣплялись клятвой и такимъ образомъ выходили при содѣйствіи жрецовъ» (Gustav Demelius—«Die Rechtsfiction in ihrer geschichtlichen und dogmatischen Bedeutung», Weimar 1858).

Средневѣковые законы часто называются договорами (pacta), такъ напр.—pactum Bajuvarorum; основой польскаго государственнаго права были заключенные между «республикой» и королемъ «pacta conventa». О заключающемся въ англійскихъ «хартіяхъ» государственномъ правѣ Гизо говоритъ: «ce sont des transactions entre deux pouvoirs rivaux dont l'un fait des promesses et dont l'autre constate des droits» (Guisot—«Origines du Gouvernement Réprésentatif» II, 105). Условія, представлявшіяся въ

[1]) Для того, чтобы получить верховную власть (imperium), новоизбранный царь долженъ былъ обратиться къ народу въ comitia curiata. Просьба эта удовлетворялась посредствомъ lex curiata de imperio.
Отъ переводч.

Германіи кандидатомъ при избраніи,—условія, которыя κατ' ἐξοχήν образовали германское государственное право, Г. Шульце вѣрно опредѣляетъ («Einleitung in das deutsche Staatsrecht», S. 223), какъ «договоръ» между будущимъ императоромъ и курфюрстами, заключаемый для нихъ самихъ и для всѣхъ сословій страны. Подобнымъ же образомъ объясняетъ онъ рѣшенія имперскаго сейма, а именно,—какъ «соглашенія между императоромъ и сословіями» (1. с., 241). «Такъ наз. всеподданнѣйшія представленія (венгерскаго) ландтага и принятіе ихъ королемъ имѣли характеръ особыхъ условій, на которыхъ сходились два соискателя и которыя чиновниками той и другой стороны должны были быть составлены въ видѣ одной законной хартіи». (Это были «статьи» венгерскаго государственнаго права). Такъ говоритъ авторъ «Genesis der Revolution in Oesterreich» (1850), S. 344.

И наконецъ основой государственнаго права австро-венгерской монархіи является актъ «соглашенія» 1867 года.

§ 7.

Потребность въ общемъ міровоззрѣніи.

Человѣческій умъ имѣетъ потребность представлять себѣ общую картину міра и его явленій—и приводить все это въ одну систему. Считаютъ, что успѣшнѣе пойдетъ познаніе вселенной и ея явленій, если ихъ представить, какъ единое и организованное цѣлое. И вотъ, къ этой-то цѣли,—къ этому общему міровоззрѣнію и направлены стремленія всѣхъ философовъ. Для того, чтобы достигнуть данной цѣли, для того, чтобы можно было описать этотъ большой идеальный кругъ, который, охватывая весь міръ и его явленія, долженъ закрѣпить ихъ въ предѣлахъ своей окружности,—для этого необходимо найти такую исходную точку зрѣнія, которая дала бы возможность начертить этотъ идеальный кругъ и съ которой, какъ съ высокой точки зрѣнія, можно было бы обозрѣть данный, охватывающій вселенную горизонтъ. Такимъ исходнымъ пунктомъ, очевидно, можетъ быть лишь „идея", соотвѣтствующая умственному кругозору отдѣльнаго философа и входящая въ его міровоззрѣніе, какъ исходная и конечная точка зрѣнія. Работа философовъ состоитъ теперь по большей части въ томъ, что они подводятъ подъ свое міровоззрѣніе подходящую идею, какъ исходную точку, втискиваютъ въ свой умственный

кругозоръ всѣ явленія міра, освѣщаютъ ихъ съ точки зрѣнія своей „идеи“—и это „цѣлое“ объявляютъ философской системой (а).

Но, такъ какъ развитіе міра и его явленій вовсе не считается съ узкимъ кругозоромъ философовъ; такъ какъ мы не знаемъ о дѣйствительномъ началѣ и концѣ міра и его явленій, а вмѣстѣ съ прогрессомъ развитія все больше расширяется и кругозоръ человѣчества,—то отсюда само собою слѣдуетъ, что философскія системы развитія явленій неудовлетворительны; очевидно, что философы также все дальше и дальше раздвигаютъ свой умственный горизонтъ, приноравливаютъ къ нему все новыя и новыя идеи и точки зрѣнія и всегда стараются, чтобы временные фазисы развитія міра и его явленій были закрѣплены въ новомъ философскомъ кругозорѣ.

Такой пріемъ философовъ покоится на коренномъ заблужденіи. Безконечную область явленій они хотятъ втиснуть въ ограниченную способность человѣческаго ума. Съ этимъ методомъ неразрывно связаны два зла. Во-первыхъ, что даже въ самой остроумной системѣ рядомъ съ истиной должно находиться много и ложнаго. Вѣдь, если даже проницательный взглядъ философа и схватываетъ много истиннаго изъ дѣйствительнаго міра явленій, то всетаки онъ заключаетъ данную истину въ фиктивныя рамки, такъ какъ, исходя изъ произвольной, субъективной точки зрѣнія, онъ заключаетъ зерно истины въ произвольный же и искусственный кругъ мыслей. Стремленіе согласовать вещи съ „идеей“, какъ съ начальнымъ и конечнымъ пунктомъ, а затѣмъ съ субъективнымъ міровоззрѣніемъ, какъ съ „системой“, приводитъ къ слѣдующему результату: ради системы и цѣльности допускается много ложнаго.

Во-вторыхъ,—вѣчный контрастъ между безконечнымъ развитіемъ міра и его явленій,—съ одной стороны,—и недальновидностью человѣческаго ума,—съ другой,—приводитъ къ тому, что каждая слѣдующая система опровергаетъ предыдущую; и вотъ на это постоянное убираніе стараго, негоднаго матеріала тратится слишкомъ много времени и умственнаго труда.

Можно было бы избѣжать и того и другого неудобства, если бы пришли къ сознанію, что міръ безконеченъ, а поэтому умъ человѣческій никогда не въ состояніи понять его, какъ цѣлое; что человѣкъ изъ этого міра можетъ выхватывать лишь отдѣльныя явленія и долженъ довольствоваться изслѣдованіемъ и изученіемъ этихъ

послѣднихъ, оставивъ затѣю опредѣлить ихъ связь со всѣмъ цѣлымъ,—съ началомъ и концомъ его.

Итакъ нужно понять, что умъ человѣческій, неспособный къ постиженію міра, какъ цѣлаго, можетъ познавать лишь отрывки его; и что человѣкъ,—какъ гласитъ одно глубокомысленное изреченіе,—держитъ передъ собой книгу безъ первыхъ и послѣднихъ страницъ или по крайней мѣрѣ, если и со страницами этими, то во всякомъ случаѣ скрытыми отъ него подъ семью печатями.

а) Относительно наклонности къ системамъ Ласкеръ правильно замѣчаетъ: «.... произвольно избранное средоточіе идей или новая комбинація ихъ, открытое или—вѣрнѣе—изслѣдованное явленіе,—все это часто соблазняетъ къ новой системѣ. И, такъ какъ познаніе вещей доступно для большей части образованныхъ людей, то весьма многіе образуютъ себѣ собственную систему, какъ будто для своего личнаго пользованія,—и вотъ воздухъ насыщается споромъ системъ..... Но не всѣ философы скромно ограничиваются своимъ личнымъ пользованіемъ или хотя бы устнымъ обращеніемъ въ близкихъ имъ сферахъ. Нѣтъ, многіе проникаютъ въ литературу; нѣкоторые выставляютъ тутъ свою систему, какъ истинную философію, и завоевываютъ себѣ среди своихъ адептовъ,—правда,—преходящую, для человѣческой же жизни все-таки значительную славу. Но для людей дѣла это обиліе системъ не приноситъ радости; они ищутъ зеренъ истины, а изъ системъ выходятъ лишь пустые стебли» («Ueber Welt-und Staatsweisheit» S. 13).

Англичанинъ Бэджготъ наклонность строить охватывающія вселенную системы приписываетъ «чрезмѣрной энергіи», которая, будучи свойственна человѣчеству, «заливаетъ философію—и здѣсь изъ вещей можетъ создать обширныя системы, которыя должны были бы остаться незначительными предположеніями». «Всякій видъ философіи», говоритъ Бэджготъ, «приводится въ систему, но такъ какъ эти системы противорѣчатъ другъ другу, то большинство изъ нихъ, очевидно, должно быть ложно. Люди-сангвиники быстро собираютъ безчисленные, необоснованные абстрактные принципы, старательно развиваютъ ихъ въ своихъ книгахъ и теоріяхъ для того, чтобы ими объяснить весь міръ. Но міръ не считается съ данными абстракціями, и это не удивительно, такъ какъ онѣ противорѣчатъ другъ другу. Искусственная законченность этихъ системъ привлекаетъ къ себѣ расположеніе молодежи и производитъ на неопытныхъ извѣстное впечатлѣніе, но развитые люди не поддадутся подобному ослѣпленію. Они всегда готовы хорошо относиться къ намекамъ и предположеніямъ, и самая малая истина пріятна для нихъ. Но огромная книга, переполненная дедуктивной философіей, вызываетъ у нихъ недовѣріе. Конечно, самые выводы могутъ быть правильны, да у большинства писателей они и являются таковыми, — но откуда же берутся предпо-

сылки? Кто можетъ быть увѣренъ, что онѣ выражаютъ всю истину, являясь относительно даннаго предмета лишь истиной? Кто почти заранѣе уже не убѣжденъ, что дедукціи эти представляютъ изъ себя удивительную смѣсь заблужденія съ истиной и поэтому не стоятъ того, чтобы задумываться надъ ихъ результатами». («Ursprung der Nationen», S. 217).

Кантъ очень мѣтко выразился, что при этой «наклонности» создавать системы дѣло идетъ о наивномъ успокоеніи человѣка. «Разумъ», говоритъ онъ, «находится подъ давленіемъ наклонности своей природы,—наклонности выходить изъ колеи опыта и отвлеченнымъ путемъ, при помощи однихъ лишь идей рваться къ самымъ крайнимъ предѣламъ всякаго познанія и тутъ только, въ завершеніи своего круга, въ абсолютномъ систематическомъ цѣломъ находитъ себѣ спокойствіе» («Kritik der reinen Vernunft». Reclam'sche Ausgabe. S. 605.) Кто съ этой именно точки зрѣнія посмотритъ на образованіе философскихъ системъ и на созданіе общаго міровоззрѣнія, тотъ будетъ въ состояніи болѣе правильно судить о нихъ. Примитивнѣйшими и простѣйшими міровоззрѣніями, издавна дававшими успокоеніе массамъ, являются религіозныя системы. Онѣ раздѣляютъ участь всѣхъ вообще философскихъ системъ, такъ какъ прогрессъ нашего знанія расшатываетъ ихъ. Философы и натуралисты создаютъ для себя свои собственныя міровоззрѣнія,—можно сказать,—религіи. А для массъ, которымъ недоступны философскія системы, или которыя къ нимъ неспособны,—для этихъ массъ вмѣсто запутанныхъ философскихъ и научныхъ системъ выступаютъ болѣе простыя—религіозныя. Отсюда наивная наклонность энциклопедистовъ и вольтеріанцевъ осмѣивать религію, такъ какъ они создали для себя матеріалистическую систему. Теперь для насъ смѣшны ихъ системы, представляющіяся намъ уже наивными, и мы смотримъ на «систему природы» Мирабо (Гольбаха) такъ же, какъ и на многія религіозныя. Отсюда слѣдуетъ вывести заключеніе, что и «Евангеліе Дарвина» («Evangelium Darwini») еще не можетъ быть абсолютной истиной и не представляетъ изъ себя послѣдняго слова въ развитіи человѣческаго разума. Кого оно, какъ извѣстное міровоззрѣніе, удовлетворяетъ, тотъ наивно находитъ себѣ въ немъ успокоеніе—такъ же, какъ правовѣрный мусульманинъ въ системѣ корана. И празднымъ является вопросъ о томъ, «вознаграждаетъ ли» насъ современное міровоззрѣніе, опирающееся на новѣйшія естественныя знанія, «за церковную вѣру въ безсмертіе» (Д. Фр. Штрауссъ). Это субъективно различныя взгляды, и вполнѣ правъ Штрауссъ, въ своемъ «Der alte und der neue Glaube» мастерски выражающій данное современное міровоззрѣніе, не вдаваясь въ этотъ вопросъ, но устраняя его слѣдующими словами: «Кто здѣсь самъ себѣ не можетъ помочь, положеніе того вообще безпомощно,—тотъ съ нашей точки зрѣнія еще не достигъ зрѣлости». И, конечно, массы не скоро еще дозрѣютъ до этой «точки зрѣнія», — и вотъ тутъ-то коренится сила религій и церквей, которыя переживутъ еще очень много философскихъ системъ

и самыхъ «современныхъ» міровоззрѣній. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ быть терпимѣе и къ тому и къ другому. Не всѣ люди въ состояніи быть дарвинистами и геккеліанцами, но и не всѣ также могутъ оставаться ортодоксальными. Терпимость выростаетъ лишь изъ пониманія значенія и равнаго права этихъ различныхъ міровоззрѣній.

Государствовѣды также подвержены этой общечеловѣческой наклонности,—и вотъ они норовятъ включить государство въ эту общую систему, охватывающую всю вселенную, т. е. въ единое общее міровоззрѣніе. Блестящій примѣръ такого построенія мыслей даетъ намъ Шеффле въ своемъ «Bau und Leben des socialen Körpers». Шеффле строитъ одно общее, цѣльное міросозерцаніе, къ которому онъ приходитъ, разсматривая весь соціальный міръ, а также и государство — подъ символомъ единаго организма. Въ данныя рамки онъ заключаетъ картину соціальной и государственной жизни, причемъ обнаруживаетъ много жизненнаго опыта, глубокихъ мыслей и огромный запасъ знанія. Картина эта—художественное произведеніе, содержащее въ себѣ очень цѣнныя детали; это признаетъ даже и тотъ, кому данныя рамки не нравятся или кажутся совершенно излишними.

§ 8.

О системахъ философіи права и ученій о государствѣ.

Изъ стремленія философовъ создать идеальное цѣлое слѣдуетъ, что въ системы свои они заключали также право, государство и все, связанное съ этими послѣдними. А именно, — согласно своему методу, философы приводили ихъ въ тѣсное соотношеніе съ излюбленными основными принципами и идеями и втискивали право и государство въ свой философскій міръ. Такимъ образомъ ученія о правѣ и государствѣ, начиная съ классической древности, образуютъ неотъемлемую составную часть всѣхъ философскихъ системъ. Это обстоятельство имѣло большое значеніе въ развитіи философіи права и государства.

И вотъ, по примѣру философовъ, и философски мыслящіе юристы, такъ называемые философы права и государства, стали разрабатывать свою спеціальную науку также въ духѣ и по методу философіи. Слѣдовательно, философія права и государства также должна была образовать одно идеальное цѣлое. Для этого требовалось найти „первооснову“ („Urgrund“) права, изъ нея тща-

тельно вывести всѣ возможныя права, а также государство со всѣми его учрежденіями — и все это привести въ одну систему. Задача исторіи философіи права и государства — представить чередованіе этихъ системъ и прослѣдить въ данной области за заблужденіями человѣческаго ума (а).

а) Всю философію права и государства чаще всего выводили изъ врожденной человѣку идеи. Такъ, въ числѣ другихъ и Фердинандъ Вальтеръ («Naturrecht und Politik im Lichte der Gegenwart» 1863) эту склонность къ разсужденію о правѣ приписываетъ «врожденному у человѣка чувству справедливости и неправды». Такое врожденное чувство,—какъ полагаетъ онъ,—обнаруживается «болѣе или менѣе сознательно въ языкѣ, въ обычаяхъ и въ организаціи каждаго народа». «Это, Богомъ въ человѣка заложенное правовое чувство—фактъ, изъ котораго здѣсь должно исходить, какъ изъ извѣстныхъ данныхъ». Вотъ, какъ легко относятся философы къ своимъ разсужденіямъ. И трудно лишь понять, зачѣмъ тутъ еще философствовать, если нужно исходить изъ такихъ совершенно произвольныхъ «фактовъ»; еще нѣсколько подобныхъ «фактовъ»,—и тогда всякая философія является излишней. Вѣдь тогда ужъ лучше довольствоваться религіозными ученіями, а философію оставить въ покоѣ. И въ самомъ дѣлѣ, философія, исходящая изъ того «факта», что «Богъ вложилъ въ человѣка правовое чувство»,—такая философія не имѣетъ никакого преимущества передъ религіей, которая ту же мысль выражаетъ гораздо красивѣе и поэтичнѣе,—а именно, что «Богъ въ откровеніи провозвѣстилъ людямъ вѣчные, божественные законы». Нѣтъ никакой разницы между религіозной догмой и такимъ «фактомъ», съ какимъ мы встрѣчаемся въ философіи Вальтера. Передъ судомъ науки подобный «фактъ» не можетъ имѣть никакого значенія. Вѣдь мало того, что этотъ вальтеровскій «фактъ» ничѣмъ не можетъ быть обоснованъ,—но гораздо ужъ легче доказать противоположное ему положеніе. И, если бы правовое чувство было прирождено человѣку, тогда, пожалуй, являлись бы излишними всякіе законы, кодексы и ученія о правѣ. Тогда человѣкъ всегда находилъ бы право и поступалъ бы по праву, не изучая его и не подвергаясь никакимъ насильственнымъ къ тому принужденіямъ. Вполнѣ понятное возраженіе это Вальтеръ предупреждаетъ «другимъ фактомъ», съ которымъ мы, конечно, охотно соглашаемся. «Другой фактъ», говоритъ онъ, «состоитъ въ томъ, что родъ человѣческій находится въ состояніи нравственнаго несовершенства, въ силу котораго въ человѣкѣ, а слѣдовательно и въ человѣческихъ организаціяхъ эгоизмъ, утилитарные доводы и даже насиліе часто преобладаютъ надъ нравственностью и справедливостью». Этотъ «другой фактъ» очевиденъ; каждая страничка изъ исторіи представляетъ намъ блестящія доказательства его вѣрности. Но вотъ чего никакъ нельзя допустить, такъ какъ это нелогично,—а именно: нельзя,—какъ это дѣлаетъ Вальтеръ,—ста-

вить данный, «другой фактъ» на одну параллель съ «первымъ»; вѣдь и ему самому, конечно, ясно, что тутъ одинъ «фактъ» совершенно исключается «другимъ». Несовершенство человѣка, недостатокъ правового чувства, преобладаніе у людей эгоизма, утилитарности и насилія—все это является доказательствомъ того, что правовое чувство не есть что-то врожденное, но лишь добытое силою пріученія и воспитанія. Совершенно отсутствуя у человѣка въ догосударственномъ его состояніи,—въ подтвержденіе чего можно привести тысячи примѣровъ,—это правовое чувство лишь подъ вліяніемъ государства все болѣе и болѣе запечатлѣвается въ людяхъ. Лишь государство создаетъ въ человѣкѣ правовое чувство и взращиваетъ его. Наоборотъ же,—эгоизмъ, инстинктъ пользы, насиліе прирождены человѣку, и только въ государствѣ люди возвышаются до правового чувства. Какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, человѣкъ и въ данномъ случаѣ совершаетъ путь развитія—отъ животнаго состоянія къ чисто-человѣческому. Плохую услугу оказываютъ человѣку тѣ философы, которые допускаютъ въ немъ врожденное правовое чувство; вѣдь тогда проведеніе идеи права въ жизнь не ставилось бы ему въ заслугу, а неуваженіе къ правовому порядку, конечно, составляло бы чрезвычайно большую, непростительную вину.

Съ вышеизложенной точкой зрѣнія Вальтера тѣсно связано еще нѣчто другое,—и вотъ, на это обстоятельство здѣсь мы сейчасъ также должны указать. Въ послѣднее время признано, что философія права и государства, изучая общественныя явленія и «жизнеустройство» людей, должна разсматривать эти послѣднія въ связи съ «физическими и духовными свойствами» человѣка, въ связи съ его физическимъ и духовнымъ естествомъ. Другими словами,—дошли до сознанія, что для пониманія государства и права нужно уяснить себѣ «природу человѣка». Но выраженія эти, употребляемыя очень многими философами права, являются лишь пустыми звуками до тѣхъ поръ, пока методъ выясненія человѣческаго естества остается абстрактно-философскимъ. Здѣсь-то и наблюдается ошибка. Относительно свойствъ человѣческой природы абстрактная философія не можетъ дать намъ никакихъ удовлетворительныхъ свѣдѣній; за этими послѣдними мы должны обратиться къ естествознанію; вотъ въ этомъ-то пунктѣ философія права и связана съ естественными науками,—она должна считаться съ ихъ прогрессомъ и направлять вмѣстѣ съ ними свой путь. Частыя же ироническія выходки философовъ права и государства, направленныя по адресу «естествознанія, матеріалистовъ и дарвинистовъ», совсѣмъ неумѣстны. Напротивъ, порицанія заслуживаетъ высокомѣрное игнорированіе того, что выдвинуто на свѣтъ «матеріалистами и дарвинистами», а также наивный взглядъ, будто связь «жизнеустройства» съ «физической и духовной человѣческой природой» «можетъ быть найдена посредствомъ размышленія и сравненія этого жизнеустройства съ духовнымъ и нравственнымъ естествомъ человѣка; масштабъ же для этого всякій носитъ въ самомъ себѣ,—во врожденномъ нравственномъ и правовомъ чувствѣ» (Walter—

«Naturrecht und Politik im Lichte der Gegenwart», S. 7). Этотъ методъ, конечно, совсѣмъ не наученъ, и примѣненіе его нисколько не можетъ содѣйствовать прогрессу философіи права.

Напротивъ въ другомъ мѣстѣ (ibid., S. 11), Вальтеръ вполнѣ правильно разсуждаетъ относительно заблужденія такъ называемой «теоріи естественнаго состоянія», съ которой мы встрѣчаемся въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. «Ошибка этого метода», говоритъ онъ, «заключается въ слѣдующемъ: вмѣсто того, чтобы познавать человѣка во всей совокупности его природы и въ государствѣ, теорія эта останавливается съ объектомъ своего изученія въ преддверіи государства и здѣсь изъ какой-нибудь отдѣльной черты эмпирической природы человѣка выводитъ принадлежащія ему первоначальныя права (Urrechte). Этотъ ошибочный пріемъ привелъ къ другой неправильности, — а именно къ тому, что точку зрѣнія даннаго изслѣдованія стали называть теоріей естественнаго состоянія. Такимъ образомъ перенеслись въ какую-то невѣрную абстракцію, между тѣмъ какъ человѣкъ повсюду существуетъ лишь въ государствѣ». Но эти послѣднія слова заключаютъ въ себѣ опять ужъ слишкомъ большую вольность. Человѣкъ нѣкогда существовалъ, конечно, и до государства, а, слѣдовательно. и внѣ этого послѣдняго; только въ томъ первобытномъ состояніи онъ вовсе не представляетъ изъ себя предмета ученія о правѣ и государствѣ, но является исключительно лишь объектомъ антропологіи.

§ 9.

Естественное право.

Одна боковая тропинка этихъ заблужденій приводитъ къ естественному праву. Идея такого природнаго права ведетъ свое начало отъ самыхъ древнихъ временъ. Уже Аристотель утверждаетъ, что „отъ природы существуютъ общія понятія права и несправедливости“ (Реторика I, 13). Дальше успѣшному распространенію этой идеи способствовало извѣстное римское (ульпіановское) дѣленіе права на „jus civile, naturale et gentium“. Однако же подъ „jus naturale“ Ульпіанъ разумѣетъ лишь то, что̀ инстинктивно чувствуютъ всѣ животныя (quod natura omnia animalia docuit); но это уже нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ то, что̀ понимали подъ естественнымъ правомъ въ дальнѣйшія эпохи (а). А именно, — это послѣднее во всѣхъ своихъ подробностяхъ должно было конструироваться изъ „идеи“, и приверженцы естественнаго права утверждали, что оно стоитъ выше позитивнаго и относится къ нему, какъ идеалъ къ дѣйствительности. На самомъ же дѣлѣ

естественное право являлось одной лишь иллюзіей, баловствомъ ума или—въ лучшемъ случаѣ—замаскированнымъ выраженіемъ стремленій къ реформамъ въ области права (b). Мы полагаемъ, что сущностью права служитъ его дѣйствіе (seine Geltung) на извѣстной государственной территоріи, — полагаемъ, что право есть норма, которая должна дѣйствовать и дѣйствуетъ или дѣйствовала; и теперь является вопросъ: что же это за право, которое нигдѣ не дѣйствуетъ? И замѣчательно: давно уже убѣдились, что такъ наз. политическіе романы не имѣютъ никакой научной цѣнности, что они—лишь пустая фантазія и не могутъ способствовать развитію науки о государствѣ; по отношенію же къ естественному праву взглядъ этотъ еще не получилъ всеобщаго признанія. А однако политическій романъ и естественное право—въ сущности одно и то же: вѣдь, въ то время какъ въ романѣ рисуется нигдѣ не существующее, фантастическое государство,—естественное право представляетъ изъ себя такія нормы, которыя нигдѣ не дѣйствуютъ. Слѣдовательно, подобно роману, и естественное право не имѣетъ для науки никакой цѣнности (c).

a) Относительно римскаго jus naturale см.: Voigt — «Die Lehre vom Jus naturale», а затѣмъ и Karl Hildenbrand— «Gesclhcthe und System der Rechts- und Staatsphilosophie» I, 566. Каноническое толкованіе гласитъ: jus naturale est quod in lege (Mosaica) et in Evangelio continetur (Gratian—«Einl. in's kanon. Recht»).

b) «Итакъ, естественное право—не что иное, какъ философія современнаго права; оно исходитъ только изъ позитивной нормы, которая сбрасываетъ съ себя лишь внѣшній обликъ и обнаруживаетъ свое очищенное отъ шелухи зерно, какъ истинно внутреннее понятіе». Lenz—«Geschichtl. Entstehung des Rechts», S. 25.

c) Хотя теперь съ научной точки зрѣнія естественное право и не выдерживаетъ критики, однако въ свое время оно выполнило громадную историческую задачу. Начиная съ XVII столѣтія, оно сдѣлалось духовнымъ оплотомъ противъ абсолютной монархіи, феодально-клерикальныхъ правительствъ и противъ устарѣлыхъ, гнилыхъ порядковъ. И можно смѣло утверждать, что большинство адептовъ естественнаго права являлось борцами за политическую свободу и прогрессъ. Поэтому ихъ слѣдуетъ вспомнить съ благодарностью, и они заслуживаютъ того, чтобы была написана ихъ исторія, — а это до сихъ поръ выполнено лишь отчасти. Исторія же естественнаго права распадается на двѣ эпохи, образованныя силою лежащаго между ними вліянія великой французской революціи. Первый періодъ начинается еще въ XVI столѣтіи съ Ольдендорпа (Oldendorp—«Elementaris introductio juris naturae» 1539) и Геммінга (Hem-

ming — «De lege naturali» 1562). Это вступленіе естественнаго права на историческое поприще описалъ отчасти Кальтенборнъ (Kaltenborn—«Die Vorläufer von Gugo Grotius»). Апогея своего въ первомъ періодѣ естественное право достигаетъ въ лицѣ Пуффендорфа (1631 — 1694) и Томазія (1655—1728). XVIII столѣтіе необыкновенно богато учебниками естественнаго права; но лишь въ концѣ этого столѣтія, когда идеямъ французской революціи удалось выразиться въ естественномъ правѣ, это послѣднее начинаетъ возбуждать активный интересъ и пріобрѣтаетъ все больше и больше значенія,—въ особенности тогда, когда подъ вліяніемъ французской революціи даже такіе философы перваго ранга, какъ Кантъ («Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre» 1797 и «Sittenlehre» 1798) и Фихте («Grundlage des Naturrechts» 1796), обращаются къ естественному праву.

И вотъ тогда,—въ серединѣ девяностыхъ годовъ XVIII столѣтія,—почти одновременно появляются слѣдующіе труды: «Grundsätze des Naturrechts» (1795)—Gottlieb'a Hufeland'a, «Grundriss des Naturrechts» (1795)—C. Ch. E. Schmid'a и «Deductionen des Naturrechts» (1795) — Шеллинга. Уже это огромное движеніе въ области естественнаго права показываетъ, что здѣсь дѣло касается чего-то активнаго: въ дѣйствительности, естественное право представляло тогда революцію въ Германіи; оно являлось публицистическимъ отголоскомъ французской революціи. Изъ естественнаго права тогда выводили требованіе политической свободы и реформированія государственнаго строя; оно дѣйствовало возбуждающе. И этотъ характеръ въ нѣмецкомъ естественномъ правѣ оставался до половины XIX столѣтія. Историческая школа (Савиньи), какъ научная реакція противъ естественнаго права, являлась вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіемъ политической реакціи противъ требованій «революціонеровъ». Такимъ образомъ въ Германіи въ первой половинѣ XIX столѣтія скрещивались между собой научныя и политическія тенденціи: заблужденія естественнаго права служили дѣлу политическаго прогресса, а истины историческаго направленія—политической реакціи.

То же приблизительно положеніе остается и теперь; вѣдь и въ настоящее время не выдерживающія научной критики, пылкія бебелевскія идеи (напр. о женщинѣ и др.) возбуждающе служатъ прогрессу,—въ то время какъ въ другую сторону направленныя, трезвыя разсужденія безпристрастныхъ мыслителей временно поддерживаютъ регрессивную тенденцію. Въ механизмѣ соціальнаго развитія безпристрастная наука часто является извѣстнаго рода тормазомъ, между тѣмъ какъ разныя поверхностныя фразы агитаторскаго свойства развиваютъ движеніе.

Впрочемъ относительно односторонности исторической школы см. мое «Rechtsstaat und Socialismus» 1881, S. 38 ff.

§ 10.

Государство и право, какъ соціальныя явленія.

Итакъ, согласно съ вышесказаннымъ, мы не намѣрены выводить право и государство изъ идеи (a); не намѣрены выставлять „принципъ“ и на основаніи его строить „систему“. Наша задача совершенно иная.

Разсматривая государство и право, какъ соціальныя явленія (b), постараемся въ исторически послѣдовательномъ множествѣ этихъ явленій открыть законъ, который выяснилъ бы намъ существо ихъ.

Теперь же прежде всего обратимся къ вопросу: существуетъ ли право само по себѣ, внѣ государства? Что бы ни говорили о такихъ нормахъ философы и приверженцы естественнаго права, но ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи указать намъ это право безъ связи съ государствомъ. Если отнять у права государственный фундаментъ, тогда ужъ эти ученые прекрасно могутъ убѣдиться въ томъ, что имъ не удержать право на базисѣ всѣхъ своихъ идей! Право мыслимо только въ государствѣ; вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ оно и существуетъ и падаетъ. И, какъ право въ естественномъ, внѣгосударственномъ состояніи—философскій миѳъ, такъ и естественныя, врожденныя права,—одна лишь, извинительная впрочемъ, выдумка. Человѣкъ имѣетъ только тѣ права, которыя признаетъ за нимъ государство и которыя онъ тутъ завоевываетъ себѣ. Другихъ онъ никогда не имѣлъ и не будетъ имѣть, несмотря на всѣ правовыя философіи и цѣлыя библіотеки по естественному праву.

Изъ всего этого теперь слѣдуетъ, что прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію права, мы должны всесторонне выяснить понятіе г о с у д а р с т в а,—должны изслѣдовать и форму и содержаніе этого послѣдняго.

a) Относительно «спекулятивныхъ теорій», выводящихъ государство изъ «идеи», справедливо замѣчаетъ К о н с т а н т и н ъ Ф р а н ц ъ: «Какъ ни разнообразны эти теоріи, все-таки въ нихъ есть общая черта: онѣ исходятъ не изъ дѣйствительнаго государства, но изъ какого-нибудь общаго принципа,—будь то или народная воля (Volkswille), или разумъ, или такъ наз. божественное право; и принять такой принципъ—это значитъ принять самое главное. Тутъ съ самаго же начала становятся на ложный путь. При этомъ никогда, конечно,

не берутъ въ соображенiе существа дѣла, но, выставивъ извѣстный принципъ и развивая его, подвигаются дальше и дальше по данному пути. И вотъ передъ взоромъ читателя развертывается панорама, но это — не картина великаго государственнаго мiра, нѣтъ, это — доктрины Руссо, или Гегеля, или Шталя и т. д.» («Vorschule zur Physiologie der Staaten 1867, S. 322).

b) Согласно съ современными завоеванiями въ области знанiя, мы можемъ раздѣлить явленiя окружающаго насъ мiра на неорганическiя, органическiя, психическiя, соцiальныя и соцiально-психическiя. (Обстоятельно это изложено у меня въ «Grundriss der Sociologie», S. 53 и въ «Sociologie und Politik», S. 92). Здѣсь слѣдуетъ лишь замѣтить, что, считая государство соцiальнымъ явленiемъ, мы подъ этимъ послѣднимъ разумѣемъ такое, которое создается взаимодѣйствiемъ соцiальныхъ группъ. Не мало перипетiй пережила наука, пока наконецъ уяснили себѣ понятiе соцiальнаго явленiя и научились отличать его отъ индивидуальныхъ дѣянiй, имѣющихъ характеръ личной инициативы. (См. объ этомъ мою статью «Un programme de Sociologie», въ Annales d. l'institut international de sociologie, I, Paris 1895).

§ 11.

Источники и литература.

Важнѣйшимъ источникомъ для изученiя государства служитъ исторiя всѣхъ временъ и народовъ. Обзоръ исторической литературы мы встрѣчаемъ въ спецiальныхъ произведенiяхъ, какъ напр. въ „Historische Methode“ (1894) Бернгейма. Затѣмъ существуетъ особая отрасль политической исторiи, разсматривающая лишь развитiе государственныхъ установленiй и называемая „исторiей государственнаго устройства“ („Verfassungsgeschichte“). (Одною изъ первыхъ и знаменитѣйшихъ является, конечно, „Constitutional History of England“ Hallam'a). Эти „исторiи государственнаго устройства“ по большей части трактуютъ объ отдѣльныхъ государствахъ; но Лоранъ (Laurent) въ своемъ объемистомъ произведенiи— „Histoire du droit des gens“ (Brüssel 1850—70)—пытается дать общую исторiю государственныхъ установленiй. Сочиненiе это во всякомъ случаѣ весьма поучительно. Источникомъ современнаго государственнаго права могутъ служить также часто составляемые въ послѣднее время сборники конституцiонныхъ хартiй, напр. Aegidi's Staatsarchiv fortg. von Delbrück (a).

Литература о государствѣ, начиная со временъ классической Греціи, весьма обширна и для обозрѣнія ея слѣдуетъ обратиться къ исторіи политическихъ ученій. Поучительную исторію философіи права и государства за періодъ классической древности написалъ К. Гильдебрандъ (Leipzig 1860). А. Ф. Ферстеръ въ Allg. Monatschrift f. Wissenschaft u. Literatur 1853 прекрасно изложилъ „Die Staatslehre des Mittelalters". Начинающаяся съ конца среднихъ вѣковъ „Die Geschichte des allgemeinen Staatsrechts" 1864 Блунчли (есть въ русскомъ переводѣ.—Переводч.) написана довольно поверхностно. Произведеніе Фридриха ф.-Раумера „Geschichtliche Entwicklung der Begriffe von Recht, Staat und Politik" (1861), при всей своей тенденціозности (въ реакціонномъ направленіи), содержитъ въ себѣ въ сжатомъ изложеніи много весьма важнаго. Хорошо изложены у I. H. Fichte „Die Philosophischen Lehren von Recht, Staat und Sitte in Deutschland, Frankreich und England" (начато съ Канта) 1850. Сухо и педантично написана „Geschichte des Rechts und Staatsprinzipien seit der Reformation" Г. Ф. Гинрихса (1850). Всю политическую литературу пытается представить Blakey въ своемъ трудѣ—„The history of political Literature" (London 1855); вышло всего 2 тома. Подробнѣйшее и лучшее до сихъ поръ произведеніе по исторіи политическихъ теорій [1]) даетъ намъ П. Жане (Janet) въ своей „Histoire de la science politique" 1887 (b).

Изъ знаменитыхъ трактатовъ о государствѣ слѣдуетъ упомянуть—изъ эпохи классической древности „Политику" Аристотеля (лучшее нѣмецкое изданіе въ переводѣ Susemihl'я) [на русскомъ языкѣ въ переводѣ Н. Скворцова, изд. 1865 г.—Отъ переводч.]; а изъ эпохи возрожденія—сочиненія Макіавелли "Il Principe" и „Discorsi sopra Livio", которыя до сихъ поръ не теряютъ своей прелести, и ихъ и теперь еще можно читать съ большой пользой. А весьма извѣстные въ свое время, но схоластически написанные трактаты — Бодена „De Republica" (1577) и Гуго Гроція „De jure belli et pacis" (1625) въ

[1]) Въ русской литературѣ имѣется „Исторія политическихъ ученій" Б. Н. Чичерина. Этотъ пятитомный трудъ, по обстоятельности и точности, съ какою въ немъ переданы ученія различныхъ мыслителей, начиная съ древне-греческихъ философовъ и кончая политическими теоретиками XIX вѣка, представляетъ собою выдающееся явленіе въ соотвѣтствующей научной литературѣ. Переводчикъ.

настоящее время читаются уже съ большимъ трудомъ. Вышедшій въ 1748 г. изъ-подъ пера Монтескье „L'Esprit de lois“ [1])— теперь, правда, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ устарѣлъ, но въ общемъ, по богатству заложенныхъ въ него мыслей, все еще заслуживаетъ большого вниманія; то же самое можно сказать и относительно знаменитаго произведенія Ж. Ж. Руссо—„Du contrat social“ (1762), не имѣющаго, правда, научнаго обоснованія, но производившаго огромное впечатлѣніе. Оригинальную и останавливающую на себѣ вниманіе разработку философскихъ основъ права и государства находимъ мы у Гоббеса въ его трудахъ „De cive“ (1642) и „Leviathan“ (1651), у Локка въ „Two treatises of governement“ (1690), а въ особенности у Спинозы въ его „Tractatus theologico-politicus“ 1670 (на нѣмецкомъ яз. въ Reclam's Universal-Bibliothek).

О представителяхъ „естественнаго права“ въ Германіи мы уже упоминали (§ 9). Французская революція вызвала въ Германіи такъ наз. „конституціонное ученіе о государствѣ“ („constitutionelle Staatslehre“), которое сильнѣе всего выразилось у Роттека и Велькера въ ихъ Staatslexicon'ѣ (1. Aufl., 1834—1845).

Какъ реакція противъ естественно-правового ученія о государствѣ, весьма успѣшно дѣйствовала историческая школа (Савиньи, Эйхгорнъ). Противъ конституціоннаго, по французскому образу построеннаго государственнаго права прежде всего выступилъ „реакціонеръ“ К. Л. ф.-Галлеръ („Handbuch der Staatskunde“ 1808, „Restauration der Staatswissenschaften“ 1820), не маловажный однако въ наукѣ; а затѣмъ здѣсь же подвизался склонный къ теологіи и во всякомъ случаѣ весьма глубокомысленный Шталь („Die Philosophie des Rechts“ 1853—1856).

Кромѣ того, подъ вліяніемъ натурфилософіи Шеллинга (1775—1854) образовалось „органическое ученіе о государствѣ“ (Фридр. Ромеръ, Блунчли, Аренсъ, Шеффле, Лиліенфельдъ),—ученіе, которое сперва было весьма фантастично, теперь же стало нѣсколько умѣреннѣе (сюда принадлежитъ произведеніе Шеффле—„Bau und Leben des socialen Körpers“, 2, Aufl., 1896).

Съ середины семидесятыхъ годовъ въ области общаго госу-

---

[1]) На русскомъ языкѣ: „Духъ Законовъ“ 1862 г., и „О духѣ Законовъ“ 1900 г. Переводч.

дарственнаго права наступило въ Германіи полное оскудѣніе; послѣ перваго изданія этой моей книги, т. е. съ 1876 г. здѣсь уже не появлялось ни одного „общаго государственнаго права“ [1]).

При этомъ наростаетъ „нѣмецкое государственное право“ (но, увы!—мало зерна, а много пустыхъ стеблей). Во главѣ съ Лабандомъ и Генелемъ нѣмецкіе профессора государственнаго права даютъ „юридическую конструкцію“ новой Германской Имперіи. Особенно головоломнымъ является для нихъ вопросъ,—гдѣ же теперь находится мѣстопребываніе нѣмецкаго суверенитета? у кого „онъ покоится“ („sie ruht“)? остается ли онъ цѣльнымъ или дѣлится? и т. под. (с).

И вотъ, въ то время какъ всѣ эти юридическія теоріи государственнаго права безцеремонно преслѣдуютъ свои политическія тенденціи и, конечно, мало способствуютъ развитію науки,—въ это время съ другой стороны „органическое“ ученіе о государствѣ образовало переходъ къ соціологіи, которая вызываетъ пониманіе существа государства съ совершенно новой точки зрѣнія. Эта новая наука, которую Огюстъ Контъ („Курсъ позитивной философіи“) открылъ, а Гербертъ Спенсеръ („Система синтетической философіи“) такъ сильно подвинулъ впередъ, возбуждала до сихъ поръ въ Германіи очень мало интереса. Тѣмъ ревностнѣе разрабатывается она въ Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи и Америкѣ. Въ своемъ произведеніи—„Der Rassenkampf“, sociologische Untersuchungen (1882)—я представилъ замкнутую логическую систему, въ которой и для государства выяснилъ естественное его положеніе. Правда, въ послѣднее время и въ Германіи замѣчается нѣкоторый поворотъ къ соціологіи; здѣсь выступаютъ: Barth („Hegel'sche Philosophie“ 1893), Waentig („Auguste Comte und seine Philosophie“ 1895), Kurt Busse („Herbert Spenser“ 1895). И слѣдуетъ надѣяться, что результаты соціологическаго изслѣдованія откроютъ новый горизонтъ для государственной науки, которую такъ принизили въ Германіи творцы „юридическихъ конструкцій“.

---

[1]) Послѣ 2-го нѣмецкаго изданія настоящей книги, т. е. съ 1897 г. въ Германіи вышло нѣсколько трудовъ по «общему ученію о государствѣ»: Rehm—„Allgemeine Staatslehre“ (1899), Jellinek—„Das Recht des modernen Staates. I Th. Allgemeine Staatslehre“ (1900),—это произведеніе Еллинека переведено на русскій яз. (изд. 1903 г.), R. Schmidt—„Allgemeine Staatslehre“ (2 Bde 1901-1903). Затѣмъ появились «Vorträge aus dem allgemeinen Staatsrechte» (1903) Max'a Seydel'я. Переводчикъ.

a) Литературно-критическій обзоръ даетъ намъ Моль въ своей «Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften» (1856). Библіографическимъ подспорьемъ могутъ служить: «Catalog der Bibliothek der Gehe-Stiftung in Dresden» 2. B. 1890—1892, а также составленный Оттономъ Мюльбрехтомъ «Wegweiser durch die neuere Literatur der Rechts- und Staatswissenschaften» 2. Aufl. 1893. Сборники конституціонныхъ хартій изданы слѣдующими лицами: Laferrière (1869), Demombuyes (1884), Dareste (1891), Stoerk («Handbuch der deutschen Verfassung») и Binding («Deutsche Staatsgrundgesetze» 1896).

b) Прежніе словари юридическихъ и государственныхъ наукъ (напр. Блунчли и Братера) были разработаны гораздо основательнѣе, чѣмъ новѣйшіе: эти послѣдніе служатъ болѣе спекулятивнымъ цѣлямъ и проникнуты извѣстнымъ партійнымъ духомъ (напр. Конрада и Лексиса «Handb. der Staatswissenschaften»); «государства» они (политично!) вовсе не разсматриваютъ, а также замалчиваютъ и современное, столь важное развитіе соціологіи. Неравномѣрно, правда, но въ общемъ тоже неудовлетворительно выработанъ «Handbuch des öffentl. Rechts» Marquardsen'a: изъ области позитивнаго государственнаго права въ данномъ сборникѣ есть нѣсколько порядочныхъ статей, напр. французское государственное право въ изложеніи Лебона, русское—Энгельмана, но есть много и сухого схематизма, напр. статья Ульбриха по австрійскому государственному праву, а также здѣсь можно встрѣтиться и съ «юридическими» конструкціями (статья Лабанда о Германской Имперіи). «Общая» же часть этого сборника никуда не годится; здѣсь объ общемъ государственномъ правѣ пишетъ спеціалистъ по торговому праву—Гарейсъ! также и Ремъ даетъ совершенно негодную статью объ «исторіи государственной науки» («Geschichte der Staatsrechtswissenschaft»); онъ прежде всего строитъ себѣ схоластическое понятіе о наукѣ государственнаго права,—понятіе, не имѣющее ничего общаго съ наукой о государствѣ, а затѣмъ ищетъ его у Платона и Аристотеля; тутъ его, конечно, онъ не находитъ и жалуется на то, что Платонъ и Аристотель ничего не сдѣлали для науки государственнаго права. Здѣсь, у политическихъ писателей прежнихъ временъ Ремъ ищетъ «юридическую» науку о государствѣ,—такую, какая недавно построена въ Пруссіи. Эту «юридическую» государственную науку можно найти у Лабанда и Генеля, но ни въ коемъ случаѣ не у Платона, Аристотеля и Макіавелли.— Въ послѣднее время вышелъ «Oesterr. Staatswörterbuch» Ульбриха и Мишлера; но напрасно было бы искать въ этомъ сборникѣ столь важную для Австріи статью о «національности»; весьма характерно!

c) Старая, давно уже считавшаяся мертвой схоластика торжествуетъ свое воскресеніе въ современномъ «нѣмецкомъ государственномъ правѣ». Пять профессоровъ—Лабандъ, Ленингъ, Г. Шульце, Генель и Зейдель—защищаютъ пять различныхъ взглядовъ относительно того, государство ли Эльзасъ-Лотарингія? И вотъ, какъ бы для ровнаго счета до полдюжины, сюда присоединяется еще проку-

роръ изъ Метца—Вернеръ Розенбергъ, защищающій шестое мнѣніе («Die Staatsrechtliche Stellung von Elsass-Lothringen» 1896). А я предложилъ бы этимъ господамъ сойтись между собою на слѣдующемъ: Эльзасъ-Лотарингія для Пруссіи—хорошая добыча.

I книга. Государство.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Понятіе государства.

§ 12.

Опредѣленіе понятія государства.

Мы знаемъ государство, потому что живемъ въ немъ, на каждомъ шагу ощущаемъ его дѣятельность, пользуемся его покровительствомъ и призываемъ его на помощь. Относительно другихъ существующихъ теперь государствъ намъ даютъ свѣдѣнія статистика и газеты,—относительно же тѣхъ, которыя существовали и которыхъ уже нѣтъ,—исторія человѣчества.

Какими высшими благами, кромѣ голой жизни, ни пользуется человѣкъ,—свободой и собственностью, семьей и личными правами,—всѣмъ этимъ онъ обязанъ государству.

Однако не только отдѣльная личность получаетъ изъ рукъ государства высшія жизненныя блага, но и вся совокупность людей, образующихъ государство, обязана ему своимъ, соотвѣтствующимъ человѣческому достоинству существованіемъ. Вѣдь государство создаетъ благопріятныя условія для стремленія къ высшимъ культурнымъ цѣлямъ, достиженіе которыхъ внѣ государства было бы невозможно.

Постараемся-же теперь поближе подойти къ понятію государства. Властвующіе—съ одной и подвластные—съ другой стороны

*

правящіе и управляемые, вотъ—вѣчные, неизмѣнные признаки государства. Безъ этого контраста, какъ не существовало, такъ и не существуетъ ни одного государства. Какія бы свободныя формы правленія, даже республики, мы ни брали, во всякомъ государственномъ соединеніи, будь то аристократія или демократія, монархія или республика—въ настоящемъ или прошедшемъ,—вездѣ и всегда мы найдемъ глубоко запечатлѣвшимся этотъ неизбѣжный признакъ всякаго государства.

Чтд бы благотворнаго ни дѣлало когда-либо государство, какія бы высокія цѣли оно ни преслѣдовало,—вся его дѣятельность прежде всего обусловливается соотношеніемъ властвованія и подвластности, и это проходитъ черезъ всю его организацію — отъ вершины до самыхъ низшихъ слоевъ. Если данное соотношеніе властвованія и подвластности выступаетъ передъ нами во всѣхъ государствахъ, какъ постоянный и существенный признакъ, если оно является необходимымъ условіемъ, conditio sine qua non всякой успѣшной государственной дѣятельности,—то мы, конечно, не впадемъ въ заблужденіе, опредѣливъ государство, какъ естественно возникшую организацію властвованія, предназначенную для охраны опредѣленнаго правопорядка.

§ 13.

Различныя опредѣленія государства.

a) Карлъ Велькеръ (1790—1869).

Сколько было государствовѣдовъ и философовъ, столько существуетъ и опредѣленій государства.

Самый употребительный методъ или,—скажемъ прямо,—самая обычная ошибка при установленіи этихъ опредѣленій состоитъ въ томъ, что въ нихъ вкладываютъ все, чего только требуютъ отъ государства. Въ опредѣленіи изображаютъ не то, что представляло и представляетъ изъ себя въ дѣйствительности государство, но то, чѣмъ оно должно быть по субъективному взгляду, по субъективной точкѣ зрѣнія, желаніямъ и идеаламъ каждаго отдѣльнаго государствовѣда, политика и философа. Эта тенденціозность въ опредѣленіи государства особенно сильно про-

явилась въ XIX-омъ столѣтіи. Всякая политическая партія имѣла, какъ девизъ, свое собственное опредѣленіе государства,—такое, въ которомъ она закрѣпляла свои желанія и требованія и стремилась лишь къ тому, чтобы согласно съ ними было преобразовано данное государство. Но тутъ же лежитъ и признаніе, что государство какъ разъ—не то, что выражается въ его опредѣленіи, — иначе вѣдь, конечно, требованія, заложенныя въ основу даннаго опредѣленія, были бы излишни. Классическимъ образомъ подобной тенденціозности можетъ считаться опредѣленіе, данное Велькеромъ (въ „Словарѣ" Роттека и Велькера). Въ первой своей книгѣ—„Letzte Gründe von Recht, Staat und Strafe" (1813) онъ еще довольно просто опредѣляетъ государство, какъ „народное соединеніе, организованное для постояннаго реализованія завѣдомо высшаго закона или также высшаго блага". Въ „Словарѣ" же Велькеръ возносится до такого удивительнаго опредѣленія: „Государство есть суверенный, морально-личный, живой, свободный общественный союзъ народа,—союзъ, который, по конституціонному закону, въ свободно-конституціонной организаціи народа, подъ руководствомъ конституціоннаго и самостоятельнаго правительства стремится къ правовой свободѣ и въ ея предѣлахъ къ назначенію, а поэтому и къ счастью всѣхъ своихъ членовъ". Ясно, что подъ это опредѣленіе не подходитъ ни одно дѣйствительное, исторически существовавшее государство и оно оказывается лишь наборомъ благихъ желаній Роттекъ-Велькеровской конституціонной теоріи.

b) Робертъ ф.-Моль (1799—1875).

Итакъ иногда, по мѣрѣ научнаго развитія государствовѣда, опредѣленіе понятія государства становится все шире и шире, и съ теченіемъ времени въ него вкладывается все больше и больше новаго; съ подобнымъ явленіемъ мы встрѣчаемся также и у Роберта ф.-Моля. Сначала въ опредѣленіи своемъ онъ даетъ лишь то, что съ перваго же взгляда представляется умственному взору государствомъ,—и это опредѣленіе изображаетъ внѣшнюю, такъ сказать, осязаемую форму государства. Это послѣднее на первыхъ порахъ было для Моля такимъ „устройствомъ, которое должно организовать человѣческую жизнь и содѣйствовать ей"; другими словами,—„государство есть организація совмѣстной народной жизни на опредѣленной территоріи и подъ одной высшей властью". По-

добное этому, такъ сказать, грубо очерченному опредѣленію государства, какое Моль выставилъ въ своей, въ 1844 г. вышедшей „Polizeiwissenschaft", — мы находимъ у него еще въ „Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften", гдѣ онъ обозначаетъ государство, какъ „единый организмъ общей народной жизни". Но Моль не останавливается на этомъ довольно пустомъ и мало выражающемъ опредѣленіи. Чѣмъ больше вдавался онъ въ теоретическое изслѣдованіе свойствъ государства; чѣмъ больше опытности пріобрѣталъ въ этой области, какъ практическій политикъ; чѣмъ большія требованія къ государству самъ онъ начиналъ предъявлять, — тѣмъ обширнѣе должно было становиться и развивавшееся въ его умѣ понятіе о государствѣ. Такимъ образомъ въ опредѣленіе этого понятія Моль вкладываетъ все больше и больше признаковъ, бывшихъ собственно лишь выраженіемъ тѣхъ требованій, которыя онъ предъявлялъ къ государству. И вотъ, въ послѣднемъ, большомъ его сочиненіи, — въ „Энциклопедіи государственныхъ наукъ" („Encyclopädie der Staatswissenschaften" 1872) мы встрѣчаемъ слѣдующее опредѣленіе: „Государство есть постоянный, единый организмъ такихъ установленій, которыя, будучи руководимы общею волею, поддерживаемы и приводимы въ дѣйствіе общею силою, имѣютъ задачей содѣйствіе достиженію дозволенныхъ цѣлей опредѣленнаго, на данной территоріи замкнутаго народа, — а именно, начиная отъ отдѣльной личности и кончая обществомъ, до тѣхъ поръ, пока эти цѣли не будутъ удовлетворяемы собственными силами личности и пока онѣ составляютъ предметъ общей необходимости". Это — утомительно-длинное и тенденціозное опредѣленіе, которое въ крайнемъ случаѣ подойдетъ лишь къ образцовымъ конституціоннымъ государствамъ; цѣлый же историческій рядъ государствъ, — съ глубокой древности и до нашихъ дней, — остается тутъ совершенно непринятымъ во вниманіе. Это опредѣленіе государства, данное Молемъ въ его послѣднемъ трудѣ, является послѣднимъ этапомъ въ долгомъ умственномъ развитіи государствовѣда; оно загромождено многочисленными теоретическими и практическими свѣдѣніями. Очень интересно сравнить первыя молевскія опредѣленія государства съ послѣднимъ. „Устройство, организующее человѣческую жизнь", какъ это говорилось въ „Polizeiwissenschaft", уже является для него недостаточнымъ въ „Encyclopädie"; его уже не удовлетворяетъ и одна лишь „организація совмѣстной народной жизни". Теперь онъ

смотритъ на государство, какъ на средство къ достиженію извѣстной цѣли, а на цѣль эту,—какъ на смыслъ народной жизни. Подъ „народомъ“ Моль разумѣетъ не одну лишь совокупность отдѣльныхъ личностей, соединившихся въ государствѣ, какъ это проповѣдовала радикальная французская политика XVIII столѣтія; нѣтъ, тутъ онъ видитъ нѣчто цѣлое, составленное изъ многихъ единицъ, а именно, — какъ изъ индивидуальныхъ, такъ и изъ корпоративныхъ или общественныхъ. Поэтому Моль, чтобы не остаться непонятымъ, къ выраженію—народъ—присоединяетъ: „начиная отъ отдѣльной личности и кончая обществомъ“. Къ этому молевскому понятію объ обществѣ мы еще вернемся ниже въ соотвѣтственномъ мѣстѣ. Здѣсь же только замѣтимъ, что послѣднее молевское опредѣленіе государства, въ силу именно допущенія въ немъ понятія объ обществѣ, очень выгодно отличается отъ всѣхъ прежнихъ опредѣленій. Тѣмъ не менѣе и къ нему должно относиться все то, что мы сказали насчетъ Велькеровскаго опредѣленія: оно является больше выраженіемъ желаній, чѣмъ вѣрнымъ опредѣленіемъ понятія о данномъ предметѣ (a).

a) Примѣромъ опредѣленія, вытекающаго изъ похвальнаго образа мыслей и благихъ пожеланій, но вовсе не содержащаго въ себѣ истины, можетъ считаться также и данное Аретиномъ. Оно гласитъ: «Государство есть союзъ свободныхъ людей на опредѣленной территоріи подъ общей верховной властью, существующій для всесторонняго пользованія правовымъ состояніемъ. Это послѣднее, для сохраненія котораго соединились люди, обнимаетъ собою гарантію всѣхъ основныхъ человѣческихъ правъ,—слѣдовательно, права собственности, личности, вмѣстѣ съ полной свободой развитія и образованія». (Aretin—«Staatsrecht der constitutionellen Monarchie» 1824. Einl.).

Сколько же европейскихъ государствъ можно добросовѣстно подвести подъ это опредѣленіе? Вѣдь Турцію нельзя? Также, конечно, и Россію? А Пруссію можно ли?—очень сомнительно! Данный перечень можно было бы еще продолжать и продолжать. И вотъ, согласно опредѣленію Аретина, все это не являлось бы государствами!

Вышеописанный методъ, состоящій въ томъ, чтобы опредѣлять государство не по дѣйствительнымъ его свойствамъ, съ которыми оно выступаетъ передъ нами въ исторіи и въ настоящее время, но соотвѣтственно желаніямъ и стремленіямъ,—такой методъ нашелъ себѣ защитника въ лицѣ Гельдера. «Насколько», разсуждаетъ онъ, «ученіе о государствѣ хватаетъ черезъ край, когда изъ субъективныхъ представленій и благихъ желаній оно строитъ идеальное государство,—настолько оно и недохватываетъ (?), если остается при томъ, чтó уже реализовано исторіей; и вотъ, главное вниманіе го-

сударствовѣдѣнія должно быть направлено на ту общую цѣль, къ которой стремится всякое государственное образованіе» (Hölder—«Wesen des Staates», in der Zeitschr. f. d. ges. Staatswissenschaften 1870, S. 620). Въ данномъ случаѣ субъективнымъ тенденціямъ былъ бы открытъ свободный доступъ, и государствовѣдѣніе сдѣлалось бы ареной для споровъ объ этой «общей цѣли», относительно которой очень трудно добиться единогласія; такимъ образомъ всякое объективное, научное познаніе было бы упразднено.

c) Аренсъ (1808—1874) и Блунчли (1808—1881).

Хаосъ и невыразимая путаница, царящіе въ опредѣленіяхъ государства, даютъ печальный отзывъ о состояніи государствовѣдѣнія. Подобной картины полнаго упадка не представляетъ никакая другая научная область. Теорія отдалась служенію самымъ разнообразнымъ партійнымъ интересамъ. Дошло до того, что въ послѣднее время охотнѣе стали совершенно обходить молчаніемъ опредѣленіе понятія о государствѣ. Но и такіе примѣры не могутъ быть оправдываемы. Вѣдь всякая наука прежде всего безбоязненно должна опредѣлить тотъ предметъ, о которомъ она трактуетъ; и было бы очень печально, если бы государствовѣдъ не смѣлъ или не могъ намъ открыто сказать, что онъ понимаетъ подъ государствомъ? Если же мы отъ всякаго государствовѣда можемъ требовать этого опредѣленія, то мы должны также домогаться, чтобы оно было изложено ясно и понятно, а не представляло бы изъ себя какого-то quasi-философскаго, совершенно неудобопонятнаго набора фразъ, отъ котораго никто не можетъ поумнѣть, который ровно ничего не выражаетъ, хотя сюда и можно очень многое включить. Къ этой категоріи принадлежатъ, во-первыхъ, всѣ Краузе-Аренс'овскія опредѣленія, относящіяся къ такъ называемому „органическому ученію о государствѣ". Такъ, напр., Аренсъ („Organische Staatslehre", Wien 1850, S. 4) называетъ государство „общественнымъ организмомъ, оживотворяемымъ особенной идеей", и выставляетъ это понятіе, какъ преимущество „органическаго ученія о государствѣ". Вообще это „органическое" ученіе произвело много пустыхъ фразъ (b).

Равнымъ образомъ неудобопонятно и то опредѣленіе, которое даетъ Блунчли въ своемъ „Allgemeines Staatsrecht" (München 1868, 4. Aufl., B. I, S. 41). Оно гласитъ: „Государство есть политически организованная народная личность (Volksperson) страны". Тутъ можно разумѣть или все или ничего.

Вѣдь личность вовсе не народъ, и народъ—не личность; подъ „народной личностью“ ничего собственно нельзя себѣ представить, съ другой же стороны въ это опредѣленіе тѣмъ болѣе многое можно вложить, что Блунчли и не медлитъ сдѣлать. Правда, и самъ Блунчли почувствовалъ туманность даннаго опредѣленія, и вотъ въ статьѣ „Staat“ своего „Staatswörterbuch“ онъ уклоняется въ сторону отъ высказанныхъ раньше мыслей. Тутъ онъ даетъ не одно, а нѣсколько опредѣленій,—а именно опредѣляетъ одно за другимъ государства—древнее, средневѣковое и современное. Но это вовсе не опредѣленіе, такъ какъ послѣднее должно быть общимъ и не можетъ содержать въ себѣ описанія отдѣльныхъ видовъ.

b) Представителемъ связи между «органическими» и содержащими въ себѣ политическія желанія политически-тенденціозными опредѣленіями является Моргенштернъ (Leopold von, Anhalt-Dessau'scher Regierungspräsident und Geheimer Rath). По его мнѣнію, государство есть «органическое народное существо, воля котораго господствуетъ надъ отдѣльными волями составляющихъ его личностей—для того, чтобы содѣйствовать мирной, соотвѣтствующей человѣческой природѣ, совмѣстной жизни, а также мирному существованію народа и составляющихъ его единицъ среди другихъ народовъ и принадлежащихъ къ нимъ личностей» («Mensch, Volksleben und Staat im natürlichen Zusammenhange». Leipzig 1855). Но гдѣ же найти такое «мирное» «органическое существо»?

d) Теологи и реалисты.

Само собой разумѣется, что всѣ теологическія опредѣленія государства не имѣютъ ровно никакой научной цѣнности; мнѣніе, будто-бы государство является божественнымъ учрежденіемъ, можетъ имѣть лишь поэтическій смыслъ; съ дѣйствительностью-же такія опредѣленія не имѣютъ ничего общаго.

Въ противоположность всѣмъ этимъ „органическимъ“, quasi-философскимъ, раціоналистическимъ и теологическимъ опредѣленіямъ,—хорошее и освѣжающее впечатлѣніе остается послѣ здраваго реалистическаго опредѣленія, даннаго Кирхманомъ („Die Grundbegriffe des Rechts und der Moral“, Berlin 1873, S. 147, 148), гдѣ государство является просто лишь „союзомъ между государемъ и народомъ“ („Die Verbindund zwischen Fürst und Volk“). Правда, опредѣленіе это слишкомъ узко, такъ какъ государь является лишь представителемъ господствующаго класса, властвующаго сословія, въ пользу интересовъ котораго онъ правитъ.

Вотъ наконецъ сошла со сцены такъ называемая „органическая теорія", долго вводившая большую путаницу, какъ въ ученіи о государствѣ вообще, такъ и въ опредѣленіи понятія государства въ частности (главные представители ея: Краузе, Аренсъ, Редеръ). Неблагодарный трудъ, состоящій въ собираніи всего этого „органическаго" хлама, взялъ на себя Albert Th. van Krieken въ своемъ сочиненіи—„Ueber die sogenannte organische Staatstheorie" (Leipzig 1873). Цѣлительная реакція противъ этихъ туманныхъ теорій явилась со стороны „реалистовъ", подвергавшихся не малымъ нападкамъ. Послѣ всей напыщенности представителей органическаго направленія можно было у реалистовъ встрѣтить здравыя опредѣленія государства. Подобно Кирхману и Максъ Зейдель („Grundzüge einer allgemeinen Staatslehre", Würzburg 1873) опредѣляетъ государство, какъ „страну и людей, надъ которыми господствуетъ высшая воля". Въ этихъ опредѣленіяхъ есть хоть сколько-нибудь смысла. Конечно, они лишь пробивали путь къ удовлетворительному разрѣшенію вопроса. Что касается до опредѣленія, даннаго Кирхманомъ, то „союзъ между государемъ и народомъ" вовсе уже не подходитъ къ республикамъ; а у Зейделя остаются неразъясненными свойства „высшей воли". Несмотря на все это, борьба Гирке съ реалистами въ защиту „органической" теоріи (Tübinger Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft, 1874) осталась совершенно безуспѣшной. Такъ какъ Гирке подъ государствомъ понимаетъ „высшее и обширнѣйшее среди неощутимыхъ (!), умственными же средствами правильно распознаваемыхъ общественныхъ состояній, ставящихъ родовое человѣческое существованіе выше индивидуальнаго"; такъ какъ для него „это общественное состояніе является продолжительнымъ, живо волевыразительнымъ (lebendig wollende) и способнымъ къ дѣятельности единствомъ, въ которое замыкается народъ",—то остается лишь пожалѣть, что глубокомысленные люди не рѣшаются яснѣе изображать свои мысли, что они прибѣгаютъ къ выраженіямъ, не соотвѣтствующимъ никакому реальному содержанію, какъ напр., „родовое существованіе" („Gattungsexistenz"), противополагаемое „индивидуальному" („Individualexistenz"); жаль, что они прибѣгаютъ къ описаніямъ, не имѣющимъ никакого смысла, какъ напр. „живо волевыразительное (lebendig wollende) единство", какъ будто-бы существуютъ также и „неживо волевыразительныя единства"!! (с)

e) Реалистическія опредѣленія имѣютъ по крайней мѣрѣ то преимущество, что они ясны и не содержатъ въ себѣ ничего фантастическаго. Конечно, они обнимаютъ не всѣ признаки, входящіе въ понятіе о государствѣ, но во всякомъ случаѣ большинство существенныхъ, какъ напр.—зависимость подвластныхъ отъ правительства и т. под. Сюда же принадлежитъ опредѣленіе, данное Цахаріэ (Zachariä): «Государство есть единство, существующее среди людей тогда, когда они подчиняются одной и той же внѣшней власти» («Vierzig Bücher vom Staate», 1839, I. 101). Равнымъ образомъ и Шеффле въ первомъ своемъ произведеніи, пока онъ еще не подчинился «органическому» воззрѣнію, опредѣляетъ государство вполнѣ понятно, какъ «человѣческое общество, организованное для всеобщаго осуществленія права посредствомъ общественнаго авторитета и власти» («Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirthschaft» S. 30).

c) Цепфль (1807—1877) и Герберъ (1823—1891).

Данное Цепфлемъ опредѣленіе государства во всѣхъ отношеніяхъ ошибочно. Оно гласитъ: „государствомъ называется фактъ, состоящій въ томъ, что на опредѣленной территоріи въ народномъ единеніи существуютъ осѣдлыя семейства“ („Grundsätze des allgemeinen und deutschen Staatsrechts“ 1846, I. S. 1). Въ данномъ опредѣленіи прежде всего неумѣстно то, что государство названо „фактомъ“ („Thatsache“). Это хорошо почувствовалъ самъ Цепфль и поэтому поправился въ слѣдующей же затѣмъ фразѣ, гдѣ онъ „государство, какъ фактъ“ („Staat, als Thatsächliches“), называетъ „состояніемъ“ („Zustand“). Кромѣ того въ данномъ опредѣленіи заключается понятіе, которое предварительно слѣдовало бы установить,—а именно—„народное единеніе“. Прекрасно чувствуется, что въ этомъ понятіи лежитъ основа опредѣленія; потомъ и самъ Цепфль проговаривается, что „въ понятіи народнаго единенія“ содержится „свойство, какъ общественное состояніе, и идея властвованія“. Но нельзя признать яснымъ опредѣленіе, содержащее въ себѣ загадочныя понятія, которыя лишь потомъ,—да и то не вполнѣ, — разъясняются. При этомъ непонятно, почему Цепфль въ данномъ опредѣленіи строитъ государство изъ нѣкотораго числа „осѣдлыхъ семействъ“ („ansässige Familien“), почему онъ, — если ужъ тутъ не придаетъ значенія личности, — выхватилъ именно „семейную“ соціальную форму? почему не „общинную“, не „племенную“? Гораздо правильнѣе оказывается

другое опредѣленіе государства, которое Цепфль выставляетъ, какъ „общее понятіе всѣхъ современныхъ христіанскихъ европейскихъ народовъ“; по этому послѣднему опредѣленію, государство должно являться „состояніемъ осѣдлаго народа подъ руководящею общими интересами, т. е. разумно господствующею верховною властью“. Только лишь для правильности этого опредѣленія нужно въ немъ вѣрно представить себѣ понятіе „народъ“,—а именно, какъ „организацію властвованія людей надъ подобными имъ“. Въ самомъ дѣлѣ,—„народъ“ составляетъ государство; поэтому лишь при вѣрномъ пониманіи „народа“ создается правильное понятіе о государствѣ. Если же, наоборотъ, понятіе „народъ“ оставить въ неопредѣленномъ положеніи, тогда пропадетъ и все опредѣленіе государства. (Сравн. Моля — „Encyclopädie“, 2. Aufl. 1872, S. 79 ff., а также статью von Hack'а— „Ueber den Staatsbegriff“ въ Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft, 1871).

Совершенно вѣрныя разсужденія относительно государства встрѣчаемъ мы у Гербера во введеніи къ его — „Grundzüge eines Systems des deutschen Staatsrechts“ (Leipzig 1865). „Въ государствѣ народъ пріобрѣтаетъ правовой порядокъ своей общественной жизни. Здѣсь онъ признается нравственно-объединеннымъ цѣлымъ и получаетъ правовое значеніе. Въ государствѣ онъ ищетъ и находитъ самыя существенныя средства для охраны и успѣшной постановки своихъ общихъ интересовъ. Въ государствѣ народъ получаетъ то строеніе, при которомъ становится возможнымъ примѣнять для общаго блага всѣ его нравственныя силы. Государство есть правовая форма совмѣстной народной жизни,—и форма эта принадлежитъ къ первоначальнымъ и вѣчнымъ типамъ нравственнаго устройства человѣчества“. Только противъ второй половины послѣдней фразы мы должны протестовать, такъ какъ тутъ перейдены границы возможнаго для науки сужденія. Является ли данная „правовая форма“ „первоначальнымъ типомъ нравственнаго устройства человѣчества“,—этого мы прежде всего не можемъ знать, такъ какъ у насъ нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ историческихъ данныхъ, которыя бы освѣтили эпоху первоначальнаго человѣческаго появленія въ мірѣ; а затѣмъ тысяча основаній говоритъ за то, что нѣкогда не существовало государства, что тогда по бѣлу свѣту безъ всякаго признака государственнаго устройства бродили отдѣльныя человѣческія орды (d).

Не научно равнымъ образомъ и утвержденіе, что теперешняя „правовая форма совмѣстной народной жизни“ останется „вѣчнымъ“ типомъ нравственнаго устройства человѣчества. И этого мы не можемъ знать, такъ какъ не обладаемъ даромъ пророчества.

d) «Жизнь большихъ пастушескихъ племенъ, хотя бы и подъ начальствомъ старѣйшинъ, ... все-таки лишена государственнаго устройства», говоритъ Гееренъ (Heeren—«Kleine historische Schriften». II, 178).

Также и Гербертъ Спенсеръ, при разсмотрѣніи соціальнаго развитія исходящій изъ «примитивной группы», не признаетъ въ этой послѣдней властвованія, а поэтому считаетъ ее лишенной государственнаго устройства; лишь въ случаѣ обороны отъ нападенія со стороны другой группы появляется общая совмѣстная дѣятельность подъ временнымъ предводительствомъ («Political Institutions» 1892, p. 246). Спенсеръ очень часто повторяетъ этотъ взглядъ, приводя въ подкрѣпленіе его многочисленные примѣры изъ жизни первобытныхъ народовъ. Такъ, напр., на страницѣ 266 упомянутаго сочиненія онъ говоритъ о «the members of a primitive horde, loosely aggregated and without distinctions of power...». «Concerning the members of the small unsettled groups l. c. § 454: of Fuegians Cook remarks that: none was more respected than another».

f) „Философскія“ опредѣленія.

Примѣромъ того, какъ обходилась съ государствомъ спекулятивная философія, какъ она старалась затемнить понятіе о немъ,— примѣромъ этого можетъ служить опредѣленіе, данное Гегелемъ. Для него государство является „воплощеніемъ объективнаго мірового духа“ и вмѣстѣ-съ-тѣмъ „единеніемъ свободной, самостоятельной, индивидуальной воли въ общей, объективной свободѣ къ высшему совершенствованію“ („die Einigung der freien Selbständigkeit des besondern Willens in der allgemeinen und objectiven Freiheit zur höchsten Vollkommenheit“). Подобныя опредѣленія въ Берлинѣ и въ другихъ мѣстахъ въ свое время были единственно возможными, такъ какъ о государствѣ не смѣли говорить ясно и понятно; лишь это обстоятельство объясняетъ и отчасти оправдываетъ тотъ мистически-философскій туманъ, которымъ покрывали сущность и понятіе государства.

Однимъ изъ послѣднихъ Гегеліанцевъ былъ Лоренцъ Штейнъ (1815—1890, проф. кильскаго и вѣнскаго университетовъ). Его опредѣленіе гласитъ: „Государство такъ же, какъ и

человѣческое *я*, не является ни установленіемъ, ни требованіемъ права, ни этической формой, ни логическимъ понятіемъ. Государство есть высшая матеріальная форма личности. Сущность его заключается въ самодовлѣніи. Такъ же, какъ и человѣческое *я*, государство не можетъ быть ни доказано, ни обосновано. Оно само по себѣ. Его, какъ и человѣческое *я*, нельзя развивать изъ другого. Государство есть великій фактъ, заключающійся въ томъ, что единеніе людей имѣетъ свое собственное, самостоятельное и самодѣятельное бытіе, находящееся внѣ и выше воли общества". („Verwaltungslehre". I, 6).

И это опредѣленіе не содержитъ въ себѣ никакихъ конкретныхъ признаковъ понятія о государствѣ, а между тѣмъ на нихъ-то прежде всего и слѣдовало бы обратить вниманіе, когда желаютъ опредѣлить государство (е).

е) Вотъ общая черта всѣхъ «философскихъ» опредѣленій: они не выясняютъ тѣхъ вещей, которыя требуютъ разъясненія; въ лучшемъ случаѣ, на мѣсто требующей разъясненія неясности они помѣщаютъ другую,—по большей части вставляютъ безсодержательную фразу или очень широковѣщательное, также не имѣющее никакого ровно смысла разглагольствованіе. Такъ, напр., Кантъ въ своемъ ученіи о правѣ, опредѣляя государство, какъ «соединеніе множества людей подъ законами права (Rechtsgesetze)», заставляетъ насъ разрѣшать еще болѣе трудную задачу,—что такое «законы права»? Если подъ этими «законами права» понимать лишь опредѣленную категорію законовъ, соотвѣтствующихъ извѣстной «правовой идеѣ»,—то является вопросъ: неужели же государства, не имѣвшія или не имѣющія ихъ, не считаются государствами? Если же подъ этимъ понимать всѣ возможные законы, которые провозглашены, какъ существующіе для права,—и тогда данное опредѣленіе ничего намъ не выяснитъ,—во-первыхъ, потому что подъ него могутъ быть подведены также различныя общества и ассоціаціи (напр.—религіозныя общества); а затѣмъ опредѣленіе это не содержитъ въ себѣ всѣхъ признаковъ государства и пропускаетъ именно самый характерный и самый важный изъ нихъ (властвованіе). Все-таки Кантъ по крайней мѣрѣ не такой ужъ туманный писатель, какъ Гегель и его послѣдователи. Даже такой, чисто отрицательной оцѣнки нельзя дать пражскому профессору, потомъ депутату въ рейхсратѣ и министру народнаго просвѣщенія Гаснеру, если прочесть его категорическое опредѣленіе: «государство есть міровой законъ, какъ личность» («Philosophie des Rechts» 1851, S. 85). Этимъ достоинствомъ, состоящимъ въ краткости, надѣлено также и опредѣленіе Іеринга: «государство есть организмъ свободы». Не понятно однако ни одно, ни другое.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Происхожденіе государства.

§ 14.

Происхожденіе государства, какъ историческій актъ.

Если понятіе государства часто сводилось къ выраженію политическихъ тенденцій, къ изображенію политической программы и служило знаменемъ для политическихъ стремленій,—то неменьшему извращенію долженъ былъ подвергаться и чисто историческій актъ происхожденія государствъ: его часто искажали и сознательно игнорировали въ пользу такъ называемыхъ „высшихъ“ идей. Чисто историческій актъ происхожденія государствъ строили на идеѣ, выводили изъ извѣстныхъ потребностей или, иначе говоря, изъ опредѣленныхъ раціоналистическихъ и нравственныхъ мотивовъ. Полагали, что для поддержанія морали и человѣческаго достоинства обязательно нужно скрыть дѣйствительный, естественный способъ возникновенія государствъ и выставить вмѣсто него какую-нибудь „легальную“ и гуманную формулу. Вопросъ,—„какъ происходятъ государства?“—мы разработали подробно въ другомъ мѣстѣ [1]), и здѣсь хотимъ изложить лишь существенное.

Исторія не предъявляетъ намъ ни одного примѣра, гдѣ бы государство возникало не при помощи акта насилія, а какъ-нибудь иначе. Кромѣ того это всегда являлось насиліемъ одного племени надъ другимъ, оно выражалось въ завоеваніи и порабощеніи болѣе сильнымъ чужимъ племенемъ болѣе слабаго, уже осѣдлаго населенія (a, b, c, d).

a) Для вполнѣ научнаго доказательства истинности даннаго положенія нужно исторически разсмотрѣть происхожденіе всѣхъ нѣкогда существовавшихъ и теперь еще существующихъ государствъ и такимъ образомъ удостовѣриться въ томъ, что всегда и вездѣ они возникали путемъ завоеванія, производившагося враждебнымъ племенемъ, съ завоевательными цѣлями нападавшимъ на осѣдлое населеніе. Правда, для выполненія этой задачи дѣйствительно научнымъ образомъ, не

---

[1]) «Der Rassenkampf». Sociologische Untersuchungen, 1883, S. 218 ff.

достаточно силъ отдѣльнаго человѣка. Все-таки я сошлюсь на «историческія указанія», помѣщенныя въ V главѣ моего «Rassenkampf», гдѣ выведено происхожденіе значительнѣйшихъ древнихъ государствъ,— Египта, Вавилона, Ассиріи, Мидіи, Персіи, Индіи и Китая, какъ возникшихъ путемъ завоеванія и порабощенія. Дальнѣйшіе примѣры такого возникновенія государствъ будутъ приведены ниже. Здѣсь же мы хотимъ лишь привести нѣкоторыя мнѣнія ученыхъ государствовѣдовъ, относящіяся къ данному вопросу и подкрѣпляющія нашъ взглядъ.

Вотъ какъ говоритъ Блунчли («Allg. Staatsrecht» I, 241, 4. Aufl. 1868) по поводу сказанія объ основаніи Ромуломъ Рима: «Очень сомнительно, чтобы въ дѣйствительности когда-либо существовала эта,—какъ мы её можемъ назвать,—форма творческаго созданія государства». И для другой формы возникновенія государствъ, совершающейся путемъ «народной организаціи» («Volksorganisation»), Блунчли едва удается привести одинъ лишь примѣръ (Исландія); затѣмъ онъ переходитъ къ «земельному захвату» («Landnahme»). «Гораздо чаще бываетъ», говоритъ Блунчли, «что прежде образуется народъ, а затѣмъ ужъ слѣдуетъ завладѣніе землей, какъ вторымъ, необходимымъ для существованія государства элементомъ. Эту форму мы можемъ назвать земельнымъ захватомъ (die Landnahme). Она является прежде всего завоеваніемъ населенной страны. Такая форма происхожденія государствъ очень часто встрѣчается въ исторіи. Этотъ характеръ сказывается въ образованіи еврейскаго государства, затѣмъ значительной части греческихъ (дорическихъ), а также во всѣхъ государствахъ, возникшихъ силою оружія германскихъ народовъ на римской провинціальной территоріи и въ славянскихъ земляхъ. Здѣсь проявляется военное превосходство того или другого народа надъ жителями завоеванной страны; и, какъ съ одной стороны война производитъ разрушительное дѣйствіе, такъ съ другой—въ ней обнаруживается и нѣкоторая положительная, извѣстнымъ образомъ созидающая государства сила. Государственные аттрибуты подчиненія и человѣческаго властвованія выростаютъ во время войны, и вотъ побѣдоносный народъ съ большимъ успѣхомъ основываетъ новое государство въ покоренной странѣ. Возникшія такимъ образомъ государства на первыхъ порахъ своего существованія, кромѣ внѣшнихъ несогласій, должны преодолѣть большія внутреннія трудности: если даже вооруженная борьба и не возобновляется, то все-таки обыкновенно начинается внутренняя— духовная и культурная — борьба между народомъ-завоевателемъ и народомъ-покореннымъ, и длится она до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ полное политическое единство смѣшанной націи.

Завоеваніе, несмотря на то, что оно проявляется въ формѣ насилія, издавна у всѣхъ народовъ считалось источникомъ государственнаго права, и слова Александра Великаго, — что побѣдитель даетъ законы, а побѣжденный ихъ принимаетъ,—имѣютъ значеніе еще и въ наши дни».

Въ этомъ изложеніи у Блунчли лишь терминологія нѣсколько не-

опредѣленна и отчасти неправильна. А именно, когда почтенный государствовѣдъ говоритъ объ «образованіи народа» и утверждаетъ, что оно предшествуетъ «земельному захвату», то тутъ онъ смѣшиваетъ два понятія—племени и народа. Вѣдь до «земельнаго захвата» мы имѣемъ дѣло лишь съ догосударственнымъ племенемъ, такъ какъ безъ опредѣленнаго мѣстопребыванія, безъ территоріи не можетъ быть никакого государства. Самый же «земельный захватъ» Блунчли совершенно вѣрно изображаетъ, какъ «завоеваніе населенной страны». Итакъ гораздо правильнѣе было бы называть «народомъ» лишь то цѣлое, которое возникаетъ изъ племени-завоевателя и «жителей» покоренной страны и составляетъ государство. А Блунчли, съ нашей точки зрѣнія, совершенно неправильно называетъ покорителей «народомъ-завоевателемъ», а завоеванныхъ—«народомъ-покореннымъ» и такимъ образомъ допускаетъ возникновеніе государства изъ двухъ народовъ, что, безъ сомнѣнія, невѣрно. Въ противоположность къ борющимся другъ съ другомъ «народамъ» одного государства (мы это называемъ внутренней борьбой племенъ одного народа), Блунчли примѣняетъ къ образовавшемуся затѣмъ изъ этихъ народовъ цѣлому названіе «полнаго политическаго единства всей націи». Касаясь этого послѣдняго термина, нельзя не признать правильнымъ тотъ взглядъ, что «вполнѣ объединенный политически» народъ,—слѣдовательно, по окончаніи всякой внутренней племенной борьбы, становится націей. Въ слѣдующихъ отдѣлахъ, перейдя къ понятіямъ о племени, народѣ и націи, мы постараемся разсѣять царящую въ данной области неопредѣленность, и по крайней мѣрѣ для государствовѣдѣнія выяснить и установить эти понятія разъ навсегда.

b) Что происхожденіе государствъ путемъ завоеванія и подчиненія реально и имѣетъ за собой историческую правду, другіе же способы возникновенія ихъ являются лишь логическими конструкціями,— въ этомъ можно убѣдиться также изъ слѣдующаго обстоятельства: только въ отношеніи къ завоевательному происхожденію государствъ ученые ссылаются на исторію и такимъ образомъ признаютъ его исторически достовѣрнымъ, а прочіе способы возникновенія, какъ будто очевидные сами по себѣ, допускаются безъ историческихъ доказательствъ. Однако эта очевидность есть лишь свойственная человѣческому мышленію способность къ конструкціямъ,—способность, не предполагающая еще никакой реальности и достовѣрности. Такъ, напр. Юсти (Justi) приводитъ различные способы происхожденія государствъ: «1) Изъ отцовской, домашней власти и авторитета главы семьи; 2) вслѣдствіе уваженія и вліянія, которыхъ кто-нибудь достигалъ въ обществѣ; 3) вслѣдствіе обученія людей вещамъ, способствующимъ болѣе удобному существованію». При этихъ первыхъ трехъ способахъ происхожденія государствъ Юсти не приводитъ никакого указанія на исторію и ни однимъ словомъ даже не намекаетъ на дѣйствительность такихъ предположеній. Между тѣмъ, говоря 4) объ «основателяхъ новыхъ колоній», объ основателяхъ, которые «тѣмъ самымъ создавали и государства», разсказывая при этомъ, какъ «пред-

водители переселявшихся народовъ или колонистовъ, если ихъ предпріятіе имѣло счастливый исходъ, становились всегда также и основателями новыхъ государствъ»,—Юсти прибавляетъ: «Исторія съ древнѣйшихъ временъ и до конца великаго переселенія народовъ такъ обильна подобными примѣрами, что въ данномъ вопросѣ весьма неумѣстно было бы ссылаться на какой-нибудь одинъ особенный случай» (Justi—«Natur und Wesen der Staaten» 1760, p. 26). Послѣднія слова вполнѣ справедливы; а при первыхъ трехъ способахъ возникновенія государствъ Юсти долженъ былъ пройти молчаніемъ подобныя ясныя указанія. Конечно, ему, какъ и многимъ его предшественникамъ и послѣдователямъ, эти три способа казались «очевидными» и поэтому не требующими никакого историческаго доказательства,—«очевидными», такъ какъ они логически легко конструировались!

c) Нѣмецкіе государствовѣды и философы XVIII столѣтія, выступая противъ господствовавшаго тогда естественноправового ученія о «государственномъ договорѣ» («Staatsvertrag») и затѣмъ противъ contrat social Руссо,—смѣло выражали свой взглядъ о насильственномъ основаніи государствъ. Такъ, напр. Бемеръ (Böhmer) въ своемъ—«Introductio in ius publicum» (1709) говоритъ: «pactum aliquod expressum antecedens imperium, vix fingi potest... denique regnorum praecipuorum ortus et incrementa perlustrans vim et latrocinia potentiae initia fuisse apparebit». А философъ Тифтрункъ (Tieftrunk), отклоняя теорію «государственнаго договора», разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: «Изъ природы дикихъ людей, наоборотъ, слѣдуетъ заключить, что они объединялись не путемъ договоровъ или правовыхъ основаній, но подъ вліяніемъ насилія» («Philosophische Untersuchungen über das Privat- und öffentliche Recht», 1799). Одинъ изъ творцовъ «общаго государственнаго права», А. Л. Шлецеръ (A. L. Schlözer) пишетъ: «Большая часть государствъ основана принудительно. Принужденіе предполагаетъ войну, а война—предводителя. Предводитель остается начальникомъ и въ мирное время; онъ становится судьей или предсѣдателемъ суда (Justizpräsident)» («Allg. Staatsrecht u. Staatsverfassungslehre». Götting. 1793, S. 137). Даже и нѣмецкій политическій историкъ Вайцъ (Waitz) въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что «не мирные переговоры и не договоръ, но насиліе и война создавали великія державы» («Deutsche Verfassungsgeschichte» I, 344). Впрочемъ, кажется, Вайцъ относитъ это лишь къ «великимъ» державамъ, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ онъ допускаетъ, что «народъ и государство» «выростаютъ изъ семьи» (l. c. I, 49). Первый взглядъ Вайца подтверждается многочисленными, помѣщенными въ его сочиненіи историческими примѣрами; а въ подкрѣпленіе другой своей теоріи, трактующей о происхожденіи государства изъ семьи, нашъ ученый историкъ не можетъ привести ни одного примѣра и вынужденъ сознаться, что «этотъ переходъ ускользаетъ отъ историческаго наблюденія, такъ какъ, когда начинается исторія, то онъ

является уже законченнымъ». Что данный «переходъ отъ семьи къ государству» не поддается историческому изслѣдованію,—съ этимъ охотно можно согласиться, такъ какъ подобной метаморфозы никогда и нигдѣ нельзя встрѣтить; но къ этому мы еще вернемся впослѣдствіи. (По данному вопросу см. мои—«Rechtstaat und Socialismus» S. 87, «Grundriss der Sociologie» S. 106 ff. и статью «Familie» въ моихъ «Sociologische Essays» 1898).

Справедливо замѣчаетъ Германъ Шульце, что «общее въ древнія времена распространеніе монархической формы правленія бросаетъ яркій свѣтъ на происхожденіе государствъ; вѣдь монархія является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ похода и завоеванія» («Einl. in's deutsche Staatsrecht» 1867, S. 191).

d) Выступающая во всѣхъ государствахъ противоположность между властвующими и подвластными заставила многихъ государствовѣдовъ принять теорію насильственнаго происхожденія государствъ, такъ какъ они правильно разсуждали, что подчиненіе произошло, конечно, не добровольно. Теперь интересно, къ какимъ натянутымъ и почти мистическимъ концепціямъ прибѣгаетъ—въ другихъ отношеніяхъ столь разсудительный и глубокомысленный—Шлейермахеръ—для того, чтобы объяснить эти, существующіе въ каждомъ государствѣ контрасты, не исходя изъ акта насилія. И онъ сущность государства видитъ въ «противоположности между правительствомъ и подвластными». «Гдѣ это существуетъ, тамъ есть государство—и наоборотъ». («Lehre vom Staat», herausg. v. Brandis, Berl. 1845, S. 3). Вполнѣ согласно съ этимъ взглядомъ (въ своемъ трактатѣ о понятіи различныхъ формъ правленія, вышедшемъ въ Берлинѣ въ 1814 г.) Шлейермахеръ ставитъ происхожденіе государствъ въ зависимость отъ возникновенія данной противоположности; однакоже вмѣсто того, чтобы выяснить эту послѣднюю сообразно съ природой предмета и,—что единственно правильно,—на основаніи факта завоеванія,—вмѣсто этого вотъ какъ пытается Шлейермахеръ объяснить подмѣченную противоположность: онъ допускаетъ, что «готовая къ возникновенію государства масса» подвергается такому «толчку, за которымъ слѣдуетъ политическое пробужденіе», вслѣдствіе чего и развивается замѣчаемая вездѣ «противоположность между правительствомъ и подвластными». При этомъ онъ считаетъ возможными два случая. Если такой толчокъ затрагиваетъ всю народную массу, тогда эта противоположность «сливается въ каждомъ гражданинѣ» (wird jener Gegensatz «in jedem Bürger ganz sein»), благодаря чему создается демократія. «Въ другомъ случаѣ, если однородная и въ общемъ одинаково подготовленная къ возникновенію государства масса неравномѣрно подвергается образующему государство толчку, тогда можетъ найтись одна или нѣсколько личностей, которыхъ этотъ толчекъ преимущественно и коснется». Какимъ же образомъ происходитъ такой мистическій процессъ,—въ этомъ, конечно, не даетъ себѣ яснаго отчета и самъ Шлейермахеръ; и, пытаясь выяснить себѣ данное положеніе, онъ почти безсознательно попадаетъ

на единственно правильное объясненіе происхожденія государствъ, но не достаточно глубоко въ него вникаетъ. «Что политическое сознаніе такой массы»,—продолжаетъ онъ въ заключеніе къ вышесказанному,—«сосредоточивается лишь въ одной личности,—это, конечно, едва ли можно представить себѣ иначе, какъ слѣдующимъ образомъ: въ извѣстный моментъ эта личность, благодаря своимъ дѣяніямъ и таланту, пріобрѣтаетъ особенное вліяніе, и толпа чувствуетъ въ ней потребность; или же это можетъ быть иноземецъ, который, будучи еще изъ-дому (vom Hause her) развитымъ, занесенъ въ необразованную, но все-же нѣкоторымъ образомъ приготовленную къ возникновенію государства массу; такъ вѣдь считаютъ, что многія государства образованы, прежде всего благодаря подобнымъ пришельцамъ». Эту послѣднюю мысль Шлейермахеръ не развиваетъ далѣе, хотя онъ имѣлъ бы на это достаточное основаніе, такъ какъ ему приходится признаться, что «еще труднѣе было бы вообразить себѣ политическое сознаніе развивающимся сразу во многихъ личностяхъ», а поэтому казалось бы очень умѣстнымъ тутъ допустить, что и эти «многіе» уже «изъ-дому» одарены политическимъ сознаніемъ! Тѣмъ не менѣе въ дальнѣйшемъ изложеніи своего трактата онъ говоритъ о «властвующимъ и подчиненныхъ племенахъ» (S. 278). Во всякомъ случаѣ Шлейермахеръ служитъ примѣромъ того, къ какимъ вычурнымъ концепціямъ должны прибѣгать, когда не обращаютъ вниманія на предшествующее завоеваніе и покореніе и не хотятъ этимъ объяснить тотъ фактъ, что во всѣхъ государствахъ искони существовали «властвующія и подчиненныя племена».

§ 15.

Теорія мирнаго происхожденія государствъ.

Стоящіе за другой (не насильственный) способъ возникновенія государствъ не обосновываютъ его историческими доводами, но удаляются въ доисторическую эру, чтобы тамъ пустить въ ходъ свои гипотезы.

Во всякомъ случаѣ, если ужъ дѣлать доисторическія времена сферой научнаго разсужденія, — то гораздо естественнѣе было бы вносить сюда лишь такія положенія, аналогичныя которымъ встрѣчаются въ исторіи, а не такія, какихъ мы нигдѣ и никогда не находимъ въ историческую эпоху.

Почему же бо́льшая часть юристовъ и государствовѣдовъ допускаетъ постепенное и медленное, мирное и спокойное развитіе государства изъ семьи и общины и охотнѣе опирается на шаткія

гипотезы, чѣмъ на тѣ исторические факты, съ которыми связано основаніе государствъ? Почему данные ученые охотнѣе смотрятъ на возникновеніе государствъ, какъ на великія дѣянія выдающихся миѳическихъ мудрецовъ и героевъ, или даже какъ на произведеніе свободнаго соглашенія и договора между всѣми членами государства,—а не хотятъ признать, что эти, столь благодѣтельныя для человѣчества соціальныя организаціи, вытекая изъ насильственнаго столкновенія враждебныхъ этническихъ элементовъ, основаны благодаря грубому превосходству силы?

Причина такого страннаго пріема у большинства философовъ права заключалась въ слѣдующемъ.

Согласно съ господствовавшимъ нѣкогда въ этой наукѣ стремленіемъ выводить право и государство изъ высшей идеи, изъ этическаго принципа,— согласно этому создалась такая логическая неизбѣжность: человѣку, какъ осуществителю этой высшей идеи, надлежитъ прежде всего создать право, а затѣмъ уже для защиты даннаго права—основать государство.

И вотъ такимъ образомъ система легко была построена. Однако и впослѣдствіи эту, основанную на идеѣ права систему не могли ниспровергнуть, хотя и было признано, что люди, воображаемые исполнителями этой идеи, въ самый же моментъ основанія государствъ такъ сильно противъ нея грѣшили.

Итакъ въ угоду этой системѣ нужно было создать гипотезу „правового“ происхожденія государства, а всякое историческое, „неправовое“ основаніе государствъ—заклеймить, какъ „исключеніе“ изъ общаго правила (а).

а) Полагали, что надъ теоріей завоевательнаго происхожденія государствъ, какъ надъ лишеннымъ «этической» основы «матеріалистическимъ» ученіемъ, слѣдуетъ произнести обвинительный приговоръ; и думали, что идея права и добра обязываетъ насъ принять мирный, «разумный» способъ происхожденія государствъ. Такое отверженіе завоевательной теоріи неправильно. Разсмотримъ же это дѣло поближе. Что коренится въ природѣ человѣка, что твердо въ ней установлено,—то слѣдуетъ признать и соотвѣтствующимъ «высшей волѣ», «вѣчному закону» и имѣющимъ разумную цѣль. И вотъ страсть къ завоеванію (Eroberungssucht) является такой, глубоко коренящейся въ человѣческой природѣ наклонностью; это—проявляющаяся въ человѣкѣ естественная сила,—и, что онъ подъ вліяніемъ ея дѣлаетъ, то очевидно должно соотвѣтствовать высшей волѣ, высшему закону и должно служить разумной цѣли.

И проявленіе этой естественной силы нельзя называть безправ-

ственнымъ—уже на томъ основаніи, что подъ категорію нравственности вовсе не подходятъ тѣ историческіе факты, которые совершаются благодаря элементарной силѣ. Подобные факты никакъ не могутъ быть выставляемы на судъ человѣческихъ установленій. И было бы въ высшей степени ненаучно, еслибы,—вмѣсто тщательнаго изслѣдованія дѣйствительности,—вздумали сознательно искажать эти факты въ угоду не имѣющимъ самостоятельнаго значенія «идеямъ».

§ 16.

Теологическія и раціоналистическія теоріи.

Для стоящихъ на теологической точкѣ зрѣнія юристовъ и государствовѣдовъ имѣло значеніе еще другого рода соображеніе. А именно,—они разсматривали государство, какъ божественное установленіе. И вотъ, неужели же Богъ для того, чтобы водворить на землѣ свое произведеніе, долженъ былъ пользоваться превосходствомъ силы? Какимъ образомъ грубость и насиліе могли бы дать столь благодѣтельные результаты? и какъ можно согласиться съ тѣмъ, что прогрессъ и цивилизація должны санкціонировать прошлый актъ варварства? (а)

У раціоналистическихъ философовъ права, наоборотъ, рѣшающее значеніе имѣлъ ихъ взглядъ на человѣческую „свободу". И вотъ государство для того, чтобы оно имѣло нравственную силу, должно быть разсматриваемо, какъ продуктъ сознательной дѣятельности духовно-свободнаго человѣка. Вѣдь то лишь можетъ имѣть нравственную цѣнность, что̀ вполнѣ свободно создаетъ человѣкъ. И, еслибы государство, при всѣхъ его благотворныхъ проявленіяхъ, существованіемъ своимъ было обязано какимъ-то инстинктивнымъ, грубымъ, насильственнымъ дѣйствіямъ, направленнымъ первоначально къ совершенно иной цѣли,—гдѣ тогда осталась бы человѣческая „свобода"? Еслибы государство, величайшее произведеніе человѣка на землѣ, это первое условіе всякой культуры, еслибы оно вытекало не изъ сознательно направленной на это свободной человѣческой дѣятельности, еслибы государство возникало подъ вліяніемъ естественной необходимости, подъ вліяніемъ естественнаго закона, господствующаго надъ этой свободной дѣятельностью,—тогда нечего было бы и думать о томъ, какой цѣли государство должно служить, такъ какъ и цѣль его въ такомъ случаѣ

была бы скрыта въ темномъ лонѣ силъ природы и не могла бы быть выяснена изъ сознательнаго намѣренія тѣхъ, которые его основали.

а) Число защитниковъ теологическаго взгляда на государство— легіонъ; это—то именно воззрѣніе, которое перенято христіанствомъ отъ евреевъ, и адептами котораго, само собой разумѣется, являлись всѣ отцы церкви и затѣмъ всѣ духовные писатели. Впрочемъ, нужно отмѣтить, что въ XIX столѣтіи былъ и весьма значительный свѣтскій защитникъ даннаго направленія, «семитъ» Шталь (1802—1861). (J. Stahl—«Die Philosophie des Rechts auf der Grundlage christlicher Weltanschuung», 3. Aufl., 1854—1856). Юнкеры прусской верхней палаты имѣли въ немъ рьянаго вожака; такой пригодился бы имъ и теперь. Вѣдь теологическое ученіе о государствѣ всегда хорошо уживалось съ феодальнымъ строемъ.

§ 17.

Опровержeніе вышеизложенныхъ теорій.

Кого не интересуетъ дѣйствительность и кто удовлетворяется построеніемъ идеальныхъ системъ, тотъ, пожалуй, и можетъ выводить государство изъ идеи права. Но дѣйствительность и исторія человѣчества не знаютъ такого отвлеченнаго происхожденія государства. Намѣреніе основателей государствъ никогда не было направлено на высшія цѣли, но лишь на удовлетвореніе человѣческихъ потребностей могущества и собственнаго благосостоянія. А право возникло лишь въ государствѣ, и правовая идея, — такъ глубоко запечатлѣвшаяся теперь у насъ, прирожденныхъ членахъ государственнаго общенія, — не была еще извѣстна основателямъ государствъ; у нихъ были лишь—сознаніе силы, жажда власти и стремленіе къ собственному благополучію. Итакъ, конечно, идею права можно выводить изъ государства, но не наоборотъ—не государство изъ идеи права, не предыдущее изъ послѣдующаго.

Если смотрѣть на государство, какъ на божественное установленіе, — то тутъ создается такое воззрѣніе, на которомъ очень легко сойдутся и философъ и мыслящій теологъ, конечно въ томъ случаѣ, если они не буквоѣды-педанты. Философъ охотно согласится со слѣдующимъ разсужденіемъ: если идея основать государство не лежала въ сознаніи племени-завоевателя, покорившаго чужую страну и ея населеніе, и, если съ другой стороны нельзя

допустить, что основаніе государствъ есть дѣло слѣпого случая,— то, оставаясь послѣдовательнымъ, придется признать высшую силу, руководящую исторіей. Съ другой же стороны и мыслящій теологъ охотно согласится съ тѣмъ, что „божественное устройство“ государства не нужно понимать въ томъ смыслѣ, будто бы Богъ лично установилъ государственную организацію.

Если же философъ и теологъ сходятся между собой относительно смысла идеи о „божественномъ устройствѣ“ государства, въ такомъ случаѣ божественность эта не можетъ ужъ служить помѣхой для допущенія насильственнаго, завоевательнаго происхожденія государствъ. Вѣдь одно изъ двухъ: или пришлось бы отрицать существованіе божественнаго Провидѣнія, какъ какой-то высшей силы, проявляющейся въ исторіи; или же слѣдуетъ признать, что Провидѣніе это, для осуществленія въ исторіи человѣчества своихъ предначертаній или высшихъ идей, постоянно пользуется насильственными средствами, — войнами и опустошеніями. Если принять это послѣднее, тогда ужъ безпрепятственно можно признать, что при всемъ своемъ „божественномъ устройствѣ“ государство возникаетъ изъ борьбы, войнъ, насилій и опустошеній.

Наконецъ, что̀ касается до „свободы“, а именно до нравственной человѣческой свободы, то,—со времени прекраснаго изреченія поэта: „Человѣкъ свободенъ, хотя бы даже онъ въ цѣпяхъ родился“,—съ тѣхъ поръ значеніе ея уже сильно измѣнилось. Теперь извѣстно, что даже нравственная свобода человѣка имѣетъ тѣсныя границы; извѣстно, что весьма незначителенъ тотъ кругъ, гдѣ эта свобода, повидимому, можетъ дѣйствовать; извѣстно, что историческая сфера, въ которой движется государственная жизнь, изолирована отъ произвола людей и лежитъ высоко надъ сферой человѣческой свободы (a).

И вотъ теперь признаніе этого приводитъ къ слѣдующему положенію: „Государство является естественнымъ произведеніемъ (Naturproduct)“; и съ даннымъ положеніемъ мы встрѣчаемся не въ однѣхъ лишь матеріалистическихъ школахъ; нѣтъ, его повторяютъ даже такіе философы, которые съ матеріализмомъ и съ выводами естествознанія не желаютъ имѣть ничего общаго. Но въ ихъ устахъ это положеніе означаетъ лишь, что на происхожденіе государствъ ни въ коемъ случаѣ нельзя смотрѣть, какъ на продуктъ человѣческой свободы (b).

a) Въ противоположность теологическому направленію, представляющему государство божественнымъ произведеніемъ, Максъ Зейдель («Grundzüge des allgem. Staatsrechts». 1873) полагаетъ, что оно должно быть «не чѣмъ инымъ, какъ продуктомъ человѣческой воли»; но вѣдь это не вѣрно. Ужъ болѣе правильный взглядъ на вещи можно найти у историка Георга Ландау («Die Territorien». 1854, S. 111). Онъ говоритъ: «Всѣ древнѣйшія государственныя организаціи возникли не изъ человѣческаго произвола, не благодаря организаціоннымъ эдиктамъ, какъ это теперь бываетъ; нѣтъ, напротивъ того,—словно дерево изъ зерна, зароненнаго въ нѣдра земли,—такъ и онѣ выросли въ силу извѣстной необходимости, въ силу неизмѣнныхъ, самой природой данныхъ законовъ»... Конечно, Ландау лишь чувствуетъ истину и выражаетъ ее иносказательно. Дѣйствительный же ходъ событій, имѣвшій мѣсто и при возникновеніи «древнѣйшихъ государственныхъ организацій», раскрывается передъ нами лишь благодаря соціологическому пониманію происхожденія государствъ.

b) Совершенно вѣрно замѣчаетъ Г. А. Цахаріэ (H. A. Zachariä—«Deutsches Staatsrecht», S. 64): «Взглядъ на государство, просто какъ на естественное произведеніе, ничего еще не выражаетъ и не согласуется съ разумнымъ пониманіемъ...». Такого «разумнаго пониманія» («vernünftige Erkenntniss») не могли достигнуть ни раціоналисты, ни историческая школа; лишь соціологическая наука о государствѣ добивается этого: вѣдь только соціологія выясняетъ, какимъ образомъ государство, какъ естественное произведеніе, вступаетъ въ жизнь изъ естественно-необходимой борьбы разнородныхъ этническихъ элементовъ.

§ 18.

Смыслъ теорій о происхожденіи государствъ.

Формулировка взгляда на происхожденіе государствъ оказываетъ значительное вліяніе на всю государственную науку. Если бы въ актѣ происхожденія заключалась и цѣль государства, — тогда научное опредѣленіе этого происхожденія было бы вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и окончательнымъ разрѣшеніемъ вопроса относительно цѣли (a). Къ установленію способа происхожденія государствъ съ давнихъ поръ стремились два направленія — историческое и философское. Для историческаго было доступно лишь незначительное число государствъ; философское же будто бы являлось примѣнимымъ ко всѣмъ возможнымъ, существующимъ и нѣкогда существовавшимъ государствамъ. Что же было дальше? Фи-

лософскій методъ бросалъ историческому упреки въ томъ, что онъ ссылается лишь на немногіе историческіе „исключительные случаи" и тѣмъ унижаетъ общее правило, будто бы добытое философскимъ методомъ съ помощью отвлеченнаго мышленія. Но вотъ развитіе данныхъ методовъ привело къ тому, что историческій, идя рука объ руку съ огромнымъ прогрессомъ историческихъ изслѣдованій, пріобрѣталъ для обоснованія своихъ положеній новые, все болѣе и болѣе убѣдительные аргументы, обнималъ все болѣе содержательный и болѣе обширный матеріалъ; а между тѣмъ нѣкогда заманчивые выводы философскаго метода,—чѣмъ дальше, тѣмъ больше должны были оказываться простымъ самообманомъ. Затѣмъ историческій методъ неожиданно пріобрѣлъ союзниковъ въ натуралистическихъ и антропологическихъ открытіяхъ и въ наблюденіяхъ надъ примитивнымъ общественнымъ состояніемъ новооткрытыхъ странъ, — и эти союзники историческаго метода въ то же самое время явились врагами для философскаго. Итакъ въ данной области историческій методъ остался побѣдителемъ, и ученіе о цѣли государства теперь уже не можетъ опираться ни на предначертаніе основателей, ни на мнимый „первоначальный договоръ" между участниками государственнаго общенія, ни на т. под.; напротивъ того,—ученіе это должно гармонировать съ результатами соціологическаго изслѣдованія относительно происхожденія государствъ.

а) Ученіе о «цѣли государства» образовало постоянную рубрику во всѣхъ учебникахъ и системахъ государственнаго права. При этомъ ученые,—сознательно или невольно,—придерживались той же тактики, какъ и при постановкѣ опредѣленій государства. Они выдумывали или предполагали основаніе государства, предпринятое съ сознательнымъ намѣреніемъ, и добивались построенія одной или нѣсколькихъ, совершенно опредѣленныхъ государственныхъ цѣлей, — сюда относятся, напр. гарантія правъ личности, обезпеченіе собственности и свободы, реализація правовыхъ идей и т. д. Тутъ, сообразно своему партійному положенію, ученые могли требовать отъ государства, чтобы это послѣднее, согласно поставленнымъ ему цѣлямъ, охраняло свободу личности или защищало собственность и т. под. Такія тенденціи, правда, похвальны, но безпристрастная наука столько же можетъ знать о цѣли государства, какъ и о цѣли всей вселенной. Теологическіе взгляды не могутъ быть научно обоснованы. Такъ какъ государство вовсе не является сознательнымъ и свободнымъ человѣческимъ произведеніемъ, то при основаніи его люди не могли ему поставить никакой цѣли. Завоеватели, основавшіе государство, могли преслѣдовать исключительно лишь цѣль обезпеченія себѣ жизненныхъ условій

на счетъ порабощеннаго населенія; да и до сихъ поръ господствующіе классы стремятся къ тому же. Однако это вовсе не цѣль государства. Конечно, теперь ужъ народы требуютъ, чтобы государство, т. е. признаваемое ими правительство, стремилось къ выполненію такихъ опредѣленныхъ задачъ, какъ поддержаніе общественнаго благосостоянія, охрана права, свободы личности и т. д. И въ этомъ отношеніи могутъ говорить о цѣляхъ, преслѣдуемыхъ «государствами». Дѣйствительно, правительства современныхъ государствъ ставятъ себѣ теперь различныя задачи, къ выполненію которыхъ ихъ понуждаютъ болѣе вліятельные народные классы. А гдѣ народъ еще не имѣетъ никакой силы и никакого вліянія, тамъ, конечно, абсолютный властелинъ преслѣдуетъ лишь свою цѣль могущества, содержитъ огромную армію и увеличиваетъ флотъ. Но это вовсе не цѣль государства, хотя самосохраненіе, несомнѣнно, слѣдуетъ признать высшею его цѣлью. Соображеніе же, что государство въ своемъ историческомъ развитіи выполняло на самомъ дѣлѣ совершенно иныя задачи, чѣмъ тѣ, какія могли быть вложены въ эгоистическія предначертанія основателей, наводитъ на такую мысль: не стремится ли и теперь государство, какъ естественное явленіе (Naturerscheinung),—независимо отъ эгоистическихъ намѣреній властвующихъ и подвластныхъ, и выше всѣхъ этихъ мелочныхъ побужденій,—не стремится ли оно къ выполненію такихъ задачъ, о которыхъ государствовѣдамъ ничего и не грезится? Подобныя мысли часто выражаются въ новѣйшее время по аналогіи съ теоріей Дарвина объ естественномъ подборѣ при борьбѣ за существованіе, а именно въ томъ смыслѣ, что ведомая въ государствѣ соціальная борьба имѣетъ своею цѣлью выборъ лучшихъ элементовъ. Согласиться съ данными мыслями,—это значитъ признать государство и всю его классовую организацію и классовую борьбу однимъ лишь средствомъ въ огромномъ хозяйствѣ природы (Wirthschaft der Natur),—средствомъ, при помощи котораго природа стремится къ достиженію неизмѣнныхъ, совершенно внѣ государства лежащихъ предначертаній. Высшею цѣлью государства тогда было бы—какъ можно лучше сыграть свою роль средства въ хозяйствѣ природы. Но такое теченіе мыслей относится очевидно уже не къ области науки о государствѣ, а къ естествознанію. (Ср. Otto Ammon—«Die Gesellschaftsordnung und ihre natürlichen Grundlagen» 1895 и кромѣ того статью «Darwinismus und Sociologie» въ моихъ «Sociologische Essays», 1898).

§ 19.

Примирительная попытка Моля.

Въ своемъ ученіи о происхожденіи государства Робертъ Моль пытался примирить между собою два вышеупомянутыхъ

противоположныхъ теченія. Стремленіе это привело его къ допущенію пяти способовъ происхожденія государствъ; а именно, онъ признаетъ,—одинъ на-ряду съ другимъ,—всѣ тѣ виды возникновенія государствъ, которые выставлены, какъ историческимъ, такъ и философскимъ методомъ. („Encyclopädie der Staatswissenschaften" 2. Aufl., S. 90 ff).

Согласно съ философскимъ методомъ Моль признаетъ, что государства могутъ происходить путемъ развитія изъ мелкихъ племенъ и помѣстій, могутъ создаваться основателями религій, сильными личностями, а также—возникать въ силу договора (!). А съ историческимъ направленіемъ онъ вынужденъ согласиться въ томъ, что „многія государства возникли силою завоеванія или, иначе говоря, благодаря явному насилію". Однакоже, хотя Моль, при перечисленіи различныхъ способовъ происхожденія государствъ, и дѣлаетъ эту уступку историческому пониманію и приводитъ поддерживаемый этимъ направленіемъ историческій и согласный съ жизненнымъ опытомъ способъ возникновенія государства,—но, несмотря на это, съ другой стороны, при обсужденіи существа различныхъ видовъ происхожденія, ихъ „права" и „правовыхъ послѣдствій", онъ стоитъ на явно-ложной и доктринерской точкѣ зрѣнія. Здѣсь Моль впадаетъ въ принципіальную ошибку, приравнивая государство къ частноправному установленію, къ частноправному договору, напр. къ браку. По его мнѣнію, для происхожденія государства требуются тѣ же условія, какія государственнымъ закономъ предписываются для возникновенія такого договора, какъ напр. бракъ. Но Моль забываетъ, что государство принадлежитъ къ совершенно иной сферѣ человѣческихъ отношеній, чѣмъ бракъ или какой-нибудь другой частноправный договоръ. Государство относится къ области исторіи, гдѣ значеніе имѣютъ факты, а не правовыя основы. Итакъ къ происхожденію государства нельзя прикладывать того частноправнаго масштаба, который, конечно, имѣетъ свою силу внутри государства, но непримѣнимъ къ самому государству.

Выдвигаемый Молемъ вопросъ о томъ,—какой способъ происхожденія государства правовой и какой неправовой,—совершенно ошибоченъ. Нѣтъ вѣдь такого судилища, передъ которымъ государство отдавало бы отчетъ относительно своего происхожденія или оправдывало бы себя по законамъ! Поэтому всякое изслѣдованіе правового способа его возникновенія—одно лишь пустое и безпо-

лезное резонерство. Однакоже и Моль вынужденъ признать, что это „отношеніе“ (здѣсь онъ говоритъ объ основаніи государства) „можетъ вступать въ жизнь такимъ путемъ, какой нельзя защищать съ точки зрѣнія права; и однако, несмотря на это, государство способно служить для пользы и соотвѣтствуетъ даже высшимъ нравственнымъ требованіямъ“ („Encyclopädie“, S. 91). Если такъ,—то какой же смыслъ въ разсужденіи относительно правового или неправового происхожденія государствъ? Не лучше ли въ такомъ случаѣ брать государство въ томъ видѣ, въ какомъ оно выступаетъ, какъ соціальное явленіе, и прибѣгать къ критикѣ лишь относительно того, насколько оно „служитъ для пользы“ и насколько „соотвѣтствуетъ этимъ высшимъ нравственнымъ требованіямъ“?—Если должно согласиться, что способъ возникновенія государствъ не оказываетъ никакого вліянія на ихъ „нравственное достоинство“; если неопровержимо то положеніе, что кромѣ „всемірной исторіи“,—являющейся въ данномъ случаѣ, какъ-бы „всемірнымъ судомъ“,—не существуетъ никакого другого судилища, передъ которымъ бы государству приходилось оправдываться относительно своего „правового“, „неправового“ или прямо-таки „насильственнаго“ способа происхожденія; если такъ,—то не долженъ ли былъ въ такомъ случаѣ Моль совсѣмъ отказаться отъ этической оцѣнки происхожденія государства? и не лучше ли ему было бы строить свои разсужденія лишь на историческихъ фактахъ?

Моль не рѣшается стать на эту, чисто историческую точку зрѣнія. Итакъ онъ приводитъ цѣлый рядъ способовъ происхожденія государствъ; способы эти, конечно, могутъ опираться на философскія положенія,—историческаго же обоснованія для нихъ нигдѣ и никогда не найти.

§ 20.

Опроверженіе молевскихъ теорій.

Возможно ли указать какія-нибудь историческія данныя въ пользу того, что государство „незамѣтно“, а слѣдовательно и мирно развивается изъ „мелкихъ племенъ и помѣстій“? Ни одинъ историкъ не подтвердитъ этого перваго молевскаго способа возникновенія государствъ; ни одинъ изъ нихъ и не задумается назвать

такое „незамѣтное“ происхожденіе государства исторически невозможнымъ.

Удивительно, что въ числѣ другихъ способовъ происхожденія государствъ у Моля вполнѣ серьезно указывается на основаніе ихъ творцами религій, а также на сгруппированіе людей вокругъ какой-нибудь сильной личности. Въ древности, разумѣется, ходили сказанія о подобныхъ основаніяхъ государствъ и имъ вѣрили; и даже великіе и могущественные народы считали за особенную честь выводить происхожденіе своихъ государствъ отъ подобныхъ личностей. Но историкъ не можетъ согласиться съ подобными сказаніями такъ же, какъ и съ той, обыкновенно второй частью ихъ, гдѣ этимъ личностямъ сообщается сверхъестественное, божественное происхожденіе.

Равнымъ образомъ трудно понять, какъ это Моль, несмотря на направленныя противъ него въ данномъ пунктѣ возраженія, упорно держится того мнѣнія, что „договорное происхожденіе отдѣльныхъ государствъ неоспоримо“. При этомъ однако онъ совершенно не опредѣляетъ,—между кѣмъ же собственно заключается данный договоръ? Если подъ послѣднимъ понимать contrat social Руссо, тогда, конечно, участниками въ немъ являются всѣ составляющіе государство индивиды. Исторически же подтвердить подобное возникновеніе государства не въ состояніи ни одинъ государствовѣдъ.

Договорнымъ способомъ происхожденія государствъ очень удобно пользоваться, какъ философскимъ обоснованіемъ соціально-политической тенденціи; если же эту договорную теорію разсмотрѣть съ научно-исторической точки зрѣнія, то она окажется одной лишь утопіей.

Но общій смыслъ словъ Моля, что государство „безспорно можетъ происходить и путемъ договора“, не исключаетъ предположенія, что здѣсь, пожалуй, онъ разумѣетъ не „договоръ“ участниковъ государственнаго общенія, но соглашеніе внѣшнихъ факторовъ,—между прочимъ постороннихъ государствъ, которыя въ извѣстномъ „договорѣ“ опредѣляютъ основаніе новаго государства, какъ это уже часто дѣлали напр., великія европейскія державы. Въ пользу договора между участниками государственнаго общенія нельзя найти никакихъ историческихъ доказательствъ; другой же видъ „соглашенія“ является уже не чѣмъ инымъ, какъ принудительнымъ дѣйствіемъ существующихъ факторовъ силы; подобный

договоръ есть лишь суррогатъ „явнаго насилія“, утонченное выраженіе этого послѣдняго—и больше ничего.

Когда Молю справедливо возражаютъ, что „договорное“ происхожденіе государства немыслимо,—онъ отвѣчаетъ на это слѣдующей репликой: „.... рѣзкаго порицанія заслуживаетъ смѣлость и невѣжество тѣхъ, которые отваживаются отрицать даже частые (?) примѣры основанія государствъ путемъ договора. Достаточно обратить свой взоръ на основаніе стольких сѣверо-американскихъ государствъ вплоть до новѣйшаго времени, на созданіе самого этого союзнаго государства, на происхожденіе современнаго швейцарскаго союза и германской имперіи“. Этотъ послѣдній приведенный Молемъ примѣръ ясно показываетъ, что въ его общемъ выраженіи относительно „договорнаго происхожденія государствъ“ слѣдуетъ имѣть въ виду двоякаго рода договоры: во-первыхъ—настоящій contrat social между участниками государственнаго общенія, и во-вторыхъ—соглашеніе факторовъ, находящихся внѣ членовъ этого общенія; роль такихъ факторовъ могутъ играть посторонніе государства или правительства, путемъ такъ называемаго международнаго договора призывающія къ жизни новое государство. Вѣдь никто же относительно „новаго германскаго союзнаго государства“ не скажетъ, что оно возникло путемъ настоящаго государственнаго договора (contrat social) между всѣми членами общенія. Это просто-на-просто возникновеніе или вѣрнѣе измѣненіе союзнаго государственнаго строя путемъ такого международнаго соглашенія, которое опять-таки является не чѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ могущества сильнѣйшаго соискателя и слѣдовательно видомъ спокойно произведеннаго политическаго завоеванія.

Правда, въ приведенномъ Молемъ примѣрѣ основанія американскихъ государствъ, пожалуй, можно было бы вообразить себѣ настоящій, въ духѣ Руссо, государственный договоръ,—по крайней мѣрѣ съ виду тамъ есть нѣчто подобное. Однако только съ виду. На самомъ же дѣлѣ, и здѣсь сильнѣйшіе факторы навязываютъ свою волю необразованному народу,—навязываютъ ее въ видѣ права и государственнаго строя и совершаютъ соціальное „покореніе“ путемъ хитрыхъ, адвокатскихъ уловокъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть хотя бы одну лишь собственную статью Моля объ основаніи Калифорнійскаго государства. („Staatsrecht, Völkerrecht und Politik“, B. I, S. 511).

Какъ же послѣ этого относиться къ даннымъ четыремъ фило-

софскимъ молевскимъ способамъ происхожденія государствъ? Конечно, ихъ должно отвергнуть, такъ какъ они не имѣютъ подъ собой никакой почвы; и остается принять одинъ лишь историческій способъ, соотвѣтствующій дѣйствительности,—а именно способъ возникновенія государствъ „путемъ завоеванія и вообще явнаго насилія". Но слѣдуетъ помнить, что данное завоеваніе часто можетъ совершаться спокойно и незамѣтно, какъ это доказываютъ вышеупомянутыя американскія, изъ колоній выросшія государства.

Шаткая молевская защита договорной теоріи опровергается въ „Allgemeine Staatslehre" (Giessen 1860) Германна Бишофа. Вотъ какъ высказывается Бишофъ по поводу этого положенія: „Исторія не можетъ представить намъ ни одного случая, гдѣ бы государство возникало путемъ договора. Примѣры, приводимые обыкновенно въ защиту договорнаго образованія государствъ, указываютъ лишь на извѣстную эмансипацію отъ высшей государственной власти,—сюда относится отдѣленіе Швейцаріи и Сѣверной Америки отъ прежнихъ владыкъ. Отдѣльныя же швейцарскія и сѣверо-американскія государства, собственно говоря, и не являются государствами, такъ какъ они признаютъ надъ собой высшую государственную власть" (а).

а) Конечно, гораздо легче было лишь опровергнуть договорную теорію,—что очень многіе, подобно Г. Бишофу, и дѣлали,—легче, чѣмъ построить на ея мѣстѣ другую, правильную и научно обоснованную, тѣмъ болѣе, что передъ «теоріей насилія» ощущали какой-то священный страхъ. Этимъ затруднительнымъ положеніемъ и объясняются тѣ многочисленныя, безсодержательныя теоріи, которыя либо допускаютъ совершенно невозможное, какъ напр. мнимое заключеніе «основного или первоначальнаго договора»,—либо отдѣлываются непонятными картинами, различными сравненіями и туманными фразами.

Къ первому направленію мы причисляемъ всѣ тѣ, издавна многочисленные, простирающіеся и до настоящаго времени взгляды, которые допускаютъ происхожденіе государства изъ семьи, совершающееся путемъ постепеннаго разростанія этой послѣдней. Такую теорію предлагалъ еще Цицеронъ: «Prima societas in ipso coniugio est, proxima in liberis; deinde una domus... id autem est principium urbis et quasi seminarium reipublicae» (De officiis I, 17). Эта идиллія оказывается безсмертной: сотни ученыхъ государствовѣдовъ повторяютъ ее. И все-таки это выведеніе государства изъ семьи совершенно ошибочно. Оно въ сущности покоится на наивномъ воззрѣніи, живущемъ въ народныхъ сказаніяхъ о созданіи рода человѣческаго изъ одной первой пары или первой семьи. Въ «Rassenkampf» мы разбили это ложное воззрѣніе и ниже еще разъ вернемся къ нему. (См. также мое «Rechtsstaat und Socialismus», S. 87 ff.).

Однимъ изъ выводовъ изъ этого воззрѣнія является слѣдующій взглядъ на вещи: на государство смотрятъ, какъ на большую семью или «товарищество» («Genossenschaft»); при этомъ существующей въ государствѣ лѣстницей политическихъ соединеній (общинъ, провинцій и т. под.), а также нѣкоторыми соціальными формами (родами, племенами и т. под.) пользуются для того, чтобы, по мѣрѣ ихъ развитія, раскрывать заманчивую перспективу будущаго «общества, охватывающаго собою все человѣчество» («Menschheits-Gemeinschaft»).

Подобныя бредни имѣютъ, конечно, свой симптоматическій смыслъ; современный анархизмъ (ср. Бруно Вилле—Bruno Wille's—«Philosophie der Befreiung», Berlin 1895) лелѣетъ вѣру въ такое развитіе человѣчества. Но государствовѣды, претендующіе на строгую научность, не должны поддерживать эти бредни,—что дѣлаетъ напр. берлинскій профессоръ Оттонъ Гирке, разводя въ своемъ «Genossenschaftsrecht» (1868) слѣдующую фантазію: «Какъ неизмѣнно впередъ направляется ходъ всемірной исторіи, такъ все величественнѣе и величественнѣе возносится высокое строеніе тѣхъ органическихъ соединеній, которыя, выражаясь во все болѣе и болѣе обширныхъ сферахъ, устанавливаютъ связь между всѣмъ человѣчествомъ, объединяютъ это послѣднее, несмотря на все его пестрое разнообразіе, и приводятъ его къ внѣшнему проявленію и къ дѣятельности. Изъ брачнаго союза,—изъ этого высшаго состоянія, хотя и не переживающаго отдѣльныхъ индивидовъ, — выростаютъ постепенно семьи, роды, племена и народности, общины, государства и союзы государствъ; и для этого развитія нельзя себѣ вообразить другого предѣла, какъ только то далекое будущее, когда все человѣчество замкнется въ единое организованное общество и ясно обнаружится тотъ фактъ, что оно охватываетъ части одного и того же огромнаго цѣлаго».

Только ложныя воззрѣнія на происхожденіе человѣчества и на образованіе государствъ могутъ довести до такихъ бредней о будущемъ. Истина же вотъ въ чемъ: человѣчество не имѣло никакого общаго первоисточника; государство создано насиліемъ; соціальная борьба составляетъ государственную жизнь, и государства другъ по отношенію къ другу находятся въ непрерывномъ,—явномъ или скрытомъ,—военномъ положеніи. Хотя на стремленія ко всеобщему миру (Weltfriedensbestrebungen) и можно смотрѣть, какъ на нѣчто хорошее, хотя въ нихъ и есть извѣстный смыслъ, однако въ основаніи ихъ лежатъ неясныя представленія о природѣ государствъ и о соціальномъ развитіи. Разумныя же цивилизаціонныя стремленія могутъ направляться лишь къ тому, чтобы внутри государства удерживать соціальную борьбу въ предѣлахъ все болѣе и болѣе совершенствующагося правопорядка, а также, чтобы съ помощью соотвѣтствующихъ установленій внутри извѣстной системы государствъ, принадлежащихъ къ одному и тому же культурному міру, дѣлать невозможнымъ для

отдѣльныхъ властелиновъ веденіе войнъ изъ-за мелочнаго честолюбія или просто вслѣдствіе династической жажды власти.

Ко второму изъ двухъ выше указанныхъ направленій, которое за символами и туманными фразами скрываетъ дѣйствительныя событія, имѣвшія мѣсто при первоначальномъ основаніи государствъ, принадлежатъ всѣ приверженцы «органической» школы. По этому вопросу они высказываются приблизительно такъ же, какъ и Георгъ Вайцъ: «Государство выростаетъ органически, какъ организмъ...; оно не естественный, но этическій организмъ» («Grundzüge der Politik», 1862, I Cap.). Что же выражаютъ эти фразы? Онѣ въ крайнемъ случаѣ лишь показываютъ, что государство не является продуктомъ человѣческаго произвола,—положительнаго же объясненія происхожденія государствъ не даютъ.

§ 21.

„Правовая основа" государства.

Кромѣ вопроса относительно происхожденія государствъ,—подъ чѣмъ мы можемъ разумѣть лишь дѣйствительно историческое происхожденіе,—кромѣ этого у государствовѣдовъ большую роль играетъ также и вопросъ о правовой основѣ (Rechtsgrund) государства. Мы уже говорили и еще ниже упомянемъ о томъ, что вопросъ о правовой основѣ государствъ является совершенно празднымъ. Ни передъ какимъ судилищемъ государство не должно оправдывать свое происхожденіе, и выставленіе его на такой судъ — простая забава. И правильно замѣчаетъ Цэпфль („Grundsätze des allg. u. deutsch. Staatsrechtes" I, 52), что вопросъ относительно правовой основы, какъ бы о немъ ни думали, „совершенно неясенъ и ошибоченъ", „такъ какъ происхожденіе вещи разумно можетъ быть мыслимо лишь въ томъ видѣ, въ какомъ оно является въ дѣйствительности". Затѣмъ онъ здѣсь допускаетъ только слѣдующіе два вопроса,—а именно, во-первыхъ—о дѣйствительномъ, историческомъ происхожденіи государствъ, и во-вторыхъ—о разумномъ оправданіи ихъ существованія (Dasein).

Остановившись на первомъ вопросѣ, Цэпфль въ извѣстномъ отношеніи правильно разсуждаетъ, что государство „появляется лишь при существованіи осѣдлой народности" (S. 55). Осѣдлость или вѣрнѣе заселеніе опредѣленной мѣстности мы также считаемъ необходимымъ условіемъ для возникновенія государствъ. „Теорія превосходства силъ", говоритъ дальше Цэпфль, „имѣетъ за собою то

преимущество, что дѣйствительно очень многія государства произошли изъ превосходства или отдѣльныхъ личностей, или племенъ, или одной народности надъ другими“ (S. 57). А въ теоріи патріархальнаго происхожденія государства онъ усматриваетъ „стремленіе ввести нравственное основаніе для оправданія силы“. „И нельзя отрицать“, разсуждаетъ Цэпфль, „что этимъ путемъ (при помощи патріархальной теоріи) открывается очень симпатичный взглядъ на отношеніе государя къ своему народу, — тутъ за властвующимъ признается уже даже обязанность править въ извѣстномъ народномъ интересѣ. Патріархальная теорія является какъ бы облагороженной теоріей превосходства силъ, такъ какъ здѣсь къ могуществу, для разумнаго его примѣненія, присоединяется идея нравственной обязанности“. Однако во всѣхъ этихъ прекрасныхъ изреченіяхъ Цэпфля проглядываетъ взглядъ на патріархальную теорію, какъ на неисторическую и фантастическую. И въ другомъ мѣстѣ онъ (не безъ ироніи) выставляетъ двусмысленность данной теоріи съ монархической точки зрѣнія: „Затѣмъ эта именно аналогія между отцовской властью и монархіей могла бы привести къ крайне сомнительнымъ выводамъ и, будучи развита послѣдовательно, довела бы до ошибочнаго предположенія, — будто-бы единовластіе годится только для несовершеннолѣтняго народа (unmündiges Volk), достигшій же совершеннолѣтія выростаетъ изъ этой формы правленія“.

Обоснованіе государства путемъ „патримоніальнаго принципа“, т. е. путемъ взгляда на територію, какъ на собственность государя, Цэпфль признаетъ только „фактическимъ, а не правовымъ“ (S. 61). „Кромѣ того“, продолжаетъ онъ, „завладѣніе государственной территоріей всегда предполагаетъ извѣстную силу; а поэтому и патримоніальный принципъ, разсматриваемый философски, является нечѣмъ инымъ, какъ только слѣдствіемъ и одностороннимъ развитіемъ теоріи превосходства силъ“. Послѣ тщательнаго изслѣдованія этихъ различныхъ теорій относительно происхожденія и „правовой основы“ государства Цэпфль приходитъ къ слѣдующему заключенію: „*метафизическая* основа государственной власти заключается въ ея разумности; историческимъ же основаніемъ для ея дѣйствій служитъ свойственная ей сила“ (S. 73). Но тутъ слѣдуетъ еще замѣтить, что никакая государственная власть въ мірѣ не заботится о своей метафизической основѣ и не имѣетъ надобности отдавать кому-либо въ этомъ отчетъ. Такимъ образомъ остается одна лишь, какъ выражается

Цэпфль, „историческая основа“ государственной власти, т. е. „свойственная ей сила“ (а).

а) У прежнихъ государствовѣдовъ вопросъ относительно «правовой основы» государства по большей части соединялся съ вопросомъ объ его происхожденіи. Къ договорной теоріи, конечно, возможно пріурочить доказательство правовой основы государства. А тѣ, которые отвергнули данную теорію, перенесли правовую основу на образъ государственной дѣятельности. Вотъ что̀ говоритъ напр. Германнъ Бишофъ: «Правовая основа государственной власти можетъ заключаться только въ разумно-нравственной цѣли ея существованія. Цѣлью же государственной власти является служеніе божественнымъ идеямъ, сознаніе которыхъ врожденно человѣку,—идеямъ права, доброжелательности (Wohlwollen), совершенствованія и духовной, божественной чистоты» (l. c., S. 153). Въ корнѣ этого заявленія лежитъ похвальная тенденція побуждать государственную власть къ гуманнымъ пріемамъ, а то вѣдь иначе эта власть должна была бы лишиться своей «правовой основы». Но такая аргументація, опирающаяся на «божественныя идеи, сознаніе которыхъ врождено человѣку», не выдерживаетъ научной критики, такъ какъ научнымъ путемъ нельзя установить ничего положительнаго относительно того, — что такое «божественныя идеи»?—что такое «идея права»?—«совершенствованія»? и т. под.

Впрочемъ, въ послѣднее время уже нѣсколько замолкли относительно «правовой основы» государства, а вмѣсто этого особенно настойчиво сталъ возбуждаться государствовѣдами-юристами вопросъ о «правовой природѣ» («rechtliche Natur») отдѣльныхъ государствъ. Если подъ этимъ разумѣть форму устройства (Verfassungsform) отдѣльныхъ государствъ, то тутъ нечего возражать. Сомнителенъ лишь методъ, путемъ котораго произвольно, а priori создаютъ «правовую природу» даннаго государства, а затѣмъ на основаніи этихъ произвольныхъ предначертаній требуютъ отъ государства, чтобы оно сообразовалось съ опредѣленной «правовой природой», юридически ему навязанной. Такимъ методомъ въ послѣднее время пользовались государствовѣды-«юристы» («juristische» Staatsrechtslehrer), какъ въ Германіи, такъ и въ Австріи. Въ Германіи, путемъ произвольнаго опредѣленія «правовой природы» новой Германской Имперіи, пришли къ болѣе или менѣе значительному усиленію центральной власти. А въ Австріи также сообразно съ произвольнымъ опредѣленіемъ «правовой природы» монархіи, а именно сообразно съ тѣмъ,—является ли она личной или реальной уніей,—пытались, формулируя эти предположенія, прійти къ извѣстному заключенію относительно формы взаимнаго соотношенія между Австріей и Венгріей. Какъ будто форма дѣйствительныхъ отношеній зависитъ отъ юридическихъ конструкцій и отъ того, что̀ юристамъ заблагоразсудится объявить «правовой природой» государства! Какъ будто тутъ не обнаруживаются скорѣе настоящіе вопросы силы (Machtfragen)!

§ 22.

Вальтеръ Бэджготъ (W. Bagehot) въ своей книгѣ о „Возникновеніи Націй“ („Ursprung der Nationen“), собственно говоря, трактуетъ не о чемъ иномъ, какъ о происхожденіи государствъ; вѣдь благодаря именно государству, безпорядочныя орды становятся народомъ или,—что у Бэджгота безразлично,—націей. Поэтому вездѣ, гдѣ Бэджготъ говоритъ объ „основаніи націи“, мы можемъ подразумѣвать „происхожденіе государства“. Итакъ его взглядъ на „основаніе націй“ относится къ интересующей насъ темѣ. Прежде всего, разсматривая происхожденіе рода человѣческаго, Бэджготъ стоитъ противъ предположенія слишкомъ большого числа первоначальныхъ прародителей (Stammältern): „Найдется“, говоритъ онъ, „приблизительно полдюжины или немного больше такихъ великихъ семействъ, которыя, пожалуй, ведутъ свое происхожденіе отъ отдѣльныхъ прародителей; а различныя развѣтвленія этихъ семействъ уже нельзя, конечно, выводить такимъ же образомъ“ (S. 93). Бэджготъ не соглашается со взглядомъ, будто климатъ, почва и т. под. оказываютъ вліяніе на происхожденіе расъ (S. 97, 98). „Итакъ“, говоритъ онъ, „климатъ не является силой, способствующей возникновенію націй (здѣсь подъ націями нашъ ученый подразумѣваетъ расы и племена),—вѣдь климатъ этотъ не всегда ихъ образуетъ, и часто онѣ возникаютъ безъ его вліянія“ (S. 99). А въ концѣ концовъ Бэджготъ признаетъ двѣ большихъ силы: во-первыхъ,—„силу, приводящую къ образованію расъ, — ту, которая дѣйствовала извѣстнымъ образомъ въ древности, теперь же окончательно или почти совсѣмъ атрофировалась“; во-вторыхъ, онъ признаетъ „силу, созидающую націи,— силу, которая и теперь еще является творческой, каковой она была всегда“. Затѣмъ (S. 126) Бэджготъ заявляетъ, что онъ намѣренъ заняться исключительно разсмотрѣніемъ возникновенія націй, а не расъ.

И вотъ для насъ прежде всего интересно, какъ Бэджготъ выясняетъ происхожденіе древнѣйшихъ кастовыхъ государствъ. „Ничто на первый взглядъ не представляется болѣе страннымъ, чѣмъ видъ такого общественнаго соединенія (народы съ кастовой организаціей), въ которомъ различныя націи (это слово здѣсь употреблено, конечно, вмѣсто—племена!) какъ бы прикованы одна къ другой; при этомъ

каждая изъ нихъ управляется своимъ собственнымъ закономъ, не уважая закона другихъ... Народъ съ кастовой организацiей является разнороднымъ и сложнымъ"... „Съ какими трудностями должно было сопровождаться образованiе кастовой нацiи (Kastennation),—это можно себѣ представить. Такая нацiя создавалась, вѣроятно, лишь въ тѣхъ странахъ, которыя нѣсколько разъ подвергались завоеванiю, и гдѣ затѣмъ границы различныхъ кастъ являлись приблизительно и предѣлами между всевозможными подраздѣленiями побѣдителей и побѣжденныхъ" (S. 170). Въ этихъ замѣчанiяхъ много истины. Жалко лишь, что Бэджготъ не задалъ себѣ вопроса, существовали ли вообще въ древности государства безъ кастъ? Жаль, что онъ, говоря напр. о Грекахъ, усматриваетъ здѣсь только классъ свободныхъ и отваживается высказать слѣдующее: „Всѣ Греки, очевидно, принадлежатъ къ одному племени" (S. 196). При этомъ онъ забываетъ заявленiе греческихъ политиковъ, что рабъ „отъ природы" предназначенъ къ рабству, а „свободный"—къ свободѣ; а это ясно указываетъ на различное происхожденiе каждаго изъ двухъ классовъ людей въ Грецiи.

А вотъ, мы встрѣчаемъ у Бэджгота весьма интересное мѣсто, гдѣ описывается образованiе „общественнаго соединенiя", совершающееся путемъ завоеванiя: „Въ позднѣйшiе вѣка", говоритъ онъ, „многiя расы быстро, хотя и не безъ жертвъ, были подчинены закону. Безсвязное множество разсѣянныхъ племенъ, благодаря суровому завоевателю, часто объединялось въ прочную общественную форму; и Римляне въ данномъ отношенiи поработали болѣе, чѣмъ за половину Европы" (S. 26). Ясно, что подъ этимъ „суровымъ завоевателемъ" слѣдуетъ разумѣть не отдѣльнаго героя, но племя, какъ покорителя; ссылка на „Римлянъ" подкрѣпляетъ наше предположенiе (a).

a) Что рабство въ Грецiи покоилось на кровномъ различiи,—это ясно вытекаетъ изъ тѣхъ мѣстъ у Аристотеля (напр. Politik I, 13 или II, 5), гдѣ онъ ставитъ на одну параллель рабовъ и варваровъ, противополагая ихъ свободнымъ и Грекамъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Основаніе государствъ въ Европѣ.

§ 23.

Соціальная структура, какъ результатъ завоеваній.

Исторія удостовѣряетъ, что всѣ европейскія государства возникли путемъ завоеваній. Ясно, что такое коренное событіе въ жизни государствъ должно было сильно отразиться на характерѣ ихъ соціальной структуры. Однакоже этотъ основной фактъ оставляли въ сторонѣ отъ научныхъ изслѣдованій,—чѣмъ прекрасно характеризуется довольно жалкое состояніе государствовѣдѣнія! Конечно, современныя европейскія государства не являются уже непосредственнымъ произведеніемъ первыхъ завоевателей. Нѣтъ, на выработку ихъ устройства вліялъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ завоеваній. И завоеванія эти производили въ соціальной структурѣ европейскихъ государствъ извѣстное общественное наслоеніе—подобно тому, какъ различныя геологическія катастрофы оставили послѣ себя и теперь еще замѣтныя наслоенія въ устройствѣ земной коры (а).

а) «Повсюду, гдѣ мы встрѣчаемся съ кастами, слѣдуетъ предполагать, что здѣсь было завоеваніе», говоритъ Лоранъ (Laurent—I, 223). При этомъ онъ имѣетъ въ виду не однѣ лишь египетскія или индійскія «касты», но относитъ сюда вообще классовое и сословное устройство, — и это ясно вытекаетъ изъ многихъ другихъ мѣстъ его сочиненія. Вотъ какъ напр. высказывается Лоранъ, сравнивая римскій патриціатъ со средневѣковымъ европейскимъ дворянствомъ: «Патриціатъ возникъ изъ завоеванія, но это племенное различіе (cette difference de race) не сообщаетъ римскимъ патриціямъ того героическаго (?) характера, какимъ отличается средневѣковая знать». Слѣдовательно, и въ средневѣковомъ дворянствѣ онъ видитъ также «племенное различіе». Но вотъ въ позднѣйшія времена, на болѣе высокой ступени цивилизаціи старались забыть объ этой полной насилія и варварства зарѣ государственной жизни, — и такое стремленіе вполнѣ понятно. «..... вездѣ, гдѣ только знакомятся съ цивилизаціей, стараются забыть ту цѣну, какой она куплена», правильно замѣчаетъ Гизо (Guizot—«Cours d'histoire moderne» L. I). Вотъ почему это кровавое прошлое многихъ европейскихъ государствъ, возникшихъ уже даже въ историческія времена, т. е.

въ первомъ тысячелѣтіи послѣ Р. X., словно покрыто мракомъ неизвѣстности, — о немъ вѣдь хотѣли забыть. И, принимая въ соображеніе подобные историческіе пробѣлы,—во многихъ мѣстахъ (напр. въ сѣв. Европѣ), пожалуй, намѣренно допущенные,—одинъ изъ величайшихъ историковъ, Нибуръ, даетъ изслѣдователямъ такой важный намекъ: «Очевидность учитъ тому, о чемъ иногда умалчиваетъ исторія» (Röm. Geschichte, S. 641). Тутъ онъ намекаетъ на существующую соціальную структуру, при помощи объективнаго разсмотрѣнія которой можно раскрыть многія загадки давно прошедшихъ временъ. Сравнительно недавно въ политикѣ возникъ національный принципъ, при чемъ однако было составлено ложное представленіе, будто національность должна обозначать генеологическое единство; и вотъ, въ угоду этому предубѣжденію хотѣли пожертвовать исторической правдой. Излишне и говорить, насколько наивна подобная тенденція. Вѣдь, во-первыхъ, историческіе факты не вѣчно остаются скрытыми, а, вовторыхъ—и «національный принципъ» нисколько не теряетъ въ своей реальной силѣ, еслибы и было доказано, что не всѣ нѣмцы происходятъ отъ своего предка Тевта, Чехи — отъ Чеха и Поляки—отъ Леха. Трудно повѣрить, чтобы какія-нибудь политико-національныя соображенія могли стѣснять историческое изслѣдованіе. Однако же это такъ случалось. Въ Германіи въ 1846 г. Линденшмиттъ объявилъ всѣ «изслѣдованія о Кельтахъ» («keltische Forschungen») оскорбленіемъ нѣмецкаго патріотизма. Затѣмъ польская консервативная партія весьма враждебно отнеслась къ историку Шайноха (Szainocha), который въ своемъ «Lechicki początek» заявилъ, что Польша основана путемъ завоеванія страны норманскими пиратами, и такимъ образомъ отнялъ у польскаго дворянства идею того обще-славянскаго происхожденія, сознаніемъ котораго тогда такъ дорожили. Когда же, лѣтъ 20 тому назадъ, вышелъ въ свѣтъ мой небольшой (теперь ужъ разошедшійся) трактатъ «Rasse und Staat», гдѣ я впервые выставилъ свою общую теорію происхожденія государствъ, а слѣдовательно и Польши,—тогда въ краковскомъ консервативномъ органѣ Przegląd Polski глубокомысленный историкъ и публицистъ Повидай (Powidaj) возсталъ противъ этихъ «гипотезъ», въ особенности же—поскольку онѣ относятся къ Польшѣ. Но едва прошло съ тѣхъ поръ два десятилѣтія,—и я въ томъ же самомъ журналѣ, издаваемомъ гр. Стан. Тарновскимъ, читаю слѣдующія строки, вылившіяся изъ-подъ пера польскаго историка Франца Пикосиньскаго (Franz Piekosiński): «Вотъ вкратцѣ тотъ результатъ, котораго я достигъ въ прежнихъ моихъ изслѣдованіяхъ («Ueber die Genesis des polnischen Volkes im Mittelalter» 1881 и «Vertheidigung der Eroberungs-Hypothese als Grundlage des polnischen Staates» 1882): соціальная структура Польши во времена Пястовъ представляетъ изъ себя три строго отдѣленныхъ другъ отъ друга класса, а именно—высшее дворянство, низшее дворянство и крестьянство; и структура эта ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть продуктомъ нормальнаго развитія лехитскаго племени, поселившагося (будто-

бы!) между Вислой, Одеромъ и Нетце; нѣтъ, — тутъ, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ завоеваніемъ, которое создало два первыхъ класса— высшее и низшее дворянство, — а порабощенныхъ жителей страны оттѣснило на низшую ступень соціальнаго строя». Къ этимъ строкамъ знаменитаго историка слѣдуетъ лишь прибавить, что во времена Пястовъ кромѣ упомянутыхъ классовъ существовалъ еще многочисленный классъ городскихъ обывателей, а именно переѣхавшихъ сюда торговцевъ и ремесленниковъ, которые сумѣли пріобрѣсть себѣ обезпеченное и свободное общественное положеніе между правящими классами дворянства и лишеннымъ свободы крестьянствомъ. Однимъ словомъ, естественный процессъ образованія государствъ проявился въ Польшѣ совершенно такимъ же образомъ, какъ и повсюду; и Германія,—въ чемъ мы скоро убѣдимся, — также, конечно, не составляетъ исключенія изъ этого общаго правила. Впрочемъ, слѣдуетъ здѣсь еще замѣтить, что Пикосиньскій, защищая завоевательную теорію, выставляетъ ее въ видѣ, благопріятномъ для польскихъ консервативныхъ партій, такъ какъ допускаетъ, что завоевателемъ явилось «лехитское племя», слѣдовательно, яко бы «родственное» покоренному населенію. Что дѣло было не такъ,—это видно изъ «Die Lygier» Кентчинскаго (Kętrzyński). Чего же можно добиться, считая этихъ завоевателей родственными покоренному населенію? Въ такомъ случаѣ ихъ образъ дѣйствія былъ бы ужъ особенно неблаговиднымъ, такъ какъ тогда выходило бы, что эти завоеватели отнимали свободу у своихъ же братьевъ.

§ 24.

Основаніе государствъ Кельтами.

Извѣстно, что первыми завоевателями европейскаго континента были азіатскіе „Кельты“. Въ первомъ тысячелѣтіи до Р. Х. они наводнили всю среднюю Европу и основывали тамъ различныя государства, т. е. подчиняли своей власти отдѣльныя, разумѣется, заселенныя территоріи—подобно тому, какъ теперь европейцы распространяютъ свое владычество въ Африкѣ.

Но наивно было бы считать за одно племя всѣхъ этихъ вторгнувшихся въ Европу Кельтовъ, о которыхъ намъ повѣствуютъ древніе писатели. И дѣйствительно, изъ переполненныхъ населеніемъ, древнихъ, культурныхъ странъ Азіи устремились тогда въ варварскую Европу разношерстныя толпы предпринимателей и авантюристовъ съ намѣреніемъ, — какъ выражаются теперь въ аналогичныхъ случаяхъ,—„цивилизовать живущихъ здѣсь дикарей“. И очевидно, что участіе въ этомъ „распространеніи культуры“ при-

нимали самыя разнообразныя азіатскія народности того времени. Нельзя также предполагать, чтобы данное „вторженіе" совершилось сразу,—нѣтъ, оно тянулось сотни лѣтъ. А что всѣ эти чужеземные авантюристы и завоеватели, основывавшіе различныя государства въ средней, западной и сѣв.-западной Европѣ, обозначаются общимъ названіемъ „Кельты",—это объясняется слѣдующимъ: человѣкъ, въ силу своей природной склонности къ удобству, а также вслѣдствіе небрежности, проявляемой по отношенію къ чужимъ народамъ,—пользуется общими и, конечно, болѣе простыми названіями; здѣсь играетъ роль еще и недостатокъ способности различать тѣ или другія подраздѣленія чужихъ народностей. Такъ, напр., и теперь на востокѣ всѣхъ европейцевъ называютъ „Франками"; а мы сотни африканскихъ народностей именуемъ „неграми", которые въ свою очередь Пруссаковъ, Португальцевъ, Англичанъ, Французовъ и др. под. называютъ просто „бѣлыми" (а).

а) «Кельты имѣли аристократическое государственное устройство; у нихъ было два господствующихъ сословія — воины и жрецы, причемъ послѣдніе назывались друидами; а вся народная масса находилась въ порабощенномъ состояніи. Это показываетъ, что Кельты въ тѣхъ странахъ, гдѣ мы ихъ встрѣчаемъ, являлись пришельцами-завоевателями» (Нибуръ, «Vorträge über Länder- und Völkerkunde», S. 632). «На своей родинѣ они (Галлы) имѣли военное и жреческое сословія,... весь же народъ былъ порабощенъ; это доказываетъ, что Галлы и въ своей собственной странѣ были завоевателями, покорившими прежнее населеніе» (Нибуръ, «Vorlesungen über ältere Geschichte», S. 377).

Съ такой же соціальной структурой мы встрѣчаемся и въ существовавшихъ на германской территоріи «civitates». Но нужно помнить, что римскіе писатели, изображая чужія государства, описываютъ лишь властвующіе классы, рисуютъ ихъ нравы и обычаи, а о подчиненномъ и порабощенномъ народѣ упоминаютъ столько же, какъ и о рогатомъ скотѣ, которымъ пашутъ. Такая подавленная и неизвѣстная народная масса для римскаго патриція вовсе не стоитъ того, чтобы о ней упоминать. И это ясно обнаруживается въ слѣдующемъ, даваемомъ Цезаремъ описаніи (De bello gallico VI, 13): «In omni Gallia eorum hominum, qui aliquo sunt numero atque honore, genera sunt duo. Nam plebes paene servorum habetur loco, quae nihil audet per se, nullo adhibetur consilio». И больше объ этомъ «простомъ народѣ» онъ не говоритъ. Съ такимъ же пріемомъ описанія мы встрѣчаемся и у Тацита, и нужно остерегаться, какъ бы не впасть въ заблужденіе и не отнести къ народной массѣ того, что говорится о правящихъ классахъ.

Впрочемъ этимъ недостаткомъ страдали не одни лишь римскіе

писатели; нѣтъ,—и наши новѣйшіе историки сплошь да рядомъ сосредоточивали все свое вниманіе на господствующихъ классахъ, а относительно подчиненныхъ хранили такое молчаніе, что можно было подумать, будто послѣ побѣды завоевателей покоренный народъ совершенно исчезъ съ лица земли. И вотъ, французскій историкъ Тьери,—первый всесторонне разсмотрѣвшій этническо-соціальную структуру народовъ,—дѣлаетъ правильное для своего времени († 1856) замѣчаніе, что у большинства историковъ выходитъ такъ, будто-бы «Саксовъ ужъ болѣе не существуетъ послѣ битвы при Гастингсѣ и коронованія Вильгельма Завоевателя. И тутъ нуженъ былъ геніальный романистъ (намекъ на Вальтера Скотта), который возвѣстилъ англійскому народу, что его предки XI-го столѣтія не сокрушены всѣ въ одинъ день» (Aug. Thierry, «Conquête de l'Angleterre», p. 13). Данное замѣчаніе направлено на тѣхъ историковъ, которые занимаются описаніемъ лишь господствующихъ классовъ, а на «простой народъ» не обращаютъ никакого вниманія.

Относительно образованія кельтическихъ государствъ въ альпійскихъ странахъ, входящихъ теперь въ составъ Австріи, см. мою «Oesterreichische Reichsgeschichte» (Berlin, 1896, S. 15) и приведенные тамъ источники; а созданіе Кельтами государствъ въ области Судетъ (in den Sudeten-Ländern) описано ниже въ приложеніи (B).

§ 25.

Военная знать, друиды и среднее сословіе въ кельтическихъ государствахъ.

Кельты, какъ завоеватели, составили въ созданныхъ ими государствахъ правящій классъ, — классъ военныхъ и „помѣщиковъ“ („Grundherren“), для которыхъ покоренное и порабощенное туземное населеніе обрабатывало землю. На-ряду съ этимъ военнымъ классомъ во всѣхъ кельтическихъ государствахъ мы встрѣчаемъ касту жрецовъ, друидовъ, преслѣдовавшихъ такія задачи, аналогичныя которымъ и теперь возлагаются на прусскихъ, англійскихъ, португальскихъ и французскихъ миссіонеровъ и на духовные ордена въ Африкѣ. Они должны были проповѣдывать среди этихъ варварскихъ, языческихъ народовъ „истинную вѣру“ и такимъ путемъ дѣлать ихъ болѣе податливыми къ несенію того тяжкаго ига, которое налагали на нихъ чужеземцы-завоеватели. Подробно говорится о друидахъ въ описаніяхъ государствъ, созданныхъ Кельтами на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Франція и Англія, — но несомнѣнно, что они были и

въ другихъ европейскихъ кельтическихъ государствахъ. А между этими двумя господствующими классами—военныхъ и жрецовъ—и порабощенными землепашцами уже тогда пробивались зародыши средняго сословія; оно образовывалось изъ переселявшихся сюда чужеземныхъ торговцевъ и ремесленниковъ. Въ роли этой выступали главнымъ образомъ „Финикіяне“, а также, конечно, и различные спекулянты другихъ азіатскихъ культурныхъ народовъ и Греки; они повсюду основывали свои торговыя колоніи, начиная съ прибрежныхъ странъ и проникая все дальше и дальше вглубь материка.

И вотъ, эти „семиты“ и различные другіе промышленники подъ защитой кельтическихъ культуртрегеровъ стали въ завоеванныхъ странахъ заводить дѣла—подобно тому, какъ и теперь нѣмецкіе купцы, напр. Верманъ и всѣ такъ называемые ганзейскіе граждане подъ эгидой нѣмецкихъ войскъ выгодно сбываютъ въ Африкѣ свои товары. Въ подтвержденіе вышесказаннаго упомянемъ о тѣхъ многочисленныхъ торговыхъ дорогахъ, которыя изъ Малой Азіи и отъ береговъ Адріатическаго моря вели черезъ Балканы и Альпы въ среднюю Европу, а оттуда къ Балтійскому морю; и въ различныхъ пунктахъ этихъ дорогъ въ послѣднее время выкопано множество восточныхъ драгоцѣнностей и оружія (см. „Handelsstrassen“ Садовскаго).

Эти переѣзды въ Европу восточныхъ купцовъ и ремесленниковъ объясняются очень просто,—а именно: разбогатѣвшіе въ европейскихъ странахъ кельтическіе властелины не могутъ отказаться отъ своихъ старыхъ, родныхъ привычекъ къ такимъ предметамъ роскоши и комфорта, какъ, напр., оружіе, утварь, украшенія, роскошныя одежды и т. под., которые тогда выдѣлывались лишь на востокѣ,—и вотъ они охотно вымѣнивали данные предметы у переѣзжавшихъ въ Европу иностранныхъ купцовъ на европейскіе естественные продукты, а также, вѣроятно, и на рабовъ, вывозившихся на востокъ. Подобное происходитъ и теперь: европейскіе господа въ Африкѣ никакъ не могутъ отказаться отъ цилиндровъ новѣйшей французской моды, отъ лакированныхъ штиблетовъ, перчатокъ, парижскаго бѣлья, суконной и шелковой матеріи и т. под.—и пріобрѣтаютъ все это въ обмѣнъ на слоновую кость, страусовыя перья, золото и алмазы. И, какъ теперь въ Африкѣ между властвующими классами военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, съ одной стороны, и порабощенными туземцами, съ другой, образует-

ся средняя ступень, составляющаяся изъ свободныхъ колонистовъ, купцовъ и ремесленниковъ,—точно такъ же было и въ первомъ тысячелѣтіи до Р. Х., во время господства Кельтовъ въ Европѣ (а).

Вотъ какова была соціальная структура европейскихъ кельтическихъ государствъ, по свидѣтельству римскихъ и греческихъ классическихъ писателей.

а) Яркій свѣтъ на роль чужеземныхъ купцовъ въ галльскихъ и германскихъ странахъ бросаютъ описанія Цезаря и Тацита, а въ особенности тѣ извѣстныя строки изъ «De bello gallico» (I, 1), гдѣ Цезарь величайшую, дикую храбрость Бельговъ объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что они «a cultu atque humanitate provinciae longissime absunt minimeque ad eos mercatores saepe commeant atque ea quae ad effeminandos animos pertinent, important»; важно также и то мѣсто изъ «Germania» (cap. 17), гдѣ Тацитъ, изображая Германцевъ, какъ дикихъ дѣтей природы, объясненіе этого состоянія видитъ въ слѣдующемъ: «ut quibus nullus per commercia cultus».

§ 26.

Борьба Римлянъ съ Кельтами.

Расширяя и утверждая римское владычество за предѣлами Италіи, по ту сторону Альпъ, римскіе легіоны натолкнулись на кельтическія государства („civitates“) (а).

Но римскіе писатели даютъ Кельтамъ множество названій, такъ какъ разнообразіе кельтическихъ странъ и того, живущаго здѣсь туземнаго населенія, съ которымъ смѣшались Кельты, происходящіе опять же изъ самыхъ различныхъ областей Азіи,—сообщило имъ повсюду различный „національный“ характеръ; а вслѣдствіе этого и ихъ языкъ въ отдѣльныхъ странахъ долженъ былъ обособиться. Вотъ, напр., господствовавшіе въ Испаніи классы назывались у Римлянъ Кельтиберами,—вѣроятно, потому именно, что Кельты тамъ смѣшались съ Иберами; утвердившихся въ Галліи именовали Галлами; и вообще по отдѣльнымъ кельтическимъ областямъ и провинціямъ Римляне давали Кельтамъ названіе этихъ мѣстностей,—и такимъ образомъ говорили о Гельветахъ, Реціяхъ, Норикахъ, Таурискахъ и т. д. И, вѣроятно, руководились тѣмъ же самымъ принципомъ, называя всѣхъ господствовавшихъ въ Германіи Кельтовъ однимъ общимъ именемъ „Германцы“. Но, когда

Цезарь (50 г. до Р. Х.) и Тацитъ (100 г. по Р. Х.) описываютъ Германію, тогда въ эту область не вступало еще ни одно изъ тѣхъ племенъ, которыя мы привыкли называть „германскими" и которыя лишь впослѣдствіи (4—5 стол. по Р. Х.) пришли сюда съ сѣвера (а).

а) Очень часто можно встрѣтиться съ ошибкой, которую, конечно, Феликсу Дану (Felix Dahn), какъ историку и вмѣстѣ съ тѣмъ поэту, мы не можемъ вмѣнять въ особенную вину. А состоитъ данная ошибка въ томъ, что «civitas» переводятъ словомъ «племя» («Stamm») и вслѣдствіе этого усматриваютъ лишь простыя «племена» тамъ, гдѣ Цезарь говоритъ о государствахъ, которыя онъ только называетъ именемъ господствующаго племени. Правда, Цезарь подъ «civitas» разумѣетъ исключительно лишь правящіе классы,—какъ, напр., въ выраженіи: «Orgetorix civitati persuasit»; точно такъже и теперь говорятъ: Россія заключила миръ съ Турціей, при чемъ однако имѣютъ въ виду только правительство. У Дана («Könige der Germanen») ошибка эта весьма очевидна, такъ какъ онъ говоритъ, что по описанію Цезаря «племена (civitates) раздѣляются на округа и паги (Gaue)». Но какъ же племя можетъ распадаться на паги? Вѣдь тутъ два разнородныхъ понятія: племя—понятіе этническое, а пагъ—территоріальное. Правда, Данъ тутъ же справедливо замѣчаетъ, что «civitas у Цезаря образуетъ правильное политическое единство», но все-таки нашъ историкъ-поэтъ невѣрно переводитъ его словомъ «Stamm» («племя») вмѣсто Staat (государство), которое состоитъ уже изъ нѣсколькихъ племенъ и, какъ территоріальная единица, можетъ распадаться на паги. Вслѣдствіе такого отожествленія государства съ племенемъ національные историки видятъ этническое единство тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ была разнородность; а отсюда понятно, почему они не могутъ уяснить себѣ происхожденія дворянства. «Происхожденіе этого дворянства», говоритъ Данъ (l. c.), «причина его отличія не поддаются изслѣдованію». Это невѣрно. Вѣдь факты ясно говорятъ за признаніе того, что дворянство образовалось изъ племени-завоевателя.

Большинство прежнихъ историковъ (напр. Schilter, Wachter, Cluver, Pelloutier [1]), Barth [2]), Radlof, Hirt) стоитъ за тотъ взглядъ, что Германцы входили въ составъ Кельтовъ. Итакъ Гольцманъ (Holtzmann—«Kelten und Germanen») справедливо указываетъ, что до начала XVIII стол. Германцы считаются Кельтами, а именно—ближе всего родственными Галламъ. Еще у Болландуса (1643) въ «Acta Sanctorum» говорится: «тевтонскій языкъ былъ нѣкогда обще-галльскимъ» («teutonica lingua olim omnibus Gallis communis»); также Фриккъ въ своемъ сочиненіи «De

[1]) „Aelteste Geschichte der Kelten insonderheit der Deutschen und Gallier". Deutsch von Purmann 1777—1784.

[2]) „Urgeschichte Deutschlands", Erlangen 1840.

Druidis» (Ulm 1744) повѣствуетъ о «древнихъ Кельтахъ, часть которыхъ являлась Германцами» («veteres Celtae, quorum pars Germani fuere»). И вотъ, впервые лишь у Буке (Bouquet) въ предисловіи къ его «Rerum Gallicarum et Franciarum scriptores» (S. XXX) мы встрѣчаемъ заявленіе, что Кельты отличались отъ Германцевъ. Затѣмъ эту разницу отстаиваетъ Шэпфлинъ (Schöpflin—«Vindiciae Celticae» 1754). А Гольцманъ доказываетъ, что Германцы были Кельтами.

Греки всю среднюю Европу вплоть до западнаго океана называютъ первоначально Ἡ Κελτική, а обитателей ея (т. е. господствующихъ здѣсь)—Кельтами; позже—Γαλατία, а владѣющихъ ею—Γαλλοί; и это, конечно, было общимъ, коллективнымъ названіемъ всѣхъ народовъ, жившихъ къ сѣв.-зап. отъ Эллады,—между тѣмъ какъ всѣхъ обитавшихъ къ сѣв.-вост. Греки называли Скиѳами. Потомъ эти Кельты въ каждой изъ покоренныхъ ими отдѣльныхъ странъ получаютъ различныя названія; а со времени Цезаря для той части ихъ, которая распространяла свое владычество по правому берегу Рейна, входитъ въ употребленіе названіе «Германцы». На это намекаетъ Тацитъ словами: «Ceterum Germaniae vocabulum recens et nuper additum» (cap. 2); а Цезарь ясно указываетъ на то, что общее названіе «Германцы» относится ко всѣмъ племенамъ, утвердившимся на правомъ берегу Рейна (которыхъ до него Греки называли Кельтами),—сюда принадлежатъ Кондрусы, Эбурны, Цеманы, qui uno nomine Germani appellantur. Родственными этимъ кельтическимъ племенамъ являются несомнѣнно и Бельги: «Belgas esse ortos ab Germanis» («De bello gallico» II, 4).

§ 27.

Римскія провинціи.

Почти полъ-тысячелѣтія,—приблизительно со II-го вѣка до Р. Х. и до IV-го стол. по Р. Х.,—продолжается борьба Рима со всѣми этими древнѣйшими европейскими государствами, находившимися за предѣлами Греціи и Италіи. Весьма многія изъ нихъ были покорены и обращены въ римскія провинціи, т. е. присоединены ко всемірной римской имперіи въ видѣ составныхъ ея частей. Такой участи подверглись—Испанія, Галлія, Британія, Гельвеція, Реція, Винделиція, Норикъ, Паннонія, иначе говоря,—почти вся западная и юго-восточная Европа. Во всѣхъ этихъ провинціяхъ по бо́льшей части оставлялись прежніе господствующіе военные и земледѣльческіе—классы, если только они не погибли въ

борьбѣ и не отказывались подчиниться римскому владычеству, но подъ условіемъ платить дань новымъ властителямъ—Римлянамъ. Подобнымъ образомъ поступаютъ теперь и Англичане въ Остъ-Индіи: они сохраняютъ образовавшуюся издавна здѣсь соціальную структуру и, требуя отъ прежнихъ владыкъ лишь уплаты извѣстной дани, такимъ образомъ при посредствѣ этихъ высшихъ классовъ управляютъ завоеванной страной и ея населеніемъ,—подобно этому дѣло велось и въ римскихъ провинціяхъ. Новые побѣдители и завоеватели теперь господствовали надъ прежними владыками, которые, находясь подъ ихъ верховной властью, все еще оставались по отношенію къ народной массѣ правящими классами. И вотъ, довольно простая и примитивная до сихъ поръ соціальная структура этихъ странъ теперь усложнялась и запутывалась, такъ какъ къ прежнимъ соціальнымъ классамъ присоединялся новый, который называли просто Римлянами. Что̀ же касается до народной массы, населявшей эти страны,—то она при этомъ лишь отчасти мѣняла своихъ господъ; въ общемъ же положеніе ея оставалось тѣмъ же: несвободная при прежнихъ владыкахъ, масса эта оставалась такой же и при новыхъ, верховное господство которыхъ выражалось въ извѣстныхъ договорныхъ отношеніяхъ къ прежнимъ правителямъ. А объ улучшеніи народной жизни можно говорить лишь постольку, поскольку вслѣдъ за римскимъ владычествомъ проникала въ „провинціи“ и римская культура. Проводились дороги; вводилось правильное управленіе; римскій муниципальный строй положилъ основаніе свободному положенію средняго класса, а также развитію городского быта въ завоеванныхъ странахъ (а). Повсюду распространялись первые зародыши наукъ и искусствъ. И наконецъ, несмотря на производившееся нѣкоторыми императорами гоненіе на христіанъ,—все-таки, благодаря лишь римскому владычеству, былъ проложенъ къ западнымъ варварамъ путь для новаго спасительнаго ученія, возникшаго на востокѣ,—ученія о равенствѣ всѣхъ людей передъ Богомъ.

а) Діонисій Галикарнасскій хвалитъ Римлянъ за то, что они не истребляли и не порабощали жителей завоеванныхъ городовъ, но оставляли имъ свободу и часть собственности. (Antiquit. rom. II, 16).

§ 28.

Сѣверные и восточные варвары.

Но вотъ и часъ римскаго владычества пробилъ. Слишкомъ большое протяженіе имперіи и черезчуръ утонченная культура ослабили у римлянъ силу сопротивленія натиску варварскихъ ордъ, которыя, начиная съ IV-го вѣка по Р. X., съ сѣвера и востока устремились на „провинціи“. Теперь этихъ, пришедшихъ съ востока Вандаловъ, Свевовъ, Готовъ, Геруловъ, Алановъ называютъ восточногерманскими племенами, равно какъ проникшихъ съ сѣвера Франковъ, Байеровъ (Baiern), Лонгобардовъ, Бургундовъ и др.— сѣверогерманскими. Но какъ бы ихъ ни называли, однакоже историческое изслѣдованіе до сихъ поръ не доказало, что эти племена имѣютъ хоть что-нибудь общее и родственное съ тѣми Германцами, которыхъ описывали еще Цезарь и Тацитъ. Объективный изслѣдователь долженъ лишь констатировать, что всѣ эти хищническія племена, съ востока и съ сѣвера вторгнувшіяся въ римскія провинціи, завоевали ихъ и основали тутъ новыя государства, причемъ нельзя доказать, чтобы эти завоеватели были прежде чѣмъ-нибудь связаны съ обитавшими здѣсь жителями; и слѣдуетъ полагать, что Кельты и эти варвары были совершенно чужды другъ другу (а).

а) Уже Яковъ Гриммъ прекрасно понимаетъ, что нѣтъ никакой связи и нельзя доказать никакого «родства» между Германцами, описанными Цезаремъ и Тацитомъ (слѣдовательно въ I-мъ стол. до и въ I-мъ стол. по Р. X.), и тѣми восточными и сѣверными «варварами», которые лишь съ IV-го в. по Р. X. стали вторгаться въ римскія владѣнія и которыхъ въ послѣднее время называютъ также Германцами. И, хотя тѣмъ не менѣе и въ «Rechtsalterthümer» и въ «Geschichte der deutschen Sprache» Гриммъ трактуетъ, что описанные Цезаремъ и Тацитомъ Германцы и эти «варвары» IV-го, V-го и дальнѣйшихъ столѣтій являются одной и той же «націей» (какъ разсуждаютъ послѣ него почти всѣ германисты),—однако же при при всемъ этомъ онъ отлично сознаетъ тутъ поэтическую вольность и относится къ ней снисходительно въ виду «высшихъ» патріотическихъ соображеній. «Весьма трудно», говоритъ онъ, «оправдать слишкомъ смѣлыя сближенія и соединенія отдаленныхъ эпохъ. Мѣста изъ Тацита, изъ древняго законодательства (здѣсь имѣются въ виду leges barbarorum), изъ средневѣковыхъ памятниковъ и изъ тѣхъ лѣто-

писей, которыя написаны всего лѣтъ сто тому назадъ,—всѣ они, вмѣстѣ взятыя, прекрасно доказываютъ это. За длинный промежутокъ времени,—за тысячу или скоро даже за двѣ тысячи лѣтъ порвалось множество нитей, снова соединить которыя уже нельзя..... Пусть связываніе данныхъ нитей называютъ фантазіей,—я ничего не могу возразить противъ этого,—но только безъ такой фантазіи я, пожалуй, не написалъ бы ни Юридическихъ Древностей (Rechtsalterthümer), ни Грамматики... Конечно, дальнѣйшее изслѣдованіе можетъ опровергнуть это, построенное на догадкахъ соединеніе»... («Rechtsalterthümer» S. VIII). И дѣйствительно, всякое такое «соединеніе» и произвольное «связываніе» сѣверныхъ и восточныхъ «варваровъ» съ Германцами Цезаря и Тацита—не что иное, какъ одна лишь «фантазія». Вѣдь какихъ только раньше не строили предположеній о происхожденіи Франковъ и Готовъ,—но никому изъ нѣмецкихъ историковъ прошлыхъ столѣтій не приходило въ голову «соединять» ихъ съ «Германцами» («Germanen»), такъ какъ противъ этого «соединенія» были не только историческіе факты, но даже всѣ франкскія и готскія преданія. Такое «соединеніе» вошло въ моду лишь съ пробужденіемъ національнаго воодушевленія въ Германіи, послѣ нѣмецкой освободительной войны, причемъ въ угоду національно-политическимъ тенденціямъ совершено насиліе надъ историческими фактами. И вотъ, Баумштаркъ справедливо замѣчаетъ («Urdeutsche Staatsalterthümer» 1873, S. 39), что «въ разработкѣ древне-нѣмецкой исторіи допущенъ софистическій тонъ». То, что Баумштаркъ называетъ «софистикой», является въ сущности чисто инстинктивнымъ вымысломъ относительно первоначальной эпохи изъ исторіи народа,—вымысломъ, служащимъ національной идеѣ и проявляющимся вездѣ во время высокаго національнаго воодушевленія. Почти одновременно съ этимъ настроеніемъ въ Германіи происходило подобное и въ Польшѣ. Современникомъ Якова Гримма (1785—1863) былъ извѣстный польскій историкъ Іоахимъ Лелевель (1786—1861). Стяжавъ себѣ славу своими многочисленными спеціальными изслѣдованіями, онъ однакоже выдумалъ для изложенія польской исторіи такую схему, аналогичная которой была и въ нѣмецкихъ «національныхъ» историческихъ хроникахъ. Лелевель исходитъ изъ того взгляда, что первоначально господствовала «общая свобода» («Gemeinfreiheit»), позже мало-по-малу взяла верхъ аристократія, которая и привела Польшу къ гибели; къ этому онъ присоединяетъ перспективу будущаго, когда демократическая «общая свобода» снова вступитъ въ свои права. Идея эта охватила цѣлый рядъ національныхъ историковъ (сюда относятся напр. Henryk Szmitt, Josef Szujski); и въ то время какъ одни изъ нихъ налегали больше на демократическое начало, другіе особенно выдвигали національно-объединительный моментъ. Относительно этихъ польскихъ историческихъ хроникъ можно сказать то же, что и объ аналогичномъ направленіи въ Германіи: все это прекрасно, но только лишь невѣрно. Новѣйшія историческія и соціологическія изслѣдованія разрушаютъ иллюзію по-

добныхъ вымысловъ, не причиняя однако при этомъ,—вопреки всякимъ опасеніямъ,—ни малѣйшаго вреда національной идеѣ. Напротивъ, данныя изслѣдованія еще выше поднимаютъ престижъ этой идеи, такъ какъ приписываютъ ей побѣду надъ этническими рознями. Итакъ вся эта историческая «софистика», какъ выражается Баумштаркъ, является совершенно излишней и мы смѣемся теперь надъ такими «патріотическими» стараніями, какія напр. выказываетъ Вайцъ въ своей нѣмецкой исторіи государственныхъ установленій, гдѣ онъ говоритъ объ описываемыхъ Тацитомъ Ингевонахъ, Истевонахъ и Герминонахъ, будто о коренныхъ жителяхъ Германіи, и старается отожествить ихъ съ позднѣйшими завоевателями—Франками, Саксами и др. Вайцъ впрочемъ очень легко себѣ это объясняетъ; онъ полагаетъ, что тѣ первоначальные обитатели просто перемѣнили свое названіе, чего, конечно,—какъ замѣчаетъ Баумштаркъ,—«онъ не доказалъ и никогда не могъ бы доказать».

§ 29.

Основаніе государствъ «варварами».

Вандалы, Свевы и Аланы основали (409 г.) Свевскую монархію. Бургунды завоевали (414 г.) Галлію и создали тутъ Бургундское государство. Вандалы въ 429 г. ушли въ Африку и образовали тамъ свое Вандальское королевство, которое однако же не долго просуществовало. Въ 416 г. Вестготы заняли южную Галлію и основали Аквитанское королевство, но вскорѣ затѣмъ устремились въ Испанію, свергли тамъ владычество Свевовъ и устроили свое Вестготское королевство. Расположенная на крайнемъ сѣверѣ римской имперіи провинція Британія сдѣлалась добычей завоевавшихъ ее Саксовъ (сказаніе о Генгистѣ и Горзѣ). Вскорѣ за этимъ Герулы подъ начальствомъ Одоакра вторглись въ Италію, утвердили здѣсь свое владычество, но въ 568 г. были побѣждены Лонгобардами, пришедшими сюда подъ предводительствомъ Альбоина; эти послѣдніе и основали тутъ свое, ужъ болѣе продолжительное Лонгобардское государство. Тѣмъ временемъ Франки,—племя, вышедшее неизвѣстно изъ какихъ именно сѣверныхъ странъ и появившееся у Нижняго Рейна,—вторглись въ Галлію, разбили въ 486 г. при Суассонѣ римское войско, находившееся подъ начальствомъ Сіагрія, и основали здѣсь Франкское королевство; такимъ образомъ въ области нынѣшней Франціи тогда существовали три различныхъ государства: на югѣ—Вестготское, на востокѣ—Бур-

гундское и на сѣверѣ—Франкское. Названіе всѣхъ этихъ государствъ германскими произвольно. Вѣдь научно нельзя допустить даже самой отдаленной связи между Франками, Бургундами, Вестготами и тѣми „Германцами", которыхъ описывали Цезарь и Тацитъ, — даже самой отдаленной связи, не говоря уже о какомъ бы то ни было „родствѣ" между ними. Бургунды, Вестготы, Франки и всѣ другія племена, съ сѣвера и съ востока вторгнувшіяся въ римскія провинціи, являлись просто лишь толпами хищниковъ, принадлежащихъ къ разряду бродячихъ ордъ, покоряющихъ осѣдлыя племена и такимъ образомъ создающихъ первооснову для организаціи своего властвованія. И разница лишь въ томъ, кого именно покоряютъ эти хищническія орды,—будетъ ли это совершенно примитивное, ни съ культурой, ни съ государственной организаціей незнакомое населеніе, или же оно имѣетъ уже извѣстное государственное устройство (что встрѣчаемъ мы въ римскихъ провинціяхъ). Въ послѣднемъ случаѣ завоеватели должны кое съ чѣмъ считаться,— вѣдь здѣсь уже существуетъ опредѣленная соціальная структура съ правящими классами, являющимися представителями извѣстной силы. Съ ними новые завоеватели, несмотря на все свое превосходство, должны входить въ извѣстныя договорныя условія: должны оставлять этимъ бывшимъ господамъ часть ихъ имущества и давать имъ соціальное положеніе, отличающее ихъ отъ остального подвластнаго населенія. Такова была по большей части тактика побѣдоносныхъ римлянъ по отношенію къ кельтическимъ „владыкамъ" („Herren"), — такую же политику наблюдаемъ мы и со стороны Вестготовъ, Бургундовъ и Франковъ въ отношеніи къ римскимъ „провинціаламъ", называвшимся тогда „Romani" („Romanen") [1]. Это обнаруживается особенно въ томъ обстоятельствѣ, что новые владыки-завоеватели не отнимали у „римскихъ провинціаловъ" всего ихъ имущества, но оставляли имъ нѣкоторую часть и слѣ-

---

[1]) Въ нѣмецкомъ текстѣ стоитъ слово—«Romanen», а въ латинскихъ источникахъ (напр. у Сальвіана, Григорія Турскаго и др.) ему соотвѣтствуетъ—«Romani».

Съ того времени, когда выраженіе «провинція» утратило свой политическій смыслъ завоеванной (pro-vincia) страны, сохранивъ лишь географическій, когда «провинціалы» получили наконецъ права «римскаго гражданства»,—тогда пріобрѣли они и имя Римлянъ и стали называться «Romani». «Unum illic Romanorum omnium votum est» (Salvian—De gubern. Dei, V). (См. у Фюстель-де-Куланжа—«Исторію общественнаго строя древней Франціи» 1901 г. Спб., т. I, стр. 115--116 и предыд.),

Переводчикъ.

довательно дѣлились съ ними. Такъ, напр. въ новомъ бургундскомъ государствѣ дѣлежъ этотъ производился слѣдующимъ образомъ: Бургундецъ получалъ половину двора и сада, двѣ трети культивированной земли и третью часть рабовъ. Лѣса оставались въ общемъ владѣніи. Подобное происходило во вновь созданномъ вестготскомъ государствѣ [1]). Остготы были еще умѣреннѣе, такъ какъ они довольствовались третьей частью земли. А Лонгобарды послѣ завоеванія Верхней Италіи ограничились третьей долей урожая,—и вотъ, для этого къ каждому римскому землевладѣльцу назначался Ломбардецъ въ качествѣ постояльца (hospes) (a).

a) Въ придунайскихъ и прикарпатскихъ странахъ,—отъ начала христіанской эры и до образованія Мадьярскаго государства, тысячелѣтіе котораго недавно праздновалось,—основанъ былъ цѣлый рядъ государствъ; это я разсматриваю въ приложеніи (A).

Въ VII вѣкѣ по Р. Х. (около 678 г.) Болгары,—одно изъ азіатскихъ (тюркскихъ?) племенъ,—перешли, подъ предводительствомъ Аспаруха, Дунай, покорили жившихъ здѣсь славянъ и основали Болгарское царство, а впослѣдствіи и сами стали считаться «славянскимъ» народомъ (См. Jirecek, «Geschichte der Bulgaren» S. 126). «Приблизительно въ серединѣ XI вѣка отряды скандинавскихъ Варяговъ утвердили свое господство на Волховѣ и на Днѣпрѣ среди враждовавшихъ между собою славянскихъ племенъ; и вотъ (варягъ) Рюрикъ и сынъ его Игорь объединили ихъ въ Русское княжество» (Giesebrecht—«Geschichte der Kaiserzeit» I, 2, 490). Затѣмъ въ XI вѣкѣ в. слѣдуетъ образованіе англійскаго государства Норманнами (битва при Гастингсѣ 1066 г.). А вотъ картина основанія Пруссіи рыцарскимъ орденомъ, рисуемая Трейчке (Treitschke—«Das Ordensland Preussen»): «Въ 1231 г. посланный Зальцей ландмейстеръ Германнъ Балкъ переправляется со своими крестоносцами черезъ Вислу и тутъ начинаетъ свое завоевательное движеніе, неуклонно придерживаясь опредѣленнаго плана, являвшагося какъ бы исключеніемъ въ ту эпоху безпорядочнаго веденія войнъ. Едва нѣмцы захватывали какую-нибудь часть страны, сейчасъ же спускались внизъ по Вислѣ нѣмецкія суда, нагруженныя камнемъ и балками,—и вотъ на окраинахъ завоеванной области появлялись крѣпости—Торнъ, Кульмъ, Маріенвердеръ и др., стратегически счастливому положенію которыхъ и теперь удивляются знатоки военнаго дѣла ...; упорное сопротивленіе раздраженныхъ Пруссаковъ привело къ необходимости направить въ страну еще большій притокъ нѣмецкихъ силъ». «Въ Пруссію были вызваны горожане изъ нижней Германіи; и вотъ, возлѣ каждой главной крѣпости, построенной ры-

---

[1]) См. Савиньи—«Geschichte d. römisch. Rechtes im Mittelalter», I. B. 5 cap.

царями, основывался городъ. Въ кульмскомъ крѣпостномъ округѣ (1233 г.) орденъ великодушно предоставилъ этимъ новымъ поселенцамъ привилегію магдебургскаго права, которое съ тѣхъ поръ стало прививаться въ очень многихъ прусскихъ городахъ...» Въ этомъ описаніи наглядно выступаетъ и зарождающаяся соціальная структура: прежде всего—«раздраженные Пруссаки», образовавшіе сельское рабочее населеніе, за ними—среднее сословіе городскихъ обывателей и наконецъ—правящій классъ рыцарей.

Въ хронологическомъ порядкѣ въ Европѣ вслѣдъ за этимъ устройствомъ прусскаго государства появляется турецкое, созданное такимъ же образомъ послѣ завоеванія турками Константинополя; можно считать, что образованіе турецкаго государства завершило эпоху среднихъ вѣковъ (1453 г.).

Это обиліе примѣровъ къ завоевательному возникновенію государствъ можно было бы еще увеличить подобными же безчисленными фактами изъ жизни другихъ частей свѣта. И противъ завоевательной теоріи не существуетъ серьезныхъ возраженій. Швейцарецъ Аффольтеръ въ своихъ «Grundzüge des Allgemeinen Staatsrechts» (1892, S. 5) полагаетъ, что моя теорія «не принимаетъ въ расчетъ тѣхъ случаевъ, когда государства возникаютъ путемъ мирнаго соединенія нѣсколькихъ племенъ или народностей, примѣромъ чего можетъ служить образованіе Швейцарскаго Союза (Eidgenossenschaft)». Затѣмъ и Бернатцикъ въ журналѣ Грюнгута выставилъ противъ меня это, заимствованное у Аффольтера возраженіе вмѣстѣ съ ссылкой на Швейцарію. Но тутъ я со своей стороны долженъ замѣтить, что установленіе Союза является лишь федераціей нѣсколькихъ государствъ (въ данномъ случаѣ швейцарскихъ лѣсныхъ кантоновъ), но вовсе не основаніемъ ихъ; вѣдь, конечно, прежде чѣмъ произошла подобная федерація, необходимо уже было существованіе отдѣльныхъ государствъ; и дѣйствительно, государственная жизнь въ Швейцаріи начинается не съ образованія Союза въ XIII вѣкѣ; нѣтъ,—первыя проявленія этой жизни въ Швейцаріи, по свидѣтельству Плинія, произведены Кельтами и вовсе не мирнымъ образомъ («Rhaetos a Gallis pulsos»... Plinius; 3,20). Если же не хотятъ такъ далеко ходить за справками, то слѣдуетъ уже согласиться по крайней мѣрѣ со словаремъ Брокгауза (статья о Швейцаріи), что «Швейцарская исторія начинается собственно съ того времени, когда, въ 58 г. до Р. X., Гельветы были покорены Римлянами (побѣда Цезаря при Бибрактѣ)». Съ тѣхъ поръ и развивается государственная организація въ Швейцаріи, а образованіе въ XIII в. Союза является лишь одной изъ фазъ этого развитія, но вовсе не основаніемъ государства.

Государства создаются лишь путемъ завоеванія и покоренія, иначе они, очевидно, не могутъ возникать; положеніе это можетъ быть доказано также и e contrario, если взглянуть на тѣ частыя, столь плачевно кончавшіяся, недавнія еще попытки мирнаго устройства государствъ. Не станемъ здѣсь распространяться объ извѣстномъ утопическомъ романѣ «Freiland», авторъ котораго Герцка (Hertzka),

мечтающій создать новое государство, предпочитаетъ все-таки оставаться въ Вѣнѣ и пописывать хорошо оплачиваемыя биржевыя статейки; а между тѣмъ въ Африку онъ отправляетъ кучку Freiländer'овъ, соблазненныхъ этой утопіей, которые однако же еще при переѣздѣ начинаютъ ссориться между собой и поэтому не вступаютъ въ «обѣтованную землю»; итакъ,—это положительно дѣтская забава. Обширныя, незаселенныя пространства Америки также привлекали многихъ авантюристовъ къ попыткамъ основать государство по извѣстному, заранѣе составленному идеальному плану. И что же?—всѣ онѣ потерпѣли неудачу, а вмѣсто предполагавшихся государствъ въ лучшемъ случаѣ возникали какія-нибудь сектантскія общины (по большей части съ безбрачіемъ), а то и промышленныя или рабочія товарищества, отдававшіяся подъ сильную государственную защиту; государства же и народы такимъ путемъ не возникали. (См. Semmler—«Geschichte des Socialismus und Communismus in Nordamerika»).

§ 30.

Являются ли эти варвары «Германцами».

Итакъ Вестготы, Бургунды, Франки, Лонгобарды, завоевавъ отдѣльныя страны, заложили тамъ основы своего владычества. Извѣстно, что мало-по-малу изъ этихъ, сначала небольшихъ сравнительно государствъ образовались затѣмъ огромныя: франкское королевство, испанскія монархіи и верхнеитальянское лонгобардское государство. Въ этихъ, какъ и во всѣхъ вообще когда-либо существовавшихъ въ мірѣ государствахъ, племена-завоеватели являлись чужими по отношенію къ покоренному ими туземному населенію.

А въ томъ, что историки, которые и въ данномъ случаѣ должны бы пользоваться историческими фактами, въ томъ, что они на всѣ эти „gentes barbarorum“ (какъ называли данныхъ выходцевъ Римляне) накладываютъ печать общаго „германскаго“ происхожденія и, смѣшавъ ихъ съ „Германцами“, описанными Цезаремъ и Тацитомъ, изготовляютъ „протонаціональную“ („urnationalen“) смѣсь, и для лучшаго аромата въ послѣднее время прибавляютъ сюда даже какую-то индійскую приправу— „арійство“ („Arienthum“),—во всемъ этомъ одна лишь фантазія; правды тутъ нѣтъ ни на іоту (а). Для объективнаго изслѣдователя, свободнаго отъ столь ненаучныхъ, явно тенденціозныхъ пріемовъ, инте-

ресно лишь прослѣдить, на какихъ заблужденіяхъ зиждутся подобныя бредни. Существуетъ нѣкоторое нравственное стремленіе исторически обосновать пріобрѣтаемое столѣтіями сознаніе національнаго единства, а для обоснованія этого прибѣгаютъ къ идеѣ объ общемъ происхожденіи. При данномъ стремленіи замѣтны главнымъ образомъ два ложныхъ воззрѣнія, приводящихъ къ вышеизложенному фиктивному предположенію: во-первыхъ—основанное на библейской традиціи, совершенно произвольное представленіе о ходѣ генеалогическаго развитія человѣчества, и во-вторыхъ—ложная доктрина новѣйшей лингвистики. Здѣсь мы должны поближе разсмотрѣть оба эти заблужденія.

а) Средневѣковые писатели отлично знаютъ о тѣхъ различныхъ народностяхъ, которыя пришли съ сѣвера въ «Германію», но имъ не приходитъ въ голову фантазія считать этихъ пришельцевъ «Германцами». Готъ Іорнандесъ (Jornandes), писавшій около 550 г. п. Р. Х., прекрасно отличаетъ «германскія» народности отъ Франковъ, Готовъ и другихъ племенъ, вторгнувшихся изъ чужихъ краевъ въ «Германію». Объ этомъ онъ высказывается вполнѣ опредѣленно, напр. въ слѣдующемъ мѣстѣ: ««Gothi Germanorum terras, quas nunc Franci obtinent, depopulati sunt» («De origine Gothorum» XI). Жившій въ 8-омъ ст. лонгобардскій историкъ Павелъ пишетъ: ««universa illa regio Tanai tenus usque ad occiduum..... generali vocabulo Germania vocitetur» (lib I.). О Германцахъ онъ ничего не знаетъ; онъ знаетъ лишь, что изъ этой страны (regio), которая «tantos mortalium germinat, quantos alere vix sufficit, gentes egressae sunt, quae nihilominus et partes Asiae sed maxime sibi contiguam Europam affixerunt». И вотъ, Павелъ перечисляетъ множество «дикихъ, варварскихъ племенъ» («feroces et barbarae nationes»), которыя «выступили изъ Германіи», — сюда относятся Вандалы, Руги, Герулы, Турцилинги и др.; наконецъ, и «Winnilorum hoc est Longobardorum gens, a Germanorum populis originem ducens»,—это значитъ, что и Лонгобарды являются одной изъ народностей, вышедшихъ изъ той области, которая носитъ «общее названіе—Германія». Названіе это онъ употребляетъ вовсе не въ какомъ-либо этническомъ или національномъ смыслѣ, не говоритъ, будто Лонгобарды являются «Германцами», будто существуетъ какая-либо связь между ними и «Германцами», описанными Цезаремъ и Тацитомъ.—И біографъ Карла Великаго Ейнгардъ (Einhard) говоритъ о Германіи, лишь какъ о географическомъ названіи, а также упоминаетъ о всякихъ «населяющихъ Германію племенахъ» (Vita Caroli M., cap. 7), которыя самаго разнороднаго происхожденія и не имѣютъ ничего общаго съ Германцами Цезаря и Тацита. И вотъ, лишь новѣйшая нѣмецкая исторіографія позволила себѣ смѣшать эти разнородныя и несовмѣстимыя вещи, которыя никогда раньше не были смѣшиваемы.

§ 31.

Генеалогическое заблужденіе.

Придерживаясь библейской традиціи, до сихъ поръ еще никакъ не могутъ отказаться отъ того воззрѣнія, будто все человѣчество имѣетъ одинъ общій генеалогическій корень, будто оно, какъ единая, въ теченіе столѣтій постепенно дифференцирующаяся семья, выходя отдѣльными своими отпрысками изъ одного опредѣленнаго мѣста Азіи (рая!), мало-по-малу заселило всю землю. Вслѣдствіе этого всѣ живущія въ Европѣ націи разсматривались, какъ одна за другой переселившіяся толпы азіатскихъ выходцевъ. А для доказательства родственнаго единства отдѣльныхъ націй ухватились за общность ихъ языка: такъ не было и сомнѣнія, что всѣ тѣ, которые въ историческое время говорили на общемъ языкѣ, нѣкогда, будучи одной большой человѣческой семьей, переселились изъ Азіи. И вотъ, особенно съ начала XIX-го столѣтія, когда начала развиваться идея національности, теорію эту стали примѣнять въ отношеніи къ Нѣмцамъ; согласно съ ней, всѣ Нѣмцы нѣкогда должны были отдѣлиться въ Азіи отъ общечеловѣческаго корня и придти въ Европу; это—представленіе, которое отъ А до Z невѣрно (a). Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь столь смѣло выражаемое предположеніе, будто всѣ обитатели Европы вышли въ доисторическое время изъ Азіи, не имѣетъ подъ собой никакой научной почвы,—равно какъ и мысль о постепенной дифференцировкѣ человѣчества изъ одного племени. Дѣйствительное положеніе вещей было совершенно противоположно.

a) На такомъ заблужденіи покоятся еще работы Лейста (Leist) по сравнительному правовѣдѣнію. Особенно рѣзко выражаетъ онъ это слѣдующими словами: «Арійское племя, какъ это показываетъ языкъ, развѣтвилось на великія народности—германскую и славянскую, кельтическую, итальянскую и греческую, персидскую и индусскую. Основные элементы языка этихъ народовъ смѣло можно довести до того времени, когда предки ихъ еще составляли единый народъ» («Graeco-italisches Recht», S. 7). Лейстъ не сомнѣвается въ томъ, что «языкъ показываетъ, какіе отдѣльные народы принадлежатъ къ индо-германской или арійской расѣ. Въ силу этого является возможнымъ доказать существованіе обще-арійскихъ, на тевтонскомъ коренномъ началѣ покоющихся «родовыхъ» или родственныхъ правовыхъ инсти-

тутовъ (т. е. развившихся изъ одного и того же основного корня)» («Alt-arisches ius civile» 1892, Einl.).

Однако новѣйшіе лингвисты уже приходятъ къ тому убѣжденію, что изъ изслѣдованій въ области языкознанія нельзя дѣлать никакихъ выводовъ относительно генеалогическаго или этнологическаго развитія человѣчества. Максъ Мюллеръ (Max Müller—«Vorlesungen über die Sprachwissenschaft» I. VIII Vorl.) сожалѣетъ, что языковѣдѣніе и этнологію связываютъ другъ съ другомъ. Онъ говоритъ: «И языковѣдѣніе и этнологія страдаютъ отъ того, что ихъ недостаточно отдѣляютъ другъ отъ друга. Вѣдь человѣческія расы мѣняютъ свои языки, примѣровъ чего въ исторіи немало. Одна раса можетъ пользоваться различными языками и различныя расы могутъ говорить на одномъ и томъ же языкѣ». (Даже Дарвинъ не дошелъ до такого пониманія).

Того же самаго взгляда придерживается и Витни (Whitney); онъ прямо говоритъ, что «классификаціи языковъ и расъ не согласуются между собою и не совпадаютъ: иногда на разныхъ языкахъ говорятъ такія народности, которыя этнологъ отнесъ бы къ одной и той же расѣ, и съ другой стороны—родственные языки можно встрѣтить среди людей, принадлежащихъ къ явно различнымъ расамъ» и т. д. (Whitney—«Leben und Wachsthum der Sprache», Deutsch von Leskien 1876, S. 288 ff.).

Во всякомъ случаѣ эти лингвисты,—точно такъ же, какъ и Дарвинъ, — относятся весьма сдержанно къ вопросу о томъ, ведетъ ли человѣчество свое происхожденіе изъ одного общаго источника, или же изъ многихъ. Они, очевидно, не желаютъ связывать себя этимъ вопросомъ и съ особеннымъ удареніемъ всегда замѣчаютъ, что съ результатами языкознанія совмѣстимы оба данныя предположенія. Это ужъ слишкомъ осторожно съ ихъ стороны; слѣдовало бы выяснить, что правильный взглядъ на происхожденіе языковъ и на переходъ ихъ отъ народа къ народу никакъ не примиримъ съ обоими этими предположеніями, но лишь съ однимъ изъ нихъ, а именно съ тѣмъ, что человѣчество происходитъ изъ многихъ источниковъ. Во всякомъ случаѣ примемъ къ свѣдѣнію и осторожныя заявленія лингвистовъ. Такъ Максъ Мюллеръ полагаетъ, что «вопросъ объ общемъ корнѣ языка вовсе не связанъ съ вопросомъ о происхожденіи человѣчества отъ одного и того же источника». «Если бы даже можно было доказать, что языки произошли не отъ одного начала, то отсюда еще не вытекало бы заключеніе о возникновеніи рода человѣческаго изъ различныхъ источниковъ. Вѣдь, если разсматривать языкъ, какъ врожденную способность, то и тогда нельзя отрицать вліянія мѣста и времени на развитіе его у разсѣявшихся потомковъ одной первой пары. Если же, наоборотъ, смотрѣть на языкъ, какъ на искусное изобрѣтеніе, то почему бы каждому слѣдующему поколѣнію не изобрѣсть особой идіомы? И, хотя бы, съ другой стороны, было доказано, что всѣ человѣческіе языки происходятъ отъ одного коренного, то отсюда еще не вытекаетъ, что родъ человѣческій развился изъ одной

пары; вѣдь въ этомъ случаѣ языкъ, конечно, могъ бы быть либо врожденной способностью, либо изобрѣтеніемъ какой-нибудь одной, въ преимущественномъ положеніи находящейся расы, отъ которой уже въ теченіе историческаго развитія онъ могъ перейти и къ другимъ». Итакъ Максъ Мюллеръ весьма сдержанно относится къ этому вопросу и констатируетъ лишь недопустимость взаимныхъ заключеній между языковѣдѣніемъ и этнологіей. Между тѣмъ Поттъ рѣшительно защищаетъ тотъ взглядъ, что, какъ языки, такъ и родъ человѣческій ведутъ свое происхожденіе отъ многихъ источниковъ (См. Pott—«Ungleichheit der menschlichen Rassen» 1856 и «Etymologische Forschungen» 1861).

§ 32.

Осѣдлыя и кочевыя племена.

По доказанному мною въ „Der Rassenkampf" и ставшему съ тѣхъ поръ неопровержимымъ положенію, человѣчество происходитъ отъ безчисленныхъ примитивныхъ ордъ, которыхъ было много во всѣхъ частяхъ свѣта (a). Вслѣдствіе различія въ географическомъ положеніи, въ природныхъ свойствахъ и въ тѣхъ способахъ, какими отдѣльныя человѣческія группы принуждены были удовлетворять свои потребности,—вслѣдствіе всего этого примитивныя орды не были одинаковы и несходство это передали своимъ потомкамъ, которые опять же въ свою очередь могли измѣняться подъ вліяніемъ тѣхъ же внѣшнихъ факторовъ,—все это весьма ясно и подтверждается многими эмпирическими данными (b). И вотъ, среди этого безконечнаго разнообразія человѣческихъ видовъ различаются два главныхъ типа—кочевыя и осѣдлыя племена. Кочевники являются настоящими космополитами; исконный девизъ ихъ—ubi bene, ibi patria. Они не довольствуются той родиной, которую имъ дала природа. Въ постоянныхъ поискахъ за лучшей страной они бродятъ по бѣлу свѣту, не успокаиваясь до тѣхъ поръ, пока сами не устроятъ себѣ родины. Кочевники направляются лишь туда, гдѣ уже есть поселенцы, такъ какъ они стремятся къ болѣе удобной жизни и ищутъ человѣческихъ услугъ. Впрочемъ, и эти бродячія племена въ свою очередь распадаются на два вида: въ то время какъ одни дѣлаютъ набѣги съ дубьемъ и копьемъ, другія, такъ сказать, съ аршиномъ и съ вѣсами.

Осѣдлыя же племена являются какъ бы птицами, вьющими

гнѣзда (Nesthocker). Это — миролюбивыя и неподвижныя расы. Они тяготѣютъ къ землѣ и такимъ образомъ уже отъ природы являются glebae adscripti. И только лишь сила или крайняя нужда можетъ побудить ихъ къ переселенію. И вотъ, искони соединеніе бродячей и осѣдлой расъ, производившееся всегда, конечно, путемъ завоеванія и насилія, вызывало къ жизни организованныя государственныя формы; а отсюда то постоянное сходство, которое обязательно проходитъ черезъ соціальное устройство всѣхъ, какъ существующихъ, такъ и существовавшихъ на землѣ государствъ, состоящихъ всегда вообще изъ трехъ народныхъ классовъ: военнаго, торговаго и промышленнаго и рабочаго. Изъ даннаго положенія вещей становится очевиднымъ, что эти три соціальныя составныя части каждаго государства никогда не были одного происхожденія; нѣтъ, раньше онѣ находились въ различныхъ странахъ, и лишь изъ соединенія ихъ всегда составлялось „естественное произведеніе“ („Naturproduct“)—государство. Итакъ, совершенно напрасно историки ломаютъ себѣ голову надъ вопросомъ о томъ,—откуда происходитъ то или иное государство (Staatsvolk, civitas), какъ цѣлое: вѣдь ни одно государство не имѣетъ общаго происхожденія, напротивъ,—каждое является конгламератомъ разнородныхъ этническихъ элементовъ.

a) Прежде всего слѣдуетъ здѣсь замѣтить, что и величайшій историкъ Георгъ Нибуръ придерживается того же воззрѣнія. Онъ говоритъ: «Въ ходѣ всемірной исторіи приходится наблюдать, какъ безчисленныя первоначально племена путемъ завоеваній и различныхъ смѣшеній словно сливаются другъ съ другомъ, а тѣ, которыя не поддаются этому сліянію, подвергаются уничтоженію» («Vorträge über röm. Geschichte», herausg. v. Isler 1846).

b) Достаточно извѣстно, какое вліяніе оказываетъ на людей способъ питанія, а именно, — употребляютъ ли они растительную, мясную или же смѣшанную пищу. Но мало того, не только сама пища,—на примитивныхъ людяхъ отзываются также и тѣ пріемы, которыми они принуждены добывать себѣ пропитаніе; тутъ имъ приходится приниматься за различныя занятія (охота, землепашество, рыбная ловля и др.), которыя вліяютъ на ихъ духовный складъ, на ихъ характеръ и темпераментъ и такимъ образомъ кладутъ на нихъ особый расовой отпечатокъ.

И, такъ какъ данное отношеніе вещей вытекаетъ преимущественно изъ различныхъ свойствъ почвы, мѣстоположенія, климата,—то это вліяніе является исконнымъ, и слѣдовательно нужно признать, что расовое различіе существуетъ съ самыхъ первоначальныхъ временъ. А поэтому жестоко заблуждаются, когда считаютъ, что различные

образы жизни,—какъ напр. рыболовство, охота, скотоводство, земледѣліе,—являются послѣдовательными фазами развитія человѣчества (на которое при этомъ смотрятъ, какъ на нѣчто единое); напротивъ, эти различные образы жизни искони существуютъ одновременно, такъ какъ они повсюду вытекаютъ изъ различій въ физическихъ условіяхъ. Конечно, нельзя отрицать эволюціи человѣчества,—но она состоитъ въ развитіи отдѣльныхъ расъ. Эти же послѣднія эволюціонируютъ различно, — каждая сообразно со своими коренными особенностями. Поэтому невозможно охватить сразу всѣ эти безчисленные, разнообразнѣйшіе виды развитія. Можно лишь приблизительно представить себѣ нѣкоторыя общія схемы. Такъ, напр., люди, живущіе на плодоносныхъ равнинахъ и поэтому употребляющіе преимущественно растительную пищу, уже въ силу своего мирнаго образа жизни, состоящаго въ разыскиваньи различныхъ плодовъ и кореньевъ, мало-по-малу переходятъ къ земледѣлію и становятся мирными землепашцами. Напротивъ же, обитатели лѣсистыхъ мѣстностей принуждены заниматься охотой; они питаются преимущественно мясомъ и уже вслѣдствіе своего образа жизни имѣютъ воинственный характеръ; эти люди, какъ тѣ сѣверныя племена, о которыхъ повѣствуетъ Іорнандесъ (Jornandes), становятся «acre hominum genus et ad bella promptissimum»; при первомъ же удобномъ случаѣ эти дикари покоряютъ себѣ мирныхъ землепашцевъ и начинаютъ властвовать надъ ними; таково развитіе первобытныхъ охотниковъ. А жители прибрежныхъ странъ, добывая себѣ пищу изъ воды, являются ихтіофагами; съ раннихъ поръ объѣзжая моря, они легко знакомятся съ чужими странами и народами; эти мореплаватели сначала вымѣниваютъ свои туземныя произведенія на чужеземныя, а потомъ мало-по-малу переходятъ и къ торговлѣ; такъ эволюціонируютъ эти обитатели приморскихъ странъ. Подобныхъ эволюцій человѣческихъ расъ—безчисленное множество; а затѣмъ, какъ факторы дальнѣйшихъ, еще болѣе сложныхъ развитій, привходятъ сюда тѣ взаимоотношенія и вліянія, которыя имѣютъ мѣсто между различными расами. Природа повидимому все подготовляетъ къ тому, чтобы путемъ взаимодѣйствія разнородныхъ элементовъ привести къ созданію величайшаго своего произведенія,—государства. И вотъ, нужно же, наконецъ, уяснить себѣ то̀, что̀ уже высказали многіе философы, — больше, правда, по догадкѣ, чѣмъ сознательно, — а именно, что государство является естественнымъ произведеніемъ (Naturproduct), такъ какъ уже самой природой подготовлены тѣ различные элементы, изъ которыхъ на дальнѣйшей стадіи развитія возникаютъ государственныя формы.

§ 33.

Лингвистическое заблужденіе.

Порожденное миѳологіей вообще и библейской въ частности генеалогическое заблужденіе въ XIX-омъ столѣтіи было подкрѣплено

и „обосновано“ грубой ошибкой современныхъ лингвистовъ и главнымъ образомъ санскритистовъ (начиная съ Боппа). А именно,— когда они сдѣлали открытіе, что языки европейскихъ народовъ содержатъ въ себѣ множество корней, происходящихъ изъ древнеиндійскаго санскрита,—тогда въ ученомъ мірѣ раздалось всеобщее ликованіе по поводу такого знаменитаго открытія, проливающаго свой свѣтъ на „истинное“ происхожденіе всѣхъ европейскихъ народовъ, говорящихъ на этихъ „санскритскихъ языкахъ“ („Sanskritsprachen“). Вѣдь ничуть не сомнѣвались въ томъ, является ли языкъ правильнымъ и достаточнымъ доказательствомъ происхожденія народа; и вслѣдствіе этого считали неопровержимымъ, будто всѣ „индо-германскіе“ народы Европы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и всѣ „Германцы“ переселились прямо изъ Индіи. Восторгъ по поводу этого, яко-бы „великаго“, открытія выражается въ сочиненіяхъ историковъ, лингвистовъ и „психологовъ народности“,— приблизительно во второй четверти 19-го столѣтія.

§ 34.

Яковъ Гриммъ.

„Относительно народовъ“, по словамъ Якова Гримма („Geschichte der deutsch. Sprache“. I, 5), „существуетъ болѣе живое свидѣтельство, чѣмъ кости, оружіе и могилы, а именно—ихъ языки. Языкъ—полное выраженіе человѣческой души; гдѣ онъ звучитъ или сохраняется въ различныхъ памятникахъ, тамъ исчезаетъ всякая неопредѣленность относительно состоянія того народа, который говорилъ объ этомъ своимъ сосѣдямъ. И, если древнѣйшая историческая эпоха въ какомъ-нибудь пунктѣ не оставляетъ намъ никакихъ другихъ источниковъ, или же если сохранившіеся остатки старины представляютъ изъ себя неразрѣшимую неясность,—тогда остается лишь тщательно, до мельчайшихъ тонкостей изслѣдовать родство между языками или постепенные переходы отъ одного языка и нарѣчія къ другимъ“.

„Происходятъ ли всѣ разсѣянные по земному шару люди отъ одной первой пары, вслѣдствіе чего и различные языки вытекали бы изъ одного,—или же нѣтъ; образовались ли различныя—бѣлая, желтая и черная—расы лишь подъ вліяніемъ различныхъ клима-

тическихъ условій, — или же никакія такія видоизмѣненія тутъ недопустимы,—какъ бы то ни было, но мало уже насчитывается противниковъ того мнѣнія, что все европейское населеніе (?) въ теченіе извѣстнаго времени переселилось изъ Азіи, что большинство европейскихъ языковъ, несомнѣнно, должно находиться въ родствѣ съ тѣмъ великимъ, и до сихъ поръ еще коренящимся въ Азіи основнымъ языкомъ (Sprachgeschlecht), изъ котораго уже выдѣлились европейскіе языки, или же (что̀ гораздо больше подтверждается) вмѣстѣ съ которымъ всѣ они имѣютъ одинаковый первоисточникъ". Примѣромъ того, сколь некритически Гриммъ относится къ дѣлу, можетъ служить слѣдующее: сравнивая наименованія 4-хъ главныхъ металловъ и находя ихъ сходными въ языкахъ—нѣмецкомъ, латинскомъ, кельтическомъ и литовскомъ, — онъ, не задумываясь, выводитъ отсюда такое заключеніе: „столь поразительное сходство названій не является слѣдствіемъ распространенности этихъ предметовъ,—нѣтъ, причина этого лишь въ первоначальной общности языковъ" (?). Мысль же о томъ, что отдѣльныя наименованія и цѣлые языки, начинаясь издалека, могутъ распространяться среди самыхъ разнообразныхъ народовъ, подобно изобрѣтеніямъ, какъ напр. телеграфъ и телефонъ; что, слѣдовательно, никакъ нельзя оправдать логическаго перехода отъ языка къ происхожденію,—мысль объ этомъ не касается Гримма, а также, къ сожалѣнію, и многихъ его послѣдователей вплоть до настоящаго времени.

§ 35.

Каспаръ Цейссъ и Вильда.

Совершенно того же, Гриммовскаго направленія придерживается между прочимъ и Каспаръ Цейссъ (Caspar Zeuss). Извѣстное сочиненіе свое—„Deutschen und ihre Nachbarstämme" (1837)—онъ строитъ всецѣло на этой лингвистической яко-бы аксіомѣ. „Можно", полагаетъ онъ, „съ полнымъ основаніемъ (?) утверждать, что языкознаніе проливаетъ свѣтъ на исторію народовъ, на исторію древнихъ вѣковъ... Языкъ доставляетъ вѣрныя (?) доказательства; онъ не вводитъ въ заблужденіе, тогда какъ древнія свѣдѣнія легко могутъ насъ сбить съ толку. Такимъ образомъ филологія является вѣрнѣйшей (?) путеводной звѣздой по древнимъ вѣкамъ, затем-

неннымъ недостаточными, противорѣчивыми и ошибочными данными" („Herkunft der Baiern" 1857, S. IV). И вотъ, съ одной стороны, вѣря въ вышеописанный ложный генеалогическій предразсудокъ, а съ другой, слѣдуя за этой „путеводной звѣздой", смотрѣли на существующія въ языкахъ различія, какъ на слѣдствіе того, что первоначальный народъ разошелся изъ своего азіатскаго разсадника во всѣ страны свѣта, вмѣстѣ съ чѣмъ и основной языкъ въ различныхъ отросткахъ этого народа все больше и больше измѣнялся и дифференцировался; а поэтому полагали, что, чѣмъ ближе къ основному языку, тѣмъ бо̀льше эти существующія въ сходныхъ языкахъ различія отражаютъ въ себѣ генеалогическую родословную народовъ; полагали, что, чѣмъ глубже въ прошлое, тѣмъ все ближе и ближе стояли другъ къ другу, какъ народы, такъ и ихъ языки,—и наконецъ въ первобытное время всѣ они жили будто бы въ одномъ мѣстѣ (вспомнимъ 4 райскихъ потока, описанные въ библіи, эти 4 рѣки, вытекающія изъ Гиндукуша!) и говорили тутъ на одномъ лишь своемъ основномъ, санскритскомъ языкѣ. Такое совершенно ложное воззрѣніе, со времени Боппа и Гримма, охватило всѣхъ историковъ и лингвистовъ, въ особенности же въ Германіи. Изъ этого предвзятаго сужденія слѣдуетъ по аналогіи, что всѣ „народы", говорящіе на „германскихъ языкахъ", составляли нѣкогда единый коренной германскій народъ, изъ котораго уже путемъ „развѣтвленія" и дифференціаціи произошли отдѣльные германскіе народы, какъ напр. Англичане, Шведы, Датчане и наконецъ Нѣмцы.

Этого взгляда твердо придерживается также и Вильда, который кладетъ его въ основу своего извѣстнаго произведенія—„Strafrecht der Germanen" (1842). „Изъ Германцевъ", говорится тутъ, „... образовался ... нѣмецкій народъ. Нѣкогда онъ имѣлъ общую со своими собратьями религію, общій языкъ, общіе обычаи и право,—и это простиралось съ запада, гдѣ утвердились Кельты, до дальняго востока, гдѣ орды славянъ распоряжались въ пройденныхъ и покинутыхъ германцами земляхъ, съ юга .... и до крайняго сѣвера. И вотъ, къ этому то общему корню мы и должны обратиться, если желаемъ... познать нѣмецкую народность. И съ тѣхъ поръ, какъ въ своихъ рядахъ мы имѣемъ Якова Гримма, развѣ лишь невѣжество или косность могутъ сомнѣваться въ этомъ".

§ 36.

Отъ «первобытнаго народа» до Нѣмцевъ.

Тутъ ученые не обращали вниманія на то противорѣчіе, въ которое они впадали. Вѣдь, съ одной стороны, слѣдовало полагать, да такъ, разумѣется, и думали, что первоначально этотъ единый первобытный народъ (Urvolk) былъ меньше всѣхъ вышедшихъ изъ него, какъ изъ общаго корня, развѣтвленій; съ другой же стороны, исходя изъ фактическаго отношенія совокупности „германскихъ" народовъ къ обособившемуся изъ нихъ „нѣмецкому" народу, приходилось принимать обратное положеніе, а именно, что изъ обширнѣйшей общей массы выдѣлился гораздо болѣе узкій особый видъ—нѣмецкій народъ. Слѣдовательно, приходилось имѣть дѣло съ двумя рѣзко противоположными теченіями человѣческаго развитія: во-первыхъ, — изъ небольшого единаго первобытнаго народа выдѣлилось много большихъ „родственныхъ народовъ" и соотвѣтственныхъ языковъ, и, во-вторыхъ,—противоположное явленіе—возникновеніе изъ огромнаго „первоначальнаго германскаго" („urgermanischen") народа нѣкотораго числа меньшихъ отдѣльныхъ германскихъ народовъ, а въ томъ числѣ и Нѣмцевъ. Это второе явленіе изображается, напр. Вахсмутомъ (Wachsmuth—„Geschichte der deutschen Nationalität" 1860. I, 5), который пишетъ слѣдующее:

„Задолго до возникновенія нѣмецкаго народа, особо сгруппировавшагося внутри своихъ, ставшихъ потомъ отечественными предѣловъ, задолго до этого времени на сценѣ исторической жизни выступала нація, изъ которой обособился нѣмецкій народъ, какъ главнѣйшая ея отрасль. Чѣмъ дальше въ область прошлаго, тѣмъ обширнѣе масса. Происхожденію нѣмецкаго народа предшествуетъ германское племя, распространявшееся далеко за предѣлы нынѣшней Германіи; еще раньше этого — германо-скандинавская масса; передъ этимъ — индо-германская національная группа (Nationengruppe); начало же свое она вела отъ кавказской расы". („Арійцы" тогда еще не были въ модѣ). „Все германское племя", говорится далѣе, „съ виду подобно кельтическому, еще во времена сѣдой древности распадалось на двѣ группы,—на скандинавскую и германскую".

Однако же Вахсмутъ высказываетъ нѣкоторое сомнѣніе по поводу того,—„не изображены ли въ оставленныхъ намъ Греками и Римлянами описаніяхъ Германцевъ одни лишь свободные, какъ активная часть націи?" „Остается неяснымъ", совершенно вѣрно полагаетъ онъ, „каково могло быть ихъ физіологическое сродство и сходство съ несвободными латинами и рабами (а это была масса населенія!)". Но затѣмъ въ порывѣ патріотическаго рвенія онъ отгоняетъ это основательное сомнѣніе и больше ужъ къ нему не возвращается.

А между тѣмъ сомнѣніе это имѣло свое основаніе. Вѣдь никогда не существовало ни „индогерманской", ни „германо-скандинавской" этнической массы; равнымъ образомъ нѣтъ ни малѣйшей научной основы и въ лингвистическомъ открытіи Куна относительно того арійскаго первобытнаго народа, отъ котораго будто бы произошли всѣ европейскіе народы, говорящіе на арійскихъ языкахъ,—въ нелѣпости этого мы скоро убѣдимся [1]).

§ 37.

«Первобытный народъ», какъ нѣчто смѣшанное (О. Шрадеръ).

Извѣстный въ послѣднее время лингвистъ О. Шрадеръ въ своихъ изслѣдованіяхъ по индогерманской древности доходитъ до той мертвой точки, изъ которой ужъ филологія никакъ его не можетъ вывести. Онъ полагаетъ, что съ помощью антропологіи и этнографіи можно установить, будто такъ называемый „индогерманскій первобытный народъ представлялъ изъ себя не что иное, какъ нѣкоторую совокупность людей, связанныхъ между собою языкомъ, культурой и общей (намъ, конечно, неизвѣстной) политической судьбой". Итакъ, общее происхожденіе тутъ не выставляется, вслѣдствіе чего однако самое понятіе о „первобытномъ народѣ" становится какъ-то особенно неопредѣленнымъ. Отсюда, подкрѣпленный антропологіей и этнографіей, Шрадеръ выводитъ заключеніе, что среди того индогерманскаго

---

[1]) Въ своемъ, во всякомъ случаѣ извѣстномъ трудѣ («Zur ersteren Geschichte der indogermanischen Völker» 1845) А. Кунъ старается изъ данныхъ языковѣдѣнія заключить о томъ состояніи «первобытнаго народа, когда онъ находился еще въ цѣльномъ видѣ».

„первобытнаго народа“ „тогда уже должны были находиться долихокефалы и брахикефалы, блондины и брюнеты и т. д.“; „одни изъ нихъ преобладали въ одномъ, а другіе—въ другомъ мѣстѣ“. Вотъ тѣ послѣдніе результаты, какихъ Шрадеру удалось достигнуть; а теперь онъ стоитъ передъ проблемой, которую ужъ не пытается разрѣшить, такъ какъ для филолога она „лежитъ за предѣлами научнаго познанія“. Тутъ у Шрадера вырываются слѣдующія слова: „Каково происхожденіе первобытныхъ расъ, составляющихъ основу этническихъ отношеній въ древней Европѣ?—это вопросъ, отвѣтъ на который лежитъ за предѣлами научнаго познанія“. У Шрадера это признаніе вполнѣ понятно. Ученый лингвистъ путемъ филологіи никакъ не могъ пойти далѣе утвержденія, что индогерманскій „первобытный народъ“ состоялъ изъ различныхъ этническихъ элементовъ; онъ доволенъ, что находитъ себѣ у антропологовъ и этнографовъ подтвержденіе этого своего предположенія. На происхожденіе же „первобытнаго народа“ Шрадеръ смотритъ, какъ на неразрѣшимую загадку, разгадать которую онъ ужъ не пытается (a). (Die Aula 1895, № 12.)

a) Въ своемъ произведеніи—«Sprachvergleichung und Urgeschichte» (1883) — Шрадеръ указываетъ на полную неосновательность взгляда, господствующаго со времени Боппа и Гримма, — взгляда, будто посредствомъ лингвистики можно не только установить этнологическое родство народовъ, но и (а именно, начиная съ Куна) разрѣшить вопросъ о состояніи такъ называемаго арійскаго первобытнаго народа. Аргументируетъ тутъ Шрадеръ отрицательно и положительно. Отрицательно,—указывая при обозрѣніи «исторіи лингвистической палеонтологіи» на то обстоятельство, что извѣстнѣйшіе филологическіе авторитеты выводили изъ одинаковыхъ лингвистическихъ данныхъ самыя противоположныя заключенія и что, слѣдовательно, въ столь превознесенныхъ «успѣхахъ» сравнительнаго языкознанія нѣтъ ничего кромѣ однихъ лишь субъективныхъ, совершенно произвольныхъ комбинацій. Положительная же часть его аргументаціи направлена къ доказательству того, что изъ лингвистическаго матеріала можно дѣлать выводы, относящіеся лишь къ области лингвистики, но ни въ коемъ случаѣ не къ области исторіи культуры или этнологіи. Шрадеръ полагаетъ, что переходъ «отъ единства индогерманскихъ языковъ къ единству индогерманскихъ народовъ ввелъ бы насъ въ сферу этнографіи, гдѣ филологъ уже не можетъ притязать на столь безусловное къ своимъ доказательствамъ довѣріе, какъ въ чистой лингвистикѣ». «Вѣдь языкъ», продолжаетъ онъ, «несомнѣнно является лишь однимъ изъ тѣхъ моментовъ, которые надо принимать въ соображеніе для сужденія о расовомъ родствѣ между людьми; и нельзя оспаривать, что до сихъ поръ ни одна изъ классификацій,

построенныхъ на физiологическихъ признакахъ, не согласуется съ понятiемъ объ индогерманцахъ» (S. 157). «Филологiя одна не въ состоянiи раскрыть доисторическую культуру индогерманцевъ. Если же и тутъ мы хотимъ дѣлать успѣхи, то это возможно лишь тогда, когда лингвистика, археологiя и исторiя для общей работы братски протянутъ другъ другу руки» (S. 210).

Итакъ Шрадеръ, обращая въ ничто этотъ «арiйскiй первобытный народъ» и его языкъ, разрушаетъ многотрудное созданiе санскритистовъ; а цѣлый рядъ филологовъ, антропологовъ и этнологовъ (отъ Латама до Пенка) отнимаютъ у этого «первобытнаго народа» даже его азiатскую прародину. Впрочемъ, эти господа столь любезны, что отводятъ ему другое мѣсто для жительства—или, собственно говоря, лишь ищутъ его, такъ какъ поиски эти еще не увѣнчались успѣхомъ. Латамъ считаетъ этой прародиной Европу; Бенфей (Benfey)—спецiально восточную Европу; Томашекъ—южную Россiю; Сэйсъ (Sayce) — побережье Балтiйскаго моря; и, наконецъ, Пенка («Origines Ariacae» 1883 и «Herkunft der Arier» 1886)—Скандинавiю. Кромѣ того, по мнѣнiю Пенка («Herkunft der Arier», S. 20), предполагать, будто первобытный народъ состоялъ изъ двухъ различныхъ расъ—это значитъ допускать «бьющiй въ глаза абсурдъ». Итакъ, никогда не существовавшiй арiйскiй первобытный народъ, языкъ котораго—не что иное, какъ «грамматическая абстракцiя», потерялъ даже свою азiатскую родину. И во всякомъ случаѣ изъ всей этой комедiи заблужденiй вытекаетъ одно лишь,—а именно, что мы,—выражаясь словами Сэйса,—«не должны ужъ заимствовать свой взглядъ на жизнь и религiю Арiйцевъ изъ гимновъ Ригведы». При этомъ разсѣялось бы чудное видѣнiе санскритистовъ. Нужно надѣяться, что разлетятся всякiя фантазiи относительно арiйскаго «первобытнаго народа»,—фантазiи, разборомъ которыхъ мы здѣсь уже не станемъ заниматься.

§ 38.

Полигенизмъ.

Но существуетъ наука, которой Шрадеръ, очевидно, не воспользовался, такъ какъ совсѣмъ не упоминаетъ о ней; а она могла бы дать ему въ руки ключъ къ разрѣшенiю вышеупомянутой загадки. Это игнорированiе вполнѣ понятно, такъ какъ соцiологiя въ германскихъ университетахъ до сихъ поръ не только не разрабатывалась, но даже по мѣрѣ возможности „замалчивалась". А одна изъ главнѣйшихъ задачъ соцiологiи состоитъ въ томъ, чтобы дать себѣ отчетъ относительно хода эволюцiи въ „человѣческомъ мiрѣ".

И вотъ, этотъ-то „міръ человѣческій“, выдѣляющійся изъ многихъ другихъ міровъ природы, напр. изъ міра животныхъ и растеній—онъ-то и является исключительнымъ предметомъ соціологіи. Прежнія науки, подъ вліяніемъ библейской традиціи, представляли себѣ родъ человѣческій въ видѣ дерева, пускающаго изъ своего ствола все больше и больше вѣтвей и такимъ образомъ развивающагося. Отсюда эта идея, упорно господствующая въ историческихъ, антропологическихъ и этнографическихъ дисциплинахъ, идея объ одномъ или, въ лучшемъ случаѣ, о нѣсколькихъ первобытныхъ народахъ и языкахъ, изъ которыхъ ужъ будто путемъ постепеннаго развѣтвленія и дифференціаціи и образовалось то множество народовъ и языковъ, какое теперь можно наблюдать [1]).

Совершенно противоположный взглядъ заложенъ въ основу соціологіи. Отправнымъ ея пунктомъ является опроверженіе вышеизложеннаго взгляда относительно одного или нѣсколькихъ первобытныхъ народовъ и языковъ. Соціологія исходитъ изъ положенія, которое она прежде всего и старается доказать, — а именно, что „міръ людей“ беретъ свое начало въ безчисленномъ множествѣ разнородныхъ человѣческихъ ордъ, которыя, будучи одарены способностью рѣчи, образовали соотвѣтственно со своей природой столь же много примитивныхъ языковъ [2]). Отъ этого первобытнаго состоянія эволюція идетъ не въ видѣ развѣтвленія и дифференціаціи, какъ это до сихъ поръ себѣ представляли, но, наоборотъ, — въ видѣ интеграціи и все бо̀льшей и бо̀льшей агломераціи; однимъ словомъ, не отъ одного общаго первобытнаго народа ко все болѣе развѣтвляющимся народностямъ, но, наоборотъ, — отъ безчисленнаго множества первичныхъ ордъ къ постепенно уменьшающемуся числу все бо̀льшихъ, сливающихся между собою племенъ; эти послѣднія, по мѣрѣ теченія историческаго развитія, словно переплавляются во все меньшее и меньшее число все увеличивающихся народовъ и націй. Параллельно этому ходу превращеній человѣческихъ группъ и первичныхъ расъ во все болѣе и болѣе „инте-

---

[1]) См. у того же Шрадера «Culturgeschichte der Indogermanen» (1887) S. 7, гдѣ говорится о томъ времени, «когда происходило распаденіе общаго нѣкогда индогерманскаго языка»; здѣсь Шрадеръ, конечно, имѣетъ въ виду ту эпоху, когда, вслѣдствіе развѣтвленія «первобытнаго народа», началъ дифференцироваться и языкъ. Одно лишь ложное представленіе объ эволюціи человѣчества способно приводить къ тому выводу, будто нѣкогда должна была существовать подобная эпоха.

[2]) См. мое—«Der Rassenkampf», S. 64 ff.

грированныя“ общества и „расы“ (уже въ современномъ, несобственномъ значеніи этого слова),—параллельно съ этимъ идетъ и эволюція языковъ. Вначалѣ лингвисты совершенно упускали изъ виду это явленіе—и лишь мало-по-малу, при возрастающихъ успѣхахъ филологіи, обратили наконецъ и на него свое вниманіе. Объятые традиціонными предразсудками, филологи первоначально выводили всѣ языки изъ одного первобытнаго; но затѣмъ все больше и больше приходилось соглашаться съ существованіемъ нѣкогда многихъ такихъ языковъ; однако же до сихъ поръ не имѣютъ вполнѣ правильнаго понятія о дѣйствительномъ положеніи вещей въ первобытное время,—не понимаютъ, что тогда было такое же несмѣтное множество языковъ, какъ и примитивныхъ ордъ.

§ 39.

Языкъ народа вовсе не является доказательствомъ его происхожденія.

Изъ этого хода развитія, какъ человѣчества, такъ и языковъ, вытекаетъ признаніе, до котораго, опираясь на отдѣльные факты, въ послѣднее время мало-по-малу дошла современная этнологія,—а именно, признаніе того, что языкъ народа ни въ коемъ случаѣ не можетъ служить доказательствомъ его происхожденія; вѣдь очень часто можно наблюдать, какъ народы усваивали себѣ чужіе языки. Конечно, такіе случаи старались разсматривать, какъ исключенія. Согласно же нашему вышеизложенному пониманію, это усвоеніе чужого и оставленіе своего собственнаго языка есть исконное, постоянное и неизбѣжное явленіе. Такъ, въ XX-омъ столѣтіи никто, конечно, не станетъ утверждать, что сотни милліоновъ людей, занимающихъ огромное пространство—между Сѣвернымъ Ледовитымъ океаномъ и Кавказомъ, между Нѣманомъ и Камчаткой и говорящихъ по-русски, ведутъ общее происхожденіе; и наивно было бы теперь воображать себѣ, что какая-нибудь большая нація, говорящая или говорившая когда-либо на одномъ языкѣ, происходитъ отъ одного общаго племени,—и воображать это себѣ потому лишь, что намъ неизвѣстно ея историческое начало. Совершенно противоположный взглядъ лежитъ въ корнѣ соціологическаго пониманія: всегда, когда на зарѣ исторіи такъ называемый „первобытный народъ“ представляется намъ уже съ выработаннымъ языкомъ и

съ дифференцировавшейся культурой, т. е. съ такой, которой уже извѣстны различныя соціальныя установленія и раздѣленіе труда,— всегда въ такихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло уже съ извѣстнымъ продуктомъ соціальной эволюціи, образовавшимся изъ множества разнородныхъ элементарныхъ этническихъ составныхъ частей.

Если бы Шрадеръ сдѣлалъ правильную оцѣнку этого основного положенія соціологіи, неизбѣжно въ концѣ концовъ опирающагося на гипотезу полигенизма, тогда онъ не считалъ бы выходящимъ „за предѣлы научнаго познанія“—возбуждать вопросъ о томъ, „каково происхожденіе тѣхъ первобытныхъ расъ (Urrassen), которыя составляютъ основу этническихъ отношеній въ древней Европѣ“. Вѣдь соціологія, принимая полигенизмъ, какъ единственно удовлетворительное объясненіе всего хода развитія человѣчества, даетъ достаточно свѣдѣній по этому вопросу. Такимъ образомъ исконное и непрерывное сліяніе различныхъ этническихъ элементовъ во все большія и большія племена, народности и націи,— весь этотъ процессъ она провозглашаетъ кореннымъ явленіемъ, принципомъ всей исторіи человѣчества и основнымъ соціологическимъ положеніемъ [1]).

Теперь же, если мы, обращаясь къ Шрадеру, выдающемуся представителю современной лингвистики, отсылаемъ эту науку къ вышеизложенному основному соціологическому положенію, если мы требуемъ, чтобы она всѣ свои воззрѣнія относительно хода развитія языковъ провѣрила по соціологіи и отсюда заимствовала бы разрѣшеніе вопроса о „первобытныхъ расахъ“,—въ такомъ случаѣ на насъ лежитъ и обязанность представить доказательства, которыя могли бы научно обосновать принятіе этого основного положенія соціологіи. Здѣсь мы лишь вкратцѣ скомбинировали эти доказательства, болѣе же подробно они изложены въ различныхъ мѣстахъ другихъ нашихъ сочиненій [2]).

Вотъ доказательство, которое можно назвать историческимъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ свидѣтельства исторіи относительно первоначальнаго состоянія (Urzustände) народовъ всегда и повсюду повѣствуютъ намъ о множествѣ разнородныхъ племенъ и „народностей“ („Völkerschaften“), которыя въ позднѣйшія времена мы за-

---

[1]) См. Gumplowicz—«Die sociologische Staatsidee», Graz, 1892.
[2]) См. Gumplowicz—«Grundriss der Sociologie» 1885, и «Sociologie und Politik» 1892. (Оба эти сочиненія переведены на русскій яз. Переводч.).

стаемъ уже въ видѣ объединенныхъ народовъ и націй. Взглянемъ на теперешнюю Италію: одинъ языкъ и одна нація! А однако сколько различныхъ племенъ кишѣло въ ней во время основанія Рима! И уже одна та непрерывная борьба, которую вели между собою эти племена, достаточно показываетъ, что они относились другъ къ другу, какъ чужіе и враги. И развѣ современная лингвистика не открыла, кромѣ загадочнаго этрусскаго языка, также слѣдовъ многихъ другихъ языковъ, на которыхъ въ былое время говорили въ Италіи, но которые съ тѣхъ поръ совершенно исчезли?

И не наблюдаемъ ли мы того же зрѣлища на зарѣ исторіи и во всѣхъ другихъ странахъ Европы? Какъ утомительно-диненъ „перечень народовъ“ („Völkerregister“) у всѣхъ „отцовъ исторіи“, начиная съ Гомера и Геродота! При всѣхъ ихъ повѣствованіяхъ приходится лишь съ удивленіемъ восклицать: сколько народовъ! сколько именъ!!

Сколько враждовавшихъ между собою народностей кишѣло въ Галліи во времена Цезаря?! Какое безчисленное множество чуждыхъ другъ другу и разноязычныхъ племенъ обитаетъ въ эпоху Тацита между Альпами и Нѣмецкимъ моремъ?! Подобное же зрѣлище представляетъ еще теперь Африка. О сколькихъ враждующихъ между собою племенахъ и о сколькихъ языкахъ повѣствуютъ намъ новѣйшіе изслѣдователи Африки! И что же регулярно происходитъ съ этими безчисленными разнородными этническими элементами въ дальнѣйшемъ процессѣ всякой „исторіи культуры“? Вездѣ образуются все большія и большія общія сферы властвованія; организуются государства; вырабатываются общіе языки; разнородность исчезаетъ, и на мѣстѣ ея появляется единство,—сначала въ политической организаціи, а затѣмъ въ языкѣ и въ обычаяхъ. И вотъ, когда, по прошествіи долгаго періода времени, образуется единый народъ и единая нація, тогда историки говорятъ объ общемъ ихъ происхожденіи; а выработанные исторіей общій языкъ и культура выставляются (какая грубая ошибка!), яко-бы признакъ и доказательство единства народа и въ давно минувшія эпохи. Существовавшіе нѣкогда многочисленные, ни въ какой литературѣ не сохранившіеся языки исчезли безслѣдно; иногда лишь словно всплыветъ какая-нибудь древняя надпись, которую уже нельзя разобрать. Вотъ, напр. „мальбергическая глосса“ („Malberg'sche

Glosse") [1]),—ее никто уже не въ состоянiи объяснить; это нѣмой памятникъ давно умершаго языка. Потомки же людей, пользовавшихся нѣкогда этимъ языкомъ, давно уже слились въ народномъ и нацiональномъ единствѣ съ другими, нѣкогда разнородными этническими элементами. Вотъ каковъ всегда и повсюду ходъ исторiи. Однако прямо-таки противоположный взглядъ на вещи царитъ въ нашихъ историческихъ описанiяхъ; да не только въ нихъ, но и во всѣхъ другихъ „наукахъ о духовной природѣ человѣка" („Geisteswissenschaften"), — напр. въ философiи исторiи и въ языкознанiи. Тутъ полное непониманiе истиннаго хода исторiи, распространяющее свое ошибочное, тлетворное влiянiе на всю область нашихъ историческихъ, а затѣмъ и вообще „моральныхъ" („moralischen") наукъ; это уродуетъ ихъ; вѣдь вслѣдствiе ложнаго пониманiя развитiя человѣчества всѣ явленiя исторической жизни представляются въ этихъ наукахъ всегда въ превратномъ видѣ,—точно въ испорченномъ зеркалѣ (а).

а) Какъ самъ Дарвинъ осторожно держался въ сторонѣ отъ вопроса относительно моногенизма или полигенизма,—такъ и теорiя его не могла въ этомъ пунктѣ оказать на филологiю никакого опредѣленнаго влiянiя. Это обнаруживается въ двухъ небольшихъ трактатахъ Авг. Шлейхера, въ которыхъ этотъ выдающiйся лингвистъ занимается отношенiемъ дарвинизма къ филологiи, но при этомъ проявляетъ поразительную неустойчивость, а именно въ томъ, что съ одной стороны онъ старается перенести въ область языкознанiя эволюцiонную теорiю Дарвина, съ другой же, руководимый лингвистическими данными, настаиваетъ на полигенистическомъ воззрѣнiи. Получается, что въ первый моментъ увлеченiя теорiей Дарвина Шлейхеръ хочетъ перенести на развитiе языковъ моногенистическую схему дарвинистическаго эволюцiоннаго ученiя. Это выступаетъ въ первой части его посланiя къ Геккелю («Die Darwin'sche Theorie und Sprachwissenschaft» 1863). Вотъ что́ онъ здѣсь говоритъ: «Развѣ нельзя воспользоваться существующими въ языкахъ различiями, какъ осно-

---

[1]) Отъ древняго Malloberg или Malberg, что значитъ Gerichtsberg (Gerichtsstätte)—мѣсто судебнаго засѣданiя. „Мальбергическая глосса"—это якобы комментарiй къ главнѣйшимъ положенiямъ Салической Правды (Lex Salica, pactus legis Salicae), представляющей изъ себя настоящую варварскую латынь, не признающую ни этимологiи, ни синтаксиса и обильно уснащенную германизмами. Включенная въ текстъ Правды „Глосса" большею частью отмѣчается—„Malb.", что значитъ—in Mallobergo (Malbergo), т. е. на судебномъ засѣданiи или точнѣе—на языкѣ, употребляемомъ въ судебномъ засѣданiи. Но и сама эта «мальбергическая глосса» имѣетъ до того непонятный видъ, что даже не могутъ установить, на какомъ языкѣ она написана. См. Brockhaus'Conversations-Lexicon, 13. Aufl., 14. Band.
Переводчикъ.

вой для естественной системы, какъ доказательствомъ единства рода человѣческаго? Не является ли исторія развитія языка главной стороной въ исторіи человѣческой эволюціи?» И вотъ, Шлейхеръ погружается въ воззрѣніе Дарвина,—въ воззрѣніе, по которому «наблюденіе надъ весьма короткимъ еще періодомъ молодой земной жизни обнаруживаетъ постепенныя измѣненія формъ», а поэтому-де «мы не имѣемъ права предполагать другого хода жизни»; съ такой точки зрѣнія Шлейхеръ хочетъ смотрѣть на возникновеніе всѣхъ существующихъ въ языкахъ различій, на все это разнообразіе ихъ,—объясняя его «постепеннымъ измѣненіемъ» единаго основного языка (Ursprache). Въ этомъ смыслѣ онъ говоритъ: «Тѣ языки, которые мы, по терминологіи ботаниковъ и зоологовъ, назвали бы видами одного рода (Arten einer Gattung), являются какъ бы дочерьми общаго основного языка, изъ котораго уже всѣ они произошли путемъ постепеннаго его измѣненія. Сопоставляя эти родственные, хорошо извѣстные намъ языки, мы установимъ родословную ихъ—точно такъ же, какъ Дарвинъ стремился сдѣлать это для растительныхъ и животныхъ видовъ. Никто ужъ не сомнѣвается болѣе въ томъ, что вся категорія (Sippe) индогерманскихъ языковъ... ведетъ свое начало отъ одной основной формы, отъ одного коренного индогерманскаго языка... На зарѣ жизни рода человѣческаго существовалъ одинъ лишь.... индогерманскій коренной языкъ. Говорилъ на немъ цѣлый рядъ поколѣній; и, конечно, когда говорившій на немъ народъ разростался и разселялся,—тогда въ различныхъ мѣстахъ и языкъ этотъ принималъ мало-по-малу совершенно различный характеръ, и наконецъ изъ него создались два языка. Возможно образованіе и большаго числа такихъ языковъ... То же проявляется и во всѣхъ послѣдующихъ дѣленіяхъ. Каждый изъ этихъ языковъ неоднократно еще подвергался процессу дифференціаціи». Итакъ, Шлейхеръ готовъ перенести въ область языкознанія эту, выставленную Дарвиномъ, по-виду моногенистическую схему развитія организмовъ. Но вотъ, здѣсь у него возникаютъ нѣкоторыя сомнѣнія. Филологія добралась до н ѣ с к о л ь к и х ъ такихъ «основныхъ языковъ»; а затѣмъ возникаетъ вопросъ,—происходятъ ли и эти н ѣ с к о л ь к о языковъ по тому же рецепту Дарвина—изъ о д н о й коренной ячейки? «Каково же происхожденіе этихъ родовыхъ языковъ, заложенныхъ въ основаніе различныхъ категорій? Повторяется ли здѣсь то же явленіе, какое мы наблюдаемъ въ языкахъ каждой отдѣльной категоріи: происходятъ ли эти родоначальные языки въ свою очередь отъ общихъ корней, а эти послѣдніе наконецъ—отъ одного первоначальнаго языка?» На этотъ вопросъ нашъ лингвистъ не можетъ дать утвердительнаго отвѣта. И дѣйствительно, «никто не въ состояніи представить себѣ такой языкъ, отъ котораго бы могли произойти, напр.—индогерманскій и китайскій, семитическій и готтентотскій.... Мы не можемъ предположить подобнаго, такъ сказать, матеріальнаго происхожденія всѣхъ языковъ отъ одного первоосновного». Итакъ, Шлейхеръ бросаетъ свою, столь поспѣшно принятую дарвинистическую точку зрѣнія и признаетъ вмѣсто одного нѣсколько

основныхъ языковъ. Не имѣя въ этомъ направленіи твердой точки опоры, онъ потомъ хватается за противоположный взглядъ. Въ самомъ дѣлѣ, руководимый идеей, что «корни языковъ у различныхъ людей различны», Шлейхеръ принужденъ предположить «безчисленное множество основныхъ языковъ», хотя для всѣхъ ихъ и устанавливаетъ одну и ту же человѣческой физической природой обусловленную форму. Вотъ тутъ-то въ высшей степени интересно наблюдать, какъ Шлейхеръ съ геніальной интуиціей проводитъ въ дарвинизмѣ полигенистическій взглядъ; этого никогда открыто не высказывалъ и самъ Дарвинъ,—по всей вѣроятности, лишь изъ снисхожденія къ своимъ, свято въ библейскія традиціи вѣрующимъ соотечественникамъ. «Это возникновеніе языковъ», говоритъ Шлейхеръ, «соотвѣтствуетъ, очевидно, происхожденію растительныхъ и животныхъ организмовъ; простая клѣтка является, конечно, общей основной формой этихъ организмовъ, равно какъ простой корень (einfache Wurzel)—въ языкахъ. И слѣдуетъ, разумѣется, признать, что клѣтки, эти простѣйшія формы дальнѣйшей животной и растительной жизни въ большомъ количествѣ возникли за извѣстный періодъ существованія нашей планеты, точно такъ же, какъ въ области языковъ—простые объяснительные звуки (Bedeutungslaute). Эти начальныя, не то растительныя, не то животныя формы органической жизни развивались и совершенствовались затѣмъ по самымъ различнымъ направленіямъ». На эти слова Шлейхера всѣ дарвинисты должны обратить особенное вниманіе; ихъ слѣдовало бы пропечатать на заголовкѣ всѣхъ изданій Дарвина. Словами этими талантливый дарвинистъ ввелъ поправку или—вѣрнѣе—дополненіе къ теоріи своего учителя. Вѣдь Шлейхеръ пришелъ лишь къ тому неизбѣжному заключенію, которое замалчивалъ Дарвинъ, но которое и онъ, несомнѣнно, сдѣлалъ бы, еслибы захотѣлъ относительно этого высказаться.

§ 40.

Дѣйствительный ходъ развитія человѣчества.

Возможно ли, чтобы вышеизображенный, всюду ясно наблюдаемый „ходъ исторіи“ не оказалъ никакого вліянія на наше воззрѣніе относительно всего развитія (Gesammtentwicklung) человѣчества—и потому-де только, что извѣстная намъ „исторія“ охватываетъ лишь ничтожную часть всего прошлаго? Возможно ли допустить, чтобы неосвѣщенная исторіей большая часть человѣческаго развитія шла по прямопротивоположному направленію—отъ единства или незначительной множественности (geringe Vielheit) къ безко-

нечному разнообразію и безчисленности разнородныхъ этническихъ группъ, наблюдаемыхъ на разсвѣтѣ исторіи?

Нѣтъ, такое предположеніе никакъ недопустимо—и въ силу вотъ какихъ соображеній: если ходъ развитія человѣчества (а иначе невозможно) управляется естественнымъ закономъ (Naturgesetz), то не можетъ же этотъ послѣдній стать въ историческую эпоху другимъ, не можетъ же онъ измѣниться, не можетъ противорѣчить самому себѣ, не можетъ дѣйствовать теперь по совершенно иному, чѣмъ въ доисторическія времена, направленію. Здравый разсудокъ, стоящій въ сторонѣ отъ вѣры въ чудеса, не можетъ не признать, что естественный законъ, опредѣленнымъ образомъ обнаруживающійся въ теченіе всей, хорошо извѣстной намъ исторической эпохи, долженъ былъ въ той же формѣ проявляться и въ тѣ милліоны лѣтъ, за которые дѣйствіе его не описано въ историческихъ хроникахъ и недоступно для человѣческаго наблюденія. Противоположное предположеніе было бы чистѣйшимъ абсурдомъ (а).

а) Защищаемый здѣсь методологическій принципъ имѣетъ въ высшей степени важное значеніе для всякой естественной науки (Naturwissenschaft). Онъ, какъ извѣстно, впервые примѣненъ былъ геологомъ Ляйэллемъ (Lyell), благодаря чему геологія пріобрѣла весьма важныя познанія изъ жизни земного шара. Въ выше цитированномъ сочиненіи Шлейхеръ даетъ слѣдующую ясную формулировку этого принципа: «Данный методъ—заключать относительно неизвѣстнаго изъ того, что извѣстно,—методъ этотъ не допускаетъ предположенія, будто въ скрытой отъ непосредственнаго наблюденія доисторической эрѣ дѣйствовали совсѣмъ иные жизненные законы, чѣмъ тѣ, какіе мы подмѣчаемъ въ доступную для нашего наблюденія эпоху» (l. c., S. 24).

§ 41.

Всеобщее смѣшеніе расъ.

Вышеизложенное историческое доказательство и дополняющая и подкрѣпляющая его логическая аргументація подтверждаются при этомъ нѣкоторыми фактами и явленіями, которые теперь повсюду очевидны и могутъ быть объяснены лишь при помощи защищаемаго здѣсь основного соціологическаго положенія.

Однимъ изъ такихъ фактовъ является констатируемое антропологами, по мѣрѣ развитія культуры возрастающее расовое смѣ-

шеніе (Rassenmischung), заключать о которомъ можно изъ разнообразія череповъ среди одного и того же народа. Всѣ антропологическія изслѣдованія устанавливаютъ тотъ фактъ, что, чѣмъ примитивнѣе человѣческая группа, тѣмъ больше однородность (Homogeneität) череповъ у составляющихъ ее индивидовъ; чѣмъ выше развитіе группы, тѣмъ больше число встрѣчающихся въ ней черепныхъ разнообразій; и Колльманъ не можетъ объяснить этого иначе, какъ лишь все болѣе и болѣе возрастающимъ смѣшеніемъ („Penetration") расъ (a).

Прослѣдимъ же ретроспективно за приведшимъ къ данному смѣшенію ходомъ эволюціи, и путемъ этого строго логическаго пріема мы подойдемъ къ первобытному состоянію (Urzustand): здѣсь передъ нашими глазами предстанетъ множество различныхъ, въ отдѣльности однородныхъ человѣческихъ расъ,—множество, соотвѣтствующее тому разнообразію перемѣшанныхъ между собою черепныхъ типовъ (Schädeltypen), съ которыми мы теперь встрѣчаемся среди большихъ народовъ и націй. И это строго логически выведенное заключеніе о правдоподобномъ первобытномъ состояніи людей подтверждается слѣдующимъ, установленнымъ антропологами фактомъ: и теперь среди отдѣльныхъ индивидовъ всякаго примитивнаго, совершенно замкнутаго отъ внѣшнихъ сношеній первобытнаго народа (Naturvolk) замѣчается огромное, нигдѣ уже болѣе не встрѣчающееся однообразіе въ строеніи череповъ (Schädelformation) (b).

a) «Чѣмъ примитивнѣе общества», говоритъ Дюркгеймъ («De la division du travail social». 1893, p. 142), «тѣмъ болѣе существуетъ сходства между образующими ихъ индивидами. Уже Гиппократъ въ своемъ сочиненіи «De aëre et locis» сказалъ, что Скиѳы имѣютъ одинъ лишь этническій типъ и совершенно лишены типовъ личныхъ. Гумбольдтъ въ своемъ «Neuspanien» замѣчаетъ, что у варварскихъ народовъ скорѣе можно найти свойственную всей ордѣ физіономію, чѣмъ личныя»...

Къ этимъ общимъ замѣчаніямъ Дюркгеймъ присоединяетъ данныя новѣйшаго изслѣдованія. «Лебонъ имѣлъ возможность объективнымъ образомъ установить, что, по мѣрѣ приближенія къ первобытной эпохѣ, однородность эта увеличивается. Сравнивая черепа въ расахъ и въ различныхъ обществахъ, онъ находитъ, что существующія среди индивидовъ одной и той же расы несоотвѣтствія въ размѣрѣ череповъ.... становятся тѣмъ больше, чѣмъ выше раса поднимается по лѣстницѣ цивилизаціи».

b) У историковъ самыхъ различныхъ націй можно встрѣтиться съ возникающимъ у нихъ изъ историческаго наблюденія признаніемъ,

что народы и государства всегда представляютъ изъ себя пеструю смѣсь разныхъ этническихъ элементовъ; а отсюда уже само собою вытекаетъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ закономъ развитія человѣчества. Для подтвержденія этого здѣсь умѣстно привести цитату изъ «Идей, господствующихъ въ исторіи человѣчества» (Helsingfors 1879),—сочиненія, вышедшаго изъ-подъ пера финляндскаго историка Коскинена (Irjoe Koskinen), при чемъ воспользуемся французскимъ переводомъ этой книги: «Послѣ ожесточенной борьбы племена объединяются въ націи, а эти послѣднія—въ имперіи или въ большія конфедераціи; и вотъ, идея человѣческаго братства, ограниченная сначала семейнымъ кругомъ, по-мѣрѣ возрастанія государства, постепенно все больше и больше расширяется».

И Дюпонъ-Вайтъ (Dupont-White) чувствуетъ господствующій въ этихъ этническихъ смѣшеніяхъ законъ, хотя у него еще и недостаетъ соціологическаго взгляда на дѣйствительный процессъ развитія. «Люди», говоритъ онъ, «цивилизуются лишь силою смѣшенія; завоеваніе, колонизація, эмиграція.... вотъ проводники человѣка или его мыслей, вотъ тѣ, такъ сказать, перемѣнные вѣтры (le souffle varié), которые изъ страны въ страну несутъ источники блага, правды, пользы.... И, такъ какъ государство всегда способствуетъ этому стеченію элементовъ, такъ какъ оно является своего рода растворителемъ (le fondant), соединяющимъ столь различные элементы,—то нельзя не признать истиннаго его вліянія на прогрессивное развитіе общества: государствомъ закрѣпляется въ цивилизаціи единство рода человѣческаго» («L'Individu et l'État», 1863, p. 324, 325).

§ 42.

Смѣшеніе языковъ.

Другой, аналогичный вышеописанному и тѣсно съ нимъ связанный фактъ можно наблюдать въ области языковъ; однако же филологи до сихъ поръ довольно мало обращали на него вниманія. Вѣдь вся современная лингвистика старается преимущественно доказывать сходство между различными европейскими культурными языками; и вотъ, встрѣчающіяся въ нихъ „родственныя“ („verwandten“) слова выводятся изъ санскрита. Сюда присоединяется конструированіе „коренного языка“ („Ursprache“), изъ котораго-де происходятъ всѣ эти, такъ сказать, „арійскія“ нарѣчія; потомъ изъ этого „коренного языка“ выводятъ заключеніе о свойствахъ и культурѣ говорившаго на немъ „первобытнаго народа“. Весь этотъ ходъ мыслей, весь этотъ методъ разсужденія покоится на ложномъ

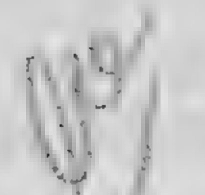
представленіи объ общемъ происхожденіи всѣхъ тѣхъ народовъ, которые теперь говорятъ на „арійскихъ“ языкахъ, т. е. на такихъ, гдѣ значительное число корней и формъ выводится изъ санскрита. Однако, если бы филологія, не ограничиваясь своимъ излюбленнымъ подбираніемъ существующихъ между отдѣльными языками сходствъ, старалась съ такимъ же рвеніемъ отыскивать здѣсь и несхожіе корни, не общіе этимъ языкамъ и невыводимые изъ санскрита,— тогда можно было бы открыть нѣкоторые слѣды давно исчезнувшихъ языковъ, а также и тѣхъ расъ, которыя нѣкогда на нихъ говорили, но которыя сохранились еще лишь въ разнообразныхъ черепныхъ строеніяхъ, наблюдаемыхъ среди принадлежащихъ къ современнымъ народамъ и націямъ людей.

Затѣмъ результаты такихъ лингвистическихъ изученій легко представить наглядно въ видѣ графическаго изображенія, которое можно занести, напр., на географическую карту Европы. На картѣ этой нужно какой-нибудь краской,—ну, скажемъ,—свѣтло-розовымъ пунктиромъ отмѣтить тѣ „арійскія“ слова, которыя общи европейскимъ народамъ; а тѣ коренныя формы, которыя содержатся спеціально лишь въ какомъ-нибудь одномъ изъ этихъ языковъ, не встрѣчаясь въ другихъ, и которыя не могутъ быть выводимы изъ санскрита, отмѣтимъ различными темными цвѣтами. Видъ такого изображенія наглядно показалъ бы намъ, какіе слѣды прежнихъ неарійскихъ языковъ сохранились еще до сихъ поръ среди европейскихъ народовъ. Итакъ, многія расы еще до настоящаго времени замѣтны въ различныхъ черепныхъ строеніяхъ, и многіе первобытные языки еще сохраняются въ такихъ „неарійскихъ“ словахъ. На какомъ же изъ этихъ первобытныхъ языковъ и какая именно раса говорила?—это ужъ, конечно, не поддается изслѣдованію, такъ какъ черепныя кости безмолвны. О, если бы будущая усовершенствованная фонологія (Phonologie) по различному строенію скулъ и челюстей разгадала соотвѣтствовавшіе этимъ костямъ, скудно въ отдѣльныхъ коренныхъ словахъ удержавшіеся еще таинственные звуки! Но едва ли это когда-нибудь будетъ достигнуто, такъ какъ природа явно обнаруживаетъ тенденцію — уничтожать въ человѣчествѣ все разнородное и способствовать созданію общаго, единаго (a).

a) Огромная заслуга Шрадера, какъ уже сказано, заключается въ томъ, что онъ въ своемъ трудѣ—«Sprachvergleichung und Urgeschichte» (1885) разрушилъ массу заблужденій, въ которыя, со вре-

мени Куна (1845), впадали филологи, полагавшіе, что возможно доискаться до состоянія яко бы существовавшаго нѣкогда индогерманскаго «первобытнаго народа» («Urvolk»). Онъ неоднократно указывалъ на то, сколь ненаучны и неосновательны эти опрометчиво изъ «сравненія» корней (Wurzel-«Gleichungen») выводимыя заключенія о культурѣ «первобытнаго народа». Что же касается вопроса,— «въ состояніи ли сравнительное языкознаніе своими собственными средствами произвести достовѣрное изслѣдованіе индогерманской древности?»—на вопросъ этотъ, какъ полагаетъ Шрадеръ, «можетъ быть данъ лишь отрицательный отвѣтъ» (S. 207). Вмѣстѣ съ этимъ онъ указалъ на банкротство «лингвистической палеонтологіи», которая, со времени Боппа и Гримма, столь самоувѣренно выступала впередъ. Съ чрезвычайной осторожностью и снисходительностью критикуя своихъ предшественниковъ, Шрадеръ все-таки ясно выражаетъ ту мысль, что весь этотъ открытый «лингвистической палеонтологіей» «индогерманскій первобытный языкъ» является, пожалуй, не чѣмъ инымъ, какъ только лишь «филологической абстракціей» (S. 177). Мысль эта вполнѣ правильна. Онъ никакъ не можетъ согласиться съ тѣмъ, чтобы этотъ «индогерманскій первобытный языкъ» слѣдовало представлять себѣ, «какъ нѣчто цѣльное (Ganzes), какъ языкъ, на которомъ бы въ самомъ дѣлѣ говорилъ дѣйствительно существовавшій народъ». Если ужъ такъ не хотятъ разставаться съ этимъ представленіемъ, то слѣдуетъ по крайней мѣрѣ, «согласно со всѣми лингвистическими аналогіями», смотрѣть на этотъ первобытный языкъ, какъ на «діалектически дифференцировавшійся» («dialektisch differenzierte»). На этомъ и кончается оппозиціонное отношеніе Шрадера къ существовавшему до сихъ поръ у лингвистовъ представленію. Но, разумѣется, предположеніе «діалектической дифференціаціи» заставляетъ его придти къ заключенію (Die Aula 1895, № 12), что «первобытный народъ» долженъ былъ являться чѣмъ-то смѣшаннымъ (Mischvolk). Взглядъ этотъ, конечно, пріобрѣтетъ гораздо больше значенія, если удастся установить, что «діалектическая дифференціація» ни въ коемъ случаѣ не подходитъ подъ понятіе дарвиновскихъ «измѣненій», но является тѣмъ, чѣмъ она была въ дѣйствительности, т. е. измѣненіемъ чужого языка въ силу иначе приспособленныхъ (andersgeartete) звуковыхъ органовъ.

§ 43.

Лингвистика и соціологія.

Но во всякомъ случаѣ лингвистика обязана загладить свою погрѣшность передъ наукой и, согласно соціологическому воззрѣнію на ходъ человѣческаго развитія, дать своимъ изслѣдованіямъ иное,

лучшее направленіе. Механизмъ свой, служившій до сихъ поръ преимущественно моногенизму, она должна приспособить для полигенистическаго направленія и вмѣсто прежнихъ своихъ ложныхъ точекъ зрѣнія принять за руководящую нить основной соціологическій принципъ. А этотъ послѣдній гласитъ, что безчисленное множество первобытныхъ языковъ мало-по-малу смѣняется нѣсколькими, уже немногими, въ отдѣльныхъ частяхъ свѣта развивающимися языками; что эти послѣдніе, все уменьшаясь и уменьшаясь въ числѣ, завоевываютъ себѣ все болѣе и болѣе обширную сферу, вытѣсняя собою всѣ другіе языки, остатки которыхъ еще лишь нѣкоторое время то тутъ, то тамъ удерживаются; что, наконецъ, такъ побѣдоносно развивающійся общій языкъ проявляетъ неуклонную тенденцію—все на болѣе обширномъ протяженіи скрѣплять между собою все бо̀льшее и бо̀льшее число народовъ, отдѣльные индивиды которыхъ лишь въ различныхъ типахъ черепного строенія сохраняютъ еще нѣмыя свидѣтельства о прежней разнородности.

Однако не только соціологія, но и лингвистика должна позаботиться о томъ, чтобы этотъ правильный, на всю науку вліяющій взглядъ занялъ подобающее ему руководственное положеніе. И вотъ, когда лингвистика пойметъ свою обязанность содѣйствовать въ этомъ направленіи познанію истины, когда она энергично приложитъ къ этому свои силы, тогда ужъ ей не придется вмѣстѣ со Шрадеромъ жаловаться на неразрѣшимость научнымъ путемъ вопроса о томъ, „каково происхожденіе первобытныхъ расъ, составляющихъ основу этническихъ отношеній въ древней Европѣ“. Нѣтъ,—тогда ужъ она смѣло можетъ подойти и къ этому вопросу.

§ 44.

Заключеніе.

Эта необходимая экскурсія въ область соціологіи и лингвистики доказала намъ полнѣйшую ложность всѣхъ тѣхъ теорій, которыя стараются выводить возникновеніе государства изъ какого-то общаго, коренного народнаго элемента (Volkselement). Установить такое происхожденіе и развитіе государства никогда не удастся. Никогда и нигдѣ не можетъ быть основанія для оспариванія того факта, что всякое государство возникаетъ отъ столкновенія разнородныхъ этни-

ческихъ элементовъ и Германія въ данномъ случаѣ не является исключеніемъ — точно такъ же, какъ и всякое другое европейское государство. Выше мы опредѣлили государство, какъ естественно возникшую организацію властвованія, предназначенную для охраны опредѣленнаго правопорядка; теперь же, послѣ произведенныхъ здѣсь изслѣдованій, можно къ данному понятію присоединить еще тотъ признакъ, что властвованіе это искони повсюду устанавливается завоевателями, которые, благодаря превосходству силъ своихъ, покоряютъ осѣдлое населеніе. Такая теорія происхожденія государствъ не можетъ возбуждать никакого сомнѣнія и съ этической точки зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, истина не можетъ противорѣчить этикѣ, такъ какъ все истинное и представляетъ изъ себя высшую этику.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Соціальные элементы государства.

§ 45.

Соціальное содержаніе государства.

Установивши понятіе государства и выяснивъ актъ происхожденія этого послѣдняго, теперь, казалось бы, логично разсмотрѣть дальнѣйшую участь государства, — процессъ его развитія, функціи и паденіе. Однако же прежде намъ слѣдуетъ еще обратиться къ соціальному содержанію государства, такъ какъ, не оріентировавшись въ немъ, не обособивъ точно тѣхъ понятій, которыя относятся къ государству, какъ содержимое къ своей формѣ, мы не можемъ имѣть правильнаго понятія о государственномъ развитіи. Вѣдь здѣсь лишь содержаніе опредѣляетъ форму: соотвѣтственно своему соціальному, этническому содержанію государство принимаетъ извѣстный внѣшній видъ. Поэтому прежде, чѣмъ разсматривать развитіе государства, мы должны изучить заключающіеся въ немъ народные элементы.

Ни одинъ изъ отдѣловъ государственной науки не трактовался до сихъ поръ небрежнѣе, чѣмъ ученіе о соціальномъ содержаніи

государства. На это или совсѣмъ не обращали вниманія, или же, если и обращали, то разсуждали здѣсь неправильно, стоя на почвѣ предвзятыхъ мнѣній и соціальныхъ тенденцій (а).

Вопросъ о томъ, изъ какихъ элементовъ состоитъ государство, ученые до настоящаго времени разсматриваютъ лишь вскользь и, какъ будто это само по себѣ понятно, ограничиваются указаніемъ „на людей", индивидовъ или гражданъ государства (Staatsgenossen). Но человѣкъ такъ относится къ государству, какъ атомъ къ сложному тѣлу. Можно ли быть удовлетвореннымъ, когда на вопросъ: „изъ чего состоитъ зданіе?"—отвѣчаютъ: „изъ атомовъ". Будетъ ли анатомъ доволенъ разъясненіемъ, что тѣло животнаго состоитъ изъ клѣтокъ? Конечно, зданіе состоитъ изъ атомовъ, а животный организмъ изъ клѣтокъ, однако же эти атомы и клѣтки образуютъ прежде всего разнообразнѣйшія составныя части зданія и организма, какъ, напр.,—камни, кирпичи, цементъ, дерево, желѣзо и т. д., или—мясо, кости, кровь, шерсть и т. д. Для того, чтобы на вопросъ о составныхъ частяхъ сложнаго предмета дать удовлетворительный отвѣтъ, слѣдуетъ указать на эти именно составныя части, которыя характеризуютъ предметъ, обусловливаютъ его существо, дѣлаютъ его тѣмъ, чѣмъ онъ является въ дѣйствительности. Тутъ недостатотно дѣлать указанія на такія первоначальныя основныя части (Urbestandtheile), которыя могутъ быть приняты въ соображеніе лишь въ концѣ концовъ при дальнѣйшемъ анализѣ главныхъ составныхъ частей (Hauptbestandtheile).

а) Съ объективной научной точки зрѣнія слѣдуетъ признать, что древніе и средневѣковые философы разсматривали государство болѣе безпристрастно и наблюдаемыя въ немъ явленія представляли болѣе правдоподобно, чѣмъ это обыкновенно дѣлаютъ новѣйшіе политическіе писатели, начиная со времени великой французской революціи. Въ то время, какъ эти послѣдніе представляютъ себѣ государство лишь суммою «индивидовъ», мы находимъ, напр., у Ѳомы Аквинскаго слѣдующее, совершенно правильное замѣчаніе: «По природѣ своей государство не является простой суммой многихъ личностей,—оно возникаетъ изъ соединенія различныхъ сословій и такимъ образомъ состоитъ изъ лицъ, которыя, по своимъ занятіямъ и положенію, не сходны между собою. Государство нельзя смѣшивать съ войскомъ, состоящимъ изъ однихъ лишь солдатъ, гдѣ вслѣдствіе этого бо́льшее число лицъ имѣетъ особенное значеніе...» (Die socialistische Staatsidee beleuchtet durch Thomas von Acquin; dargestellt v. Schneider. S. 78).

*

§ 46.

Атомистическая теорія.

Правда, государство состоитъ изъ людей, какъ, напр., зданіе изъ атомовъ, или животный организмъ—изъ клѣтокъ. Однако же этимъ еще ничего не сказано. Конечно, люди являются въ государствѣ первоначальными составными частями, но не главными, а въ таковыхъ здѣсь вся суть дѣла. Поэтому именно соціальныя общенія слѣдуетъ признать такими дѣйствительными основными частями государства,—частями, опредѣляющими его существо и дѣлающими его тѣмъ, чѣмъ оно является въ жизни. Вѣдь государство — не скопленіе людей, но соединеніе племенъ, сословій и классовъ. Вотъ эти-то главныя составныя части государства и нужно разсмотрѣть для того, чтобы познать его соціальное содержаніе.

Тѣ, которые конструируютъ государство изъ его атомовъ, изъ отдѣльныхъ людей, подходятъ къ предмету чисто ариѳметически. Два человѣка различныхъ половъ образуютъ семью, нѣсколько семействъ составляютъ общину, нѣсколько общинъ объединяются въ одно государство. При этомъ (атомистическомъ) методѣ личность играетъ роль цифры въ ариѳметической задачѣ, и принимается здѣсь, что 1=1. Это однако совершенно ложное предположеніе, такъ какъ въ государствѣ въ крайнемъ случаѣ лишь внутри отдѣльныхъ племенъ, сословій и классовъ еще можно, пожалуй, рискнуть выставить тезисъ, что 1 должна быть равна 1. Такое предположеніе, игнорируя естественныя различія племенъ и сословій въ государствѣ, является лишь абстрактной, математической, идеальной точностью. Въ дѣйствительности же государство составляется иначе, изъ совершенно другихъ элементовъ (a).

a) Теорія, выводящая существо государства изъ человѣка, какъ основной части, находится на ложномъ пути уже и вслѣдствіе того, что отдѣльный человѣкъ никогда не оказываетъ существеннаго вліянія на государственную жизнь. Личность въ государствѣ только кажется факторомъ развитія, въ дѣйствительности же такую рѣшающую силу имѣетъ лишь соціальная группа,—будь это каста, или классъ, или сословіе, или партія,—на нее-то и опирается отдѣльный человѣкъ. Правда, говорятъ обыкновенно о томъ, что это сдѣлалъ тотъ или другой владыка, что это дѣло обязано ему и т. п. Если же подойти къ корню вещей, то можно убѣдиться, что въ государствѣ и по-

литикѣ личность является въ лучшемъ случаѣ лишь руководителемъ, не имѣющимъ безъ своей партіи никакой силы. Слѣдовательно, отдѣльный человѣкъ, какъ бы ни была велика и сильна его инициатива, не можетъ быть разсматриваемъ, какъ факторъ въ государственной жизни. Историкъ, болѣе глубоко проникающій въ вещи и стремящійся къ истинѣ, всегда найдетъ здѣсь партію, которая того или иного желала, которая то или иное совершила. И Наполеонъ I ничего не сдѣлалъ бы, если бы за нимъ не стояло войско,—народный классъ, жаждавшій славы и опьяненный извѣстной «идеей». Слѣдовательно, если хотятъ понять «физіологическія функціи» государства, то должны разсмотрѣть прежде всего характеризующія его составныя части, а именно тѣ группы, которыя въ данномъ случаѣ управляютъ государственною дѣятельностью, и не нужно исходить изъ отвлеченнаго «отдѣльнаго человѣка», такъ какъ онъ въ этой философской абстракціи вовсе не является живымъ существомъ, живой, дѣйствительной составной частью государства, а потому нельзя ему приписывать такого значенія. Въ этомъ отношеніи совершенно вѣрно замѣчаетъ Константинъ Францъ («Naturlehre des Staates» 1870), указывая на излюбленный методъ естественнаго права: «Величайшей ошибкой со стороны неправильно такъ называемаго естественнаго права было превращеніе дѣйствительнаго человѣка въ абстракцію правового субъекта, выставленіе его, какъ самого отъ себя зависящаго существа, которое съ тѣхъ поръ, какъ призракъ, бродитъ кругомъ; и, несмотря на хваленое просвѣщеніе нашего времени, призракъ этотъ все еще находитъ себѣ поклонниковъ, которые дрожатъ или благоговѣютъ передъ нимъ. Пора однако этому призраку навсегда исчезнуть изъ науки, для чего слѣдуетъ открыто признать политическую физику, какъ основу всего государствовѣдѣнія. Итакъ, вмѣсто того, чтобы разсматривать въ государствѣ человѣка въ вымышленномъ образѣ самостоятельнаго гражданина, являющагося лишь выраженіемъ доктринальнаго представленія, вмѣсто этого мы будемъ лучше наблюдать его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ со всѣми своими конкретными свойствами существуетъ въ дѣйствительности. И лишь такимъ путемъ познаемъ мы дѣйствительную государственную жизнь; вѣдь легко доказать невозможность въ государствѣ всего того, что не связано съ естественнымъ положеніемъ вещей». Тѣмъ не менѣе и Константинъ Францъ въ своей книгѣ не сдержалъ даннаго имъ обѣщанія разсматривать человѣка въ такомъ видѣ, «какимъ онъ является въ дѣйствительности, со всѣми его конкретными свойствами». Вѣдь Францу слѣдовало бы, присоединивъ дѣйствительнаго человѣка или по рожденію, или по соціальному положенію къ какой-нибудь группѣ людей, разсмотрѣть его въ соціальной связи съ этой группой и затѣмъ не преминуть указать на послѣдствія такого соціальнаго положенія человѣка въ государствѣ; однако и онъ это упускаетъ изъ виду.

§ 47.

Являются ли семьи коренными основными частями государства?

Уже родоначальникъ реалистическаго ученія о государствѣ, Аристотель, считаетъ элементами этого послѣдняго не индивидовъ, но „семьи“. Затѣмъ въ болѣе позднія эпохи часто спускались къ атомистическому ученію и до самаго послѣдняго времени не поднимались выше аристотелевской идеи. Теперь, какъ и во времена греческаго философа, видятъ въ семьѣ развивающійся основной элементъ, „ячейку“ государства, которое будто бы возникаетъ изъ семьи, проходя затѣмъ черезъ общину, какъ среднюю стадію развитія. „Изъ семействъ образуется община, изъ общинъ — государство, а изъ государствъ — система этихъ послѣднихъ“, утверждалъ еще недавно Тренделенбургъ („Naturrecht“ S. 194). Эта формула естественнаго права ни въ коемъ случаѣ не соотвѣтствуетъ дѣйствительному ходу вещей, который, какъ мы видѣли, совершенно иной.

Уже Аристотель имѣлъ достаточно здраваго смысла и былъ настолько проницателенъ, что, считая семью основнымъ элементомъ государства, не выставлялъ ее, какъ нѣчто, предшествующее возникновенію государства,—нѣтъ, онъ смотрѣлъ на семью, какъ на болѣе позднюю форму, какъ на послѣдствіе государственной жизни. Дѣйствительный строй греческой семьи не могъ не привесть Аристотеля къ такому взгляду. Въ семьѣ этой выдѣлялись „три рода отношеній“: отношеніе мужа къ женѣ, отца къ дѣтямъ и господина къ рабамъ. Если первыя два отношенія и можно было бы представить себѣ, какъ-будто „естественныя“, внѣ государства и до него существовавшія формы,—то во всякомъ случаѣ „правовое“ отношеніе господина къ рабамъ безъ государства остается совершенно немыслимымъ. И вотъ, такъ какъ отношеніе это является существенной чертой античной семьи и возможно лишь въ государствѣ,—то ясно, почему Аристотель, хотя и смотритъ на „семью“, какъ на основной элементъ государства, все-таки считаетъ ее не предшествующей, но позднѣйшей формой, послѣдствіемъ государственной жизни; и въ этомъ онъ совершѐнно правъ (а).

Итакъ государство нельзя выводить и изъ семьи. Главнымъ препятствіемъ, дѣлающимъ подобный переходъ невозможнымъ, и является это „третье“ отношеніе властвованія, отношеніе господина къ рабамъ, которое составляло матеріальную основу античной семьи,— безъ него семья была совершенно немыслима, равно какъ и отношеніе это не могло бы существовать безъ государства. Вѣдь рабъ не сталъ бы служить и повиноваться своему господину, если бы этому не предшествовалъ фактъ, возлагавшій на раба обязанность служенія и дававшій господину право властвованія; повиновенія этого не могло бы быть, если бы не существовало организаціи, дававшей правовую санкцію этому отношенію господина къ рабамъ. А фактомъ такимъ могло быть лишь завоеваніе и порабощеніе; такой организаціей было именно государство.

a) Ложный взглядъ на семью, какъ на начало государства, произошелъ оттого, что, усматривая въ ней миніатюрное государство, предположили отсюда, что государство въ большомъ видѣ развилось изъ своей миніатюры, какъ изъ зародыша. Это смѣшиванье миніатюры государства съ его зародышемъ очень распространено въ литературѣ. Такъ говоритъ, наприм., Пешель («Völkerkunde», 5 Anfl. S. 236): «зародыши гражданскаго общества кроются въ семьѣ». Правильно было бы, если бы онъ сказалъ: семья представляетъ намъ гражданское общество въ миніатюрѣ. И Лиліенфельдъ говоритъ: «семья является прототипомъ общества» («Gedanken über Socialwissenschaft» I, 194); отсюда легко возникаетъ неправильное представленіе, будто бы (государственное) общество развилось изъ этого «прототипа». Однимъ словомъ смѣшиванье, такъ сказать, морфологической аналогіи между семьей и государствомъ съ ихъ хронологической связью привело къ господствующему повсюду заблужденію, будто государство происходитъ изъ семьи. Однако слѣдуетъ, хотя бы изъ Аристотеля (Politik I), уяснить себѣ эти два понятія: сходство структуры и хронологическую послѣдовательность,—это вещи совершенно различныя. Вѣдь, если Аристотель и выдвигаетъ сходство между семьей и государствомъ, какъ, наприм., въ томъ, что «всякое семейство управляется старѣйшиною, словно царемъ» (I § 6),—несмотря на это, онъ однако же прямо говоритъ: «согласно естественному положенію вещей государство должно возникать раньше семьи» (§ 11). Итакъ, Аристотель не впалъ въ то заблужденіе, которое теперь охватило почти всѣхъ историковъ, юристовъ и политиковъ.

§ 48.

Дѣйствительныя основныя части государства.

Если отдѣльную личность мы не можемъ признать краеугольнымъ камнемъ государства, если и семья не является такимъ основнымъ, создающимъ государство элементомъ и если даже совокупность семействъ не помогаетъ намъ разрѣшить эту загадку образованія государствъ,—то для разрѣшенія ея мы должны избрать другой путь.

Для этой цѣли разсмотримъ нѣсколько обстоятельнѣе тотъ фактъ, относительно котораго мы выше указывали, что онъ, предшествуя возникновенію семьи, возложилъ на раба обязанность служенія, а господину далъ право властвованія. Этимъ фактомъ, какъ мы сказали, могло быть лишь завоеваніе и порабощеніе. И, очевидно, что это завоеваніе и порабощеніе не могло являться покореніемъ нѣкотораго числа рабовъ разрозненными силами отдѣльныхъ представителей семействъ. Положительно невозможно представить себѣ нѣчто подобное. Завоеванія и порабощенія могли производиться только единой, тѣсно сплоченной группой людей надъ другой группой, уступающей первой въ силѣ. За такимъ лишь насильственнымъ актомъ могло послѣдовать естественнымъ образомъ то устройство, опираясь на которое, завоеватели, для пользованія плодами своей побѣды, оказывая другъ другу помощь и поддержку, подѣлили между собою покоренныхъ, какъ рабовъ, обративъ ихъ въ „живыя орудія“ (Аристотель), и такимъ образомъ одновременно съ основаніемъ государства создали основы античной семейной жизни. Итакъ, вслѣдствіе подчиненія одного класса людей другому образуется государство, а изъ потребности побѣдителей обладать „живыми орудіями“ возникла экономическая основа античной семьи, отношеніе властвованья, существовавшее между господиномъ и его слугою.

Теперь только можемъ мы дать отвѣтъ на вопросъ относительно соціальнаго содержанія государства. Не изъ отдѣльныхъ людей, какъ атомовъ, не изъ семействъ, какъ ячеекъ, создается государство. Не отдѣльныя личности и не семейства являются его основными частями. Нѣтъ,—только изъ различныхъ человѣческихъ

группъ, изъ различныхъ племенъ возникаетъ государство и изъ нихъ лишь состоитъ. Побѣдители образовали правящій классъ, а побѣжденные и порабощенные—классъ рабочихъ и служащихъ.)

Итакъ мы путемъ анализа античной „семьи" достигли того, что не въ ней, какъ это дѣлаетъ большинство современныхъ писателей, но въ племенахъ можемъ признать главныя основныя части, дѣйствительные краеугольные камни государства,—въ племенахъ, которыя мало-по-малу превращаются въ классы и сословія. Изъ этихъ племенъ создается государство; они и только они предшествуютъ государству (sind das prius des Staates). Затѣмъ дальнѣйшій анализъ долженъ намъ показать, въ чемъ существо этихъ „племенъ", каковы ихъ свойства, составъ и происхожденіе. (См. ниже).

При помощи вышеизложеннаго разсмотрѣнія мы въ то же самое время достигли и другого результата. Намъ удалось генетически выяснить предложенное выше понятіе государства, какъ естественно возникшей организаціи властвованія,—а именно обнаружить, что господство одного племени надъ другимъ кладетъ основу для власти представителя семьи надъ его рабами и что отношеніе это находитъ себѣ поддержку въ общей организаціи племенного властвованія (Stammesherrschaft). Это, наблюдаемое въ семьѣ отношеніе господина къ рабу является для насъ теперь выводомъ изъ подчиненія покореннаго племени побѣдителю, и все правовое существованіе семьи является послѣдствіемъ основанія государства.

§ 49.

Племя, какъ основная часть народа.

Вышеизложенное разъясняетъ, почему въ древности мы находимъ столько раздѣлявшихся на племена государствъ и народовъ. На востокѣ это можно встрѣтить и до сихъ поръ. Народности, говорящія на арабскомъ языкѣ, еще и теперь дѣлятся на огромное число племенъ и, хотя всѣ они, съ внѣшней по крайней мѣрѣ стороны, исповѣдуютъ одну и ту же религію, несмотря на это, бо̀льшая часть ихъ находится во враждебныхъ другъ къ другу отношеніяхъ: они ведутъ между собою постоянныя войны и распри, а также примѣняютъ другъ по отношенію къ другу кровавую месть. Въ классическихъ государствахъ дѣленіе народа на пле-

мена является самымъ древнимъ, какое намъ только приходится встрѣчать на разсвѣтѣ исторіи. Такъ, наприм., въ Аѳинахъ существовало древнѣйшее, будто бы на происхожденіи основанное, дѣленіе гражданъ на четыре филы (Curtius „Griechische Geschichte“ 1878, I, 293). И первоначальныя составныя части римскаго населенія,—Рамны, Тиціи и Луцеры,—представляли изъ себя, конечно, три различныхъ племени; и вотъ даже Момзенъ, который сильно высказывается противъ разнородности этихъ племенъ и по крайней мѣрѣ два изъ нихъ (Рамновъ и Луцеровъ) объявляетъ „латинскими племенами“, и онъ однако же соглашается, что здѣсь „несомнѣнно произошло смѣшеніе различныхъ національностей“ (это слово, конечно, тутъ употреблено въ смыслѣ „племенъ“). (Mommsen, „Röm. Geschichte“ 1874, I, 43). Изъ всего этого однако ясно, что и въ Европѣ въ началѣ классической древности „племена“ являются основными частями государствъ. Въ виду этого здѣсь умѣстенъ, конечно, вопросъ: что такое племя? На него до сихъ поръ ни этнографія, ни антропологія не дали удовлетворительнаго отвѣта; и даже государствовѣды до настоящаго времени очень мало заботятся о выясненіи понятія племени. Этимъ словомъ (племя) пользовались то въ весьма широкомъ смыслѣ, обозначая имъ націю, или даже множество націй, какъ, напр., въ часто употребляемомъ выраженіи: англосаксонское племя; то въ болѣе узкомъ значеніи народа, то наконецъ въ весьма тѣсномъ смыслѣ, подразумѣвая подъ этимъ словомъ какую-нибудь часть народа, при чемъ однако же здѣсь не опредѣлили и не уяснили себѣ, каковы предѣлы племени. Если мы хотимъ теперь прочно установить это понятіе, то намъ слѣдуетъ, конечно, нѣсколько углубиться въ область прошлаго, снова вернувшись къ вопросу о происхожденіи человѣчества.

Происходитъ ли человѣчество отъ одной пары людей, потомство которой, подъ вліяніемъ различныхъ условій климата и окружающей природы, дифференцировалось на разнообразнѣйшія племена (моногенизмъ),—или же оно ведетъ свое происхожденіе отъ многихъ первоначальныхъ паръ, изъ несходства которыхъ произошло разнообразіе многихъ, извѣстныхъ въ исторіи и еще теперь существующихъ человѣческихъ племенъ (полигенизмъ)? Этотъ вопросъ долженъ здѣсь являться исходнымъ пунктомъ.

Не трудно склониться на сторону полигенизма; вѣдь тысяча научныхъ моментовъ, убѣдительныя основанія и здравый человѣ-

ческій разумъ указываютъ на то, что извѣстныя, въ теченіе столѣтій передающіяся, постоянныя особенности и несходства людей коренятся преимущественно въ различіи ихъ происхожденія. Противоположное предположеніе могло бы еще имѣть нѣкоторое нравственное значеніе, но только не передъ судомъ научной критики (а).

а) Въ нашу задачу здѣсь не можетъ входить обозрѣніе всего спора натуралистовъ по вопросу о томъ, каково происхожденіе людей,— отъ однихъ ли прародителей или отъ многихъ? И обоснованіе нашего взгляда отдѣльными моментами даннаго спора также выходитъ за предѣлы нашей задачи, но все-таки, чтобы подкрѣпить свое мнѣніе естественно-историческимъ авторитетомъ, позволимъ себѣ процитировать здѣсь одно мѣсто изъ Росмеслера (Rossmässler—«Anleitung zum Studium der Thierwelt», Leipzig 1856, Schluss): «Въ высшей степени интересный вопросъ представляется на окончательное рѣшеніе естественной исторіи. Культурные народы давно уже пытаются разгадать его. Это—вопросъ о происхожденіи рода человѣческаго. Первое появленіе человѣка, какъ и всѣхъ вообще органическихъ существъ, совершенно покрыто мракомъ неизвѣстности. Пускай религія и философія, каждая согласно со своими потребностями, разрѣшаютъ для себя этотъ вопросъ; что же касается естествовѣдѣнія, то у него еще не хватаетъ данныхъ для этого разрѣшенія. Ведетъ ли однако родъ человѣческій свое происхожденіе отъ одной или отъ многихъ первосозданныхъ паръ,—относительно этого не можетъ быть никакого сомнѣнія, разъ мы убѣждаемся въ основныхъ типическихъ различіяхъ человѣческаго организма, бросающихся въ глаза всякому безпристрастному изслѣдователю при сравненіи различныхъ расъ. Специфическое различіе рода человѣческаго въ смыслѣ систематической зоологіи есть фактъ, насколько ясный, настолько и неопровержимый; а родовое понятіе (Artbegriff) въ органической природѣ такъ глубоко запечатлѣно, такъ неизмѣнно, какъ и всякій естественный законъ, породы такъ же мало подвержены измѣненію, какъ и теченіе планетъ вокругъ солнца. *Такимъ образомъ и происхожденіе рода человѣческаго не отъ одной, а отъ бо́льшаго числа паръ является не простымъ предположеніемъ, но неоспоримымъ фактомъ, который въ корнѣ расходится лишь съ робкимъ и ограниченнымъ религіознымъ воззрѣніемъ*».

За полигенизмъ высказывается также Карлъ Фогтъ: «Никому, конечно, не пришло бы въ голову», говоритъ онъ, «когда-либо сомнѣваться въ различіи отдѣльныхъ человѣческихъ расъ, если бы не стали всякими средствами доказывать единство ихъ, если бы не стали всякому ясному факту противополагать миѳъ, представляющійся столь почтеннымъ лишь вслѣдствіе того, что онъ вмѣстѣ со всѣми связанными съ нимъ обстоятельствами непремѣнно попираетъ всякую позитивную науку». («Vorlesungen über den Menschen», S. 284).

Бурмейстеръ («Geschichte der Schöpfung» 1854, S. 564—568) высказывается въ такомъ же смыслѣ. Изъ прежнихъ авторите-

товъ естественной науки, какъ извѣстно, Агассицъ («Der Schöpfungsplan») стоитъ за полигенизмъ. Среди французскихъ антропологовъ можно насчитать много защитниковъ полигенизма; сюда относятся Пуше («De la pluralité de races humaines» 1864), Топинаръ («Antropologie» 1876) и мног. друг. Очевидно, и теологъ Фридрихъ Давидъ Штраусъ не моногенистъ, такъ какъ онъ, не колеблясь, видитъ «колыбель рода человѣческаго въ обезьяньей ордѣ» (Strauss, «Alter und neuer Glaube», S. 203). То же можно сказать и о Шопенгауерѣ, который предполагаетъ, что всевозможныя человѣческія расы ведутъ свое происхожденіе отъ разныхъ обезьянъ (шимпанзе, понго и др.).

§ 50.

Основанія въ пользу полигенизма.

Если подумаемъ, сколькимъ опасностямъ подвержена жизнь человѣческаго существа, которое безъ поддержки беззащитно среди дикой, могучей природы; если подумаемъ кромѣ того, что все-таки и первая человѣческая пара не могла появиться на землѣ уже въ зрѣломъ возрастѣ, но сначала должна была здѣсь находиться въ періодѣ безпомощнаго дѣтства, изъ котораго она лишь мало-помалу выростала; если представить себѣ все это, тогда прямо-таки невозможно и вообразить какъ это такая единственная пара дѣтей перенесла всѣ жизненныя бури и опасности, при чемъ не только сама уцѣлѣла, но еще и сдѣлалась основательницей рода человѣческаго. Мыслимо ли, чтобы все человѣческое умственное развитіе, чтобы вся будущность человѣчества когда-либо зависѣла отъ того, спасется ли счастливо эта первая, безпомощная пара дѣтей отъ безчисленныхъ опасностей, которыми ихъ окружала природа? перенесетъ ли она благополучно болѣзни? не пострадаетъ ли отъ бурь и грозы? останется ли пощажена чудовищами и дикими звѣрями? Можно ли согласиться съ тѣмъ, будто это развитіе человѣчества и человѣческаго ума не является естественной необходимостью, заложенной въ разумныхъ законахъ природы и охраняемой этими послѣдними? Можно ли согласиться съ тѣмъ, будто это развитіе есть нѣчто случайное, что̀ могло бы и погибнуть злополучно въ первой, единственной, безпомощной парѣ дѣтей? Противъ принятія подобной идеи протестуетъ всякое разумное мышленіе, всякій здравый разсудокъ!

Если все развитіе человѣчества и мысли человѣческой соотвѣтствуетъ естественному закону и не представляетъ изъ себя случайности, если оно было да и теперь является такою же естественною необходимостью, какъ и вращеніе планетъ вокругъ солнца,— то не должны ли мы тогда согласиться съ тѣмъ, что начало этого развитія никогда не могло зависѣть отъ чудеснаго спасенія и случайнаго размноженія одной пары дѣтей, которая очутилась на землѣ въ беззащитноммъ состояніи среди необитаемой людьми дикой природы? Не слѣдуетъ ли намъ согласиться съ тѣмъ, что это позднѣйшее развитіе должно было быть достаточно обезпечено соотвѣтственными благопріятными условіями? Слѣдовательно, не должны ли мы предположить, что никогда не могло быть такого періода времени, когда бы будущее существованіе человѣчества и умственное его развитіе находились въ зависимости отъ хрупкой жизни ребенка, но наоборотъ, что прежнее существованіе и развитіе этого человѣчества должны были быть обезпечены безчисленнымъ множествомъ примитивныхъ, способныхъ къ развитію, человѣкоподобныхъ существъ, разбросанныхъ по всѣмъ закоулкамъ земли, лишь только эта послѣдняя сдѣлалась годной для ихъ существованія.

§ 51.

Политика природы.

Вышеизложенное предположеніе наше находитъ себѣ оправданіе также въ томъ разсужденіи, что подобное положеніе вещей является закрѣпленнымъ, такъ сказать, въ ежедневной политикѣ природы. Въ самомъ дѣлѣ, мы повсюду видимъ: чѣмъ больше слабыя особи какой-нибудь породы животныхъ подвергаются гибели со стороны тысячи случайностей, тѣмъ продуктивнѣе въ производствѣ и размноженіи этихъ особей проявляется природа, заботящаяся о поддержаніи породы. Отсюда слѣдуетъ, что, чѣмъ ниже, чѣмъ слабѣе, чѣмъ меньше защищена порода животныхъ, тѣмъ многочисленнѣе ея представители на землѣ. Однимъ словомъ, въ природѣ повсюду обнаруживается законъ, въ силу котораго слабость составляющихъ породу особей вознаграждается численностью ихъ. И неужели же именно человѣкъ является исключеніемъ изъ этого правила, изъ этого закона? Соразмѣрность и подчиненіе законамъ,

всегда и повсюду господствующія въ природѣ, не позволяютъ намъ вѣрить въ подобное исключеніе.

Это столь естественное соображеніе, заставляющее насъ отвергнуть всякую мысль о первой, единственной человѣческой парѣ, обосновывается и подкрѣпляется еще безчисленнымъ множествомъ другихъ обстоятельствъ, а прежде всего—разнообразіемъ расъ и племенъ.

§ 52.

Множество расъ.

Къ какимъ искусственнымъ и высокопарнымъ объясненіямъ должны прибѣгать, когда доказываютъ, что несходство между безчисленными человѣческими племенами и расами возникло лишь мало-по-малу, подъ вліяніемъ разнообразнѣйшихъ причинъ, когда протестующему противъ этого здравому человѣческому разсудку желаютъ втолковать, что негры и полинезійцы, европейцы и монголы ведутъ свое происхожденіе отъ одной первоначальной человѣческой пары.

Данная теорія трактуетъ о медленныхъ, образующихъ расы измѣненіяхъ въ единомъ родѣ человѣческомъ,—объ измѣненіяхъ, обнаруживающихся въ цвѣтѣ кожи, въ строеніи тѣла, въ умственныхъ и физическихъ особенностяхъ. Когда теорія эта наталкивается на дѣйствительность, не удостовѣряющую намъ такихъ превращеній, но наоборотъ безчисленными примѣрами подтверждающую слова пророка, что „арапъ и черезъ тысячу лѣтъ останется чернымъ“,—въ такомъ случаѣ она прибѣгаетъ къ дарвиновскому аргументу „милліоновъ лѣтъ“. А именно, будто бы въ этотъ огромный періодъ времени должны были произойти незамѣчаемыя уже въ исторической жизни превращенія. Эти „милліоны лѣтъ“—не что иное, какъ крайняя мѣра, совершенно безполезная, въ особенности же, если она, какъ это чаще всего бываетъ, употребляется для защиты библейскаго престижа.

§ 53.

Единство рода человѣческаго.

Что̀ же побуждаетъ людей защищать при помощи всѣхъ этихъ искусственныхъ объясненій и гипотезъ такъ называемое единство

рода человѣческаго? Не уваженіе ли къ священнымъ памятникамъ человѣчества?—они, конечно, остаются священными и святыми для всякаго научнаго направленія, хотя новѣйшее изслѣдованіе и не подтверждаетъ ни одной буквы изъ теогоніи и космогоніи. Вѣдь, вотъ что остается священнымъ въ данныхъ памятникахъ,— это почтенная старина и нравственная правда ихъ идей. Но „слово" не должно тормазить науку. Или, быть можетъ, преклоненіе предъ современнымъ принципомъ человѣческаго „равенства" заставляетъ иныхъ съ довѣріемъ относиться къ теоріи общаго происхожденія всѣхъ отъ одной пары? Но неужели же наука истину должна принести въ жертву этому прекрасному этическому принципу? Нѣтъ, этого ей не слѣдуетъ дѣлать, несмотря на то, что она вполнѣ признаетъ нравственное достоинство даннаго принципа. Неужели же для идеи равенства необходимо прежде всего свидѣтельство, что всѣ люди ведутъ свое происхожденіе отъ одной прародительской пары? Нѣтъ, для равенства не нужно единство происхожденія. Этотъ принципъ гораздо правильнѣе строить на гуманности, какъ извѣстномъ человѣческомъ свойствѣ, не прибѣгая къ идеѣ объ общемъ происхожденіи. Или, быть можетъ, единство происхожденія должно поддерживать идею „братства?" Тогда, безъ сомнѣнія, съ научной стороны было бы гораздо правильнѣе выставлять наблюдаемое, къ сожалѣнію, и въ жизни и въ исторіи „небратство" людей, какъ убѣдительнѣйшее доказательство полигенизма.

§ 54.

Гипотеза полигенизма.

Итакъ мы видимъ, что основанія, приводимыя въ пользу общаго происхожденія рода человѣческаго, не выдерживаютъ критики, и у насъ напрашивается весьма естественный и простой взглядъ на вещи: (человѣчество происходитъ отъ огромнаго числа первыхъ прародительскихъ паръ или вѣрнѣе человѣческихъ ордъ, которыя въ самыхъ различныхъ пунктахъ и частяхъ земли и, возможно также, что не одновременно, но въ разныя эпохи этого длиннѣйшаго начальнаго періода развивались изъ существъ низшаго порядка до человѣка (Дарвинъ).)

Разъ мы согласимся съ этимъ предположеніемъ, тогда относительно существа расъ у насъ не можетъ болѣе существовать никакого сомнѣнія. Раса есть извѣстная группа людей, ведущихъ свое происхожденіе отъ одного общаго источника.

§ 55.

Раса и племя.

Раса, какъ таковая, имѣетъ свои физическіе и физіологическіе отличительные признаки. Но въ цивилизованномъ мірѣ нигдѣ уже болѣе не существуетъ расъ въ чистомъ видѣ. Въ самомъ дѣлѣ, смѣшеніе, происходящее въ теченіе многихъ тысячелѣтій, давно уже перетасовало между собою расы на всемъ этомъ пространствѣ. Лишь немногія человѣческія орды, пребывающія еще въ состояніи примитивной дикости,—какъ, напр., Ведды на Цейлонѣ или Патагонцы (жители Огненной земли) въ Южной Америкѣ, обнаруживаютъ признаки чистаго расового единства.

Напротивъ же, выступающія въ историческое время племена являются группами, соединенными уже лишь одинаковымъ образомъ жизни, обычаями, религіей и языкомъ. Эти моральные моменты, вмѣстѣ съ происходящимъ преимущественно внутри племени размноженіемъ, создаютъ, конечно, и антропологическій типъ, не будучи однако же въ состояніи изгладить расовое различіе, которое особенно упорно продерживается въ краніологическихъ особенностяхъ.

Слѣдовательно, раса представляетъ изъ себя физіологическое, племя же наоборотъ — соціальное единство, связующими силами котораго являются общій образъ жизни и культура. Вотъ эти-то племена и ведутъ въ историческое время другъ съ другомъ войны и одни, покоривши другихъ, образуютъ государства.

§ 56.

Племена и государства.

Легко доказать, что нѣтъ ни одного исторически извѣстнаго государства, въ которомъ бы не было различія между составляю-

щими его племенами. Отдѣльное же племя, до своего столкновенія съ другимъ, не представляетъ изъ себя еще никакого государства; въ силу природы вещей такое племя является догосударственнымъ. Это явленіе легко можно объяснить. Пока племя, состоящее лишь изъ „сходныхъ между собою единоплеменниковъ, т. е. изъ личностей, родившихся и воспитавшихся въ одномъ и томъ же соціальномъ обществѣ,— пока оно не покорило себѣ никакого другого племени, до тѣхъ поръ въ немъ нѣтъ института рабства. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ въ исторіи мы не находимъ, чтобы рабы и господа, или несвободные и свободные, или крестьяне и дворянство, или какъ бы иначе ни назывались эти контрасты, —нигдѣ мы не находимъ, чтобы эти два класса людей принадлежали къ одному племени. Между этими группами никогда не допускалось брачнаго спошенія, слѣдовательно, онѣ кровно отличались другъ отъ друга и, благодаря традиціи и замкнутому воспитанію, въ теченіе долгаго времени сохраняли свои особенности.

Пока же не было института рабства, пока не хватало этого перваго условія для продолжительной государственной жизни, до тѣхъ поръ развитіе государства было невозможно. До тѣхъ поръ племя принуждено было постоянно мѣнять мѣсто своего жительства, розыскивая себѣ средства къ жизни,— занимаясь охотой, рыбной ловлей или скотоводствомъ. О государственной жизни, о ея хозяйственныхъ основахъ племя тогда лишь могло думать, когда оно пріобрѣтало необходимыя для этого „живыя орудія“, т. е. когда оно покоряло себѣ другое племя, порабощало его и эту порабощенную массу раздѣляло между отдѣльными своими членами, когда оно такимъ образомъ создало первую государственную организацію и античную „семью“, а слѣдовательно, зачатки государственнаго и семейнаго права.

§ 57.

Превращеніе племенъ въ классы и сословія.

Племенное сознаніе (Stammesbewusstsein) въ современномъ государствѣ отчасти исчезло, отчасти же, одновременно съ превращеніемъ племенъ въ сословія и классы, смѣнилось сословнымъ и классовымъ сознаніемъ. Ни въ одномъ изъ современныхъ государствъ

не говорятъ теперь о крестьянскомъ племени, тутъ вообще ужъ не признаютъ такого термина, но говорятъ о крестьянскомъ классѣ, крестьянскомъ сословіи, а также, конечно, о крестьянскомъ происхожденіи. Равнымъ образомъ и дворянство теперь не считается болѣе особымъ племенемъ,—какъ таковое, оно по бо̀льшей части уже не существуетъ,—дворянство теперь считается скорѣе отдѣльнымъ сословіемъ или классомъ. Въ такомъ положеніи стоитъ дѣло и относительно класса городскихъ обывателей. Но и современные классы и сословія все еще носятъ въ себѣ слѣды прежней обособленности. Такъ, напр., даже въ современной государственной жизни существуетъ правило, что отдѣльные классы и сословія строго отличаются другъ отъ друга по своему званію, роду занятій и образу жизни. Крестьянскій классъ остается по наслѣдству земледѣльческимъ; высшіе городскіе классы, въ силу той же наслѣдственной традиціи, занимаются промышленностью, торговлей и различными отраслями ученой дѣятельности; дворянство по бо̀льшей части занято крупнымъ сельскимъ хозяйствомъ, предводительствованіемъ на войнѣ и государственными дѣлами (дипломатіей). Правда, въ послѣднее время значительно увеличивается число случаевъ, когда сыновья крестьянъ становятся учеными, горожанъ — министрами, а сыновья дворянъ избираютъ себѣ отрасли ученой дѣятельности или даже занимаются торговлей, ремеслами и промышленностью. Эти случаи, если бы даже и не являлись уже исключеніями, тѣмъ не менѣе не могутъ уничтожить того факта, что вплоть до послѣдняго времени сословія и классы строго отличались другъ отъ друга по своему званію, роду занятій и образу жизни и въ этихъ наслѣдственныхъ различіяхъ дали намъ историческое указаніе на прежнее ихъ племенное несходство.

Не трудно однако выяснить, какъ произошло то явленіе, что первоначальныя племена превратились въ сословія и классы, въ которыхъ коренное племенное сознаніе отчасти совершенно изсякло, отчасти же (какъ въ дворянствѣ) еще лишь еле-еле держится.

Та же самая естественная сила, которая нѣкогда приводила къ смѣшенію разнородныхъ расъ, тотъ же самый законъ развитія, который путемъ борьбы и конфликтовъ между разнородными соціальными элементами ведетъ къ постепенному ихъ смѣшенію,— вотъ эти-то самые факторы дѣйствуютъ и въ государствѣ, превращаютъ племена въ сословія и классы и ведутъ мало-по-малу все къ бо̀льшему и бо̀льшему сближенію между ними, а отсюда, послѣ продол-

жительнаго періода времени, и къ окончательному ихъ совпаденію. Этой, какъ бы конечной цѣли развитія служатъ всевозможные соціальные конфликты въ государствѣ, которые мало-по-малу уничтожаютъ всѣ перегородки, существующія между отдѣльными соціальными элементами государства,—куда относятся брачныя ограниченія, исключительныя полномочія, привиллегіи и т. п. Нужно отмѣтить, какъ глубокій смыслъ библейской традиціи, то обстоятельство, что она предугадала и давно уже санкціонировала тотъ идеалъ будущаго, къ которому видимо стремится человѣчество, облекла этотъ идеалъ въ миѳъ объ общемъ происхожденіи рода человѣческаго. Выставляя единство человѣчества и равенство людей въ видѣ чего-то вытекающаго изъ самаго акта творенія, она со своей стороны содѣйствовала естественному ходу развитія. Равнымъ образомъ и христіанство, перенявъ эту семитическую традицію и провозгласивъ ее религіозной догмой, со своей стороны также благопріятствовало данному естественному развитію и оказывало большое цивилизаціонное воздѣйствіе. Предъ этой догмой должны были умолкнуть всѣ воспоминанія, жившія еще въ древнихъ и средневѣковыхъ племенахъ; и вотъ, сознаніе племенныхъ и генеологическихъ различій умолкало, и все больше и больше оно должно было уступать мѣсто для идеи о провозглашенныхъ всюду единствѣ рода человѣческаго и общности его происхожденія. Идея эта, благодаря вѣковой пропагандѣ, теперь настолько могущественна, что является почти краеугольнымъ камнемъ нашей цивилизаціи, одной изъ основныхъ идей всѣхъ современныхъ наукъ; вслѣдствіе этого противоположный взглядъ и до сихъ поръ еще производитъ неблагопріятное впечатлѣніе. Заслуга библіи и христіанства въ нѣкоторомъ отношеніи была велика; вѣдь, не будь этой библейской традиціи, возведенной христіанствомъ въ догму, преданія и ученія индусской, античной и сѣверной древности, признающія въ противоположность семитическому воззрѣнію множественность въ происхожденіи человѣчества, имѣли бы гораздо больше шансовъ войти въ жизнь средневѣкового романскаго, германскаго и славянскаго міра, и безъ того раздробленнаго на племена и на близкія къ кастамъ сословія. Да, смѣло можно утверждать, что, не будь библіи и церкви, средневѣковымъ высшимъ сословіямъ въ романскомъ, германскомъ и славянскомъ мірѣ, сословіямъ, столь охотно провозглашавшимъ преимущество своей крови, несравненно болѣе по вкусу пришлось бы индусское преданіе о происхожденіи жрецовъ

*

изъ устъ, воиновъ изъ рукъ, горожанъ изъ бедра, а крестьянъ изъ ногъ Брамы,—это преданіе и подобныя ему изъ греческой и сѣверной древности пустили бы въ высшихъ сословіяхъ гораздо глубже свои корни. Но вотъ въ убѣжденіи образованнаго міра укоренился противоположный взглядъ на вещи,—и въ этомъ заслуга библіи и церкви.

Хотя и слѣдуетъ признать, что эта семитическая традиція, такъ тѣсно соединившаяся съ христіанскимъ ученіемъ объ единствѣ и равенствѣ людей и столь дѣятельно поддерживавшая эти принципы, имѣла громадное нравственное значеніе, такъ какъ стремилась сообщить жестокому, эгоистическому человѣчеству идею любви къ ближнему и много способствовала смягченію института рабства и крѣпостной зависимости,—несмотря на все это, наука однако же не можетъ удовлетворяться традиціей и догмой; нѣтъ, она обязана запускать свой острый зондъ и въ больныя мѣста и не должна отказываться отъ безпристрастнаго разсмотрѣнія излюбленныхъ и сросшихся со всѣмъ нашимъ мышленіемъ убѣжденій (а).

а) Слѣдующіе примѣры могутъ удостовѣрить, какъ глубоко у философовъ права и государствовѣдовъ пустила корни идея объ общемъ происхожденіи человѣчества, и какъ повсюду они кладутъ это воззрѣніе въ основу своихъ системъ, чтобы дѣлать отсюда дальнѣйшіе выводы.

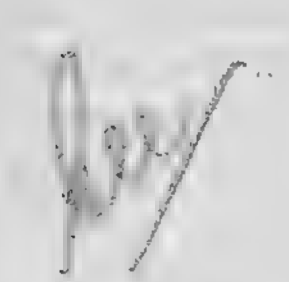
Фердинандъ Вальтеръ («Naturrecht und Politik im Lichte der Gegenwart» 1863), какъ мы уже упоминали въ другомъ мѣстѣ, хочетъ найти «связь всѣхъ окружающихъ человѣка жизненныхъ порядковъ съ его природой».., рѣшившись при этомъ руководствоваться «размышленіемъ и сравненіемъ ихъ съ умственнымъ и нравственнымъ существомъ человѣка, для чего каждый носитъ извѣстный масштабъ въ самомъ себѣ, во врожденномъ нравственномъ и правовомъ чувствѣ» (S. 7); затѣмъ онъ выдвигаетъ совершенно неудовлетворяющія насъ соображенія «въ пользу происхожденія рода человѣческаго отъ единой пары» (S. 29) и увѣренъ, что «это всюду подтверждается позитивными основаніями (?), филологіей (!) и сравнительнымъ языкознаніемъ (!)». И вотъ, изъ даннаго «факта», до котораго Вальтеръ доискался при помощи «размышленія» (конечно, не безъ вліянія библейской традиція), изъ этого «факта» онъ выводитъ заключеніе, что «вслѣдствіе происхожденія всѣхъ людей отъ единой пары весь родъ человѣческій по своей физической и духовной природѣ представляетъ изъ себя ни что иное, какъ развѣтвившееся на множество отростковъ единство перваго человѣка, а первый человѣкъ есть ни что иное, какъ замкнутое пока въ единствѣ множество всѣхъ тѣхъ, которые отсюда происходятъ. Всѣ люди, вмѣстѣ взятые, люди, какъ прошлыхъ, такъ и будущихъ тысячелѣтій, должны быть раз-

сматриваемы, какъ одинъ и тотъ же человѣкъ (!), охваченный непрерывнымъ развитіемъ, какъ единый универсальный человѣкъ. Вслѣдствіе этого все человѣчество, какъ развившееся изъ одного человѣка, образуетъ единый большой организмъ, единое цѣлое существо» (S. 46). «Правда», продолжаетъ Вальтеръ, «этотъ единый организмъ человѣчества раздѣлился на языки и націи. Однако же, не только фактъ (sic!) общаго происхожденія, но и ощущеніе его, хотя неясно и безсознательно, все-таки продолжаетъ жить въ націяхъ и выражается въ человѣколюбивыхъ побужденіяхъ (не въ войнѣ ли и не въ угнетеніяхъ ли?),—въ побужденіяхъ, возрастающая сила которыхъ способствуетъ образованію и болѣе прочныхъ организацій». Здѣсь у Вальтера вкрадывается (и въ другихъ мѣстахъ часто замѣтный) логическій произволъ, будто бы человѣчество, для того, чтобы его можно было разсматривать, какъ нѣчто цѣлое, какъ большой организмъ, обязательно должно вести свое происхожденіе отъ одной первой пары; будто бы «человѣколюбивыя побужденія» были бы невозможны, если бы человѣчество происходило отъ нѣсколькихъ или отъ многихъ первыхъ паръ; будто бы «возрастающая сила» этихъ побужденій не можетъ существовать на другихъ основаніяхъ; и будто бы, наконецъ, удостовѣрено, что «прочная организація», т. е., очевидно, государство возникало гдѣ-нибудь изъ чистой любви, изъ «возрастающей силы человѣколюбивыхъ побужденій»!

Отыскавъ «при помощи размышленія» «истинную» основу «человѣческой природы» и, исходя изъ нея, природу «человѣчества», какъ «универсальнаго человѣка», Вальтеръ приступаетъ къ развитію и изслѣдованію самой этой «природы», какъ человѣка, такъ и человѣчества по всѣмъ ея направленіямъ. И поразительно, сколько заблужденій и ложныхъ взглядовъ навалено въ этомъ изслѣдованіи и сколько близкихъ, почти осязаемыхъ истинъ Вальтеръ боязливо обходитъ. Какъ физическое существо, человѣкъ является у него «не только вѣнцомъ творенія, но и цѣлью его» (S. 31). Этимъ Вальтеръ выражаетъ свою преданность ненаучной и теперь уже опровергнутой антропоцентрической точкѣ зрѣнія.

Человѣку, какъ духовному существу, Вальтеръ приписываетъ цѣлый рядъ этическихъ свойствъ,—а именно: a) общительность, въ силу которой «человѣкъ прежде всего признаетъ себя существомъ, самой природой предназначеннымъ и созданнымъ для общества»; b) нравственность, «въ силу которой человѣкъ затѣмъ чувствуетъ себя существомъ, одареннымъ свободой и волей»; дальше идутъ религіозность, правовое чувство и доброжелательность (Wohlwollen). Изъ всѣхъ этихъ прекрасныхъ свойствъ состоитъ человѣческая «природа». Однако, не замѣчательно ли то обстоятельство, что исторія этого человѣка, одареннаго такой природой, почти всегда регулярно обнаруживаетъ передъ нами лишь кровопролитную борьбу, войны, завоеваніе, угнетеніе, насиліе и властвованіе? Неужели же автору «Naturrecht und Politik im Lichte der Gegenwart» не бросилось въ глаза, что все это однако не можетъ вытекать изъ «общительной, нравственной, рели-

гіозной, одаренной правовымъ чувствомъ и доброжелательной» природы человѣка? и что изъ всѣхъ этихъ человѣческихъ дѣяній, образующихъ въ исторіи роковое правило, можно вывести еще и другія или, пожалуй, даже преимущественно другія, составляющія человѣческую природу свойства, какъ наприм. эгоизмъ, властолюбіе и т. п.? На это Вальтеръ не обращаетъ вниманія. Напротивъ, онъ произвольно, «при помощи размышленія», скомбинировалъ «человѣческую природу» и на ней построилъ свое естественное право и политику.

§ 58.

Народъ.

Способъ возникновенія государствъ объясняетъ намъ, почему въ древнихъ (восточныхъ и античныхъ) государствахъ и даже въ средневѣковыхъ такъ рельефно, такъ отчетливо выступаетъ кастовое устройство. Тамъ именно мы наблюдаемъ еще грубую систему первоначальнаго государственнаго строя. Это—тотъ періодъ въ развитіи государства, который можно сравнить съ постройкой вчернѣ. Но, хотя въ современныхъ государствахъ полировка цивилизаціи и измѣняетъ первоначальный видъ строенія, тѣмъ не менѣе, обладая извѣстной наблюдательностью и историческимъ чутьемъ, здѣсь, подъ печатью цивилизаціи можно еще различать нѣкоторые слѣды прежняго состоянія.

То цѣлое, которое возникаетъ изъ разнородныхъ племенъ, то соціальное строеніе, которое воздвигается въ государствѣ и, являясь соціальнымъ содержаніемъ государства, заполняетъ его,—это мы называемъ народомъ.

Теперь ужъ пора бы въ области государственнаго права установить опредѣленную терминологію, чтобы за каждымъ изъ словъ—раса, племя, народъ, нація—былъ закрѣпленъ опредѣленный смыслъ, дабы этимъ устранить вѣчное колебаніе понятій и теорій. Замѣтимъ же себѣ то, что Цахаріэ совершенно правильно выставляетъ, какъ понятіе о „народѣ". „Народъ представляетъ изъ себя существующее между людьми единство, когда имъ, какъ подчиненнымъ одной и той же внѣшней власти, должна быть приписана единая воля. Государство и народъ относятся одно къ другому, какъ причина къ слѣдствію" (Zachariä „Vierzig Bücher vom Staate" Bd. I. S. 101). Опредѣленіе это вполнѣ правильно

и остается лишь сожалѣть, что оно не укоренилось въ государственной наукѣ, что и послѣ Цахаріэ еще продолжаютъ смѣшивать термины—племя, народъ, нація,—употребляя ихъ одинъ вмѣсто другого, между тѣмъ какъ каждому изъ этихъ словъ должны соотвѣтствовать строго различныя понятія (а).

Съ основаніемъ государства создается общая связь между тѣми племенами, которыя, какъ добровольно, такъ и по принужденію, пріобщились къ государственной жизни. Это государственное соединеніе дѣлаетъ племена народомъ. Племя является этническимъ, народъ же — политическимъ понятіемъ. Племя возникаетъ въ догосударственную эпоху, а народъ образуется лишь въ государствѣ по иниціативѣ одного изъ племенъ.

а) Неопредѣленность терминологіи и путаница понятій въ этой области государствовѣдѣнія были, да отчасти и теперь еще столь велики, что даже законодатели считали необходимымъ выступать съ теоретическимъ установленіемъ понятій. Такъ гласитъ проэктъ конституціи 1849 года: «Народъ есть совокупность гражданъ государства»; опредѣленіе это вполнѣ правильно. Но теоретики (историки и политики) продолжаютъ поддерживать путаницу понятій и, гдѣ только возможно, еще увеличиваютъ ее. Такъ, напр., пишетъ (въ другихъ отношеніяхъ выдающійся) историкъ Г а у п п ъ: «Существованіе народа (natio, gens) само по себѣ не связано обладаніемъ опредѣленной страной. Народъ въ физическомъ, генетическомъ смыслѣ прежде всего означаетъ лишь личный союзъ, сочлены котораго связаны между собою происхожденіемъ отъ однихъ и тѣхъ же предковъ, хотя точно въ отдѣльныхъ случаяхъ этого уже нельзя установить. Исторія знаетъ много такихъ народовъ, причемъ одни изъ нихъ отыскиваютъ себѣ опредѣленныя мѣста для жительства, другіе же, согласно своимъ природнымъ и развившимся затѣмъ свойствамъ, не чувствуютъ ровно никакого влеченія къ осѣдлости и жизнь свою проводятъ въ перекочевываніяхъ съ мѣста на мѣсто, правда, по большей части въ опредѣленныхъ предѣлахъ». (Здѣсь Г а у п п ъ смѣшиваетъ понятія, употребляя слово «народъ» въ смыслѣ «племени»). «Безъ всякаго доказательства очевидно, что у этихъ народовъ не можетъ еще образоваться никакой правильной государственной организаціи, что у нихъ не можетъ еще существовать никакого земскаго права (Landrecht), здѣсь мы встрѣчаемся лишь съ народнымъ или родовымъ правомъ». «Однако гораздо бóльшая часть народовъ искони старалась пріобрѣсть опредѣленное мѣстожительство; они овладѣвали страной и принимались устраивать въ ней г р а ж д а н с к і й с о ю з ъ (bürgerlichen Verein),—г о с у д а р с т в о. И естественно, что продолжительная жизнь въ опредѣленномъ мѣстѣ должна мало-по-малу нѣсколько расслаблять (?) личный союзъ участниковъ народнаго общенія; въ самомъ дѣлѣ, страна предоставляетъ теперь мѣсто также и для чужихъ элементовъ, которые могутъ войти въ

среду сочленовъ племенного союза (Stammverein) и стараются болѣе или менѣе ослабить строгое единеніе данной національности». (Мы знаемъ, что истинѣ соотвѣтствуетъ прямо противоположный ходъ вещей). «Самое понятіе народа теперь расширяется; участниками народнаго общенія теперь становятся всѣ тѣ, которые водворяются въ странѣ, какъ постоянные ея обитатели; и болѣе широкій смыслъ выраженія—народонаселеніе—указываетъ на то, что теперь мы имѣемъ дѣло уже не исключительно съ племеннымъ общеніемъ. Въ государственноправовомъ отношеніи народомъ называется совокупность лицъ, подчиненныхъ одной и той же правительственной власти; а въ международноправовомъ смыслѣ понятіе—народъ—теперь даже вполнѣ отожествляется съ понятіемъ государства. Международнымъ правомъ обозначаютъ то, что̀ правильнѣе было бы назвать правомъ междугосударственнымъ (Staatenrecht)».

«Само собою разумѣется, что всѣ эти переходы происходятъ лишь постепенно. Народъ можетъ уже имѣть опредѣленное мѣстожительство, а тѣмъ не менѣе его государство все еще можетъ покоиться преимущественно на личномъ племенномъ союзѣ (Stammverein); оно все еще можетъ являться скорѣе народомъ, чѣмъ государствомъ, а вслѣдствіе этого не можетъ еще обладать и правомъ, принадлежащимъ государству, какъ таковому, но лишь тѣмъ, что̀ свойственно народу. Кто не является соплеменникомъ,—а при соединеніи въ государствѣ различныхъ народовъ (!),—кто не принадлежитъ ни къ одному изъ нихъ, тотъ считается иностранцемъ. Исторія учитъ, что подобное положеніе вещей встрѣчается всегда лишь у тѣхъ народовъ, которые еще находятся въ юношескомъ періодѣ. Но съ теченіемъ времени народъ все тѣснѣе и тѣснѣе сростается со страною. Всѣ общественныя установленія его все больше и больше пріобрѣтаютъ территоріальный характеръ; личный племенной союзъ теряетъ свое значеніе; народъ становится болѣе государствомъ, чѣмъ народомъ, и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всего этого является то обстоятельство, что теперь на мѣсто родового права (Stammrecht) все больше и больше выступаетъ земское (Landrecht), государственное право; этотъ послѣдній терминъ мы употребляемъ здѣсь, конечно, не въ тѣсномъ смыслѣ публичнаго права, но въ болѣе широкомъ значеніи всего того права, которое принадлежитъ государству, какъ таковому, и распространяется одинаково на всѣхъ участниковъ государственнаго общенія». («Die germanischen Ansiedlungen» S. 225, 226).

Вайцъ пишетъ (Verfassungsgesch. I, 7): «Нѣмецкій народъ въ ту эпоху, которая оставила намъ о немъ первыя извѣстія, дѣлился на племена, а племена—на народности» (?). Такой же терминологіи придерживается отчасти и Германъ Шульце: «У нѣмецкихъ народностей (древнѣйшей эпохи) недоставало общаго государственнаго устройства. При сопровождавшихъ переселеніе народовъ потрясеніяхъ многочисленныя небольшія народности сливались въ огромныя племена». Совокупность же всѣхъ этихъ народностей и племенъ онъ называетъ нѣмецкимъ наро-

домъ. Терминологія эта, собственно говоря, противорѣчитъ духу нѣмецкаго языка, въ которомъ производное слово съ окончаніемъ на schaft всегда служитъ для выраженія нѣкоторой множественности и, слѣдовательно, содержаніе его болѣе обширно, чѣмъ того существительнаго, отъ котораго оно образовано,—такъ, напр., Bruder и Bruderschaft, Genosse и Genossenschaft, Verwandte и Verwandtschaft, Ritter и Ritterschaft; сообразно съ этимъ и слово—народность (Völkerschaft) должно означать извѣстную совокупность народовъ (Völker). Эта неточность терминологіи имѣетъ, конечно, большую связь съ неправильными представленіями о ходѣ развитія человѣчества и съ господствующими здѣсь ложными понятіями. Такъ, напр., пишетъ Германъ Шульце («Einleitung in das deutsche Staatsrecht» S. 157): «Человѣчество распадается на естественныя дѣленія, которыя мы называемъ народами. Коренное единство народа покоится на его происхожденіи» (!). А дальше онъ говоритъ: «Изъ смѣшенія различныхъ народовъ возникаютъ новые народы»; слѣдовательно, къ этимъ новымъ уже не подходитъ признакъ «естественное дѣленіе». Отсюда слѣдуетъ также, что дальнѣйшее опредѣленіе Шульце: «Народъ является естественной основой государства»,—невѣрно; въ самомъ дѣлѣ, новые народы, происшедшіе изъ «смѣшенія», уже не представляютъ изъ себя естественной основы, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ Шульце употребляетъ это слово «естественный», такъ какъ они—продуктъ смѣшенія. «Какъ личность въ государствѣ сохраняетъ свою индивидуальность, такъ въ союзѣ государствъ (Staatenverein) пріобрѣвшій государственную организацію народъ долженъ навсегда сохранить свою національность». Это положеніе Шульце вытекаетъ изъ ошибочнаго представленія, будто всякій народъ, «какъ естественное дѣленіе человѣчества», имѣетъ собственную «національность». Что же должно сказать относительно «новаго» народа, происшедшаго отъ «смѣшенія»? Отъ всѣхъ подобныхъ возраженій Шульце ограждаетъ себя словами, что «ходъ историческаго развитія произвелъ много отступленій отъ этого принципа», а въ заключеніе говоритъ: «такія отношенія сохранили свою силу въ теченіе хода историческаго развитія; не признавать ея—значитъ превращать въ хаосъ всю систему государствъ (Staatensystem)». Итакъ Шульце требуетъ, чтобы ради дорогого спокойствія историческое развитіе остановилось на своемъ status quo, хотя то тутъ, то тамъ происходятъ «отступленія» отъ этого. Съ даннымъ требованіемъ никакъ нельзя согласиться. Предстоящее историческое развитіе должно будетъ ввести еще нѣкоторыя поправки, и такія, которыя не входятъ въ расчеты современнаго нѣмецкаго государственнаго права.

Фр. Нейманъ («Volk und Nation» 1888) путемъ раздѣленія и выясненія понятій сдѣлалъ попытку положить конецъ господствующей въ этой области путаницѣ. (См. мою рецензію въ Zeitschrift für Privat- und öffentl. Recht. Wien 1889).

§ 59.

Народъ и государство, государственная и народная воля.

Итакъ главнымъ признакомъ въ понятіи народа является единая государственная власть, подъ началомъ которой народъ стоитъ и которой онъ подчиняется. Этой единой власти соотвѣтствуетъ единая, руководящая государственной жизнью воля. Это такъ называемая государственная воля (Staatswille), которая однако вовсе не тождественна съ „народной волей“ („Volkswille“). На нее, правда, нѣсколько туманно указываетъ и Цахаріэ въ вышецитированномъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ: „имъ (т. е. людямъ,—народу), какъ подчиненнымъ одной и той же внѣшней власти, должна быть приписана единая воля“; тутъ предполагается, что государственная воля является также и народной. Въ дѣйствительности же положеніе вещей таково, что государственная воля должна становиться народной, потому что у такъ называемой государственной, какъ преобладающей, воли есть сила, достаточная для того, чтобы реализировать себя. Однако же, какъ мало въ дѣйствительности шансовъ на то, чтобы „государственная воля“ являлась вмѣстѣ съ тѣмъ и „народной“, такъ же мало основанія видѣть въ этой народной волѣ волю всего народа. Весь народъ никогда не имѣлъ единой воли и не можетъ ее имѣть. Человѣческая и общественная природа не допускаетъ этого.

Какъ народъ образуется, благодаря преобладающей волѣ одного племени, какъ эта преобладающая воля формально является „государственной“,—такъ она въ крѣпкомъ государственномъ бытіи представляетъ и народную волю. Слѣдовательно, государственная воля условно считается народной. Какъ объ идеалѣ будущаго говорятъ, что народная воля должна сдѣлаться государственной. Однако осуществленіе этого идеала не легко уже въ силу той причины, что народная воля никогда не является волею всего народа, но въ лучшемъ случаѣ, въ противоположность волѣ властвующаго меньшинства, она представляетъ изъ себя волю нѣкогда порабощеннаго большинства. И дѣйствительно, при нормальномъ положеніи вещей воля господствующаго меньшинства является государственной. Однако же, если такое властвующее меньшинство

ради личныхъ цѣлей слишкомъ ужъ злоупотребляетъ своею властью или допускаетъ, чтобы абсолютный властелинъ такъ поступалъ,— тогда народная воля поднимается и заявляетъ о себѣ въ насильственныхъ государственныхъ переворотахъ. Когда абсолютная государственная воля доходитъ напр. до lettres de cachet или подобныхъ этому эксцессовъ, тогда народная воля реагируетъ въ формѣ революцій.)

Правильнѣе было бы однако же во всѣхъ этихъ случаяхъ говорить не о „государственной" и „народной волѣ", но просто о правительствѣ и народѣ или, смотря по обстоятельствамъ, о господствующей партіи и гражданахъ, рабочихъ и т. д. Вѣдь въ концѣ концовъ „государственная" и „народная воля" остаются лишь пустыми звуками, совершенно безсодержательными абстракціями.

а) Для иллюстраціи той путаницы, которая господствуетъ въ терминологіи относительно соціальнаго содержанія государства, можно привести еще нѣкоторые примѣры: Фердинандъ Вальтеръ полагаетъ («Naturrecht und Politik» S. 63), «что, согласно возможнымъ въ исторіи, какъ въ области человѣческой свободы, измѣненіямъ, различные народы могутъ быть объединяемы въ одномъ государствѣ». Такой случай невозможенъ въ виду того, что содержаніемъ государства всегда является только одинъ народъ; возможно лишь, да это и естественно, что въ государствѣ объединяются различныя племена, а также части нѣсколькихъ національностей (подробнѣе объ этомъ въ V гл.). Цэпфль говоритъ о «народности или національности», считая ихъ однимъ понятіемъ. Вотъ его слова: «существо народности лежитъ въ идеѣ сопринадлежности по рожденію и происхожденію, для выраженія чего сдѣлалось употребительнымъ слово— національность» («Grundsätze des allg. und deutsch. Staatsr.» I, S. 17). Наряду съ терминами «народность» и «національность» онъ употребляетъ также слова—народъ и нація,—какъ равнозначущія. Итакъ, здѣсь онъ не дѣлаетъ ровно никакого различія. Въ этомъ отношеніи Цэпфль стоитъ еще вполнѣ на точкѣ зрѣнія исторической школы, не шедшей дальше одного понятія народа, который она отожествляла съ націей. «Народъ» для исторической школы былъ довольно неопредѣленнымъ, туманнымъ понятіемъ, которое ей нужно было, лишь какъ субстратъ правотворящаго «народнаго духа». Для этого же не требовалось ни болѣе точнаго опредѣленія, ни болѣе глубокаго знакомства съ предметомъ. Савиньи очень легко относится къ дѣлу, замѣняя ясное понятіе «народъ» туманнымъ выраженіемъ— «естественное цѣлое» («Naturganzes»). «Въ самомъ дѣлѣ»,—говоритъ онъ,—«повсюду, гдѣ люди живутъ совмѣстно, и насколько исторія даетъ объ этомъ знать, повсюду мы находимъ ихъ въ извѣстной духовной общности (?), которая, благодаря упо-

требленію одного и того же языка, не только обнаруживается, но и укрѣпляется и совершенствуется. Въ этомъ естественномъ цѣломъ лежитъ источникъ права, такъ какъ въ общемъ, проникающемъ въ отдѣльныя личности народномъ духѣ находится сила, способная удовлетворять вышепризнанной потребности» («System des röm. Rechts» I, S. 19). «Въ общемъ народномъ сознаніи живетъ позитивное право» (ibid. S. 14). Что касается до «народныхъ единицъ» («Volksindividuen»), то Савиньи не считаетъ нужнымъ обстоятельнѣе разсмотрѣть ихъ и говоритъ относительно этого слѣдующее: «Предѣлы народныхъ единицъ, разумѣется, неопредѣленны и шатки... Даже тамъ, гдѣ народное единство несомнѣнно, и тамъ, внутри его, мы часто находимъ болѣе узкія сферы, каковыя соединенія происходятъ вслѣдствіе особенной связи, существующей рядомъ съ общенародной; сюда принадлежатъ напр. города и села, общества, корпораціи всякаго рода,—всѣ они являются подраздѣленіями народнаго цѣлаго». Такими скудными указаніями Савиньи исчерпываетъ главу о «народѣ». Другой представитель исторической школы, Пухта, съ выраженіемъ «народъ» связываетъ понятіе общаго происхожденія; слѣдовательно, народъ у него является приблизительно тѣмъ же, что мы понимаемъ подъ расой и племенемъ. «Понятіе народа», говоритъ онъ, «имѣетъ естественную основу общаго происхожденія» («Gewohnheitsrecht» I, S. 134).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Нація и національность.

§ 60.

Государство и нація.

Итакъ, мы установили понятіе народа. Онъ представляетъ изъ себя полное содержаніе государства. Народу присуща прежде всего лишь внѣшняя общая государственная связь, во-едино его скрѣпляющая. Съ внутренней же стороны народъ сначала весьма рѣзко распадается на племена и классы. Но вотъ, по мѣрѣ развитія государства (см. ниже гл. VII), сознаніе разноплемен-

ности въ народѣ мало-по-малу исчезаетъ, а на его мѣстѣ выступаетъ „сословный духъ“, „классовое чувство“ и наконецъ общее національное самосознаніе. Изъ разноплеменнаго конгломерата государство образовало сначала народъ, а затѣмъ уже изъ этого послѣдняго путемъ послѣдовательнаго развитія—націю. Естественную множественность племенъ оно приводитъ прежде всего къ политическому народному объединенію и наконецъ—къ чисто культурному національному единству. Этимъ государство выполняетъ одну изъ величайшихъ своихъ задачъ.

§ 61.

Понятіе національности.

Если расу мы признали естественнымъ явленіемъ (Naturerscheinung), племя—этническимъ жизненнымъ произведеніемъ, народъ—политическимъ фактомъ, то нація (Nation), напротивъ, представляетъ изъ себя культурное явленіе, продуктъ культуры. И вотъ, національность (Nationalität) есть та культурная общность среди людей, которая выражается въ одинаковомъ языкѣ. А всѣ мнѣнія, сводящія національность къ общему происхожденію, не имѣютъ подъ собой никакой исторической и научной почвы. И дѣйствительно, во-первыхъ, мы о такой общности происхожденія ничего не знаемъ и знать не можемъ, во-вторыхъ же, среди большинства національностей можно удостовѣриться въ томъ, что онѣ являются произведеніемъ культуры, благодаря которой разнородные этническіе элементы сливаются въ единую національность.

Слѣдовательно, тамъ, гдѣ мы встрѣчаемъ примитивныя народныя племена (Volksstämme), каждое изъ которыхъ говоритъ на своемъ собственномъ языкѣ, не имѣя за собой общаго историческаго прошлаго и не обнаруживая никакой высшей культуры,—тамъ, строго говоря, ни о какой національности не можетъ быть и рѣчи, тамъ можно говорить лишь о сингенизмѣ (Syngenismus) и о сингенистической группѣ. Но вотъ передъ нашими глазами великія историческія національности,—необходимымъ ихъ условіемъ являются большіе народные комплексы (Volkskomplexe), сложившіеся изъ самыхъ различныхъ этническихъ составныхъ частей; въ

самомъ дѣлѣ,—безъ такого обширнаго сочетанія никогда и нигдѣ не бывало могучаго историческаго развитія, проявляющагося лишь вслѣдствіе взаимодѣйствія реакцій между разнородными социальными элементами.

а) Никакое другое понятіе изъ области государствовѣдѣнія не является столь шаткимъ и неопредѣленнымъ, какъ понятіе о національности. Самая обычная ошибка здѣсь заключается въ томъ, что, вдаваясь въ этимологическій смыслъ слова, представляютъ себѣ національность (natus) этническимъ понятіемъ. У Константина Франца смѣшеніе это выступаетъ особенно открыто. Выясняя національность, онъ опирается на этимологическій смыслъ слова и такимъ образомъ выводитъ ее изъ «одинаковаго происхожденія».

Блунчли также оказывается на этомъ ложномъ пути. Въ своей статьѣ о національности[1]) онъ пишетъ: «... слово—нація—указываетъ на происхожденіе, на расу и, слѣдовательно, на этническую связь». Итакъ, нѣтъ ничего удивительнаго, если Блунчли, оставаясь послѣдовательнымъ, говоритъ о первоначальной «арійской націи» (!), которая яко бы потомъ ужъ распалась на другія націи. Вотъ до какой чудовищности довело ложное представленіе о національности! Несомнѣнно, что это именно неправильное пониманіе національности, какъ «этническаго» единства, довело Моля до смѣшенія двухъ различныхъ понятій — племени и національности. Выраженіе «племя» онъ употребляетъ то вполнѣ правильно, обозначая имъ множество семействъ одинаковаго происхожденія, то снова совершенно невѣрно— въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ о національности. Такъ, въ одномъ случаѣ Моль высказываетъ взглядъ, что племя развивается «путемъ постепенно увеличивающагося выдѣленія взрослыхъ дѣтей и такимъ образомъ путемъ геометрически возрастающаго числа отдѣльныхъ семействъ»; а «государство», возникающее вмѣстѣ съ этимъ разростаніемъ семьи, вмѣстѣ съ развитіемъ ея въ племя, онъ называетъ патріархальнымъ. Въ другомъ же случаѣ Моль приписываетъ тому же самому слову — «племя» — уже гораздо болѣе широкій смыслъ; словомъ этимъ тутъ онъ обозначаетъ понятіе, далеко выходящее за предѣлы не только одного, но и нѣсколькихъ государствъ и охватывающее даже многія національности. «Очень возможно, конечно»,—разсуждаетъ здѣсь Моль,—«что одно и то же племя, развиваясь въ различныхъ государствахъ, образуетъ мало-по-малу весьма отличныя другъ отъ друга національности,—такъ, напр., мы видимъ нѣмцевъ и швейцарцевъ, голландцевъ и фламандскихъ бельгійцевъ, бедуиновъ и феллаховъ». Какъ дальнѣйшіе примѣры такихъ, государствами разобщенныхъ племенъ онъ приводитъ различныя славянскія племена, и, наконецъ,—самымъ блестящимъ примѣромъ у него

---

[1]) См. его Малый словарь государственныхъ знаній (Kleines Staatswörterbuch).

служатъ «швейцарцы и голландцы», какъ два «чисто-нѣмецкихъ и притомъ еще совсѣмъ недавно обособившихся племени». Спрашивается, — какъ же подойдетъ къ «швейцарцамъ и голландцамъ» вышеприведенное Молевское опредѣленіе племени? Если Моль (см. выше) опредѣляетъ племя, какъ «разросшееся мало-по-малу изъ одной семьи множество семействъ»,—то какимъ же образомъ можно «швейцарцевъ, голландцевъ и фламандскихъ бельгійцевъ», а, значитъ, сверхъ того и всѣхъ нѣмцевъ принимать за одно чисто-нѣмецкое племя? Нѣтъ,—либо вышеприведенное Молевское опредѣленіе «племени» неправильно, либо здѣсь оно непримѣнимо. Мы послѣдняго мнѣнія. Швейцарцы и голландцы—это націи, и ихъ нельзя разсматривать, какъ простыя «племена». Развѣ можно идею происхожденія отъ одного семейства совмѣщать съ этими національными единицами, которыя даже въ древнѣйшія историческія времена являются уже по крайней мѣрѣ отдѣльными «племенами»? Не ясно ли, напротивъ, что въ каждой изъ такихъ національныхъ единицъ, какъ швейцарцы, нѣмцы, голландцы, находится нѣсколько племенъ? И какъ можно всѣ эти національности, вмѣстѣ взятыя, считать однимъ племенемъ, опредѣливши это послѣднее, какъ «разросшееся мало-по-малу изъ одной семьи множество семействъ»? Здѣсь явное противорѣчіе, здѣсь очевидна грубая ошибка. Раздѣленные и обособленные государствами національные элементы Моль смѣшиваетъ здѣсь съ понятіемъ единаго племени. Національное единство, являющееся вовсе не этническимъ, но историческимъ понятіемъ, а именно—результатомъ долгаго процесса сліянія различныхъ племенъ, это національное единство смѣшивается здѣсь съ естественнымъ, этническимъ племеннымъ единствомъ. Заблужденіе это, очень часто встрѣчающееся у государствовѣдовъ и философовъ права, отчетливо выступаетъ и въ сочиненіи Моля по національному вопросу (Nationalitätsfrage). Тутъ словами — племя и національность — онъ пользуется прямо, какъ тождественными, не обособляя этихъ двухъ, совершенно различныхъ понятій. Такъ, Моль замѣчаетъ между прочимъ, что «при вопросѣ о государственныхъ задачахъ и о средствахъ ихъ осуществленія различіе людей по расамъ и племенамъ никогда не оставляется совершенно безъ вниманія», а вслѣдъ за тѣмъ, какъ бы вводя поправку къ только-что сказанному, онъ говоритъ: «однако же въ общемъ ни при правительственныхъ мѣропріятіяхъ, ни при развитіи теоретическаго ученія на національность не обращаютъ большого вниманія». Очевидно, что три различныхъ понятія — раса, племя и національность — выставляются здѣсь совершеннно одинаковыми между собой. Дальше, въ этомъ же сочиненіи Моль строитъ понятіе національности, кладя въ основаніе ея общность происхожденія и языка; а въ третьей главѣ этого произведенія онъ снова употребляетъ попеременно слова— «племя» и «національность»,—обозначая ими одно и то же понятіе. Такъ, напр., назвавъ эту главу «Die verschiedenen möglichen Zustände in Betreff der Nationalität» («Различныя возможныя положенія относительно національности»),—онъ говоритъ тамъ между прочимъ слѣдую-

щее: «Возможно, что настоящее естественное (naturgemäss) отношеніе и на самомъ дѣлѣ существуетъ и что, слѣдовательно, все населеніе государства принадлежитъ къ одной и той же національности и за предѣлами его нѣтъ никакой изъ составныхъ частей этого племени (!) и,—однимъ словомъ,—что національность и государство совпадаютъ другъ съ другомъ». Очевидно, что слова—«племя» и «національность»—употребляются тутъ, какъ равнозначущія; и обоимъ этимъ выраженіямъ приходится здѣсь обозначать одно и то же понятіе. Но правильно ли это? Являются ли племя и національность однимъ и тѣмъ же? Можно ли выяснить понятіе «національности» посредствомъ того опредѣленія, которое Моль, какъ мы видѣли выше, даетъ для «племени»? Развѣ національность является «разросшимся мало-по-малу изъ одной семьи множествомъ семействъ»? Конечно, нѣтъ. Изъ вышесказаннаго же слѣдуетъ, что Моль, подобно большинству государствовѣдовъ и философовъ права, совершенно невѣрно рисуетъ себѣ понятіе національности; объ этой послѣдней онъ не имѣетъ никакого положительно правильнаго представленія, такъ какъ предполагаетъ здѣсь свойства племени, что для «національности» является слишкомъ узкимъ понятіемъ.

Конечно, національность представляетъ изъ себя единство, но вовсе не этническое, а моральное и духовное, проявляющееся наружу только въ общемъ языкѣ. Единство это — не плодъ общаго происхожденія, но результатъ вѣкового государственнаго сосуществованія; оно можетъ охватывать самыя разнообразныя племена, самые разнородные этническіе элементы.

Замѣчательно, какъ народный лингвистическій инстинктъ, или скажемъ, пожалуй, духъ языка идетъ впереди сознанія массы и какъ ученые лишь медленно прихрамываютъ за нимъ. Этотъ народный инстинктъ выдѣляетъ слова для обозначенія какого-нибудь понятія гораздо раньше, чѣмъ это послѣднее дифференцируется въ ясномъ сознаніи народа. И вотъ, лишь впослѣдствіи, часто много времени спустя, въ сознаніи ученыхъ и народа забрезжется особый смыслъ каждаго изъ тѣхъ словъ, которыя въ языкѣ уже дифференцировались. Такъ и слова—племя, народъ, нація, національность—давно уже существуютъ въ репертуарѣ языка, причемъ этотъ духъ языка самостоятельно, никѣмъ не сопровождаемый, идетъ впередъ по своему новому пути. Дифференціація въ языкѣ давно уже произошла; что же касается сознательнаго обособленія понятій, то таковое, къ сожалѣнію, не совсѣмъ тутъ еще выполнено. Говорю—не совсѣмъ,—потому что, какъ мы сейчасъ увидимъ, начало и здѣсь уже сдѣлано.

Какъ мы уже въ одномъ изъ предыдущихъ параграфовъ имѣли случай замѣтить, историческая школа совсѣмъ еще не знала различія между понятіями — племя, народъ, нація и національность. Пухта употребляетъ слово—національность—для обозначенія совокупности свойствъ племени и, слѣдовательно, тамъ, гдѣ, собственно рѣчь можетъ идти лишь о племенныхъ признакахъ. Такъ, напр., говоритъ онъ: «... переселеніе Этрусковъ имѣло вліяніе на національность

латинско-этрусскаго племени...» («Gewohnheitsrecht» I, S. 4). Далѣе: «Если допустимъ различную національность тѣхъ основныхъ частей римскаго государства, которыя впослѣдствіи противопоставлялись, какъ плебеи и патриціи...» (S. 5). Что Савиньи и Цэпфль пользуются словами народъ, нація и національность, какъ совершенно тождественными понятіями, что такое смѣшеніе понятій простирается до Моля включительно,—это мы уже видѣли выше. Но инстинктивное словоупотребленіе успѣло теперь уже дойти до того, что во многихъ случаяхъ оно рѣзко различаетъ эти понятія и не смѣшиваетъ словъ—племя, народъ, нація и національность. Убѣдиться въ этомъ можно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Теперь говорятъ о нѣмецкой націи и о баварскомъ народѣ; говорится объ австрійскомъ народѣ, но не объ австрійской національности; въ Австріи говорится о польской національности, о словакскомъ племени и о словакскихъ племенныхъ особенностяхъ. Правильно говорятъ о русинскомъ племени въ Галиціи, но не о русинской національности. Правда, поляки въ теченіе вѣковъ притѣсняли русинъ, но данное обстоятельство указываетъ лишь на то, что поляки составляли націю, а русины — угнетенное племя.

Итакъ, въ живой рѣчи понятія эти ясно различаются, и государствовѣдамъ приходится потихоньку слѣдовать за этой дифференціаціей понятій. Начало тутъ уже сдѣлано. Такъ, Блунчли, въ первыхъ своихъ произведеніяхъ столь часто смѣшивавшій понятія народа и націи, въ позднѣйшей своей статьѣ «Nation und Volk» [1]) сдѣлалъ уже слѣдующее открытіе: «Къ духу нѣмецкаго языка болѣе подходитъ, чтобы чисто-культурное общественное единеніе называлось націей, а основанное лишь на государственной организаціи—народомъ». Здѣсь государствовѣдѣніе рѣшительно послѣдовало за духомъ языка!

§ 62.

Національность и государство.

Для подтвержденія только-что сказаннаго намъ слѣдуетъ лишь обратить вниманіе на великія европейскія національности въ Германіи, Италіи, Испаніи и Франціи. Повсюду тамъ мы видимъ, какъ изъ самыхъ разнородныхъ этническихъ основныхъ частей слагаются народы, которые путемъ вѣкового развитія пріобрѣтаютъ общій языкъ и доходятъ до единой національности.

Итакъ, національность—продуктъ культуры; всякая же культура, по крайней мѣрѣ всякая высшая культура является лишь про-

[1]) Помѣщена въ его «Staatswörterbuch».

дуктомъ государственнаго развитія, а отсюда слѣдуетъ, что возникновеніе національности происходитъ уже при наличности извѣстной государственности. Въ самомъ дѣлѣ, каждая національность выросла въ какомъ-нибудь государствѣ, какъ неизбѣжномъ условіи высшей культуры. Но національность повсюду являлась, такъ сказать, безсознательнымъ (unbewusst) продуктомъ государственнаго развитія,—продуктомъ, на который никогда не разсчитывали созидающія государство силы [1]). При наблюдаемыхъ всюду тенденціяхъ къ расширенію государствъ обыкновенно не руководствуются тѣмъ соображеніемъ,—относятся ли подлежащія завоеванію области къ той или другой національности. И вотъ отсюда то явленіе, что съ одной стороны мононаціональныя области распадаются по разнымъ государствамъ, а съ другой—возникаютъ полинаціональныя государства. Примѣромъ для перваго случая можетъ служить Германія до 1866 года, а для второго—Австрія. Такія національныя разъединенія съ одной, и аггломераціи съ другой стороны, ни въ древности, ни въ средніе вѣка—и даже вплоть до самаго 19-го столѣтія не вызывали никакихъ возраженій, по крайней мѣрѣ съ совершенно незамѣтной до тѣхъ поръ „національной" точки зрѣнія; вѣдь національность являлась совсѣмъ непредвидѣннымъ, „побочнымъ продуктомъ" („Nebenproduct") государственнаго развитія и никакого заранѣе предусмотрѣннаго вліянія на образованіе государства не оказывала.

§ 63.

Идея національности въ Австріи.

Лишь съ конца 18-го вѣка въ Австріи и съ начала 19-го столѣтія въ Германіи „идея національности" („Nationalitätsidee") стала играть болѣе важную роль,—и вотъ, начался періодъ вліянія ея на процессъ образованія государствъ.

Первымъ толчкомъ къ этому національному движенію въ Австріи послужило задуманное и отчасти даже начатое императоромъ Іосифомъ II введеніе въ Венгріи нѣмецкаго языка, какъ

[1]) См. Этвешъ (Eötvös)—„Die Nationalitätenfrage" Pest. 1865, S. 14.

оффиціальнаго, на мѣсто прежняго латинскаго. Это мѣропріятіе вызвало національную оппозицію со стороны мадьяръ, которые теперь уже стали добиваться введенія въ присутственныхъ мѣстахъ и судахъ мадьярскаго языка, на смѣну упразднявшемуся оффиціальному латинскому. И вотъ, начиная съ этого перваго національнаго конфликта, въ Венгріи идетъ старательное развитіе раньше совершенно заброшеннаго мадьярскаго языка, который теперь, послѣ смерти императора Іосифа II и вслѣдъ за происшедшей затѣмъ отмѣной относящихся сюда его „реформъ“, все больше и больше сталъ вводиться въ Венгріи въ различныхъ присутственныхъ мѣстахъ, судахъ и школахъ. Эти Іосифовскія германизаціонныя тенденціи вызвали подобное же оппозиціонное настроеніе и среди населенія другихъ ненѣмецкихъ областей Австріи, напр. въ Галиціи. Однако здѣсь, за недостаткомъ такого конституціоннаго устройства, какъ въ Венгріи, дѣятельная оппозиція была невозможна [1]).

§ 64.

Идея національности въ Германіи.

Еще бо̀льшее, европейское значеніе пріобрѣлъ „національный принципъ“ („Nationalitätsprincip“) въ началѣ 19-го столѣтія. Тогда различные нѣмецкіе „государи“ („Landesherren“), въ особенности же прусское правительство, раньше весьма мало заботившееся о нѣмецкой національности,—тогда они, послѣ побѣдъ и завоеваній Наполеона I, находясь въ затруднительномъ положеніи, увидѣли себя принужденными воззвать къ своимъ, издавна ими угнетаемымъ народамъ, дабы съ ихъ помощью свергнуть французское иго. И тутъ нѣмецкіе государи, а вмѣстѣ съ ними и Гогенцоллерны сдѣлали вдругъ открытіе, что у нихъ въ груди бьется нѣмецкое сердце. Воззваніе къ народу, для того чтобы оно имѣло извѣстную силу,—должно было произойти лишь во имя „національнаго принципа“, особенно въ виду того обстоя-

---

[1]) См. мои сочиненія:—„Das Recht der Nationalitäten und Sprachen in Oesterreich-Ungarn“ 1879, и „Das österreichische Staatsrecht“ 1891, S. 77.

*

тельства, что чужеземное иго рисовалось нѣмцамъ немного лишь нестерпимѣе, чѣмъ гнетъ со стороны своихъ же природныхъ государей. Но вотъ, когда эта національная идея въ Германіи воспрянула, когда она такъ блистательно заявила о себѣ въ „освободительныхъ войнахъ“ противъ Наполеона,—тогда ужъ ее нельзя было заставить исчезнуть. Разумѣется, для нѣмецкихъ князей это было не совсѣмъ пріятно, такъ какъ государственное единство „націи“, ставшее общераспространеннымъ въ Германіи выводомъ изъ принципа національности, должно было нѣсколько подозрительно звучать въ ушахъ у многихъ нѣмецкихъ князей, не имѣвшихъ надежды стать во главѣ этого „единства“. И вотъ, послѣ освобожденія Германіи отъ французскаго гнета, въ слѣдующемъ же послѣ этого десятилѣтіи „національные“ порывы въ Германіи и особенно въ Пруссіи стали подвергаться безчеловѣчнѣйшимъ преслѣдованіямъ; и многіе юноши цѣлыми годами должны были томиться въ Прусской тюрьмѣ за то лишь, что они, какъ напр. поэтъ Фрицъ Рейтеръ, осмѣливались „среди бѣла дня носить нѣмецкіе національные цвѣта“ [1]). Въ Пруссіи тогда еще и не чувствовали, къ какой выгодѣ можетъ привести идея національности. Тогда еще не было такого геніальнаго государственнаго мужа, какъ князь Бисмаркъ,—для того чтобы показать французскому правительству и всему міру, какія чудеса можно продѣлывать съ волшебнымъ жезломъ „идеи національности“. Но теперь, съ основаніемъ новой Германской Имперіи, и Пруссія уже дружелюбно относится къ идеѣ нѣмецкой національности.

§ 65.

Идея національности въ Италіи.

Изъ Германіи идея національности, какъ приводящая къ политическому единству націи, перенеслась главнымъ образомъ въ Италію и вызвала тамъ пламенное воодушевленіе. Разумѣется, почва для этого здѣсь была хорошо подготовлена, такъ какъ тутъ еще со временъ Маккіавелли возбуждались стремленія къ единству.

[1]) Изъ прусскаго обвиненія противъ Фрица Рейтера: „. . . am hellichten Tage deutschnationale Farben zu tragen“.

Управляемая множествомъ мелкихъ деспотовъ итальянская нація страстно предалась культу національной идеи, силою которой итальянцы надѣялись установить у себя политическое единство и такимъ образомъ добиться своего освобожденія отъ нестерпимаго гнета множества абсолютныхъ государей.

§ 66.

Теорія національности.

Въ пылу національнаго воодушевленія нѣмецкіе (Дальманъ, Моль, Блунчли), а также итальянскіе теоретики (Манчини) стояли за тотъ принципъ, что границы государства должны вообще совпадать съ предѣлами національности; что только мононаціональное государство имѣетъ всѣ права на существованіе, а у полинаціональныхъ государствъ, куда прежде всего причисляли Австрію, никакихъ такихъ естественныхъ правъ нѣтъ. Взглядъ этотъ, во многихъ мѣстахъ, особенно же въ Италіи, нашедшій себѣ многочисленныхъ приверженцевъ, совершенно неправиленъ; онъ не имѣетъ ни историческаго, ни соціологическаго основанія. Въ самомъ дѣлѣ, историческое разсмотрѣніе развитія государствъ обнаруживаетъ, что національность является лишь продуктомъ этого развитія и, слѣдовательно, что теперешнія мононаціональныя государства прежде не были таковыми. Значитъ, полинаціональныя государства всегда существовали, и, строго говоря, чисто мононаціональныхъ нигдѣ нельзя встрѣтить. Вѣдь, въ силу вѣчнаго стремленія всѣхъ государствъ къ увеличенію своей территоріи, постоянно можно наблюдать, какъ они, едва наполовину сдѣлавшись мононаціональными, присоединяютъ къ себѣ чужія области (если только сами не инкорпорируются другими) и такимъ образомъ теряютъ свою мононаціональность. Взглянемъ на заокеанскія владѣнія Англіи, Франціи и другихъ „національныхъ“ государствъ. Вотъ Италія,—едва лишь объединилась во имя національнаго принципа, и что же затѣмъ?—вѣдь погналась же она недавно въ Африку завоевывать неитальянскія области. Равнымъ образомъ и Пруссія, конечно, ужъ не во имя національнаго принципа стремится перенести въ Африку прусскую культуру (Лейстъ, Велау, Петерсъ и др.). Разумѣется, нѣмецкіе государствовѣды середины 19-го столѣтія—Дальманъ,

Моль, Блунчли—не допускали и мысли о подобныхъ инцидентахъ, и они навѣрно содрогнулись бы въ гробахъ, если бы узнали объ этомъ. Вообще исторія послѣдняго времени показываетъ, что государства тогда лишь взываютъ къ принципу національности, когда они при этомъ могутъ что-нибудь получить, но они всегда готовы пойти и противъ этого принципа; пожертвовать же чѣмъ-нибудь ради даннаго принципа,—этого ужъ они никогда не могутъ сдѣлать. Итакъ, теорія, трактующая о томъ, что только мононаціональныя государства обладаютъ правомъ на существованіе, — не имѣетъ никакого основанія. Не выдерживаетъ критики она и съ соціологической точки зрѣнія. Вѣдь государство и національность—это совершенно различныя явленія: государство—чисто соціальное, національность же—соціально-психическое [1]). Такія разнородныя явленія не требуютъ своего взаимнаго совпаденія, да это и невозможно. Государство, какъ соціальное явленіе, а именно, какъ организація властвованія и хозяйства, связано съ извѣстной, точно опредѣленной территоріей. Государство должно имѣть строго опредѣленныя границы, внутри которыхъ бы оно властвовало, хозяйничало и оборонялось. Напротивъ же, національность, какъ соціально-психическое явленіе, какъ духовное общеніе, территоріальными предѣлами можетъ быть связана не болѣе, чѣмъ и религія. Какъ духовная общность, національность, въ силу растяженія и притяженія, свободно переходитъ черезъ политическія границы. Если бы вздумалось политическія границы исправлять по случайнымъ растяженіямъ и духовнымъ завоеваніямъ національностей, тогда всѣ политическія отношенія и связанные съ ними матеріальные интересы пришли бы въ неопредѣленность,—и объ устойчивости тутъ нечего было бы и думать. Да и опытъ учитъ, что полинаціональныя государства прекрасно могутъ развиваться, что народы въ нихъ могутъ пользоваться весьма широкой политической свободой, а это вѣдь въ концѣ концовъ самое главное. Самое свободное въ Европѣ государство, Швейцарія, является полинаціональнымъ, и швейцарскій народъ не очень-то былъ бы благодаренъ, если бы во имя національнаго принципа вздумали вдругъ растаскивать составныя его части подъ итальянское или нѣмецкое иго.

Болѣе глубокое соціологическое изслѣдованіе показываетъ намъ, что полинаціональныя государства представляютъ высшій типъ со-

[1]) Подробно объ этомъ въ моемъ „Grundriss der Sociologie“ S. 55 ff.

ціально-политическаго развитія. Вѣдь развитіе всякаго государства начинается съ агломераціи разнородныхъ этническихъ элементовъ, далѣе идетъ къ національному сліянію и затѣмъ ужъ должно пріобрѣсть характеръ полинаціональнаго общенія. Этого требуетъ культурное развитіе человѣчества и тяготѣніе ко все бо̀льшей и бо̀льшей общности цивилизованнаго человѣчества.

Слѣдовательно, такое государство, какъ Австрія, заключающее въ себѣ цѣлый комплексъ странъ, изъ которыхъ каждая или по крайней мѣрѣ большинство являются историческими индивидуальностями, внутри которыхъ развиваются особые націонализмы[1]) (см. ниже § 72) и сильныя національности,—такое государство, съ точки зрѣнія прогрессивнаго развитія человѣчества, во всякомъ случаѣ представляетъ ужъ высшую ступень, чѣмъ мононаціональное. Разумѣется, полинаціональное государство въ томъ лишь случаѣ является выраженіемъ высшаго типа соціальнаго общенія, когда входящія въ составъ его національности свободно развиваются, не встрѣчая въ своемъ развитіи никакихъ политическихъ стѣсненій. Такъ, съ другой стороны, передъ нашими глазами признакъ примитивнаго, варварскаго государства, если оно стѣсняетъ свободное развитіе національностей, если внутри своихъ предѣловъ благоволитъ къ одной лишь какой-нибудь изъ нихъ и употребляетъ дикія, насильственныя средства (запрещеніе языка, „внутренняя колонизація") для того, чтобы тормазить естественное развитіе другихъ національностей, чтобы угнетать и вытѣснять ихъ.

а) Дальманъ (Dahlmann, «Politik» 1847) полагаетъ, что «возможность хорошаго государственнаго устройства» зависитъ и отъ того, «является ли государство по своему строенію простымъ или составнымъ» (S. 184). «Вѣдь составное государство», безразлично, «лежитъ ли причина этой сложности въ естественномъ складѣ жизни населенія или въ исторіи правительства»,—«идетъ противъ такихъ установленій (хорошаго государственнаго устройства), которыя разру-

[1]) Обстоятельное выясненіе этого оригинальнаго термина читатель найдетъ на дальнѣйшихъ страницахъ данной (V-й) главы, особенно же въ § 72. Поэтому здѣсь я ограничусь замѣчаніемъ, что слово „Nationalismus", вводимое Гумпловичемъ въ государственную науку въ смыслѣ какъ бы незаконченнаго образованія національности, звучитъ для нѣмецкаго слуха столь же странно, какъ и для русскаго—„націонализмъ". Въ виду этого, не считая себя въ правѣ исправлять языкъ Гумпловича, я и перевожу „Nationalismus" точно, соотвѣтственнымъ русскимъ словомъ „націонализмъ".

Переводчикъ.

шительно (?) дѣйствовали бы на его существованіе». «Въ подобномъ государствѣ (здѣсь онъ имѣетъ въ виду полинаціональныя государства) лишь весьма условно можно говорить о возможности хорошаго государственнаго устройства». Слѣдовательно, по Дальману, Швейцарія не можетъ пользоваться свободнымъ правленіемъ, такъ какъ она является «составнымъ государствомъ». «Глубже всего», — говоритъ онъ, — «характеръ сложности коренится въ австрійскомъ государствѣ». «Если бы конституціонныя права дарованы были австрійскимъ полякамъ и итальянцамъ, столь горячо жаждущимъ этого, тогда Австрія убѣдилась бы, что одни ищутъ стариннаго естественнаго соединенія съ остальными поляками, а другіе — съ остальными итальянцами, — и вотъ, государство распалось бы». Ходъ событій разоблачаетъ ложность этого недальновиднаго взгляда. Абсолютная Австрія потеряла Венецію и Ломбардію. Будь же въ этихъ странахъ своевременно введенъ свободный режимъ, — какъ знать, быть можетъ онѣ и до сихъ поръ остались бы въ составѣ Австріи. Вѣдь дарованіе же конституціонныхъ правъ «австрійскимъ полякамъ», какъ извѣстно, не ослабило связь между ними и Австріей, но, напротивъ, укрѣпило её.

Также и Моль считаетъ «настоящимъ естественнымъ положеніемъ» лишь тѣ случаи, когда «все населеніе государства принадлежитъ къ одной и той же національности и за предѣлами его не встрѣчается никакихъ составныхъ частей этого племени, однимъ словомъ, когда государство совпадаетъ съ національностью» («Staatsrecht, Völkerrecht, Politik», II, 343). Во всякомъ же случаѣ онъ самъ констатируетъ тотъ фактъ, что, «къ сожалѣнію», «это правильнѣйшее и разумнѣйшее состояніе рѣдко встрѣчается». И вотъ, съ Молевской точки зрѣнія, пришлось бы сказать, что вся исторія человѣчества, начиная съ древнѣйшихъ временъ, «къ сожалѣнію», очевидно, находится не въ «естественномъ положеніи». Но можно ли, здраво смотря на вещи, согласиться съ этимъ?

Манчини въ своихъ чтеніяхъ о «Nationalità come Fondamento del diritto delle Genti» (1873) настаиваетъ на томъ, что въ международномъ правѣ «не государство, а нація представляетъ изъ себя элементарное единство, раціональную монаду науки» («... la monade razionale della scienza»). На національность онъ смотритъ, какъ на нѣчто коренное, естественное, къ чему должна приспособляться искусственная форма государства. «Не государство, но національность является основной идеей науки (международнаго права)». Отсюда Манчини заключаетъ, что всякая національность должна пользоваться правомъ образовать изъ себя особое государство. Нѣкоторое время послѣ объединенія Италіи взглядъ этотъ былъ тамъ общераспространеннымъ. Но вотъ, три десятилѣтія спустя, итальянцы, въ погонѣ за африканскими завоеваніями, не обращаютъ уже вниманія на это ученіе.

§ 67.

Насильственная денаціонализація.

Итакъ, государство и національность не требуютъ взаимнаго совпаденія, и существованіе исключительно лишь мононаціональныхъ государственныхъ формъ является утопіей, такъ какъ политическое составленіе государствъ происходитъ на совершенно иныхъ основаніяхъ и зависитъ далеко не отъ чисто національныхъ интересовъ. Государство не въ состояніи приноравливать свои границы къ предѣламъ національности или къ такъ называемымъ границамъ языка (Sprachgrenzen), вѣдь этого никакъ не допускаетъ столь часто въ одной и той же области встрѣчающееся смѣшеніе различныхъ языковъ и національностей. Да, однако же все цивилизованное человѣчество почувствовало тяжкую несправедливость въ раздробленіи такого національнаго государства, какимъ была Польша, и неодобрительно отнеслось къ той денаціонализаціонной политикѣ, которой затѣмъ придерживались державы, участвовавшія въ раздѣлѣ. И, хотя ко времени польскаго раздѣла идея національности еще не пробуждалась, хотя она не имѣла силы и во время противодѣйствія этому акту насилія,—тѣмъ не менѣе все цивилизованное человѣчество тогда почувствовало, что этимъ совершено „международное преступленіе", какъ бы „умерщвленіе націи". И чувство это, какъ призракъ, преслѣдуетъ съ тѣхъ поръ европейскія націи и не даетъ покоя ихъ совѣсти. Можно привести доказательства изъ политической литературы всѣхъ европейскихъ народовъ, что всѣ историки и политическіе писатели единогласно осудили польскій раздѣлъ, какъ злодѣяніе (Missethat), и что (кромѣ отдѣльныхъ развѣ прусскихъ придворныхъ исторіографовъ) не было никого, кто оправдывалъ бы этотъ поступокъ. И это замѣчательное, прямо-таки неслыханное единодушіе вызвано было не тѣмъ лишь обстоятельствомъ, что польская нація попала подъ чужое владычество,—вѣдь это въ исторіи человѣчества не рѣдкость,—но главнымъ образомъ тѣмъ, что мононаціональное въ общемъ государство, путемъ тысячелѣтняго развитія утвердившее свои права на территоріальное и экономическое существованіе, изъ-за ничтожныхъ причинъ не только лишается самостоятельности, но и раздробляется,

словно въ насмѣшку надъ здравымъ смысломъ и политической логикой. И вслѣдъ за этимъ раздробленіемъ выяснилось, что участвовавшія въ раздѣлѣ державы, особенно же Россія и Пруссія, задались цѣлью искоренить польскую національность и стереть ее, какъ таковую, съ лица земли,—цѣлью, которая все-таки, несмотря на весьма тонкую политику этихъ обѣихъ державъ, несмотря на ихъ мѣропріятія, къ истребленію этой долговѣчной національной жизненной силы направленныя, до сихъ поръ еще не увѣнчалась успѣхомъ. (а)

И вотъ, на-ряду съ борьбой Венгріи противъ Іосифовской системы, на-ряду съ поднятіемъ нѣмецкой націи въ освободительныхъ войнахъ, на-ряду съ этимъ и геройская борьба поляковъ за сохраненіе своей національности въ весьма значительной степени способствовала тому, что въ сознаніе цивилизованнаго міра была внесена идея національности, что ясно было выставлено значеніе ея въ процессѣ образованія государствъ (Staatenbildungsprocess) и въ культурномъ развитіи человѣчества.

а) Моль («Staatsrecht, Völkerrecht und Politik», B. II, S. 363) отстаиваетъ тотъ «взглядъ, что разгромленіе національности и насильственное распредѣленіе составныхъ ея частей между нѣсколькими чужими государствами является великой несправедливостью для разгромленныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для человѣчества». Аретинъ (Aretin, «Constitutionelles Staatsrecht» 1824, S. 52) такъ полагаетъ: «Раздѣлъ Польши образуетъ для культурной исторіи конституціоннаго государственнаго права важную эпоху, такъ какъ, рѣзко выдѣляясь во всей новѣйшей исторіи, этотъ верхъ несправедливости, этотъ постоянный предлогъ и поводъ для новаго беззаконія правильно обнаружилъ необходимость моральной политики, иначе говоря, конституціонной системы».

Гервинусъ раздѣленіе Польши никогда не называетъ иначе, какъ «польскимъ разграбленіемъ» («polnische Raub») и объявляетъ его «позорнѣйшимъ изъ всѣхъ политическихъ злодѣяній» (Gervinus, «Einl. in die Geschichte d. 19 Jahrhund.», S. 165). Можно было бы исписать томы, если бы взяться приводить подобныя сужденія всѣхъ нѣмецкихъ историковъ и государствовѣдовъ относительно раздробленія Польши. Только пруссаки, по своей недобросовѣстности, не согласны съ этимъ. Бисмаркъ часто даже насмѣхался надъ этими «польскими бреднями нѣмцевъ». Тутъ обнаруживается глубокая разница между Пруссіей и Германіей, а поэтому опруссаченіе Германіи не предвѣщаетъ ей никакого цивилизаціоннаго прогресса.

§ 68.

Національный принципъ на Вѣнскомъ конгрессѣ.

Это, по всей Европѣ воспрянувшее національное сознаніе въ серединѣ второго десятилѣтія 19-го вѣка произвело въ пользу идеи національности такую сильную волну общественнаго мнѣнія, что собравшіеся на Вѣнскомъ конгрессѣ уполномоченные, по крайней мѣрѣ съ виду, преклонялись передъ этой идеей и въ заключительномъ актѣ конгресса должны были принять слѣдующее торжественное обязательство: „Les Polonais, sujets respectifs de la Russie, de l'Autrische et de la Prusse obtiendront une représentation et des institutions nationales...“ Какъ Пруссія и Россія выполнили и выполняютъ это торжественное обязательство,—извѣстно.

§ 69.

Освобожденіе Греціи.

Вскорѣ послѣ Вѣнскаго конгресса, на которомъ идея національности праздновала въ неискреннихъ обѣщаніяхъ дипломатовъ свой мнимый тріумфъ, — вскорѣ послѣ этого она разгорѣлась на Пелопонесѣ и воспламенила къ удивительнымъ геройскимъ подвигамъ давно уже угнетенную націю. Общественное мнѣніе Европы было на сторонѣ грековъ, которые, во имя своей національности, требовали свободы и независимости отъ турецкаго гнета. Вскорѣ они сдѣлались какъ бы игрушкой особыхъ интересовъ великихъ европейскихъ державъ. Въ то время, какъ Австрія (Меттернихъ) и Пруссія боязливо старались затушить вспыхнувшее пламя національнаго воодушевленія,—Россія, Англія и Франція, наоборотъ, способствовали движенію, разумѣется, не столько изъ принципа, сколько оттого, что каждое изъ данныхъ государствъ преслѣдовало при этомъ извѣстные интересы своей собственной политики. Однако же,—было ли это искренно или лицемѣрно, хотѣли ли они этого или оно произошло помимо ихъ воли, — какъ бы тамъ ни было, но въ концѣ концовъ отвоеванная у турокъ великими державами независимость

Греціи явилась дальнѣйшимъ тріумфомъ національной идеи. Послѣ тяжелой борьбы побѣдоносно вышла она изъ моря крови, то здѣсь, то тамъ принося утѣшеніе угнетеннымъ націямъ и все больше и больше развивая жизненную ихъ энергію.

§ 70.

Національность, какъ средство политики.

Съ двадцатыхъ годовъ 19-го столѣтія, послѣ освобожденія Греціи, которое рады были приписать исключительно лишь національной идеѣ, эта послѣдняя сдѣлалась боевымъ лозунгомъ у всѣхъ абсолютными государями порабощенныхъ европейскихъ народовъ. При живительномъ дуновеніи этой идеи пламя національнаго воодушевленія вспыхнуло также въ Италіи, Германіи и Польшѣ. Конечно, сообразно различному положенію данныхъ народовъ, воодушевленіемъ этимъ сообщено было стремленію каждой отдѣльной націи особое направленіе, причемъ не избѣжали заблужденій и уклоненій на ложный путь.

Вѣдь не скоро народы уясняютъ себѣ тѣ новыя идеи, которыя, какъ двигательныя силы, появляются въ развитіи человѣчества; не скоро они даютъ себѣ ясный отчетъ относительно значенія этихъ идей. Напротивъ, подобныя идеи возбуждаютъ прежде всего неопредѣленное стремленіе, цѣль котораго вначалѣ остается не выясненной. И вотъ, часто онѣ производятъ такое стремленіе, которое лишь косвеннымъ путемъ и послѣ горькихъ разочарованій приводитъ наконецъ къ достиженію истинной цѣли, къ осуществленію идеи. И всѣ злые геніи человѣчества подкарауливаютъ каждую новую идею, чтобы воспользоваться ею для своихъ эгоистическихъ предначертаній, для своихъ властолюбивыхъ цѣлей, чтобы завлечь въ свои сѣти ослѣпленныя массы. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ такія высокія человѣческія идеи, — какъ религія и отчизна, честь и слава, — не должны были искони служить тому, чтобы вводить въ заблужденіе цѣлые народы и способствовать эгоистическимъ планамъ отдѣльныхъ лицъ? Такъ было и съ идеей національности. Національность прежде всего, конечно, ничто иное, какъ духовное общеніе, въ единомъ языкѣ выражающееся, и, слѣдовательно, явленіе, принадлежащее не къ политической, а къ совершенно иной области. Разумѣется, данная идея требуетъ свободнаго развитія этого духовнаго блага, начиная съ того момента, когда

нація уже ощущаетъ свое духовное общеніе, какъ извѣстное моральное благо. Съ политикой же, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, съ образованіемъ государствъ и съ государственными границами идея національности не имѣетъ ничего общаго. И все-таки,—то умышленно, то безсознательно,—злоупотребляли этой идеей и для проведенія политической пропаганды, и для сверженія съ трона одного государя въ пользу другого, и для того, чтобы подъ видомъ освобожденія закабалить народы въ еще болѣе тяжелое рабство, и для вырыванія странъ и провинцій изъ одного государства въ пользу другого и вообще для всевозможныхъ политическихъ плановъ. И въ западной Европѣ весьма часто бывали государи, злоупотреблявшіе популярной идеей національности ради своихъ политическихъ цѣлей, чтобы проводить свои эгоистическіе, порою сумасбродные кабинетные интересы, — а самый-то національный принципъ нисколько не трогалъ ихъ. Такъ, Наполеонъ III только игралъ идеей національности, пользовался ею, какъ средствомъ, конечно, не для „освобожденія“ Италіи, но для ослабленія Австріи; вѣдь итальянская національность ничѣмъ не рисковала бы и въ конституціонно управляемой Австріи, какъ она на самомъ дѣлѣ и развивается теперь здѣсь совершенно свободно и безпрепятственно (Трентино, Тріестъ, Далмація) [1]). Ложная теорія, трактующая, будто изъ національной идеи слѣдуетъ, что всѣ племена одной и той же національности должны составлять единое государство, оказала и пруссакамъ хорошую услугу, поставивъ всѣхъ нѣмцевъ въ зависимость отъ прусской каски. Обманъ заключался въ томъ, что во имя національной идеи и подъ предлогомъ различныхъ плановъ на міровое державное значеніе наложили прусскій абсолютный имперскій режимъ на тѣ нѣмецкіе народы, національности которыхъ послѣ паденія Наполеона I ничто уже не угрожало, и которые теперь жаждали лишь политической свободы. Тутъ вели-

---

[1]) Если же итальянцы въ Далмаціи и въ австрійскомъ приморьѣ и теперь еще выражаютъ національныя неудовольствія, то причину этого нужно искать исключительно лишь въ томъ, что они никакъ не могутъ свыкнуться съ мыслью о равноправіи со славянскимъ населеніемъ данныхъ областей,—а напротивъ того, имъ хотѣлось бы поддержать свое былое главенство надъ славянами.—Впрочемъ, въ послѣднее время тысячи итальянцевъ переселились изъ „объединенной Италіи“ въ австрійскую территорію, опасаясь какъ бы не сдѣлаться жертвой сумасбродной африканской завоевательной политики. Фактомъ этимъ ярко освѣщается то положеніе, что „единство“ далеко еще не является свободой и не предохраняетъ отъ абсолютизма.

чайшимъ дипломатомъ 19-го столѣтія выказалъ себя Бисмаркъ. Вѣдь онъ съумѣлъ въ 1870 году воспользоваться національнымъ воодушевленіемъ народовъ и слабостью нѣмецкихъ князей (наиболѣе сильный изъ которыхъ Людвигъ II Баварскій былъ вдобавокъ слабоумнымъ), воспользоваться для того, чтобы возложить германскую императорскую корону на голову Гогенцоллерновъ и поставить Германію въ зависимость отъ Пруссіи. И было бы большимъ заблужденіемъ видѣть въ этой побѣдѣ Пруссіи надъ Германіей торжество національнаго принципа.

Вышеприведенныя обстоятельства уже достаточно убѣдительно доказываютъ, что совершонное Пруссіей „дѣло національнаго объединенія“ не имѣетъ ничего общаго съ національнымъ принципомъ и является просто лишь образованіемъ великой завоевательной державы, которая свою похотливую жажду властвованія прикрываетъ флагомъ идеи національности. Что Пруссія нисколько не проникнута національнымъ принципомъ, какъ таковымъ, доказательствомъ этого служатъ ея отношенія къ Польшѣ, которую она всегда старалась и старается насильственно германизировать (колонизаціонная коммиссія, Ansiedlungskommission!).

§ 71.

Національность и границы государства.

Сколь мало общаго національность имѣетъ съ самимъ государствомъ, какъ таковымъ, столь же мало связана она и съ границами государства. Вѣдь вѣчно колеблющіяся и переплетающіяся между собой очертанія національностей нигдѣ и никогда не могутъ совпадать съ предѣлами государства, которые должны быть установляемы въ силу совершенно другихъ потребностей и по совершенно инымъ основаніямъ, а именно бо̀льшею частью согласно торговымъ требованіямъ и стратегическимъ планамъ. Поэтому согласованіе политическихъ границъ съ неуловимыми, незамѣтно мѣняющимися и никакой гарантіи устойчивости не представляющими предѣлами національностей и языковъ является совершенно немыслимымъ и неосуществимымъ. Слѣдовательно, требованіе такого согласованія столь же утопично, какъ и совершенно неправильно, и меньше всего можетъ быть выводимо изъ существа и понятія національности. Единственно, что̀ можно выводить

изъ принципа и идеи національности, это — свободное употребленіе національнаго языка въ общественной жизни, значитъ, въ управленіи, въ судѣ и въ школѣ; тутъ современное культурное государство, поскольку оно претендуетъ на это названіе, не только не можетъ выступать съ какими-либо запретами, но и не должно даже пассивно противодѣйствовать, глухо относясь къ національному языку извѣстной части населенія, т. е., объявляя его неудобопонятнымъ. Если государство на различныя національныя составныя части народа возлагаетъ одинаковыя обязанности, въ такомъ случаѣ общественная мораль требуетъ, чтобы оно предоставило каждой такой части народа и равное право пользоваться своимъ собственнымъ національнымъ языкомъ и не только въ домашней, но и въ общественной жизни; слѣдовательно, государство со своей стороны должно предпринять все необходимое для того, чтобы не затруднять этой свободной національной жизнедѣятельности. Разумѣется, признаніе этой обязанности за государствомъ есть достояніе новѣйшаго времени и исполненіе ея является отличительнѣйшимъ признакомъ современнаго культурнаго государства. Государство же, которое уклоняется отъ этой обязанности и не признаетъ полной равноправности за всѣми на его территоріи находящимися національностями, — стоитъ на уровнѣ древняго или средневѣковаго завоевательнаго государства (Erobererstaat) и является среди современной культуры анахронизмомъ, который раньше или позже долженъ исчезнуть.

§ 72.

Территоріальное развитіе и національзмъ (Nationalismus) [1].

Все это соціальное развитіе государства станетъ понятнѣе, когда мы ясно представимъ себѣ высшій законъ территоріальнаго его развитія и въ связи съ этимъ уяснимъ понятіе національзма (Nationalismus). Общій основной типъ (Grundtypus) естественной территоріальной единицы всегда опредѣляется жизненными потребностями, руководящими человѣческимъ поселеніемъ. Примитивная орда тамъ только становится осѣдлой, гдѣ она можетъ въ извѣстной степени удовлетворять свои хозяйственныя потребности и гдѣ находитъ при-

[1]) См. выше мое примѣчаніе въ § 66. Переводч.

родную защиту отъ другихъ, враждебныхъ ей ордъ. Поэтому въ земляхъ, не прилегающихъ къ морю, мѣстомъ первоначальнаго человѣческаго поселенія мы должны представлять себѣ окруженную цѣпями горъ и защищаемую ими долину, оживляемую прорѣзывающими ее рѣками. Такую естественную территоріальную единицу можно было бы назвать территоріальной ячейкой государства.

На морскомъ берегу, на островахъ и на полуостровахъ образованіе государствъ, само собою разумѣется, происходитъ большею частью вблизи соотвѣтственнымъ образомъ расположенныхъ устьевъ рѣкъ, удобныхъ естественныхъ бухтъ и гаваней.

Уже одинъ лишь фактъ осѣдлости орды или племени на опредѣленной территоріи порождаетъ естественную связь между людьми и мѣстомъ ихъ пребыванія; и вотъ, сингенизмъ (Syngenismus), первоначально связывавшій орду, переходитъ въ примитивный націонализмъ (Nationalismus), т. е., въ извѣстную общность территоріальнаго интереса или—вѣрнѣе—въ общій интересъ къ территоріи; интересъ этотъ растетъ и укрѣпляется естественной привязанностью примитивнаго человѣка къ родному своему мѣстожительству.

Чувство это на первоначальныхъ ступеняхъ культуры у множества человѣческихъ расъ является столь общимъ и сильнымъ по природѣ, что оно даже въ случаѣ завоеванія коренного населенія чужой ордой, въ случаѣ созданія такимъ образомъ организаціи властвованія, состоящей изъ двухъ, а то и болѣе разнородныхъ группъ, изъ властвующихъ и подвластныхъ, несмотря на всѣ такія внутреннія противоположности, крѣпче или слабѣе, но все-таки объединяетъ интересы. И вотъ, на общей торриторіи возникшій и дальше отсюда развивающійся націонализмъ (Nationalismus) представляетъ высшую ступень соціальной эволюціи въ сравненіи съ сингенизмомъ, объединяющимъ лишь отдѣльныя группы; націонализмъ охватываетъ различныя сингенистическія группы и образуетъ высшую форму единства. Разумѣется, націонализмъ еще не является національностью (Nationalität); онъ создается лишь общей территоріей, фактомъ принадлежности къ одной и той же организаціи властвованія и вытекающими отсюда общими интересами. Не достаетъ еще общности въ обычаѣ, языкѣ и культурѣ, съ развитіемъ чего націонализмъ принимаетъ видъ національности.

Такъ, тысячелѣтнее существованіе венгерскаго государства произвело націонализмъ, не создавъ національности. Равнымъ образомъ, существованіе Великобританіи образовало великобританскій націо-

нализмъ, не создавъ до сихъ поръ цѣльной національности, которая объединяла бы всѣ составныя части англійскаго народа, такъ какъ ирландцы и шотландцы еще не отказываются отъ своихъ особенностей. Точно такъ же можно говорить объ австрійскомъ націонализмѣ, но не національности. Если бы для наглядности мы захотѣли разницу между этими понятіями представить при помощи математической формулы, то это слѣдовало бы сдѣлать такимъ образомъ:

націонализмъ = національности — общій языкъ;
національность = націонализму + общій языкъ.

§ 73.

Территоріи.

И много есть историческихъ примѣровъ, показывающихъ, что дѣйствительно существовали такіе природные территоріальные отрѣзки, въ которыхъ, какъ въ ячейкахъ, утвердились первыя извѣстныя намъ организаціи властвованія. Какъ хозяйственные, такъ и примитивнѣйшіе стратегическіе интересы играли тутъ одинаково важную роль.

Хозяйственное сношеніе закрѣпляло совмѣстную, неразрывную жизнь обитателей такихъ естественныхъ территоріальныхъ участковъ и создавало ту общность интересовъ, которую мы называемъ „націонализмомъ“. Если представить себѣ картину подобной территоріальной ячейки и хозяйственную жизнь въ ней, тогда легко будетъ понять этотъ процессъ. Поселившіеся на окаймляющихъ мѣстность горныхъ цѣпяхъ разсчитываютъ сбывать въ долинѣ свои продукты, напр., нарубленныя въ лѣсу дрова, будучи въ состояніи отправлять ихъ лишь внизъ съ горы. И вотъ горный хребетъ образуетъ естественную перегородку между племенами; долина же и прорѣзывающая ее рѣка, по которой можно напр. сплавлять лѣсъ, представляютъ изъ себя естественную связь, объединяющую жителей этой территоріальной ячейки. Возлѣ рѣки, какъ центръ торговыхъ интересовъ, возникаетъ главное поселеніе, являющееся для внѣшнихъ завоевателей важнѣйшимъ предметомъ добычи и поэтому особенно зорко охраняемое отъ нихъ; тутъ и населеніе при случаѣ находитъ защиту отъ постороннихъ нападеній, отъ иноземныхъ враговъ.

Эту основную картину образованія организацій властвованія и

примитивныхъ городовъ-государствъ (Stadt-Staaten) можно и теперь еще отлично наблюдать; такія явленія встрѣчаются, начиная съ Греціи, во всѣхъ европейскихъ странахъ и проходятъ также черезъ все дальнѣйшее, все болѣе и болѣе усложняющееся историческое развитіе.

§ 74.

Территоріальная интеграція.

Затѣмъ постепенно идетъ дальнѣйшій ходъ развитія, отдѣльныя фазы котораго можно назвать „интеграціями" („Integrationen"). Стремленіе къ увеличенію могущества, ко все бо̀льшимъ и бо̀льшимъ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ заставляетъ браться за иноземныя предпріятія. Будетъ ли это инициатива отдѣльныхъ завоевателей или массъ, для которыхъ родина становится тѣсной, будутъ ли это торговыя колонизаціи,—формъ тутъ можетъ быть множество,—сущность же всегда одна и та же: территоріальная ячейка отъ присоединенія смежныхъ „клѣтокъ" все расширяется и расширяется. А расширенная область и дальше стремится къ тѣмъ естественнымъ географическимъ границамъ, которыхъ требуетъ увеличившаяся организація,—и вотъ, внутри этого удвоеннаго, утроеннаго, все растущаго и ра́стущаго территоріальнаго отрѣзка образуется затѣмъ болѣе широкое общеніе (Gemeinschaft), подверженное дѣйствію всѣхъ тѣхъ же факторовъ, какіе проявлялись и въ территоріальной „ячейкѣ". Такъ мало-по-малу создается расширенный, „интегрированный" націонализмъ (Nationalismus).

Эволюція эта ведетъ къ образованію великихъ державъ. И, смотря на географическую карту каждаго государства, обращая вниманіе на расположеніе его городовъ и на вошедшія въ жизнь территоріальныя подраздѣленія на округа (Bezirk), провинціи, земли и комплексы земель (Länderkomplexe), —мы и теперь еще болѣе или менѣе можемъ прослѣдить отдѣльныя фазы историческаго его развитія.

§ 75.

Примѣры такихъ интеграцій.

Прекрасными примѣрами такой эволюціи, конечно, могутъ служить современныя великія державы. Взглянемъ, напр., на Австрію. Всякая отдѣльная австрійская „земля" („Land"), такъ напр. Шти-

рія, Каринтія, оба эрцгерцогства—Верхне и Нижне-Австрійское,—каждая изъ нихъ, хотя и является уже продуктомъ постепенныхъ интеграцій, все-таки и теперь въ общемъ образуетъ естественную территоріальную единицу, характерно пересѣкаемую одной главной долиной и болѣе или менѣе окаймленную пограничными горами или по крайней мѣрѣ высокими холмами [1]).

Въ удобномъ для сношеній мѣстѣ, на главной рѣкѣ, орошающей долину, лежитъ по большей части главное поселеніе, развивающееся потомъ въ главный городъ страны. Блестящимъ примѣромъ такого естественнаго территоріальнаго единства является Богемія съ окружающими ее пограничными горами и вдоль посерединѣ проходящимъ главнымъ воднымъ путемъ Молдава-Эльба, гдѣ и расположенъ главный городъ. Разумѣется, Богемія является уже продуктомъ долгой интеграціи, начавшейся еще съ доисторическихъ временъ. Однако и въ теперешней Богеміи интеграція эта создала естественное единство. И вотъ, опять замѣчательно, какъ многія австрійскія земли (Länder) путемъ все бóльшихъ и бòльшихъ интеграцій соединились въ одномъ государствѣ, которое немного лишь уклоняется отъ условій естественнаго территоріальнаго единства [2]). Вѣдь въ общемъ же области и королевства современной австро-венгерской монархіи группируются по обѣимъ сторонамъ главной ихъ рѣки Дуная, внутри, разумѣется, нѣсколько запутанной системы пограничныхъ горъ, дающихъ начало всѣмъ дунайскимъ притокамъ.

---

[1]) См. мое—«Oesterreichische Reichsgeschichte» Berlin 1896, Einleitung.

[2]) Не входитъ же въ эти естественныя границы главнымъ образомъ Галиція. Но слѣдуетъ принять въ соображеніе, что раздѣлъ Польши между тремя державами является лишь моментомъ въ исторической эволюціи Европы и дальнѣйшее развитіе можетъ либо возстановить самостоятельность Польши, либо перетянуть на сторону Австріи то, принадлежащее теперь Россіи Царство Польское, которое по природѣ (naturgemäss) относится къ Галиціи. А, можетъ быть, Россія совершитъ побѣдоносное интеграціонное движеніе въ область Карпатъ? Нѣтъ, опираясь прежде всего на сильное положеніе Австріи и на жизненныя силы польской націи, мы не допускаемъ такой мысли.

*

§ 76.

Территоріальная и національная интеграція.

Австро-Венгрія является теперь интереснымъ примѣромъ также того, что территоріальная интеграція можетъ заходить гораздо дальше, чѣмъ національная. Вѣдь для территоріальной интеграціи нужна лишь сила оружія или приводящіе къ государственнымъ соединеніямъ (Staatenverbindungen) торговые интересы; а при благопріятныхъ условіяхъ націонализмъ (Nationalismus) отдѣльныхъ странъ развивается въ національность (Nationalität), которая такъ глубоко пускаетъ въ народѣ корни, что никакая уже сила не въ состояніи искоренить или подавить ее. Слѣдовательно, національность представляетъ изъ себя нѣчто болѣе тѣсное и сплоченное, чѣмъ зависящій отъ одной лишь естественной территоріальной интеграціи націонализмъ. Однако же національность можетъ простираться и на многіе націонализмы, какъ напр. въ Германіи.

Но во всякомъ случаѣ развитіе это всегда и повсюду пользуется естественными территоріальными отрѣзками, какъ извѣстными этапами, какъ такими пунктами, гдѣ оно укрѣпляется для дальнѣйшаго движенія; и вотъ, въ эволюціи этой всегда наблюдается естественная тенденція принимать достигнутое территоріальное единство за основаніе для все дальше и дальше распространяющагося націонализма. Исторія человѣчества никогда не развивалась иначе, какъ въ формѣ территоріальной интеграціи, сообразно съ естественными географическими условіями, въ видѣ все вновь образующихся націонализмовъ. Способомъ этого развитія почти всегда являлась борьба и война,— въ видѣ же рѣдкихъ исключеній бывали, конечно, и государственные договоры (Staatsverträge).

Но предварительно всегда наблюдаются національные и государственные контрасты, изъ борьбы которыхъ выростаютъ высшія государственныя и національныя единицы (послѣднія, правда, до извѣстныхъ лишь предѣловъ).

§ 77.

Интернаціонализмъ.

Установить существо и понятіе націонализма важно также въ виду того, что это поможетъ намъ оцѣнить другую идею, которую въ но-

вѣйшее время столь часто провозглашаютъ и выставляютъ, какъ идеалъ будущаго. Мы говоримъ объ интернаціонализмѣ (Internationalismus).

Націонализмъ есть дѣйствительный фактъ; интернаціонализмъ же—идеалъ мечтателей; первый является необходимымъ продуктомъ реальныхъ и конкретныхъ отношеній, послѣдній же—фантазіей, возникающей на субъективной почвѣ по закону контрастовъ съ дѣйствительностью. Чего добивается интернаціонализмъ? Его требованіе уничтоженія всякихъ государственныхъ различій идетъ въ разрѣзъ со всѣми естественными условіями народной жизни и со всѣми фактами исторіи. Историческое развитіе должно было бы остановиться, если бы не существовало болѣе государственныхъ и національныхъ различій и контрастовъ. Кто уничтожитъ эти естественные факторы, эти историческіе импульсы? Кто отниметъ коренныя двигательныя силы у всесильнаго естественнаго процесса, въ значительной степени опирающагося на географическое устройство нашей планеты? Что означаетъ туманная мечта объ интернаціонализмѣ? Это—уничтоженіе націонализма, являющагося неизбѣжнымъ продуктомъ историческаго процесса, это—полное игнорированіе естественныхъ географическихъ условій, которыя сначала служатъ для націонализма колыбелью и разсадникомъ, а затѣмъ являются его оплотомъ. Интернаціонализмъ вытекаетъ изъ той смутной, безотчетной идеи о человѣчествѣ, предаваться которой могутъ лишь мечтатели, не понимающіе естественныхъ условій человѣческой жизни и восторгающіеся тѣмъ, чего они не знаютъ и къ чему, слѣдовательно, не могутъ правильно относиться; чувство восторга и симпатіи здѣсь является однимъ лишь самообманомъ. Гдѣ же конецъ этимъ бреднямъ о человѣчествѣ? И кто повѣритъ, чтобы европеецъ могъ быть солидарнымъ съ совершенно чуждыми ему расами,—напр., съ китайскими кули или съ африканскими неграми? Или, быть можетъ, это фантазированіе о человѣчествѣ считается съ какими-нибудь опредѣленными границами? Не съ Европой ли? а то, пожалуй, и съ Америкой? Ну, разъ ужъ здѣсь имѣются въ виду извѣстные предѣлы, то лучше всего слѣдуетъ держаться въ естественныхъ границахъ исторически сложившихся націонализмовъ (Nationalismen) и предоставить историческому процессу и дальше свободно развиваться. Конечно, мы не оспариваемъ того, что дальнѣйшая территоріальная интеграція перешагнетъ черезъ теперешнія границы европейскихъ государствъ и что, хотя существующіе европейскіе націонализмы и будутъ сильно противодѣйствовать этимъ территоріальнымъ интегра-

ціямъ,—все-таки образуется какая-нибудь международная договорная форма (Vertragsform), связующая существованіе общихъ, какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ интересовъ съ наличностью особыхъ націонализмовъ. Но это не будетъ интернаціонализмъ въ смыслѣ идеальной фантазіи о человѣчествѣ; нѣтъ, здѣсь въ лучшемъ случаѣ придется имѣть дѣло съ союзомъ объединенныхъ европейскихъ государствъ, который, поддерживая входящіе въ его составъ націонализмы, будетъ этимъ самымъ защищать свои политическіе интересы отъ посягательства со стороны другихъ частей свѣта. Не ограничивающіяся этимъ мечтанія о будущемъ голословны, безсодержательны и совершенно лишены здраваго смысла, хотя бы ужъ въ виду того, что они переносятъ насъ въ прямо-таки невообразимую эпоху. Всякое здравое сужденіе должно вытекать изъ разумныхъ импульсовъ, должно преслѣдовать разумныя цѣли. Изощряться же въ фантазіяхъ относительно того, что будетъ черезъ тысячи лѣтъ?—нѣтъ, это не имѣетъ подъ собой ни малѣйшаго основанія. Итакъ, для здраваго политическаго сужденія существуетъ одно лишь руководящее начало: присматриваться къ простирающемуся передъ нашими глазами длинному историческому процессу, не сомнѣваясь, что онъ и въ будущемъ останется по существу тѣмъ же, какимъ былъ раньше. Поэтому, конечно, и въ дальнѣйшемъ такія территоріальныя интеграціи, образующіяся на почвѣ естественнаго географическаго единства, будутъ происходить либо путемъ борьбы, либо, — что ужъ менѣе вѣроятно, — путемъ международныхъ соглашеній; причемъ однако существующіе теперь націонализмы не такъ ужъ легко исчезнутъ; они вѣдь достигли столь высокой степени прочности. И вотъ, всякая предстоящая въ Европѣ территоріальная интеграція должна будетъ считаться съ силою этихъ прочно сложившихся націонализмовъ.

§ 78.

Территоріальная форма европейскихъ государствъ.

Взглянемъ теперь на европейскія государства, и намъ не трудно будетъ убѣдиться, что большинство изъ нихъ въ своемъ историческомъ развитіи уже пришло къ такимъ территоріальнымъ интеграціямъ, въ которыхъ образовались единыя національности,— при чемъ государства эти стремились къ подходящимъ естественнымъ

очертаніямъ и по большей части достигли этого. Такими въ общемъ взаимно совпадающими территоріальными и національными единицами являются: Италія, Испанія, Португалія, Франція, Швеція, Норвегія и Данія, а въ значительной степени также и Германія. Къ юго-востоку же отъ этихъ государствъ Европа еще во многихъ отношеніяхъ представляетъ изъ себя яркую картину неполнаго развитія. Недостаточная территоріальная интеграція, съ одной стороны, и несогласующіяся съ нею національности, съ другой, убѣждаютъ насъ въ томъ, что юго-восточная часть Европы должна еще служить ареной борьбы изъ-за болѣе подходящихъ государственныхъ формъ. Противно закону историческаго развитія, чтобы естественныя территоріальныя единицы оставались раздробленными между нѣсколькими государствами и чтобы до высокой степени развившіяся, внутренней силой обладающія національности влачили участь такого раздробленія и надолго были лишены своей органической связи.

Вотъ передъ нашими глазами раздробленіе Польши. Оно, какъ ни говорить, является дѣйствительно „зіяющей раной" Европы,—раной, которая не можетъ зажить по двумъ причинамъ: во-первыхъ, такъ какъ при этомъ ни одно изъ трехъ государствъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ, не пріобрѣло такихъ естественныхъ предѣловъ, которые могли бы дополнить его территоріальную интеграцію; и, во-вторыхъ,—въ виду того, что раньше еще развившаяся польская національность продолжаетъ жить въ прежней своей родной странѣ и ни въ какой изъ частей своихъ не можетъ слиться съ другой національностью.

А отсюда, изъ такого ненормальнаго положенія неизбѣжно возникаютъ два стремленія: одно со стороны государствъ, участниковъ раздѣла—продолжить свою территоріальную интеграцію и пріобрѣсть естественныя границы, а другое со стороны раздробленной національности—вернуть себѣ свое утраченное единство.

И, какъ бы искусно еще ни прикрывали обѣ эти тенденціи, какъ бы еще до поры до времени осуществленіе ихъ ни замедлялось яко бы дружественными отношеніями, со стороны ли отдѣльныхъ народныхъ частей къ ихъ правительствамъ, со стороны ли государствъ, участниковъ раздѣла, по отношенію другъ къ другу,—во всякомъ случаѣ тенденціи эти столь глубоко коренятся въ природѣ историческаго процесса, что раньше или позже онѣ должны будутъ достичь естественной развязки. Если бы на территоріи бывшей Польши существовали такія естественныя раздѣлительныя линіи (Zwischen-

linien), которыя могли бы служить крѣпкими территоріальными предѣлами, если бы вслѣдствіе этого державы, участвовавшія въ раздѣлѣ, могли добиться тутъ, каждая для себя, естественныхъ границъ, — тогда моральное единство польской національности мало-помалу, пожалуй, сдѣлалось бы жертвой этого могучаго физическаго явленія. Но здѣсь такихъ естественныхъ раздѣлительныхъ линій не имѣется. И вотъ, державы, участвовавшія въ раздѣлѣ, никакъ не могутъ образовать на мѣстѣ бывшей Польши такихъ территоріальныхъ отрѣзковъ, которые давали бы надежду на постепенное, но радикальное искорененіе связи, живущей въ этомъ нѣкогда единомъ, на крѣпкую національность опирающемся націонализмѣ.

Поэтому, несмотря на всѣ дружественныя отношенія между Россіей, Австріей и Пруссіей, данное противоестественное положеніе всегда будетъ служить источникомъ тревогъ и недовольства и при первомъ же полемическомъ поводѣ приведетъ къ рѣшительной развязкѣ. Тогда произойдетъ одно изъ двухъ: либо какое-нибудь изъ этихъ государствъ, если у него окажется соотвѣтственная сила, завоюетъ всю естественную территоріальную единицу бывшей Польши, пространство—отъ Карпатъ до Балтійскаго моря и отъ Одера до Нѣмана и въ предѣлахъ этихъ пополнитъ свою территоріальную интеграцію; либо, если ни одна изъ данныхъ державъ не окажется настолько сильной, тогда развязка будетъ совсѣмъ иная, тогда выйти изъ этого затруднительнаго положенія имъ придется ужъ путемъ возстановленія Польши въ видѣ „государства-буфера“ („Bufferstaat“). Слѣдовательно, прочный и окончательный раздѣлъ Польши никогда не возможенъ, такъ какъ здѣсь имѣется природное единство, т. е., на единой географической территоріи существуетъ общая національность. Вотъ почему область бывшей Польши представляетъ изъ себя три большихъ вооруженныхъ боевыхъ лагеря. И сколько соковъ народныхъ вытягиваютъ эти три огромныя арміи бывшаго „священнаго“ союза, всякую минуту готовыя броситься другъ на друга! Таково наказаніе за попытку нарушенія естественнаго закона.

Равнымъ образомъ и на Балканскомъ полуостровѣ предстоитъ еще не мало соотвѣтственныхъ государственныхъ переворотовъ, прежде чѣмъ сложившіеся здѣсь жизнеспособные націонализмы (Nationalismen) будутъ гармонировать съ естественными территоріальными единицами (а). Должно же, наконецъ, если не отчаиваться въ развитіи здраваго человѣческаго разума,—должно настать то время, когда политическія формы такой просвѣщенной части свѣта, какъ

Европа, не будутъ уже зависѣть отъ давно отжившихъ мелочныхъ кабинетныхъ и династическихъ интересовъ! Правда, и у народовъ есть свои мелочныя и тщеславныя причуды; но они, несомнѣнно, уступятъ лучшимъ намѣреніямъ и признáютъ истинный общій интересъ. И вотъ, наступитъ время, когда та часть Европы, гдѣ теперь еще обнаруживается такое несоотвѣтствіе государственнаго устройства съ естественными территоріальными условіями и съ существующими здѣсь національностями,—когда эта часть Европы такъ или иначе въ интересѣ всѣхъ государствъ европейскаго культурнаго круга подвергнется національно-политической организаціи.

а) Балканскій полуостровъ можетъ служить блестящимъ примѣромъ вліянія, оказываемаго устройствомъ поверхности на образованіе государствъ, а затѣмъ и національностей. Высокія горныя цѣпи, вдоль и поперекъ изрѣзывающія этотъ полуостровъ, съ перваго же взгляда могутъ убѣдить насъ, что едва ли здѣсь возможно образованіе единаго государства, какъ одного общаго націонализма, и что объ единой національности тутъ не можетъ быть и рѣчи. Не удивительно, что грекамъ не удалось оказать никакого гелленизирующаго вліянія на страны, расположенныя къ сѣверу отъ Эпира и Ѳессаліи до Дуная и Савы,—вѣдь у нихъ не хватало средствъ и силъ ввести эти страны въ составъ греческаго государства. Да и македонскимъ царямъ, Филиппу и Александру Великому, несмотря на центральное положеніе ихъ государства на Балканскомъ полуостровѣ, не удалось изъ этого комплекса географически разобщенныхъ территорій установить никакого такого единства, которое привело бы къ общему націонализму. Правда, римлянамъ какъ будто удалось это, но лишь въ очень незначительной степени и весьма поверхностно: римское оружіе не внесло въ эти горныя племена сколько-нибудь болѣе глубокихъ національныхъ преобразованій и романизація явилась лишь наружной. Обитатели этихъ странъ попрежнему остались въ своихъ неприступныхъ долинахъ, ущельяхъ и котловинахъ, чтобы послѣ паденія Византійской имперіи снова добиться прежней независимости. И вотъ, чтò не удавалось ни грекамъ, ни Александру Великому, ни римлянамъ, ни византійцамъ, этого еще менѣе могли достигнуть съ 1453 г. турки. Они создали одно варварское государство, но вовсе не націонализмъ (Nationalismus),—объ единой же національности тутъ нечего и говорить. Одна лишь грубая сила сдерживала вмѣстѣ многія племена Балканскаго полуострова; непримиренныя никакими общими интересами, несвязанныя національныя и племенныя противоположности не сходятся здѣсь до сихъ поръ, и вслѣдствіе такого варварскаго состоянія взаимная ненависть и рѣзня—обычныя тутъ явленія. Но вотъ, въ новѣйшее время Европа рѣшила положить этому конецъ. Мало-по-малу помогаетъ она отдѣльнымъ жизнеспособнымъ племенамъ вырваться изъ-подъ турецкаго владычества и образовать самостоятельныя государства. Насколько это позволяютъ или

требуютъ взаимные политическіе интересы европейскихъ государствъ, взявшихся за данное дѣло, европейская дипломатія, оказывая содѣйствіе подходящимъ подъ извѣстныя географическія условія государственнымъ формамъ, старается создать здѣсь возможность развитія жизнеспособныхъ націонализмовъ (Nationalismen) и предоставить свободу и равноправіе входящимъ въ ихъ составъ національностямъ. Такимъ образомъ возникли—Греція, Сербія, Румынія, Болгарія. Съ сѣверо-запада европейскую миссію взяла на себя Австрія, вводя государственный правопорядокъ въ Босніи и Герцеговинѣ съ ихъ главной сербо-кроатской національностью. И вотъ, для Европы, которая уже не можетъ терпѣть турецкаго варварскаго хозяйничанья, остаются еще неразрѣшенными вопросы: Македонскій и Албанскій. Трудность переустройства Балканскаго полуострова состоитъ именно въ томъ, что, благодаря множеству географическихъ провинцій, образуемыхъ высокими горными тѣснинами, здѣсь никакъ не можетъ быть созданъ единый, на весь полуостровъ распространяющійся націонализмъ (Nationalismus). Если же приноравливаться къ естественнымъ условіямъ и, согласно устройству поверхности, создавать тутъ множество государствъ, то въ каждомъ изъ нихъ окажется смѣсь такихъ племенъ, у всякаго изъ которыхъ есть свои національныя стремленія,—удовлетворить же эти послѣднія никакъ невозможно. И вотъ, вышеуказанная невозможность разграниченія государствъ по національностямъ наглядно выступаетъ на Балканскомъ полуостровѣ, такъ какъ здѣсь ни одна изъ этихъ многихъ естественныхъ географическихъ провинцій не является мононаціональной. Здѣсь возможно устройство такихъ лишь государствъ, всякое изъ которыхъ,—какъ Румынія, Сербія, Болгарія,—имѣя подходящіе географическіе предѣлы, составляло бы особый націонализмъ (Nationalismus), скрѣпляемый главной національностью, для другихъ же національностей тутъ должно быть предоставлено свободное развитіе и государственное равноправіе. Вотъ задача, которую Европа должна разрѣшить на Балканскомъ полуостровѣ, дабы создать тѣмъ наконецъ правильное, соотвѣтствующее европейской цивилизаціи положеніе.

Пройдетъ ли мирно эта реорганизація Балканскаго полуострова,—сказать трудно. Конечно, это было бы желательно, однако до сихъ поръ всякое изъ такихъ государственныхъ переустройствъ стоило потоковъ крови.

§ 79.

Національность и интернаціонализмъ.

Но, какъ именно произойдетъ данная реорганизація? — рѣшить этотъ вопросъ можетъ лишь будущее. Здѣсь же, обращаясь къ поли-

тико-національному развитію Европы, слѣдуетъ только представить научный взглядъ на ходъ этого развитія. Въ данной области дѣло стоитъ совершенно такъ же, какъ и во многихъ другихъ, напр., какъ въ области индивидуальнаго развитія человѣческихъ душевныхъ явленій или въ области наукъ и искусствъ. Сначала такое развитіе идетъ совершенно безсознательно (unbewusst), въ зависимости отъ слѣпо дѣйствующихъ силъ, неуклонно тяготѣющихъ къ удовлетворенію нѣкоторыхъ психическихъ потребностей. И лишь на позднѣйшей стадіи развитія вырабатывается сознаніе (Besinnung) даннаго процесса, а вслѣдствіе этого и сознательное содѣйствіе ему. Совершенно то же происходитъ и съ націонализмомъ (Nationalismus). Возникаетъ онъ безсознательно. Территоріальныя условія, соціальныя потребности, государственныя нормы, хозяйственные необходимые интересы,—все это, дѣйствуя на извѣстную совокупность людей и объединяя самые разнородные этническіе элементы, приводитъ къ возникновенію націонализма. Но когда народъ уже сознательно относится къ своему націонализму, съ этого момента начинается стремленіе поддерживать его и проявляется сознательное и преднамѣренное содѣйствіе ему, такъ какъ въ націонализмѣ теперь ужъ усматриваютъ „моральное благо" народа. За этой фазой развитія у народовъ, еще нѣсколько выше поднявшихся по лѣстницѣ культуры, слѣдуетъ превращеніе націонализма въ національность. Какую роль эта послѣдняя играетъ въ политической борьбѣ современныхъ европейскихъ народовъ, — это мы ужъ видѣли выше. Однако часто спорятъ о томъ, обладаетъ ли національность дѣйствительно культурнымъ значеніемъ въ развитіи человѣчества? Такое значеніе національности оспаривается, съ одной стороны, церковью, а съ другой— интернаціоналистическими теоріями, которыя, подобно церкви, противоставляютъ „узкой національной точкѣ зрѣнія" высшую идею „человѣчества".

Всѣ революціонныя теченія новаго времени, какъ соціализмъ, анархизмъ и нигилизмъ,—всѣ они стремятся быть „космополитическими" и „интернаціональными". И вотъ, во имя „человѣчества", „гуманности", „равенства всѣхъ передъ Богомъ" и тому подобныхъ отвлеченныхъ лозунговъ, во имя всего этого принципъ національности осуждается, какъ будто дробящій понапрасну человѣчество. Назовемъ всѣ эти теченія, по ихъ общему антинаціональному признаку, интернаціонализмомъ; и тутъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, что они далеки отъ реальныхъ отношеній и страдаютъ чрезмѣрнымъ, близкимъ

къ утопизму идеализмомъ. Въ человѣческомъ развитіи нельзя перескочить черезъ ступени націонализма и національности, имѣющія свое глубокое культурное основаніе. Національность, какъ пышный расцвѣтъ націонализма, является необходимымъ звеномъ въ цѣпи соціальнаго развитія человѣчества. Развитіе же это никогда въ исторіи не было общимъ (einheitliche), но всегда—одновременно-множественнымъ (gleichzeitig-vielheitliche), — таково положеніе этого процесса теперь, такимъ онъ, вѣроятно, останется и на будущія, необозримо-далекія времена.

Конечно, изъ исторіи мы знаемъ также, что безчисленныя національности исчезали и сливались въ бо̀льшія формы. Но это никогда не было продуктомъ человѣческаго произвола, сознательно на извѣстную цѣль направленныхъ государственныхъ мѣропріятій,—нѣтъ, это являлось результатомъ историческаго процесса, по большей части въ періодъ безсознательнаго развитія, когда представители такихъ національностей еще не относились къ нимъ сознательно и совершенно не признавали національность моральнымъ благомъ. Теперь же, какъ мы видѣли, положеніе дѣла измѣнилось. Гдѣ ужъ выступило это самосознаніе, гдѣ національность чувствуется, какъ извѣстное моральное благо,—тамъ никакое государство, никакое правительство не можетъ добиться для себя права — оставлять національный вопросъ и переходить къ другимъ, очереднымъ дѣламъ (Tagesordnung) [1]); вѣдь даже у самаго могуществснаго правительства не хватаетъ силы для того, чтобы заставить такую національность умолкнуть и исчезнуть. И всевозможныя, то здѣсь, то тамъ въ интересѣ государственнаго единства проявляющіяся тенденціи произвести исчезновеніе національности, всѣ эти денаціонализаціонныя попытки не только оказываются по большей части безуспѣшными, но и противорѣчатъ государственнымъ интересамъ. Въ самомъ дѣлѣ, онѣ лишь оказываютъ услугу интернаціонализму, который несомнѣнно является противогосударственнымъ принципомъ. Поэтому не случайность, но вполнѣ естественно, если государство, угнетающее входящія въ его составъ національности, становится родиной нигилизма.

---

[1]) Вспомнимъ отчаяніе австрійскаго правительства въ борьбѣ съ національными осложненіями въ парламентѣ. Переводч.

§ 80.

Національный вопросъ въ государствѣ.

Такъ какъ національность есть не что иное, какъ выраженіе высшаго обобществленія (Vergesellschaftung) людей, такъ какъ она является величайшимъ произведеніемъ государственнаго развитія,— то неправильно, если государство, представляющее изъ себя лишь средство для такого обобществленія, хочетъ оспаривать это единеніе у какой-нибудь изъ національныхъ составныхъ частей своего народа. На такое внутреннее противорѣчіе наталкивается всякая антинаціональная и денаціонализаціонная государственная политика. Если въ силу особо сложившихся историческихъ обстоятельствъ государство охватываетъ нѣсколько національностей, то вотъ чѣмъ должно оно ограничиваться въ своей внутренней политикѣ: путемъ укрѣпленія общности интересовъ у этихъ различныхъ національностей оно должно выработать общій націонализмъ (Nationalismus), не угнетая и не отрицая ни одной изъ нихъ. Денаціонализаціонная политика въ цивилизованную эпоху не можетъ пользоваться успѣхомъ. Правильная же политика въ просвѣщенныя времена такова: каждой національности обезпечить свободное ея развитіе; національный принципъ, какъ таковой, считать ненарушимымъ и довольствоваться однимъ общимъ націонализмомъ, охватывающимъ различныя національности. Если же государство не дѣлаетъ этого, если оно не останавливается ни передъ какими насильственными мѣрами и даже передъ кровопролитіемъ, лишь бы только уничтожить извѣстную національность, — въ такомъ случаѣ оно лишь выращиваетъ интернаціонализмъ (Internationalismus) и воспитываетъ тѣ теченія, которыя подмываютъ его же собственные устои.

Страхъ передъ соединеніемъ въ государствѣ различныхъ національностей совершенно неоснователенъ: вѣдь масса примѣровъ,—въ новое время Швейцарія,—доказываетъ, что множественность и разнообразіе національностей прекрасно уживаются съ существованіемъ единаго націонализма, какъ общей моральной опоры въ государствѣ.

Но противоестественно, если, путемъ территоріальнаго раздробленія національности, оказываютъ насиліе надъ ея существомъ (Wesen), надъ ея жизненнымъ принципомъ (Lebensprincip); противоестественно,

если ее рвутъ и растягиваютъ, словно на пыткѣ. Такое отношеніе неестественно и поэтому не можетъ долго продолжаться.

а) Отношеніе полинаціональнаго государства къ различнымъ, внутри его предѣловъ находящимся національностямъ наглядно выражается въ законодательствѣ относительно языковъ (Sprachengesetzgebung). Тутъ можно наблюдать три различныхъ системы. (I) Либо государство признаетъ въ общественной жизни одинъ лишь языкъ, всѣ же остальные игнорируетъ или угнетаетъ и даже прямо-таки запрещаетъ говорить на языкѣ угнетенной національности; (II) либо въ государствѣ устанавливается нѣкоторая градація употребляемыхъ народомъ языковъ, причемъ одинъ изъ нихъ провозглашается государственнымъ языкомъ (Staatssprache), за другими же признается право на второстепенную роль въ народной жизни. На этомъ, второмъ принципѣ покоится венгерскій 1868 года законъ о національностяхъ, по которому различнымъ языкамъ, въ венгерскихъ общинахъ (Gemeinden) и областяхъ (Comitaten) употребляемымъ, предоставляется извѣстное право функціонированія въ низшихъ присутственныхъ мѣстахъ,—въ высшихъ же государственныхъ установленіяхъ такое право признается исключительно лишь за мадьярскимъ языкомъ. (III) Наконецъ, третья система покоится на принципѣ полнаго равноправія, причемъ всѣ языки, употребляемые въ государствѣ различными племенами или внутри отдѣльныхъ областей, имѣютъ одинаковое право на функціонированіе въ общественной жизни, а поэтому ими на равномъ правѣ пользуются въ управленіи, судѣ и школѣ. Эта послѣдняя система въ новѣйшее время все больше и больше усваивается въ культурныхъ европейскихъ государствахъ (Швейцарія, Бельгія, Австрія). Однако, на практикѣ осуществленіе полнаго равноправія часто видоизмѣняется въ силу того обстоятельства, что употребительные въ государствѣ языки стоятъ на различныхъ культурныхъ ступеняхъ; поэтому выше развившійся языкъ обладаетъ естественнымъ преимуществомъ передъ менѣе развитыми; такъ, напр., происходитъ въ Бельгіи, гдѣ французскій языкъ находится въ преимущественномъ положеніи передъ фламандскимъ, или въ Австріи—нѣмецкій передъ нѣкоторыми славянскими языками. Разумѣется, этотъ бóльшій успѣхъ одного языка въ сравненіи съ другими является слѣдствіемъ прежняго гнета, ложившагося на соотвѣтственное населеніе, а это не можетъ служить основаніемъ для легальнаго предпочтенія болѣе развитого языка менѣе развившемуся. И вотъ, въ Швейцаріи фактическое (не только юридическое) проведеніе равноправія языковъ очень облегчается силою того обстоятельства, что употребляемые тамъ три языка: французскій, нѣмецкій и итальянскій—стоятъ на одинаковой ступени развитія, и образованные классы націи, а, слѣдовательно, и чиновники центральныхъ учрежденій свободно владѣютъ всѣми тремя. Но такъ какъ въ Швейцаріи границы кантоновъ по большей части совпадаютъ съ предѣлами языковъ (Sprachgrenzen), то здѣсь, при значительной децентрализаціи и федератив-

номъ устройствѣ, кантональному управленію приходится имѣть дѣло преимущественно съ однимъ лишь кантональнымъ языкомъ. Относительно трудностей, выступающихъ при фактическомъ осуществленіи равноправія языковъ въ Австріи (юридическое выражено въ конституціи 21 декабря 1867 г.), а также относительно средствъ къ преодолѣнію этихъ затрудненій—см. мое «Oesterreichisches Staatsrecht» S. 79 ff. [1]).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Общественныя формы.

§ 81.

Возникновеніе понятія объ „обществѣ“.

Понятія: племя, каста, сословіе, классъ, народъ и нація не исчерпываютъ еще всей сферы соціальныхъ явленій въ государствѣ, по крайней мѣрѣ распространяются не на всѣ ихъ стороны. Къ этимъ понятіямъ въ послѣднее время въ наукѣ присоединилось еще одно, до сихъ поръ недостаточно выясненное, — понятіе, сущность и содержаніе котораго мало еще изслѣдованы. Мы здѣсь имѣемъ въ виду „общество“. Вотъ, какъ возникло это новое понятіе:

Средневѣковое расчлененіе народа не выдержало натиска революціи и рушилось. Стремленія къ равенству съ конца 18-го столѣтія и въ 19-мъ произвели, по крайней мѣрѣ въ теоріи, полное уравненіе всѣхъ гражданъ государства. Всякія различія тутъ должны были исчезнуть, и государству приходилось разложиться на свои „совершенно равные“ между собою индивидуальные атомы. Хотя это ни-

---

[1]) Изъ литературы по этому вопросу выдаются слѣдующія сочиненія: Helfert, „Die sprachliche Gleichberechtigung“ 1861; Eötvös, „Die Nationalitätenfrage“, deutsch von Falk, 1865; Fischhof, „Die Sprachenrechte in den Staaten gemischter Nationalität“ 1885. Russ, „Der Sprachenstreit in Oesterreich“ 1884; Madeyski, „Die deutsche Staatssprache“ 1884; Skene, „Entstehen und Entwicklung der slavisch-nationalen Bewegung in Böhmen und Mähren“ 1893; Preux, „La question des langues en Autriche“ 1888; Popowski, „Narodowość-Rasa“ 1893; Celso Ferrari, „La Nazionalità e la vita sociale“ 1896.

веллирующее уравненіе и не опиралось на дѣйствительныя отношенія, тѣмъ не менѣе оно вполнѣ искренно было принято всей Руссо-Кантовской школой, какъ догма, и развито теоретически до мельчайшихъ подробностей. Но вотъ, мало-по-малу обратили вниманіе, что излюбленный лозунгъ — „равенство" — не является такимъ волшебнымъ словомъ, посредствомъ котораго можно было бы уничтожить всѣ тѣ соціальныя формы, которыя находятся между личностью и государствомъ, а часто и выходятъ за предѣлы отдѣльныхъ государствъ. Увидѣли, что все это не можетъ быть уничтожено однимъ словомъ— „равенство".

Отъ болѣе проницательнаго взгляда на реальныя явленія не могло ускользнуть то обстоятельство, что государствовѣдѣніе отъ средневѣковой крайности, отъ догматизированія сословности и цехового строя перешло къ другой,— къ культу принципа равенства. Обнаружилось, что съ одной стороны средневѣковое, закоченѣвшее въ сословіяхъ и цехахъ государство, заключивъ личность въ тѣсныя сословныя и цеховыя оковы, совершенно игнорировало личную свободу,—а съ другой стороны новая теорія равенства оставила между личностью и государствомъ пустое, ничѣмъ незаполненное пространство.

Когда же захотѣли заполнить этотъ пробѣлъ, не возвращаясь къ средневѣковому сословному и цеховому строю, то пришлось взяться за эту, правильно теперь подмѣченную, расположенную между личностью и государствомъ область и сдѣлать ее новымъ предметомъ научныхъ изысканій. И вотъ, предварительно принято было для даннаго предмета названіе „общество", и появившіяся затѣмъ изслѣдованія, какъ „ученіе объ обществѣ", были введены въ составъ государственной науки.

Итакъ, понятіе—„общество"—являлось сначала скорѣе доктриной, въ строгомъ смыслѣ этого слова, чѣмъ выведеннымъ изъ дѣйствительныхъ отношеній понятіемъ. Оно должно было образовать какъ бы мостъ между отдѣльной личностью и государствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ установить золотую середину между средневѣковымъ крайнимъ стремленіемъ къ классовой обособленности и новѣйшимъ порывомъ къ равенству и обобщенію всѣхъ.

Такимъ образомъ, слово это не обозначало ничего конкретнаго, опредѣленнаго, но выражало лишь научный постулатъ. Между личностью и государствомъ замѣтили пробѣлъ, почувствовалась научная потребность заполнить его нѣкоторымъ содержаніемъ или— вѣрнѣе сказать—почувствовали въ данномъ свободномъ пространствѣ

еще нераспознанное содержаніе; и вотъ, неизвѣстное это, съ чѣмъ прежде всего слѣдовало бы познакомиться, назвали „обществомъ“. Затѣмъ появился длинный рядъ изслѣдованій, имѣвшихъ своею цѣлью познать существо и свойства этого неизвѣстнаго, названіе которому дано было уже заранѣе. Имѣлось названіе, имѣлось неясное, туманное понятіе, и вотъ, затѣмъ уже принялись за изслѣдованіе даннаго предмета въ дѣйствительности. (а)

а) Однимъ изъ первыхъ, противоставлявшихъ государству «общество», какъ истинный объектъ «соціальной науки», былъ Сенъ-Симонъ (1760—1825, его литературная, а вмѣстѣ съ тѣмъ и агитаторская дѣятельность сосредоточивается въ первой четверти XIX столѣтія). Разочарованный въ успѣхѣ великой революціи, онъ стремится для «спасенія человѣчества» найти средній путь между принципами—стараго режима (ancien régime), съ одной, и революціи, съ другой стороны, первый изъ которыхъ былъ въ союзѣ съ церковью, а другой совершенно отрицалъ ее. Сенъ-Симонъ является первымъ соціалистомъ, а также хочетъ быть первымъ соціологомъ. У него мы находимъ всѣ лозунги современнаго соціализма; и Огюстъ Контъ, съ такимъ воодушевленіемъ создавшій свою «систему положительной философіи», гдѣ впервые отводится мѣсто для «соціологіи», въ этомъ своемъ научномъ стремленіи несомнѣнно обязанъ именно идеямъ Сенъ-Симона.

Сенъ-Симонъ, какъ и всѣ подобные ему спасители человѣчества, совершенно не обращая вниманія на государство, грезитъ о «реорганизаціи европейскаго общества» («Reorganisation de la Société européenne» 1814) и въ послѣднемъ своемъ произведеніи—«Opinions litteraires, philosophiques et industrielles» (1825) онъ трактуетъ о главныхъ задачахъ «человѣческаго общества» (См. Каровэ—Carové—«Der Saint-Simonismus» 1831, S. 111). Въ ученіи Сенъ-Симона, примыкающаго въ данномъ отношеніи къ длинному ряду всякихъ реформаторовъ, основателей религій, сектантовъ и друзей человѣчества, заложенъ корень для всѣхъ существовавшихъ послѣ того соціалистическихъ и коммунистическихъ методовъ сразу спасти и осчастливить все человѣчество. При этомъ особенно во Франціи все говорилось лишь объ «обществѣ» («Société») и «человѣческомъ обществѣ» («Société humaine»); а отсюда столь привившееся въ Германіи выраженіе—теперешній буржуазный (bürgerlich) и будущій «соціалистическій» «общественный строй» («Gesellschaftsordnung»). И вотъ, теперь вездѣ выдвигается туманное понятіе объ «обществѣ». Конечно, удобно было пользоваться такимъ неяснымъ терминомъ, при которомъ не нужно было представлять себѣ ничего опредѣленнаго. Въ Германіи въ этомъ смыслѣ особенно поусердствовалъ Гегель, нуждавшійся въ «обществѣ» для своихъ діалектическихъ построеній между семьей и государствомъ,—для того, какъ правильно замѣчаетъ Блунчли, чтобы «составить

тріаду» (См. работу Блунчли—Ueber die neuen Begründungen der Gesellschaft in der Kritischen Ueberchau 1856, 229 ff). Во всякомъ случаѣ «общество», какъ извѣстная доктрина, введено въ Германіи Гегелемъ.

§ 82.

Какъ выяснялось понятіе объ „обществѣ"?

Прежде всего возникла простѣйшая точка зрѣнія на „общество",—его понимали, какъ совокупность существующихъ въ государствѣ личностей. Такъ началось исправленіе одной изъ допущенныхъ теоріей ошибокъ. А именно,—теорія разложила государство на отдѣльныхъ индивидовъ, разбила его на безчисленное множество ничѣмъ не связанныхъ между собою атомовъ, которымъ она противопоставила государство, какъ одну лишь чисто-юридическую форму; но вотъ появилась только-что упомянутая идея „общества", а вмѣстѣ съ нею снова отчасти раскрылось прежнее полное содержаніе государства. Составленный изъ различныхъ частей народъ, совсѣмъ почти затерявшійся во время господства школы естественнаго права и раціонализма, теперь вновь былъ найденъ уже подъ именемъ „общества".

Когда же этотъ, долгое время забытый народъ опять появился уже подъ новымъ названіемъ „общества" и когда поближе разсмотрѣли его,—то открыли въ немъ много совершенно новыхъ, удивительныхъ чертъ, раньше не обращавшихъ на себя никакого вниманія и словно вновь возникшихъ. Радость была необычайная. Да, теперь ужъ не приходилось краснѣть, что такое вниманіе оказывается поспѣшно отвергнутой и сданной въ архивъ доктринѣ,—вѣдь „общество" было дѣйствительно нѣчто иное, чѣмъ старый „народъ".

Если прежній, изъ нѣсколькихъ сословій состоящій народъ скрѣплялся государствомъ и въ отношеніи къ этому послѣднему являлся чѣмъ-то единымъ-цѣлымъ,—то въ „обществѣ" теперь могли открыть гораздо бо́льшее число сферъ, весьма лишь свободно связанныхъ съ государствомъ и никакъ не допускавшихъ, чтобы оно своимъ властвованіемъ сливало ихъ.

Съ удивленіемъ открыли, что существуютъ совершенно незави-

симые отъ государства интересы, вокругъ которыхъ группируются и кристаллизуются эти общественныя сферы; замѣтили, что данныя группы интересовъ принимаютъ по отношенію къ государству импонирующее, часто даже угрожающее положеніе. Все это давало сильный толчекъ къ старательному изученію этихъ общественныхъ сферъ и было достаточно ясно, что изслѣдованія эти, какъ „ученіе объ обществѣ", должны занять особое мѣсто въ системѣ государственной науки.

§ 83.

Общество и народъ.

Уяснимъ же себѣ разницу между этими двумя понятіями— „народомъ" и „обществомъ". Подъ „народомъ" мы понимаемъ совокупность соціальныхъ составныхъ частей государства въ ихъ отношеніи къ этому послѣднему, и только въ такомъ отношеніи народъ представляетъ изъ себя нѣчто цѣлое. Подъ „обществомъ" же мы разумѣемъ тѣ же самые соціальные элементы, но уже безъ отношенія къ государству и какъ тяготѣющіе единственно лишь къ соотвѣтственнымъ центрамъ интересовъ, вокругъ которыхъ элементы эти группируются въ особыя сферы.

И вотъ, такъ какъ эти центры интересовъ не имѣютъ собственно ничего общаго съ государствомъ, какъ таковымъ, такъ какъ природа ихъ ни въ коемъ случаѣ не государственная, но соціальная,—то отсюда слѣдуетъ, что и образовавшіяся вокругъ этихъ центровъ сферы не должны совпадать съ государственными (а слѣдовательно, и народными) сферами и группами, но могутъ имѣть свои особыя очертанія. Общественныя сферы тѣмъ отличаются отъ народныхъ (Volkskreise), что эти послѣднія возникаютъ вмѣстѣ съ государствомъ, управляются имъ и группируются концентрически вокругъ его интереса; ничего подобнаго не приходится наблюдать въ общественныхъ сферахъ. Эти послѣднія имѣютъ свой первоисточникъ, совершенно отличный и независимый отъ государства, не допускаютъ его господства надъ собой и ни въ коемъ случаѣ не отожествляютъ своего интереса съ государственнымъ.

И въ то время, какъ народныя сферы являются, такъ сказать, аликвотными частями всего содержанія государства,—общественныя

не находятся ни въ какихъ опредѣленныхъ къ нему отношеніяхъ. Къ составленію народныхъ сферъ главный толчекъ дало само государство, и онѣ существуютъ для государства. Общественныя же, наоборотъ, возникли безъ всякаго содѣйствія со стороны государства, существуютъ не для него, но ради своихъ собственныхъ цѣлей, которыя часто идутъ въ разрѣзъ съ государственными.

§ 84.

Понятіе объ обществѣ и наука.

Наука очень поздно обратила вниманіе на существованіе этихъ общественныхъ сферъ. Въ этомъ она сама виновата, такъ какъ начало „общества" и его сферъ коренится еще въ глубокой древности. Однако было одно обстоятельство, которое въ теченіе многихъ вѣковъ отклоняло взоръ науки отъ существованія общества: это былъ богатый расчлененіями „народъ", который оттѣснилъ общество на заднiй планъ и совершенно закрылъ его. И всякій разъ, когда наука готова была изслѣдовать соціальное содержаніе государства, тогда навстрѣчу ей всегда выступалъ народъ со своимъ обильнымъ расчлененіемъ. Сначала вниманіе государствовѣдовъ привлекали формы—семьи, общинъ (Gemeinde) и классовъ; затѣмъ тутъ выступили сословія, корпораціи, цехи, сельскія общины (Landgemeinden), города, провинціальныя сословія (Provincialstände) и т. под.,—все это доставляло матеріалъ для государственноправовыхъ изслѣдованій. И вотъ, вышло такъ, что за бросавшимся въ глаза „народомъ" и „народными кругами" совершенно не замѣчали „общества" и общественныхъ группировокъ.

Была, правда, и такая одна общественная сфера, которая еще въ раннiе среднiе вѣка привлекала къ себѣ вниманіе государствовѣдовъ и политиковъ, выступая слишкомъ ужъ величественно для того, чтобы ее можно было подвести подъ народные круги. Слишкомъ ужъ упорно и властно выступала она противъ государства, и не замѣтить ее было невозможно. Этой общественной сферой являлась церковь. Однако далеки были отъ того, чтобы признавать въ церкви обыкновенный общественный характеръ,—нѣтъ, въ ней видѣли совершенно особенную индивидуальность и въ такомъ видѣ ее противоставляли государству. Говорили о „государствѣ и церкви", какъ о

двухъ равноправныхъ формахъ, какъ о „двухъ мечахъ", поставленныхъ Богомъ для управленія міромъ. Государство представляли себѣ, какъ политическую форму, церковь же, какъ „религіозную"; а о болѣе глубокомъ общественномъ принципѣ въ церкви не имѣли ровно никакого понятія.

И лишь когда школа естественнаго права и раціонализма, сбросивъ различныя формы народныхъ сферъ, образовала между личностью и государствомъ свободное пространство,—тогда ужъ исчезла стѣна, закрывавшая собою видъ на „общественную" сторону народа и человѣчества. И вотъ теперь, когда, какъ мы уже упомянули, почувствовалась научная потребность заполнить этотъ пробѣлъ между личностью и государствомъ, не возвращаясь къ отвергнутому средневѣковому народному строю,—теперь, разумѣется, наука воспользовалась свободной перспективой на общественную сторону народа и пустила здѣсь въ ходъ свои наблюдательные аппараты. Соціализмъ и коммунизмъ также заставили обратить особенное вниманіе на „общество" и сильнымъ напоромъ ученій этихъ былъ пролитъ яркій свѣтъ на существенную сторону общественныхъ явленій.

§ 85.

Ученіе Моля объ обществѣ.

Въ своемъ познаніи природы общества Робертъ Моль имѣетъ неоспоримую среди государствовѣдовъ заслугу; рядомъ съ нимъ можно поставить еще развѣ лишь Штейна и Гнейста. Другіе современные Молю и позднѣйшіе политическіе писатели не только дальше не развили ученія объ обществѣ, но даже совершенно ложно его себѣ представляли,—какъ, напр., Блунчли и Аренсъ.

Если мы желаемъ уяснить себѣ природу общества, то должны обязательно познакомиться съ ученіемъ Моля. По его мнѣнію, „общественныя жизненныя сферы (Lebenskreise), развивающіяся—каждая подъ вліяніемъ своего опредѣленнаго интереса, являются единственными естественными товариществами (Genossenschaften), причемъ не требуется, чтобы они были формально установлены; общественное состояніе есть слѣдствіе вліянія этого могучаго интереса—сначала на участниковъ даннаго общенія, а потомъ косвенно и на постороннихъ; и вотъ въ концѣ концовъ общество становится

совокупностью всѣхъ общественныхъ формъ, дѣйствительно существующихъ на извѣстномъ пространствѣ, напр. въ государствѣ, въ части свѣта". („Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften", B. I, S. 101).

Кромѣ этихъ, вѣрныхъ въ общемъ, объясненій общества, его сферъ и состояній Моль насчитываетъ шесть признаковъ, присущихъ общественнымъ сферамъ и состояніямъ. Признаки эти слѣдующіе: во-первыхъ, это—причины постояннаго свойства (dauernder Art), лежащія въ основѣ такихъ состояній; во-вторыхъ,—причины бо̀льшаго значенія (grösserer Bedeutung); въ-третьихъ, необходимымъ условіемъ является общее распространеніе (allgemeine Verbreitung); въ-четвертыхъ, общественныя отношенія всегда допускаютъ одновременное участіе своихъ сочленовъ и въ другихъ подобныхъ обществахъ; въ-пятыхъ, очертаніе общественныхъ состояній, общественныя сферы не совпадаютъ съ политическими разграниченіями; и наконецъ въ-шестыхъ, эти естественныя товарищества (Genossenschaften) ни въ коемъ случаѣ не нуждаются въ формальной организаціи.

Данные признаки, равно какъ и вышеприведенное опредѣленіе общества, правильны въ общемъ, и этимъ Моль поставилъ ученіе объ обществѣ на такую высоту, какой не достигли ни современные ему, ни новѣйшіе писатели,—не говоря уже о томъ, что ни одинъ изъ нихъ не пошелъ дальше Моля. Вѣдь ученіе это существенно не подвинулось впередъ отъ того, что писалось объ обществѣ экономистами—Штейномъ и Шеффле, такъ какъ писатели эти понимали общество преимущественно въ экономическомъ смыслѣ, слѣдовательно, они говорятъ главнымъ образомъ о „хозяйственныхъ" общественныхъ сферахъ. Но хозяйственныя общественныя сферы являются въ лучшемъ случаѣ лишь частью Молевскаго понятія объ обществѣ, а поэтому не исчерпываютъ его. Такъ, напр., среди общественныхъ круговъ, по ученію экономистовъ, совсѣмъ нѣтъ мѣста для „церкви", которая однако же является одной изъ самыхъ выдающихся общественныхъ формъ.

Другіе же ученые, какъ, напр., Блунчли и Аренсъ, не имѣютъ никакого представленія объ истинномъ понятіи „общества", которое низводится ими до понятія „корпораціи" („Verein"). Слово „общество" они употребляютъ въ самомъ тривіальномъ смыслѣ и называютъ такъ всякую „корпорацію" людей, объединенныхъ какимъ-нибудь исключительно финансовымъ интересомъ (напр. „акціонерная компанія").

Но отъ подобнаго „общества“ до Молевскаго и,—скажемъ вмѣстѣ съ тѣмъ,—до истиннаго соціологическаго понятія объ „обществѣ“ еще очень далеко.

§ 86.

Разборъ Молевскаго ученія объ обществѣ.

Вотъ въ какомъ положеніи находится до сихъ поръ наука, и для разсмотрѣнія „общества“ остается лишь одна исходная точка, а именно ученіе Моля. Оно въ общемъ, какъ мы уже сказали, правильно. По одному лишь пункту ученіе это неудовлетворительно, а именно по тому, который касается историческаго развитія, гдѣ въ ученіи Моля столько пробѣловъ. Моль такъ вѣрно, какъ только возможно, опредѣлилъ намъ общество, мѣтко, какъ никто другой, представилъ признаки общественнаго состоянія и сферъ; одного лишь не находимъ въ его ученіи,—а именно отвѣта на вопросъ относительно историческаго происхожденія общества. Моль говоритъ о томъ, что такое общество и какъ оно существуетъ,—и въ этихъ двухъ пунктахъ онъ насъ вполнѣ удовлетворяетъ. Но онъ забылъ сказать, откуда происходитъ общество или, что одно и то же, какъ оно создалось?

Выше (§ 81) мы уже дѣлали нѣкоторые намеки по этому, обойденному Молемъ пункту. Постараемся же поотчетливѣе выяснить данный вопросъ.

§ 87.

Существо общества.

Всякое общеніе между людьми, всякое обобществленіе ихъ покоится на объединяющемъ началѣ, охватывающемъ множество людей и сдерживающемъ ихъ вмѣстѣ. Естественныхъ такихъ объединяющихъ началъ можно вообразить себѣ всего лишь три: во-первыхъ — связь по кровному родству, во-вторыхъ — по совмѣстному существованію и въ третьихъ—по общему интересу. Четвертаго же подобнаго объединяющаго начала никакъ нельзя себѣ представить.

И вотъ, тремъ этимъ моментамъ, обладающимъ способностью объединять и обобществлять людей, точно соотвѣтствуютъ три великія фазы въ исторіи человѣческаго развитія; а именно, — во-первыхъ—фаза догосударственной племенной жизни (Stammesleben), во-вторыхъ—фаза государственной народной жизни (Völkerleben) и въ-третьихъ—фаза жизни общественной (Gesellschaftsleben), выходящей за предѣлы отдѣльныхъ государствъ. Первая изъ этихъ фазъ относится къ догосударственному періоду; вторая распространяется на всю извѣстную намъ государственную исторію человѣчества; третья же фаза принадлежитъ преимущественно къ неизвѣстному еще будущему. Началомъ этой послѣдней фазы мы должны признать христіанство; и распри между церковью и государствомъ представляютъ изъ себя не что иное, какъ извѣстное проявленіе этой борьбы двухъ могучихъ историческихъ принциповъ,—принципа народной жизни съ принципомъ жизни общественной. Какой исходъ въ свое время будетъ имѣть эта потрясающая государства борьба?—теперь этого никакъ еще нельзя предвидѣть. Одно лишь ясно уже въ настоящее время, а именно, что мы живемъ въ ту эпоху, когда связь въ силу извѣстнаго интереса и, слѣдовательно, общественный принципъ начинаетъ играть значительную роль въ государственной жизни и все рѣшительнѣе и сильнѣе выступаетъ впередъ противъ локальной связи, вытекающей изъ совмѣстнаго существованія.

Явленіе это не можетъ быть для государства безразличнымъ. Оно угрожаетъ государству опасной и тяжелой борьбой, къ чему это послѣднее должно быть готово. И дѣйствительно, между тѣмъ какъ принципъ кровнаго родства охотно вошелъ въ государственныя рамки, и принципъ народной жизни, покоящійся на локальной связи совмѣстнаго существованія, является весьма консервативнымъ и поддерживающимъ государства,—принципъ общественной жизни или, скажемъ вѣрнѣе, соціальный принципъ, хотя и объединяетъ народы (völkereinigendes Princip), однако враждебенъ государствамъ и разслабляетъ ихъ.

Вѣдь соціальный принципъ стремится къ образу высшаго порядка, чѣмъ государство, при чемъ однако о высшей формѣ этой не существуетъ яснаго представленія. Онъ стремится къ болѣе общимъ соединеніямъ, чѣмъ государства, почему и становится для этихъ послѣднихъ опаснымъ принципомъ. Удастся ли когда-нибудь достигнуть такихъ широкихъ, общенародныхъ, „общечеловѣческихъ“ формъ?—этого теперешнее ученіе о государствѣ никакъ еще не можетъ рѣшить.

§ 88.

Обобществляющіе интересы.

Перейдемъ теперь къ ближайшему анализу обобществляющихъ интересовъ, чтобы этимъ путемъ прійти также къ разсмотрѣнію существующихъ и создающихся общественныхъ сферъ. Самыми многочисленными и самыми могучими являются, конечно, экономическіе интересы; къ нимъ уже примыкаютъ моральные.

Изъ этихъ послѣднихъ первымъ и древнѣйшимъ является общая вѣра въ высшія, неземныя силы; современное образованіе, порождающее среди образованныхъ людей общее міровоззрѣніе, принадлежитъ къ этой же категоріи; а напр. затруднительное положеніе рабочаго класса относится къ экономическимъ явленіямъ.

Интересы эти въ теченіе всей исторіи человѣчества приводили и приводятъ къ образованію могучихъ общественныхъ формъ, которыя импонирующе выступаютъ противъ государства, предъявляютъ къ нему требованія, придавая этимъ послѣднимъ надлежащую силу,— такъ что государство должно съ ними считаться. Вѣра породила церковь, которая въ теченіе столькихъ столѣтій ведетъ съ государствомъ упорную борьбу; современное образованіе создало просвѣщенный среднiй классъ (см. ниже § 120), играющій столь важную роль въ современномъ культурномъ государствѣ и призванный, быть можетъ, еще къ болѣе важной; наконецъ, общее затруднительное положеніе низшихъ рабочихъ классовъ породило соціализмъ, выступающій съ требованіями къ современному культурному государству, съ требованіями, умѣлое и осмотрительное обращеніе съ которыми составляетъ величайшую задачу современной политики [1]).

Если теперь на этомъ, установленномъ нами понятіи общества и общественныхъ формъ испытаемъ правильность Молевскихъ „признаковъ“, то, считая ихъ „въ общемъ“ вѣрными, „въ частности“ мы найдемъ въ нихъ нѣкоторые недостатки.

---

¹) Болѣе подробно тема эта разсмотрѣна въ моихъ „Основахъ соціологіи“ („Grundriss der Sociologie“ S. 141 ff.). Затѣмъ ученіе объ обществѣ талантливо и оригинально разработано Ратценгоферомъ въ его знаменитомъ произведеніи—„Wesen nnd Zweck der Politik“ (1893) B. II, 251.

Прежде всего, что касается того „интереса", который служитъ центромъ, собирающимъ вокругъ себя общественную сферу, — то правильно, конечно, замѣчаніе Моля, что здѣсь дѣйствуютъ: 1) постоянное начало, 2) бо̀льшее значеніе и 3) общее распространеніе; но эти три признака не вполнѣ еще исчерпываютъ существо даннаго интереса, который часто бываетъ высшимъ, чисто идеальнымъ, какъ, напр., фанатическая вѣра въ „истиннаго" Бога, подъ вліяніемъ которой сотни и тысячи людей съ радостью избираютъ себѣ мученическую кончину и даже стремятся къ ней; современное образованіе и прогрессъ также насчитываютъ многочисленныхъ мучениковъ; но, пожалуй, экономическіе интересы являются могущественнѣйшими; они лишь весьма часто покрыты блескомъ моральныхъ интересовъ.

§ 89.

Участіе во многихъ общественныхъ кругахъ.

Затѣмъ, что касается до того заявленія Моля, что „общественное отношеніе для находящихся въ немъ лицъ совмѣстимо съ одновременнымъ участіемъ въ другихъ общественныхъ кругахъ", —то оно правильно лишь въ весьма ограниченномъ объемѣ. Вѣдь принадлежность къ какому-нибудь общественному кругу является по большей части не актомъ свободнаго выбора, но навязывается человѣку уже рожденіемъ и воспитаніемъ. Такъ, человѣкъ рождается членомъ извѣстнаго церковнаго общенія; по воспитанію доходитъ до уровня образованнаго средняго сословія; рабочимъ или поденщикомъ онъ бо̀льшею частью бываетъ также по рожденію. Но во всякой общественной сферѣ между принадлежащими къ ней лицами нужно различать два типа людей: такихъ, которые лишь внѣшнимъ образомъ подчиняются соотвѣтствующему общественному состоянію, не сливаясь съ принципомъ его, и, слѣдовательно, такъ сказать, являются пассивными участниками; и такихъ, которые сливаются съ принципомъ своего общественнаго круга, рискуютъ изъ-за этого принципа своимъ имуществомъ и кровью и для торжества его готовы пожертвовать своею жизнью,—однимъ словомъ, представляютъ изъ себя активныхъ участниковъ. Отсюда возможно, что одна и та же личность принадлежитъ пассивно къ двумъ общественнымъ кругамъ, напр. къ церковному общенію и къ рабочему классу; но едва ли мыслимо, чтобы

человѣкъ былъ активнымъ членомъ двухъ общественныхъ круговъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя бы между этими общественными сферами и существовали переходы изъ одной въ другую, хотя бы онѣ во многихъ мѣстахъ и соприкасались отчасти, однако же все-таки принципы ихъ находятся между собою въ трудно примиримомъ противорѣчіи, такъ что исключаютъ другъ друга. Такъ, напр., интересы просвѣщеннаго средняго класса далеко не вполнѣ совмѣстимы съ требованіями отдѣльныхъ церковныхъ обществъ, а также требованія „четвертаго сословія“ не согласуются съ интересами „буржуазіи“.

Слѣдовательно, Молевское положеніе о возможности одновременнаго участія одной и той же личности во многихъ общественныхъ кругахъ правильно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда здѣсь имѣется въ виду только пассивное участіе, либо когда слову—„общество“—придаютъ тривіальный смыслъ (какъ это дѣлаютъ Блунчли и Аренсъ), признавая „общественными кругами“ всякія акціонерныя кампаніи, художественныя товарищества, ученыя общества или даже общества покровительства животнымъ и городского благоустройства.

§ 90.

Ученіе Штейна объ обществѣ.

Совершенно самостоятельно и независимо отъ Молевскаго понятія объ обществѣ стоитъ ученіе Лоренца Штейна, требующее особаго разсмотрѣнія, такъ какъ оно играло въ наукѣ гораздо болѣе значительную роль и достигло бо̀льшаго успѣха, чѣмъ ученіе Моля.

Штейнъ прежде всего экономистъ. Государство и соціальное его содержаніе онъ разсматриваетъ преимущественно съ экономической точки зрѣнія. Одно отношеніе у Штейна на первомъ планѣ всякаго разсужденія: отношеніе людей и соціальныхъ группъ къ матеріальнымъ благамъ, а создается оно „заработкомъ“ или наживой. Всѣ же прочія человѣческія отношенія (напр., отношеніе властвованія) отступаютъ у Штейна на задній планъ или являются лишь слѣдствіемъ этого, самаго важнаго. Экономическое отношеніе доминируетъ; всѣ же другія находятся въ зависимости отъ него.

Отсюда уже само собою вытекаетъ Штейновское понятіе объ обществѣ, которое онъ впервые формолируетъ въ знаменитомъ своемъ произведеніи — „Socialismus und Communismus in Frankreich“

(Leipzig 1848). Понятіе это у Штейна, вполнѣ согласно со всѣмъ его воззрѣніемъ, опирается на „добытое“ или нажитое благо, а слѣдовательно на собственность, которую онъ опредѣляетъ, какъ „долю личности въ общемъ благѣ“. Доля эта „обусловливаетъ положеніе и значеніе личности въ организаціи человѣческаго общенія“. Этимъ всякому индивиду „назначается тотъ путь, который онъ долженъ пройти въ человѣческомъ общеніи; общеніе это, его организація и единство получаютъ весьма прочную форму, которую отдѣльная личность съ трудомъ измѣняетъ, вся же масса никогда не нарушаетъ. И вотъ эта-то, обусловленная распредѣленіемъ человѣческихъ жизненныхъ благъ и задачъ, охраняемая правомъ, постоянно поддерживаемая собственностью и семьей организація общенія людей и есть человѣческое общество“. Оно представляетъ изъ себя „такую форму единенія людей, которая одна лишь годна и поэтому предназначена для того, чтобы добывать для всего человѣчества какъ можно больше благъ и распредѣлять ихъ между отдѣльными личностями“.

Въ позднѣйшемъ своемъ произведеніи —„System der Staatswissenschaft“, а именно во второй его части — „Gesellschaftswissenschaft“ (1856)—Штейнъ дальше развилъ и разработалъ это понятіе объ „обществѣ“.

§ 91.

Критика выставленнаго Штейномъ понятія объ обществѣ.

Велика заслуга Штейна въ томъ, что онъ указалъ на значеніе „общества“ для государства и исторіи, въ томъ, что онъ бросилъ яркій свѣтъ на отношеніе общества къ государству и на ту непрерывную борьбу, которую они ведутъ между собою. „...... даже недальновидный человѣкъ признаетъ“, говоритъ Штейнъ въ своемъ „Socialismus und Communismus in Frankreich“ (S. 71), „что старый принципъ, провозгласившій главенство государства надъ обществомъ, начинаетъ мало-по-малу превращаться въ обратный, по которому общество хочетъ господствовать надъ государствомъ“. Поставивъ въ этомъ произведеніи (S. 57) для государства задачей— „охранять свободное развитіе личности отъ абсолютнаго закона общественной организаціи“, Штейнъ въ другомъ своемъ трудѣ

(„System der Staatswissenschaft“) указываетъ на то, что „общество“ никакъ не можетъ существовать безъ государства; вѣдь природа общества такова, что оно само себя разрушаетъ и уничтожаетъ. А именно, общество есть единеніе (Einheit) индивидовъ; а между индивидомъ и единеніемъ этимъ неизбѣжно должна развиваться противоположность интересовъ; такимъ образомъ всякій индивидуальный интересъ становится въ оппозиціонное по отношенію къ данному единству положеніе,—и единеніе это должно приходить въ разстройство. „Такимъ образомъ выходитъ, что принципъ общества—индивидуальная жизнь и высшее ея развитіе—всегда разрушительно дѣйствуетъ на ея же условіе: на общность, приводящую къ поднятію отдѣльныхъ личностей“ (Gesellschaftslehre, S. 29). Здѣсь-то и выступаетъ государство, какъ спаситель „общества“. Вѣдь государство представляетъ изъ себя такой „организмъ, который, какъ въ безконечномъ разнообразіи индивидуальныхъ интересовъ, такъ и въ противоположныхъ имъ, развившихся въ самостоятельныя сферы особыхъ классовыхъ интересахъ ставитъ себѣ задачей и высшей нравственной цѣлью то̀, что̀ равно полезно для всѣхъ“ (S. 30).

Однако, какъ ни высока заслуга Штейна въ ученіи объ обществѣ, не слѣдуетъ все-таки забывать, что составленное имъ здѣсь понятіе односторонне.

Изъ весьма различныхъ „общественныхъ формъ“ Штейнъ выхватываетъ одну лишь, а именно—трудящееся и наживающееся общество, которое представляется „противоположностью матеріальныхъ интересовъ“.

Это понятіе объ обществѣ гораздо у̀же Молевскаго и едва составляетъ лишь небольшую его часть. Въ то время какъ Моль выдвигаетъ общій принципъ, опредѣляющій и совершившееся уже и еще только возможное вступленіе въ жизнь самыхъ разнообразныхъ общественныхъ формъ,—Штейнъ въ своемъ понятіи объ обществѣ схватываетъ лишь экономическую жизнь людей и отношенія, здѣсь создающіяся. Но этимъ еще ни въ коемъ случаѣ не исчерпывается истинное понятіе объ обществѣ. (a).

a) Разсужденіями объ обществѣ, объ его отношеніи къ государству и о борьбѣ между ними Штейнъ наполняетъ цѣлые томы, производившіе въ свое время сильное впечатлѣніе, теперь же утратившіе прежнюю обаятельность. По свойству гегелевскаго способа выраженія, усердно воспроизводимаго Штейномъ,—о ясности мысли

у него не можетъ быть и рѣчи. Вотъ, напр., онъ опредѣляетъ общество, какъ «обусловленную распредѣленіемъ человѣческихъ жизненныхъ благъ и задачъ, охраняемую правомъ и постоянно поддерживаемую собственностью и семьей организацію человѣческаго общенія». Итакъ, по опредѣленію этому, общество является «организаціей» («Ordnung»); слѣдовательно, Штейнъ превращаетъ въ абстрактъ такое коллективное понятіе (Collectivbegriff), относительно котораго съ полнымъ правомъ слѣдовало бы ожидать, что оно соотвѣтствуетъ извѣстному конкрету; и вотъ, эта абстрактная «организація» должна выяснять намъ конкретное понятіе «общества».

И у Аренса, въ его «объясненіи» общества нельзя выбраться изъ чада и тумана псевдофилософскихъ фразъ. Общество у него является «общей совокупностью всѣхъ для главной цѣли жизни человѣческой дѣйствующихъ жизненныхъ сферъ (Lebenssphären), общимъ организмомъ (Gesammtorganismus) всѣхъ органически устроенныхъ жизненныхъ круговъ (Lebenskreise)» [Iurist. Encyclopädie . 107]. Наконецъ, Блунчли, рѣзко критикующій объясненія Аренса, увѣряетъ насъ, что «французское ученіе о государствѣ, склонное къ отожествленію понятій націи и общества, привело такимъ образомъ къ тому, что наука о государствѣ запуталась отъ этого смѣшенія различныхъ понятій и что это повліяло губительно и на государственную практику (?)». Напротивъ же «нѣмецкое ученіе о государствѣ строже и тщательнѣе различаетъ такія несходныя между собою понятія». И вотъ, согласно съ этимъ «строгимъ и тщательнымъ различіемъ», Блунчли заявляетъ намъ, что «общество является случайнымъ соединеніемъ многихъ отдѣльныхъ людей», «неорганизованнымъ множествомъ индивидовъ», что общество «не имѣетъ никакой коллективной личности (какъ народъ), но состоитъ лишь изъ массы приватныхъ лицъ (Privatpersonnen)» [Allg. Staatsrecht, 6 Aufl., I. 128]. Положительно невѣроятно, сколько туманныхъ ученій объ «обществѣ» сообщалось съ профессорской кафедры и сколько тратилось труда для умопомраченія «будущихъ гражданъ государства».

§ 92.

Дальнѣйшая разработка понятія объ обществѣ.

У большинства новѣйшихъ государствовѣдовъ мы находимъ лишь дальнѣйшее развитіе Штейновскаго понятія объ обществѣ; такъ, напр., Гнейстъ категорически заявляетъ, что „общество основывается на экономической природѣ человѣка" (Rechtsstaat, S. 9). А Молевское понятіе объ обществѣ воспроизводитъ Гольтцен-

дорфъ въ своихъ „Principien der Politik", не развивая его далѣе (а).

Главная причина неясности этого понятія заключается въ томъ, что подъ нимъ хотятъ разумѣть множество разнородныхъ группъ, противъ чего однако протестуетъ самое выраженіе „общество" и связываемый обыкновенно съ нимъ смыслъ. Если подъ обществомъ мы привыкли понимать множество индивидовъ, добровольно обобществляющихся въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ,—то можно ли тѣмъ же самымъ выраженіемъ обозначать совокупность многихъ соціальныхъ или экономическихъ классовъ, слоевъ и круговъ, находящихся между собою въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи? Однако Молевская и Штейновская теоріи требуютъ отъ насъ этого. Относительно нихъ поэтому правильно замѣчаніе Гольтцендорфа, что „общество можетъ обозначать лишь грамматическое (sprachliche) соединеніе различныхъ формъ сознанія (Bewusstseinsformen), но не единство разнороднаго" („Principien der Politik" S. 269). Какъ къ Штейновскому, такъ и къ Молевскому обществу вполнѣ подходитъ представленный Гольтцендорфомъ примѣръ огромной публичной библіотеки, гдѣ отдѣльныя книги—индивиды, сочиненія—„общественныя формы", вся же библіотека въ своемъ цѣломъ представляетъ собою „общество". Между „обществомъ у Штейна и у Моля разница лишь въ томъ, что Штейнъ имѣетъ въ виду только сферы, занятыя добываніемъ себѣ матеріальныхъ благъ (или уже нажившіяся и поэтому имущія), въ то время какъ Молевское общество охватываетъ „всѣ фактически существующія на извѣстномъ пространствѣ общественныя формы", слѣдовательно, не исключительно тѣ, которыя группируются вокругъ матеріальнаго, экономическаго интереса.

а) Теніесъ (Tönnies—«Gemeinschaft und Gesellschaft» 1887) пытается установить разницу между понятіями «единенія» («Gemeinschaft») и «общества» («Gesellschaft»), которыя онъ выставляетъ, какъ двѣ важнѣйшія фазы въ развитіи человѣчества; первое должно относиться къ коренному, естественному сожительству людей; второе же, произойдя механическимъ путемъ, является уже больше искусственнымъ продуктомъ цивилизаціи. Отдѣльными формами «единенія» должны быть: домъ, деревня, племя, народъ, городъ, гильдія и т. д. Какъ общество, онъ выставляетъ большой городъ (Grossstadt), а самыми характерными общественными явленіями—договоръ, торговлю, деньги, кредитъ и т. д. При этомъ принципъ и первооснову всѣхъ этихъ соціальныхъ явленій онъ хочетъ найти путемъ абстрактной спекуляціи въ отвлеченномъ моментѣ, а именно—въ волѣ, которая ему представляется въ двоякомъ видѣ

или, собственно говоря, въ двухъ фазахъ развитія: какъ «естественная воля» («Wesenwille») и какъ «произволъ» («Willkür»). Первая лежитъ въ основѣ «единенія», второй—«общества»; всѣ соціальныя явленія вытекаютъ изъ этой воли, частью изъ «естественной воли», частью изъ «произвола».

У Клеппеля (Klöppel—«Staat und Gesellschaft» 1887) общество является болѣе широкимъ понятіемъ, единеніе же (Gemeinschaft)—болѣе узкимъ. «Всякій видъ человѣческаго единенія принадлежитъ къ тѣмъ отношеніямъ, которыя заключаются въ понятіи общества» (S. 6). У него характерной чертой общества является то обстоятельство, что оно состоитъ изъ неодинаковыхъ составныхъ частей. «Итакъ, дѣйствительное, естественное общество не есть сплетеніе отношеній между равными и свободными личностями, но наоборотъ—оно является совокупностью отношеній силы и зависимости между людьми» (S. 9).

§ 93.

„Общественный организмъ“.

Апогея неясности достигла доктрина съ выставленіемъ общества, какъ „общественнаго организма“ (Gesellschaftskörper“) [1]), относительно котораго сдѣлалось моднымъ заявлять, что онъ „боленъ“ и нуждается въ „леченіи“, вслѣдствіе чего затѣмъ рекомендуются различныя средства леченія. Но, вотъ, на этихъ-то именно вошедшихъ въ употребленіе выраженіяхъ и легче всего доказать ничтожество понятія „общества“, какъ коррелята „народа“ или даже „человѣчества“, и показать, что за этимъ, употребляемымъ въ такомъ значеніи словомъ скрывается невозможное для здраваго разума представленіе.

Начнемъ свое доказательство съ разсмотрѣнія субъекта, о „болѣзни“ котораго говорятъ. Итакъ, спросимъ: Кто боленъ? „Соціальный организмъ“, „общество“? Да кто же это? Не все ли человѣчество? Но этого, конечно, никто не думаетъ—и въ силу очень простой причины.

Когда жалуются на болѣзнь „общества“, то причину ея припи-

---

[1]) Шеффле въ своемъ „Bau und Leben des socialen Körpers“.. (1875) говоритъ то о „соціальномъ“, то объ „общественномъ организмѣ“ („Gesellschaftskörper“) и принимается излагать его „анатомію, физіологію и психологію“.

сываютъ извѣстному состоянію и отношеніямъ, окружающимъ сѣтующихъ, — слѣдовательно, при этомъ имѣютъ въ виду опредѣленную часть человѣчества, извѣстную страну, близкую для сердца жалующагося, или культурный міръ, къ которому онъ принадлежитъ, — значитъ, Европу или Америку, или же ту и другую вмѣстѣ. Вѣдь тотъ, кто жалуется на „наше больное общественное состояніе“, навѣрно не имѣетъ въ виду ни Китая, съ которымъ у него нѣтъ ничего общаго, ни центральной Африки, о которой онъ такъ мало знаетъ. Отсюда вытекаетъ, что подъ „обществомъ“, о болѣзни котораго говорится, не понимаютъ всего человѣчества.

Кромѣ того, если для опредѣленія болѣзни безусловно необходимо предварительное знакомство со здоровымъ состояніемъ, тогда увѣреніе въ яко бы существующей болѣзни „общества“ нельзя относить ко всему человѣчеству уже по той причинѣ, что мы не знакомы съ этимъ субъектомъ упоминаемаго заболѣванія. Сколько уже живетъ человѣчество? Каковы его размѣры или насколько оно многочисленно? Какъ развивалось все это человѣчество въ прошедшіе десятки тысячъ лѣтъ? Кто же знаетъ это? Кто можетъ дать на это обоснованный отвѣтъ? Итакъ, что же это за здоровье и болѣзнь человѣчества?

Слѣдовательно, въ силу ужъ этого полнѣйшаго нашего незнакомства съ цѣлымъ человѣчествомъ, о болѣзни его не можетъ быть и рѣчи. Это слѣдуетъ еще изъ другого, естественно-научнаго основанія. Не нужно ли быть лишеннымъ всякаго естественнаго здраваго разсужденія, чтобы полагать, что все человѣчество, слѣдовательно, столь значительная часть изъ земной жизни можетъ какъ-нибудь остановиться въ естественномъ своемъ развитіи? Развѣ не посмѣялись бы надъ тѣмъ, кто въ одинъ прекрасный день вздумалъ бы поразить насъ такимъ сообщеніемъ: „наша планетная система сошла со своего пути, и правильнаго ея движенія нѣтъ уже болѣе!“? Разумѣется, въ прежнія столѣтія подобное заявленіе при такихъ явленіяхъ, какъ напр. землетрясенія или солнечныя затмѣнія, могло вызывать къ себѣ довѣріе; теперь же мы уже знаемъ, что ни солнечныя затмѣнія, ни землетрясенія не означаютъ еще никакого уклоненія въ правильномъ движеніи планетной системы или нашей земли, что всѣ эти явленія вовсе не „болѣзни“. А такимъ же образомъ не признаемъ мы и той причудливой идеи, будто бы ц ѣ л о е человѣчество можетъ какъ-нибудь покинуть свой естественный путь развитія. И вотъ, слѣдовательно, о „болѣзни“ всего человѣчества не можетъ быть и рѣчи.

Въ такомъ случаѣ, быть можетъ, больна ч а с т ь этого человѣ-

чества? Но какая же именно? Не народъ ли, среди котораго мы живемъ? или народы одинаковой съ нимъ культуры? одинаковой религіи? одинаковой расы? одинаковаго экономическаго или соціальнаго положенія?

Но и относительно этого еще не далъ себѣ отчета никто изъ тѣхъ, которые говорятъ и пишутъ объ „обществѣ“. Въ самомъ дѣлѣ, лишь только приступаютъ къ ограниченію даннаго понятія, сейчасъ же обнаруживается, что дѣло это вовсе не такъ просто. Прежде всего уже было бы весьма трудно, а, можетъ быть, и невозможно доказать существованіе такихъ признаковъ, которые бы обособляли извѣстную часть человѣчества отъ прочихъ. Если бы, напр., подъ „обществомъ“ вздумали понимать только часть человѣчества, объединенную расовыми особенностями, — то какъ же достигли бы отграниченія этой части? Вѣдь затрудненія начались бы уже при самомъ понятіи расы и были бы неустранимы.

Если бы выраженіе о больномъ „обществѣ“ вздумали отнести къ отдѣльнымъ, географически изолированнымъ частямъ человѣчества, то здѣсь сейчасъ же наткнулись бы на особенныя противорѣчія. А именно,—отнести такое заявленіе къ Европѣ—это значило бы признать болѣе здоровой ту, напр., некультурную часть свѣта, гдѣ сохранились работорговля и каннибализмъ; тогда пришлось бы, пожалуй, восточную Азію, или хотя бы даже Америку и Австралію съ ихъ систематическимъ истребленіемъ туземнаго населенія объявить здоровыми или болѣе здоровыми, чѣмъ Европа. Вѣдь, если все человѣчество не можетъ быть больнымъ, Европа же считается больной, въ такомъ случаѣ Африка, Азія, Америка и Австралія должны оставаться здоровыми. Но станетъ ли кто-нибудь утверждать это? Итакъ, и это невозможно,—и ко всей Европѣ также нельзя относить даннаго выраженія. Тогда, быть можетъ, —къ отдѣльнымъ европейскимъ государствамъ? Но здѣсь выборъ будетъ труденъ, такъ какъ сѣтованія на наше „больное общество“ распространены довольно равномѣрно по всѣмъ европейскимъ государствамъ. Не жалуется ли французъ на то, что Германія больна? Это было бы для него такъ естественно! Не жалуются ли нѣмцы на Францію? Не будь у нихъ къ этому никакого повода, они могли бы сдѣлать сбереженіе на своемъ военномъ бюджетѣ! Не угнетаетъ ли австрійцевъ и венгровъ недомоганье Россіи? Злорадствовать не слѣдуетъ, но все-таки и особенной скорби по этому поводу они не станутъ испытывать. Россія же, конечно, считаетъ себя здоровой, а всю остальную Европу смертельно-больной

или даже совсѣмъ уже разлагающейся, и это высказывается настолько откровенно, что дѣло доходитъ до ликованія. Но какъ разъ наперекоръ Россіи въ остальной Европѣ не хотятъ признавать себя въ „періодѣ разложенія".

Изъ всего этого вытекаетъ лишь одно, а именно, что фраза о нашемъ „больномъ обществѣ", по крайней мѣрѣ во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами отношеніяхъ — ко всему человѣчеству, къ Европѣ, къ отдѣльнымъ европейскимъ государствамъ, — совершенно безсодержательна. И вотъ, ясно, что, употребляя выраженія „общество" и „общественный организмъ", — не имѣютъ при этомъ въ виду ничего строго опредѣленнаго, законченнаго, т. е. не представляютъ себѣ объ этомъ отчетливаго понятія.

Теперь это, указанное здѣсь обстоятельство можетъ, конечно, возбудить нѣкоторыя сомнѣнія въ существованіи „болѣзни", на которую такъ жалуются. Вѣдь надо полагать, что, гдѣ не имѣется никакого паціента, тамъ вовсе нѣтъ и „болѣзни" (а).

а) На идею объ этомъ «организмѣ общества» («Organismus der Gesellschaft»), способномъ даже къ «заболѣваніямъ», сильное вліяніе оказали такія произведенія, какъ «Gedanken über die Socialwissenschaft der Zukunft» (1873—1881) ф.-Лиліенфельда. Лиліенфельдъ безпрестанно подчеркиваетъ, что онъ не символизируетъ, но разсматриваетъ «человѣческое общество, какъ реальный организмъ». «Человѣческое общество, подобно естественнымъ организмамъ (Naturorganismen), является реальнымъ существомъ», разсуждаетъ онъ, и «соціальный организмъ слѣдуетъ разсматривать, какъ реально существующій» (Vorwort). «Слѣдуетъ убѣдиться (I. 27), что та или иная общественная группа, то или иное государство являются дѣйствительными, живыми организмами, подобно всѣмъ прочимъ организмамъ въ природѣ, и развиваются въ пространствѣ и во времени не идеально лишь, но реально, и поддаются наблюденію». «Законы развитія общества и естественныхъ организмовъ (Naturorganisation) одни и тѣ же» (I. 254). И «общественный организмъ является высшимъ и наиболѣе развитымъ среди существующихъ организацій» (I. 51). Человѣкъ въ этомъ «соціальномъ организмѣ» не символически лишь, но реально представляетъ изъ себя «клѣтку» («eine Zelle»).

Преисполненный такими воззрѣніями, Лиліенфельдъ въ своемъ пятитомномъ произведеніи развиваетъ «соціальную эмбріологію, психофизику и физіологію», причемъ описанію болѣзней этого организма отводитъ главы о «психофизической» (III. с. 12) и «физіологической соціальной патологіи» (IV. с. 7). Свою «патологію общества» онъ потомъ подробно изложилъ въ «Revue internationale de Sociologie» (1894—1895). «Соціальная патологія (la patologie

*

sociale) предметомъ своимъ можетъ имѣть лишь соціальныя болѣзни (les maladies sociales) въ точномъ смыслѣ этого слова»; и вотъ, онъ трактуетъ объ этихъ болѣзняхъ съ указаніемъ на ихъ причины, проявленія и исходъ,—вполнѣ аналогично тому, какъ патологи теперь разсматриваютъ заболѣванія организмовъ.

Совершенно независимо отъ Лиліенфельда и не будучи знакомъ съ вышедшимъ въ 1873 году первымъ томомъ его сочиненія, Шеффле выпустилъ въ 1875 г. первый томъ своего обширнаго произведенія—«Bau und Leben des socialen Körpers; encyclopädischer Entwurf einer realen Anatomie, Physiologie und Psychologie der menschlichen Gesellschaft, insbesondere mit Rücksicht auf die Volkswirthschaft als socialen Stoffwechsel» («Строеніе и жизнь соціальнаго организма; энциклопедическій проектъ реальной анатоміи, физіологіи и психологіи человѣческаго общества, преимущественно относительно народнаго хозяйства, какъ соціальнаго обмѣна веществъ»). Тутъ въ предисловіи Шеффле заявляетъ, что онъ «обратилъ вниманіе на особенный психическій механизмъ соціальнаго организма» и что «безъ пониманія этого психическаго чувство-возбудительнаго и координаціоннаго аппарата (Sinnes-Erregungs- und Coordinationsapparat) общественнаго организма невозможно было бы систематическое расчлененіе устройства соціальной жизни». Шеффле заявляетъ, что нужно держаться «реальныхъ біологическихъ аналогій, приводимыхъ въ ученіи о соціальномъ организмѣ Контомъ, Литтре, Спенсеромъ и Лиліенфельдомъ», такъ какъ подобныя «реальныя» аналогіи «могутъ и должны вообще существовать»; впрочемъ, онъ опредѣляетъ «соціальный организмъ», какъ «дальнѣйшую сферу объединенія личныхъ элементовъ, какъ общеніе общеній (Gemeinschaft von Gemeinschaften), простѣйшимъ элементомъ котораго является семья». (I. 53).

Замѣчательно это совпаденіе столь, правда, сходныхъ между собою системъ Лиліенфельда и Шеффле, выразившееся въ одной общей идеѣ о «реальной аналогіи» между животнымъ и «соціальнымъ организмомъ». Но это легко можно объяснить предварительнымъ вліяніемъ нѣмецкой государственно-научной литературы (органическое ученіе о государствѣ 1840—1870 гг.), которая въ обоихъ во всякомъ случаѣ весьма остроумныхъ ученыхъ будила и разжигала однѣ и тѣ же идеи. Впрочемъ, въ этой соціологической области нагрѣшилъ также извѣстный и столь заслуженный бельгійскій статистикъ Кетле. Въ своей книгѣ «Du système sociale et des lois qui le régissent» (1848) онъ пишетъ: «Общественная система, какъ и всякій физическій организмъ, подчинена силамъ двухъ родовъ, а именно—силѣ притяженія и силѣ отталкивающей». Развивая далѣе эти аналогіи между обществомъ и физическими организмами, онъ съ увлеченіемъ заканчиваетъ главу заявленіемъ, что и «медицинскія науки даютъ не менѣе интересныя параллели, если ихъ поискать,—и вотъ, легко можно было бы найти, что общественный организмъ такъ же, какъ и человѣческое

тѣло, имѣетъ свои болѣзни» [1]). Шеффле и Лиліенфельдъ, какъ видно, оба одновременно послѣдовали этому увлеченію Кетле. Въ свою же очередь они и сами, благодаря остроумной обработкѣ предмета, оказали необыкновенное вліяніе, а именно на романскихъ соціологовъ. Въ Италіи, Испаніи и Франціи очень многіе писатели стали примѣнять въ области соціологіи этотъ методъ «реальныхъ аналогій». Какъ на одного изъ новѣйшихъ, не устоявшаго противъ соблазна даннаго метода, укажемъ здѣсь на Рене Вормса (René Worms), заслуженнаго основателя и издателя «Revue international de Sociologie», который въ своей книгѣ «Organisme et Société» (1896) опять же, конечно, въ увлекательной формѣ выкладываетъ передъ нами теоріи Шеффле и Лиліенфельда. Тутъ мы еще разъ читаемъ, что «типъ «общества» болѣе сложенъ, чѣмъ типъ «организма», главныя же черты «организма» находятся въ «обществѣ». Анатомія, физіологія, патологія обществъ воспроизводятъ въ большомъ видѣ,—съ присоединеніями и значительными варіаціями, но на одну и ту же основную тему (?),—анатомію, физіологію и патологію организмовъ». Конечно, книга Вормса читается съ весьма большимъ удовольствіемъ, «какъ романъ», но тѣмъ не менѣе правъ Габріель Тардъ, когда онъ, давая объ этой книгѣ свой отзывъ въ «Revue philosophique» (изд. Рибо), выражаетъ мнѣніе, что она—настоящій мистицизмъ.

§ 94.

Что̀ понимать подъ соціальной „болѣзнью“?

Разъ уже кто усомнился въ реальности „болѣзни общества“, то имъ скоро овладѣваютъ и дальнѣйшія разсужденія, все больше и больше обосновывающія это сомнѣніе. Что̀ же вообще разумѣемъ мы подъ словомъ „болѣзнь“? Пріостановку естественной функціи организма, пріостановку естественнаго его развитія, насильственное подавленіе его вторженіемъ посторонняго тѣла или организма.

Но вотъ, отрѣшимся мысленно отъ того, что необходимымъ условіемъ всякой болѣзни является организмъ; допустимъ, что выраженіе это въ переносномъ смыслѣ имѣетъ значеніе также и по отношенію къ „обществу“. Что̀ же тогда слѣдовало бы намъ понимать подъ „болѣзнью“ общества? Пріостановку естественнаго развитія послѣдняго? Да, но, чтобы установить это, нужно прежде столковаться по вопросу о томъ,—въ чемъ же состоитъ „естественное развитіе“ об-

---

[1]) Цитировано по нѣмецкому переводу Карла Адлера «Zur Naturgeschichte der Gesellschaft» 1856, S. 280 und 283.

щества? Если оно состоитъ именно въ ростѣ населенія, то, вопреки всякимъ жалобамъ на „болѣзни“, общество отлично преуспѣваетъ. Мы размножаемся вполнѣ нормально. Или „болѣзнь“ должна состоять въ пріостановкѣ „культурныхъ функцій“? Но въ такомъ случаѣ мы несомнѣнно болѣе здоровы, чѣмъ это было когда-либо; вѣдь въ нашемъ вѣкѣ прогрессъ во всѣхъ областяхъ умственной дѣятельности ежедневно обнаруживается гораздо сильнѣе, чѣмъ это было когда-нибудь въ прошлыхъ столѣтіяхъ.

Или, быть можетъ, какое-либо постороннее тѣло, какой-нибудь паразитъ задерживаетъ развитіе и функціи нашего „общества“? Но мы не знаемъ такого посторонняго тѣла, которое затрудняло бы насъ теперь, не проявляясь въ прежнихъ столѣтіяхъ. Конечно, съ извѣстной стороны сейчасъ же готовы утверждать, что тотъ или иной соціальный классъ „выжимаетъ соки“ изъ другихъ; но развѣ не проявлялось это испоконъ-вѣка? Развѣ въ Римѣ и Греціи, или въ Египтѣ, Ассиріи и Вавилонѣ „богачи“ не „выжимали соковъ“ изъ бѣдныхъ совершенно такъ же или собственно даже еще гораздо болѣе, чѣмъ это происходитъ въ настоящее время? Но въ такомъ случаѣ, либо „общество“ испоконъ-вѣка было „больнымъ“, либо, разъ это постоянно наблюдалось на протяженіи тысячъ лѣтъ человѣческаго развитія, вслѣдствіе этого данное явленіе принадлежитъ, очевидно, къ „естественному“ развитію,—а тогда о „болѣзни современнаго общества“ не можетъ быть и рѣчи.

И дѣйствительно, если вдуматься въ это, то легко придти къ мысли, что жалобы на болѣзнь общества вытекаютъ, пожалуй, лишь изъ субъективнаго чувства неудовлетворенности жалующихся, которые свое собственное неблагополучіе переносятъ на окружающій ихъ міръ и въ „болѣзни“ этого послѣдняго ищутъ причину своего недовольства.

Мы говоримъ—„пожалуй“,—чтобы не высказывать поспѣшнаго сужденія. Вѣдь въ концѣ концовъ выраженіе—„больное общество“—можетъ имѣть извѣстное право на существованіе въ иномъ смыслѣ и въ другихъ отношеніяхъ, чѣмъ мы его до сихъ поръ разсматривали.

Разумѣется, нечего и говорить о пониманіи этого выраженія въ смыслѣ физической болѣзни, въ смыслѣ свирѣпствованія въ странѣ эпидеміи, вѣдь въ такомъ смыслѣ выраженіе это, конечно, не употребляется. Въ этомъ случаѣ прямо говорятъ: въ той или другой странѣ господствуетъ холера или тифъ и т. под. Значитъ, данное

выраженіе можно понимать лишь въ смыслѣ моральной или экономической ненормальности, — особенно же въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, въ какомъ чаще всего и раздается эта жалоба [1]).

Если мы хотимъ изслѣдовать правильность даннаго выраженія въ этомъ послѣднемъ его смыслѣ, то должны прежде всего совершенно отбросить неясное понятіе „общество“ и замѣнить его болѣе отчетливымъ,—„государствомъ“ или „народомъ“, принимая во вниманіе, что, если кто-нибудь жалуется на „больное общество“, то подразумѣваетъ здѣсь лишь свое государство или свой народъ,—два понятія, совпадающія между собой, поскольку при этомъ имѣется въ виду организованный въ государствѣ народъ.

Можно ли относительно государства или народа въ какой-нибудь моментъ ихъ существованія утверждать, что они больны? Разумѣется! но въ томъ лишь случаѣ, когда, благодаря насильственному вмѣшательству постороннихъ или разнузданности своихъ собственныхъ внутреннихъ силъ, естественныя функціи и развитіе государства прерываются, задерживаются или ослабѣваютъ. Бываетъ это лишь въ моменты насильственныхъ революцій и непріятельскихъ вторженій или порабощеній.

Мы могли бы говорить о болѣзни того государства и народа, гдѣ междуусобная война уничтожаетъ всякій правовой порядокъ, гдѣ непріятельскія войска опустошаютъ страну и врагъ попираетъ существовавшій до тѣхъ поръ въ государствѣ законный авторитетъ. Однако объ этихъ-то именно моментахъ и не думаютъ, когда жалуются на „больное общество“. Вѣдь въ подходящихъ случаяхъ говорятъ просто о революціи, войнѣ и вторженіи; жалобы же на „больное общество“ относятся всегда къ мирному состоянію, которое и объявляютъ „нездоровымъ“.

---

[1]) См. Carl Jentsch: «Weder Communismus noch Capitalismus» (1893) Vorwort. S. XI, гдѣ выставляется приглашеніе къ борьбѣ съ соціальной «болѣзнью». Молодой Social-Doctor Carl v. Manteuffel «многочисленныя серьезныя болѣзненныя явленія» нашего времени хочетъ лечить при помощи устройства «соціалъ-аристократическаго государства». («Social aristokratische Ideen» 1896).

§ 95.

Жалобы на соціальныя болѣзни.

Въ чемъ же заключается это „нездоровье", на которое всюду раздаются жалобы, не смотря на то, что нѣтъ ни революціи, ни войны, ни вторженія? Быть можетъ намъ удастся разрѣшить эту загадку, когда мы поближе приглядимся къ жалующимся.

Вотъ тутъ-то скоро мы замѣчаемъ, что принадлежащіе къ разнообразнѣйшимъ классамъ и профессіямъ жалуются на такое положеніе вещей, которое для нихъ неудобно, а создаетъ благопріятныя условія для стремленій другихъ классовъ и сословій и удовлетворяетъ эти послѣднія.

Такъ, напр., феодальные государи жалуются на „либерализмъ, какъ на болѣзнь" („Krankheit des Liberalismus"), ведущую „насъ" къ гибели; мастера-ремесленники—на свободу промышленности; лавочники и купцы—на разносчиковъ; промышленники—на соціализмъ и на стачки рабочихъ. Даже биржевые спекулянты жалуются теперь на „нездоровое состояніе", потому что безъ контроля и налога имъ нельзя ужъ совершать никакихъ операцій. И вотъ, всякій изъ нихъ жалуется на „нездоровое состояніе", —на „болѣзнь общества".

Что же изъ всего разсмотрѣннаго слѣдуетъ? Жалобы на „больное состояніе" являются во всѣхъ случаяхъ лишь выраженіемъ субъективнаго недовольства отдѣльныхъ сословій и профессій,—недовольства, которое вызывается побѣдоноснымъ успѣхомъ противника въ экономической и политической борьбѣ. И вотъ, такъ какъ соціальная борьба является жизненнымъ элементомъ всякаго народа, такъ какъ государства безъ классовой борьбы никогда не было и не будетъ и такъ какъ участвующіе во всякой борьбѣ всегда должны состоять изъ побѣдителей и побѣжденныхъ, наступающихъ и отступающихъ, — то отсюда ясно, что во всякомъ государствѣ не только существуютъ всегда такіе элементы, которымъ приходится ощущать извѣстный гнетъ, но даже, несомнѣнно, нѣтъ въ государствѣ такихъ элементовъ, не исключая и монарха, которые бы не испытывали гдѣ-нибудь въ сферѣ своей силы какого-либо давленія. Такъ какъ подобныя давленія вызываютъ чувство недовольства, а всякое такое чувство прорывается въ жалобѣ на „болѣзнь общества",—то понятны повсемѣстность и постоянство этихъ жалобъ.

Такимъ образомъ мы знаемъ, какъ смотрѣть на подобныя жалобы. Онѣ не только вовсе не соотвѣтствуютъ объективному положенію вещей, но, завися отъ извѣстнаго состоянія жалующихся, часто являются даже очевиднымъ доказательствомъ полнаго здоровья общества, т. е. доказательствомъ того, что государство правильно функціонируетъ и соціальное развитіе вполнѣ нормально. Вотъ, напр., жалобы аграріевъ на то, что сельское хозяйство не вознаграждается, такъ какъ крестьянинъ не хочетъ работать, требуя слишкомъ высокой заработной платы, — являются доказательствомъ того, что государство, какъ прогрессирующій правопорядокъ, хорошо функціонируетъ и соціальное развитіе идетъ по своему естественному пути. Жалобы промышленниковъ, что рабочіе требуютъ все большей и большей платы и добиваются все меньшаго числа рабочихъ часовъ,— служитъ доказательствомъ того, что рабочій классъ чувствуетъ себя сильнымъ и отстаиваетъ свои права и т. д и т. д.

§ 96.

Соціальные медики.

Если же понятіе болѣзни общества безосновательно, то вмѣстѣ съ нимъ исчезаетъ и идея леченія, идея соціальнаго врачеванія. Общество прежде всего не нуждается въ леченіи, навязываемомъ ему всевозможными соціальными медиками (sociale Heilkünstler); профессія эта является совершенно излишней. Если въ государствѣ всякое сословіе и всякій классъ испытываютъ нѣкоторое давленіе,—это служитъ доказательствомъ, что соціальный механизмъ вполнѣ правильно функціонируетъ. Вѣдь это свидѣтельствуетъ о томъ, что повсюду продолжается борьба за поддержаніе самыхъ противоположныхъ интересовъ и точекъ зрѣнія; а пока борьба эта разыгрывается въ предѣлахъ законности, въ предѣлахъ даннаго правопорядка, пока правопорядокъ этотъ не повреждается и не нарушается безнаказанно, до тѣхъ поръ насъ не должны сбивать съ толку никакія жалобы на „больное состояніе“, на „болѣзнь общества“, до тѣхъ поръ мы прекрасно можемъ обойтись безъ услугъ навязчивыхъ соціальныхъ лекарей.

Желающіе „лечить“ общество должны прежде доказать намъ, что оно больно. Указывая же лишь на жалобы отдѣльныхъ элементовъ

государства, этимъ они еще не даютъ намъ доказательства болѣзни. Жалобы будутъ вѣчно раздаваться—такъ же, какъ въ самыхъ здоровыхъ обществахъ постоянно будетъ происходить борьба. Вотъ естественное-то развитіе общества и не можетъ совершаться безъ подобной борьбы; и она ни въ коемъ случаѣ не является болѣзненнымъ симптомомъ, но, наоборотъ,—наилучшей аттестаціей здороваго состоянія государства и народа.

„Но къ чему же мы говоримъ все это? Оно должно служить намъ утѣшеніемъ, а звучитъ, какъ самый недобрый пессимизмъ!“

Указаніе наше имѣетъ свои твердыя основанія. Ничего вѣдь не можетъ быть хуже въ государствѣ, какъ воображеніе болѣзни (Krankheitswahn), какъ мнѣніе, что государство въ данномъ своемъ состояніи представляетъ ненормальность, что „общество“ — „нездорово“. Вѣдь вслѣдствіе этого воображенія проявляется вѣчное выжиданіе выздоровленія, вѣчное высматриваніе внезапной перемѣны, кризиса, постоянное прописываніе средствъ леченія,—однимъ словомъ, происходитъ безполезная трата духовныхъ силъ, которыя лучше было бы употребить на познаніе естественныхъ причинъ даннаго состоянія.

Никакое государство не является больнымъ, если въ немъ господствуютъ законы и сохраняется правопорядокъ. Не больно никакое государственное общество, элементы котораго въ государственныхъ предѣлахъ ведутъ борьбу за свои права.

Вмѣсто того, чтобы при такомъ естественномъ развитіи жаловаться на болѣзнь, пусть бы каждая составная часть (Bestandtheil) государства, каждый соціальный элементъ стремился изслѣдовать причины угнетающаго его недовольства и, по возможности, устранялъ бы ихъ. Но нѣкоторый гнетъ всегда будетъ тяготѣть надъ всякою составною частью цѣлаго — и именно, какъ слѣдствіе совмѣстной жизни въ государственной организаціи. Неизбѣжный гнетъ этотъ нужно переносить. Поэтому наука еще ни въ коемъ случаѣ не должна признавать болѣзни тамъ, гдѣ проявляются неизбѣжные давленіе и отпоръ со стороны отдѣльныхъ соціальныхъ составныхъ частей, и односторонняя жалоба на болѣзнь никогда не должна служить основаніемъ къ требованію отъ правительства чрезвычайныхъ мѣропріятій.

Но что же показываютъ эти повсемѣстность и постоянство жалобъ на „болѣзнь общества?“

Ни что иное, какъ то, что слабы еще познанія истинной

природы общества,—что наука объ обществѣ, по сравненію съ прогрессомъ другихъ отраслей знанія, находится еще въ весьма отсталомъ положеніи.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Развитіе государства.

§ 97.

Понятіе о развитіи.

Если актъ возникновенія государствъ мы соединимъ съ фактомъ ихъ паденія, столь часто наблюдаемаго въ исторіи; если вдумаемся въ то обстоятельство, что очень многія государства изъ незначительныхъ зачатковъ возросли до великихъ державъ и затѣмъ, по причинѣ ли внутренней своей слабости или вслѣдствіе превосходства внѣшнихъ силъ, пали; если разсмотримъ соціальное содержаніе государства сперва въ примитивныхъ составныхъ его частяхъ (племенахъ), затѣмъ въ ихъ совокупности (народѣ) и свяжемъ это съ высшимъ его пунктомъ (націей),—то у насъ обязательно возникнетъ идея о „развитіи государства“ („Staatsentwicklung“). А именно, тутъ напрашивается мысль, что государство, съ момента своего возникновенія и до той поры, когда его разноплеменныя составныя части сливаются въ одну націю, совершаетъ извѣстный путь и проходитъ развитіе, представляющее изъ себя естественно-необходимое цѣлое. Это-то понятіе о происходящемъ въ государствѣ развитіи и является здѣсь для насъ предметомъ научнаго изслѣдованія, причемъ мы выставляемъ слѣдующіе вопросы: 1) Всѣ ли государства проходятъ это развитіе? 2) Каковы его причины? 3) Каковы важнѣйшія фазы этого развитія? 4) Какими общими законами оно управляется?

а) Общее понятіе государственнаго развитія охватываетъ цѣлый рядъ происходящихъ въ государствѣ спеціальныхъ развитій. Простѣйшее и само собою бросающееся въ глаза есть территоріальное развитіе государства. Слѣдуетъ лишь вспомнить о городѣ Римѣ, который постепенно развился въ римскую міровую имперію. Такое территоріальное развитіе совершали, начиная съ древности, всѣ великія державы, которыя не были поглощены другими государствами, но сами ихъ поглощали. Не обязательно въ связи съ территоріальнымъ развитіемъ происходитъ и политическое или развитіе государственной формы, хотя первое, конечно, можетъ вліять на это послѣднее; тѣмъ не менѣе политическое развитіе возможно и безъ территоріальнаго, какъ напр. въ городахъ-государствахъ (Stadt-Staat), какими являются древнія греческія республики, превращенія государственнаго строя которыхъ послужили образцами для аристотелевскихъ политическихъ теорій. На основаніи этихъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ исторіи греческихъ государствъ, Аристотель дошелъ до признанія извѣстной закономѣрности политическаго развитія, описаніе чего онъ оставилъ намъ въ III книгѣ своей «Политики» (гл. XV). Здѣсь онъ высказываетъ мысль, что царская власть возникаетъ вслѣдствіе того, что люди подчиняются «добродѣтели и способности выдающихся мужей», а таковыхъ «въ прежнее время было немного, особенно же при незначительности государствъ». Но разъ находился кто-нибудь подходящій, его провозглашали царемъ. «Когда же затѣмъ мало-помалу увеличивалось число по способности сходныхъ между собою людей, тогда уже не выносили единодержавія, а стремились къ общему правленію и создавали республиканское государственное устройство. Когда же потомъ аристократическіе правители государства извращались и обогащались изъ общественныхъ средствъ, тогда естественно отсюда должны были возникнуть олигархіи... Изъ олигархій развилось господство тиранновъ, а изъ этого послѣдняго снова демократіи, такъ какъ олигархическіе властители, въ погонѣ за наживой все уменьшая и уменьшая свое собственное число, этимъ усиливали массу, такъ что она наконецъ поднималась, — и вотъ, возникали демократіи»...

Отсюда мы видимъ, что Аристотелю извѣстно было понятіе политическаго развитія и онъ пытался установить естественную закономѣрность и (психологическія) причины этого явленія.

Дальнѣйшему развитію теорія эта подверглась у Полибія (210—127 г. до Р. Х.). Въ VI-й книгѣ своей Исторіи онъ трактуетъ объ «естественномъ превращеніи одной формы государственнаго устройства въ другую», каковой вопросъ настолько «сложенъ и обширенъ», что «прослѣдить за нимъ могли бы лишь немногіе». Изобразивъ, подобно Аристотелю, переходъ изъ первоначальнаго царства въ аристократію и изъ этой послѣдней въ демократію, которая однако снова «переходитъ во властвованіе неограниченнаго повелителя и самодержца», Полибій полагаетъ, что «это круговращеніе государственныхъ устройствъ является естественнымъ порядкомъ, по кото-

рому государственныя формы измѣняются, переходятъ изъ одной въ другую и снова возвращаются къ началу». Познавъ это закономѣрное развитіе, можно было бы, полагаетъ Полибій, «не рискуя впасть легко въ заблужденіе», дѣлать выводы и относительно будущей судьбы государства, т. е. относительно той формы, которую ему предстоитъ принять». Такимъ образомъ Полибій не только призналъ фактъ политическаго развитія, но правильно взвѣсилъ также научное и практическое его значеніе.

Что же касается до экономическаго развитія государствъ, то уразумѣніе его принадлежитъ лишь къ новому времени, — преимущественно къ послѣднимъ 150 годамъ. Еще моложе изученіе соціальнаго развитія государствъ; подъ этимъ нужно разумѣть такое развитіе, которое направляется къ примиренію рѣзкихъ экономическихъ, культурныхъ и политическихъ противорѣчій между соціальными составными частями государства.—Наконецъ наблюдается и національное развитіе, о которомъ мы говорили выше: оно обнаруживаетъ тенденцію національнаго смѣшенія разнородныхъ этническихъ составныхъ частей государства и завершается въ національномъ государствѣ (Nationalstaat).—Если же оставить въ сторонѣ національное развитіе и обратить вниманіе лишь на тѣ превращенія, которыя вытекаютъ изъ экономическихъ причинъ и выражаются въ политическихъ отношеніяхъ,—то передъ нами будетъ соціально-политическое развитіе.

§ 98.

Соціально-политическое развитіе государствъ.

На вопросъ, всѣ ли государства совершаютъ этотъ ходъ развитія, можетъ быть только утвердительный отвѣтъ. Исторія учитъ насъ этой истинѣ. Государствъ, существующихъ теперь, лѣтъ тысячу тому назадъ еще не было. То пространство, на которомъ они въ настоящее время находятся, тысячу или двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ представляло изъ себя либо необитаемую пустошь, либо арену кочевки бродячихъ племенъ, не имѣвшихъ ни постояннаго мѣстожительства, ни государственной организаціи, либо, наконецъ, тамъ были другія государства. А гдѣ теперь незаселенная пустошь, или кочуютъ орды номадовъ, или существуютъ новыя государства, тамъ тысячи двѣ или болѣе лѣтъ тому назадъ находились цвѣтущія государства древности. Слѣдовательно, то положеніе, что государства возникаютъ и падаютъ, не подлежитъ никакому оспариванію. Но

все-таки намъ слѣдуетъ предупредить здѣсь одно возможное возраженіе. А именно,—могутъ сказать, что тамъ, гдѣ нѣкогда въ древности было государство и гдѣ теперь существуетъ такое, которое мы называемъ новымъ, что тамъ не уничтожалось старое и вовсе не возникало новое государство, но старое продолжаетъ существовать въ новой формѣ; вѣдь тамъ теперь, какъ и въ эпоху сѣдой древности, живутъ люди совмѣстной государственной жизнью и властвуютъ одни надъ другими, такъ что, однимъ словомъ, это теперешнее государство представляется лишь дальнѣйшею ступенью развитія того, которое существовало здѣсь сотни лѣтъ тому назадъ. Чтобы устранить это возраженіе, мы должны дать себѣ отчетъ въ томъ,—что же собственно является отличительнымъ моментомъ между государствами, моментомъ, опираясь на который, можно было бы рѣшить, существуетъ ли теперь на исторической территоріи стараго государства новое или то же самое старое государство только въ новой формѣ? Если мы хотимъ отыскать отличительный моментъ между прежнимъ и теперешнимъ государствами, занимающими одну и ту же территорію, то намъ нужно сравнить другъ съ другомъ существенныя, главныя составныя части такихъ государствъ, т. е. ихъ племена (см. выше § 48). А изъ составляющихъ государство племенъ характерный отпечатокъ на него кладетъ господствующее племя,—то, которымъ основано данное государство. И вотъ, тутъ возможны двоякаго рода случаи. Либо нѣтъ уже въ теперешнемъ государствѣ ни одного изъ племенъ, составлявшихъ прежнее государство, такъ какъ, выселяясь сами или будучи вытѣсняемы, они очистили государственную территорію или, оставшись на ней, были совершенно истреблены; либо передъ нами второй случай, когда отъ племенъ стараго государства тутъ сохранились еще остатки, но они, будучи давнымъ-давно порабощенными, никакой политической роли въ новомъ государствѣ уже не играютъ, и прежнее ихъ государственное значеніе перешло къ другимъ племенамъ, которыя основали новое государство и властвуютъ въ немъ. Ни въ одномъ изъ этихъ двухъ случаевъ не можетъ быть уже и рѣчи о продолженіи существованія стараго государства; въ обоихъ указанныхъ случаяхъ на мѣстѣ стараго государства выступаетъ новое.

Итакъ, постояннымъ признакомъ данной преемственности государствъ можно считать то обстоятельство, что между паденіемъ стараго и возникновеніемъ новаго происходитъ смѣна господствующаго класса путемъ вытѣсненія, истребленія или порабощенія преж-

нихъ и переселенія сюда новыхъ племенъ. И вотъ, принимая въ соображеніе эту существенную перемѣну въ соціальномъ содержаніи государства, мы не можемъ признать, напр., средневѣковыя и новыя итальянскія государства продолженіемъ римской имперіи; мы не станемъ считать Турцію продолженіемъ греческихъ государствъ или Македоніи; нѣтъ, въ такихъ случаяхъ мы полагаемъ, что въ этихъ странахъ старыя государства рушились и на ихъ мѣстѣ возникли новыя. Но существуетъ ученіе, которое за основную часть государства принимаетъ, „во-первыхъ, территорію и во-вторыхъ людей", не обращая вниманія на принадлежность ихъ къ племенамъ; ученіе это во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, по нашему взгляду, на мѣстѣ погибшихъ старыхъ государствъ создались новыя, не признаетъ такой перемѣны. Вѣдь важнѣйшая, по этому ученію, основная часть государства, территорія, остается совершенно неизмѣненной, да и на мѣстѣ людей водворились также лишь люди слѣдовательно, какъ будто существеннѣйшія основныя части стараго государства остались одни и тѣ же. Но это не вѣрно,—стараго государства уже не существуетъ, такъ какъ территорія вовсе не является основною частью государства, а лишь частью земли.

§ 99.

Ступени развитія.

Если во всякомъ государствѣ мы должны признать начало и конецъ, возникновеніе и исчезновеніе,—то спрашивается, каковы же важнѣйшія ступени этого развитія? Для этого прежде всего обратимъ вниманіе на существо даннаго развитія. Мы видѣли уже выше, при разсмотрѣніи возникновенія государствъ (гл. II), какъ въ началѣ другъ съ другомъ сталкивались отдѣльно разсѣянныя племена. Это было враждебное столкновеніе, борьба, если и не за существованіе, то все-таки за власть и господство. Сама эта борьба еще не принадлежитъ къ государственному развитію, такъ какъ лишь отъ счастливаго исхода ея зависитъ основаніе государства. И вотъ, только съ покореніемъ одного племени другимъ, слѣдовательно, съ основаніемъ государства начинается періодъ внутреннихъ столкновеній, составляющихъ первую фазу въ развитіи новаго государства.

Государство должно уже далеко подвинуться въ своемъ развитіи, когда внутреннія противоположности въ немъ настолько смягчены, что народную массу охватываетъ чувство общаго націонализма (Nationalismus) и на мѣстѣ враждебныхъ племенныхъ контрастовъ выступаетъ общее государственное и народное сознаніе. Ступень эта обыкновенно сопровождается подъемомъ умственной культуры народа, а съ ней все ближе становится и та ступень государственнаго развитія, которая до сихъ поръ извѣстна, какъ самая высокая, это—періодъ національнаго государства (Nationalstaat).

Тутъ прежніе племенные контрасты сгладились; на ихъ мѣстѣ выступило могучее общее національное сознаніе, способствующее значительному внутреннему и внѣшнему укрѣпленію государства. Однако національному государству угрожаютъ новыя опасности со стороны другихъ уже пробуждающихся въ немъ контрастовъ, контрастовъ чисто экономическихъ. Трудъ и капиталъ вступаютъ въ ожесточенную борьбу другъ съ другомъ; соціалистическія движенія волнуютъ общество и готовятъ національному государству часто бѣдственныя потрясенія.

Этотъ ходъ государственнаго развитія по существу (im Wesen), конечно, вездѣ одинаковъ, по формѣ же безконечно разнообразенъ,—въ зависимости отъ величины и положенія государства, сообразно съ составляющими соціальное его содержаніе элементами, въ зависимости отъ характера и природныхъ особенностей племенъ, образующихъ это содержаніе, въ зависимости отъ различныхъ вліяній со стороны выдающихся личностей, которыя, выступая въ отдѣльныхъ государствахъ, либо ускоряютъ, либо задерживаютъ этотъ ходъ развитія.

Изображеніе всего этого государственнаго развитія должно-бы составлять теперь главную задачу политической исторіи; но историки до сихъ поръ весьма неудовлетворительно ее выполняютъ.

§ 100.

Законы развитія.

Мы видѣли, что нѣтъ государства, которое не было бы составлено изъ нѣсколькихъ различныхъ племенъ. И въ то время, когда новооснованное государство начинаетъ ходъ своего развитія,

мы замѣчаемъ, что составляющія его племена превращаются въ касты или классы и предаются здѣсь извѣстнымъ, по наслѣдству переходящимъ занятіямъ. Явленіе это замѣчается во всѣхъ государствахъ и имѣетъ связь съ нѣкоторой свойственной человѣку естественной чертой. Состоитъ данная черта въ томъ, что сынъ наслѣдуетъ отцовскій родъ дѣятельности и что такимъ образомъ цѣлыя племена предаются извѣстнымъ спеціальнымъ занятіямъ [1]).

Исторія даетъ намъ тысячи примѣровъ, доказывающихъ, что въ природѣ человѣческой заложено тяготѣніе предаваться по-племенамъ (stammweise) исключительно опредѣленнымъ занятіямъ. Явленіе это достаточно подтверждается и ежедневнымъ опытомъ нашего времени. Вспомнимъ, напр., объ „итальянцахъ", которые въ южной Германіи и вплоть до сѣверной Австріи занимаются преимущественно каменотеснымъ ремесломъ; припомнимъ проволочныя плетеныя издѣлья, составляющія добровольную монополію словаковъ Трентшинскаго комитата; припомнимъ цыганъ и ихъ починку котловъ, торговлю евреевъ и грековъ (на востокѣ); припомнимъ исключительно земледѣльческое занятіе сѣверныхъ славянъ, которые оставляютъ всякія ремесла и торговлю для нѣмецкихъ переселенцевъ и т. д. Эта природная человѣческая черта объясняетъ намъ то обстоятельство, что во всякомъ государствѣ первоначальныя племена превращаются въ касты и профессіональные классы (Berufslassen); тутъ современемъ племенное сознаніе (Stammesbewusstsein) прекращается, сохраняется же лишь кастовый или классовой духъ.

Мы уже сказали, что эти касты или классы скрѣпляются вмѣстѣ силою государства, являющагося организаціей властвованія. Слѣдовательно, властвованіе, правительство, охватывая эту множественность, образуетъ единство. Отношеніе господствующихъ въ государствѣ элементовъ къ подвластнымъ выражается въ формѣ государственнаго устройства. И вотъ, какъ измѣняется, какъ балансируетъ это отношеніе властвованія, такъ же точно измѣняется и форма государственнаго устройства. Въ общемъ же и въ измѣненіи этого отношенія властвованія, этого взаимоотношенія образующихъ государство элементовъ наблюдается извѣстный, правильный ходъ развитія, а слѣдовательно, возможно также уста-

[1]) См. мою работу—«Sociologische Staatsidee», гдѣ я, восходя за причинами этого явленія къ доисторическимъ временамъ, даю для него единственно мыслимое объясненіе.

новить постоянный законъ измѣненія формы государственнаго правленія. — Въ общемъ есть извѣстное основаніе утверждать, что форма правленія во всякомъ государствѣ отъ болѣе или менѣе „неограниченнаго“ единовластія переходитъ мало-по-малу къ ограниченному и наконецъ завершается такъ наз. представительнымъ народовластіемъ (Volksherrschaft mittelst Repräsentation). Однако же въ той фазѣ развитія государства, когда національное единство классовъ распадается на экономическіе контрасты, тогда обыкновенно повторяется „неограниченное“ единовластіе (цезаризмъ), напоминающее намъ то, которое въ началѣ развитія объединяло различныя племена народа.

Такъ какъ существующія государства находятся въ различныхъ стадіяхъ ихъ развитія, можно сказать, въ различномъ возрастѣ,— то при взглядѣ на нихъ взору наблюдателя представляется большое разнообразіе формъ правленія и государственнаго устройства. Обстоятельство это искони вводитъ государствовѣдовъ въ заблужденіе, такъ что они въ ученіяхъ своихъ трактуютъ преимущественно о „разнообразіи государствъ“ („Verschiedenheit der Staaten“) и группируютъ ихъ по особымъ родамъ и видамъ. Что этотъ методъ неправиленъ, что не существуетъ никакихъ „родовъ“ и „видовъ“ государствъ, рубрикъ, въ которыя можно было бы включить всѣ существующія государства, что невозможна такая строгая, замкнутая классификація ихъ, въ этомъ насъ убѣждаетъ взглядъ на развитіе ученія о разнообразіи государствъ.

а) Подраздѣленіе государствъ на роды и виды является, очевидно, подражаніемъ методу описательнаго естествознанія, систематизирующаго такимъ образомъ растительный и животный міръ. Но, что по отношенію къ государствамъ данный методъ непримѣнимъ, это показываютъ слѣдующія разсужденія. Животное и растеніе впродолженіе органическаго своего существованія остаются неизмѣнно все въ одномъ и томъ же «родѣ», въ одномъ и томъ же «видѣ». Совсѣмъ иначе дѣло обстоитъ съ государствами. Теперь еще живущее старшее поколѣніе помнитъ Францію, какъ наслѣдственное королевство (при Людовикѣ-Филиппѣ), потомъ, какъ республику (послѣ 1848 г.), затѣмъ опять, какъ имперію, и въ настоящее время снова, какъ республику. Къ какому же, слѣдовательно, роду, къ какому виду государствъ принадлежитъ Франція? Равнымъ образомъ и Австрія не такъ давно еще была абсолютной монархіей, теперь же является конституціонной, съ представительной формой правленія; въ годы 1850—1867 она была единымъ государствомъ, а въ настоящее время является однимъ изъ двухъ унированныхъ государствъ. Относительно неосновательности всякихъ постоянныхъ «классификацій» государствъ см. Passy—«Des Formes de Gouvernement» (1870) гл. I.

§ 101.

Развитіе государства.

Проблема государственнаго развитія неоднократно оттѣснялась на задній планъ болѣе широкимъ и труднымъ вопросомъ о развитіи человѣчества. Такимъ образомъ и здѣсь обнаруживается, что мысль человѣческая обращается всегда прежде всего къ болѣе отдаленнымъ проблемамъ, оставляя безъ вниманія близлежащія. Однако же для того, чтобы познать развитіе человѣчества, у насъ нѣтъ необходимаго матеріала, такъ какъ по отношенію къ человѣчеству мы не знаемъ никакого законченнаго круга развитія, да и самый-то предметъ, субъектъ этого развитія, въ цѣломъ своемъ вовсе не знакомъ намъ. Несмотря на это, историки и философы все порываются выставлять готовыя формулы развитія цѣлаго человѣчества; но данная попытка по недостатку необходимаго для наблюденій фактическаго матеріала никогда не имѣла подъ собой никакой научной почвы.

Конечно, гораздо больше шансовъ на успѣхъ имѣла бы попытка установить общую формулу развитія государствъ; вѣдь все-таки исторія приводитъ намъ немало примѣровъ того, какъ государства возникали и въ концѣ-концовъ разрушались. Тѣмъ не менѣе и эта проблема еще не разрѣшена въ удовлетворительномъ видѣ, соотвѣтствующемъ требованіямъ точной науки.

§ 102.

Идея прогресса.

Существуетъ взглядъ, по которому, какъ человѣчество въ своемъ цѣломъ, поднимаясь изъ животнаго состоянія, все болѣе и болѣе совершенствуется и, слѣдовательно, въ развитіи своемъ обнаруживаетъ законъ непрерывнаго прогресса, — такъ и отдѣльныя государства, удаляясь отъ варварскаго состоянія, все больше и больше пріобщаются къ цивилизаціи. Въ спеціальной области государственнаго права такому ходу развитія должно соотвѣтствовать возрастающее сообщеніе правъ все болѣе и болѣе обширнымъ народнымъ массамъ, а слѣдовательно,

постепенное развитіе демократическаго государственнаго устройства. Такой взглядъ господствовалъ особенно въ первой половинѣ XIX столѣтія, когда „конституціонное государство“ являлось всеобщимъ идеаломъ; однако и теперь еще насчитывается много приверженцевъ этой идеи. Такимъ представителемъ ея является Гервинусъ въ своемъ сочиненіи „Einleitung in die Geschichte des 19. Jahrhunderts“ (1864). По его мнѣнію, „исторія европейскихъ государствъ христіанской эры“ образуетъ „единое цѣлое“, какъ въ древности исторія греческихъ государствъ. Въ обѣихъ этихъ эрахъ „обнаруживается въ ходѣ внутренняго развитія государствъ одинаковый порядокъ и одинаковый законъ. И законъ этотъ есть тотъ же самый, проявленіе котораго въ большомъ видѣ можно наблюдать въ исторіи человѣчества. Начиная съ деспотическихъ восточныхъ государственныхъ формъ, идя далѣе къ аристократическимъ, на рабствѣ и крѣпостномъ состояніи основаннымъ древнимъ и средневѣковымъ государствамъ и отсюда направляясь къ новѣйшей, еще слагающейся государственной организаціи, — на всемъ этомъ протяженіи можно наблюдать правильный прогрессъ духовной и гражданской свободы: сначала свобода немногихъ людей, а затѣмъ — все бо̀льшаго и бо́льшаго ихъ числа. А гдѣ государства совершенно закончили (?) свой жизненный путь, тамъ наблюдается обратный ходъ — отъ высшей точки этой восходящей линіи развитія внизъ: образованіе, свобода и власть, сдѣлавшись достояніемъ многихъ, удерживаются затѣмъ у немногихъ и наконецъ у отдѣльныхъ людей. Законъ этотъ проявляется во всякой части исторіи, въ каждомъ болѣе или менѣе совершенномъ (?) отдѣльномъ государствѣ, а также и въ сложныхъ группахъ...“ Выставленный здѣсь законъ Гервинусъ въ другомъ мѣстѣ (l. c. S. 48) называетъ „закономъ всякаго полнаго историческаго развитія“.

Хотя и можно привести очень много примѣровъ въ пользу такъ формулированнаго закона государственнаго развитія, но тѣмъ не менѣе есть многія государства, которыхъ нельзя подвести подъ данный законъ, — слѣдовательно, такой взглядъ не можетъ считаться научно-обоснованнымъ [1]).

---

[1]) См. Doergens — „Aristoteles oder über das Gesetz der Geschichte“ 1872 — 74. Funck-Brentano — „La civilisation et ses lois“ 1876. Сюда принадлежатъ также всѣ историко-философскія системы, прекрасный обзоръ которыхъ даетъ Rocholl въ своей „Die Philosophie der Geschichte“ (1878) B. I.

§ 103.

Ученіе объ эволюціи.

Проявившійся въ области естествознанія побѣдоносный натискъ эволюціонной теоріи (Ламаркъ, Дарвинъ) вновь разжегъ вопросъ о развитіи въ соціальной и государственной сферахъ. Если развитіе, какъ верховный законъ, обнаружено во всей природѣ, въ космической, органической и неорганической областяхъ,—то нельзя сомнѣваться, что законъ этотъ дѣйствуетъ и въ сферѣ „надорганической" жизни, какъ выражаются Контъ и Спенсеръ. Дѣло здѣсь можетъ идти лишь о научномъ доказательствѣ этого развитія, и такимъ образомъ о доказательствѣ несомнѣннаго уже „единства закона" въ области природы и соціальной жизни. Вотъ великая и трудная задача для соціальной науки. Разрѣшить ее попытался Гербертъ Спенсеръ, направивъ сюда свои огромныя мыслительныя силы и выставивъ столько фактическаго матеріала, сколько едва ли когда-нибудь находилось въ распоряженіи у какого-либо другого ученаго. При этомъ Спенсеръ пользовался аналогіей, стараясь и въ соціальную жизнь перенести форму естественнаго процесса развитія, процесса въ томъ видѣ, какъ онъ обнаруживается въ области космической, затѣмъ неорганической и органической земной жизни. И вотъ, Спенсеру удалось здѣсь найти во всякомъ случаѣ весьма остроумную формулу, подъ которую онъ подводитъ на одинаковыхъ началахъ явленія изъ космической и біологической, равно какъ и изъ соціальной сферы; слѣдовательно, этой формулой онъ старается дать одинаковое выраженіе развитію явленій изъ всѣхъ указанныхъ областей.

§ 104.

Спенсеровская формула эволюціи.

Спенсеръ исходитъ изъ того положенія, что все существующее, доступное нашему наблюденію (wahrnehmbar), приходитъ къ этому воспринимаемому нами состоянію изъ прежняго, скрытаго отъ нашего наблюденія и что это настоящее, доступное для нашего воспріятія,

впослѣдствіи въ свою очередь перейдетъ въ новое, неизвѣстное намъ состояніе,—другими словами, что все существующее (для нашего восприятія) преходяще. Фактъ этотъ покоится, конечно, на рядѣ измѣненій и превращеній всего существующаго. Спенсеръ полагаетъ, что превращенія эти состоятъ изъ двухъ противоположныхъ процессовъ: путемъ одного изъ нихъ явленіе „изъ безсвязной однородности переходитъ въ связную разнородность“ (интеграція), а путемъ другого оно изъ связной разнородности возвращается снова къ первоначальной безсвязной однородности (дезинтеграція). При этихъ двоякаго рода процессахъ движеніе и субстанція (матерія) находятся между собою въ обратномъ отношеніи. Въ восходящемъ процессѣ, ведущемъ къ интеграціи, матерія концентрируется и движеніе разсѣевается; въ нисходящемъ же, ведущемъ къ дезинтеграціи, движеніе концентрируется, а матерія разносится. Конечно, благодаря эластичности многозначительныхъ словъ человѣческаго языка, эту глубокомысленную формулу можно приспособить ко всѣмъ возможнымъ случаямъ, т. е. съ помощью нѣкотораго остроумія (а Спенсеръ обладаетъ имъ въ большой мѣрѣ) и съ извѣстной діалектикой можно доказать, что всѣ явленія—„отъ песчинки и до планетъ“—проходятъ въ теченіе своего существованія всегда одинаковое, тождественное въ сущности развитіе изъ „безсвязной однородности къ связной разнородности“. Указаніе это Спенсеръ примѣняетъ ко всѣмъ возможнымъ областямъ, что̀ для него не трудно. Но насъ здѣсь интересуетъ лишь то примѣненіе, которое онъ дѣлаетъ въ соціальной области, подводя относящіеся къ ней примѣры подъ свою формулу эволюціи; тутъ онъ указываетъ, что „надорганическое развитіе“ происходитъ совершенно по тому же закону, какъ и неорганическое и органическое; особенно же старается онъ доказать, что „ростъ и развитіе соціальныхъ аггрегатовъ въ высшей степени аналогичны тому же процессу развитія индивидуальныхъ аггрегатовъ“ (Sociologie I, § 3). Вытекаетъ это у Спенсера уже изъ того предположенія, что общество есть организмъ (Sociologie II, § 214), такъ какъ оно имѣетъ съ этимъ послѣднимъ одинаковые ростъ, структуру, органы, функціи и т. д. (Здѣсь видно, какъ утилизируетъ Спенсеръ несовершенство человѣческаго языка, пользуясь многозначительностью словъ, чтобы различныя вещи представить тождественными). Организмъ, конечно, является физически объединенной, конкретной вещью, между тѣмъ какъ общество состоитъ изъ несвязанныхъ физически отдѣльныхъ элементовъ; но Спенсеръ не обращаетъ на это вниманія, утверждая, что и въ „обще-

ственномъ аггрегатѣ существуетъ уже извѣстная конкретность, вслѣдствіе общихъ, непрерывныхъ отношеній между составляющими его единицами". На этомъ признакѣ, полагаетъ Спенсеръ, должна основываться „идея объ обществѣ", какъ организмѣ. И разъ идея эта „обоснована", то онъ ужъ, конечно, не затрудняется примѣнить свою формулу эволюціи и по отношенію къ обществу. Вѣдь общества „растутъ такъ же, какъ и живыя тѣла". Соціальный ростъ продолжается обыкновенно до тѣхъ поръ, „пока общество не распадется или не будетъ какъ-нибудь покорено" (Sociologie II, Th., Cap. II, § 214). Во время этого роста въ „обществѣ" точно такъ же, какъ и въ живомъ тѣлѣ происходитъ увеличеніе „внутренняго строенія"; „части его дифференцируются". „Различія между отдѣльными группами составляющихъ его единицъ, какъ по числу, такъ и по характеру своему въ началѣ весьма незначительны; но, по мѣрѣ роста населенія, все больше и рѣшительнѣе выступаютъ рѣзкія дѣленія и подраздѣленія". Эта „возрастающая дифференціація структуры всегда сопровождается прогрессирующей дифференціаціей функцій". И вотъ, Спенсеръ слѣдующимъ образомъ иллюстрируетъ это положеніе въ его примѣненіи къ „обществу": „Выступивъ въ жизни, господствующій классъ не только не становится похожимъ на прочіе, но и пріобрѣтаетъ регулирующую принудительную власть надъ всѣми остальными; а когда этотъ классъ расчленяется на имущихъ бо́льшую и меньшую власть, то и они опять же начинаютъ присваивать себѣ различныя отрасли всей надзирающей дѣятельности". Такъ выясняетъ намъ Спенсеръ выставленный имъ фактъ, что вмѣстѣ съ ростомъ общества параллельно идетъ дифференціація органовъ и ихъ функцій.

Этой цитатой изъ Спенсера мы хотѣли лишь показать, какъ онъ развитіе общества представляетъ аналогичнымъ развитію всѣхъ „живыхъ организмовъ", дабы всѣ эти развитія подвести подъ свою высшую формулу интеграціи и дезинтеграціи. Конечно, намъ не нужно добавлять, что въ аналогіяхъ этихъ мы видимъ лишь игру остроумія. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о произвольномъ употребленіи многозначительныхъ словъ, съ цѣлью представить однородными совершенно различныя вещи и явленія,—противъ Спенсера справедливо выдвигается упрекъ также въ томъ, что онъ произвольно подбираетъ себѣ сходные моменты аналогичныхъ явленій, а неаналогичныя проходитъ молчаніемъ [1]).

---

[1]) Возраженіе это противъ Спенсера правильно выставляетъ Paul Barth въ „Zeitschrift für wissenschaftliche Philosophie", XVII, 178.

§ 105.

Существо этой формулы.

Спенсеровская теорія эволюціи, при всемъ ея удивительно остроумномъ и обнаруживающемъ ученость построеніи, является однако же въ концѣ-концовъ не чѣмъ инымъ, какъ подведеніемъ самыхъ разнородныхъ вещей и явленій подъ одну, столь общую формулу, что для научнаго познанія конкретныхъ явленій отъ нея не получается въ результатѣ никакой пользы. Наконецъ, формула эта не отличается существенно отъ гегелевской, исходящей изъ „саморазвитія абсолюта"; за „тезисомъ" у Гегеля слѣдуетъ „антитезисъ", чтобы послѣ этого (не изъ расположенія ли къ знаменательному числу тремъ?!) достичь торжественнаго примиренія въ „синтезисѣ". Во всякомъ случаѣ Гегель формулу свою примѣнялъ лишь къ исторіи, какъ къ „проявленію абсолютнаго духа"; область же естествовѣдѣнія была для него совершенно чужда. Спенсеръ преимущественно передъ Гегелемъ обнаруживаетъ знакомство со всѣми областями естествознанія, и формула его очень остроумно разсчитана на то, чтобы охватить не только „духовную жизнь" („Leben des Geistes"), но всю вообще монистически представляемую природу, слѣдовательно, включая сюда исторію и развитіе человѣческаго духа. Формула Спенсера поэтому гораздо полнѣе, глубже обоснована, конкретнѣе и остроумнѣе, чѣмъ совершенно неопредѣленная гегелевская абстракція; по существу же своему положеніе дѣла и въ томъ и въ другомъ случаѣ одно и то же. Совершенно общая формула Спенсера выясняетъ намъ соціальное развитіе не болѣе, чѣмъ это сдѣлала гегелевская относительно историческаго хода. Да, но вотъ, что̀ еще хуже: необходимымъ послѣдствіемъ такихъ общихъ формулъ является то обстоятельство, что при подведеніи подъ нихъ, даже не замѣчая этого, производятъ насиліе надъ фактами, и вмѣсто обнаруженія истины получается, напротивъ, затемненіе и закрытіе ея. Доказательствомъ этого можетъ служить выше цитированное нами мѣсто изъ Спенсера относительно дифференціаціи „общества" на господствующіе и подвластные классы. Хотя нѣкоторыя соціальныя несходства (Differenzen) и могутъ быть продуктомъ постепеннаго развитія, слѣдовательно, произведеніемъ эволюціи,—однако же исторія не даетъ намъ ни одного примѣра, чтобы

противоположность между властвующими и подвластными классами возникала эволюціоннымъ путемъ, вслѣдствіе постепенной дифференціаціи одинаковыхъ первоначально элементовъ. Напротивъ, исторія убѣждаетъ насъ, что несходство между господствующими и подчиненными всюду коренится въ первоначальной разнородности, которая въ теченіе историческаго развитія скорѣе уменьшается, чѣмъ увеличивается. Не дифференціація коренныхъ и одинаковыхъ, но ассимиляція несходныхъ первоначально элементовъ проявляется въ ходѣ соціальнаго развитія, и лишь общая формула привела Спенсера къ искаженію и неправильному представленію здѣсь того факта, который онъ же самъ впрочемъ въ другихъ мѣстахъ признаетъ.

§ 106.

Оцѣнка спенсеровской формулы.

Философское стремленіе отыскать общую формулу для единаго закона, управляющаго всѣми областями природы, у Спенсера, какъ и у многихъ другихъ, нисколько не содѣйствовало познанію истины. Для достиженія этого слѣдуетъ избрать иной путь. Не изъ общей формулы нужно исходить, какъ бы остроумно она ни была придумана, не по формулѣ этой слѣдуетъ группировать факты,—нѣтъ, исходить нужно изъ самыхъ этихъ фактовъ, не безпокоясь о томъ, получится ли общій законъ или нѣтъ. Факты же показываютъ намъ совершенно иной ходъ „соціальнаго развитія“. Для того, чтобы познать его, нужно прежде всего отрѣшиться отъ неяснаго понятія „общество“ и употреблять это выраженіе лишь въ самомъ тѣсномъ его смыслѣ, какъ общественный кругъ (Gesellschaftskreis), т. е., какъ обозначеніе соціальной группы, объединенной какимъ-нибудь интересомъ. Понятіе же „соціальнаго развитія“ должно ограничиваться предѣлами той соціальной организаціи, которой въ исторіи человѣчества принадлежатъ самые великіе интересы и самое большое значеніе, т. е. предѣлами государства. Исключительно лишь въ государственной области можемъ мы наблюдать это развитіе и на основаніи историческихъ данныхъ опредѣлять существо его.

§ 107.

Дѣйствительное развитіе государства.—Феодальная монархія.

Здѣсь, въ государствѣ, раскрывается передъ нами соціальное развитіе, какъ постоянный ходъ измѣненій въ соціальномъ состояніи, вытекающихъ изъ непрерывной борьбы между составляющими государство, съ самаго его возникновенія разнородными элементами. Взглянемъ же теперь на этотъ ходъ, какъ онъ проявляется въ большинствѣ европейскихъ государствъ, начиная съ ихъ основанія въ средніе вѣка и до настоящаго времени,—и мы замѣтимъ не только одинаковое направленіе и сходные въ общемъ результаты даннаго хода развитія, но и извѣстныя одинаковыя фазы и стадіи, которыя оно проходитъ.

Въ самомъ дѣлѣ, повсюду развитіе это начинается съ состоянія, вытекающаго непосредственно изъ завоевательнаго основанія государства, съ состоянія, когда лица, входящія въ составъ племени-завоевателя, какъ сочлены властвующаго класса, дѣлятъ между собой покоренную страну и подъ верховнымъ руководствомъ короля, имѣющаго извѣстныя почетныя права, всякій изъ нихъ на выдѣленной для него территоріи осуществляетъ полное государственное господство надъ доставшимися ему подчиненными обитателями. Между собою же они находятся въ отношеніи не только равныхъ, но и почти суверенныхъ властелиновъ, которые не подчиняются другой власти и возникающіе между ними по какому-либо случаю споры рѣшаютъ силою оружія. И вотъ, эту первую стадію развитія, когда порабощенное населеніе безправно, „господа“ же суверенны, мы назовемъ ф е о д а л ь н ы м ъ періодомъ.

Въ этомъ первомъ періодѣ государственнаго развитія можно наблюдать лишь о д н у соціальную борьбу, а именно ту, которая идетъ между феодальными господами и монархомъ. Вѣдь этотъ послѣдній, будучи, конечно, безсильнымъ передъ всѣмъ господствующимъ классомъ, какъ таковымъ, т. е. передъ всѣми своими вассалами и вельможами, вмѣстѣ взятыми, однако же каждаго изъ нихъ въ отдѣльности превосходитъ въ силѣ. Силу эту онъ старается утилизировать и увеличивать; такое естественное стремленіе къ развитію силы, свойственное всякой соціальной составной части, всякой соціальной группѣ,

проявляется прежде всего у того, который, какъ вождь, поставленъ во главѣ государства, на долю котораго при раздѣлѣ страны пришлась самая большая часть и которому присвоены извѣстныя преимущества. Печальная участь, которой вслѣдствіе этого превосходства силъ монарха должны были подвергаться отдѣльные феодалы, возбуждаетъ въ каждомъ изъ нихъ опасеніе, какъ бы въ свое время и себѣ не стать жертвой монархическаго властолюбія; и вотъ, изъ такого общаго опасенія за свое существованіе въ этомъ господствующемъ классѣ развивается интересъ солидарности противъ «короны». Отсюда идутъ многочисленныя предоставленія правъ, привилегій и вольностей, такъ какъ «вельможи и магнаты» все больше и больше добиваются торжественнаго документальнаго утвержденія этихъ правъ, и монархъ принужденъ уступать имъ. Вотъ, первые зародыши позднѣйшихъ «хартій» и «конституцій».

§ 108.

Сословная, абсолютная и конституціонная монархія.

Но никакія хартіи и привилегіи не приносятъ пользы отдѣльнымъ лицамъ, если эти послѣднія не могутъ выступать противъ растущаго королевскаго могущества, какъ объединенная и организованная сила. Признаніе этого, основанное на неоднократномъ жизненномъ опытѣ, ведетъ къ организаціи господствующаго класса въ „сословіе“ и образуетъ начало „сословнаго режима“, „парламентарнаго правленія“, „сеймовъ“, чѣмъ характеризуется второй періодъ развитія европейскихъ государствъ. Эта организованная сила феодальныхъ вельможъ сдерживаетъ короля въ тѣхъ его стремленіяхъ и домогательствахъ, къ которымъ онъ имѣетъ естественное тяготѣніе, какъ и всякая другая соціальная сила. Но сопротивленіе, встрѣчаемое королемъ въ сословіяхъ, парламентахъ и сеймахъ, побуждаетъ его искать себѣ союзниковъ. И вотъ, онъ находитъ ихъ то въ церкви, то въ нижнемъ дворянствѣ; если же это послѣднее входитъ въ соглашеніе съ магнатами, въ такомъ случаѣ—среди стремящихся возвыситься городовъ, среди горожанъ. Особенно эти послѣдніе оказываются все болѣе и болѣе полезными союзниками противъ вельможъ и всего вообще дворянства, такъ какъ доставляютъ денежныя средства, ту таинственную силу, которая всегда нужна королямъ. За

поддерживаемыя и обновляемыя вольности, права и привилегіи горожане изъявляютъ готовность платить королямъ пошлины и налоги и этимъ столь укрѣпляютъ ихъ положеніе, что королевскій авторитетъ, какъ „бронзовая скала", возвышается противъ сословій, парламентовъ и сеймовъ. Такимъ образомъ горожане способствуютъ утвержденію абсолютизма. Этимъ начинается третій періодъ въ развитіи европейскихъ монархическихъ государствъ; расцвѣтъ же его въ серединѣ 18-го столѣтія.

Но со временемъ все усиливающійся гнетъ абсолютизма становится слишкомъ тягостенъ и для городского средняго класса,—и вотъ, абсолютная монархія видитъ себя покинутой. Тутъ изъ рядовъ дворянства, а также горожанъ выступаютъ ея противники, и въ борьбѣ съ испорченнымъ королевствомъ „образованные классы" взываютъ ко всему народу. Примѣромъ этого является Франція. Абсолютное королевство низвергается и утверждается „конституціонная" или представительная монархія, — четвертый періодъ государственнаго развитія въ Европѣ. Съ перемѣнной судьбой держится она въ государствахъ европейскаго культурнаго круга въ теченіе всего 19-го столѣтія. Однако появляются уже признаки, что и ея дни сочтены. „Конституціонная и представительная монархія" призвала къ участію въ общественныхъ дѣлахъ вмѣстѣ со старыми господствующими дворянскими классами также образованное и состоятельное среднее сословіе. Рабочіе же и крестьяне оставались исключенными. Но теперь рабочіе настаиваютъ на томъ, что у нихъ должны быть такія же права, какъ и у другихъ гражданъ государства, и готовятся къ утвержденію въ 20-мъ столѣтіи „соціальной монархіи", т. е. такой государственной формы, гдѣ участіе въ законодательствѣ и управленіи не являлось бы уже привилегіей капитала.

§ 109.

Результатъ развитія.

Вотъ четыре періода развитія государственныхъ отношеній въ томъ видѣ, какъ оно, начиная со среднихъ вѣковъ, шло болѣе или менѣе одинаковымъ образомъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Единственно лишь изъ этого фактическаго хода исторіи можемъ мы понять существо и причины даннаго развитія, но не изъ такой формулы,

какую выставляетъ Спенсеръ, а равно не изъ такъ называемыхъ „органическихъ свойствъ“ „общества“, какъ это утверждаютъ Шеффле, Лиліенфельдъ и др. Нѣтъ, на основаніи вышеизложенныхъ историческихъ фактовъ мы можемъ опредѣлить это развитіе не какъ „органическій ростъ“, но какъ совокупность измѣненій въ соціальномъ состояніи, происходящихъ въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ вслѣдствіе борьбы соціальныхъ составныхъ частей и общественныхъ круговъ изъ-за власти, преимущества и господства. Если же разсмотримъ послѣдовательный рядъ этихъ измѣненій и обратимъ вниманіе на тотъ результатъ, къ которому они приводятъ, то должны будемъ признать, что развитіе это подвигается по опредѣленному направленію, а именно—по направленію возрастающаго равноправія низшихъ народныхъ слоевъ съ высшими, подвластныхъ съ властвующими. Такъ мы должны признать, что въ теченіе этого развитія высшіе классы столько теряютъ въ своихъ преимуществахъ, сколько низшіе пріобрѣтаютъ въ правахъ. А на основаніи наблюдаемой до сихъ поръ закономѣрности государственнаго развитія можно разсчитывать, что и въ будущемъ оно должно двигаться по тому же направленію. (а).

а) Настоящимъ двигателемъ соціальнаго развитія является стремленіе массъ къ улучшенію своего экономическаго положенія; при этомъ образованіе и просвѣщеніе оказываютъ имъ большую услугу, снося различныя отжившія моральныя опоры существующаго порядка.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Формы государства.

§ 110.

Аристотелевская трехчленная классификація государствъ.

Столь же шаткимъ и неустановленнымъ, какъ и опредѣленіе понятія государства, является ученіе о различіи государствъ или о „государственныхъ формахъ“ („Staatsformen“). До новѣйшаго

времени держалась съ незначительными измѣненіями аристотелевская трехчленная классификація государствъ; въ основу этого дѣленія положено было число правящихъ лицъ. Здѣсь, въ зависимости отъ того, правитъ ли одинъ, немногіе или большинство, государства распадаются на монархіи, аристократіи и демократіи; каждая изъ этихъ государственныхъ формъ легко искажается, а именно—монархія въ тираннію, аристократія въ олигархію, демократія въ охлократію. Для греческаго міра классификація эта была достаточна. Что Аристотель оставилъ безъ вниманія весь огромный міръ „варваровъ", это было чисто по-гречески; что̀ же касается до того, что въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ въ теоріи держались аристотелевской классификаціи, хотя государства въ дѣйствительности приняли совершенно другія формы,—это было уже чисто по-средневѣковому. Монтескьё, сосредоточивъ все свое вниманіе на англійскомъ государственномъ устройствѣ, не внесъ въ аристотелевскую классификацію никакихъ почти измѣненій,—вѣдь включеніе въ классификацію „деспотіи" не представляетъ собою ничего новаго въ виду выставленной Аристотелемъ тиранніи.

§ 111.

Развитіе этого ученія.

Когда же пришли къ необходимости найти въ системѣ государствовѣдѣнія мѣсто для современнаго конституціоннаго государства, тогда лишь начали постепенно исправлять аристотелевскую классификацію и пополнять ее новыми „государственными формами". Прежде всего присоединили сюда, какъ первую государственную форму, „теократію", о которой незнакомый съ библіей Аристотель, понятно, ничего не зналъ; затѣмъ къ получившимся такимъ образомъ четыремъ государственнымъ формамъ, какъ пятая, прибавлено было современное конституціонное „правовое государство". Такъ отрѣшились отъ аристотелевской трехчленной классификаціи государствъ. Огромное развитіе исторической науки въ 19-мъ стол. открыло государствовѣдамъ глаза,—и вотъ стали появляться все новыя государственныя формы, которыя необходимо было свести въ „систему". Еще у Моля въ Polizeiwissenschaft (1844) находимъ лишь пять государственныхъ формъ; въ его же Encyclopädie (1872) такихъ формъ уже шесть съ

нѣсколькими подраздѣленіями. А Блунчли въ своемъ Государственномъ Правѣ довелъ число этихъ формъ уже до двѣнадцати (четыре главныхъ и восемь второстепенныхъ) [1]).

§ 112.

Переходъ къ историческому взгляду.

„Если главная задача государства состоитъ въ содѣйствіи жизненнымъ цѣлямъ народа, то отсюда слѣдуетъ, что различныя жизненныя цѣли влекутъ за собою также различіе въ характерѣ государствъ. Взглядъ же на жизненную цѣль мѣняется по различнымъ ступенямъ развитія и цивилизаціи народа, а, слѣдовательно, извѣстному уровню народнаго развитія и цивилизаціи соотвѣтствуетъ особенный характеръ государства“. Таковъ взглядъ Моля на основаніе различія государственныхъ формъ; и взглядъ этотъ во всякомъ случаѣ является прогрессомъ въ развитіи государственной науки, выводя государство изъ того изолированнаго положенія, въ которомъ его держали прежніе государствовѣды; онъ ставитъ государство въ живое отношеніе, съ одной стороны, къ совокупности проявленій народной жизни, съ другой же—ко всему историческому развитію народа.

Однако Моль не дѣлаетъ логическаго вывода изъ этой точки зрѣнія и все еще не можетъ отрѣшиться отъ прежняго метода, требующаго перечисленія всѣхъ возможныхъ и существующихъ государственныхъ формъ. Подобное перечисленіе родовъ и видовъ государствъ не гармонируетъ съ признаніемъ постояннаго измѣненія народныхъ жизненныхъ цѣлей, идущаго вмѣстѣ съ развитіемъ народной цивилизаціи. Этотъ историческій взглядъ признаетъ безконечное разнообразіе вѣчно измѣняющихся государствъ, а поэтому считаетъ недопустимымъ перечисленіе опредѣленныхъ государственныхъ формъ. Но все-таки у Моля, по сравненію съ его предшественниками, въ классификаціи государственныхъ формъ за-

---

[1]) Недавно весьма ученый венгерскій публицистъ Julius Schwarcz („Staatslehre auf Grund der vergleichenden Staatsrechtwissenschaft“ 1894), превзошелъ всѣхъ существовавшихъ до него государствовѣдовъ, выставивъ сразу нѣсколько дюжинъ государственныхъ формъ. Названія, которыя онъ даетъ отдѣльнымъ формамъ, являются чѣмъ-то необычайно длиннымъ,—напр.: aristokratisch-culturdemokratisch-kopfzahldemokratisch-nuancirte Timokratie и т. под.

мѣтенъ двойной прогрессъ. Во-первыхъ, Моль уже не придерживается педантически одного постояннаго основанія для классификаціи и, перечисляя виды государствъ, принимаетъ въ соображеніе историческія и политическія отношенія, на что раньше при классификаціи государствъ не обращали вниманія. Если ужъ въ этомъ обнаруживается правильное отношеніе къ историческому развитію, то еще въ большей степени проявляется оно въ томъ, что Моль,—во-вторыхъ,—вводитъ въ свою классификацію „античное государство", какъ одну изъ главныхъ родовыхъ государственныхъ формъ, чѣмъ, конечно, образуется переходъ къ чисто-историческому изложенію. Вѣдь „античное" государство въ новое время и вообще никогда уже болѣе не мыслимо; а далѣе, изъ принятія для классификаціи такого историческаго основанія само собою слѣдуетъ, что послѣ античнаго государства нужно выставить средневѣковое и современное (это мы скоро увидимъ у Блунчли); да и кромѣ античнаго греческаго и римскаго слѣдуетъ упомянуть античное восточное; затѣмъ на-ряду со средневѣковымъ германскимъ—средневѣковое романское и славянское государство и т. д. Такимъ образомъ совершается переходъ отъ стараго бездушнаго схематизма къ исторической теоріи развитія государствъ, и старое ученіе о классификаціи государствъ и государственныхъ формъ превращается въ ученіе о „фазахъ развитія государствъ".

§ 113.

Ученіе Моля о государственныхъ формахъ.

У Моля въ его „Polizeiwissenschaft" (1844) перечислены пять государственныхъ формъ, соотвѣтственно пяти различнымъ „воззрѣніямъ на жизненную цѣль" („Ansichten vom Lebenszweck"), въ зависимости отъ различныхъ ступеней народнаго развитія. А именно, Моль полагаетъ, что:

1) религіозно-аскетическому воззрѣнію (religiös-ascetische Ansicht) соотвѣтствуетъ теократія,

2) стремленію къ чувственнымъ наслажденіямъ (sinnlich-genusssüchtige Ansicht)—деспотія,

3) частно-правовому притязанію государя (privat-rechtliche Forderung)—патримоніальное государство,

4) простому семейному воззрѣнію (Familienansicht) — патріархальное государство,

5) чувственно - разумному направленію (sinnlich-vernünftige Ansicht)—правовое государство.

Въ двухъ отношеніяхъ классификація эта напоминаетъ намъ пріемы стараго, отжившаго свой вѣкъ метода. Во-первыхъ, въ стремленіе представить данное ученіе, какъ логическое цѣлое, откуда общее основаніе классификаціи (воззрѣніе на жизнь) и перечисленіе пяти опредѣленныхъ жизненныхъ цѣлей, которыя, очевидно, должны заполнять и исчерпывать собою весь кругъ человѣческихъ воззрѣній; во-вторыхъ, въ небрежномъ отношеніи къ природѣ историческаго развитія, вслѣдствіе чего патріархальное государство поставлено непосредственно передъ правовымъ, оставляя позади себя теократію, деспотію и патримоніальное государство. Такой порядокъ искажаетъ дѣйствительную картину историческаго развитія.

Въ позднѣйшемъ же изложеніи (Encyclopädie, 1872) ученіе Моля о различныхъ государственныхъ формахъ свободно отъ нѣкоторыхъ изъ прежнихъ ошибокъ. Общее основаніе классификаціи здѣсь уже совершенно исчезаетъ, а вмѣстѣ съ нимъ также и стремленіе къ созданію логическаго цѣлаго.

„A priori можно лишь предполагать различіе государствъ; подтвержденіе же этой догадки мы почерпаемъ изъ историческаго опыта“. Вотъ, какого успѣха достигаетъ Моль въ своей „Энциклопедіи“. Теперь ученіе свое о различныхъ государственныхъ формахъ онъ основываетъ прежде всего на историческомъ опытѣ; а такъ какъ исторія, вопреки Гегелю и его школѣ, не представляетъ изъ себя никакой логической схемы, то и новая молевская классификація не имѣетъ общей основы дѣленія и не является уже единымъ логическимъ цѣлымъ. Въ данномъ отношеніи она приближается къ истинѣ. Правда, и эта позднѣйшая молевская классификація государствъ по родовымъ группамъ опирается на существенныя различія, но къ этимъ послѣднимъ не причисляются внѣшнія особенности, какъ напр. число правящихъ лицъ, а кромѣ того Моль здѣсь уже даже и не пытается приводить эти различія къ общему знаменателю. При этомъ искаженная въ прежней классификаціи историческая послѣдовательность здѣсь нѣкоторымъ образомъ исправляется: вѣдь во главѣ новаго раздѣленія, какъ первая родовая группа, выставляется патріархальное государство и опредѣляется, какъ „имѣющее сво-

имъ назначеніемъ организацію племенной жизни и для этой цѣли признающее отцовскую власть главы".

Второй родовой группой являются теократіи, подраздѣляющіяся на чистыя и смѣшанныя (дуалистическія), соотвѣтственно тому, сосредоточивается ли правительство въ однѣхъ рукахъ, или же для веденія свѣтскихъ дѣлъ установлена особая, подчиненная духовному начальству свѣтская власть.

Третью родовую группу представляютъ изъ себя патримоніальныя государства, „составныя части которыхъ имѣютъ особую, замкнутую группировку вокругъ государственной власти"; видоизмѣненіемъ этой группы государствъ является военное ленное государство (Lehenstaat).

Затѣмъ, обратившись къ древности, Моль выставляетъ, какъ четвертую родовую группу, античное государство съ Аристотелевскими подраздѣленіями.

Пятой родовой группой является новое правовое государство, „сущность котораго состоитъ въ томъ, что оно охраняетъ и поддерживаетъ то развитіе всѣхъ естественныхъ силъ, которое народомъ признано, какъ жизненная цѣль отдѣльныхъ личностей и совокупности ихъ". При этомъ правовомъ государствѣ насчитывается шесть различныхъ подраздѣленій.

Наконецъ, шестой родовой группой является деспотія.

§ 114.

Критика молевскаго ученія.

Итакъ, теперь на первомъ планѣ Моль выставляетъ „патріархальное" государство, и это указываетъ, конечно, на похвальное стремленіе правильно отнестись къ историческому развитію; однако же приходится признать, что Моль здѣсь слишкомъ мало пользуется исторической критикой и вноситъ въ ученіе о государствѣ скорѣе ужъ поэтическое, чѣмъ историческое воззрѣніе. Вѣдь патріархальное состояніе соотвѣтствуетъ больше поэтической потребности человѣчества, жаждѣ идеала, чѣмъ безпристрастной исторической истинѣ. Если же первоначальное патріархальное состояніе людей, подобно „золотому вѣку человѣческой невинности", является скорѣе продуктомъ фантазіи, чѣмъ дѣйствительнымъ фактомъ,—

въ такомъ случаѣ въ наукѣ никакъ ужъ нельзя серьезно говорить о патріархальномъ „государствѣ". И одно ужъ названіе это представляетъ изъ себя contradictio in adiecto! Да, если и хотятъ во что бы то ни стало предположить патріархальное состояніе, существенный признакъ котораго Моль видитъ въ совмѣстной жизни только „одного племени", то вѣдь все-таки это примитивное состояніе, эта доисторическая совмѣстная жизнь многихъ, къ одному племени принадлежащихъ семействъ не имѣетъ никакого характеризующаго государство признака. Слѣдовательно, въ крайнемъ случаѣ можно было бы говорить о патріархальномъ состояніи, но ни въ коемъ случаѣ не о патріархальномъ государствѣ! И перенесеніе заимствованной изъ воззрѣній римскаго права „отцовской власти" (patria potestas) въ это первобытное, доисторическое патріархальное состояніе является совершенно произвольнымъ. Вѣдь „отцовская власть" мыслима лишь въ одной семьѣ; утверждать же относительно цѣлаго племени, что оно связано единою отцовскою властью, — это значитъ вносить идиллическую поэзію въ то доисторическое время. Поэты давно уже пріучили нашу фантазію къ подобнымъ картинамъ,—но въ государственной наукѣ нѣтъ мѣста для такого патріархальнаго государства, основаннаго на отцовской власти и охватывающаго одно лишь племя. О серьезномъ историческомъ указаніи на подобное государство не можетъ быть и рѣчи.

За исключеніемъ этой первой родовой группы государствъ, настоящій образецъ которыхъ слѣдуетъ искать не въ исторіи, но въ фантазіи поэтовъ всѣхъ временъ,—всѣ остальныя изъ шести выставленныхъ Молемъ родовыхъ группъ государствъ съ ихъ подраздѣленіями представляютъ изъ себя не что иное, какъ болѣе или менѣе точное описаніе главныхъ государственныхъ формъ, фактически проявившихся въ исторіи.

Такъ, вторая родовая группа, теократія является не чѣмъ инымъ, какъ изображеніемъ древняго еврейскаго царства; во второмъ же ея подраздѣленіи, въ „смѣшанной или дуалистической теократіи" Моль подразумѣваетъ дуализмъ первосвященническаго и царскаго достоинства, какъ это было въ извѣстное время въ Египтѣ, а также въ Іудеѣ.

За образцы третьей родовой группы, патримоніальныхъ государствъ, очевидно, взяты средневѣковыя европейскія романо-германскія государства, „существеннѣйшей задачей которыхъ является

поддержаніе и развитіе индивидуальнаго и общественнаго существованія“; словами этими Моль намекаетъ на индивидуалистическое стремленіе къ свободѣ и на рѣзко выразившуюся сословность феодальныхъ государствъ.

Четвертой родовой группой, какъ уже упомянуто, служитъ просто классическое или античное государство съ Аристотелевскими подраздѣленіями.

Въ пятой группѣ выступаетъ достояніе новаго времени, „правовое государство“; здѣсь Моль имѣетъ въ виду современныя культурныя государства, въ которыхъ рѣшающее значеніе должно быть не за произволомъ, но за правомъ и закономъ.

Затѣмъ, какъ рѣзкій контрастъ къ такимъ государствамъ, Моль выставляетъ деспотію (шестая родовая группа). Нельзя лишь понять, почему деспотіи приходится увѣнчивать эту государственную схему, которая, параллельно историческому развитію, должна бы обнаруживать тенденцію къ прогрессу.

§ 115.

Ученіе Блунчли о государственныхъ формахъ.

У Блунчли гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ у Моля, обнаруживается историческое пониманіе ученія о государственныхъ формахъ. Собственно говоря, Блунчли въ ученіи этомъ („Allgem. Staatsrecht“ Band I, Buch IV, S. 378—454) даетъ намъ лишь большія рубрики, въ которыхъ онъ путемъ примѣровъ (beispielsweise) изображаетъ отдѣльныя историческія государственныя формы. Общая систематика образуетъ здѣсь какъ бы обширныя рамки, гдѣ въ свободномъ соединеніи выставляются индивидуальныя формы государствъ, какъ таковыя, со всей ихъ спеціальной характеристикой.

Въ общей систематикѣ этой Блунчли стремится еще удержать прежнее традиціонное ученіе о государственныхъ формахъ, а именно, здѣсь онъ основывается, какъ уже упомянуто, на аристотелевской трехчленной классификаціи, присоединяя къ ней еще четвертую государственную форму (теократію). Слѣдовательно, Блунчли выставляетъ четыре основныя формы (Grundformen), которыя онъ, по примѣру Аристотеля, находитъ „въ различномъ видѣ“, „въ какомъ представляется противоположность между правитель-

ствомъ и подвластными, преимущественно по качеству (а не по количеству) правящихъ лицъ" (Staatsr. S. 287). Вотъ какія четыре основныя формы выставляетъ Блунчли: 1) идеократію (теократію), 2) демократію, 3) аристократію, 4) монархію. Если же вмѣсто различнаго „вида верховной государственной власти" принимать въ соображеніе различныя „права подвластныхъ", то получится, по мнѣнію Блунчли, три или, собственно говоря, четыре побочныхъ государственныхъ формы (Nebenformen des Staates), а именно: 1) несвободныя, 2) полусвободныя, 3) свободныя государственныя формы, причемъ эти послѣднія, въ зависимости отъ непосредственнаго или косвеннаго участія народа въ дѣлахъ правленія, подраздѣляются на—a) античныя республики и b) современныя представительныя государства. Выставивъ эту двойную классификацію государственныхъ формъ, какъ основныхъ и какъ побочныхъ, Блунчли переходитъ къ подробному изложенію первыхъ и заполняетъ образованныя этой классификаціей рубрики. Второе же раздѣленіе (на побочныя формы) не подвергается затѣмъ дальнѣйшему развитію и, очевидно, предназначается лишь для того, чтобы служить критеріемъ свободы или несвободы во входящихъ въ рамки этихъ „основныхъ формъ" государствахъ.

Въ предѣлахъ первой основной формы, идеократіи, которая „принадлежитъ преимущественно къ младенчеству рода человѣческаго", Блунчли примѣрнымъ путемъ насчитываетъ: эѳіопское государство въ Мероэ, египетское, индійское государство, „восточное владычество" („orientalisches Herrscherthum"), а именно,—персидскую имперію, а также „магометанскіе султанаты и китайскую имперію", наконецъ, „замѣчательнѣйшее въ этой группѣ древнее государство",—еврейскую теократію. „Слабые и отдѣльные отголоски теократіи" Блунчли признаетъ въ римской имперіи при Калигулѣ и Геліогабалѣ и даже въ Швейцаріи при намѣстникѣ Гесслерѣ (I S. 303). „Теократическую окраску" видитъ онъ и въ христіанскихъ средневѣковыхъ государственныхъ формахъ, а именно, въ „духовныхъ княжествахъ" („geistliche Fürstenthümer").

Во всѣхъ этихъ теократическихъ государствахъ обнаруживаются, по мнѣнію Блунчли, шесть слѣдующихъ „общихъ характерныхъ чертъ": 1) смѣшеніе религіи и права; „перспектива загробной жизни столь сильно господствуетъ надъ земной, что эта послѣдняя не можетъ свободно развиваться"; 2) „сверхчеловѣческое величіе авторитета"; 3) „несовершенное развитіе человѣческихъ орга-

новъ выраженія воли государственной, какъ въ законодательствѣ, такъ и въ управленіи"; 4) „чрезвычайная сила духовнаго сословія"; 5) „жестокость уголовныхъ законовъ", и 6) „вліяніе духовенства на воспитаніе юношества".

§ 116.

Критика ученія Блунчли.

Что касается этой первой выставленной Блунчли „основной формы", то съ перваго же взгляда становится яснымъ, что въ предѣлахъ ея собраны самые разнородные виды государствъ: полумиѳическое эѳіопское государство въ Мероэ и магометанскій калифатъ, Персидское и Іудейское царства, Китайская и Римская Имперіи, и, наконецъ,—чтобы смѣсь эта была еще интереснѣе,— намѣстничество Гесслера въ Швейцаріи! Чего же, спрашивается, можно достигнуть подобной систематикой? Тутъ самыя разнородныя государства словно приведены къ общему знаменателю; но развѣ это приблизитъ насъ къ лучшему пониманію ихъ существа? Чтò пользы въ томъ, что передъ нами въ одинъ рядъ выстроены Мероэ, Китай, Персія, Іудея и Римская Имперія временъ Геліогабала и Калигулы? Да развѣ такимъ пріемомъ облегчается проникновеніе въ сущность данныхъ государствъ?

Что же касается въ частности до примѣровъ о Калигулѣ, Геліогабалѣ и Гесслерѣ, то тутъ ошибка Блунчли особенно велика. Случается, что тотъ или другой властелинъ составляетъ себѣ преувеличенное, до безумія доходящее представленіе о своемъ достоинствѣ; но неужели же вслѣдствіе этого одно государство должно сдѣлаться теократіей или хотя бы получить теократическую окраску? Подобное преходящее несчастье можетъ обрушиться на любое государство, — на монархію такъ же, какъ и на деспотію. Становится ли отъ этого монархія теократіей? пріобрѣтаетъ ли отъ этого деспотія теократическую окраску?

Что же далѣе, спрашивается, должны означать эти „общія характерныя черты", которыя Блунчли предлагаетъ намъ, какъ результатъ своихъ изслѣдованій о теократіяхъ? Разсмотримъ ихъ нѣсколько поближе.

„Перспектива загробной жизни столь сильно господствуетъ надъ земной, что эта послѣдняя не можетъ свободно развиваться“. Эта по виду глубокомысленная философская фраза во-первыхъ ничего ровно не выражаетъ, и во-вторыхъ то, что приблизительно намѣренъ былъ въ ней авторъ высказать, не примѣнимо къ упомянутымъ государствамъ. Вѣдь прежде всего нѣтъ никакого ровно смысла говорить о государствѣ, что въ немъ „перспектива загробной жизни господствуетъ надъ земной“. Государство—не человѣкъ, не личность и не можетъ поэтому имѣть ни взгляда на жизнь, ни тѣмъ болѣе „перспективы загробной жизни“. Итакъ, лишь люди, а не государство, могутъ имѣть подобный взглядъ или перспективу. Теперь же невозможно и никогда не бывало этого, чтобы всѣ люди въ государствѣ имѣли одинъ и тотъ же взглядъ на жизнь или одну и ту же „перспективу загробной жизни“. Этотъ взглядъ и перспектива всегда и во всякомъ государствѣ различны въ разныхъ общественныхъ классахъ и даже внутри этихъ послѣднихъ у отдѣльныхъ индивидовъ, въ зависимости отъ степени образованія и просвѣщенія этихъ классовъ и отдѣльныхъ лицъ. Что же въ такомъ случаѣ должно имѣть рѣшающее значеніе въ теократическомъ характерѣ государства, — взглядъ большинства или меньшинства? Блунчли намъ этого не говоритъ, слѣдовательно, надо полагать, взглядъ большинства. Существуетъ еще и теперь въ Европѣ много „современныхъ“ государствъ, въ которыхъ у большинства гражданъ взглядъ на жизнь и „перспектива загробной жизни“ совершенно таковы же, какіе могли быть и въ тѣхъ „теократическихъ“ государствахъ,—однако же Блунчли ихъ уже не причисляетъ къ теократіямъ. Что же касается до правящаго меньшинства, то оно, даже въ древнихъ теократіяхъ, эту „господствующую надъ земною жизнью перспективу загробной жизни“ больше проповѣдывало толпѣ, чѣмъ само въ нее вѣрило. Это „просвѣщенное“ меньшинство даже въ самыхъ мрачныхъ теократіяхъ не допускаетъ, чтобы такая „перспектива загробной жизни“ отравляла ему свободу дѣйствій. Но какую же общность „перспективы загробной жизни“ можно указать среди такихъ государствъ, какъ Мероэ, Персія, Китай, Палестина, Римъ и Швейцарія временъ Гесслера? Конечно, не большую, чѣмъ между Греціей, Англіей, Америкой и Австраліей! Слѣдовательно, какъ мы видимъ, эта „общая характерная черта“ весьма эластична; да если бы она вообще что-нибудь и означала, то во всякомъ случаѣ то, что Блунчли хочетъ ею выразить, совершенно невѣрно.

Второй характерной чертой должно служить „сверхчеловѣческое величіе авторитета“. Такъ какъ здѣсь нельзя и думать о дѣйствительномъ сверхъестественномъ величіи авторитета, то подъ даннымъ выраженіемъ слѣдуетъ подразумѣвать лишь предметъ вѣры. И вотъ, возникаетъ вопросъ: кто же долженъ вѣрить въ этотъ авторитетъ, какъ сверхчеловѣческій, для того, чтобы государство носило въ себѣ признакъ теократіи?—властвующее ли меньшинство или подвластное большинство? Что̀ касается до меньшинства, то опытъ и исторія учатъ насъ, да это лежитъ и въ природѣ вещей, что оно всегда меньше всего вѣритъ въ „сверхчеловѣческое“ значеніе (своего же) авторитета. Это властвующее меньшинство не идетъ дальше того или другого способа распространенія своего авторитета передъ массами, а эти послѣднія, по глупости своей, вѣрятъ въ особенное его значеніе. Но подобнаго рода факты можно наблюдать не только въ упомянутыхъ теократіяхъ: въ сверхчеловѣческое величіе Наполеона I, конечно, вѣрило все сельское населеніе Франціи, да и теперь еще въ нѣкоторыхъ странахъ народъ приписываетъ своимъ государямъ такое свойство; слѣдовательно, это величіе авторитета не является исключительной „общей характерной чертой“ теократій.

„Несовершенное развитіе человѣческихъ органовъ выраженія воли государственной, какъ въ законодательствѣ, такъ и въ управленіи“, эта третья „общая характерная черта“, есть признакъ отрицательный и, какъ таковой, не можетъ быть отнесенъ исключительно къ теократіямъ. Подобное несовершенство можно указать и во многихъ другихъ государствахъ, которыя однако вовсе не являются теократіями. Да, спрашивается, можно ли вообще хоть гдѣ-нибудь найти эти „человѣческіе органы выраженія воли государственной“ уже „совершенно развившимися“?

Также и четвертая „характерная черта“, „чрезвычайная сила духовнаго сословія“, встрѣчается не только въ Мероэ, Китаѣ и всѣхъ другихъ теократіяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ весьма многихъ современныхъ европейскихъ государствахъ, которыя однако ни въ коемъ случаѣ не являются теократіями. Да, признакъ этотъ мы находимъ по временамъ въ такихъ образцовыхъ конституціонныхъ государствахъ, какъ Бельгія, и достаточно лишь небольшой перемѣны министерства, чтобы утвердить такую „чрезвычайную силу духовенства“ въ первомъ, лучшемъ конституціонномъ государствѣ, и даже въ первой, лучшей республикѣ. Совершенно непонятна слѣдующая фраза, которую Блунчли присоединяетъ къ характеристикѣ

теократическихъ государствъ (Priesterstaaten): „такъ какъ во всякомъ духовенствѣ есть что-то женское (etwas Weibliches), то въ теократическомъ государствѣ женскія свойства преобладаютъ надъ мужескими“. Но прежде всего спрашивается, какъ это Блунчли усматриваетъ „во всякомъ духовенствѣ что-то женское“? Ужъ не целибатомъ ли католическаго духовенства можетъ быть оправдано данное замѣчаніе? а также—не воинственнымъ ли духомъ древнихъ и средневѣковыхъ священнослужителей? Или, быть можетъ, Блунчли при этомъ имѣлъ въ виду свое же, въ другомъ мѣстѣ вставленное заявленіе, что „церковь—женщина, а государство—мужчина“ („die Kirche das Weib und der Staat der Mann sei“)? Во всякомъ случаѣ это выраженіе о „чемъ-то женскомъ въ духовенствѣ“ принадлежитъ къ тѣмъ, неимѣющимъ никакого смысла фразамъ, которыя мы очень часто встрѣчаемъ у „знаменитыхъ“ государствовѣдовъ новаго и новѣйшаго времени.

Теперь же, перейдя къ пятой, выставленной Блунчли „общей характерной чертѣ“ теократій, къ „жестокости уголовныхъ законовъ и суровости наказаній“, мы видимъ: во-первыхъ, такой признакъ уже едва ли совмѣстимъ съ „женственностью духовенства“, а во-вторыхъ, стоитъ намъ указать лишь на европейское средневѣковье, чтобы обнаружить эту „общую характерную черту“ теократій и въ нетеократическихъ государствахъ.

Шестой же и послѣдней „характерной чертой“ теократій является вліяніе духовенства на „все воспитаніе“ юношества и народа. Еслибы это, дѣйствительно, было признакомъ теократій, тогда, конечно, намъ пришлось бы наряду съ перечисленными Блунчли теократіями, наряду съ „Мероэ, Китаемъ, Палестиной“ поставить и нѣкоторыя современныя европейскія государства.

Послѣ такого перечисленія теократій и ихъ общихъ „характерныхъ чертъ“, Блунчли подходитъ ко второй „основной формѣ“, къ демократическимъ государствамъ, подраздѣляя ихъ на древнія и новыя демократіи. Назвавъ античную демократію непосредственной (unmittelbar), а современную—косвенной (mittelbar), онъ даетъ намъ слѣдующія ближайшія разъясненія. „Древнія демократіи“, говоритъ онъ (I. S. 307), „въ политически равномъ господствѣ всѣхъ (Herrschaft Aller) искали всеобщей свободы (Freiheit Aller)“. Но правильно ли это? Существовали ли, въ дѣйствительности, когда-нибудь такія идеальныя демократіи, которыя вполнѣ были проникнуты „всеобщей свободой“ и поэтому требовали „господства всѣхъ“? Блунчли

забываетъ сдѣлать здѣсь оговорку — „за исключеніемъ рабовъ“, а также, пожалуй, еще и слѣдующую: „за исключеніемъ аристократовъ“. Вѣдь античные демократы въ концѣ концовъ являлись лишь людьми — совершенно такъ же, какъ и современные; а въ человѣческой природѣ заложена забота о своей собственной свободѣ и собственномъ властвованіи. Этотъ индивидуальный эгоизмъ, по требованіямъ цѣлесообразности, въ государствѣ, для пріобрѣтенія извѣстной силы, долженъ преобразоваться въ групповой, т. е. въ кастовый, сословный, классовой эгоизмъ и т. под. Но, какъ человѣкъ со своимъ эгоизмомъ всегда и всюду остается однимъ и тѣмъ же, такъ и сущность различныхъ естественныхъ составныхъ частей государства, различныхъ человѣческихъ группъ въ государствѣ и эгоизмъ ихъ остаются всегда одними и тѣми же. И въ античномъ и въ современномъ мірѣ демократы такъ же охотно готовы властвовать, какъ и аристократы; и въ древнюю и въ современную эпоху во всякомъ государствѣ были подвластные, и всегда они будутъ существовать, а „всеобщая свобода“, равно какъ и „господство всѣхъ“, является утопіей анархистовъ.

Мы видѣли, въ какомъ прекрасномъ свѣтѣ Блунчли представляетъ существо античной демократіи. И это очень странно, такъ какъ самъ же онъ все-таки правильно изображаетъ эту демократію въ историческомъ ея проявленіи. Вотъ что́ говоритъ онъ, напр., относительно аѳинской демократіи: „Почти всѣ важнѣйшія государственныя дѣла обсуждались въ народномъ собраніи, которое часто, чуть ли не еженедѣльно, составлялось открыто на площади; и это становится понятнымъ, если только принять въ соображеніе, что обыденныя занятія и работы исполнялись преимущественно многочисленнымъ контигентомъ рабовъ, а не свободными гражданами“. Это уже нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ только-что сказанное Блунчли объ „античной“ демократіи, будто она въ „господствѣ всѣхъ“ искала „всеобщей свободы“. Итакъ, здѣсь въ народномъ собраніи велись дебаты о государственныхъ дѣлахъ, въ то время какъ дома „обыденныя занятія и работы“ возложены были на „многочисленныхъ рабовъ“, — но вѣдь это отлично могло бы подойти и не къ „античнымъ“ демократамъ; да и аристократы всегда и вездѣ охотно признавали подобный порядокъ.

Трудно понять, какъ при такомъ положеніи дѣла можно говорить, что въ непосредственной демократіи не существуетъ благодѣтельнаго „дуализма другихъ государственныхъ формъ“, что здѣсь „нѣтъ правящихъ и подвластныхъ“ (I. S. 316). Этотъ „благодѣтельный

дуализмъ“ („wohlthätige Zweiheit“), составляющій самую существенную черту государственной жизни, никогда еще не отсутствовалъ и не будетъ отсутствовать ни въ одномъ государствѣ; правда, весьма разнообразны тѣ формы, въ которыхъ онъ проявляется,— отъ грубѣйшихъ до весьма утонченныхъ, отъ самыхъ отчетливыхъ до весьма скрытыхъ. Дуализмъ этотъ не отсутствовалъ еще ни въ одной демократіи и будетъ онъ даже въ самой передовой республикѣ. Впрочемъ, относительно современныхъ демократій истина эта ясно вырисовывается уже изъ того описанія, которое Блунчли самъ даетъ намъ, выводя передъ нами различныя европейскія и американскія новѣйшія республики. Такъ самъ же онъ признаетъ, что даже такіе „типичнѣйшіе республиканцы, какъ Вашингтонъ, когда дѣло шло о замѣщеніи должностей, всегда высоко ставили свойства джентльмена (die Eigenschaften eines Gentleman) и такимъ образомъ фактически обращали вниманіе на природные аристократическіе элементы современнаго міра“ (S. 321). Не лишено смысла также и слѣдующее выраженіе Блунчли: „отличительная черта представительной демократіи заключается въ томъ, что властвованіе государственное объявляется собственнымъ правомъ большинства, осуществленіе же этого властвованія ввѣряется меньшинству“ (S. 329). Иными словами, такъ: и въ этихъ современныхъ демократіяхъ мы встрѣчаемся съ „благодѣтельнымъ дуализмомъ“ правящихъ и подвластныхъ.

Въ рубрикѣ „третьей основной формы“, аристократіи, Блунчли выводитъ намъ два историческихъ подраздѣленія: греческую (Спарта) и римскую аристократію; послѣднюю изъ нихъ онъ правильно характеризуетъ, какъ „далекую отъ той неподвижности (Starrheit) сословныхъ контрастовъ, какую мы встрѣчаемъ въ Спартѣ“ (S. 338). „Существовавшіе въ римскомъ народѣ контрасты“, продолжаетъ онъ, „не стояли въ неподвижномъ, взаимно обезсиливающемъ положеніи другъ противъ друга, но именно вслѣдствіе своихъ столкновеній и взаимодѣйствій вызывали высшее развитіе политической жизни“. Это являлось слѣдствіемъ того обстоятельства, „что римскіе патриціи не выводили, какъ спартіаты, своего происхожденія изъ одного народнаго племени (Volksstamm), но, какъ англійская знать состоитъ изъ саксонской и норманской крови, такъ и они были латинскаго и сабинскаго, а отчасти и этрусскаго происхожденія“. Въ заключеніе же Блунчли не можетъ не выказать оригинальнымъ образомъ своего преклоненія

передъ этой римской аристократіей, называя ее „величайшей и славнѣйшей народной аристократіей“ (Volksaristokratie). Блунчли любитъ изъ двухъ противорѣчащихъ другъ другу понятій составить одно слово, какъ бы желая этимъ выразить что-то поистинѣ глубокомысленное. Въ этомъ смыслѣ только что упомянутая „Volksaristokratie“ („народная аристократія“) напоминаетъ о его же „Volksperson“ („народной личности“), про которую мы говорили выше.

Перечисленію государствъ, входящихъ въ рубрику четвертой „основной формы“ (монархіи), Блунчли предпосылаетъ замѣчаніе, что монархіи, какъ по идеѣ, такъ и по формѣ своего существованія, бываютъ весьма различны, такъ что трудно точно установить „главные типы“ ихъ. Разсматривая историческое развитіе монархіи, Блунчли выставляетъ въ началѣ этой эволюціи деспотію, являющуюся „варварской формой монархіи“ (S. 356). „Одной изъ древнѣйшихъ формъ“ монархіи фигурируетъ у него „родовое королевство (Geschlechtskönigthum) или патріархія“. Этимъ онъ однако обозначаетъ гораздо болѣе реальное явленіе, чѣмъ Моль (см. выше § 104); вѣдь, по мнѣнію Блунчли, съ патріархіей мы встрѣчаемся тамъ, гдѣ „король, какъ предводитель изъ знатнѣйшаго рода, почитается старѣйшиной и отцомъ племени. Въ Vizpati индійскихъ племенъ, какъ и въ Kuning'ѣ нѣмецкихъ народностей, замѣтно это дѣтски наивное воззрѣніе“. Итакъ, у Блунчли понятіе патріархіи подходитъ къ реальнымъ явленіямъ, между тѣмъ какъ у Моля она есть фикція. Отъ патріархіи онъ переходитъ къ „патримоніальному княжеству (Fürstenthum), встрѣчавшемуся преимущественно въ средніе вѣка, — то въ формѣ леннаго государства (Lehenstaat), то въ формѣ простого господства надъ страной (dominium terrae)“ (S. 357). Менѣе уже правдоподобны слѣдующія двѣ выставленныя Блунчли монархическія формы — „военное княжество“ („Kriegsfürstenthum“) и „судебное владычество“ („Gerichtsherrschaft“); вѣдь никогда, конечно, не существовало такихъ монархій, въ которыхъ государь ограничивался бы исключительно войною или однимъ лишь судомъ, хотя титулъ государя въ различныхъ монархіяхъ заимствовался то отъ одной, то отъ другой изъ несомнѣнныхъ его властей. Перейдя къ дальнѣйшимъ монархическимъ модификаціямъ, Блунчли упоминаетъ объ „абсолютной и ограниченной монархіи“; затѣмъ еще говоритъ о „различныхъ типахъ цивилизованной монархіи“, а именно — о королевствѣ и имперіи (Königthum und Kaiserthum). Къ названіямъ

этимъ онъ присоединяетъ весьма характерное для своего пристрастія къ пустымъ фразамъ замѣчаніе: „идея королевства принадлежитъ народу, идея же имперіи — человѣчеству. Королевство есть высшее правительственное установленіе народнаго, отдѣльнаго государства (des Volksstaates, des Einzelstaates); имперія же — вѣнецъ міровой державы (das Kaiserthum ist die Krone des Weltreiches)“ (!).

Характерно для состоянія государствовѣдѣнія въ Германіи, что здѣсь такія безсмысленныя фразы въ продолженіе десятилѣтій торжественно признавались высшимъ расцвѣтомъ государственной науки.

§ 117.

„Правовое государство“.

До самаго послѣдняго времени общее государственное право является не наукой, а только теоретической политикой, т. е. системой тенденціозныхъ конструкцій. Обнаруживается это достаточно ясно изъ того обстоятельства, что всякій государствовѣдъ свои изслѣдованія о государственныхъ формахъ увѣнчиваетъ построеніемъ такого государства, которое онъ считаетъ современнымъ; затѣмъ, утверждая, что это „вытекаетъ изъ существа современнаго государства“, предъявляютъ къ нему тѣ или другія требованія и выставляютъ для него извѣстныя „научно обоснованныя“ руководящія начала. Этотъ совершенно ненаучный пріемъ зиждется на самообманѣ. Здѣсь приходится видѣть не что иное, какъ нѣкоторое объективированіе субъективныхъ стремленій.

У Моля государственно-правовое изслѣдованіе достигаетъ высшей своей точки въ построеніи „правового государства“ („Rechtsstaat“); при этомъ онъ даетъ рядъ разсужденій относительно того, чѣмъ должно быть правовое государство. Онъ выставляетъ это правовое государство, какъ продуктъ современнаго направленія. „За христіанскимъ средневѣковымъ міровоззрѣніемъ“, говоритъ Моль, „послѣдовало теперь (въ новое время) особенное умственное и нравственное развитіе образованныхъ среднихъ сословій всѣхъ европейскихъ народовъ“. „На мѣсто мечтательнаго средневѣкового ученія объ общей христіанской міровой имперіи съ ея двумя Богомъ установленными главами выступаютъ вполнѣ раціона-

листическія и критическія изслѣдованія относительно основъ государства и цѣлей его, относительно существа правъ властвующихъ и обязанностей подвластныхъ, относительно свойствъ формъ правленія". „Неоспоримъ фактъ обширнаго развитія того міровоззрѣнія, которое основывается больше на критическомъ разумѣніи, чѣмъ на авторитетѣ, больше на нравственномъ законѣ (Sittengesetz), чѣмъ на религіозномъ вѣрованіи. Жизнепониманіе (Lebensauffassung) это произвело теперь въ государственной наукѣ теорію современнаго правового государства; широчайшее распространеніе и многостороннѣйшее развитіе пріобрѣтаетъ она въ особенной формѣ конституціоннаго государства или представительной демократіи".

Эта Молевская конструкція, „правовое государство", съ сороковыхъ до девяностыхъ годовъ XIX стол. господствовала въ нѣмецкой политической литературѣ и даже сдѣлалась лозунгомъ злободневной политики. И вотъ, то внушали себѣ, что современное государство является „правовымъ", то предъявляли къ нему всевозможныя требованія, чтобы оно было таковымъ. Выраженіе—„правовое государство" („Rechtsstaat") такъ удачно было выбрано, такъ подкупающе оно звучало, что всѣ корифеи нѣмецкой государственной науки приняли его. Шталь, провозгласившій нѣкогда государство „нравственной державой" („Sittliches Reich"), скоро попалъ въ новое теченіе. „Въ существѣ государства", полагаетъ онъ, „заложены оба начала: владычество права, отсюда — правовое государство, и владычество нравственное". „Государство должно быть правовымъ; это—лозунгъ и даже стимулъ развитія (Entwicklungstrieb) новѣйшаго времени", говоритъ Шталь. Государство „должно" быть правовымъ! но оно не является такимъ, и это между прочимъ указывается въ обширной монографіи Бера (Bähr), посвященной данному предмету. Беръ полагаетъ, что абсолютизмъ „представляетъ изъ себя переходный пунктъ въ превращеніи патримоніальнаго государства въ правовое". Написавъ (1864 г.) эти строки, онъ справедливо, повидимому, признаетъ, что превращеніе это пока еще находится въ „переходномъ состояніи". Это вытекаетъ изъ его заявленія, что „Пруссія по современнымъ своимъ установленіямъ далека еще отъ положенія правового государства". А съ тѣхъ поръ, какъ извѣстно, Пруссія еще дальше отклонилась отъ этой идеальной цѣли. Австрію Беръ считаетъ (1864 г.) „еще болѣе далекой" отъ такого идеала. Франція тогда была наполеоновской имперіей; и она также, конечно, вовсе не являлась правовымъ государствомъ. Однимъ словомъ у Бера

правовое государство является государствомъ будущаго (Zukunftsstaat), и, какъ таковое, оно, конечно, не можетъ имѣть никакихъ основательныхъ притязаній на реальность.

Весьма простую формулу признанія правового государства выставилъ Лоренцъ ф.-Штейнъ. По его мнѣнію, это—такое государство, которое имѣетъ „конституціонное административное право" („verfassungsmässiges Verwaltungsrecht"), т. е. это—государство, гдѣ управленіе ведется согласно духу конституціи.

„Органическіе порядки и постановленія", говоритъ онъ, „удерживающіе исполнительную власть въ подчиненіи законодательной или устанавливающіе гарантію господства закона надъ указомъ (Verordnung)... и составляютъ то, что мы называемъ правовымъ государствомъ (Rechtsstaat), терминомъ новымъ, но употребляемымъ въ старомъ смыслѣ свободнаго государственнаго согражданства (Staatsbürgerthum)". Однако этотъ критерій не можетъ облегчить намъ вопроса о томъ, какое государство является правовымъ. Вѣдь вѣчно царитъ между партіями споръ именно о томъ, ведется ли управленіе въ духѣ конституціи. Оппозиціонныя партіи постоянно оспариваютъ это, въ то время какъ стоящіе у кормила правленія всегда защищаютъ.

Гнейстъ полагаетъ, что выраженіемъ „правовое государство" желали указать на то основное теченіе въ государственной жизни, которое требуетъ извѣстныхъ „гарантій правомѣрности и отъ правительственныхъ распоряженій"; однако онъ соглашается съ тѣмъ, что общее государственное право „не достигло еще точнаго установленія этого понятія" (Gneist — „Rechtsstaat" 1879, S. 25). Но самъ же Гнейстъ во введеніи административныхъ судовъ (Verwaltungsgerichtsbarkeit) въ Пруссіи видитъ утвержденіе „нѣмецкаго правового государства". Выходя изъ-подъ пера члена прусскаго верховнаго административнаго трибунала (Ober-Verwaltungsgerichtshof), увѣреніе это не должно удивлять насъ, — на научное же значеніе оно не можетъ имѣть никакихъ притязаній. Южно-германскіе публицисты называютъ Пруссію дворянскимъ государствомъ (Junkerstaat), а тайный совѣтникъ Гнейстъ въ патріотическомъ порывѣ позволилъ себѣ смѣло утверждать, что она—„правовое государство". (См. статью „Der Rechtsstaat" въ моихъ Sociologische Essays 1898).

§ 118.

Конституціонная монархія.

Какъ для Моля и его послѣдователей „правовое государство", такъ для Блунчли „конституціонная" монархія явилась идеаломъ и въ то же время апріорнымъ понятіемъ, изъ „существа" котораго онъ выводитъ всѣ тѣ требованія, которыя, согласно своей точкѣ зрѣнія, хочетъ предъявить къ государству.

Зародышъ этой конституціонной монархіи, по примѣру Монтескьё, онъ находитъ „въ лѣсахъ германской старины". Блунчли согласенъ съ тѣмъ взглядомъ, что „первый опытъ созданія такихъ формъ правленія, которыя мы теперь называемъ конституціонными, сдѣланъ былъ въ государствахъ, основанныхъ на римской территоріи германскими князьями, когда впервые римскія государственныя идеи соединились съ германскими правами" (Staatsrecht I, S. 400).

Однако „эта государственная форма должна была развиться сперва въ Англіи", послѣ чего французская революція „сдѣлала второй всемірно-историческій опытъ введенія конституціонной монархіи" [1]). Но Блунчли упускаетъ изъ виду, что между тѣмъ „зародышемъ, который можетъ быть найденъ въ германскихъ лѣсахъ", и этимъ „плодомъ новаго времени" лежитъ болѣе, чѣмъ тысячелѣтнее историческое развитіе, безъ котораго „плодъ" этотъ никогда не созрѣлъ бы. Вѣдь при внимательномъ разсмотрѣніи исторіи европейскихъ государствъ въ эпохи средневѣковья и новаго времени мы вездѣ почти находимъ медленно развивающіяся конституціонныя установленія; повсюду почти мы видимъ то зачатки парламентаризма, то уже высоко развившіяся парламентарныя установленія (Англія).

Не слѣдуетъ упускать изъ виду тѣ принципы конституціонализма, которые, хотя и въ узкомъ кругѣ, но все-таки обнаруживаются въ рейхстагахъ франкской и потомъ германской имперіи во время господства Каролинговъ, франкскихъ королей, и до 17-го столѣтія.

---

[1]) Это слишкомъ смѣлое заявленіе, такъ какъ французская революція стремилась уничтожить «монархію», въ употребительномъ смыслѣ этого слова, во всякой ея формѣ; а Блунчли вѣдь отличаетъ республику отъ монархіи.

Англійскому парламенту въ сущности не уступаютъ и рейхстаги Арагоніи и Кастиліи и позднѣйшіе испанскіе кортесы, въ которыхъ даже города нашли себѣ представительство.

Что касается представительнаго государственнаго устройства, то Блунчли выводитъ постепенное его развитіе въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ; конституціонализмъ же напротивъ онъ разсматриваетъ особо, какъ произведеніе Англіи и французской революціи. Неправильность такого обособленія представительнаго государственнаго устройства (Repräsentativverfassung) отъ конституціонализма станетъ очевидною, если мы выяснимъ себѣ понятіе существа конституціонализма. Въ чемъ же оно заключается? Въ наличности спеціальной грамоты, которую именуютъ конституціей? въ „отдѣленіи суда отъ управленія" или въ тому подобныхъ стереотипныхъ уже законодательныхъ декларацiяхъ? Нѣтъ, это побочныя обстоятельства, либо неимѣющія здѣсь ровно никакого значенія, либо лишь самое незначительное. Существо же конституціонализма заключается въ совершенно иномъ. А именно, вездѣ, гдѣ какая-нибудь составная часть государства, сословіе либо классъ, добившись господства или участія въ государственномъ властвованіи, получаетъ обезпеченіе, письменное утвержденіе и гарантію своихъ правъ и вольностей (Freiheiten),—тамъ мы въ правѣ говорить о конституціи; и, гдѣ согласно съ ней ведется управленіе, тамъ правильно трактовать о конституціонализмѣ.

Изъ этого существа конституціонализма слѣдуетъ, что онъ нигдѣ и никогда не можетъ быть безъ представительства, безъ парламентаризма. Въ самомъ дѣлѣ, не можетъ же какое-нибудь народное сословіе или классъ осуществлять свое участіе во властвованіи и правленіи иначе, чѣмъ при помощи извѣстнаго собранія,—рейхстага или парламента. Это ясно. Слѣдовательно, гдѣ есть конституція, гдѣ господствуетъ конституціонализмъ, тамъ существуетъ и представительство; а равно и наоборотъ, конституцію и конституціонализмъ мы должны предполагать повсюду, гдѣ парламентъ или рейхстагъ принимаетъ участіе въ правленіи.

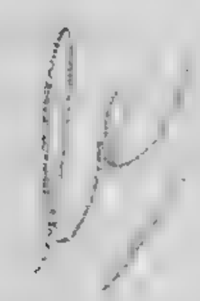
Для существа конституціонализма не важно, кто завоевываетъ себѣ участіе во властвованіи и правленіи и добивается письменнаго утвержденія этого участія и гарантіи своихъ правъ и вольностей; не важно, будетъ ли это весь народъ, будетъ ли это многочисленный средній классъ (Mittelklasse), будетъ ли это болѣе или менѣе обширное „сословіе" „благородныхъ" или „высокородныхъ". Въ корнѣ своемъ

положеніе вещей остается однимъ и тѣмъ же, принимаютъ ли участіе въ этой конституціонной жизни всѣ или только нѣкоторыя составныя части государства. Здѣсь можно, — и это правильно, — усматривать развитіе конституціоннаго режима; существованіе же этого послѣдняго слѣдуетъ признать не только въ англійскомъ парламентѣ и современныхъ французскихъ палатахъ, но также и въ „рейхстагахъ и ландтагахъ" Европы среднихъ и дальнѣйшихъ вѣковъ.

Развитіе политическаго института всегда обнаруживаетъ извѣстную непрерывность. Это въ полной мѣрѣ проявляется и въ конституціонализмѣ. Однако вмѣсто того, чтобы изъ всего этого историческаго развитія выяснить постепенный ростъ конституціонализма, Блунчли въ главѣ о „монархическомъ принципѣ и понятіи конституціонной монархіи" (Staatsrecht B. I, Cap. 22) даетъ намъ множество признаковъ, которые подходятъ отчасти ко всякой монархіи, отчасти ко всякому конституціонному государству, а слѣдовательно и къ республикамъ.

„Конституціонная монархія хочетъ быть истинной (will eine wahre sein), а не мнимой монархіей (keine Scheinmonarchie)", говоритъ Блунчли. Неужели же неконституціонная монархія, когда-либо хотѣла быть неистинной? Желала ли монархія Людовика XIV быть мнимой? И вообще странно выставлять вполнѣ произвольно приписанный „конституціонной монархіи" волевой моментъ, какъ признакъ ея. То, чего хочетъ конституціонная монархія, — и не только объектъ, но и субъектъ этого желанія, — представляется чѣмъ-то настолько неяснымъ и неопредѣленнымъ, настолько измѣнчивымъ въ различныхъ конституціонныхъ монархіяхъ, что ни въ коемъ случаѣ нельзя выставлять это совершенно туманное нѣчто, какъ признакъ (Merkmal) конституціонной монархіи. Правильнѣе уже, когда Блунчли усматриваетъ существо „монархіи" въ „персонификаціи государственнаго величія и власти государственной въ одномъ индивидѣ", хотя это является скорѣе картиннымъ изображеніемъ, чѣмъ точнымъ опредѣленіемъ понятія. Дальнѣйшее же положеніе, что монархъ долженъ быть „государственной личностью (Staatsperson) въ высокомъ смыслѣ этого слова", является опять однимъ изъ тѣхъ излюбленныхъ Блунчли выраженій, которыя мы уже охарактеризовали выше. Пользуясь этимъ произвольнымъ опредѣленіемъ понятія „монархіи", Блунчли вполнѣ раціоналистическимъ способомъ выводитъ отсюда необходимые ея аттрибуты. „Въ томъ опредѣленіи понятія", говоритъ онъ (S. 440), „нужно

различать двѣ стороны, и обѣ онѣ должны быть налицо, когда дѣло идетъ о монархіи", — и тутъ выступаютъ почерпнутые изъ историческаго и политическаго опыта „аттрибуты" монарха, а затѣмъ конституціонныя его ограниченія; все это однако такъ представлено, какъ будто они неизбѣжно вытекаютъ изъ предначертаннаго опредѣленія понятія. Слѣдовательно, Блунчли поступаетъ тутъ совершенно такъ же, какъ Моль и всѣ идеологи: изъ предпосланнаго произвольнаго опредѣленія понятія конструируетъ онъ свою „конституціонную монархію" и вкладываетъ въ нее все то, что съ его точки зрѣнія является желательнымъ. Однимъ словомъ, — какъ „правовое государство" Моля, яко бы съ логической послѣдовательностью вытекающее изъ „понятія", на самомъ же дѣлѣ выражаетъ лишь точку зрѣнія автора, — въ такомъ же точно положеніи находится и „конституціонная монархія" Блунчли. Какъ будто объективно выведенная изъ историческихъ предпосылокъ и изъ „опредѣленія понятія", она является въ сущности не чѣмъ инымъ, какъ политической программой автора.

§ 119.

Субъективныя построенія государства.

Теперь умѣстно обратить здѣсь вниманіе на тотъ особенный мыслительный процессъ, путемъ котораго различные представители доктринерскаго ученія о государствѣ, исходя изъ апріорнаго принципа или понятія, съ помощью логическихъ выводовъ приходятъ всегда туда именно, гдѣ они должны находиться уже по своему партійному положенію.

Такъ напр. революціонно настроенный Руссо, яко бы изъ своего Contrat social, путемъ логическихъ заключеній приходитъ къ той революціонной точкѣ зрѣнія, на которой онъ стоялъ уже въ силу своего соціальнаго положенія и образа мыслей. Большинство позднѣйшихъ представителей естественнаго права, исходя изъ принципа человѣческой „свободы", приходятъ къ требованію всесторонняго развитія человѣческихъ свойствъ, и, такимъ образомъ, достигаютъ той точки зрѣнія, на которой они находятся уже по своему соціальному и политическому партійному положенію. И Моль, также при помощи логическихъ выводовъ, исходя изъ своего апріорнаго принципа: „всякій

человѣкъ имѣетъ свою собственную жизненную цѣль" („Encyclopädie der Staatswissenschaften", S. 6), приходитъ къ понятію современнаго „правового государства", къ точкѣ зрѣнія, на которой онъ, несомнѣнно, стоялъ еще до этихъ выводовъ.

Блунчли отъ своихъ апріорныхъ положеній: „конституціонная монархія хочетъ быть не мнимой монархіей" и „монархъ есть государственная личность въ высокомъ смыслѣ этого слова",— приходитъ къ теоретическому установленію той формы государства (конституціонной монархіи), приверженцемъ которой онъ былъ еще прежде, чѣмъ достигъ этого глубокомысленнаго философскаго ея обоснованія.

Причина даннаго явленія лежитъ въ томъ безсознательномъ мыслительномъ процессѣ, силою котораго ученые еще заранѣе становятся на такую апріорную исходную точку, отъ которой они путемъ логическихъ операцій приходятъ къ оправданію своего собственнаго партійнаго положенія.

Не логическіе выводы, производимые Молемъ передъ нашими глазами, привели его къ теоріи правового государства; нѣтъ, само правовое государство, приверженцемъ котораго былъ Моль, завлекло его незамѣтно къ указанному апріорному основному положенію. Предположимъ, что Моль стоитъ на иной политической точкѣ зрѣнія; пусть онъ, напр., не будетъ приверженцемъ правового государства и современнаго конституціонализма, пусть онъ будетъ адептомъ „патримоніальнаго", средневѣковаго государства. И если бы такой, скажемъ, „реакціонеръ" Моль сталъ разсуждать о государствѣ, то онъ безъ сомнѣнія избралъ бы для исходной точки своихъ логическихъ выводовъ совершенно иной апріорный принципъ; логически оперируя надъ этимъ принципомъ, онъ, вмѣсто того чтобы придти къ современному правовому государству, достигъ бы теоріи средневѣковаго патримоніальнаго государства. И вотъ тогда, вмѣсто апріорнаго принципа Моля-либерала, что „всякій человѣкъ имѣетъ свою *собственную* жизненную цѣль",— онъ сдѣлалъ бы, пожалуй, отправнымъ пунктомъ своихъ выводовъ нѣсколько видоизмѣненное положеніе, а именно: „каждый человѣкъ долженъ существовать не ради своихъ лишь цѣлей, но долженъ имѣть назначеніе служить также цѣлямъ своего ближняго, цѣлямъ общимъ [1]". И, какъ теперь приверженный идеѣ конституціонализма

[1]) И дѣйствительно, у другого государствовѣда, у *Гольцендорфа*, мы встрѣчаемъ слѣдующее положеніе: «ни индивидъ, ни государственная

Моль вывелъ изъ своей апріорной исходной точки цѣлую теорію правового государства, такъ Моль-реакціонеръ при помощи логическихъ дедукцій построилъ бы на своемъ нѣсколько модифицированномъ основномъ положеніи теорію средневѣковаго патримоніальнаго государства. Исходя изъ своей отправной точки зрѣнія, онъ съ виду научно сталъ бы доказывать, что крестьянинъ долженъ работать, дабы дворянинъ свободно и не обременяя себя матеріальными заботами могъ предаваться высшимъ эстетическимъ интересамъ; что торгово-промышленный классъ не долженъ существовать ради своихъ собственныхъ цѣлей и поэтому-де онъ обязанъ приноровляться къ требованіямъ „общественнаго порядка" и не можетъ предъявлять никакихъ притязаній на участіе въ веденіи государственныхъ дѣлъ и т. д. и т. д. Все это было бы столь же логически правильно, какъ и противоположное, и оба отправныхъ пункта имѣютъ по крайней мѣрѣ одинаковое право на существованіе. Равнымъ образомъ, если бы и Блунчли по партійному положенію своему не былъ либераломъ, за отправную точку своихъ дедукцій онъ взялъ бы оба вышеупомянутыя основныя положенія о конституціонной монархіи и монархѣ въ нѣсколько иномъ видѣ. Онъ выставилъ бы ихъ въ такой приблизительно формулировкѣ: „конституціонная монархія хочетъ быть собственно лишь монархіей, конституція же — это только плащъ, въ который она облекается для виду", и затѣмъ: „монархъ есть государство". И вотъ положенія эти въ такой редакціи (а она опять по крайней мѣрѣ настолько же правильна, какъ и противоположная) прекрасно послужили бы исходнымъ пунктомъ для построенія теоріи абсолютной монархіи съ помощью цѣлаго аппарата логическихъ умозаключеній. Это ясно обнаруживаетъ слабую сторону дедуктивнаго метода въ государственной наукѣ. Государствовѣды этого направленія,

---

власть не имѣютъ своей жизненной цѣли исключительно въ себѣ самихъ» (Principien der Politik», S. 158). Очевидно, что это прямо противоположно вышеприведенному молевскому тезису о собственной цѣли всякаго человѣка. Тѣмъ не менѣе Гольцендорфъ столь же хорошо употребляетъ его въ качествѣ предпосылки для дальнѣйшихъ выводовъ, какъ и Моль свое положеніе. Но дедуктивный методъ не имѣетъ никакихъ заслугъ въ государственной наукѣ. Предпосылку охотнѣе всего берутъ изъ такой сферы, о которой никто ничего не можетъ знать, и здѣсь дѣло обходится безъ доказательствъ. Положеніе, что человѣкъ имѣетъ цѣль, — свою ли собственную или не собственную, цѣль ли въ себѣ или внѣ себя, — это даетъ образцовыя предпосылки для соотвѣтствующихъ дедукцій: вѣдь о цѣли человѣка и ея свойствахъ никто не можетъ знать ничего положительнаго и тутъ не приходится требовать никакихъ доказательствъ.

совершенно произвольно избравъ себѣ извѣстные отправные пункты, доказываютъ всегда то̀ именно, что̀ соотвѣтствуетъ ихъ взглядамъ. Такія дедукціи не имѣютъ никакой научной цѣнности. Вѣдь ни одно изъ когда-либо существовавшихъ или существующихъ государствъ никогда не являлось и не является необходимымъ выводомъ изъ идеи или понятія. Нѣтъ, всякое государство было и остается неизбѣжнымъ дѣйствительнымъ послѣдствіемъ извѣстныхъ силоотношеній. Ихъ-то и слѣдуетъ изобразить; нужно показать, изъ какихъ соціальныхъ элементовъ возникаетъ государство и какъ отношеніемъ силъ этихъ элементовъ опредѣляется созиданіе правопорядка и государственнаго права.

§ 120.

Современное культурное государство.

Если молевскій терминъ—„правовое государство"—не вполнѣ подходитъ къ современному государству, если выставленная Блунчли „конституціонная монархія" является слишкомъ узкимъ понятіемъ въ виду существованія немонархическихъ и все-таки на высотѣ нашего времени стоящихъ государствъ,—въ такомъ случаѣ слѣдуетъ подыскать иной терминъ, который, охватывая общія существенныя черты современныхъ европейскихъ и американскихъ государствъ, оставлялъ бы въ сторонѣ побочныя, индивидуализирующія описанія. Этому назначенію лучше всего соотвѣтствуетъ названіе „современное культурное государство" („moderner Culturstaat") [1]. Здѣсь именно заключается, во-первыхъ, хронологическій признакъ — „современное" и, во-вторыхъ, указаніе, что данное государство принадлежитъ къ кругу тѣхъ, которыя, опираясь на пріобрѣтенную уже человѣческую культуру, участвуютъ въ дальнѣйшемъ ея развитіи. Конечно, монархія, какъ индивидуальный признакъ, не оговаривается въ этомъ выраженіи, поскольку рѣчь идетъ о наслѣдственной монархіи. Не нужно вѣдь забывать, что въ наше время существенныя черты государства слѣдуетъ искать не во „главѣ" его, но въ политическихъ

---

[1]) Выраженіе это употребляется часто, но безъ систематической обработки. Впрочемъ пользуется имъ и Карлъ Валькеръ въ своемъ „Grundriss des allgemeinen Staatsrechtes" (1875, S. 5), а также Адольфъ Вагнеръ въ „Grundlegung der Volkswirthschaftslehre" (1876).

учрежденіяхъ и установленіяхъ, въ томъ духѣ, который его оживляетъ и въ которомъ они дѣйствуютъ. Въ этомъ отношеніи между современной республикой, напр., Франціей, и такой конституціонной монархіей, какъ Бельгія, нѣтъ въ сущности никакой разницы. Это— современныя культурныя государства, работающія для однѣхъ и тѣхъ же великихъ человѣческихъ культурныхъ задачъ и преслѣдующія въ общемъ одинаковыя цѣли. А что во главѣ одного изъ нихъ стоитъ выборный президентъ, въ другомъ же — наслѣдственный монархъ, это относится къ индивидуальнымъ и традиціоннымъ сторонамъ отдѣльныхъ государствъ. Для каждаго изъ государствъ въ отдѣльности это можетъ являться весьма важнымъ, но на существо современнаго культурнаго государства такое различіе не оказываетъ значительнаго вліянія. Машинерія современнаго культурнаго государства, представительный парламентарный режимъ работаетъ одинаково въ республикѣ и въ монархіи, независимо отъ того, выполняетъ ли въ нихъ высшую функцію президентъ или монархъ. Различіе между коронованной и некоронованной главой, а также между королевской и императорской короной, все это принадлежитъ къ индивидуальнымъ признакамъ отдѣльныхъ государствъ.

Общее ученіе о государствѣ въ классификаціяхъ своихъ должно обращать вниманіе на с у щ е с т в е н н ы я черты; а между новѣйшей конституціонной монархіей и республикой нельзя установить существеннаго различія, и наука всѣ эти достоянія новаго времени, конституціонныя и парламентарныя государства прекрасно можетъ объединить въ одну группу подъ названіемъ: „современныя культурныя государства". Группѣ этой слѣдуетъ противопоставить азіатскія, а равно и другихъ частей свѣта такія государства, которыя стоятъ еще на низкой ступени цивилизаціи и находятся внѣ круга культурныхъ государствъ. И въ этихъ двухъ обширныхъ сферахъ, представляющихъ изъ себя собственно лишь исторически послѣдовательныя фазы, не существуетъ никакихъ подраздѣленій, но однѣ только индивидуальныя формы.

§ 121.

Признаки современнаго культурнаго государства.

Теперь намъ остается еще изобразить вкратцѣ общіе существенные признаки этого современнаго культурнаго государства, которое

мы выставляемъ вмѣсто „правового государства“ и „конституціонной монархіи“. Современное культурное государство прежде всего—государство и, какъ таковое, оно, подобно всѣмъ государствамъ, всегда и вездѣ является организаціей властвованія, предназначенной для поддержанія извѣстнаго правопорядка. Многолѣтнее развитіе привело къ тому, что формы этого властвованія значительно смягчились, что оно выступаетъ теперь въ менѣе суровомъ видѣ. Старыя формы рабства и крѣпостной зависимости уже исчезли и на ихъ мѣстѣ появились „свободныя“ формы. Важнѣйшее условіе ихъ въ томъ, что принудительное властвованіе осуществляется здѣсь не произвольно, но на законномъ основаніи. Это и есть *первый* важный признакъ современнаго культурнаго государства.

Второй существенный признакъ его заключается въ томъ, что сначала среднія сословія, а затѣмъ все болѣе и болѣе обширные народные классы добиваются участія посредствомъ органа „народнаго представительства“ въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, въ законодательствѣ и въ управленіи.

Третій признакъ современнаго культурнаго государства—въ томъ, что правительственная дѣятельность не сводится здѣсь къ одному лишь взысканію податей и повинностей и веденію войнъ въ династическихъ интересахъ, но ставитъ себѣ задачей всестороннее споспѣшествованіе народному благу, а затѣмъ оказываетъ дѣятельную поддержку стремленію ко всѣмъ высшимъ, идеальнымъ человѣческимъ цѣлямъ.

Таковы три важнѣйшихъ признака современнаго культурнаго государства, а изъ нихъ вытекаетъ великая, обширная программа характеризующей его многосторонней дѣятельности.

I. Изъ усвоеннаго культурнымъ государствомъ принципа, что повсюду и безъ изъятія долженъ господствовать одинъ лишь законъ, а не личность, хотя бы и верховнаго правителя,—слѣдуетъ: 1) совершенно измѣненное положеніе чиновничества и 2) интенсивная, все болѣе и болѣе энергичная дѣятельность законодательныхъ органовъ.

ad 1) Чиновники въ современномъ культурномъ государствѣ являются отвѣтственными исполнителями закона, слугами государства. Они дѣйствуютъ во имя и въ духѣ закона. Разъ только чиновники проявляютъ свою дѣятельность во имя закона, то всякое такое ихъ дѣяніе, въ оправданіе котораго они не могутъ привести никакого закона, является произволомъ и беззаконіемъ, за что они могутъ быть привлекаемы къ отвѣтственности; разъ они должны дѣйствовать

лишь въ духѣ закона, а духъ этотъ всегда допускаетъ различныя толкованія, въ такомъ случаѣ ихъ дѣянія подлежатъ, какъ критикѣ общественнаго мнѣнія, такъ и опротестованію со стороны заинтересованныхъ партій.

ad 2) При такомъ положеніи чиновничества на всякомъ шагу можетъ ощущаться недостатокъ въ соотвѣтствующихъ подробныхъ юридическихъ указаніяхъ, а это вызываетъ непрерывную законодательную работу. Никогда и нигдѣ не издавалось столько законовъ, какъ въ современномъ культурномъ государствѣ. Все болѣе и болѣе расширяющаяся государственная дѣятельность, съ одной стороны, и недопущеніе всякаго правительственнаго и чиновничьяго произвола, съ другой, вызываютъ, какъ неизбѣжное послѣдствіе, то обстоятельство, что практика государственной жизни предъявляетъ къ законодательнымъ факторамъ все новыя и новыя требованія, и такимъ образомъ законодательство въ культурномъ государствѣ работаетъ безпрестанно и со все возрастающимъ напряженіемъ. Вслѣдствіе этого и область права въ современномъ культурномъ государствѣ становится все обширнѣе и богаче, а особенно публичное право развивается до небывалыхъ прежде размѣровъ.

II. Не подъ покровительствомъ какой-либо привилегіи осуществляютъ образованные средніе классы вліятельное участіе свое въ дѣлахъ современнаго культурнаго государства; принципъ выдающагося положенія этихъ классовъ нигдѣ прямо не признается. Напротивъ, повсюду юридически провозглашается полное „равенство всѣхъ гражданъ государства передъ закономъ“, „равное для всѣхъ право“. Если же, несмотря на это, на-ряду съ привилегированными изстари классами и сословіями достигаютъ вліятельнаго положенія въ современномъ культурномъ государствѣ и образованные средніе классы, то происходитъ это въ силу того лишь вліянія, которое оказываютъ просвѣщеніе и образованіе. Положеніе, занимаемое этими средними классами въ современномъ культурномъ государствѣ, доказываетъ, что собственно не законъ, а „образованіе ведетъ къ свободѣ“. Вѣдь, если къ понятію политической свободы принадлежитъ извѣстная степень участія въ общественныхъ дѣлахъ, то на-ряду съ привилегированными издревле дворянскими классами образованныя среднія сословія, къ которымъ въ послѣднее время должны быть причислены и рабочіе, обладаютъ этой свободой въ высшей мѣрѣ, чѣмъ весьма еще отсталое сельское населеніе.

Оказываемое путемъ свободнаго слова и прессы вліяніе образо-

ванныхъ классовъ на общественное мнѣніе, а также вліяніе ихъ на выборъ представителей обезпечиваютъ имъ въ государствѣ, и при вліятельныхъ изстари дворянскихъ классахъ, все возрастающее участіе въ законодательствѣ и управленіи (а).

III. Третій и важнѣйшій признакъ современнаго культурнаго государства, какъ уже упомянуто, заключается въ томъ, что задачей своей оно ставитъ не только споспѣшествованіе матеріальному благу народа, но также и моральное его поднятіе. Современное культурное государство заботится не только о хозяйствѣ, но и объ идейной сторонѣ народной жизни. Нигдѣ и никогда, ни въ древности, ни въ средніе вѣка не наблюдалось столько „оффиціальныхъ" („von amtswegen") заботъ о наукахъ и искусствахъ, какъ въ современномъ культурномъ государствѣ. Покровительствомъ и помощью культурнаго государства пользуются не одно лишь матеріальное народное благосостояніе и все, связанное съ нимъ, слѣдовательно: земледѣліе, средства сообщенія, промышленность, торговля; нѣтъ, оно споспѣшествуетъ также всѣмъ общечеловѣческимъ задачамъ, далеко выходящимъ за предѣлы отдѣльнаго государства и стоящимъ въ связи съ соціальными формами будущаго.

Эти три существенныхъ признака составляютъ общую характеристику современнаго культурнаго государства; разумѣется, одно изъ такихъ государствъ заслуживаетъ этого названія въ большей, а другое въ меньшей степени; да и въ отдѣльныхъ государствахъ часто чередуются періоды прогрессивныхъ и регрессивныхъ теченій. Измѣнчивость эта, не могущая все-таки надолго задержать поступательнаго хода развитія, является непремѣнной спутницей партійной борьбы, доставляющей власть то прогрессивному, то регрессивному правительству. Могутъ происходить даже атавистическія возвращенія къ стадіи абсолютизма и автократіи, что̀ случается, конечно, преимущественно вслѣдствіе несчастливаго перехода престола въ тѣхъ наслѣдственныхъ монархіяхъ, въ которыхъ парламентаризмъ еще не пустилъ глубоко корней; однако теперь такія возвращенія не могутъ быть продолжительны.

а) Огромное значеніе средняго сословія для развитія современнаго государства призналъ впервые Дальманъ (Dahlmann—«Die Politik» S. 236). Онъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: «Вотъ положеніе р е а л ь н ы х ъ народныхъ элементовъ. Повсюду почти въ нашей части свѣта ядромъ населенія является широко распространившееся, постоянно къ однородности стремящееся среднее сословіе. Оружіемъ своимъ оно пріобрѣло себѣ знаніе древняго духовенства, а равно и

силу стараго дворянства. Всякому правительству приходится съ особеннымъ вниманіемъ относиться къ среднему сословію, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ теперь покоится центръ тяжести государства; весь государственный организмъ слѣдуетъ за его движеніемъ». Въ настоящее же время на-ряду со среднимъ сословіемъ и рабочіе стали въ государственной жизни такимъ факторомъ, къ которому всякое правительство должно «относиться съ особеннымъ вниманіемъ».

§ 122.

Современныя государства.

Существуетъ три формы государственнаго устройства, кладущія въ общемъ свой особый отпечатокъ на отдѣльныя части свѣта,—на Европу, Азію и Америку. Въ Европѣ преобладаетъ конституціонная монархическая форма правленія, въ Азіи (a) деспотія, въ Америкѣ (b) республика. Поэтому конституціонную монархію можно съ нѣкоторымъ правомъ назвать европейской, деспотію азіатской и республику американской формой правленія. А принимая въ соображеніе ходъ развитія человѣческой культуры и цивилизаціи, можно, пожалуй, къ географическому распредѣленію этихъ государственныхъ формъ присоединить указаніе, что деспотія представляетъ изъ себя государственную форму прошлаго, конституціонная монархія—настоящаго, а республика—будущаго. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ отмѣтить, что, съ одной стороны, Азія, со своими деспотіями, выходитъ изъ географическихъ своихъ границъ, такъ какъ эта ея отличительная форма государственнаго устройства господствуетъ въ сопредѣльной съ ней восточной Европѣ, а также въ сѣверо-восточной Африкѣ; съ другой же стороны, въ западной половинѣ Европы расположены двѣ большихъ европейскихъ республики, Швейцарія и Франція; и вотъ на Францію можно смотрѣть, какъ бы на переходъ къ республиканской части свѣта, расположенной по ту сторону Атлантическаго океана. Въ остальныхъ двухъ частяхъ свѣта, въ Африкѣ (c) и Австраліи (d), рядомъ съ примитивнымъ, почти безгосударственнымъ (staatslos) устройствомъ преобладаетъ европейское колоніальное господство.

a) Кромѣ преобладанія деспотической формы правленія (Россія, Турція, Китай, Персія, Анамъ и нѣкоторыя независимыя аравійскія государства, какъ напр. государство Вагабитовъ), кромѣ этого для

Азіи характерно вассальное государство (Vasallenstaat), которое, какъ рудиментъ, сохранилось еще и въ Европѣ, но въ одномъ лишь экземплярѣ (Болгарія). Такая государственная форма сама собою появляется при широкой распространенности деспотій. Здѣсь незначительный деспотъ цѣною ежегодной дани покупаетъ себѣ у сосѣдняго великаго деспота возможность безпрепятственнаго угнетенія его подданныхъ; для «сюзерена» же такое положеніе дѣлъ является выгоднымъ въ силу того, что онъ, предоставляя своему «вассалу» заботу о непосредственныхъ выжимательствахъ, спокойно, какъ «покровитель», удерживаетъ за собой извѣстную долю отъ этихъ поборовъ. Въ такомъ «подпокровительственномъ» положеніи находятся по отношенію къ Китаю: Тибетъ, Восточный Туркестанъ, Монголія и Манджурія; по отношенію къ Турціи—нѣкоторыя бедуинскія государства Аравіи, напр. Іеменъ; по отношенію къ Россіи—оставшаяся еще самостоятельной часть Бухары. Эта вассальная зависимость настолько соотвѣтствуетъ азіатскимъ отношеніямъ, что такія даже европейскія колоніальныя державы, какъ Англія и Франція, пользуются этой формой для распространенія своего господства на тѣ страны Азіи, надъ которыми онѣ не могутъ непосредственно властвовать. Такъ напр. афганистанскій эмиръ находится въ зависимомъ положеніи отъ Англіи, которой онъ обязанъ уплачивать ежегодную ренту. Положеніе же Белуджистана, хотя онъ также находится подъ англійскимъ протекторатомъ, значительно выгоднѣе, такъ какъ главный его ханъ, господствуя надъ провинціальными ханами, получаетъ ежегодно отъ Англіи жалованіе, но за это долженъ соглашаться на существованіе въ странѣ англійскихъ военныхъ пунктовъ.

Впрочемъ къ деспотіямъ и вассальнымъ государствамъ Азіи въ послѣднее время нашли себѣ доступъ и чисто европейскія конституціонныя государственныя устройства. Въ то время какъ съ запада Россія преграждаетъ европейскому либерализму путь въ Азію, западно-европейская культура черезъ океанъ проникла въ отдаленнѣйшую восточную часть Азіи, и такимъ образомъ на крайнемъ сѣверо-востокѣ Японія, а на юго-востокѣ въ Индо-китаѣ королевство Сіамъ приняли европейское государственное устройство и культуру. Сіамъ первый европеизировалъ свое государственное устройство. 8 мая 1874 г. король отказался отъ своего единодержавія и съ тѣхъ поръ осуществляетъ законодательную власть при содѣйствіи государственнаго совѣта и совѣта министровъ.

Японія же съ 1890 г. стала вполнѣ правильной конституціонной монархіей. Двухпалатный парламентъ осуществляетъ законодательную власть и имѣетъ извѣстное вліяніе на установленіе бюджета. Правда, императоръ пользуется еще значительными прерогативами, но съ другой стороны и гражданамъ предоставлены политическія права (свободное выраженіе мысли путемъ устнаго и печатнаго слова, свобода совѣсти и т. д.).

Слѣдовательно, подобно тому, какъ Европа своими двумя большими республиками обнаруживаетъ переходъ къ новой, чисто-респу-

бликанской части свѣта, такимъ же образомъ и въ Азіи два конституціонныхъ государства образуютъ переходную ступень къ преимущественно конституціонно-монархической Европѣ.

Съ американскаго же материка, вмѣстѣ съ паденіемъ бразильской имперіи, исчезла послѣдняя монархія; въ настоящее время Америка, за исключеніемъ европейскихъ колоній, является вполнѣ республиканской.

b) Всѣ 19 самостоятельныхъ американскихъ государствъ—республики. Самою большою изъ нихъ является Сѣверо-Американскій Союзъ (Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты) съ 87 милліонами жителей, занимающихъ территорію въ 9 милліоновъ квадратныхъ километровъ. Второй по величинѣ и самой юной является Бразилія [1]) (Соединенные Штаты Бразиліи) съ 15 милліонами жителей на 8,4 мил. кв. км. Наименьшей изъ этихъ республикъ является расположенный въ Центральной Америкѣ на берегу Тихаго океана Санъ-Сальвадоръ (около 1 милліона жителей на 21.000 кв. км.).

Остальныя области Америки являются европейскими владѣніями и, какъ таковыя (за исключеніемъ, конечно, французскихъ), входятъ въ составъ европейскихъ монархій. Больше всего владѣній принадлежитъ здѣсь Великобританіи (свыше 8,5 мил. кв. км., заселенныхъ приблизительно 7 мил. жителей); главную часть ихъ составляетъ Канада, зависимость которой отъ метрополіи весьма незначительна. Слѣдующія по величинѣ (но уже значительно меньшія) владѣнія имѣетъ Испанія (128.000 кв. км. приблизительно съ 2,5 мил. жителей). Кромѣ этихъ двухъ государствъ еще лишь Франція, Голландія и Данія имѣютъ здѣсь сравнительно незначительныя владѣнія, изъ которыхъ, конечно, голландскія и датскія также управляются монархически.

c) Африка представляетъ изъ себя не встрѣчаемую ни въ какой другой части свѣта образцовую карту всѣхъ возможныхъ государственныхъ устройствъ, начиная съ полнѣйшей безгосударственности Бушменовъ, примитивнѣйшаго племенного управленія у негровъ и самыхъ варварскихъ деспотій и султанатовъ (напр. Ашанти и Дагоме) и кончая европейски-конституціонными формами государственнаго устройства (большею частью въ сильно колонизированныхъ европейцами странахъ, куда относится напр. Капская земля) и такими по американскому образцу устроенными южно-африканскими республиками, какъ Трансвааль [2]). Форма азіатскаго вассальнаго

---

[1]) Въ 1889 году въ конституціонно-монархической Бразиліи вспыхнуло возстаніе, окончившееся изгнаніемъ императора донъ-Педро II. И вотъ 15 ноября 1889 г. Бразилія провозглашена республикой. Переводчикъ.

[2]) Англо-бурская война, завершившаяся подписаннымъ 18 (31) мая 1902 года въ Преторіи мирнымъ договоромъ, отняла политическую независимость у Трансвааля и родственной ему Оранжевой республики. По этому договору обѣ бурскія республики объявлены присоединенными къ британскимъ владѣніямъ. Переводчикъ.

строя перешла изъ Азіи въ Египетъ, который находится въ вассальной зависимости отъ Турціи. Къ югу отъ Египта расположена христіанская Абиссинія, абсолютный государь которой (негусъ или собственно негусъ-негасти, т. е. царь царей) властвуетъ надъ начальниками отдѣльныхъ областей. Въ концѣ XIX-го стол., вслѣдствіе нанесенныхъ итальянцамъ пораженій, престижъ этого негуса (Менелика) значительно увеличился. Къ востоку отъ Абиссиніи простирается владычество магди, которое подошло бы подъ категорію «теократій», такъ какъ магди повелѣваетъ надъ своими подданными именемъ Божьимъ, какъ пророкъ и верховный жрецъ. Старѣйшія же европейскія владѣнія, какъ напр. французскій Алжиръ, управляются по законамъ, устанавливаемымъ метропольными законодательными корпораціями, которымъ принадлежитъ и извѣстный парламентскій контроль надъ колоніальнымъ управленіемъ. Только въ занятыхъ за недавнее время Германіей провинціяхъ царятъ ужасные порядки, на которые по временамъ бросаютъ яркій свѣтъ разоблаченія безпристрастныхъ изслѣдователей Африки. Здѣсь «сила идетъ впереди права»,—и вотъ захватываютъ столько земли, сколько это позволяетъ усовершенствованное огнестрѣльное оружіе; произвольно убиваютъ и грабятъ, какъ это обнаруживается изъ уголовныхъ процессовъ прусскихъ культуртрегеровъ — Лейста, Велана и др.; такимъ образомъ не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо государственномъ устройствѣ и «сферахъ интересовъ» въ этихъ странахъ. Тамъ просто царитъ самое примитивное разбойничанье, анархическое состояніе, въ которомъ не дѣйствуетъ ни законъ, ни право и гдѣ подъ предлогомъ внесенія въ Африку «европейской культуры» примѣняютъ жестокости, единственная цѣль которыхъ кроется въ удовлетвореніи собственой алчности.

d) Австралія почти всецѣло относится къ Великобританіи, а поэтому, подобно другимъ англійскимъ колоніальнымъ государствамъ, она имѣетъ конституціонный, парламентарный государственный режимъ.

§ 123.

Міровыя, великія и малыя государства.

Если для оріентировки желательно провести сравненіе между всѣми современными государствами, то слѣдуетъ при этомъ ограничиться ихъ величиной, а именно ихъ территоріальнымъ протяженіемъ и численностью населенія. Съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія всѣ современныя государства можно раздѣлить на міровыя, великія и малыя (Weltreiche, Grossstaaten und Kleinstaaten), сообразно съ тѣмъ, составляетъ ли территорія ихъ болѣе милліона кв. км., про-

стирается ли она между милліономъ и 200.000 кв. км. или наконецъ занимаетъ менѣе 200.000 кв. км. Хотя численность народонаселенія и не пропорціональна территоріальному протяженію, т. е., хотя плотность населенія весьма различна, все-таки построенная на территоріальной величинѣ классификація государствъ только выигрываетъ отъ принятія здѣсь въ соображеніе также плотности населенія. Если мы въ основу дѣленія государствъ на міровыя, великія и малыя, принимая въ соображеніе населеніе, положимъ числа: до 30 и свыше 50 мил., т. е., если государства съ населеніемъ до 30 мил. отнесемъ къ малымъ, отъ 30 до 50 мил.—къ великимъ и наконецъ свыше 50 мил. — къ міровымъ, то классификація эта въ общемъ совпадетъ съ построенной на принципѣ территоріальнаго протяженія.

Согласно съ этимъ двойнымъ основаніемъ дѣленія можно составить слѣдующую таблицу:

Міровыя государства.

	Квадр. кил. (въ милліонахъ).	Жителей (въ милліонахъ).
Великобританія	29	410 [1])
Китай.	11	360
Россія.	22	140
Франція	7	89
Сѣв.-Амерк. Соединенные Штаты.	9	87

Великія государства.

	Квадр. килом. (въ тысячахъ).	Жителей (въ милліонахъ)
Австро Венгрія	676	47
Германія	540	56
Италія	286	32

[1]) Стоящія въ нѣмецкомъ текстѣ цифры народонаселенія я долженъ былъ здѣсь измѣнить, соотвѣтственно новѣйшимъ статистическимъ даннымъ.

Переводчикъ.

Остальныя же государства, согласно вышепринятому двойному основанію дѣленія, должны быть отнесены къ малымъ. Нѣмецкую Африку и государство Конго, какъ „объектъ будущаго", мы оставляемъ здѣсь безъ разсмотрѣнія.

§ 124.

Европейскія государства.

Съ внѣшней стороны среди европейскихъ государствъ преобладаютъ наслѣдственныя монархіи; по внутреннему же существу—конституціонныя и парламентарныя государственныя устройства. Среди наслѣдственныхъ монархій въ свою очередь преобладаютъ конституціонныя, т. е., такія, въ которыхъ верховное управленіе наслѣдственно принадлежитъ извѣстной династіи и призванный въ порядкѣ престолонаслѣдія носитель государственной власти, въ силу писаной [1]) и клятвенно принятой конституціи, связанъ въ осуществленіи своей верховной власти съ участіемъ народнаго представительства. Республики же съ избираемыми на нѣсколько лѣтъ президентами, по сравненію съ наслѣдственными монархіями, составляютъ въ Европѣ меньшинство.

Наслѣдственныя монархіи слѣдующія: Россія, Англія, Австро-Венгрія, Германія вмѣстѣ со всѣми своими монархическими союзными государствами, Италія, Испанія, Швеція и Норвегія, Бельгія, Голландія, Румынія, Португалія, Турція, Данія, Греція, Сербія, Черногорія, Люксембургъ, Монако, Лихтенштейнъ. Изъ нихъ Россія и Турція—абсолютныя [2]), всѣ же остальныя—кон-

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что въ Англіи не имѣется особой писаной конституціи. „Государственное устройство ея опредѣляется совокупностью отдѣльныхъ законовъ и обычаевъ. Благодаря этому, тамъ нѣтъ и формальнаго различія между конституціонными и обыкновенными законами, и парламентъ пользуется юридически безграничною властью, ни въ чемъ не находящею себѣ правового ограниченія". (См. у Коркунова—„Русское Государственное Право", т. I, изд. 1904 г., стр. 129 и слѣд.).

Переводчикъ.

[2]) Къ абсолютнымъ монархіямъ слѣдуетъ отнести также Монако и Черногорію. Правда, въ 1879 году въ Черногоріи учрежденъ выборный государственный совѣтъ и введена отвѣтственность министровъ, но все-таки конституціонный режимъ здѣсь не привился.

Переводчикъ.

ституціонныя монархіи; нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ, какъ напр. Англія, Бельгія, Италія, Швеція и Норвегія, Венгрія, являются монархіями съ парламентарнымъ режимомъ. (а)

Республики слѣдующія: Франція, Швейцарія, Санъ-Марино (подъ итальянскимъ протекторатомъ), Андорра (подъ верховнымъ управленіемъ Франціи и епископа Ургельскаго) и наконецъ нѣмецкія городскія республики (Stadtrepubliken) Бременъ, Гамбургъ и Любекъ, находящіяся подъ верховенствомъ Германской имперіи. Въ главѣ республикъ стоятъ выборные президенты. А именно, во Франціи президентъ избирается на 7 лѣтъ „національнымъ собраніемъ", составляющимся отъ соединеннаго присутствія палаты депутатовъ и сената, и имѣетъ право снова быть выбраннымъ (конституція 1875 года). Въ Швейцаріи во главѣ исполнительной власти стоитъ выбираемый лишь на одинъ годъ изъ семи членовъ союзнаго совѣта президентъ, который, какъ таковой, въ слѣдующемъ году уже не можетъ быть избранъ. Сами же семь членовъ союзнаго совѣта выбираются союзнымъ собраніемъ (Bundesversammlung) на три года (конституція 1874 года).

Во главѣ Санъ-Марино стоятъ два capitani reggenti, выбираемые на полгода изъ палаты депутатовъ, члены которой пожизненно сохраняютъ свои полномочія.

Во главѣ Андорры стоитъ выбираемый на четыре года генеральный совѣтъ, президентъ котораго (первый синдикъ) облеченъ исполнительной властью.

Въ трехъ свободныхъ ганзейскихъ городахъ—Бременѣ, Гамбургѣ и Любекѣ исполнительную власть осуществляютъ бургомистры (одинъ или два), выбираемые сенатомъ на одинъ или два года.

Однако, касательно перечисленныхъ здѣсь маленькихъ республикъ слѣдуетъ замѣтить, что онѣ въ сущности не суверенны, такъ какъ находятся въ болѣе или менѣе зависимомъ положеніи отъ покровительствующихъ имъ державъ. Дѣйствительно же суверенными являются лишь Франція и Швейцарія.

Въ Европѣ сохранилось еще одно вассальное государство, какъ пережитокъ нѣкогда процвѣтавшаго, теперь же вымирающаго типа, а именно—Болгарія. Это недавнее, изъ растлѣвающагося тѣла Турціи вырѣзанное „конституціонное" княжество признаетъ еще султана „верховнымъ владыкой" и находится по отношенію къ Турціи въ подчиненномъ положеніи. (b)

a) Различіе между простымъ конституціоннымъ и парламентарнымъ режимомъ заключается въ неодинаковомъ отношеніи короны къ парламенту при назначеніи министровъ. Если корона осуществляетъ это право по своему собственному усмотрѣнію, не считаясь съ существующимъ парламентскимъ большинствомъ, то говорятъ о простомъ конституціонномъ режимѣ; если же въ силу установившагося обычая корона принуждена назначать министровъ изъ парламентскаго большинства, то здѣсь мы имѣемъ дѣло съ парламентарнымъ режимомъ. Очевидно, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ перевѣсъ силы лежитъ въ парламентѣ, а именно въ его большинствѣ. Само собою разумѣется, что республики eo ipso обладаютъ парламентарнымъ режимомъ; вѣдь президентъ республики не можетъ править вопреки волѣ большинства народнаго представительства, а поэтому, лишь только обнаружится, что большинство это не согласно съ правительствомъ, онъ долженъ или сложить съ себя свое званіе или смѣнить министерство.

b) Такое положеніе Болгаріи существуетъ на основаніи Санъ-Стефанскаго мирнаго договора и постановленія Берлинскаго конгресса; болгарская конституція 28 апрѣля 1879 года подтверждаетъ это «вассальное отношеніе» къ Портѣ.

§ 125.

Единыя и сложныя государства.

Такъ какъ всѣ большія государства выростаютъ изъ малыхъ, совершается ли это путемъ завоеванія, престолонаслѣдія и избранія государя,—то нѣтъ, строго говоря, ни одного большого государства, которое не являлось бы въ этомъ смыслѣ сложнымъ или, какъ еще выражались, Staaten-Staat (государствомъ государствъ). Если разсмотримъ большія государства Азіи или Европы, то повсюду передъ нами выступитъ фактъ этой сложности изъ самостоятельныхъ нѣкогда государствъ. Такъ Китай является продуктомъ тысячелѣтняго ряда завоеваній и заключаетъ въ предѣлахъ своихъ множетво нѣкогда самостоятельныхъ государствъ, въ которыхъ, несмотря на направленную къ нивеллировкѣ внутреннюю политику китайскаго правительства, все еще живутъ самыя разнообразныя племена, сохранившія по большей части свой особенный разговорный и литературный языкъ и даже исповѣдывающія различныя религіи. Равнымъ образомъ и Россія, несмотря на насильственную руссификацію всѣхъ ея территоріальныхъ составныхъ частей, все еще является конгломератомъ самыхъ разнообразныхъ, нѣкогда самостоятельныхъ госу-

дарствъ, во многихъ изъ которыхъ также еще сохранились прежнія языки. Такія государства не могутъ считаться едиными, несмотря ни на централизацію въ управленіи, ни на общее право, которое вводятъ эти правительства; объединяетъ ихъ лишь общая верховная власть, которой они подчинены, да централизація и болѣе или менѣе насильственно выступающія правительственныя ассимилятивныя тенденціи (Assimilirungstendenzen).

И въ Европѣ о единыхъ государствахъ говорится лишь тамъ, гдѣ эти тенденціи къ сліянію самостоятельныхъ первоначально государствъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ теченіе продолжительнаго времени сопровождались успѣхомъ, гдѣ онѣ болѣе или менѣе устранили первоначальную разнородность отдѣльныхъ „провинцій" и способствовали образованію единой національности. Отсюда образцомъ единаго государства (Einheitsstaat) въ Европѣ считается Франція, которая еще въ IX столѣтіи состояла изъ множества самостоятельныхъ государствъ (Аквитанія, Бургундія, Нормандія, Фландрія и др.). Но тысячелѣтняя съ тѣхъ поръ эволюція слила это множество мелкихъ государствъ въ великую французскую державу, и французская революція насильственно завершила дѣло этого объединенія: она уничтожила старое дѣленіе Франціи, напоминавшее еще о былыхъ самостоятельныхъ территоріяхъ и раздѣлила ее на 83 болѣе или менѣе равныхъ департамента, какъ административныхъ округа. Въ настоящее время Франція разбита на 87 департаментовъ.

Италія съ внѣшней стороны также считается единымъ государствомъ,—въ сущности же она далеко еще не такова. Различныя, нѣкогда самостоятельныя „страны" („Regionen") Италіи, несмотря на общій (литературный!) языкъ, чувствуютъ себя особыми историко-политическими индивидуальностями.

Равнымъ образомъ и Испанія признается теперь единымъ государствомъ, такъ какъ-де провинціальныя различія, вытекающія изъ прежней множественности самостоятельныхъ государствъ [1]), покрываются общимъ языкомъ.

Англія также является не вполнѣ единымъ государствомъ, хотя бы имѣть въ виду только три ея части — собственно Англію, Шотландію и Ирландію, ничего уже не говоря о прежнихъ самостоятельныхъ государствахъ на территоріи собственно Англіи.

---

[1]) Современная Испанія произошла отъ постепеннаго сліянія 14 нѣкогда независимыхъ государствъ, названія которыхъ сохранились еще въ наименованіи отдѣльныхъ провинцій.

*

Тѣмъ не менѣе принято эти „единыя" государства противоставлять другимъ, какъ „составнымъ", напр. Австро-Венгріи. Происходитъ это не потому только, что данная монархія составлена изъ двухъ государствъ, Австріи и Венгріи, но и въ силу того, что каждая изъ нихъ состоитъ изъ множества самостоятельныхъ нѣкогда государствъ и земель, сохранившихъ въ Австріи и въ Венгріи свою историко-политическую индивидуальность. Такъ прежнее великое княжество Трансильванія (Семиградія), хотя въ послѣднее время закономъ и объявлено полное его „инкорпорированіе", все-таки является составной частью, входящей въ Венгрію еще не вполнѣ и не безъ національнаго различія; тріединое королевство Кроація-Славонія-Далмація въ высокой степени сохранило въ Венгріи свое самостоятельное государственно-правовое положеніе. (Фактически Далмація еще относится къ Австріи).

Австрія же состоитъ изъ множества земель (Länder), образующихъ опредѣленныя историко-политическія индивидуальности, отличающіяся между собою не только своимъ особеннымъ національнымъ языкомъ (что, правда, не вездѣ наблюдается), но и характерными, на особомъ историческомъ развитіи зиждущимися свойствами всего культурнаго и общественнаго склада. Такія особыя области и группы ихъ въ предѣлахъ австрійскаго государства образуютъ не только земли богемской короны, Галиція, славяно-итальянскія береговыя земли, но и всякая изъ нѣмецкихъ альпійскихъ земель, какъ напримѣръ Тироль, Зальцбургъ, затѣмъ оба эрцгерцогства [1]).

Хотя Австрію и можно выставлять прекраснымъ образцомъ сложнаго государства, тѣмъ не менѣе изъ вышеприведенныхъ разсмотрѣній вытекаетъ, что трудно установить предѣлъ между единымъ и сложнымъ государствомъ и что различіе этихъ двухъ понятій почти совпадаетъ съ различіемъ мононаціональнаго и полинаціональнаго государства. Мы говоримъ почти, потому что такіе примѣры, какъ Тироль, со своими рѣзко выразившимися по отношенію къ другимъ нѣмецкимъ землямъ особенностями, показываютъ, что даже страны съ общимъ языкомъ внутри одного и того же государства могутъ сохранить свою особую историко-политическую индивидуальность. Пруссія также представляетъ хорошую иллюстрацію этого положенія. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря даже о польскихъ ея провинціяхъ, мы знаемъ, что ганноверцы не могутъ себя такъ свободно

---

[1]) См. мое „Oesterreichisches Staatsrecht", S. 77.

чувствовать, какъ пруссаки, хотя между Эмсомъ и Одеромъ говорятъ только по-нѣмецки. Вѣдь не такъ еще давно Ганноверъ составлялъ самостоятельное государство и, хотя онъ и принадлежитъ къ нѣмецкой націи, но далеко еще не пруссифицировался. Слѣдовательно, и Пруссія, если даже совершенно оставить въ сторонѣ ея польскія провинціи, также не можетъ считаться единымъ государствомъ.

§ 126.

Государства-уніи; союзное государство и союзъ государствъ.

Тѣ же самые интересы, частью экономическаго, частью чисто политическаго характера, подъ вліяніемъ которыхъ государства издавна выходили на путь сосѣднихъ завоеваній, тѣ же интересы, въ случаѣ равновѣсія силъ, когда ужъ нельзя было думать о покореніи, приводили къ устройству союзовъ, принимавшихъ, въ зависимости отъ времени и обстоятельствъ, различныя формы. Теорія различаетъ три главныхъ типа такихъ государственныхъ соединеній (Staaten-Verbindungen).

Унія есть соединеніе двухъ, болѣе или менѣе сохраняющихъ свою самостоятельнотсь государствъ, подъ верховенствомъ одного монарха. Если, кромѣ личности общаго монарха, государства эти не имѣютъ ничего общаго, если каждое изъ нихъ имѣетъ свой собственный законодательный органъ и управляется на своей территоріи строго отдѣльнымъ правительствомъ,—въ такомъ случаѣ говорятъ о личной уніи (Personal-Union). (a) Когда же къ общности монарха привходитъ еще общность по нѣкоторымъ дѣламъ законодательства и управленія, причемъ выполненіе этихъ функцій лежитъ или на постоянныхъ общихъ органахъ или на собирающихся отъ времени до времени корпораціяхъ,—тогда передъ нами реальная унія (Real-Union). (b)

Если для общаго споспѣшествованія хозяйственнымъ своимъ интересамъ и для взаимной охраны своего политическаго положенія нѣсколько государствъ составляютъ союзъ, въ которомъ всякое изъ нихъ сохраняетъ полный свой суверенитетъ и гдѣ завѣдываніе общими дѣлами возлагается на одну общую корпорацію или учрежденіе, составленныя при участіи отъ всѣхъ отдѣльныхъ государствъ,—

въ такомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ союзомъ государствъ (Staatenbund).

Когда же соединяющіяся государства отказываются отъ извѣстныхъ правъ суверенитета (Souveränitätsrechte) въ пользу общаго центральнаго правительства, осуществляющаго эти права и суверенную власть во имя всѣхъ данныхъ государствъ,—тогда говорятъ о союзномъ государствѣ (Bundesstaat).

Продолжительныя соединенія существовали и существуютъ, какъ среди монархій, такъ и среди республикъ. Среди монархій они всегда являлись соединеніями двухъ государствъ при одномъ монархѣ, или союзами суверенныхъ государствъ при выборномъ представителѣ верховной власти, какъ напр. старая германская имперія. Тамъ императоръ избирался курфюрстами, причемъ ему передавались извѣстныя верховныя права надъ всѣми нѣмецкими князьями и суверенными государями. Напротивъ, новая германская имперія представляетъ изъ себя небывалое еще соединеніе суверенныхъ государствъ, которыя подчинились наслѣдственной имперіи и такимъ образомъ отказались отъ части своихъ суверенныхъ правъ. Новая германская имперія является совершенно особенной и единственной въ исторіи формой соединенія. Нѣмецкіе государствовѣды говорятъ о „дѣлимомъ суверенитетѣ", что однако есть contradictio in adjecto, такъ какъ частичный суверенитетъ вовсе не является суверенитетомъ. Неясность теоріи вытекаетъ въ данномъ случаѣ изъ неопредѣленности дѣйствительныхъ отношеній, скрывающихъ еще нѣкоторые неразрѣшенные и трудно разрѣшимые вопросы. Старая германская имперія, какъ избирательная, была совмѣстима съ полнымъ суверенитетомъ всѣхъ отдѣльныхъ государствъ, такъ какъ она представляла собою лишь добровольно избранную верховную власть. Напротивъ же, наслѣдственная имперія, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ едва ли совмѣстима съ суверенитетомъ отдѣльныхъ государствъ.

Во всякомъ случаѣ изъ республикъ составленный союзъ государствъ представляетъ гораздо болѣе ясную и опредѣленную картину отношеній. Вѣдь здѣсь совокупности государствъ (какъ въ Сѣв.-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и въ Швейцарскомъ Союзѣ) принадлежитъ осуществленіе извѣстныхъ верховныхъ правъ суверенитета, на которыя не можетъ притязать ни одинъ отдѣльный штатъ или кантонъ. Тѣмъ не менѣе однако отдѣльныя государства сохраняютъ свой полный суверенитетъ, совершенно равноправны между собой и не имѣютъ основанія завидовать другъ другу въ выс-

шемъ правовомъ положенiи; при этомъ они не подчинены никакой такой высшей власти (Obergewalt), въ формированiи которой сами не принимали бы постоянно перiодическаго и равнаго участiя.

a) Такую личную унiю составляли Голландiя и Люксембургъ на основанiи Лондонскаго трактата 1839 года. Голландскiй король былъ великимъ герцогомъ люксембургскимъ, но оба государства по своему устройству и управленiю оставались совершенно отдѣльными. Такъ какъ при этомъ въ Голландiи дѣйствовали иные, чѣмъ въ Люксембургѣ, законы о престолонаслѣдiи, то въ 1890 г., послѣ смерти короля—великаго герцога Вильгельма III, не оставившаго мужского потомства, Люксембургъ достался герцогу Адольфу Нассаускому, въ то время какъ голландская корона перешла къ дочери Вильгельма III. Такъ распалась существовавшая съ 1839 г. личная унiя этихъ двухъ государствъ.

Изъ болѣе отдаленной эпохи, какъ примѣръ личной унiи, можно привести соединенiе англiйской и ганноверской коронъ при Георгѣ I (1714 г.) и его послѣдователяхъ, пока въ 1837 году, также вслѣдствiе различныхъ дѣйствовавшихъ въ Англiи и въ Ганноверѣ законовъ о престолонаслѣдiи, корона Англiи по ея закону не досталась племянницѣ короля Вильгельма IV, въ то время какъ Ганноверъ, по нѣмецкому закону о престолонаслѣдiи, перешелъ къ болѣе далекой мужской линiи. Такимъ образомъ произошло разобщенiе личной унiи, существовавшей въ теченiе 123 лѣтъ.

Какъ личная унiя, можетъ быть разсматриваемо также и отношенiе Финляндiи къ Россiи. На основанiи подтвержденнаго Александромъ I въ 1809 г. (послѣ завоеванiя Финляндiи) прежняго устройства этой страны, русскiй Императоръ является Великимъ Княземъ Финляндскимъ. Ему, какъ таковому, конечно, присущи извѣстныя верховныя права, однако же Финляндiя имѣетъ свой собственный правительствующiй сенатъ, свое собственное сословное представительство и должна быть управляема по своимъ собственнымъ старымъ конституцiоннымъ законамъ [1]).—См. Mechelin, Das Staatsrecht Finlands in Marquardsen's Handbuch des öffentl. Rechts.

b) Примѣромъ реальной унiи можетъ служить существующее съ 1815 года соединенiе Швецiи и Норвегiи. По установившему это соединенiе акту, каждое изъ данныхъ государствъ составляетъ «самостоятельное, нераздѣльное и независимое королевство», имѣетъ свое

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что въ послѣднее время Финляндiя лишилась значительной части прежней своей автономiи. Особенно важное въ данномъ отношенiи значенiе имѣютъ Высочайшiй Манифестъ 3 февр. 1899 г. и утвержденныя имъ Основныя Положенiя, коими опредѣленъ порядокъ составленiя, разсмотрѣнiя и обнародованiя Имперскими и Финляндскими учрежденiями законовъ, общихъ для Имперiи и Великаго Княжества Финляндскаго.

Переводчикъ.

собственное законодательство, управленіе и судъ, но «навсегда» должно быть соединено съ сосѣднимъ государствомъ подъ властью одного короля, для чего въ обоихъ государствахъ введенъ одинъ и тотъ же порядокъ престолонаслѣдія, дабы такимъ образомъ не могло произойти никакого раздѣленія изъ-за различнаго замѣщенія престоловъ. Относительно внѣшней политики оба государства образуютъ одну единицу; они имѣютъ общее внѣшнее представительство (дипломатическіе агенты, консулы). Право вести войну и заключать миръ принадлежитъ лишь королю, который осуществляетъ его для обоихъ государствъ.

Реальную унію въ теченіе 16 лѣтъ (1815—1832 г.г.) составляли также Россія и Польша на основаніи акта Вѣнскаго конгресса. Польша имѣла свое особое государственное устройство, отдѣльное законодательство, управленіе и судъ; а именно,—въ Польшѣ было конституціонное устройство, въ то время какъ Россія оставалась абсолютной монархіей. Царь русскій являлся королемъ польскимъ; его указы и распоряженія, чтобы получить въ Польшѣ свою силу, должны были быть скрѣплены польскими министрами. Иностранныя же дѣла обоихъ государствъ были, напротивъ, совмѣстны, а поэтому и внѣшнее представительство было у нихъ общее. Въ 1832 году конституція эта была отмѣнена и унированная раньше съ Россіей Польша инкорпорирована къ Россійской Имперіи.

Въ реальной уніи находятся между собой два герцогства—Гота и Кобургъ, которыя вмѣстѣ, какъ герцогство Саксенъ-Кобургъ-Гота, входятъ въ составъ Германской Имперіи. Соединеніе это зиждется на конституціи 1852 года. Согласно съ ней, соединенное герцогство является конституціонной монархіей подъ управленіемъ Кобургъ-Готской династіи, въ мужскомъ поколѣніи которой наслѣдуется герцогское достоинство по праву первородства. Каждое изъ этихъ двухъ герцогствъ имѣетъ, конечно, свой особый ландтагъ; оба же ландтага совокупно образуютъ общій ландтагъ соединенныхъ герцогствъ.

Совершенно особенную реальную унію образуютъ два великихъ герцогства Мекленбургъ-Шверинъ и Мекленбургъ-Стрелицъ; въ самомъ дѣлѣ, здѣсь два государя и одно (расчленяющееся, конечно, на нѣсколько частей) сословное, совмѣстно засѣдающее представительство обоихъ герцогствъ. Это—исключительное явленіе, что при одномъ парламентѣ два монарха, и такимъ образомъ государства эти образуютъ, конечно, реальную, а не личную унію. Отношеніе это покоится еще на «уніи» («Union») 1523 г. и на соглашеніи о наслѣдованіи (Erbvergleich) 1755 г.; вообще въ обоихъ этихъ государствахъ германской имперіи царятъ устарѣлые, средневѣковые порядки, являющіеся грубымъ анахронизмомъ въ современной Европѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Государственное управленіе.

§ 127.

Государственная дѣятельность.

Съ самаго момента возникновенія своего государство или собственно правительство его проявляетъ извѣстную дѣятельность; при этомъ оно стремится прежде всего къ самосохраненію, а затѣмъ къ развитію своего могущества и благосостоянія. На первоначальной стадіи государственной жизни для этого необходимъ одинъ лишь видъ дѣятельности, а именно: господство, какъ принужденіе подвластныхъ къ работѣ на властвующихъ. Это первобытное властвованіе съ цѣлью просто добывать себѣ черезъ подчиненныхъ средства къ жизни осуществляется сначала путемъ грубой силы. Дальше (книга II) мы увидимъ, какъ долгое властвованіе, съ одной стороны, и продолжительное терпѣливое перенесеніе этого, съ другой, мало-по-малу создаютъ извѣстный правопорядокъ. И съ того момента, когда государственной власти не нужно ужъ для осуществленія господства непрерывно напрягать и расходовать свои силы, она начинаетъ пріобрѣтать уже и нѣсколько болѣе высокія намѣренія. Стремленіе къ могуществу и благосостоянію направляетъ ея вниманіе на соотвѣтствующія средства. Первымъ изъ нихъ является внутренній государственный порядокъ, неуклонное регулированіе отношеній, какъ между властвующими и подвластными, такъ и среди этихъ послѣднихъ. Порядокъ этотъ и регулировка вводятся постановленіями, которыя, служа интересамъ властвующихъ, провозглашаются, какъ законъ и право.

Теперь же, чтобы провозглашенное право и оставалось правомъ, соблюденіе его нельзя предоставлять на благоусмотрѣніе отдѣльныхъ лицъ. Напротивъ, въ случаѣ посягательства на право личности или на общественный государственный порядокъ, а также въ случаѣ нарушенія ихъ, государство, т. е. государственная власть

должна защитить подвергшееся посягательству право и возстановить нарушенное. Дѣятельность, проявляемая въ этомъ отношеніи государственной властью, есть судебная и карательная.

Если теперь проявляется законодательная дѣятельность государства, если государственная власть для поддержанія и защиты закона осуществляетъ судебныя функціи, въ такомъ случаѣ для достиженія ея цѣлей, т. е. для увеличенія могущества и благосостоянія, ей остается лишь добыть соотвѣтствующія матеріальныя средства, и вотъ для этого она развиваетъ свою административную дѣятельность. Въ началѣ государственнаго развитія таковая дѣятельность заключается въ наблюденіи за выполненіемъ подданными ихъ повинностей; въ послѣдующихъ же, болѣе развитыхъ стадіяхъ эта административная государственная дѣятельность доходитъ до фискализма, финансоваго хозяйства, полиціи и наконецъ до такъ называемаго конституціоннаго управленія (verfassungsmässige Verwaltung).

§ 128.

Развитіе государственной дѣятельности.

На стадіи примитивныхъ государственныхъ отношеній повинности подданныхъ состоятъ частью въ доставленіи для государства плодовъ и сырья, частью въ личныхъ услугахъ, причемъ однако военная служба лицъ, принадлежащихъ къ государственному племени, разсматривалась и проводилась скорѣе, какъ осуществленіе права, чѣмъ какъ извѣстная тягость. Со сліяніемъ же племенъ въ единое цѣлое и съ развитіемъ хозяйственныхъ отношеній, на мѣсто натуральныхъ повинностей и личныхъ услугъ выступаетъ равная для всѣхъ гражданъ государства обязанность уплачивать подати и отбывать воинскую повинность; тогда и административная дѣятельность государства развѣтвляется на двѣ особыхъ отрасли,—на фискальное или финансовое и на военное управленіе.

На этомъ развитіе государственной дѣятельности не останавливается. Мало-по-малу назрѣваетъ взглядъ, что для наполненія государственной казны недостаточно еще установить систему налоговъ, что тутъ прежде всего слѣдуетъ позаботиться о благосостояніи гражданъ, такъ какъ „и императоръ теряетъ свое право“ тамъ, гдѣ ничего не имѣется. Соображенія эти побуждаютъ государство къ развитію его дѣятельности для

поднятія „народнаго благосостоянія“. И вотъ въ современномъ культурномъ государствѣ для этой дѣятельности созданы особые органы въ министерствахъ путей сообщенія, торговли, общественныхъ работъ и т. д.

Но и этимъ дѣло не ограничивается. Безъ знаній и образованія народное благосостояніе задерживается и прогрессъ невозможенъ. Поэтому государство должно позаботиться объ образованіи и наукѣ. Наконецъ пришли и къ тому сознанію, что наука безъ „просвѣщенія“ („Aufklärung“) невозможна, что консерватизмъ и умственный застой церквей и религіозныхъ обществъ тормозятъ ее; и поэтому къ вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія стали относить высшій надзоръ надъ церквами и религіозными обществами.

Мы видимъ, какъ государственная дѣятельность, начинаясь съ простого, примитивнаго господства, развивается до большого многообразія формъ, до законодательной, судебной, административной, полицейской, фискальной, финансовой и культурной дѣятельности, чего и не предполагали даже величайшіе политическіе мыслители древности. Недавно еще считавшіяся достаточными категоріи—законодательства, суда и управленія—не въ состояніи уже исчерпать всей дѣятельности государства. Вотъ „управленіе“ („Verwaltung“) развѣтвляется на множество отраслей; сюда входятъ: общественная безопасность, общественное благосостояніе, пути сообщенія, торговля, почты и телеграфы, общественныя работы, санитарное дѣло, образованіе, культъ, защита интересовъ рабочихъ и т. д. И въ каждой изъ этихъ областей государственнаго управленія изъ факта продолжительнаго осуществленія согласной съ потребностями дѣятельности зарождается нравственное сознаніе, а отсюда и право. Такимъ образомъ происходитъ, что множеству развѣтвленій государственной дѣятельности соотвѣтствуетъ многообразіе и въ развитіи права. [1])

§ 129.

Ученіе о государственныхъ властяхъ.

Уже Греки и Римляне различали несходные между собой „аттрибуты“ государственной власти, различныя направленія, въ которыхъ она проявляетъ свою дѣятельность; и вотъ Римляне соедине-

[1]) См. мое сочиненіе—„Verwaltungslehre“ 1882, § 10.

ніемъ различныхъ „отдѣльныхъ властей“ создали всемогущество императора. На фактѣ различія этихъ направленій государственной дѣятельности покоится „теорія властей“ („Gewaltentheorie“), которая со времени Монтескьё сдѣлалась столь популярной, которая, исходя изъ апріорныхъ идей, выводитъ эти „власти“ въ опредѣленномъ числѣ, формулируетъ правильное ихъ положеніе, ихъ взаимное, другъ друга сдерживающее отношеніе.

Монтескьё полагалъ, что въ такъ называемомъ „раздѣленіи властей“ („Gewaltentrennung„) [1]) кроется причина, которой Англія обязана своимъ хорошимъ конституціоннымъ режимомъ; а поэтому для всякаго къ „конституціонному“ строю стремящагося государства онъ рекомендовалъ это раздѣленіе властей, какъ универсальное средство противъ всѣхъ вытекающихъ изъ абсолютизма недостатковъ. „Обособленіе законодательства отъ суда и суда отъ управленія“,— это стало лозунгомъ и магической формулой для государственныхъ реформаторовъ.

Не слѣдуетъ однако преувеличивать значеніе этого устройства. Одно лишь обособленіе „властей“ не создаетъ еще хорошаго режима; съ другой же стороны само оно является необходимымъ послѣдствіемъ прогресса государственнаго развитія. А именно, прежде всего обособленіе это проводится въ силу дѣйствительной потребности раздѣленія труда, ощущаемой въ усложнившейся государственной жизни; затѣмъ возникшее такимъ образомъ обособленіе различныхъ функцій государственной власти проявляетъ и свои благотворныя послѣдствія, всегда связанныя съ раздѣленіемъ труда тамъ, гдѣ таковое раздѣленіе стало необходимымъ.

Слѣдовательно, прекрасный конституціонный режимъ Англіи не долженъ считаться прямымъ послѣдствіемъ раздѣленія властей (которое впрочемъ въ Англіи на самомъ дѣлѣ не такъ ужъ строго проведено),—нѣтъ, онъ просто представляетъ изъ себя результатъ высокоразвитой англійской цивилизаціи.

---

[1]) Нельзя не согласиться съ Коркуновымъ, что установившійся въ русской литературѣ терминъ „раздѣленіе властей“ является собственно передачей неправильнаго нѣмецкаго перевода—„Theilung der Gewalten“. Гумпловичъ же употребляетъ здѣсь выраженіе—„Gewaltentrennung“, что значитъ—„обособленіе властей“. Эта послѣдняя передача вполнѣ правильна, такъ какъ Монтескьё нигдѣ не упоминаетъ о division des pouvoirs (о раздѣленіи властей), а говоритъ о „séparation“ (объ обособленіи); и французы при изложеніи даннаго ученія всегда строго придерживаются этого послѣдняго выраженія.—См. у Коркунова «Русское государств. право», т. I, стран. 352, изд. 1904 г.

Переводчикъ.

Раздѣленіе властей или, лучше сказать, перенесеніе различныхъ функцій государственной власти на отдѣльные государственные органы происходитъ само собою по мѣрѣ того, какъ, вслѣдствіе усложненія дѣлъ и обремененія органовъ, вызывается потребность въ раздѣленіи труда. И, конечно, отдѣленіе суда отъ управленія является при извѣстныхъ обстоятельствахъ гарантіей безпартійнаго, никакимъ политическимъ вліяніямъ неподчиненнаго судоговоренія. Не рѣдки однако примѣры, когда конституціонно „независимый" судъ находится подъ сильнымъ вліяніемъ со стороны будто бы отдѣленныхъ отъ него управленія и правительства (напр. прусская юстиція за послѣдніе годы).

Государственная власть въ дѣйствительности всегда едина. И то, что́ называютъ государственными властями, что́ хотѣли бы считать вполнѣ отдѣлимымъ другъ отъ друга, является не чѣмъ инымъ, какъ различными функціями, которыя постепенно должна принимать единая государственная власть. Мы видѣли, какъ эта государственная власть вначалѣ лишь господствуетъ (herrscht), принуждая къ выполненію повинностей, затѣмъ поддерживаетъ порядокъ и судитъ и наконецъ управляетъ въ современномъ смыслѣ этого слова. Такимъ образомъ возникаютъ все болѣе и болѣе разнообразныя функціи, дѣятельность государственной власти должна проявляться въ различныхъ направленіяхъ, и, если каждое изъ нихъ выставляютъ, какъ особую „власть", то на это слѣдуетъ смотрѣть лишь, какъ на извѣстную логическую операцію, которая должна облегчить пониманіе различныхъ этихъ государственныхъ дѣятельностей и функцій; такъ и въ психологіи долгое время говорили о различныхъ духовныхъ „силахъ" человѣка.

§ 130.

Единая государственная власть.

Разсмотримъ же теперь нѣсколько поближе эту государственную власть, которую мы признаемъ единой, хотя она и представляется намъ въ столь разнообразныхъ формахъ дѣятельности. Она—высшая въ государствѣ власть. Власть же, подчиненная другой, не есть государственная: эта послѣдняя независима ни отъ какой другой въ государствѣ. Обладателемъ этой власти является первоначально го-

сподствующее въ государствѣ племя, превращающееся со временемъ въ сословіе или классъ. И ошибочно полагать, что власть государственная въ рукахъ отдѣльной личности, монарха, или нѣсколькихъ „властелиновъ“. Это такъ только съ виду. Въ дѣйствительности же обладателемъ государственной власти является господствующее меньшинство, будь то племя, каста, сословіе или классъ. Правда, меньшинство это искони выбирало одного человѣка, который бы, какъ primus inter pares, осуществлялъ властвованіе въ государствѣ; но данное обстоятельство вытекаетъ изъ потребности ввести сюда извѣстный порядокъ, и такое перенесеніе „государственной власти“ на одного повелителя всегда и всюду было лишь формальнымъ актомъ,— на самомъ же дѣлѣ сила постоянно оставалась за господствующимъ племенемъ. Монархъ, князь (и вообще какъ этотъ повелитель ни назывался) обладалъ перенесенной на него властью всегда лишь до тѣхъ поръ, пока находился въ согласіи съ большинствомъ господствующаго племени или класса. Когда же большинство это покидало государя, въ этотъ моментъ ему обыкновенно очень мало помогала и вся перенесенная на него „суверенная полнота власти“, если только онъ во́-время не обращался къ другой соціальной группѣ, къ другому сословію или классу, который могъ бы его поддержать. Итакъ, не отдѣльная личность, будь это даже самъ повелитель всѣхъ правовѣрныхъ (здѣсь слѣдуетъ вспомнить кончину султана Абдула Азица и другіе подобные случаи), не отдѣльная личность является обладателемъ государственной власти, но господствующее племя, вѣрнѣе, часть этого послѣдняго, располагающая средствами къ могуществу. И вотъ, чего желаетъ эта группа, того „хочетъ“ и государство, ея воля —настоящая воля государства, ея власть есть государственная власть. И хотя эта послѣдняя, сообразно мѣняющимся потребностямъ времени и мѣста, проявляется теперь въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ,—какъ власть постановляющая (beschliessende), исполнительная, судебная, административная, законодательная и полицейская,—однако въ сущности она всегда остается единой, недѣлимой и суверенной государственной властью, которая, правда, можетъ переносить свою дѣятельность на различные, особые органы, но этимъ она ни разобщается, ни дѣлится. (a)

a) Съ XVII столѣтія въ Европѣ появляется теорія народнаго суверенитета (Volkssouveränität), иначе говоря, ученіе о томъ, что суверенная власть принадлежитъ народу и отъ него переносится на князей съ сохраненіемъ права отмѣны (по Гоббесу и нѣкот. друг.—

неотмѣняемо). На принципѣ этомъ зиждется республиканская форма государственнаго устройства, однако же и въ бельгійской конституціи находится такое положеніе: «tous les pouvoirs émanent de la nation».

§ 131.

Мотивы государственной дѣятельности.

Относительно мотивовъ дѣятельности государственной власти мы ужес дѣлали нѣкоторыя замѣчанія. Самосохраненіе, поддержаніе и увеличеніе господства и могущества, поднятіе благосостоянія,— вотъ каковы первоначально единственные мотивы ея дѣятельности. Когда же современемъ изъ государственнаго порядка развивается нравственное сознаніе, тогда, конечно, эта выдѣлившаяся изъ дѣйствительной государственной организаціи нравственная идея является однимъ изъ могущественнѣйшихъ мотивовъ въ дѣятельности государства или, собственно, государственной власти. Правда, въ большинствѣ случаевъ нравственный мотивъ этотъ неразрывно связанъ съ эгоистическими побужденіями; тѣмъ не менѣе онъ остается нравственнымъ. И рѣдко встрѣчаются мотивы чисто нравственные, не связанные ни съ какими эгоистическими, матеріальными интересами дѣйствующихъ лицъ. Конечно, противники существующаго государственнаго строя часто выступаютъ подъ флагомъ такихъ „чисто нравственныхъ“ мотивовъ. Однако и тутъ по печальному опыту приходится признать, что ихъ „чисто нравственный мотивъ“ продолжается лишь до тѣхъ поръ, пока они не вступаютъ въ кругъ матеріальныхъ интересовъ; тогда „чисто нравственный мотивъ“ уступаетъ пріобрѣтаемому матеріальному интересу. И вотъ, если въ борьбѣ партій одни защищаютъ существующій государственный порядокъ, а другіе борются за „высшую идею“, напр. за свободу или какой-либо иной принципъ,— въ такомъ случаѣ и та и другая партіи могутъ одинаково успѣшно опираться на чисто нравственные мотивы: каждая изъ нихъ борется за тотъ именно правопорядокъ, который по ея убѣжденію является единственно нравственнымъ, но который также доставляетъ или обѣщаетъ ей извѣстныя матеріальныя выгоды. (a)

a) Существуютъ, конечно, такіе беззавѣтные идеалисты, которые до того воодушевлены извѣстной идеей, что, презирая матеріальные

интересы, ставятъ въ борьбѣ изъ-за этой идеи на карту все свое благосостоянiе и даже жизнь. Нѣтъ ли однако эгоистическаго мотива и здѣсь, въ честолюбивомъ (хотя и похвальномъ) стремленiи бороться и умереть за излюбленную идею?—это еще остается психологической проблемой.

§ 132.

Цѣли государства.

Мы не можемъ минуть вопроса о цѣли, которую преслѣдуетъ государственная власть въ своей дѣятельности, такъ какъ онъ во всѣхъ системахъ государственнаго права играетъ важную роль подъ громкимъ заглавiемъ—„о цѣляхъ государства“. (а)

Если обладателемъ государственной власти является господствующее племя или классъ, если они преслѣдуютъ преимущественно эгоистическiе мотивы, которые лишь современемъ переходятъ въ нравственные, никогда однако не покидая эгоистической основы,—то ясно, что цѣли государственной власти, цѣли государства должны соотвѣтствовать этимъ мотивамъ дѣятельности. Если государственная власть, руководимая мотивами увеличенiя могущества, предпринимаетъ войну, то цѣлью ея дѣятельности въ данномъ случаѣ является завоеванiе страны и достиженiе этимъ путемъ болѣе значительнаго могущества. Когда государственная власть поддерживаетъ внутреннiй порядокъ, судитъ, управляетъ, и дѣлаетъ все это изъ мотивовъ самосохраненiя и увеличенiя благосостоянiя, то и цѣлью ея является это именно самосохраненiе и увеличенiе благосостоянiя. Если же теперь государственная власть пришла уже къ убѣжденiю, что самосохраненiе и благополучiе ея зависятъ отъ счастья и благосостоянiя гражданъ, отъ хорошаго положенiя всего народа, то можно признать, что тутъ непосредственной цѣлью ея дѣятельности является народное счастье и благосостоянiе. Въ этомъ отношенiи государственная власть преслѣдуетъ нравственныя цѣли, хотя и стремится въ концѣ концовъ къ достиженiю своихъ намѣренiй. (b) Нравственность и эгоизмъ здѣсь совпадаютъ, и провозглашенiе чисто нравственныхъ мотивовъ при подобныхъ дѣянiяхъ государственной власти было бы настолько же лицемѣрно, насколько неправильнымъ являлся бы и упрекъ въ чисто эгоистическихъ намѣренiяхъ. Государственное устройство соотвѣтствуетъ современ-

ному ему нравственному порядку и эгоизмъ государства является элементомъ нравственности. (См. ниже книгу II).

а) Даже тѣ ученые, которые, подобно К. Ф. Герберу, опредѣляютъ государственное право, какъ «ученіе (wissenschaftliche Lehre), имѣющее своимъ предметомъ развитіе присущаго государству, какъ таковому, права» («Grundzüge des allg. und deutsch. Staatsr.» 1865), даже и они въ своихъ системахъ государственнаго права не могутъ (съ различными, правда, оговорками) не посвятить дѣятельности государственной власти обычныхъ описательныхъ главъ. Приводимыхъ при этомъ писателями оправдательныхъ оговорокъ требуетъ неудовлетворительное опредѣленіе понятія государственнаго права (см. ниже книгу II). Вѣдь, если-бы государственное право дѣйствительно являлось лишь «развитіемъ присущаго государству, какъ таковому, права»,—тогда, конечно, для «дѣятельности государства» или, какъ выражается Герберъ, для «матеріальныхъ направленій государственной власти» не было бы мѣста въ этомъ государственномъ правѣ. Дѣятельность государства не вытекаетъ ни изъ какого права и не является осуществленіемъ этого послѣдняго. Скорѣе ужъ можно было бы признать дѣятельность государства исполненіемъ извѣстной обязанности, но лишь чисто нравственной, вытекающей изъ высшаго представленія о государствѣ. Несмотря на такое внутреннее противорѣчіе съ даннымъ опредѣленіемъ понятія государственнаго права, трактованіе Герберомъ о «матеріальныхъ направленіяхъ государственной власти» (das. S. 64) является въ общемъ правильнымъ. Здѣсь онъ въ семи пунктахъ сводитъ все, «къ чему стремится, что создаетъ и регулируетъ законодательнымъ и административнымъ путемъ государственная власть въ преслѣдованіе общей своей задачи». Вотъ каковы эти направленія: 1. Забота о правопорядкѣ; 2. Полиція, а именно полиція благосостоянія и безопасности; 3. Финансы; 4. Военное управленіе; 5. Дарованіе привилегій; 6. Сношеніе съ другими государствами; 7. Церковная дѣятельность.—Но, разумѣется, такое необоснованное подраздѣленіе легко можетъ быть сокращено или распространено; на принципіальное значеніе подобный перечень никогда не можетъ притязать.—См. замѣчательную главу подъ заглавіемъ «Der Zweck der Politik im allegemeinen» въ произведеніи Ратценгофера «Zweck und Wesen der Politik», 1893, Bd. III.

в) Цѣль государства играетъ у ученыхъ важную роль въ силу того, что отсюда они хотятъ вывести и установить предѣлы государственной власти. Желаніе это, конечно, похвально, но въ научной области неисполнимо. Если бы цѣль государства поддавалось точной формулировкѣ, тогда, разумѣется, легко было бы опредѣлить разумные предѣлы государственной власти. Къ сожалѣнію однако дѣло обстоитъ не такъ просто. Легко сказать: «Государственная власть не является абсолютной силой. Она должна служить лишь цѣли государства и только для этой послѣдней мо-

жетъ существовать. Такъ въ цѣли этой заключаются естественные предѣлы для сферы дѣйствія государственной власти» (Герберъ—«Grundzüge d. allg. und deutsch. Staatsr.» S. 29). Но тотъ же самый ученый принужденъ вслѣдъ за тѣмъ прибавить: «теоретическое установленіе цѣли государства можетъ выражаться лишь въ весьма общихъ представленіяхъ и только очень неопредѣленно намѣчать ту границу, которая должна отдѣлять сферу государственной воли (Staatswillen), направленной къ нравственному осуществленію общественной жизни, отъ сферы индивидуальной свободы». Здѣсь положеніе наше по-прежнему печально. Вѣдь мало пользы для насъ въ «весьма общихъ представленіяхъ» и «очень неопредѣленныхъ границахъ».

Гораздо практичнѣе, конечно, поступаетъ Герберъ, когда онъ старается (das. S. 32) установить границы государственной власти согласно съ различными «интересами народной жизни»; тутъ онъ отмѣчаетъ восемь слѣдующихъ предѣльныхъ пунктовъ:

«1. Государство не должно властвовать надъ религіознымъ убѣжденіемъ гражданъ. 2. Государство не должно подавлять научныхъ убѣжденій. 3. Печать, какъ свободную выразительницу мнѣній, государство не можетъ ставить въ зависимость отъ предварительнаго своего соизволенія. 4. Государство не можетъ установлять опредѣленную степень и родъ образованія гражданъ, а также регламентировать выборъ профессіи. 5. Судебную дѣятельность государство должно поставить въ совершенно независимое положеніе. 6. Государство никому не можетъ препятствовать устраивать собранія и основывать общества. 7. Государство не можетъ стѣснять эмиграціи гражданъ. 8. Государство не можетъ прибѣгать къ такимъ мѣропріятіямъ, которыя противорѣчатъ гарантируемой правопорядкомъ индивидуальной свободѣ личности». Но, если называть вещи собственными ихъ именами, то эти герберовскіе предѣлы являются не чѣмъ инымъ, какъ именно требованіями, а въ значительной степени уже и завоеваніями новѣйшей либеральной партіи; это—тѣ опорные пункты, которые прогрессистская партія по большей части уже заняла, за которыми укрѣпилась она противъ государственнаго абсолютизма и которые теперь отстаиваетъ.

§ 133.

Самоуправленіе.

Противоположностью къ „государственной дѣятельности" въ болѣе узкомъ ея смыслѣ является понятіе „самоуправленія" („Selbstverwaltung"). Относительно значенія самаго термина здѣсь не можетъ возникать никакого недоразумѣнія: этимологія даетъ вполнѣ

ясное опредѣленіе этого понятія. Непониманіе тутъ могло бы имѣть мѣсто въ томъ только случаѣ, если бы подъ „самоуправленіемъ" стали разумѣть веденіе самимъ народомъ всѣхъ дѣлъ государственнаго управленія. Но въ такомъ широкомъ значеніи терминъ этотъ никогда не употреблялся—и по той простой причинѣ, что здѣсь вѣдь рѣчь идетъ лишь о „самоуправленіи" въ государствѣ; а въ томъ широкомъ смыслѣ „самоуправленіе" упраздняло бы государство и являлось бы тождественнымъ съ анархіей и безгосударственностью.

§ 134.

Начало самоуправленія.

Если „самоуправленіе" слѣдуетъ понимать, какъ дѣйствующее въ государствѣ политическое устройство, то на него можно смотрѣть, конечно, лишь какъ на дополненіе къ необходимой дѣятельности государства, и, слѣдовательно, представлять себѣ его только въ ограниченномъ размѣрѣ. Въ этой формѣ и въ такомъ ограниченномъ размѣрѣ самоуправленіе существовало всегда и всюду, гдѣ только были государства. Это ясно уже изъ описанія государственной дѣятельности. Не слѣдуетъ лишь забывать, что всегда существовали такія составныя части народа, которыя въ большей или меньшей мѣрѣ пользовались самоуправленіемъ, а также и такія, которыя, являясь неимущими и безправными, не имѣли чѣмъ распоряжаться и управлять. Мы уже видѣли выше, какъ государство вначалѣ дѣйствуетъ лишь въ одномъ особенномъ или въ немногихъ отдѣльныхъ направленіяхъ, какъ постепенно лишь охватываетъ оно многочисленнѣйшія и разнообразнѣйшія стороны народной жизни и управляетъ ими, распространяя сюда свою дѣятельность. Эти отдѣльныя стороны народной жизни возникали безъ содѣйствія государства, почти незамѣтно для него, и развивались первоначально безъ его вмѣшательства при „самоуправленіи" наиболѣе цивилизованныхъ составныхъ частей народа, а именно городского населенія и вообще среднихъ классовъ.

Постараемся иллюстрировать это положеніе нѣкоторыми примѣрами. Возьмемъ воспитаніе юношества. Античное государство не разсматривало еще этого вопроса входящимъ въ сферу своихъ задачъ и предоставляло его частной дѣятельности. Ученые по призванію занимались воспитаніемъ юношества, какъ своей профессіей. Образо-

вывались философскія школы, ставившія себѣ задачею просвѣщеніе молодежи; и все это безъ содѣйствія со стороны государства. Со временемъ политическія партіи, понявъ важное значеніе обученія для общественной жизни, прибрали эти школы въ свои руки. Въ средніе вѣка просвѣщеніемъ заправляла церковь. Лишь въ новое время государство распространило свою административную дѣятельность и на эту сферу народной жизни. Прежде чѣмъ государство сдѣлало этотъ шагъ, дѣло просвѣщенія было предоставлено народному „самоуправленію“ (вѣрнѣе „самоуправленію“ передовыхъ составныхъ частей народа или отдѣльныхъ общественныхъ круговъ).

Такъ же обстоитъ дѣло съ торговлей и промышленностью. Примитивное и даже средневѣковое государство предоставляетъ заботу о поднятіи и развитіи торговли и промышленности частной или, вѣрнѣе, общественной дѣятельности. Когда торговля и промышленность требуютъ принятія общихъ мѣръ, когда возникаютъ случаи охраны общихъ интересовъ, — тогда, какъ это бывало еще въ средневѣковомъ государствѣ, члены сословія сами собираются для управленія этими дѣлами; тогдашнее государство относилось къ ихъ интересамъ по большей части безразлично. Совершенно иначе смотритъ на это современное государство. Въ министерствахъ торговли и промышленности созданъ для этихъ дѣлъ центральный органъ. Самоуправленіе во многихъ пунктахъ данной области смѣнилось дѣятельностью государства.

Еще болѣе наглядный примѣръ даетъ намъ муниципальное устройство. Еще средневѣковое государство преспокойно предоставляетъ самимъ городамъ и муниципіямъ отправленіе весьма многихъ общественныхъ дѣлъ. Въ крайнемъ случаѣ оно обращается къ нимъ лишь по чисто фискальнымъ обстоятельствамъ. Не только вся мѣстная полиція, но часто и выполненіе судебныхъ функцій въ предѣлахъ городской общины оставалось въ рукахъ коммунъ. Недостаточная дѣятельность государства восполнялась самоуправленіемъ. При такомъ сопоставленіи съ государственною дѣятельностью понятіе самоуправленія можетъ считаться яснымъ.

§ 135.

Сословное самоуправленіе.

Въ средневѣковомъ государствѣ самоуправленіе организовано было по сословіямъ и классамъ. Отсюда, конечно, мы должны со-

вершенно исключить огромную массу сельскаго населенія, такъ какъ оно находилось преимущественно подъ юрисдикціей и управленіемъ „помѣстныхъ господъ". Да и государственная дѣятельность не проникала въ этотъ низшій народный слой, который былъ переданъ „помѣщичьей" власти. Слѣдовательно, поселянъ не приходится считать ни объектомъ государственнаго управленія, ни субъектомъ самоуправленія.

Дворянство же, наоборотъ, повсюду не только пользовалось всѣми, такъ называемыми, личными вольностями, но и обладало важнѣйшими *политическими* правами. Ему вездѣ гарантировано было участіе въ правительственныхъ дѣлахъ. Дворянство разрѣшаетъ подати и раскладку военныхъ расходовъ; въ рейстагахъ и парламентахъ оно участвуетъ въ рѣшеніи важнѣйшихъ государственныхъ и правительственныхъ дѣлъ; оно образуетъ, такъ сказать, средневѣковое государство и играетъ большую роль въ его управленіи. Дворянство пользуется больше, чѣмъ однимъ лишь „самоуправленіемъ", такъ какъ въ его рукахъ и значительнѣйшая часть „государственнаго управленія",—оно является господствующимъ въ государствѣ сословіемъ.

Между безправнымъ, совершенно лишеннымъ всякой возможности управлять и самоуправляться сельскимъ населеніемъ (Landvolk) и пользующимся, какъ своимъ собственнымъ, такъ и государственнымъ управленіемъ дворянствомъ (Adel) находится городское сословіе (Bürgerstand). *Политическія* права̀ его призрачны и крайне ничтожны, а поэтому оно не принимаетъ почти никакого участія въ государственномъ управленіи; въ городахъ же за этимъ сословіемъ, какъ упомянуто, оставлена добрая доля управленія своимъ общиннымъ имуществомъ и своими городскими дѣлами. Итакъ городское сословіе пользуется тѣмъ, что̀ собственно разумѣется подъ самоуправленіемъ, т. е., оно управляетъ такими дѣлами, въ которыхъ государство *непосредственно* не заинтересовано.

Такое положеніе вещей продолжалось въ общемъ вплоть до XVIII-го столѣтія, когда абсолютизмъ положилъ этому конецъ.

§ 136.

Паденіе и возстановленіе самоуправленія.

Выросшій повсюду въ Европѣ въ XVIII столѣтіи абсолютизмъ путемъ административной централизаціи дошелъ до того, что опуталъ сѣтью бюрократическихъ формъ управленія одну за другой всѣ стороны народной жизни. Онъ проникъ въ самые укромные уголки государства, въ самые глубокіе народные слои, чтобы, подчинивъ себѣ всѣ силы народа, употребить ихъ для своихъ великихъ „государственныхъ дѣяній“. Повсюду на континентѣ восторжествовало государственное управленіе, а прежнее самоуправленіе совершенно прекратилось. И вотъ въ области внутренней политики водворились бюрократизмъ и централизація, два явленія, глубоко подорвавшія народное благосостояніе и парализовавшія свободное его развитіе.

Когда же французская революція вступила въ политическую борьбу съ абсолютизмомъ, то руководившее вездѣ этой борьбой образованное среднее сословіе помѣстило среди своихъ требованій и „самоуправленіе“. А именно, программа либеральныхъ партій, какъ извѣстно, состояла изъ слѣдующихъ требованій: равенство всѣхъ передъ закономъ, свобода личности, участіе въ законодательствѣ и самоуправленіе (вмѣстѣ съ децентрализаціей). Всѣ эти требованія образованное среднее сословіе выставляло во имя *всего* народа и *для всего* народа настаивало на ихъ исполненіи. Такая тактика имѣла свои разумныя основанія. Да, если мы вглядимся въ корень великой французской революціи и вызванныхъ ею въ Европѣ политическихъ народныхъ движеній, то всюду замѣтимъ образованное среднее сословіе, вступившее съ единственно до тѣхъ поръ уполномоченными въ государствѣ высшими классами въ борьбу изъ-за совмѣстнаго властвованія. Въ этой борьбѣ съ документально утвержденными правами и „освященными“ стариной традиціонными привилегіями дворянства образованное среднее сословіе искало какой-нибудь моральной опоры для тѣхъ правъ, которыхъ оно домогалось. Согласно природѣ вещей такую опору оно могло найти лишь въ „философскомъ“, „естественноправовомъ“ положеніи. Но изъ философіи и естественнаго права нельзя, конечно, выводить, что вступленіе среднихъ классовъ въ борьбу вызвано просто лишь

стремленіемъ ихъ къ совмѣстному властвованію. Напротивъ, дѣло должно было получить совершенно иной характеръ. Нужно было опереться на общую формулу: то право, котораго хотѣли добиться *для себя*, нужно было провозгласить, какъ *прирожденное всѣмъ людямъ*. Иначе это дѣло нельзя было поставить. Вмѣстѣ съ тѣмъ такая тактика была выгодна еще и въ другомъ отношеніи. Путемъ провозглашенія общихъ человѣческихъ правъ средніе классы поставили себя въ положеніе защитника интересовъ массы и поэтому могли въ случаѣ государственнаго переворота разсчитывать на ея поддержку; разсчеты эти, дѣйствительно, оказались вѣрными.

Послѣдствіемъ этого положенія защитника народныхъ интересовъ, занятаго со времени французской революціи образованнымъ среднимъ сословіемъ, явилось такое расширеніе понятія „самоуправленія“, какого оно никогда еще не достигало даже въ добрыя старыя времена. Теперь вѣдь уже не могли довольствоваться однимъ лишь „городскимъ самоуправленіемъ“, а должны были требовать распространенія этого „права“ также и на все сельское населеніе, на всѣ сельскія общины.

§ 137.

Сословное и территоріальное самоуправленіе.

Это расширеніе понятія „самоуправленія“ въ значительной степени связано съ тѣмъ превращеніемъ, которое къ концу XVIII столѣтія произошло во всемъ существѣ европейскаго государства. Тогда европейскія государства достигли того именно поворотнаго пункта, отъ котораго средневѣковый сословный строй, покоящійся на политическомъ рабствѣ сельскаго населенія, сталъ преобразовываться въ современную культурную государственность. Однимъ изъ важнѣйшихъ признаковъ этого преобразованія являлось вытѣсненіе *сословнаго расчлененія* народа *территоріальнымъ* его раздѣленіемъ. Преобразованіе это явилось послѣдствіемъ стремленій къ равенству. Гдѣ народъ оффиціально слагался изъ разнородныхъ составныхъ частей, тамъ личная однородность наблюдалась лишь внутри отдѣльныхъ соціальныхъ единицъ и передъ этой сословной связью одинаковыя мѣстныя условія отступали, какъ бы неимѣющія значенія. Средневѣковое представительство организовано было по сословіямъ (ständeweise), а не по избирательнымъ округамъ;

собиравшееся въ парламентѣ или рейхстагѣ со всѣхъ концовъ государства рыцарство чувствовало себя, какъ одинъ организмъ, съ тождественными противъ остальныхъ сословій интересами; и эти сословные ихъ интересы оттѣсняли на задній планъ всякій мѣстный интересъ. Совсѣмъ иной оборотъ должно было принять это дѣло въ современномъ культурномъ государствѣ по программѣ либеральныхъ партій. Сословныя различія уничтожены; весь народъ долженъ былъ превратиться въ однородное цѣлое. Но для удобства управленія эту единообразную народную массу нужно было раздѣлить, и вотъ тутъ, для такого дѣленія не оставалось никакого другого основанія, кромѣ принципа территоріальнаго разграниченія. Когда центральной, изъ „общей воли сувереннаго народа“ вытекающей государственной власти пришлось имѣть дѣло съ однородной массой равныхъ между собой индивидовъ, съ этого момента уже нельзя было иначе подойти къ практическимъ потребностямъ управленія, какъ путемъ лишь территоріальнаго раздѣленія (департаменты, области, округа и т. д.). Когда же проведено было такое новое, на мѣстномъ принципѣ жизни основанное дѣленіе народа, то тутъ уже простая послѣдовательность въ „освободительныхъ требованіяхъ“ и вытекающая отсюда оппозиція противъ абсолютистской централизаціи выставили для этихъ современныхъ народныхъ круговъ, для этихъ частей страны требованіе надлежащей административной самостоятельности и независимости отъ центральнаго правительства, однимъ словомъ,—„самоуправленія“. При этомъ, какъ образецъ, могли, конечно, вспомнить средневѣковое муниципальное и городское самоуправленіе, хотя оно имѣло больше *общественный*, чѣмъ народный и государственный характеръ.

§ 138.

Размѣръ самоуправленія.

Во всякомъ случаѣ и современное самоуправленіе,—существующее впрочемъ до сихъ поръ больше въ доктринѣ, чѣмъ въ жизни,—сходится въ одномъ пунктѣ со средневѣковымъ, почти *цеховымъ* самоуправленіемъ городовъ, и сходство это выражается въ его объектѣ. Этотъ послѣдній состоитъ частью изъ экономическихъ, частью изъ мѣстныхъ полицейскихъ дѣлъ. И подобно тому, какъ средневѣковое городское самоуправленіе не имѣло ничего общаго

съ собственно *политическими* дѣлами, точно такъ же и современная либеральная доктрина оставляетъ за центральнымъ народнымъ представительствомъ всѣ чисто политическія государственныя и областныя дѣла. Правда, кругъ средневѣковаго самоуправленія въ извѣстномъ отношеніи былъ даже шире, чѣмъ этого домогается современная либеральная доктрина: вѣдь къ самоуправленію средневѣковыхъ коммунъ по большей части принадлежала и извѣстная судебная власть, между тѣмъ какъ современная доктрина относитъ всю юстицію къ государству и отправленіе всякихъ судебныхъ функцій вплоть до самыхъ низшихъ ихъ ступеней допускаетъ лишь во имя государства.

Итакъ то, что современная либеральная доктрина разумѣла подъ лозунгомъ „самоуправленіе", являлось съ одной стороны отголоскомъ средневѣкового коммунальнаго самоуправленія, уничтоженнаго повсюду абсолютизмомъ и централизацiей 18-го столѣтія, съ другой же стороны оно было необходимымъ послѣдствіемъ преобразованія средневѣкового сословнаго дѣленія народа въ территоріальное. Съ этимъ преобразованіемъ и съ усвоеннымъ либеральной доктриной принципомъ равенства имѣло связь то обстоятельство, что требуемое самоуправленіе выставлялось, какъ выраженіе прирожденныхъ человѣку правъ на свободу, а поэтому оно пріобрѣло значеніе, какъ существенная и неотъемлемая часть, какъ гарантія и условіе свободы не для отдѣльныхъ лишь общественныхъ классовъ, но для всего народа.

§ 139.

Обоснованіе самоуправленія въ новое время.

Ходъ мыслей при этомъ былъ слѣдующій. Отправнымъ пунктомъ тутъ была человѣческая „свобода". Всякій человѣкъ, разсуждали, свободенъ, „хотя бъ онъ и въ цѣпяхъ родился", и долженъ оставаться свободнымъ. Изъ этого „высшаго принципа" слѣдовало, что съ государствомъ человѣкъ долженъ мириться лишь какъ съ неизбѣжнымъ зломъ и только изъ уваженія къ свободѣ своихъ ближнихъ, что ограниченіе государствомъ личной свободы слѣдуетъ переносить лишь постольку, поскольку это необходимо для существованія государства.

Отсюда вытекало, что власть государственная, притомъ лишь

изъ „воли суверенняго народа“ возродившаяся и представляющая только „общую народную волю“, должна править лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это необходимо для существованія государства. Всякая выходящая за эти необходимые предѣлы государственная дѣятельность должна считаться излишнимъ и нарушающимъ какъ народныя, такъ и личныя права на свободу „многовластіемъ“, въ чемъ столь часто виноватъ бывалъ абсолютизмъ. И вотъ, борясь съ этимъ, современная либеральная доктрина требовала возможно болѣе широкаго самоуправленія, давая этому государственноправовому понятію широчайшій, съ современнымъ культурнымъ государствомъ совмѣстимый размѣръ.

§ 140.

Указаніе на Англію.

Существовала еще другая, внѣшняя причина, способствовавшая тому, что лозунгъ „самоуправленіе“ прозвучалъ по всему континенту Европы. Занимающая островное положеніе Англія, въ столь многихъ отношеніяхъ достигшая безпримѣрнаго государственнаго развитія, отличалась отъ континентальныхъ европейскихъ государствъ также тѣмъ, что въ XVIII столѣтіи она не подпала до такой степени, какъ эти послѣднія, подъ абсолютистскій режимъ. Въ Англіи монархическая власть не была въ состояніи поглотить прочно укоренившійся „selfgovernment“ графствъ и приходовъ; и онъ, повидимому по крайней мѣрѣ, продолжалъ существовать со сравнительно большой самостоятельностью и независимостью отъ этой монархической власти.

И вотъ, когда со времени Монтескье либеральная государственноправовая доктрина стала присматриваться къ этому „образцовому свободному государству“ и неустанно рекомендовала народамъ его учрежденія,—тогда среди другихъ особенностей ей долженъ былъ броситься въ глаза и англійскій „selfgovernment“, невредимо выдержавшій столѣтнія бури. Не познакомившись пооснователънѣе съ порядками англійской государственной жизни, перевели „selfgovernment“ словомъ „самоуправленіе“ („Selbstverwaltung“) и вскорѣ единогласно признали, что рядомъ съ извѣстнымъ, превознесеннымъ Монтескье „раздѣленіемъ властей“ это англійское „самоуправленіе“ является сильнѣйшимъ оплотомъ политической свободы.

Такимъ образомъ, уничтоженное абсолютизмомъ континентальныхъ государствъ, нѣкогда процвѣтавшее здѣсь въ городахъ „самоуправленіе“ теперь, какъ перенесенный изъ Англіи политическій лозунгъ, въ совершенно иномъ, сильно расширенномъ значеніи снова вошло въ государственную жизнь континента и, какъ лозунгъ, до сихъ поръ играетъ тутъ значительную роль.

Насколько этотъ призывъ къ англійскимъ порядкамъ покоился на не вполнѣ ясномъ о нихъ представленіи, подробнѣе увидимъ это ниже; здѣсь же мы хотимъ обратить вниманіе главнымъ образомъ на это требованіе самоуправленія, поскольку оно являлось либеральной реакціей противъ господствовавшаго въ 18-мъ столѣтіи абсолютизма, который, выйдя изъ предѣловъ правомѣрной государственной дѣятельности, въ неограниченности своей грозилъ убить всякую самостоятельную дѣятельность отдѣльныхъ составныхъ частей и общественныхъ круговъ государства и уничтожить всякіе слѣды самоуправленія.

§ 141.

Объемъ самоуправленія.

Въ своемъ полномъ, современномъ развитіи понятіе самоуправленія обнимаетъ слѣдующія права:

1. Право управленія собственнымъ имуществомъ отдѣльныхъ большихъ или меньшихъ территоріальныхъ единицъ государства (провинцій, областей, округовъ, городовъ и общинъ) посредствомъ законныхъ, самими же ими избранныхъ представительствъ.

2. Право управленія хозяйственными дѣлами, поскольку они не затрагиваютъ непосредственно интересовъ государства и такимъ образомъ не входятъ въ компетенцію центральной государственной власти.

3. Управленіе полиціей, поскольку оно является лишь мѣстнымъ и не имѣетъ непосредственнаго государственнаго значенія.

4. Также, конечно, веденіе актовъ гражданскаго состоянія и отправленіе мирового суда.

Весь этотъ полный объемъ самоуправленія современная либеральная партія провозглашаетъ для всего „народа“, а слѣдовательно, и для „сельскихъ общинъ“, но программа эта до сихъ поръ не реализована, такъ какъ проведеніе самоуправленія въ низшіе

народные слои, въ сельское населеніе встрѣчаетъ много тяжелыхъ затрудненій.

А именно, вскорѣ обнаружилось, что самоуправленіе должно являться не просто лишь правомъ, но въ гораздо большей степени еще и обязанностью, для выполненія которой необходимо извѣстное образованіе.

И вотъ до сихъ поръ даже въ современномъ культурномъ государствѣ существуютъ еще такіе народные слои, которые не дозрѣли до самоуправленія и не имѣютъ ни силъ, ни желанія содѣйствовать государству въ разрѣшеніи культурныхъ его задачъ. Въ рукахъ этихъ народныхъ элементовъ самоуправленіе становится тяжелымъ тормазомъ для хода развитія современнаго культурнаго государства. Здѣсь на печальномъ опытѣ пришлось убѣдиться, что право это въ рукахъ образованныхъ среднихъ классовъ приноситъ наилучшіе для общественной пользы плоды,—между тѣмъ какъ большею частью необразованное еще сельское населеніе употребляетъ его лишь во вредъ, какъ себѣ, такъ и государству.

§ 142.

Англійскій selfgovernment.

Что же мы видимъ въ Англіи, въ этомъ высокопрославленномъ образцѣ благодатнаго самоуправленія? Выше мы уже упомянули, что, вслѣдствіе поверхностнаго знакомства съ англійскими порядками и невѣрнаго представленія объ англійскомъ selfgovernment'ѣ, многіе впали здѣсь въ заблужденіе. Положеніе же дѣла таково: англійскій selfgovernment ни въ коемъ случаѣ не является тѣмъ, что континентальная доктрина разумѣетъ подъ самоуправленіемъ. Согласно этому послѣднему понятію, и сельское населеніе (Landvolk) должно само управлять своими общинными дѣлами посредствомъ имъ же свободно выбранныхъ органовъ. Въ Англіи же объ этомъ никогда не было и рѣчи.

Selfgovernment тѣмъ только и отличается отъ государственнаго управленія, что онъ отправляется не состоящими на жалованьи у государства чиновниками, а назначаемыми государствомъ почетными, безвозмездно функціонирующими должностными лицами. Не установляя жалованья этимъ должностнымъ лицамъ (мировымъ судьямъ), госу-

дарство должно назначать ихъ лишь изъ числа мѣстныхъ состоятельныхъ гражданъ [1]). Въ разсматриваемомъ управленіи обращается вниманіе на *мѣстный* элементъ и такимъ образомъ преграждается путь къ вырожденію этого управленія въ бюрократію.

§ 143.

Джентри въ англійскомъ самоуправленіи.

Есть еще другая, существенная и весьма важная особенность, рѣзко отличающая англійскій selfgovernment отъ того самоуправленія, какое образовалось въ теоріи и въ практикѣ континента,—и особенность эта заключается въ *джентри*. Конечно, въ Англіи такъ же, какъ и въ континентальныхъ средневѣковыхъ государствахъ вся государственная сила и власть находилась въ рукахъ дворянства. Объ административной независимости, о самоуправленіи „народа", а слѣдовательно, недворянскаго сельскаго населенія и находящихся въ графствѣ мѣстныхъ городовъ, — объ этомъ не могло быть рѣчи и въ Англіи. Но все-таки англійское дворянство отличалось отъ континентальнаго своей меньшей обособленностью отъ среднихъ классовъ. И вотъ ему удалось выростить между собой и народомъ, а именно изъ смѣшанныхъ дворянскихъ и мѣщанскихъ элементовъ, образованное среднее сословіе, „джентри", составляющее естественную середину въ организмѣ англійскаго народа. Это джентри, причастное съ одной стороны ко владѣнію и съ другой—къ общему образованію, а отсюда къ выдающемуся общественному положенію, присоеди-

---

[1]) „Для назначенія мировымъ судьей надо: 1) или владѣть по праву собственности либо аренды срокомъ не менѣе 21 года недвижимостью, приносящей дохода не менѣе 100 ф. ст., или 2) по закону 1875 года нанимать не менѣе двухъ лѣтъ жилище за плату не менѣе 100 ф. ст. Кромѣ того пэры, ихъ старшіе сыновья или другіе предполагаемые наслѣдники, а также наслѣдники лицъ, имѣющихъ дохода не менѣе 600 ф. ст., могутъ и безъ ценза быть мировыми судьями. Затѣмъ съ нѣкоторыми мѣстными выборными должностями ipso iure соединяется званіе мирового судьи, напр., съ должностью предсѣдателя совѣта графства и совѣта санитарнаго дистрикта".

Опредѣленнаго штата мировыхъ судей не существуетъ. Король можетъ назначать ихъ, сколько угодно. Значительная часть ихъ лишь носитъ титулъ мирового судьи, не исполняя соотвѣтствующихъ функцій.

Функціи мировыхъ судей слагаются не только изъ судебныхъ, но и административныхъ обязанностей.

(См. «Русское Госуд. Право» Коркунова, т. II изд. 1903 г., стр. 370—372). *Переводчикъ.*

няется къ высшимъ, правящимъ классамъ англійскаго народа; въ лицѣ своихъ интеллигентныхъ членовъ джентри даетъ государству способныхъ, желанныхъ дѣятелей самоуправленія. Изъ этого состоятельнаго и образованнаго класса правительство набираетъ огромную армію почетныхъ должностныхъ лицъ, которыя такъ прославили англійскій selfgovernment. Но этотъ послѣдній ни въ коемъ случаѣ не является „самоуправленіемъ" въ смыслѣ континентальной либеральной доктрины [1]).

§ 144.

Организмы самоуправленія.

Самоуправленіе проводится по извѣстнымъ самоуправляющимся организмамъ (Selbstverwaltungskörper), подъ которыми надо разумѣть существующія въ государствѣ формы общенія и союзы; надѣленные правомъ самоуправленія, они завѣдуютъ большимъ или меньшимъ количествомъ своихъ общественныхъ дѣлъ посредствомъ

---

1) См. статью Ленинга «Gemeinde», помѣщенную у Блунчли въ Словарѣ Государственныхъ Наукъ (Staatswörterbuch, 1872). Совершенно отличное отъ этого понятіе англійскаго selfgoverntent'а мы находимъ обстоятельно изслѣдованнымъ въ произведеніи Гнейста—«Verwaltung, justiz, Staatswervaltung und Selbstverwaltung nach englischen und deutschen Verhältnissen etc.» (Berlin 1869, § 8, S. 91—117).

Ленингъ выставляетъ «демократическій характеръ» «самостоятельной нѣмецкой общины (selbständige Gemeinde in Deutschland), въ которой небольшое помѣстье и промышленное имущество должны на болѣе тѣсномъ протяженіи и въ болѣе ограниченномъ объемѣ выполнять государственныя повинности», «между тѣмъ какъ введеніе самоуправленія по крейсамъ (Kreis) и провинціямъ (Provinz) представляетъ еще весьма важную задачу политики, задачу, разрѣшеніе которой становится все настоятельнѣе и настоятельнѣе; отъ правильнаго выполненія ея въ значительной степени будетъ зависѣть будущее Германіи». Ленингъ повидимому совершенно игнорируетъ ту огромную разницу между городскими и сельскими общинами, которая зиждется на неодинаковомъ уровнѣ ихъ умственной зрѣлости и образованія. «Понятіе объ общинѣ, какъ о политическомъ самоуправляющемся организмѣ (Selbstverwaltungskörper), теперь повсюду одно и то-же; правда, въ законѣ городскія общины отдѣлены отъ сельскихъ, но это вызывается лишь нѣкоторыми вытекающими изъ неодинаковыхъ положеній различіями; тутъ мы имѣемъ лишь различныя формы проявленія одного и того-же принципа». Затѣмъ Ленингъ сѣтуетъ, что проведеніе самоуправленія въ сельскихъ общинахъ не всегда еще соотвѣтствуетъ этому понятію (т. е. доктринѣ). «Принципіальное признаніе самостоятельности общины еще не есть проведеніе этого основного положенія. Даже свободное управленіе имуществомъ предоставляется общинѣ лишь до извѣстной степени, вся же дальнѣйшая дѣятельность въ большинствѣ государствъ до сихъ поръ еще подчинена опекѣ и надзору со стороны го-

ими же самими избранныхъ представителей и должностныхъ лицъ. Наименьшими самоуправляющимися организмами являются общины. Надъ ними же въ извѣстной градаціи, соотвѣтственно исторически сложившимся отношеніямъ, могутъ существовать болѣе обширныя области, какъ, напр., въ Австріи теперь—округа (Bezirke) и земли (Länder). Органами самоуправленія тутъ являются: въ общинахъ—общинные комитеты (Gemeindeausschüsse) или общинные совѣты (Gemeinderäthe), въ округахъ (притомъ лишь въ Богеміи, Галиціи, Штиріи)—окружныя представительства (Bezirksvertretungen), въ отдѣльныхъ земляхъ наконецъ—избираемые изъ среды ландтаговъ земскіе комитеты (Landesausschüsse) [1]).

Созданное реформами Штейна (Städteordnung von 1808) прусское самоуправленіе было реорганизовано положеніемъ о крейсовомъ устройствѣ 1872 г. (Kreisordnung vom Iahre 1872). Согласно этому послѣднему, здѣсь самоуправляющимся организмомъ является главнымъ образомъ крейсъ (подобно австрійскому бецирку); органами же его служатъ крейстагъ (Kreistag—собраніе представителей крейса) и комитетъ крейса (Kreisausschuss). Во главѣ крейса, а слѣдовательно, крейстага и комитета крейса стоитъ назначаемый

сударственныхъ властей. Правила организаціи общинныхъ учрежденій разсчитаны на то, чтобы важнѣйшія мѣста занимались лицами бюрократическаго воспитанія; и вотъ такимъ образомъ общинная бюрократія изнутри подаетъ руку государственной, извнѣ правящей бюрократіи». Наконецъ Ленингъ полагаетъ, что «задача настоящаго времени должна состоять въ томъ, чтобы на основахъ этихъ воздвигнуть самоуправленіе общинъ».

Теперь, благодаря Гнейсту, крайнія теоріи самоуправленія не могутъ уже ссылаться на излюбленный «англійскій образецъ». Въ приведенномъ нами выше произведеніи онъ правильно излагаетъ основныя черты англійскаго selfgovernment'а. Отсюда (§ 8) мы процитируемъ слѣдующія положенія:

«Вотъ въ какихъ характерныхъ чертахъ заключается рѣзко выразившееся существо selfgovernment'а: 1) Selfgovernment представляетъ изъ себя систему государственнаго управленія... 2) Весь selfgovernement является какъ бы государственнымъ порученіемъ коммунамъ... 3) Въ цѣломъ своемъ selfgovernement покоится на государственномъ принципѣ права назначенія (Ernennungsrecht)... Такимъ образомъ всѣ высшія должности въ selfgovernment'ѣ всегда основывались на принципѣ королевскаго назначенія; сюда относятся: шерифы, мировые судьи, милиціонныя коммиссіи, офицеры милиціи. Еще въ нормандскую эпоху было установлено, что такія функціи являются правомъ короля и обязанностью государства. И при позднѣйшей юрисдикціи тайнаго совѣта (privy council), парламентовъ и королевскихъ судовъ функціи эти никогда не пріобрѣтали характера сословности и выборнаго начала».

[1]) См. мое «Oesterreichisches Staatsrecht», S. 219.

коропой ландратъ (Landrath), руководящій въ крейсѣ, какъ государственнымъ управленіемъ, такъ и самоуправленіемъ [1]).

Въ Англіи низшимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и важнѣйшимъ органомъ самоуправленія служитъ существующій съ 14-го столѣтія институтъ мировыхъ судей. Самоуправляющимися организмами здѣсь являются болѣе значительные города (municipal boroughs) и графства (county) [2]). Въ первыхъ дѣлами самоуправленія завѣдываютъ городскіе совѣты (borough councils), составляющіеся изъ мэра (mayor), избираемыхъ плательщиками податей на 3 года альдерменовъ (aldermen) и совѣтниковъ (councillors). Кругъ ихъ дѣятельности охватываетъ всю мѣстную полицію. Кромѣ означенныхъ совѣтовъ для охраненія общественнаго спокойствія существуютъ здѣсь назначаемые правительствомъ мировые судьи, на которыхъ при этомъ перенесены и нѣкоторыя административныя функціи (призрѣніе бѣдныхъ, разрѣшеніе мелочнаго торга и др.). Менѣе значительные города (county boroughs) вмѣстѣ съ сельскими общинами даннаго графства подвѣдомственны совѣту графства (county council); но они могутъ имѣть и свои собственныя, на 3 года избираемыя мѣстныя управленія, завѣдывающія извѣстной частью городскихъ дѣлъ; такія управленія называются мѣстными бюро (local - boards); кругъ дѣятельности ихъ распространяется преимущественно на санитарную полицію. Находясь отдѣльно отъ автономныхъ городовъ и охватывая лишь незначительные городки, графства являются главными территоріальными составными частями Англіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самоуправляющимися организмами κατ᾽ ἐξοχήν. До закона 1888 года управленіе графствъ находилось преимущественно въ рукахъ назначаемыхъ правительствомъ изъ мѣстнаго джентри мировыхъ судей. Но вотъ даннымъ закономъ (Local-Government - Akt

---

[1]) См. Grotefend—«Preussisches Verwaltungsrecht» I, S. 215.

[2]) Организація мѣстнаго управленія въ Англіи представляется существенно различною для графствъ и для городовъ. По закону 1888 г., англійскіе города раздѣляются на двѣ категоріи. Къ одной изъ нихъ относятся города, имѣющіе не менѣе 50.000 жителей и нѣкоторые (17) также значительные, хотя и не достигающіе этой цифры населенія; они имѣютъ особое управленіе. Къ другой категоріи относятся остальные менѣе населенные города; они входятъ въ составъ графствъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что городское англійское управленіе гораздо ближе подходитъ къ континентальнымъ порядкамъ самоуправленія, чѣмъ организація управленія графствъ, особенно рѣзко отразившая въ себѣ спеціальныя условія англійской общественной жизни. (См. у Коркунова—«Русское государств. право», т. II, изд. 1903 г., § 47).

Переводчикъ.

1888) сдѣлано значительное приближеніе къ принципу самоуправленія въ континентальномъ смыслѣ этого слова, какъ управленія посредствомъ *выборныхъ* представителей; теперь во главѣ графства поставленъ избираемый плательщиками податей совѣтъ графства (county council). Избранные на три года совѣтники графства выбираютъ изъ своей среды для веденія дѣлъ комитетъ альдермеповъ на шесть лѣтъ и предсѣдателя въ совѣтъ графства (chairman) на одинъ годъ. Устроенный такимъ образомъ совѣтъ графства завѣдываетъ всѣми дѣлами мѣстнаго управленія, входившими въ прежнюю компетенцію мирового судьи (между прочимъ мѣстной полиціей въ графствѣ); вслѣдствіе этого у мировыхъ судей графства, по прежнему назначаемыхъ правительствомъ, остаются уже главнымъ образомъ чисто судебныя дѣла [1]). И вотъ реформой этой пробитъ былъ путь для континентальнаго принципа отдѣленія суда отъ управленія, для принципа, который до сихъ поръ ошибочно приписывали англійскому государственному устройству. Итакъ здѣсь наблюдается замѣчательное явленіе: Англія начинаетъ воспринимать тѣ именно принципы самоуправленія и такъ называемаго раздѣленія властей, которые, яко бы по англійскому образцу, уже развились на континентѣ [2]).

Въ противоположность къ вышеупомянутымъ государствамъ, Франція, несмотря на всѣ революціи, не могла освободиться отъ вошедшаго здѣсь въ традицію и глубоко укоренившагося централизованнаго государственнаго управленія путемъ цѣлой арміи правительственныхъ чиновниковъ. Она до сихъ поръ осталась тѣмъ конституціоннымъ государствомъ, гдѣ и при республиканскомъ строѣ самоуправленіе никакъ не могло занять сколько-нибудь значительнаго положенія. Организмами самоуправленія здѣсь являются, собственно говоря, лишь общины, жители которыхъ (всѣ совершеннолѣтніе, уже 6 мѣсяцевъ проживающіе въ общинѣ французы) выби-

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что законъ 1888 года не рѣшился поставить полицейскую стражу внѣ всякой зависимости отъ мировой юстиціи и подчинить ее всецѣло совѣту графства. Закономъ этимъ установленъ средній путь: образованъ особый смѣшанный комитетъ (standing joint commitee), составленный наполовину изъ делегатовъ четвертной сессіи мировыхъ судей, наполовину изъ делегатовъ совѣта графства. этому-то комитету и подчиняется теперь полицейская стража графства. (См. у Коркунова—«Русское государств. право» т. II, изд. 1903 г., стр. 379).

Переводчикъ.

[2]) Кромѣ Гнейста—«Selfgovernment... ...in England», см. Maitland'a—«Justice and police» (London, Macmillan).

раютъ муниципальный совѣтъ (conseil municipal); этотъ же послѣдній изъ своей среды избираетъ мэра и его помощниковъ. Но съ другой стороны мэръ является и правительственнымъ органомъ, будучи подчиненъ частью супрефекту (стоящему во главѣ округа), частью—префекту (находящемуся во главѣ департамента). И вотъ, такъ какъ 87 префектовъ департаментовъ подчинены непосредственно министру внутреннихъ дѣлъ и обязаны приводить въ исполненіе его распоряженія, то министръ этотъ однимъ почеркомъ пера можетъ сообщить извѣстное направленіе дѣятельности не только всѣхъ своихъ префектовъ и супрефектовъ, но также и подчиненныхъ этимъ послѣднимъ мэровъ всѣхъ французскихъ общинъ. Сила этого строго централизованнаго правительственнаго аппарата столь значительна, что слабые зачатки самоуправленія въ общинахъ, округахъ и департаментахъ по сравненію съ нимъ являются полнѣйшимъ ничтожествомъ [1]).

§ 145.

Административное и политическое самоуправленіе.

Опытный государственный мужъ, министръ Бадени, въ одной изъ своихъ политическихъ рѣчей выставилъ разницу между административнымъ и политическимъ самоуправленіемъ. Различіе это имѣетъ свое основаніе и глубокій смыслъ, въ особенности для такихъ сложныхъ досударствъ, территоріальныя составныя части которыхъ имѣютъ болѣе глубокое основаніе, чѣмъ простыя административныя подраздѣленія. Конечно, различеніе это подсказано было конкретными обстоятельствами австрійской государственной жизни, но оно можетъ считаться правильнымъ и нелишеннымъ дѣйствительнаго смысла и для другихъ сложныхъ государствъ и союзовъ государетвъ, какими являются, напр., Швейцарія и Сѣверо-Американэскі Соединенные Штаты. У всякаго австрійскаго политика должна была сама собою напрашиваться мысль о томъ, что самоуправленіе общины или округа (Bezirk), состоящее въ завѣдываніи собственнымъ имуществомъ, дорогами, призрѣніемъ бѣдныхъ, благотворительными учрежденіями, наконецъ, всей мѣстной полиціей, должно

[1]) См. Block—«Dictionnaire de l'administration», затѣмъ Aucoc—«Conférences sur l'administration» 1882.

отличаться отъ того, что называютъ самоуправленіемъ отдѣльныхъ земель (Länder). Эти послѣднія имѣютъ, конечно, болѣе высокіе интересы, чѣмъ „административные“ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Такія земли, какъ Тироль, Галиція, Богемія, ожидаютъ отъ принадлежащаго имъ по конституціи самоуправленія, конечно, еще и кое-чего большаго, чѣмъ содержанія въ исправности своихъ дорогъ и призрѣнія бѣдныхъ,—и это кое-что большее, выходящее изъ узкихъ административныхъ рамокъ и вдающееся въ высшую политическую сферу, представляетъ изъ себя, однимъ словомъ, сохраненіе своей историческо-политической индивидуальности [1]). Это высшее самоуправленіе, имѣющее своею цѣлью сохраненіе исторически сложившейся политической индивидуальности отдѣльной земли или группы земель, правильно можетъ быть названо политическимъ

[1]) Такъ какъ выраженіе это въ Австріи впервые было употреблено феодалами «усиленнаго» рейхсрата (1859 г.), то «либералы» причислили его къ «реакціоннымъ» лозунгамъ.

(Либералами въ Австріи тогда являлись «главнымъ образомъ нѣмецкіе бюргеры, отстаивавшіе единство совокупнаго государства (Gesammtstaat) съ администраціей изъ нѣмцевъ, тогда какъ консервативная партія, состоявшая изъ аристократическихъ и клерикальныхъ элементовъ венгерскаго и разныхъ славянскихъ обществъ, отстаивала историческія права отдѣльныхъ провинцій»... См. статью Н. Карѣева «Историческія справки», въ № 48 „Сына Отечества“ за 12 апрѣля 1905 года. *Переводчикъ.*)

Допустимъ, что феодалы хотѣли по своему господствовать въ отдѣльныхъ земляхъ и *для этой цѣли* добивались какъ можно болѣе широкаго самоуправленія этихъ земель, но отсюда еще не слѣдуетъ, что нужно отрицать *фактъ* исторически сложившейся политической индивидуальности земель; отрицаніе еще не влечетъ за собою несуществованія факта. Когда я въ своемъ «Oesterreich. Staatsr.» (S. 77) изложилъ существо историческо-политическихъ индивидуальностей, газета «N. Fr. Presse» обрушилась на меня, призывая министерскую власть противъ профессора, въ книгѣ котораго яко-бы оказалось много «невѣрныхъ данныхъ». Но безпристрастная критика нашла въ моей книгѣ гораздо болѣе несомнѣнно правильныхъ мыслей, чѣмъ «N. Fr. Presse» будто-бы «невѣрныхъ данныхъ». Во всякомъ случаѣ та передовая статья была характерна для партійнаго органа, постояннымъ признакомъ котораго является страхъ передъ истиной и который вотъ уже нѣсколько десятилѣтій ведетъ въ Австріи страусовую политику, воображая, что достаточно лишь игнорировать фактъ—и онъ исчезнетъ съ лица земли. Эта газета не желаетъ видѣть фактическаго, дѣйствительнаго существованія историческо-политическихъ индивидуальностей отдѣльныхъ земель и группъ ихъ,—напротивъ, она основываетъ свою политику на фантомѣ, который она называетъ «нѣмецкой круговой порукой въ Австріи» («deutsche Gemeinbürgschaft in Oesterreich»); но такая общность въ дѣйствительности не существуетъ, да и не можетъ существовать, вслѣдствіе совершенно различныхъ интересовъ въ отдѣльныхъ австрійскихъ земляхъ, вслѣдствіе ихъ особеннаго экономическаго и географическаго положенія Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что эта совершенно ложная, уже десятки лѣтъ ведущаяся политика, является причиной полнаго упадка защищаемой «N. Fr. Presse» партіи.

*

самоуправленіемъ. Такимъ самоуправленіемъ въ республиканскихъ союзахъ государствъ (Staatenbund) пользуются отдѣльные штаты (или кантоны); это наблюдается, напр., въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ 38 отдѣльныхъ государствъ осуществленіе своихъ верховныхъ правъ, многихъ правъ законодательства и управленія перенесли на совокупность государствъ, на союзъ, какъ таковой. Подобнымъ политическимъ самоуправленіемъ пользуются и отдѣльные швейцарскіе кантоны, которые осуществленіе извѣстныхъ верховныхъ правъ своихъ, правъ законодательства и управленія перенесли на союзъ государствъ. Конечно, сообразно съ количествомъ правъ, перенесенныхъ на государство, какъ на цѣлое, можно говорить о болѣе или менѣе широкомъ политическомъ самоуправленіи территоріальныхъ составныхъ частей государства,—смотря по тому, переносятъ ли эти составныя части на цѣлое государство (Gesammtstaat) больше или меньше изъ своихъ верховныхъ правъ, а равно, предоставляетъ ли это цѣлое государство въ распоряженіе составныхъ своихъ частей большую или меньшую сумму правъ законодательства и управленія. Впрочемъ, въ союзѣ государствъ нѣтъ надобности говорить о политическомъ самоуправленіи отдѣльныхъ государствъ, такъ какъ это заключается уже въ ихъ самостоятельности и суверенитетѣ; вѣдь они перенесли на свою совокупность лишь о с у щ е с т в л е н і е (A u s ü b u n g) нѣкоторыхъ верховныхъ суверенныхъ правъ, не отрекаясь отъ обладанія ими. Напротивъ, относительно составныхъ частей монархіи понятіе политическаго самоуправленія имѣетъ дѣйствительный смыслъ, такъ какъ здѣсь принято считать, что суверенитетъ присущъ монарху. Такъ, напр., правильно говорить о политическомъ самоуправленіи Канады, не являющейся сувереннымъ государствомъ, такъ какъ она находится подъ верховенствомъ англійской короны, которой и принадлежатъ въ Канадѣ различныя верховныя права (право помилованія, главное начальство надъ сухопутными и морскими силами). Но тѣмъ не менѣе Канада имѣетъ свой собственный законодательный органъ (состоящій изъ сената и нижней палаты) и свое собственное правительство, во главѣ котораго стоитъ назначаемый англійской короной генералъ-губернаторъ. Подобнымъ же политическимъ самоуправленіемъ пользуются относящіеся къ Даніи Исландія и Фёрерскіе острова, верховная власть надъ которыми принадлежитъ датскому королю. Такъ Исландія (по конституціи 187½ г.) имѣетъ свое собственное, состоящее изъ верхней и нижней палатъ народное представительство (альтингъ), кото-

рому принадлежитъ право разрѣшенія налоговъ и изданія законовъ; равнымъ образомъ и Ферерскіе острова (по положенію 1854 года) имѣютъ собственный законодательный органъ (лагтингъ) и пользуются широкой автономіей въ управленіи (а).

а) Между политическимъ самоуправленіемъ страны и суверенитетомъ ея существуетъ лишь количественное различіе. А такъ какъ здѣсь дѣло идетъ о такихъ понятіяхъ, которыя нельзя ни измѣрить, ни взвѣсить, то относительно этого могутъ быть высказываемы самыя противоположныя мнѣнія и ученый споръ между юристами имѣетъ тутъ большой просторъ. Суверенны-ли отдѣльные штаты сѣверо-американскаго союза или они пользуются только политическимъ самоуправленіемъ? Суверенна-ли вся Швейцарія или только отдѣльные ея кантоны? Такіе спорные вопросы праздны; нельзя придти ни къ какой опредѣленной квалификаціи и классификаціи этихъ отдѣльныхъ государствъ и союзовъ ихъ, но можно изучить лишь въ отдѣльности каждое изъ явленій, среди которыхъ не найдется двухъ одинаковыхъ.

Такъ отдѣльные штаты сѣверо-американскаго союза обладаютъ весьма широкими правами, для которыхъ выраженіе «политическое самоуправленіе», конечно, было бы слишкомъ узко и которыя болѣе подходятъ къ понятію „суверенитета". Вѣдь кромѣ того, что каждый штатъ имѣетъ свое собственное, изъ сената и палаты представителей состоящее законодательное собраніе, которому принадлежитъ все гражданское и уголовное законодательство, кромѣ этого всякій штатъ вполнѣ самостоятельно опредѣляетъ законныя условія для выбора въ Конгрессъ (въ состоящее изъ Сената и нижней палаты представительство всѣхъ Соединенныхъ Штатовъ, находящееся въ Вашингтонѣ). Такимъ образомъ, напр., отдѣльные штаты могутъ предоставить право голоса на выборахъ и женщинамъ, что и произошло въ штатѣ Вайомингѣ [1]). Правда, компетенція Конгресса, какъ законодательной власти, охватываетъ весьма важныя общія экономическія и политическія дѣла (финансы, пути сообщенія, торговлю, внѣшнія сношенія и войну), но вѣдь каждый штатъ путемъ періодическихъ выборовъ принимаетъ участіе въ составленіи Конгресса и имѣетъ въ немъ своихъ представителей. Конгрессъ этотъ стоитъ несомнѣнно выше президента, являющагося лишь исполнительнымъ его органомъ. Въ самомъ дѣлѣ, избранный только на 4 года президентъ не можетъ безъ согласія Сената ни объявлять войны, ни заключать государственныхъ договоровъ; противъ законодательныхъ постановленій Конгресса онъ не обладаетъ правомъ безусловнаго veto, такъ какъ опротестованный имъ законопроектъ, будучи вторично принятъ въ каждой палатѣ

[1]) Послѣ этого активное избирательное право предоставили женщинамъ и нѣкоторые другіе штаты: Вашингтонъ, Колорадо и Ута. См. Pierstorff— «Frauenarbeit und Frauenfrage» 1900 г., стр. 71. *Переводчикъ.*

большинствомъ $^2/_3$ голосовъ, становится обязательно закономъ [1]. Слѣдовательно, о какомъ-либо перенесенномъ на президента суверенитетѣ не можетъ быть и рѣчи; въ крайнемъ случаѣ еще можно было бы настаивать, что суверенитетъ пренадлежитъ представленному въ Конгрессѣ союзу штатовъ. Однако и тогда слѣдовало бы признать, что суверенитетъ этотъ, путемъ выборовъ въ отдѣльныхъ штатахъ, всегда періодически обновляется и имѣетъ незначительное содержаніе. Въ дѣйствительности же суверенны отдѣльные штаты, которые временно путемъ періодическихъ выборовъ переносятъ на Конгрессъ лишь осуществленіе нѣкоторыхъ верховныхъ правъ.

Что касается до Швейцаріи, то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ суверенности отдѣльныхъ кантоновъ, хотя господствующая доктрина и настаиваетъ на томъ, что послѣдній пересмотръ конституціи (въ 1874 г.) преобразовалъ Швейцарію изъ союза государствъ (Staatenbund) въ союзное государство (Bundesstaat). Однако вся швейцарская конституція такова, что объ отреченіи кантоновъ отъ своего суверенитета или хотя бы даже отъ части его не можетъ быть и рѣчи. Вѣдь путемъ періодическихъ выборовъ они каждый разъ лишь на короткій срокъ переносятъ свои верховныя суверенныя права на центральное представительное собраніе или, какъ принято выражаться, на «союзъ» («Bund»). Этимъ верховнымъ представительнымъ органомъ является Союзное Собраніе (Bundesversammlung), слагающееся изъ Кантональнаго Совѣта (Ständerath), какъ верхней палаты, и Національнаго Совѣта (Nationalrath), какъ палаты депутатовъ. Кантональный Совѣтъ состоитъ изъ представителей отъ кантональныхъ легислатуръ,—изъ представителей, избираемыхъ въ большинствѣ кантоновъ мѣстными представительными собраніями, а въ нѣкоторыхъ непосредственно самимъ народомъ [2]. А Національный Совѣтъ во всѣхъ кантонахъ избирается непосредственно самимъ народомъ. Высшій исполнительный союзный органъ, Союзный Совѣтъ (Bundesrath), состоитъ изъ 7 членовъ, избираемыхъ на 3 года въ соединенномъ присутствіи обѣихъ палатъ Союзнаго Собранія (Національнаго и Кантональнаго Совѣтовъ); члены эти уже изъ своей среды выбираютъ президента и вице-президента, каждаго лишь на 1 годъ и безъ права вторичнаго избранія въ слѣдующемъ году. Итакъ въ концѣ концовъ собственно исполнительная власть находится въ рукахъ избираемаго на 1 годъ должностнаго лица. Если принять въ соображеніе, что эта незначительная верхушка

[1]) А тѣ билли, на которые въ теченіе десятидневнаго срока не послѣдовало со стороны президента никакого отзыва, получаютъ послѣ этого силу законовъ. Кромѣ права суспенсивнаго (временно пріостанавливающаго) veto президентъ не имѣетъ никакого вліянія на законодательство.— См. Олстонъ — «Краткій Очеркъ Современныхъ Конституцій» 1905 г., стр. 57—58. *Переводчикъ.*

[2]) Вспомнимъ, что въ четырехъ изъ швейцарскихъ кантоновъ (Ури, Гларусѣ, Аппенцелѣ и Унтервальденѣ) правленіе—непосредственно народное, а не представительное. *Переводчикъ.*

правительственной пирамиды опирается на все болѣе и болѣе обширныя основанія—сначала Союзнаго Совѣта, затѣмъ Союзнаго Собранія 25-ти кантональныхъ представительствъ и наконецъ общихъ избирательныхъ собраній всѣхъ кантоновъ, — то тогда, конечно, безъ колебанія уже можно признать суверенными именно эти послѣдніе (т. е. кантоны). А сюда присоединяется еще то обстоятельство, что избиратели, благодаря факультативному референдуму и праву инициативы, могутъ во всякое время принять или отвергнуть установленные Союзнымъ Собраніемъ законы или иныя мѣры, могутъ оспаривать ихъ или предлагать новые законы и мѣропріятія. Въ самомъ дѣлѣ, въ силу факультативнаго референдума, по требованію 30.000 избирателей союзные законы и постановленія (если они не имѣютъ характера неотложности) должны поступать на разсмотрѣніе всѣхъ общихъ избирательныхъ собраній, которыя либо принимаютъ, либо отвергаютъ ихъ; кромѣ того предлагаемый 50.000 избирателей законопроектъ долженъ быть разработанъ законодательнымъ органомъ и поступить на всеобщее народное голосованіе. Трудно придумать организацію, которая бы болѣе отчетливо выражала идею народнаго суверенитета и въ данномъ случаѣ — суверенитета кантоновъ [1]).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Парламентаризмъ.

§ 146.

Древность парламентаризма.

Парламентаризмъ, — въ томъ смыслѣ, что господствующій классъ на собраніяхъ обсуждаетъ и рѣшаетъ общественныя дѣла,— является столь же древнимъ, какъ и государства; этому учатъ насъ многочисленныя историческія свидѣтельства (а); въ этомъ насъ

---

1) См. о Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ: Schlief—«Die Verfassung der Nordamerikanischen Union» 1880, von Holst—«Staatsrecht der Vereinigten Staaten» 1885, Jannet und Kämpfe—«Die Vereinigten Staaten von Amerika in der Gegenwart» 1893. О Швейцаріи:—Dubs—«Das öffentliche Recht der schweizerischen Eidgenossenschaft» 1877, Schollenberger—«Vergleichende Darstellung aus dem öffentl. Rechte der schweizerischen Cantone» 1888, P. Wolf—«Die schweizerische Bundesgesetzgebung» 1891.

убѣждаютъ и свѣдѣнія изъ жизни теперешнихъ первобытныхъ народовъ.

Въ древнегреческихъ городахъ-государствахъ (Stadt-Staaten) полноправные граждане для обсужденія общественныхъ дѣлъ сходились въ „народныхъ собраніяхъ“,—это были ихъ парламенты. Когда же государство разростается, когда оно состоитъ изъ многихъ соціальныхъ элементовъ, тогда могущественнѣйшій классъ, конечно, обособляется отъ другихъ, чтобы отдѣльно обсуждать важнѣйшія дѣла своего властвованія, свои особые интересы, не согласующіеся съ интересами другихъ соціальныхъ круговъ. Вотъ мы видимъ, что въ Римѣ уже происходитъ такое раздѣленіе; патриціи имѣютъ свое особенное собраніе, сенатъ, а весь народъ, т. е., просто свободные, сходится на своихъ особыхъ народныхъ собраніяхъ.

а) У германскихъ и галльскихъ народовъ совѣщанія по общественнымъ дѣламъ происходили на собраніяхъ свободныхъ. Цезарь повѣствуетъ намъ о «commune Belgarum concilium», слѣдовательно, о парламентѣ воинственнаго племени бельговъ (De bello gallico, II, 4). Тацитъ описываетъ намъ, какимъ образомъ у германцевъ производились «собранія» (Germania XI и XII).

§ 147.

Общераспространенность парламентаризма.

Если принять въ соображеніе древность и широкое распространеніе устраивавшихся господствующими классами собраній для обсужденія и рѣшенія общественныхъ вопросовъ или, однимъ словомъ, древность и распространеніе парламентаризма; если замѣтить, что въ первыхъ же столѣтіяхъ нашей эры намъ приходится наталкиваться на него у кельтовъ и у разныхъ завоевательныхъ племенъ (Eroberer-Stämme) средней и юго-восточной Европы,—тогда не удивитъ насъ то обстоятельство, что въ позднѣйшихъ средневѣковыхъ государствахъ—отъ Пиринеевъ до Вислы и отъ Великобританіи до нижняго теченія Дуная—повсюду мы встрѣчаемся съ парламентарными установленіями. Вѣдь вездѣ въ этихъ государствахъ средней величины [1]) уже изъ факта основанія госу-

[1]) Только тамъ, гдѣ завоеваніе принимало слишкомъ колоссальные размѣры, какъ это было въ большихъ азіатскихъ государствахъ, въ Турціи и въ Россіи,—тамъ протяженіе государства мѣшало развитію сословнаго режима и вотъ возникали «восточныя» деспотіи.

дарства племенами-завоевателями вытекала практика, перешедшая затѣмъ въ обычай и наконецъ въ право и состоящая въ томъ, что всѣ участники завоеванія принимали на общихъ собраніяхъ участіе въ управленіи возникшимъ такимъ образомъ государствомъ. И вотъ, поэтому съ парламентаризмомъ встрѣчаемся мы въ совершенно сходныхъ формахъ у норманскихъ завоевателей Англіи и у гуннскихъ покорителей Венгріи; а также кортесы и парламенты потомковъ вестготскихъ завоевателей въ Испаніи послѣ изгнанія арабовъ представляютъ въ сущности такую же картину, подобную которой мы наблюдаемъ въ польскихъ сеймахъ временъ Пястовъ и Ягеллоновъ.

Во всѣхъ этихъ государствахъ господствующій дворянскій классъ сдерживаетъ въ парламентахъ королевскую власть; и вотъ, изъ такой постоянной борьбы дворянства съ монархической властью развивались „конституціи", иначе говоря, компромиссы и соглашенія между „націей" (какъ всюду называлъ себя обладающій политическими правами дворянскій классъ) и монархомъ.

§ 148.

Парламентаризмъ и представительная система.

Этотъ парламентаризмъ, существовавшій во всѣхъ средневеликихъ европейскихъ государствахъ съ самаго ихъ возникновенія, слѣдуетъ строго отличать отъ представителей системы, развившейся вслѣдъ за основаніемъ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и французской революціей. Вѣдь тотъ первоначальный парламентаризмъ въ общемъ не основывался ни на выборѣ, ни на назначеніи членовъ парламента. Эти послѣдніе не являлись депутатами. Они — полноправные граждане, составляющіе государство; они—господствующій классъ, участвующій во властвованіи „по собственному праву", какъ говорятъ юристы. (См. Schröder— „Deutsche Rechtsgeschichte" 1889, S. 147).

Первые ростки представительной системы показываются лишь тогда, когда представители городовъ, иначе говоря, „третьяго сословія", получаютъ доступъ въ парламенты, рейхстаги и сословные ландтаги. Происходитъ это въ одномъ государствѣ раньше, въ другомъ позже, въ зависимости отъ того, когда города въ

отдѣльныхъ европейскихъ странахъ, пріобрѣтя силу и значеніе, не могутъ уже быть исключаемы отъ участія въ законодательствѣ и въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ. (а)

Но и это участіе городскихъ представителей въ совѣщаніяхъ сословныхъ ландтаговъ и въ рейсхстагахъ, въ парламентахъ Англіи и романскихъ государствъ вовсе еще не указываетъ на выборное народное представителество въ современномъ смыслѣ этого слова: вѣдь этими городскими представителями являлись либо городскіе старшины, либо избранные отъ магистратовъ делегаты. Принципъ же народнаго избранія, избранія въ парламенты депутатовъ изъ большой среды, какъ изъ совокупности цѣлаго народа, всѣхъ классовъ или обширныхъ народныхъ слоевъ,—такой принципъ впервые выступаетъ въ Америкѣ вмѣстѣ съ объявленіемъ независимости сѣверо-американскихъ колоній въ 1776 г., потомъ провозглашается въ Европѣ со взрывомъ французской революціи сначала въ декларація правъ человѣка и гражданина (4-го августа 1789 г.), а затѣмъ въ конституціи 1791 г.

а) Вотъ что пишетъ относительно «земскихъ чиновъ» («Landstände») въ Австріи Шреттеръ: «Ясное содержаніе многихъ грамотъ доказываетъ, что Австрія въ древнѣйшія (?) времена и уже въ эпоху маркграфовъ имѣла земскіе чины (Landstände), которые назывались министріалами, баронами, знатью, и совѣтомъ которыхъ въ важнѣйшихъ обстоятельствахъ приходилось пользоваться. Раздѣленіе этихъ земскихъ чиновъ на четыре класса, а именно—на сословія прелатовъ, господъ, рыцарей, а также на сословіе городовъ и мѣстечекъ, проведено тоже съ незапамятныхъ (?) временъ. Предсѣдательствуетъ ландмаршалъ». (Ferd. Schrötter, «Grundriss des österreichischen Staatsrechts», Wien 1775, 119).

Въ Англіи въ послѣднюю треть XIII столѣтія нѣкоторые города, прежде всѣхъ Лондонъ, затѣмъ пять другихъ портовыхъ городовъ (Dover, Sandwich, Romney, Hastings и Hythe) достигли уже такого значенія и, какъ податные источники, настолько уже принимались во вниманіе, что ихъ стали приглашать къ участію черезъ депутатовъ въ парламентѣ (преимущественно тогда, однако, когда дѣло касалось разрѣшенія налоговъ!). Съ 1264 г. представители городовъ начинаютъ уже принимать участіе въ парламентѣ все въ большемъ и большемъ числѣ. Гизо («Origines du gouvernement reprèsentatif» II, 183) полагаетъ, что, начиная лишь съ этого года, можно говорить о «полномъ» парламентѣ. Но соціалъ-демократическіе писатели не могутъ согласиться съ такимъ «буржуазнымъ» взглядомъ и переносятъ скомплектованіе англійскаго парламента лишь въ нашу эпоху.

Въ Португаліи уже въ XII столѣтіи (1148 г.) «прокураторы»

(«Procuratoren») городовъ, какъ представители ихъ, приняли участіе въ Ламегскомъ сеймѣ. Въ Аррагоніи тоже въ XII вѣкѣ города стали участвовать въ кортесахъ; равнымъ образомъ и въ Кастиліи.

Во Франціи въ XIII столѣтіи представители «добрыхъ городовъ» были приглашены королемъ въ собраніе государственныхъ чиновъ; въ XIV вѣкѣ (1302 г.) въ генеральные штаты (états genereaux) были призваны представители отъ духовенства, дворянства и горожанъ.

Въ Германіи лишь въ XIV и XV столѣтіяхъ города добились представительства въ «земскихъ чинахъ» («Landstände») (См. Unger, «Gescichte d. dentschen Landstände» II S. 67). «Вольные и имперскіе города выступаютъ сомкнутой коллегіей впервые на Франкфуртскомъ сеймѣ 1489 г.» (Schröder l. c. S. 750).

§ 149.

Двухпалатная система.

Дифференціація сословій въ европейскихъ средневѣковыхъ государствахъ рано уже привела къ расчлененію парламентовъ на верхнюю и нижнюю палаты (палаты магнатовъ въ Венгріи, „сенатъ“ въ Польшѣ, палата пэровъ въ Англіи). (а)

Дѣйствительная сила, представленная въ этихъ собраніяхъ магнатовъ, бароновъ, рыцарей и др., въ борьбѣ съ королевствомъ приводила по большей части къ установленію извѣстныхъ правъ и привилегій, какъ для каждой изъ этихъ палатъ въ отдѣльности, такъ для всего парламента въ его цѣломъ и для всякаго отдѣльнаго члена палаты.

И вотъ, исторія англійскаго парламента представляетъ намъ интересную картину постепеннаго развитія правъ парламента, какъ представительства „страны“ противъ короны. Въ вѣковой борьбѣ англійскій парламентъ шагъ за шагомъ добивался одного за другимъ всѣхъ тѣхъ правъ, на которыхъ теперь зиждется его могущество, которыя, составляя основы англійской конституціи, такъ часто служили на континентѣ образцомъ для другихъ, на „конституціонномъ“ началѣ перестраивавшихся государствъ и ихъ „народныхъ представительствъ“.

а) Двухпалатная система образовалась исторически изъ конкретныхъ условій, состоявшихъ въ различіи и отдѣленіи высшаго дворянства отъ низшаго; однако и другія соображенія, въ особен-

ности же противоположность между взглядами старшихъ и болѣе молодыхъ людей, привели къ установленію двухпалатнаго народнаго представительства даже въ республикахъ, основанныхъ на принципѣ равенства всѣхъ гражданъ. Въ первой изъ этихъ палатъ старшіе и болѣе умѣренные элементы имѣютъ назначеніе служить противовѣсомъ для представленныхъ во второй, болѣе юныхъ и экспансивныхъ. Итакъ, мы видимъ, какъ принципъ двухъ палатъ побѣдоносно выходитъ даже изъ увѣнчавшихся успѣхомъ республиканскихъ государственныхъ переворотовъ. Онъ существуетъ теперь не только въ большинствѣ монархическихъ государствъ, но и въ республикахъ,— въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ (сенатъ и палата представителей), въ Швейцаріи (кантональный и національный совѣты), во Франціи (сенатъ и палата депутатовъ). Конечно, среди революціонныхъ движеній, какъ напр., въ 1848 г., часто провозглашалось требованіе «единой палаты», но оно не могло быть достигнуто. Въ настоящее время однопалатная система въ Европѣ существуетъ лишь въ Греціи (конституція 1864 г.) [1]), да во многихъ нѣмецкихъ мелкихъ государствахъ, для которыхъ вслѣдствіе ихъ незначительности двѣ палаты являлись бы слишкомъ большимъ законодательнымъ аппаратомъ. Сюда относятся великія герцогства— Саксенъ-Веймаръ и Ольденбургъ; герцогства—Брауншвейгъ, Саксенъ-Мейнингенъ, Саксенъ-Альтенбургъ, Саксенъ-Кобургъ-Гота, Ангальтъ; княжества — Шварцбургъ - Рудольфштадтъ, Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ, Вальдекъ, оба Рейсскія княжества, а также княжества Липпе-Детмольдъ и Липпе-Шаумбургъ. Наконецъ, оба Мекленбургскія великія герцогства имѣютъ общій, изъ одной палаты состоящій ландтагъ.

§ 150.

Современное „народное представительство“.

Несмотря на принципіальное различіе между старыми и новыми формами осуществленія законодательной власти, все-таки для правильнаго пониманія современныхъ „народныхъ представительствъ“ необходимо считать ихъ за высшую ступень развитія прежнихъ

---

[1]) Сюда слѣдуетъ присоединить также Болгарію и Сербію.

Въ Болгаріи, по дѣйствующей нынѣ конституціи 1879 года, законодательнымъ органомъ является однопалатное народное собраніе, состоящее изъ депутатовъ, избираемыхъ прямой подачей голосовъ.

Въ Сербіи, послѣ государственнаго переворота 1903 года, вновь провозглашены были нарушенныя королемъ Александромъ Обреновичемъ начала конституціи 1888 года и введена однопалатная система. Законодательнымъ органомъ здѣсь служитъ Скупштина, состоящая отчасти изъ выборныхъ отъ населенія депутатовъ, отчасти изъ назначенныхъ королемъ лицъ. *Переводчикъ.*

парламентовъ и разсматривать въ связи съ этими старыми формами. Въ самомъ дѣлѣ, хотя новѣйшіе теоретики (а именно, со времени основанія сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ) и заявляютъ, что права и обязанности народнаго представительства они выводятъ изъ „природы вещей“, изъ „цѣли государства“, изъ „существа законодательной власти“ и т. п.,— однако-же историческое изслѣдованіе показываетъ, что права и положеніе современнаго народнаго представительства развились за прошлые вѣка въ жестокой борьбѣ между „сословіями“ средневѣкового государства и монархіей. Теперь, конечно, всю эту совокупность правъ, весь этотъ кругъ вѣдѣнія народнаго представительства легко уже изложить „систематически“, какъ бы исходя изъ одного „принципа“; между тѣмъ каждое изъ этихъ правъ, каждый отдѣльный предметъ вѣдѣнія добывались парламентами постепенно еще въ средневѣковыхъ европейскихъ монархіяхъ, а особенно въ Англіи, въ упорной, на конкретныхъ поводахъ основанной наступательной и оборонительной борьбѣ съ монархическими властолюбивыми тенденціями.

§ 151.

Развитіе парламентаризма въ Англіи.

Хотя процессъ этотъ и совершался повсюду въ сущности однимъ и тѣмъ же образомъ, но все-таки Англія, гдѣ такъ образцово можетъ быть установлено завоевательное основаніе государства, является страной, въ которой вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ на „прекрасномъ экземплярѣ“, лучше всего можно прослѣдить происхожденіе и всѣ послѣдовательные фазисы развитія парламентаризма. [1])

Въ основѣ своей процессъ этотъ примыкаетъ къ факту завоеванія. Вильгельмъ совершилъ это послѣднее съ помощью своихъ товарищей-хищниковъ. Слѣдствіемъ завоеванія былъ дѣлежъ добычи, въ данномъ случаѣ—покоренной страны. Король, какъ предводитель, получаетъ при этомъ львиную долю. Обладая ею, онъ сильнѣе

---

[1]) См. Рудольфъ Гнейстъ—«Das englische Parlament in 1000-jariger Wandlung» 1886. Ясное и краткое изложеніе даетъ Бюдингеръ въ своихъ—«Vorlesungen über englische Verfassungsgeschichte» 1880. Превосходно также изложено у Бутми (Boutmy)—«Dévéloppement de la constitution et de la societé politique en Angieterre» 1887 (есть въ русскомъ переводѣ).

всякаго отдѣльнаго „вассала“. И вотъ, опасеніе каждаго изъ этихъ послѣднихъ, какъ бы, въ случаѣ чего, не подвергнуться притѣсненію со стороны короля, порождаетъ общій всѣмъ имъ интересъ доставленія другъ другу взаимной поддержки противъ сюзерена. Интересъ этотъ ведетъ къ единодушію и сплоченности дворянства противъ короля. Итакъ, двѣ партіи стояли другъ противъ друга. Всякій конкретный случай, когда король взывалъ къ услужливости дворянства, когда онъ нуждался въ помощи, въ матеріальныхъ средствахъ, всякій такой случай давалъ поводъ къ переговорамъ. Соотвѣтственно королевскимъ требованіяхъ дворянство въ свою очередь выставляло притязанія на дарованіе ему для будущаго времени извѣстныхъ правъ и привилегій. Такимъ образомъ приходили къ соглашеніямъ, компромиссамъ, каковые и формулировались въ дарованныхъ „хартіяхъ“. Одной изъ первыхъ такихъ хартій, послужившей основаніемъ для всей позднѣйшей англійской конституціи, а слѣдовательно, и для всѣхъ тѣхъ, которыя по англійскому образцу въ послѣднія столѣтія были изданы въ Европѣ и Америкѣ, явилась такъ называемая Великая Хартія (Magna Charta) 1215 г. (а)

а) Добились Великой Хартіи отъ короля Іоанна Безземельнаго въ вооруженномъ возстаніи дворянство и духовенсво. Она содержитъ въ себѣ подтвержденіе нѣкоторыхъ прежнихъ правъ и привилегій, а также даруетъ и новыя основныя права. Въ числѣ послѣднихъ находится то, перешедшее съ тѣхъ поръ въ столь многія конституціонныя хартіи правило, что «никакой свободный человѣкъ не долженъ подвергаться преслѣдованію или наказанію безъ судебнаго приговора». Тутъ же иностранцамъ предоставлено было безпрепятственно заниматься въ Англіи торговлей; равнымъ образомъ гарантировалось во всей странѣ единство мѣръ и вѣса. См. Stubbs—«The constitutionel history of Englaud» 1880, I.

§ 152.

Право разрѣшенія налоговъ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ постановленій Великой Хартіи является то, которое гласитъ, что „никакіе налоги и пошлины не могутъ быть вводимы въ странѣ безъ согласія на это со стороны общаго совѣта (commune concilium) королевства“ (ст. 12). Въ данномъ пунктѣ лежитъ корень всѣхъ познѣйшихъ и современныхъ намъ правъ разрѣшенія налоговъ (Steuerbewilligungsrechte),

—правъ, принадлежащихъ парламентамъ и народнымъ представительствамъ. Выставленное въ 13-мъ столѣтіи въ Англіи, какъ ограниченіе королевскаго могущества и какъ средство борьбы съ королевскими злоупотребленіями, постановленіе это, начиная со времени великой французской революціи, строится уже на неотъемлемыхъ „естественныхъ“ правахъ народа. Такъ, вся совершающаяся съ теченіемъ вѣковъ перемѣна воззрѣній отражается въ этомъ различномъ обоснованіи „права народнаго представительства“.

Болѣе чѣмъ полтысячелѣтія спустя, это самое постановленіе появляется во французской конституціи 1793 г. въ слѣдующей формѣ: Nulle contribution ne peut être établie que pour l'utilité générale. Tous les citoyens ont droit de concourir à l'établissement des contributions“ (Art. XX). („Всякая подать можетъ быть вводима лишь для общей пользы. Всѣ граждане имѣютъ право участвовать въ установленіи податей“). Это „право разрѣшенія налоговъ“, къ которому примыкаетъ „бюджетное право“, составляетъ съ тѣхъ поръ существенную часть всѣхъ конституціонныхъ хартій. Бельгійская конституція 1831 г. не только устанавливаетъ, что „налоги для блага государства ежегодно подвергаются обсужденію и голосованію (въ законодательномъ учрежденіи)“ (IV. Art. 111), но она также прибавляетъ, что „законы, опредѣляющіе налоги, имѣютъ силу лишь на одинъ годъ“. Послѣдній принципъ съ тѣхъ поръ входитъ во всѣ европейскія конституціонныя государства (а).

а) Тотъ принципъ, по которому король не можетъ произвольно предписывать господствующимъ классамъ платить обременительные для нихъ налоги, вытекалъ первоначально изъ слѣдующаго факта: при завоеваніи и захватѣ земли король удерживалъ за собой несравненно значительнѣйшую часть страны, а поэтому издержки на всякую правительственную нужду, всѣ необходимые для государства расходы онъ долженъ былъ производить изъ огромныхъ доходовъ отъ своихъ собственныхъ королевскихъ имѣній, а также изъ выручки отъ различныхъ регалій (лѣсныхъ, таможенныхъ и т. под.). Современемъ же, когда эти королевскіе доходы оказались недостаточными, особенно при необходимыхъ чрезвычайныхъ потребностяхъ, тогда лишь пришлось прибѣгнуть къ «помощи» дворянства, рыцарства и богатаго духовенства. И вотъ, отсюда во многихъ государствахъ долго еще продолжало существовать такого рода различіе, что сословія разрѣшаютъ лишь чрезвычайные налоги и пошлины, въ то время какъ для назначенія такъ называемыхъ ординарныхъ налоговъ (Ordinarsteuer), основанныхъ на первоначальныхъ королевскихъ правахъ и

регаліяхъ и служившихъ для покрытія обычныхъ необходимыхъ потребностей, не требовалось согласія сословій. Пережитокъ такого различія между обыкновенными и чрезвычайными налогами сохранился еще въ Англіи, гдѣ нѣкоторая часть бюджета разсматривается, какъ «постоянная» («stabil») и не требуетъ ежегоднаго разрѣшенія со стороны парламента. (Этотъ постоянный бюджетъ расходовъ (доходитъ) въ годъ до суммы 30 милліоновъ и заключаетъ въ себѣ издержки по уплатѣ процентовъ съ государственнаго долга, все содержаніе двора, а также несомнѣнно необходимые и обязательные расходы по уплатѣ жалованья чиновникамъ и т. д.).

Только французское бюджетное право, исходя изъ государственной теоріи французской революціи, уничтожило это различіе между постояннымъ и мѣняющимся бюджетомъ. Конституція 1791 г. прямо опредѣляетъ: «установленіе государственныхъ расходовъ», а равнымъ образомъ и «назначеніе налоговъ» должно входить въ компетенцію законодательнаго учрежденія (III, 1). Такое положеніе продержалось во Франціи во всѣхъ послѣдующихъ измѣненіяхъ конституціи. Принципъ этотъ былъ развитъ въ бельгійской конституціи 1831 г. («Палаты ежегодно издаютъ бюджетный законъ», стат. 113), и затѣмъ онъ перешелъ почти во всѣ континентальныя конституціи, а главнымъ образомъ въ прусскую, австрійскую и въ конституцію германской имперіи. Здѣсь Бисмаркъ въ 1881 г. пытается ввести двухгодичные финансовые періоды, но этотъ планъ его разбивается объ оппозицію со стороны рейхстага. И вотъ, построенное по французско-бельгійскому образцу бюджетное право парламентовъ становится самымъ сильнымъ ихъ оружіемъ противъ всѣхъ возможныхъ абсолютистскихъ правительственныхъ стремленій, такъ какъ само собою разумѣется, что въ этомъ «правѣ одобренія бюджета» заключается и «право отказа». (Относительно этой теоріи и возможныхъ отсюда выводовъ см. мое «Rechtsstaat und Socialismus»). А въ зависимости отъ того, предоставляется ли правительству болѣе или менѣе свободное обращеніе суммъ, иначе говоря, свободное употребленіе разрѣшенныхъ расходовъ для различныхъ цѣлей въ предѣлахъ отдѣльныхъ статей бюджета,—какъ это на короткое время ввелъ Наполеонъ III,—позволяется ли, или строго запрещается подобное расходованіе,—въ зависимости отъ этого оружіе бюджетнаго права становится то острѣе, то тупѣе.

§ 153.

Созывъ парламента.

Для того, чтобы это согласіе на назначеніе податей и налоговъ могло всегда планомѣрно осуществляться, англійскій король обязался „приглашать въ совѣтъ королевства архіепископовъ, епи-

скоповъ, аббатовъ, графовъ и великихъ бароновъ—каждаго особо посредствомъ королевскихъ пригласительныхъ писемъ", всѣхъ же остальныхъ своихъ ленниковъ—общимъ приглашеніемъ („en masse") черезъ вице-графовъ и бальи. При созывѣ этомъ опредѣленно указывается время и мѣсто собранія и происходить онъ долженъ по крайней мѣрѣ за двѣ недѣли до указаннаго срока. Въ пригласительныхъ письмахъ требовалось обозначать предметъ совѣщанія.

Въ этихъ постановленіяхъ великой хартіи лежитъ корень парламентскаго права, а именно организаціи и составленія, созыванія и дѣятельности парламентовъ; а въ различіи между способами созыва „вельможъ" и „рыцарей" было заложено основаніе для будущаго раздвоенія парламента на верхнюю и нижнюю палаты,—на палату пэровъ и палату общинъ.

§ 154.

Періодичность сессій.

Когда между парламентомъ и правительствомъ возникаетъ неизбѣжный антагонизмъ, когда отношеніе между этими двумя государственными факторами доходитъ до открытой борьбы, — тогда одна ужъ постоянность правительства даетъ этому послѣднему перевѣсъ передъ временно лишь созываемымъ парламентомъ. Также обычай и право созыва королемъ парламента давали правительству возможность не созывать его и такимъ образомъ править безъ парламента въ то время, когда онъ не былъ нуженъ. И вотъ поэтому раньше или позже должны были выступить на сцену слѣдующія парламентскія требованія: требованіе—во 1-хъ—обязательнаго для правительства и—во-2-хъ—регулярнаго, періодическаго созыва. Въ Англіи болѣе значительная учащенность парламентскихъ сессій начинается въ первой половинѣ XIV столѣтія. Въ 1331 и 1362 гг. издаются статуты, возлагающіе на правительство обязанность созыва, которая, впрочемъ, вытекала уже изъ того принципа, что безъ парламента нельзя было устанавливать никакихъ налоговъ. Въ 1377 г., въ послѣднемъ году долгаго правленія Эдуарда III, общины заявили наконецъ въ петиціи свое желаніе, чтобы парламентъ былъ созываемъ ежегодно. Когда была достигнута эта ежегодная періодичность, тогда всѣ права парламента пріобрѣли болѣе высокое значеніе, такъ какъ

лишь послѣ этого входитъ въ полную силу регулярное участіе въ законодательствѣ и постоянный контроль надъ правительствомъ.

Разумѣется, правительство старалось дѣлать сессіи какъ можно болѣе короткими и послѣ достиженія согласія на необходимыя субсидіи распускало парламентъ по домамъ. Противъ этого правительственнаго маневра парламентъ въ 1388 г. выступилъ съ требованіемъ, чтобы послѣ разрѣшенія субсидій его не распускали (a).

a) Съ тѣхъ поръ періодичность и ежегодное созываніе парламентовъ стало правиломъ во всѣхъ констуціонныхъ государствахъ. Въ монархіяхъ созывъ повсюду назначается монархами; въ республикахъ же—главами ихъ. Срокъ созыванія въ монархическихъ государствахъ по большей части предоставляется на усмотрѣніе правительства; въ республикахъ же, напр., въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и во Франціи (по закону 16 іюля 1875 г.), ежегодное начало парламентскихъ сессій установлено по календарю: въ Соединенныхъ Штатахъ оно разъ навсегда назначено на первый декабрьскій понедѣльникъ, а во Франціи—на второй январьскій вторникъ. Одновременное созываніе обѣихъ палатъ также стало вездѣ правиломъ.

§ 155.

Законодательные періоды.

Созывъ и собраніе парламентовъ первоначально приноровлялись къ наличности такихъ нуждъ, которыя дѣлали содѣйствіе ихъ желательнымъ. Отъ монарха зависѣло созывать сословія или нѣтъ; поэтому неизбѣжно было, что эти сословія либо принимали всѣ мѣры и сговаривались собираться безъ монаршаго приглашенія,—какъ это происходитъ въ различныхъ мѣстахъ,—или же по крайней мѣрѣ въ видѣ уступки за свою помощь и уплату налоговъ добивались у монарха того, что этотъ послѣдній давалъ обязательство созывать ихъ періодически, по большей части разъ въ годъ (см. выше). Когда же принципъ этотъ принятъ, когда онъ настолько укрѣпляется въ жизни, что становится безспорнымъ и ничто ужъ не можетъ пошатнуть его, —тогда относительно выборныхъ народныхъ представительствъ могутъ существовать лишь такого рода вопросы: избираются ли они каждый годъ наново или должны сохранять свои полномочія впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ? а также, избирается ли снова, по истеченіи извѣстнаго срока, все

представительство цѣликомъ или только по частямъ (треть, половина и т. п.), такъ что вся „палата", обновляется, лишь спустя болѣе значительное время, послѣ выхода самыхъ давнихъ членовъ?

Первый французскій „законодательный корпусъ" (по конституціи 1791 г.) долженъ былъ „составляться путемъ новыхъ выборовъ черезъ каждые два года". Уже вторая робеспьеровская конституція (1793 г.) сократила „періодъ сессіи" законодательнаго корпуса до одного года. Третья конституція, созданная національнымъ конвентомъ, установила ежегодное обновленіе „Совѣта Старѣйшинъ" и „Совѣта Пятисотъ" по трети ихъ состава; поэтому каждая третья часть представителей должна была сохранять свои полномочія впродолженіе трехъ лѣтъ. По четвертой конституціи (1799 г.) ежегодно должна была выбывать $^1/_5$ законодательнаго корпуса, такъ что каждой пятой части приходилось осуществлять свои полномочія въ теченіе 5-ти лѣтъ. Пятилѣтній законодательный періодъ съ ежегоднымъ обновленіемъ по $^1/_5$ сохранился и въ слѣдующихъ конституціяхъ: при Людовикѣ XVIII (октроированная конституція 1814 г.), а также при Луи Филиппѣ (Хартія 1830 г.).

Испанская конституція 1812 г. устанавливаетъ обновленіе кортесовъ черезъ всякіе два года; равнымъ образомъ и португальская конституція 1822 г. назначаетъ двухлѣтнюю продолжительность полномочій, а изданная въ 1826 г. — четырехлѣтній законодательный періодъ.

Бельгійская конституція 1831 г. устанавливаетъ четырехлѣтній срокъ полномочій съ обновленіемъ черезъ каждые два года половины палаты депутатовъ. Въ созданныхъ съ тѣхъ поръ европейскихъ конституціяхъ срокъ законодательныхъ собраній колеблется между 3 и 9 годами; при этомъ повсюду покидаютъ систему частичнаго обновленія и устанавливаютъ смѣну цѣлыхъ выборныхъ палатъ представителей по истеченіи извѣстнаго законодательнаго періода (или послѣ распущенія ихъ)[1]).

Вопросъ относительно цѣлесообразности болѣе длинныхъ или короткихъ законодательныхъ періодовъ часто давалъ поводъ къ горячимъ парламентскимъ дебатамъ, какъ это было напр. въ Венгріи въ 1886 г., когда существовавшій прежде трехлѣтній зако-

[1]) Вотъ какую продолжительность имѣютъ въ настоящее время законодательные періоды: въ Австріи 6; въ Германской Имперіи 3, въ Пруссіи 3, въ Баваріи, Саксоніи, Вюртембергѣ, Гессенѣ 6; во Франціи для палаты депутатовъ 4 года и для Сената, образующагося путемъ косвенныхъ выборовъ, 9 лѣтъ; въ Англіи 7, въ Норвегіи 3; въ Швеціи для нижней палаты 3 года и для верхней 9 лѣтъ.

*

нодательный періодъ былъ преобразованъ въ пятилѣтній. Можно въ общемъ замѣтить, что радикальныя партіи стоятъ за болѣе короткіе сроки выборовъ (какъ это обнаруживается уже въ постановленіяхъ первыхъ французскихъ революціонныхъ конституцій), въ то время какъ консервативныя партіи и правительства отстаиваютъ болѣе длинные сроки.

За болѣе короткіе періоды избранія (Wahlperioden) выставляются слѣдующія положенія: что отказъ на долгое время отъ высшихъ политическихъ гражданскихъ правъ противорѣчитъ принципу народной свободы и самоопредѣленія; что народу должна быть предоставлена возможность проявлять свою волю въ высшихъ государственныхъ дѣлахъ почаще, а слѣдовательно, по болѣе короткимъ срокамъ и т. п.

За болѣе длинные періоды выставляются тѣ доводы, что при короткихъ невозможна никакая устойчивость въ законодательныхъ работахъ; что въ отношеніи успѣшнаго государственнаго управленія короткіе періоды непрактичны, такъ какъ тутъ законодатели не имѣютъ времени освоиться съ ходомъ парламентскихъ дѣлъ, а правительство—ознакомиться съ парламентомъ и т. п.

Противъ короткихъ періодовъ приводятся тѣ соображенія, что частые выборы не даютъ народу возможности выйти изъ состоянія избирательныхъ агитацій и прійти въ спокойное положеніе; что при этомъ страна приводится въ постоянное волненіе и ненормальное безпокойство и т. п.

Противъ длинныхъ періодовъ выставляется тотъ аргументъ, что они способствуютъ образованію класса профессіональныхъ „политикановъ", которые, независимо отъ избирателей, втеченіе долгихъ сроковъ избранія пользуются благами своего званія, не особенно заботясь объ интересахъ и нуждахъ народныхъ.

Въ концѣ концовъ и въ данномъ вопросѣ рѣшающее значеніе имѣетъ сила партій; а между слишкомъ длинными и слишкомъ короткими періодами избранія безъ сомнѣнія лучше всего средній путь.

§ 156.

Контроль надъ расходами.

Право разрѣшенія налоговъ было бы призрачно, если бы парламенту не принадлежало также право контролировать произведенные

уже фактически расходы и утверждать ихъ. И этотъ, столь безспорный теперь принципъ конституціоннаго государственнаго права выросъ изъ конкретныхъ отношеній, изъ фактовъ, обратившихъ вниманіе парламента на то обстоятельство, что разрѣшэнные имъ натоги употреблялись правительствомъ для другихъ, не санкціонированныхъ законнымъ путемъ цѣлей.

Когда въ XIV столѣтіи, при Эдуардѣ III, англійскій парламентъ испыталъ это, а именно увидѣлъ, что разрѣшенныя имъ суммы истрачены на королевскихъ любимцевъ и тому подобные предметы,—тогда онъ назначилъ (1340 г.) особыхъ контролеровъ, которымъ правительство обязалось представлять отчетъ относительно того, какъ употреблены разрѣшенные парламентомъ налоги. 14 лѣтъ спустя (въ 1354 г.) для той же цѣли парламентъ принимаетъ дальнѣйшія мѣры предосторожности, впервые вводя такъ называемый актъ аппропріаціи (Aprorpiationacte),—а именно, при разрѣшеніи налога на шерсть, было присоединено къ этому постановленіе, что полученная отъ даннаго обложенія сумма должна быть израсходована лишь на войну.

Въ большинствѣ нѣмецкихъ государствъ въ сословный періодъ образовалась практика, состоявшая въ томъ, что земскіе чины (Landstände) возлагали завѣдываніе разрѣшенными ими „субсидіями" на особый, отвѣтственный передъ ними комитетъ, на „финансовую коллегію" („Schatzcollegium"), на которой при этомъ лежала обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы полученныя деньги расходовались на законно опредѣленныя цѣли[1]). Въ выше цитированной XX статьѣ первой французской конституціи (1791 г.) принадлежащее народу право контроля и обязанность отчетности со стороны правительства формулированы такимъ образомъ, что „всѣмъ гражданамъ" присваивается право „надзирать за употребленіемъ налоговъ и требовать себѣ отчета въ этомъ" („d'en surveller l'emploi et de s'en faire rendre le compte"). Согласно этому принципу, къ „функціямъ" законодательнаго корпуса принадлежитъ „общее завѣдываніе доходами и расходами республики" (ст. LIV),—и вотъ, такимъ образомъ устанавливается контроль и отчетность передъ парламентомъ.

По бельгійской конституціи 1831 г. палата народныхъ представителей назначаетъ членовъ „счетной палаты", которой поручается повѣрка счетовъ „общаго управленія" и уплата по нимъ, а

---

[1]) См. F. W. Unger—«Urgeschichte der deutschen Volksvertretung» (1844), B. II, 424; Escher—«Handbuch der practischen Politik» 1864, B. II, 243.

также наблюденіе за тѣмъ, „чтобы ни одинъ пунктъ бюджетныхъ расходовъ не былъ нарушенъ и чтобы не оказалось перечисленія“, иначе говоря, чтобы издержки, разрѣшенныя для одной отрасли управленія, не употреблялись для другой (чтобы не было никакой „замѣны“). Изготовленный счетной палатой „общій государственный отчетъ“ вмѣстѣ съ ея замѣчаніями представляется палатамъ.—Въ главныхъ чертахъ своихъ эта форма контроля надъ расходами получила доступъ во всѣ новѣйшія конституціи. Вотъ, повсюду учреждаются особыя счетныя палаты, на составъ которыхъ народное представительство оказываетъ свое болѣе или менѣе значительное вліяніе; онѣ представляютъ парламенту докладъ относительно всего финансоваго управленія; и тогда, если все оказывается въ порядкѣ, парламентъ утверждаетъ произведенные правительствомъ расходы.

§ 157.

Отвѣтственность министровъ.

Понятіе о контролѣ и отчетности въ завѣдываніи финансовымъ и вообще государственнымъ управленіемъ влечетъ за собой, какъ неизбѣжный выводъ, идею объ установленіи отвѣтственности тѣхъ лицъ, на которыхъ возложено это управленіе, т. е., министровъ. Факты и конкретныя отношенія, породившіе эту идею, были въ изобиліи во всякой монархіи, въ особенности же тамъ, гдѣ слабые монархи вовлекались недобросовѣстными совѣтниками въ незаконныя дѣянія. Пятидесятилѣтнее правленіе Эдуарда III и въ этомъ отношеніи служитъ для Англіи исходнымъ пунктомъ развитія. Въ 1376 г. нижняя палата жаловалась на королевскихъ совѣтниковъ и любимцевъ, которымъ она приписывала финансовое затрудненіе короля, и противъ двухъ изъ нихъ, противъ лорда Латимера (Latimer) и Невиля (Nevil) возбудила формальное обвиненіе. Они были признаны виновными, объявлены навсегда неспособными занимать общественныя должности, а имѣнія ихъ конфискованы. Этимъ было положено начало. При Ричардѣ II, въ 1386 г., нижняя палата снова обвиняла любимца и министра королевскаго, графа Суффолька (Suffolk). Послѣ долгихъ переговоровъ между парламентомъ и королемъ, послѣдній вынужденъ былъ уволить своего любимца и его товарищей и назначить новыхъ министровъ (Guizot—l. c. II 399). Такимъ образомъ начинается въ Англіи развитіе еще другого порядка,—правомѣрнаго

вліянія парламента на назначеніе министровъ, т. е., развитіе парламентарнаго режима.

Во французской конституціи 1793 г. члены „исполнинительнаго совѣта“ („Conseil exécutif“) объявлены отвѣтственными передъ законодательнымъ корпусомъ „за неисполненіе законовъ“ и за другія злоупотребленія. Мѣстомъ принятія жалобъ является законодательный корпусъ (ст. LXXI и LXXII). Бельгійская конституція 1831 г. подробно уже формулируетъ постановленіе относительно министерской отвѣтственности,—въ такомъ именно видѣ отвѣтственность эта и перешла въ большинство современныхъ конституціонныхъ государствъ. Эта конституція постановляетъ, что „палата народныхъ представителей имѣетъ право обвинять министровъ“, и что король „ни въ коемъ случаѣ, ни устнымъ, ни письменнымъ приказаніемъ не можетъ освободить министра отъ отвѣтственности“ (ст. LXXXIX и XC). Съ тѣхъ поръ законъ о министерской отвѣтственности становится необходимымъ условіемъ всякаго конституціоннаго государственнаго устройства. Въ Германіи данный институтъ развился въ особомъ направленіи: компетентнымъ судомъ надъ обвиняемыми министрами здѣсь уже не является парламентъ, какъ въ Англіи, или палата пэровъ, какъ это мы встрѣчаемъ въ свое время во Франціи; нѣтъ, для этой цѣли тутъ устанавливаются особые „верховные суды“ („Staatsgerichtshöfe“), члены которыхъ назначаются парламентомъ. Монаршее право помилованія въ данномъ случаѣ ограничено и можетъ осуществляться лишь по ходатайству со стороны палаты, возбудившей обвиненіе[1]).

§ 158.

Выборы и избирательное право.

Принципъ избранія народныхъ представителей самимъ народомъ впервые появился, какъ безспорный выводъ изъ того основного положенія, что всѣ люди равны. „Для насъ очевидна та истина, что всѣ люди созданы равными, что Творецъ надѣлилъ ихъ нѣкоторыми

---

[1]) Болѣе давними и солидными трудами по этому вопросу являются: «De la responsabilité des ministres» (Paris, 1815) Бенжамена Констана и «Die Verantwortlichkeit der Minister» (1837) Моля. Въ концѣ XIX столѣтія вышелъ касающійся Германіи трудъ Pistorius'а—«Die Staatsgerichtshöfe und die Ministerverantwortlichkeit nach heutigem deutschen Staatsrechte» (1891).

неотъемлемыми правами; между правами этими находятся право жизни, свобода и стремленіе къ счастью“. Эти положенія изъ декларации, объявившей независимость первыхъ 13-ти сѣверо-американскихъ колоній (1776 г.), составляютъ корень для всѣхъ провозглашенныхъ съ тѣхъ поръ принциповъ и постановленій относительно народнаго суверенитета, свободнаго самоопредѣленія народа, а затѣмъ и избранія его представителей въ законодательныя собранія[1]). „Для обезпеченія этихъ неотъемлемыхъ правъ“, продолжаетъ декларація, „учреждены правительства; и, если какая-нибудь форма правленія окажется негодной для осуществленія этихъ правъ и цѣлей, то народъ имѣетъ право смѣнить, свергнуть ее и создать новый режимъ...“

На такихъ принципіальныхъ началахъ основанъ былъ, два года спустя, сѣверо-американскій союзъ и составленныя для этого статьи конфедераціи сохраняютъ за каждымъ отдѣльнымъ штатомъ полный его „суверенитетъ и независимость, государственную власть, юрисдикцію и тѣ права“, которыя не были точно переданы представленному въ конгрессѣ союзу этихъ государствъ. И вотъ, какъ въ отдѣльныхъ штатахъ, такъ и въ союзѣ вошли въ жизнь законодательныя собранія, въ которыя повсюду „свободные и равные граждане“ выбираютъ своихъ представителей[2]).

Американскій примѣръ нашелъ подражаніе во Франціи. Актъ провозглашенія независимости 1776 г. вѣрно отозвался во французской деклараціи правъ человѣка и гражданина, которая затѣмъ была предпослана конституціямъ 1791 и 1793 гг. Въ ней говорится, что „французскій народъ, убѣдившись въ томъ, что презрѣніе и забвеніе врожденныхъ человѣку правъ является единственной причиной бѣдствій этого міра, рѣшилъ въ торжественной деклараціи изложить эти неотъемлемыя права, дабы никакой гражданинъ уже не допускалъ притѣсненій и угнетеній со стороны тиранніи“. Само собою разумѣется, что послѣ такого введенія, послѣ провозглашенія неотъемлемыхъ правъ каждаго человѣка на „равенство, свободу, безопасность и собственность“ (ст. II), послѣ этого

---

[1]) Вышеприведенныя положенія изъ акта, провозгласившаго независимость сѣверо-американскихъ Штатовъ, ведутъ свое начало изъ деклараціи человѣческихъ правъ (bill of rights), включенной въ конституцію штата Виргиніи (Іюнь 1776 г.). См. Bankroft—«Geschichte der Vereinigten Staaten», B. IV.

[2]) Bancroft—«The footprints of time and analysis of american System of Governement» 1876, S. 175 ff. Perley Poore—«The Federal and State Constitutions... of the United Staates» 1877.

конституція установляетъ всеобщее избирательное право для законодательнаго собранія. Данное всеобщее избирательное право вытекаетъ также изъ существа закона, какъ этотъ послѣдній опредѣляется въ конституціи. Въ самомъ дѣлѣ, если законъ есть „свободное и торжественное выраженіе общей воли“ (ст. IV), въ такомъ случаѣ само собою слѣдуетъ, что „народъ (la population) является единственной основой національнаго представительства“ (ст. XXI). Затѣмъ нужно было лишь установить, какое число избирателей приходится на одного представителя,—и вотъ, избирательное право устроено. „Одинъ депутатъ приходится на 40.000 гражданъ“,—гласитъ соотвѣтствующее постановленіе (ст. XXII) избирательнаго права относительно „народнаго представительства“. Этимъ поданъ былъ въ Европѣ первый примѣръ всеобщихъ народныхъ выборовъ [1]).

§ 159.

Ограниченное избирательное право.

Съ тѣхъ поръ это „всеобщее, равное и прямое избирательное право“ сдѣлалось основой всѣхъ европейскихъ республиканскихъ конституцій. Лишь монархіи долго еще не хотѣли и знать объ этомъ новшествѣ. Конституція реставраціи (1814 г.) надѣляла избирательнымъ правомъ лишь достигшихъ 30-ти лѣтняго возраста французовъ, платившихъ налогъ не менѣе 300 франковъ. Податной цензъ утверждался во всѣхъ избирательныхъ порядкахъ конституціонныхъ монархій. Бельгійская конституція 1831 г. была одной изъ либеральнѣйшихъ; отъ избирателя она требовала лишь минимальнаго податнаго платежа въ 40 франковъ. Числовое отношеніе избирателей къ депутатамъ по французской конституціи сохранилось прежнее: на 40.000 жителей одинъ депутатъ.

Всѣ новѣйшія монархическія конституціи въ Европѣ знаютъ лишь ограниченное избирательное право. А именно, активное избирательное право ограничивается прежде всего имущественнымъ цензомъ, т. е., требованіемъ извѣстной минимальной суммы—либо дохода (Англія), либо платежа налоговъ. Затѣмъ дальнѣйшимъ ограниченіемъ избирательнаго права служитъ раздѣленіе избира-

---

[1]) Pölitz—«Die europäischen Verfassungen seit 1789» (1833); Rauch—«Parlamentarisches Taschenbuch» (1867 ff); Hélie—«Les constitutions de la France»; Taine—«Les origines de la France contemporaine».

телей на классы или куріи. Такая классификація происходитъ или по соціальнымъ группамъ и экономическимъ сферамъ дѣятельности (какъ, напр., въ Австріи), или такимъ образомъ, что за основаніе принимается совокупность платимыхъ всѣмъ народомъ налоговъ, и (какъ это существуетъ въ Пруссіи) первая треть ихъ образуетъ первый *классъ избирателей* (Wählerclasse), вторая—второй и третья—третій. Даннымъ пріемомъ достигаютъ того, что въ первомъ классѣ находится лишь весьма незначительное число самыхъ богатыхъ избирателей, во второмъ уже гораздо бо̀льшее изъ зажиточнаго средняго сословія, а въ третьемъ огромная масса мелкихъ податныхъ плательщиковъ [1]).

§ 160.

Всеобщее избирательное право въ Германіи, Италіи и Австріи.

Такъ какъ во всѣхъ этихъ ограниченныхъ цензомъ и куріальныхъ или классовыхъ выборахъ огромныя рабочія массы, не платящія никакихъ прямыхъ налоговъ, фактически исключены отъ участія въ этихъ выборахъ,—то вотъ, во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ возникли рабочія движенія, поставившія себѣ задачею достиженіе всеобщаго избирательнаго права. На встрѣчу этимъ движеніямъ пошелъ основатель Германской Имперіи Бисмаркъ, такъ какъ ему, для достиженія своихъ политическихъ замысловъ противъ мелкихъ государствъ, представлялось выгоднымъ имѣть такой рейхстагъ, который бы составлялся путемъ всеобщихъ выборовъ. И вотъ, такимъ образомъ, всеобщее избирательное право было введено въ Германіи сначала для рейхстага Сѣверо-Германскаго Союза (1867 г.), а затѣмъ и въ Германской имперіи [2]).

---

[1]) Несмотря на неодинаковую численность избирателей въ разрядахъ—крупныхъ, среднихъ и мелкихъ плательщиковъ, каждый изъ этихъ трехъ классовъ выбираетъ одно и то-же число представителей. Такимъ образомъ тутъ принимается въ соображеніе не численность избирателей, а совокупность платимыхъ ими налоговъ. *Переводчикъ.*

[2]) При этомъ Бисмаркъ дѣйствовалъ лишь въ цѣляхъ велико-германскаго (grossdeutsch) или собственно велико-прусскаго (grosspreussisch) могущества и вовсе не былъ принципіальнымъ приверженцемъ идеи всеобщаго избирательнаго права. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то обстоятельство, что онъ, введя для Германской Имперіи всеобщее избирательное право, оставилъ для прусскаго ландтага двойное ограниченіе этого права—посредствомъ ценза и дѣленія на классы («Drittelung»).

Объединенная Италія также должна была представить націи доказательство того, что она либеральнѣе прежнихъ деспотическихъ или даже конституціонныхъ мелкихъ государствъ; и вотъ, для этого, какъ опора единаго государства, введено было всеобщее избирательное право [1]).

Теперь не могло обойтись безъ того, чтобы и въ Австріи,— особенно же со стороны организованнаго рабочаго класса, — все настойчивѣе и настойчивѣе не раздавалось требованіе всеобщаго избирательнаго права.

Но когда послѣ нѣкоторыхъ проволочекъ министерство Таафе (1894 г.) рѣшилось согласиться съ этимъ требованіемъ и внесло въ парламентъ соотвѣтственный законопроектъ, то тутъ же оно и потерпѣло фіаско вслѣдствіе оппозиціи со стороны соединенныхъ партій, которыя не хотѣли такъ прямо отказываться отъ своихъ классовыхъ владѣльческихъ привилегій, поддерживаемыхъ существующими цензовыми и куріальными выборами. Тогда преемникъ Таафе, министръ Бадени избралъ средній путь, единственно возможный для него среди данныхъ отношеній, предложивъ такой законопроектъ касательно выборовъ, по которому къ существующимъ уже четыремъ избирательнымъ куріямъ, организованнымъ согласно съ различными по платежу налоговъ классами, присоединялась еще пятая курія—всеобщаго избирательнаго права. И вотъ, такъ былъ разрубленъ гордіевъ узелъ: съ одной стороны, преимущества существующихъ курій не были тронуты, а съ другой, и рабочіе получили свое всеобщее избирательное право [2]).

---

[1]) Итальянское избирательное право, на основаніи закона 1882 г. съ добавочными измѣненіями 1891 и 1892 г.г., установляетъ самый минимальный избирательный цензъ въ 19 лиръ прямого государственнаго и мѣстнаго налога для тѣхъ, которые не принадлежатъ къ классу интеллигенціи; кромѣ этого требуется также умѣніе читать и писать; всякій итальянецъ, достигшій 21 года и отвѣчающій даннымъ условіямъ, является избирателемъ.

[2]) Но компромиссъ этотъ не могъ надолго успокоить рабочія массы. Слишкомъ ужъ жалка роль пятой куріи, какъ проводника идеи всеобщаго избирательнаго права въ Австріи. Охватывая собою въ послѣднее время болѣе пяти милліоновъ избирателей, курія эта имѣетъ право выбирать въ парламентъ лишь 72 депутата. И вотъ, получается такая картина: въ то время какъ въ куріи крупнаго землевладѣнія одинъ депутатъ приходится на 64 избирателя, въ куріи торговыхъ палатъ одинъ—на 26 избирателей,—въ куріи же всеобщаго избирательнаго права одинъ депутатъ— почти на 70.000 избирателей! Результаты этого, до каррикатурности неравномѣрнаго распредѣленія представителей все больше и больше даютъ о себѣ знать: движеніе за всеобщее избирательное право растетъ, и на грандіозномъ митингѣ лѣтомъ 1903 г. принята резолюція, объявляющая, что рабочія организаціи Австріи, предпринявъ борьбу за всеобщее изби-

Таково недавнее [1]) завоеваніе всеобщаго избирательнаго права въ Европѣ (а).

а) Будучи представителями образованнаго средняго класса и являясь по большей части защитниками представительной системы государственнаго устройства, нѣмецкіе государствовѣды выступали при этомъ преимущественно противниками всеобщаго избирательнаго права. Моль защищаетъ проведеніе представительной системы, выдвигая три полезныхъ ея свойства. Во-первыхъ, вслѣдствіе участія многихъ въ государственныхъ дѣлахъ, «составныя части народа пріобрѣтаютъ въ государствѣ подобающее имъ значеніе, безъ существеннаго измѣненія въ общихъ основахъ или формахъ правленія» [2]). Во-вторыхъ, «благодаря представительству, высшія государственныя учрежденія знакомятся съ настоящимъ состояніемъ страны» [3]). Въ-третьихъ, представительство обнаруживаетъ такія силы, которыя иначе оставались бы въ скрытомъ состояніи, и наконецъ, благодаря представительной системѣ, «народовластіе» стало возможнымъ даже въ большихъ государствахъ.

Такая защита представительной системы была не излишней въ виду тѣхъ рѣзкихъ нападокъ, которымъ она подвергалась съ другой стороны. «Die Täuschungen des Representativ-Systems»,—такъ озаглавилъ марбургскій профессоръ Карль Фольграффъ (Vollgraff) свое сочиненіе (1832 г.), гдѣ онъ пытается доказать, «что система эта является негоднымъ, невѣрнымъ и несвоевременнымъ средствомъ для удовлетворенія потребностей нашего времени». Фольграффъ защищаетъ сословное представительство,—конечно, представительство всѣхъ существующихъ въ государствѣ сословій и народныхъ слоевъ,—однако же такъ, чтобы каждое изъ этихъ представительствъ «отдѣльно» («separatim») вело переговоры съ правительствомъ. Съ 1848 г. эта «сословная» оппозиція противъ представительной системы стала постепенно умолкать, напротивъ же,—оппозиція прочивъ всеобщаго избирательнаго права продолжалась еще въ 70-хъ годахъ, и не могло ее поколебать даже введеніе этого права въ Сѣверо-германскомъ Союзѣ, а потомъ и въ Германской имперіи. Моль остался противникомъ всеобщаго избирательнаго права; введеніе

рательное право, не успокоятся до тѣхъ поръ, пока не проведутъ своего требованія.

См. «Борьба за всеобщее избирательное право въ Австріи».—Русскія Вѣдомости 1903 г. № 198. *Переводчикъ.*

[1]) Новѣйшимъ торжествомъ разсматриваемаго демократическаго избирательнаго порядка слѣдуетъ признать произведенное подъ вліяніемъ общественнаго движенія въ 1904 году введеніе всеобщаго прямого голосованія въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ. Такая-же избирательная реформа стоитъ на очереди въ Гессенѣ.

Въ переживаемую нынѣ нами эпоху русскаго общественнаго движенія на знамени поразительнаго большинства различныхъ нашихъ общественныхъ группъ и фракцій выставлено требованіе всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права. *Переводчикъ.*

[2]) «Staatsrecht, Völkerrecht, Politik» I, 22.

[3]) Ibid.

этого послѣдняго въ Сѣверо-германскомъ Союзѣ и для представительства нѣмецкаго таможеннымъ союза (Zollparlament) преисполняетъ нашего ученаго сильнымъ негодованіемъ. Вотъ какъ онъ въ данномъ случаѣ выражается: [1]) «Даже при лучшихъ обстоятельствахъ безспорно, что введеніе всеобщаго избирательнаго права въ Германіи было въ высшей степени сомнительнымъ мѣропріятіемъ, истинныя свойства и дальнѣйшія послѣдствія котораго не были строго обдуманы; это былъ геніально-отважный и лишь на мгновенный успѣхъ разсчитанный шагъ, отъ котораго мы и потомки наши, по всей вѣроятности, жестоко пострадаемъ». Избраніе представителей, полагаетъ Моль, не должно вытекать изъ всеобщаго голосованія, но тѣмъ не менѣе, представительство должно считатся «съ принципомъ представленія всего цѣлаго» [2]). Для этой цѣли онъ требуетъ, чтобы новѣйшее представительное государство отказалось принимать подъ новымъ видомъ «чуждые ему пережитки прежняго состоянія». Моль порицаетъ то явленіе, что въ представительство современнаго правового государства допущены представители отжившихъ государственныхъ институтовъ и корпорацій, и что «конституціонная основная идея гражданина совершенно въ нихъ не выработана» [3]). Это «неправильное составленіе народныхъ представительствъ вытекаетъ изъ превратнаго пониманія организаціи народа, его правъ и интересовъ, однимъ словомъ,—изъ ложнаго представленія объ общественномъ строеніи народа» [4]). Здѣсь Моль къ теоретическимъ положеніямъ объ обществѣ присоединяетъ свои практическіе планы, дабы дать этимъ положеніямъ примѣненіе въ практической государственной жизни.

Въ своей теоріи общества онъ обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, «что между отдѣльной личностью и всей совокупной народной силой (Gesammtkraft), и, конечно, отличаясь отъ обѣихъ этихъ сферъ, лежитъ еще обширная область человѣческаго состоянія, также имѣющая свои законы, и это именно — общество» [5]) Отсюда Моль требуетъ, чтобы этому «общественному строенію» дано было въ представительствѣ правильное выраженіе. «Представительство не должно создавать никакого несогласнаго съ дѣйствительностью положенія путемъ искусственнаго перевѣса, даваемаго тому или иному элементу отношенія» [6]).

Выборы «по географическимъ округамъ и по простому скопленію народныхъ массъ (Volksmange)» не даютъ вѣрнаго отраженія всего народа. При такомъ способѣ выборовъ проявляются «въ сущности два разряда лицъ, имѣющихъ наибольшіе шансы на избраніе въ представители». Во-первыхъ, «громкіе, чтобы не сказать болѣе, порицатели правительства,—обыкновенно адвокаты либо другіе недо-

[1]) «Staatsrecht, Völkerrecht, Politik» III, 723—724.
[2]) Ibid. I, 56.
[3]) «Staatsrecht, Völkerrecht, Politik» I, 56.
[4]) Ibid. S. 329.
[5]) «Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften» I. Einl.
[6]) «Staatsrecht, Völkerrecht, Politik» I, 409.

вольные интеллигенты. Во-вторыхъ, рабскіе приверженцы правительства, зависимые чиновники или желающіе сдѣлаться таковыми»[1]). Такъ устраиваются представительства, въ которыхъ «дѣйствительныя и обширныя общественныя сферы» оказываются не представленными. Этимъ положеніемъ дѣла объясняется то явленіе, «что въ нашихъ представительныхъ собраніяхъ совѣщаніямъ о присущихъ отдѣльной личности правахъ придается чрезвычайно большое, часто далеко мѣру превышающее значеніе»...«Мѣстные интересы отстаиваются съ львинымъ мужествомъ, конечно, лишь непосредственными представителями округовъ. Самое же незначительное участіе приходится на долю тѣхъ особенныхъ интересовъ, которые относятся къ общественнымъ сферамъ. Права свободы печати, охраны личности отъ неправильнаго задержанія, судъ присяжныхъ и т. под.—во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ уже данымъ-давно обсуждаются, вводятся, измѣняются, часто становятся центромъ продолжительной жестокой борьбы, знаменемъ партій; въ обсужденіи порядковъ государственнаго хозяйства такъ же часто принимается живѣйшее участіе, и заключеніе государственнаго договора волнуетъ парламентское море до самой его глубины; съ величайшимъ пыломъ требуется или оспаривается настоятельность въ проложеніи какой-нибудь дороги или въ направленіи желѣзнодорожнаго пути. Напротивъ же, законы объ организаціи земледѣлія, ремеслъ или собственно ужъ общественные вопросы, напр., о пауперизмѣ, дѣтскомъ трудѣ, дѣлимости или нераздѣльности земельныхъ участковъ—откладываются съ одного года на другой»[2]).

Несмотря на эти, подмѣченные въ современныхъ народныхъ пре-представительствахъ недостатки (часть ихъ теперь уже въ значительной степени устранена), Моль все-таки торжественно отказывается имѣть что-либо общее съ тѣми учеными, которые «требуютъ просто-на-просто возстановленія средневѣковыхъ сословій въ трехъ или четырехъ куріяхъ»[3]). Моль протестуетъ противъ того, будто-бы онъ «хотѣлъ войти подъ сѣнь знамени, которое несъ блаженной памяти Галлеръ и которое теперь (1860—1870 гг.) держатъ Герлахъ и Шталь.....» И вотъ, хотя эти послѣдніе и «трактуютъ объ естественномъ строеніи общества и осмѣиваютъ поголовное представительство», Моль все-таки не примыкаетъ къ этимъ ученымъ, такъ какъ считаетъ ихъ «самыми несправедливыми противниками дѣйствительно существующаго права и не знаетъ болѣе превратныхъ совѣтниковъ, чѣмъ они».

Правда, Моль именно въ критикѣ существующаго идетъ отчасти тѣмъ же путемъ, что и эти ученые, вѣдь онъ совершенно такъ же, какъ и они, «порицаетъ составленіе представительствъ изъ атомистическихъ личностей (aus atomististischen Einzelnen)». «Однако же, въ то время какъ они заявляютъ, что соотвѣтствующая средневѣковому обществу организація правильна, я»,—продолжаетъ Моль,

---

[1]) «Staatsrecht, Völkerrecht, Politik» I, 409.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid. 415.

—«придерживаюсь прямо противоположнаго взгляда, такъ какъ мы желаемъ удовлетворить правамъ и интересамъ не средневѣковаго, но современнаго общества».

Этимъ Моль вовсе не хочетъ повредить государственному единству и выставить на его мѣсто общественное дѣленіе. «Государственное единство, для котораго поработали цѣлыя столѣтія, не можетъ и не должно распадаться снова на части». Только лишь при избраніи представительства оно не должно являться единственнымъ заслуживающимъ вниманія обстоятельствомъ, наоборотъ, здѣсь слѣдуетъ принимать въ соображеніе и «особые жизненные круги» («besondere Lebenskreise»). И вотъ, чтобы не было сомнѣнія относительно этихъ «особыхъ жизненныхъ круговъ» и чтобы ихъ какъ-нибудь не посчитали тождественными со средневѣковыми сословіями, Моль поближе выясняетъ положеніе дѣла. Онъ говоритъ: «Число и названіе этихъ круговъ опредѣляется фактами въ каждой отдѣльной странѣ. Такой кругъ находится на лицо, когда постоянный и важный интересъ является центромъ извѣстнаго общественнаго состоянія и требованій къ государству; при этомъ могутъ существовать духовные и вещественные интересы,—въ послѣднемъ случаѣ ядромъ круга служатъ владѣніе и выгода».

Всѣ эти и подобныя имъ сомнѣнія относительно всеобщаго избирательнаго права устранены теперь силою фактовъ, но вовсе не опровергнуты разумными доводами. Всеобщее избирательное право торжествуетъ побѣду. Окажется ли оно дѣйствительно полезнымъ, это будетъ зависѣть, конечно, лишь отъ степени народнаго образованія; вопросъ о достоинствахъ всеобщаго избирательнаго права далеко еще не исчерпанъ.

§ 161.

Значеніе всеобщаго избирательнаго права.

Какъ часто ни пытались теоретически обосновать всеобщее избирательное право, а обоснованіе это все-таки остается невозможнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, обоснованіе равенствомъ людей слабо, такъ какъ равенство это недѣйствительно. Люди какъ разъ не равны. Слѣдствіемъ же этого неравенства является то обстоятельство, что при всеобщемъ избирательномъ правѣ хитрая голова проводитъ милліоны людей, доказательствомъ чего можетъ служить французскій плебисцитъ, посредствомъ котораго Наполеону III удалось быть избраннымъ въ императоры французовъ. Нѣтъ лучшей критики всеобщаго избирательнаго права, чѣмъ этотъ плебисцитъ.

Когда всеобщее избирательное право хотятъ обосновать тѣмъ

доводомъ, что законъ долженъ быть выраженіемъ общей воли, а эта послѣдняя не можетъ проявляться иначе, какъ путемъ всеобщаго избирательнаго права,—то здѣсь допускаютъ еще бо̀льшую безсмыслицу. Вѣдь общая, единая, какъ говорятъ юристы, воля (Gesammtwille) является простой фантасмагоріей: никакой подобной воли не существуетъ. Всякій народъ состоитъ изъ множества соціальныхъ сферъ и группъ. Каждая изъ нихъ имѣетъ свои собственные интересы. Изъ этихъ послѣднихъ рождаются стремленія, ищущія себѣ выраженіе во многихъ индивидуальныхъ воляхъ. Такъ какъ данные интересы необходимымъ образомъ являются различными и взаимно противорѣчивыми,—то и стремленія эти несходны и воли различны. Поэтому ни въ какомъ народѣ нѣтъ единой общей воли. И результатъ всеобщаго избранія выражаетъ лишь волю устроителя выборовъ (Wahlmacher), но не желаніе избирателей, которые до настоящаго времени все еще являются безсознательными голосователями.

Однимъ словомъ, въ дѣйствительности какъ разъ недостаетъ того, чего доктринерскіе приверженцы всеобщаго избирательнаго права хотятъ, какъ цѣли этого послѣдняго; и, еслибы всеобщее избирательное право разсматривать съ точки зрѣнія этихъ доктринъ, то пришлось бы его признать несуразнѣйшимъ въ государствѣ установленіемъ.

Въ дѣйствительности же всеобщее избирательное право не основывается ни на разумѣ, ни на нравственности, ни на какой-либо иной „идеѣ“. Нѣтъ, оно просто лишь выражаетъ стремленіе безправныхъ до сихъ поръ народныхъ слоевъ принять участіе въ пользованіи доставляемыми государствомъ жизненными благами, въ свободѣ, во властвованіи и въ наслажденіи жизнью. И данное стремленіе правильно лишь постольку, поскольку эти слои народные представляютъ собою силу, съ увеличеніемъ которой и оно возрастаетъ. Однако же, что касается до того, является ли именно форма всеобщаго избирательнаго права пригоднѣйшимъ средствомъ къ удовлетворенію правильныхъ требованій со стороны обширныхъ народныхъ слоевъ,—относительно этого господствуетъ еще весьма основательное сомнѣніе.

Прямо изъ страны старѣйшаго всеобщаго избирательнаго права въ Европѣ,—изъ Франціи доносятся теперь громкіе голоса, рѣзко критикующіе это „аморфное“ избирательное право; и въ Германіи раздаются многочисленные голоса противъ всеобщаго избирательнаго права, и много говорятъ за „профессіонально-общественную“

(„berufsgenossenschaftliche“) народную организацію и за основанное на этой послѣдней избирательное право.

§ 162.

Поправки ко всеобщему избирательному праву.

Доктринерское обоснованіе всеобщаго избирательнаго права разбивается требованіями, которыя, вытекая изъ тѣхъ же принциповъ свободы и равенства людей, обрисовываютъ это всеобщее избирательное право, какъ орудіе порабощенія и притѣсненія меньшинства. Въ доктринерскомъ произведеніи своемъ о „свободѣ“ Стюартъ Милль легко доказываетъ, что „народная воля фактически сводится къ волѣ многочисленнѣйшей или дѣятельнѣйшей части народа, къ волѣ большинства или партіи, которой удается выступать, какъ большинство“ [1]). И въ своихъ „Разсужденіяхъ о представительномъ государственномъ устройствѣ“, говоря объ основанной на всеобщемъ избирательномъ правѣ „демократіи, въ обыкновенномъ ея смыслѣ и проявленіи“, онъ называетъ её „правленіемъ всего народа посредствомъ исключительно лишь представленнаго народнаго большинства“. Такое правленіе, разсуждаетъ Милль, является „привилегированнымъ въ пользу большинства, которое въ дѣйствительности одно лишь имѣетъ голосъ въ государствѣ. Это является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того способа подачи голосовъ, который ведетъ къ полному устраненію меньшинства“ (изъ нѣмецкаго перевода Witte 1862, S. 86). Такимъ образомъ, это всеобщее избирательное право съ вытекающимъ изъ него рѣшающимъ значеніемъ большинства было осуждено съ точки зрѣнія той же доктрины свободы, на которой оно было основано. Какимъ же путемъ теперь устранить этотъ обнаружившійся дефектъ всеобщаго избирательнаго права? Нужно дать представительство и меньшинству, поглощенному тиранническимъ большинствомъ [2]). И

[1]) См. нѣмецкій переводъ Пиккфорда 1860 г., S. 5.

[2]) Всѣ авторитеты государственной науки почти единогласно высказываются за то, что и меньшинство имѣетъ свои права на представительство. Вотъ какъ говоритъ, напр., Моль въ своей «Enciclopädie» (2 Aufl. 1872, S. 243): «Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ разумности и справедливости того положенія, когда въ собраніи, призванномъ представлять права и интересы всѣхъ гражданъ, получатъ выраженіе не одни лишь взгляды части народа,—будь эта часть даже большинствомъ,—нѣтъ, но

вотъ, для этой цѣли создано большое число проектовъ; иные изъ нихъ даже введены въ нѣкоторыхъ государствахъ законодательнымъ путемъ.

§ 163.

Проекты для представительства меньшинства.

Уже Викторъ Консидеранъ (Considérant, 1808—1893) предложилъ столь часто съ тѣхъ поръ выдвигавшійся проектъ, состоящій въ томъ, чтобы всѣ избиратели группировались по своимъ партійнымъ программамъ и чтобы число представителей, подлежащихъ выбору, распредѣлялось соотвѣтственно этимъ группамъ, дабы такимъ образомъ и партіямъ меньшинства предоставить соотвѣтственное ихъ численности представительство.

Предложеніе Томаса Гэра (Thomas Hare), весьма рекомендуемое Миллемъ, состоитъ въ томъ, чтобы установить такое минимальное число избирателей (напр. 500), которое имѣло бы право выбирать одного представителя; и вотъ, всякій кандидатъ, получившій такое число голосовъ, является избраннымъ, причемъ безразлично, изъ сколькихъ и какихъ именно избирательныхъ округовъ всей страны получилъ онъ эти голоса. Такимъ образомъ и самое незначительное меньшинство различныхъ избирательныхъ округовъ, благодаря суммированію его голосовъ, могло бы имѣть своего представителя [1]).

Третій проектъ, который въ 1854 г. впервые лордомъ Росселемъ (Russel) предложенъ былъ англійскому парламенту и который называютъ „ограниченнымъ голосованіемъ“ („vote limité“),— состоитъ въ томъ, чтобы каждому избирателю предоставлено было право вотировать лишь за бо̀льшую часть изъ тѣхъ представителей, которые подлежатъ выбору въ данномъ округѣ. Поэтому, напр., если нужно избрать трехъ представителей, подача голосовъ допускается лишь за двухъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ для большинства избраніе изъ его партіи всѣхъ трехъ представителей и чтобы такимъ образомъ пособить меньшинству провести по крайней мѣрѣ одного изъ своихъ кандидатовъ.

также и требованія остальныхъ». Подобнаго же взгляда придерживается и Аренсъ, который говоритъ о «важной проблемѣ политической науки,— о проблемѣ, состоящей въ поддержкѣ меньшинства», и предлагаетъ соотвѣтственные проекты («Naturrecht» 6 Aufl. 1871, S. 380).

[1]) См. у Милля—«Über Repräsentativ-System» S. 91.

Четвертый проектъ, принадлежащій Джемсу Гарту Маршалу (James Garth Marschall), преслѣдуетъ ту же цѣль посредствомъ допущенія сосредоточиванія голосовъ (vote cumulativ или accumulé). Въ этомъ проектѣ такъ же, какъ и въ предыдущемъ, предполагается избраніе по спискамъ (Listenwahl), т. е., выборъ изъ одного округа нѣсколькихъ представителей (a). По этому проекту каждому избирателю предоставляется право, вмѣсто записыванія, напр., трехъ кандидатовъ, сосредоточить всѣ три голоса на одномъ. Такимъ образомъ для меньшинства дѣлается возможнымъ (правда, путемъ отказа отъ голосованія за большее число) провести своего кандидата; вѣдь большинство, пользуясь своимъ перевѣсомъ, стремится всѣхъ трехъ избрать изъ числа своихъ приверженцевъ. Посредствомъ сосредоточенія голосовъ на одномъ кондидатѣ для меньшинства становится возможнымъ создать сильный противовѣсъ большинству.

a) Подъ избраніемъ по спискамъ (Listenscrutinium) разумѣется тотъ пріемъ, когда избирательный корпусъ (Wahlkörper), т. е., имѣющіе право участвовать въ выборахъ въ данномъ округѣ избираютъ нѣсколькихъ представителей. Это избраніе по спискамъ введено въ новѣйшее время въ различныхъ странахъ, причемъ имѣлись въ виду разныя намѣренія. Наибольшею извѣстностью пользуется проектъ Гамбетты (1881 г.), состоящій въ томъ, чтобы представителей въ палату депутатовъ выбирать не отъ каждаго округа (arrondissement) отдѣльно, но отъ департаментовъ и такимъ образомъ, чтобы избиратели цѣлаго департамента, какъ одинъ корпусъ, подавали свои голоса за нѣсколькихъ депутатовъ, т. е., за весь списокъ ихъ (scrutin de liste). Этотъ способъ выборовъ впервые испробованъ былъ во Франціи въ 1885 г., но уже въ 1889 г. отъ него здѣсь совершенно отказались. Въ послѣднее время и въ Италіи была сдѣлана проба избранія по спискамъ. Въ Австріи его можно встрѣтить въ отдѣльныхъ земляхъ (Länder) и куріяхъ. Такъ, напр., въ Богеміи крупные землевладѣльцы въ нѣкоторыхъ избирательныхъ корпусахъ выбираютъ въ каждомъ по нѣсколько депутатовъ; подобнымъ образомъ и нѣкоторыя торговыя палаты (Handelskammern) избираютъ по два представителя. Въ общемъ же слѣдуетъ замѣтить, что отдѣльные выборы (Einzelwahl) болѣе пригодны для того, чтобы отъ естественныхъ соціальныхъ группъ выбирались такіе представители, которые дѣйствительно пользуются ихъ довѣріемъ; избраніе же по спискамъ предполагаетъ сложныя отношенія и разсчитано на такіе привилегированные, тѣсно сомкнутые классы или куріи, которые легко могли бы столковаться относительно списка; сюда, слѣдовательно, относится, напр., узкій кругъ крупнѣйшихъ въ странѣ плательщиковъ налоговъ или обладателей фидеикомиссовъ. Съ развитіемъ принципа всеобщихъ выборовъ, избраніе по спискамъ должно все болѣе и болѣе сходить со сцены, а верхъ одерживать должны отдѣльные выборы въ мелкихъ избирательныхъ округахъ. Когда при всеобщихъ выборахъ отъ круп-

ныхъ избирательныхъ округовъ, какъ это произошло во Франціи, требуется избраніе сразу многихъ представителей, то тутъ несомнѣнно все клонится къ тому, чтобы оттѣснить мѣстныя величины и, наоборотъ, очистить путь для такихъ «профессіональныхъ политикановъ», которые могутъ добиться полномочій путемъ газетныхъ рекламъ или дорого стоющихъ агитацій.

§ 164.

Введеніе представительства отъ меньшинства.

Нѣкоторые изъ вышеупомянутыхъ проектовъ были подхвачены въ разныхъ мѣстахъ европейскими, а также американскими законодательствами и испытали практическое свое осуществленіе. Такъ, въ Даніи (1855 г.) къ (косвенному) избранію части состава ландстинга [1]) примѣняется искусственный, по плану Гэра построенный пріемъ, путемъ котораго и меньшинство можетъ избрать себѣ представителя.

Въ Англіи по реформирующему выборы закону 1867 г. въ городскихъ избирательныхъ округахъ, на которые выпадаетъ по три представителя, установляется голосованіе лишь за двухъ, чтобы такимъ образомъ предоставить возможность меньшинству избрать себѣ (третьяго) представителя. Однако реформа эта въ Англіи была весьма кратковременна, такъ какъ съ изданіемъ новаго избирательнаго закона 1885 г. она пошла на смарку.

Въ Италіи опытъ избранія по спискамъ и ограниченной подачи голосовъ, дѣйствовавшій въ пользу кандидатовъ отъ меньшинства, продолжался лишь короткое время (1882—1891 г.). Послѣ этого здѣсь вернулись къ системѣ одномѣстныхъ избирательныхъ округовъ.

Въ Испаніи со времени изданія избирательнаго закона 1878 г. сохранилась ограниченная подача голосовъ. Для извѣстнаго числа мѣстъ въ кортесахъ допускаются и такіе представители, которые въ нѣсколькихъ избирательныхъ округахъ получили въ общей сложности каждый по 10.000 голосовъ.

Въ послѣднее время въ Вюртембергѣ шла работа [2]) по

---

[1]) Ландстингъ—верхняя палата датскаго парламента (ригстага), состоитъ изъ 68 членовъ; изъ нихъ 12 назначаются королемъ и 56 избираются путемъ двухстепенныхъ выборовъ. *Переводчикъ.*

[2]) Съ середины 90-хъ годовъ минувшаго столѣтія вюртембергскій ландтагъ былъ занятъ пересмотромъ конституціи, а при этомъ и системы

введенію „пропорціональныхъ выборовъ“ (законопроектъ министра Миттнахта).

§ 165.

Косвенные (непрямые) выборы.

Та же самая причина, которая дѣлаетъ невозможнымъ осуществленіе законодательной работы и веденіе государственныхъ дѣлъ непосредственно всѣмъ народомъ и поэтому приводитъ къ представительной системѣ, — она же требуетъ и устройства косвеннаго (непрямого) избранія народныхъ представителей. Въ самомъ дѣлѣ, выборъ представительства тогда лишь имѣетъ свой смыслъ, если избиратели знаютъ своего представителя, т. е., если они выбираютъ хорошо имъ извѣстнаго человѣка; и это является непремѣннымъ условіемъ того довѣрія, которое избиратели должны питать къ своему представителю. А отсюда необходимымъ образомъ слѣдуетъ тотъ выводъ, что выборы имѣютъ смыслъ лишь въ небольшомъ округѣ, въ которомъ еще возможно, чтобы избиратели знали своего кандидата. Но вотъ, такъ какъ число подобныхъ незначительныхъ избирательныхъ округовъ въ большомъ государствѣ было бы слишкомъ велико, а также оказалось бы черезчуръ большое количество депутатовъ,—то въ силу такихъ обстоятельствъ сама собою должна напрашиваться слѣдующая поправка къ этому неудобству, а именно: лица, въ слишкомъ большомъ числѣ избранныя отъ маленькихъ округовъ, должны являться лишь выборщиками настоящихъ уже представителей. И слѣдуетъ согласиться, во-первыхъ, съ тѣмъ, что эти выборщики представляютъ изъ себя въ общемъ болѣе интеллигентный элементъ, чѣмъ масса ихъ избирателей, во-вторыхъ же,— что они образуютъ ужъ болѣе тѣсный кругъ лицъ, которыя поэтому легче могутъ оріентироваться и столковаться относительно личности кандидата. Въ силу этихъ соображеній (съ точки зрѣнія раціональной избирательной техники такимъ косвеннымъ выборамъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ отдать предпочтеніе передъ непосредственными

выборовъ. Вотъ какова судьба данной реформы: въ 1898 г. прошелъ въ палатѣ депутатовъ законопроектъ, по которому часть ландтага должна выбираться по пропорціональной системѣ; въ верхней же палатѣ законопроектъ этотъ не былъ принятъ. См. «Пропорціональные выборы» въ Энциклоп. Слов. изд. Брокгауза и Эфрона т. XXV СПБ. 1898 г., и «Württemberg» въ Meyers Konversations-Lexikon 19-er Band Jahres-Supplement 1898—1899. *Переводчикъ.*

(прямыми) [1]). Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы путемъ непосредственныхъ выборовъ образовать въ большомъ государствѣ способный къ дѣятельности, а слѣдовательно, не слишкомъ многочисленный парламентъ,—для этого нужно нѣсколько территоріальныхъ отрѣзковъ соединить въ одинъ обширный избирательный округъ; и вотъ, тутъ неизбѣжнымъ является то неудобство, что огромныя массы избирателей должны голосовать за лично имъ совершенно неизвѣстныхъ кандидатовъ; при этомъ избиратели слѣпо подаютъ свои голоса за ораторовъ-демагоговъ, громкихъ фразеровъ или даже за денежныхъ спекулянтовъ, которыхъ наемные агитаторы усиленно рекомендуютъ избирателямъ отчасти путемъ своего краснорѣчія, отчасти же при помощи болѣе осязательныхъ, звонкихъ доводовъ. Подобныхъ грязныхъ происковъ слѣдуетъ, конечно, меньше ужъ опасаться тамъ, гдѣ отъ многочисленныхъ малыхъ округовъ извѣстные и заслуживающіе довѣрія люди выступаютъ выборщиками, голоса которыхъ купить уже труднѣе и опаснѣе и которые могутъ выбрать народнаго представителя уже скорѣе на основаніи истиннаго убѣжденія въ его пригодности. Вотъ поэтому-то косвенные выборы и примѣняются во многихъ государствахъ, особенно же при избраніи верхнихъ палатъ или союзныхъ парламентовъ (Bundesparlamente) a), а также при выборѣ республиканскихъ верховныхъ представителей государствъ (Staatshäupter) и союзныхъ президентовъ (Bundespräsidenten) b). При этомъ косвенные выборы могутъ быть примѣняемы двоякимъ образомъ: либо такъ, что образовавшаяся путемъ предварительнаго избранія корпорація, имѣющая свое особенное законодательное или административное назначеніе, является вмѣстѣ съ тѣмъ и избирательнымъ корпусомъ (Wahlkörper), которому принадлежитъ избраніе депутатовъ для высшей корпораціи; либо такимъ образомъ, что для производства этихъ выборовъ образуютъ спеціальную ad hoc коллегію выборщиковъ, миссія которой съ окончаніемъ выборовъ прекращается.

a) Въ Даніи большая часть верхней палаты (ландстинга) избирается косвеннымъ путемъ посредствомъ спеціальной для этого коллегіи выборщиковъ, нижняя же (фолькстингъ) составляется путемъ непосредственныхъ (прямыхъ, одностепенныхъ) выборовъ. Французская верхняя палата (сенатъ) образуется тоже по системѣ косвен-

[1]) И дѣйствительно, даже въ европейской родинѣ всеобщаго избирательнаго права, во Франціи, еще въ 1789 и 1791 г. организованы были косвенные выборы въ законодательный корпусъ. Сверхъ того, былъ установленъ извѣстный цензъ для выборщиковъ, подлежавшихъ избранію отъ первоначальныхъ избирателей.

ныхъ выборовъ, а именно—слѣдующимъ образомъ: въ каждомъ департаментѣ организуется для этого особая избирательная коллегія, которую составляютъ мѣстные депутаты въ нижнюю палату, члены генеральныхъ и окружныхъ совѣтовъ департамента и избранные для этого изъ муниципальныхъ представительствъ выборщики (законъ 1884 г.).—Въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ верхняя палата конгресса (сенатъ) избирается законодательными собраніями отдѣльныхъ штатовъ, при чемъ отъ каждаго штата выбирается по два сенатора. Въ Голландіи же члены верхней палаты «генеральныхъ штатовъ» избираются просто провинціальными совѣтами.

Въ Пруссіи уже члены нижней палаты избираются косвеннымъ путемъ, а именно—посредствомъ выборщиковъ, которые въ свою очередь опредѣляются по системѣ вдвойнѣ (цензомъ и дѣленіемъ на классы) ограниченныхъ выборовъ.

Введенная въ Австріи въ 1861 г. система косвеннаго избранія членовъ палаты депутатовъ, выбиравшихся ландтагами отдѣльныхъ земель, просуществовала до 1873 г., когда вмѣсто нея установлены непосредственные выборы; однако же, какъ представители въ ландтаги, такъ и депутаты отъ сельскихъ общинъ (Landgemeinden) въ рейсхратъ избираются косвеннымъ путемъ. (Избиратели выбираютъ спеціальныхъ для этого выборщиковъ).

b) Верховные представители государствъ (Staatshäupter) избираются повсюду путемъ косвенныхъ выборовъ: во Франціи—обѣими палатами(т. е., палатой депутатовъ и сенатомъ), соединенными въ «національное собраніе»; въ Швейцаріи—въ соединенномъ засѣданіи обѣихъ палатъ союзнаго собранія (т. е., кантональнаго и національнаго совѣтовъ) изъ семичленнаго союзнаго совѣта, избираемаго тѣмъ же союзнымъ собраніемъ. Выборъ президента сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ высшей степени сложенъ,—онъ избирается особой коллегіей выборщиковъ (electoral college), въ которую каждый изъ 45 отдѣльныхъ штатовъ выбираетъ столько членовъ, сколько представителей и сенаторовъ ему приходится избирать для конгресса [1]).

[1]) Слѣдовательно, число выборщиковъ отъ каждаго штата не менѣе трехъ. Выборщики эти собираются отдѣльно по штатамъ; протоколы же такихъ отдѣльныхъ засѣданій посылаются въ сенатъ. Общій подсчетъ голосовъ производится президентомъ сената въ присутствіи сената и палаты представителей. Избраннымъ въ президенты считается получившій абсолютное большинство голосовъ. Если же абсолютнаго большинства не составится, то палата представителей избираетъ въ президенты одного изъ трехъ кандидатовъ, получившихъ наибольшее число голосовъ; при этомъ въ палатѣ представители каждаго штата имѣютъ лишь одинъ голосъ.—См. «Русское государственное право» Коркунова т. I, изд. 1904 г., стр. 159—160. *Переводчикъ.*

§ 166.

Предпочтительнѣе ли непосредственные выборы?

Итакъ, съ точки зрѣнія здравой человѣческой логики и цѣлесообразности, косвеннымъ выборамъ слѣдовало бы отдать предпочтеніе передъ непосредственными. Правда, и при косвенныхъ выборахъ, для полученія успѣшнаго результата, нужна была бы наличность одного условія, которое желательно и при непосредственныхъ, но присутствія котораго, къ сожалѣнію, незамѣтно ни при тѣхъ, ни при другихъ,—здѣсь рѣчь идетъ о разсудкѣ, доброй волѣ и безпристрастіи избирателей. При наличности даннаго условія, не важно было бы, по какой—прямой или же косвенной—системѣ идутъ выборы; но этой послѣдней системѣ, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ отдать предпочтеніе. Въ дѣйствительности, какъ упомянуто, условіе это, къ сожалѣнію, отсутствуетъ, а руководящимъ въ практической политикѣ мотивомъ служитъ личный интересъ; недоброжелательство по отношенію къ чужимъ партіямъ является весьма постояннымъ настроеніемъ, помрачающимъ у занимающихся политикой всякій здравый разсудокъ. А вслѣдствіе этого—выбираютъ ли по косвенной или по прямой системѣ—все равно не можетъ быть достигнутъ тотъ результатъ выборовъ, какого слѣдовало бы ожидать по безпристрастному логическому расчету. Въ данной области приходится имѣть дѣло съ подвохами и коварствомъ сильнѣйшихъ партій, которыя агитаціонными происками своими стремятся провести выборы въ пользу собственныхъ корыстолюбивыхъ цѣлей. Такъ какъ эти подвохи и хитрости по отношенію къ небольшому числу избирателей, повидимому, легче могутъ быть примѣняемы, чѣмъ по отношенію къ огромной массѣ ихъ, то отсюда ясно, почему до сихъ поръ радикальныя партіи повсюду требуютъ „непосредственныхъ (прямыхъ) выборовъ“, дабы быть въ состояніи оказать большее противодѣйствіе этимъ коварнымъ махинаціямъ господствующихъ классовъ. Что же касается до осмысленности результата выборовъ, то въ этомъ отношеніи указанный расчетъ радикальной партіи совершенно невѣренъ. И дѣйствительно, съ увеличеніемъ числа избирателей ни въ коемъ случаѣ не возрастаетъ ни ихъ разсудокъ, ни добрая воля. Наоборотъ, подкрѣпленная наблюденіемъ и опытомъ истина гласитъ, что „осмысленность собранія находится въ обратно пропорціональномъ отношеніи къ числу присутствующихъ здѣсь людей, т. е., что

средній разсудочный уровень собранія понижается по мѣрѣ увеличенія числа участниковъ", какъ совершенно правильно замѣчаетъ Кернъ [1]). Тысяча избирателей во всякомъ случаѣ глупѣе, чѣмъ сотня; да и всякаго рода грубые инстинкты гораздо легче овладѣваютъ огромной массой, чѣмъ небольшимъ избирательнымъ комитетомъ.

Но партіи, требующія всеобщаго непосредственнаго избирательнаго права, вовсе не заботятся о достиженіи болѣе осмысленнаго представительства,—нѣтъ, имъ важно лишь сломить могущество властвующаго меньшинства; а для этой цѣли всеобщее непосредственное избирательное право при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ являться пригоднымъ средствомъ. Да, только при извѣстныхъ, но далеко не при всякихъ! Вѣдь при помощи всеобщей подачи голосовъ Наполеонъ III конфисковалъ политическую свободу Франціи для своего безполезнаго самодержавія; тѣ же самыя массы вотъ ужъ готовы были поднять на щитѣ такого фразера-героя и авантюриста, какъ Буланже; да вообще, не перечислить всѣхъ тѣхъ самоубійственныхъ глупостей, до какихъ можно было доводить массы; эти послѣднія всегда глупы уже въ силу того именно, что онѣ—массы (а). Итакъ, не за разумный и цѣлесообразный механизмъ слѣдуетъ считать всеобщее непосредственное избирательное право, все больше и больше теперь распространяющееся,—нѣтъ, его должно разсматривать, какъ реакцію противъ эксплоататорскаго властвованія меньшинства; свергнуть это послѣднее—вотъ каково теперь повсюду страстное, къ сожалѣнію, лишь слишкомъ ужъ ясное стремленіе низшихъ народныхъ классовъ.

а) Духовное соприкосновеніе, охватывающее массу собравшихся въ одномъ мѣстѣ людей, ни въ коемъ случаѣ не способствуетъ поднятію общаго ихъ разсудочнаго уровня, но значительно подавляетъ его. Чѣмъ многочисленнѣе собраніе, тѣмъ ниже умственныя его способности. Это—фактъ, правильно подмѣченный и изслѣдованный многими современными соціологами. Общій умственный уровень массы гораздо ниже того же уровня всякаго, отдѣльно взятаго индивида. Поэтому массы часто рукоплещутъ даже безсмысленнѣйшимъ фразерамъ. Народное образованіе можетъ поднять умственный уровень отдѣльныхъ людей; противъ массовой же глупости, возникающей изъ одного лишь факта соприкосновенія многимъ личностей, нѣтъ никакого средства. См. Scipio Sighele—«La foule criminelle» 1892; Gustave le Bon—«Psychologie des foules» 1896.

[1]) «Ueber die Aeusserung des Volkswillens in der Democratie» 1893, S. 67.

§ 167.

Избиратели и депутаты.

Отношеніе депутата къ его избирателямъ часто хотятъ представлять себѣ, какъ юридическое, подобное тому, какое существуетъ между довѣрителемъ и повѣреннымъ. Такое отношеніе могло существовать въ прошлыя столѣтія, когда окружное рыцарство вмѣсто того, чтобы уходить въ рейхстагъ in corpore, отправляло туда нѣсколькихъ человѣкъ. Въ тѣ времена появились и обязательныя инструкціи (mandat impératif), дававшіяся избраннымъ представителямъ,—тѣ наказы (cahiers), въ которыхъ выражалась связь между депутатами и сословными собраніями.

Но вотъ, вмѣстѣ съ паденіемъ сословнаго расчлененія общества, совершившимся въ эпоху французской революціи, и вмѣстѣ съ новымъ, атомистическимъ взглядомъ на народъ, какъ на сумму равныхъ индивидовъ, должно было возникнуть воззрѣніе, что депутатъ является представителемъ всей націи, а не части ея. Какъ таковой, депутатъ, очевидно, вовсе не долженъ былъ получать инструкцій отъ какой нибудь части народа, отъ какой либо группы или отъ извѣстнаго круга избирателей, нѣтъ, теперь онъ постоянно долженъ былъ чувствовать себя представителемъ націи и служить интересамъ всего государства и всего народа [1]).

Замѣчательно вышедшее 23-го іюня 1789 г. распоряженіе короля Людовика XVII, объявившее эту перемѣну воззрѣній. Оно гласитъ: „Король отмѣняетъ всякія ограничивающія свободу депутатовъ инструкціи, какъ несогласныя съ конституціей и противорѣчащія государственнымъ интереамъ“. Но провозглашенія этого тогда не было достаточно; и вотъ, въ учредительномъ собраніи поднялась ожесточенная парламентская борьба. И Мирабо, обращаясь къ депутатамъ, считавшимъ себя зависимыми отъ полученныхъ инструкцій, насмѣшливо сказалъ, что они могли и не являться въ собраніе, такъ какъ вмѣсто этого достаточно было бы прислать свои инструкціи; теперь же имъ можно разойтись по домамъ, оставивъ инструкціи на скамейкахъ. Наконецъ, 8-го іюля 1789 г. учредительное собраніе послѣ предложенія Талейрана торжественно объявило, что оно болѣе не считаетъ себя связаннымъ никакими обязательными мандатами и наказами. Въ декабрѣ 1789 г. учредительное націо-

---

[1]) См. D'Eichthal—«Souverainetè du peuple et Gouvernement» 1895.

нальное собраніе запретило избирателямъ на будущее время давать своимъ депутатамъ обязательныя инструкціи, такъ какъ „актъ избранія долженъ быть единственнымъ юридическимъ основаніемъ для представителей націи; свобода ихъ голоса въ народномъ представительствѣ уже не можетъ быть стѣсняема никакими особыми наказами". Этотъ принципъ затѣмъ перешелъ въ первую конституцію (1791 г.), гдѣ онъ получилъ слѣдующую формулировку: „Народные представители (représentants) не должны уже являться депутатами отъ отдѣльныхъ департаментовъ, но представителями всей націи; имъ нельзя давать никакихъ наказовъ". Такимъ образомъ была санкціонировата данная перемѣна воззрѣній. Съ тѣхъ поръ всѣ европейскія конституціи повторяли это постановленіе (а).

а) Ст. 32 бельгійской конституціи 1831 г. гласитъ: «Члены обѣихъ палатъ являются представителями народа, а не одной лишь провинціи или части ея, отъ которой они избраны». Вотъ что говорится въ 83 ст. прусской конституціи 1850 г: «Члены обѣихъ палатъ являются представителями всего народа. Они голосуютъ по своему собственному убѣжденію и не связаны никакими порученіями и инструкціями». То же самое провозглашаетъ и ст. 29 германской имперской конституціи 1871 г. Австрійскій основной о государственномъ представительствѣ законъ 1867 г. (§ 16) постановляетъ лишь, что «члены палаты депутатовъ не должны принимать отъ своихъ избирателей никакихъ инструкцій».

Фраза же о представительствѣ «всего народа», являющаяся впрочемъ одной лишь фикціей, въ австрійской конституціи не помѣщена.

§ 168.

Избирательное право и избираемость.

И при всеобщемъ избирательномъ правѣ въ выборахъ участвуютъ, разумѣется, не всѣ живущіе въ государствѣ люди, но тѣ лишь, которые обладаютъ извѣстными свойствами и за которыми такимъ образомъ законъ признаетъ это право.

Такъ, избирательное право не сообщалось женщинамъ; и явленіе это считалось настолько само по себѣ понятнымъ, что относительно него не издавали никакихъ особыхъ постановленій [1]). Рав-

[1]) Но общественное развитіе уничтожаетъ мало-по-малу и связанныя съ половыми предразсудками политическія привилегіи. Такъ вотъ ужъ въ нѣкоторыхъ изъ Австралійскихъ Соединенныхъ Штатовъ женщинамъ предоставлено право не только избирать, но и быть избранными въ число народныхъ представителей, т. е., не только активное, но и пассивное

нымъ образомъ изъятію этому подлежали, разумѣется, и теперь подлежатъ дѣти, какъ лица, которыхъ законъ признаетъ ненаходящимися въ полномъ обладаніи духовными своими силами; сюда же примыкаетъ наконецъ и не достигшее извѣстнаго возраста юношества. Этотъ возрастъ, съ котораго начинается политическое совершеннолѣтіе или по крайней мѣрѣ предоставляется возможность пользоваться (такъ назыв. активнымъ) избирательнымъ правомъ,—колеблется въ разныя времена и въ различныхъ странахъ между 21—24 годами. Другимъ общимъ требованіемъ является подданство: иностранцы повсюду лишены избирательнаго права. Конечно, различны могутъ быть тѣ условія, при наличности которыхъ пріобрѣтается подданство. Въ недавно колонизированныхъ странахъ, какъ, напр., въ Америкѣ, для этого до послѣдняго времени требуется лишь недолгое сравнительно предварительное пребываніе въ данномъ государствѣ; въ Европѣ же необходимо уже продолжительное проживаніе въ странѣ и оффиціальный актъ натурализаціи.

Но и подданство, даже при наличности всѣхъ прочихъ, требуемыхъ для избирательнаго права свойствъ и условій, не сообщаетъ еще этого права, если данное лицо въ теченіе извѣстнаго времени не проживаетъ въ своемъ избирательномъ округѣ и не присутствуетъ при выборахъ; лишь въ немногихъ мѣстахъ встрѣчается право участвовать въ избраніи черезъ уполномоченнаго.

Во многихъ государствахъ не достаточно еще обладать матеріальнымъ правомъ, но сверхъ этого требуется формальное внесеніе въ постоянные, открыто ведомые при общинахъ годичные списки. Но и тамъ, гдѣ не заходятъ столь далеко, избиратель, чтобы пользоваться своимъ правомъ, все-таки долженъ быть занесенъ въ изготовляемые для выборовъ спеціальные списки; въ противномъ же случаѣ онъ теряетъ при настоящихъ выборахъ свой избирательный голосъ, если въ положенный закономъ срокъ не возстановитъ своего права.

Избирательное право (излишне называемое активнымъ) не вездѣ совпадаетъ съ избираемостью, т. е., съ законною возможностью быть

избирательное право. Активное же избирательное право получило болѣе широкое распространеніе: оно признано за женщинами во всей Австраліи и Новой Зеландіи, а также и въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки.

См. у Водовозова—«Всеобщее избирательное право на Западѣ» 1905 г. стр. 14 и у Мускаблита—«Народное представительство» 1905 г. стр. 10, а также статью Абрамова—«Необыкновенное государство», помѣщенную въ № 22 «Недѣли» за 1901 г. *Переводчикъ.*

выбраннымъ (что̀ обозначается терминомъ—пассивное избирательное право). Во многихъ государствахъ избираемость ставится выше избирательнаго права: кромѣ всѣхъ нужныхъ для этого послѣдняго свойствъ и условій она требуетъ еще нѣкоторыхъ данныхъ, а именно—большаго возраста, а часто и высшаго ценза. Въ странахъ съ двухпалатной системой для права быть избраннымъ въ верхнюю палату часто требуется болѣе высокій возрастъ, чѣмъ въ нижнюю.

Но и при наличности всѣхъ упомянутыхъ свойствъ и условій, какъ избирательное право, такъ и избираемость считается во многихъ государствахъ несовмѣстимыми съ извѣстными положеніями или съ активной военной службой. Затѣмъ повсюду правъ этихъ, какъ пассивнаго, такъ и активнаго лишены тѣ лица, которыя осуждены за извѣстные проступки и преступленія и такимъ образомъ утратили свою гражданскую честь; наконецъ, въ большинствѣ государствъ изъятіе это распространяется и на людей, пользующихся общественнымъ призрѣніемъ (Armenunterstützung).

§ 169.

Избирательные округа, корпуса избирателей и мѣсто производства выборовъ.

Производству выборовъ предшествуетъ раздѣленіе государственной территоріи на избирательные округа (Wahlkreise). Если при этомъ не преслѣдуютъ никакихъ постороннихъ политическихъ намѣреній, но просто лишь желаютъ поставить избирателей въ лучшія условія для выбора заслуживающихъ довѣрія депутатовъ,—тогда для этихъ выборовъ оставляютъ существующее естественное дѣленіе государственной территоріи; оно, являясь по большей части основой административнаго дѣленія, сверхъ всего прочаго облечаетъ также правительственный надзоръ надъ производствомъ выборовъ. Другимъ же средствомъ достичь естественнаго, соотвѣтствующаго истиной цѣли своей результата выборовъ является раздѣленіе государственной территоріи на возможно малые избирательные округа, каждый изъ которыхъ долженъ выбирать не болѣе одного представителя. Лишь такимъ путемъ можно достичь выборовъ, основанныхъ на дѣйствительно свободномъ, собственномъ убѣжденіи избирателей. И, если имѣется въ виду эта именно цѣль, тогда естественныя группы, существующія въ сельскихъ и городскихъ общинахъ, въ

районахъ большихъ городовъ и въ промышленныхъ мѣстахъ, слѣдуетъ сдѣлать отдѣльными избирательными округами и остерегаться, какъ бы не перемѣшать такихъ соціально несходныхъ между собою группъ и не дать однимъ изъ нихъ противоестественнаго перевѣса надъ другими. Уже устройство обширныхъ избирательныхъ округовъ создаетъ сильныя препятствія къ достиженію правильныхъ выборовъ, основанныхъ на собственномъ убѣжденіи въ пригодности представителя; что же касается до соединенія въ избирательные округа такихъ разнородныхъ соціальныхъ группъ, какъ, напр., сельскихъ общинъ и промышленныхъ районовъ, деревень и городовъ,—то пріемомъ этимъ по крайней мѣрѣ ужъ затрудняется возможность достичь правильныхъ, своей цѣли соотвѣтствующихъ выборовъ.

Крайне тенденціозно поступаетъ тотъ законодатель, который устраиваетъ избирательные округа такимъ образомъ, что въ нихъ однѣ соціальныя группы получаютъ искусственный перевѣсъ надъ другими (избирательная геометрія, Wahlkreisgeometrie) [a]). Вотъ онъ соединяетъ сельскія общины съ городами для того, чтобы, смотря по положенію дѣла, создать перевѣсъ либо крестьянъ надъ горожанами, либо—наоборотъ. Этимъ устройствомъ избирательныхъ округовъ законодатель пользуется также въ странѣ, населеніе которой говоритъ на различныхъ языкахъ; здѣсь пріемъ этотъ имѣетъ цѣлью достиженіе опредѣленнаго, напередъ расчитаннаго, искусственнаго результата въ пользу той или другой національности.

Гдѣ у законодателя нѣтъ никакого повода къ устройству искусственныхъ избирательныхъ округовъ, въ такихъ государствахъ изъ естественныхъ, само собою составляющихся территоріально-соціальныхъ единицъ (общинъ, округовъ, городовъ) онъ образуетъ и отдѣльные вмѣстѣ съ тѣмъ избирательные корпуса (Wahlkörper). Происходитъ это по большей части въ странахъ всеобщаго избирательнаго права, а также и въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ право голосованія ограничено однимъ лишь цензомъ.

А где, наоборотъ, законодатель напередъ уже стоитъ на партійной точкѣ зрѣнія того или другого изъ соединенныхъ классовъ, тутъ онъ путемъ соотвѣтственнаго устройства выборовъ стремится создать искусственный перевѣсъ для извѣстныхъ классовъ. Здѣсь ужъ естественные избирательные округа не всегда образуютъ отдѣльные и единые корпуса избирателей, но такой округъ часто распадается на нѣсколько частичныхъ корпусовъ (Wahlkörper—Par-

tikel) и уже изъ многихъ такихъ частицъ, разсѣянныхъ по разнымъ избирательнымъ округамъ всей страны, составляются цѣлые корпуса избирателей. Такова искусственная и тенденціозная избирательная политика.

Конечно, въ обоснованіе этой избирательной политики приводятся доводы, что общая территорія вовсе еще не указываетъ на соціальное единство, что въ одной мѣстности находится много соціальныхъ круговъ; и вотъ, отсюда выводится необходимость защищать незначительныя по количеству принадлежащихъ къ нимъ людей соціальныя сферы интересовъ отъ преобладанія находящихся въ той же мѣстности численно болѣе сильныхъ группъ. Съ точки зрѣнія количественно незначительныхъ, по соціальной же силѣ преобладающихъ круговъ подобное обоснованіе и такая избирательная политика являются, конечно, правильными; равнымъ образомъ справедливо и выставляемое со стороны количественно болѣе сильныхъ соціальныхъ сферъ требованіе полнаго совпаденія избирательныхъ округовъ съ корпусами избирателей.

Въ противоположности этихъ требованій и отражается соціальная борьба между богатыми и неимущими или по крайней мѣрѣ между большимъ и малымъ состояніемъ. И не дѣло науки разрѣшать этотъ споръ: рѣшеніе его придется на долю соціальнаго развитія.

Кромѣ избирательныхъ округовъ и корпусовъ избирателей часто значительную роль играетъ и мѣсто производства выборовъ (Wahlort). Само собою разумѣется, что въ республикахъ и другихъ государствахъ всеобщаго избирательнаго права образующая избирательный округъ община служитъ и мѣстомъ производства выборовъ, а если въ одномъ избирательномъ округѣ соединено нѣсколько общинъ, въ такомъ случаѣ большая изъ нихъ назначается мѣстомъ производства выборовъ. Но тамъ, гдѣ ведется искусственная избирательная политика, въ такихъ государствахъ и опредѣленіе этого мѣста можетъ служить къ тому, чтобы благопріятствовать одному соціальному элементу на счетъ другого,—такъ, напр., если для сельскихъ общинъ мѣстомъ производства выборовъ назначается далеко отъ нихъ расположенное мѣстечко или отдаленный городъ.

а) Сомнительная заслуга выдумки избирательной геометріи (Wahlkreisgeometrie) принадлежитъ Америкѣ. Тамъ впервые демократическій политикъ Gerry предложилъ планъ такого устройства избирательныхъ округовъ, чтобы болѣе слабую партію сдѣлать еще слабѣе. Въ честь его этотъ пріемъ называютъ въ Америкѣ «спосо-

бомъ Gerry» (Gerrymander). Октоированныя австрійскія правила 1861 г. относительно выборовъ въ ландтагъ въ сильной степени выработаны были по этому методу, и послѣдующія рефоры далеко еще не поправили положенія дѣла [1]).

§ 170.

Производство выборовъ.

Устройство выборовъ сопряжено съ многими трудностями, все увеличивающимися по мѣрѣ расширенія числа избирателей, и въ виду все болѣе и болѣе утонченнаго характера партійныхъ агитацій оно требуетъ и болѣе бдительныхъ мѣръ предосторожности, а слѣдовательно, и болѣе спеціальныхъ предупредительныхъ предписаній и постановленій. Въ прежнія столѣтія вообще и помину не было о выборахъ въ современномъ смыслѣ этого слова, т. е., какъ объ индивидуальномъ голосованіи за отдѣльныхъ кандидатовъ. На избирательныхъ собраніяхъ окружного рыцарства представитель по большей части опредѣлялся по предложенію предсѣдателя и единогласно; въ крайнемъ же случаѣ, при нѣсколькихъ предложеніяхъ подача голосовъ происходила посредствомъ поднятія рукъ, а иногда участники собранія должны были „расходиться" „направо и налѣво". Само собою разумѣется, что всякое такое голосованіе было открытымъ.

Изъ этой примитивной формы голосованія по мѣрѣ увеличенія числа избирателей развиваются уже правильные выборы, ведущіеся путемъ индивидуальной подачи голоса передъ спеціально для этого образуемой комиссіей. Но и эти выборы сначала являются еще устными, а поэтому и открытыми. Въ Англіи въ такомъ видѣ они до новѣйшаго времени пользовались всеобщимъ примѣненіемъ. Но, такъ какъ при подобномъ способѣ избранія сильно проявлялось вліяніе соціальной зависимости и легкое контролированіе голосованія содѣйствовало подкупу голосовъ, въ виду этого противъ данной формы выборовъ поднялась прежде всего въ Англіи сильная, поддерживаемая радикальными партіями агитація. Настаивали на отмѣнѣ этой формы и на введеніи вмѣсто нея „закрытой балло-

[1]) Въ Австріи «избирательная геометрія» находитъ себѣ широкое примѣненіе. Вотъ, напр., здѣсь избирательные округа выкраиваются съ такимъ разсчетомъ, чтобы подозрѣваемое въ увлеченіи «завиральными идеями» населеніе небольшихъ промышленныхъ центровъ растворялось въ массѣ невѣжественнаго консервативнаго населенія.

Переводчикъ.

тировки"; иначе говоря, требовали, чтобы выборы производились посредствомъ особыхъ голосовательныхъ листковъ (Stimmzettel), которые избиратели должны класть передъ комиссіей въ урну или отдавать какимъ нибудь инымъ способомъ, но обязательно такъ, чтобы при этомъ ни комиссія, ни кто либо иной не могли ихъ просматривать. Движеніе это въ Англіи увѣнчалось успѣхомъ лишь съ появленіемъ избирательнаго закона 1872 г.

Еще годомъ раньше Бисмаркъ ввелъ для рейхстага новой Германской имперіи всеобщее избирательное право съ тайной подачей голосовъ [1]), а также и въ большинствѣ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ существуетъ уже закрытая баллотировка.

Въ Австріи прежде всего на основаніи законодательныхъ актовъ 1861 и 1867 гг. для высшихъ курій (крупнаго землевладѣнія и городовъ) установлена была тайная подача голосовъ, а для сельскихъ общинъ—устная и открытая. Въ послѣднее же время здѣсь, очевидно, дѣло идетъ къ нѣкоторому измѣненію, такъ какъ уже и въ сельскихъ общинахъ раздаются неоднократныя требованія тайнаго голосованія и даже поступаютъ по этому поводу соотвѣтственныя предложенія; правительство (министерство Бадени) предложило эту реформу на заключеніе отдѣльныхъ ландтаговъ [2]).

---

[1]) Ст. 20 Германской имперской конституціи 1871 г. гласитъ: «Рейхстагъ составляется путемъ всеобщихъ и непосредственныхъ выборовъ съ тайной подачей голосовъ». Да и передъ тѣмъ еще въ законѣ 1869 года относительно избранія въ рейхстагъ говорится (§ 10): «Избирательное право является личнымъ и осуществляется посредствомъ закрытыхъ, въ урну опускаемыхъ листковъ безъ подписи». Впрочемъ Бисмаркъ, какъ уже выше упомянуто, лишь въ «имперіи» продѣлалъ этотъ экспериментъ со всеобщимъ, непосредственнымъ (прямымъ) и тайнымъ голосованіемъ; въ Пруссіи же осталась старая трехклассная избирательная система 1849 г., во всемъ представляющая прямую противоположность къ вышеупомянутой имперской,—и въ самомъ дѣлѣ: выборы производятся тутъ не путемъ всеобщей подачи голосовъ (но на основаніи извѣстнаго ценза), они не являются непосредственными, а наоборотъ—косвенными (избиратели выбираютъ выборщиковъ), и, наконецъ, голосованіе здѣсь происходитъ не тайно, а открыто и устно.

[2]) Новѣйшій австрійскій законъ 14 Іюня 1896 г. предоставляетъ отдѣльнымъ ландтагамъ устраивать въ куріи сельскихъ общинъ либо устные, а слѣдовательно, и открытые, либо письменные и тайные мѣстные (въ ландтагъ) выборы; итакъ, предоставляется измѣнить соотвѣтственные мѣстные законы отдѣльныхъ земель и при этомъ напередъ принимается тотъ способъ избранія въ рейхсратъ, который будетъ юридически установленъ ландтагами для мѣстныхъ выборовъ. Вслѣдствіе этого уже во многихъ ландтагахъ внесены предложенія объ измѣненіи устной и открытой подачи голосовъ на письменную и тайную.

§ 171.

Вознагражденіе народныхъ представителей (діеты) [1].

Весьма важенъ для современныхъ народныхъ представительствъ вопросъ о діетахъ (суточныхъ деньгахъ), т. е., о вознагражденіи депутатовъ за ихъ „труды" въ парламентѣ. Само собою разумѣется, что, когда представительство носило сословный характеръ и въ парламентахъ принимали участіе исключительно привилегированные классы, тогда не могло быть и рѣчи о подобныхъ вознагражденіяхъ. Но вотъ, вмѣстѣ съ демократизацiей парламентовъ, вмѣстѣ съ введеніемъ въ современныхъ государствахъ всеобщаго избирательнаго права само собою напрашивается слѣдующее соображеніе: если „народные" представители не будутъ получать вознагражденія за посвящаемое парламентскимъ занятіямъ время, то цѣль всеобщаго избирательнаго права можетъ сдѣлаться пустымъ звукомъ, такъ какъ позволить себѣ роскошь безвозмездной почетной должности могли бы лишь богатые люди, а слѣдовательно, по общему правилу, представители владѣльческихъ интересовъ. И вотъ, поэтому вводится такое вознагражденіе, и прежде всего въ американскихъ Соединенныхъ Штатахъ для представителей и сенаторовъ [2]. Французская же революція въ идеалистическомъ своемъ порывѣ не обратила вниманія на регулированіе этого презрѣннаго денежнаго вопроса. Вѣдь по воззрѣнію этихъ идеалистовъ всякая государственная повинность является „une obligation honorable" (ст. 101 конституціи 1793 г.); что же тогда остается говорить объ осуществленіи извѣстнаго полномочія?! Однако впослѣдствіи и во Франціи сдѣлались разсудительнѣе и практичнѣе. Бельгійская конституція 1831 г. устанавливаетъ для каждаго члена палаты депутатовъ ежемѣсячную плату въ 200 гульденовъ. Съ тѣхъ поръ вознагражденіе представителей стало либеральнымъ, а безвозмездность— реакціоннымъ принципомъ. И вотъ (никогда, правда, не дѣйствовавшіе) германская конституція 1849 г., а также „проектъ" эрфуртской союзной конституціи 1850 г. заключаютъ въ себѣ постановленія относительно „суточныхъ денегъ" („Taggelder") для депутатовъ. Но затѣмъ Бисмаркъ, какъ въ Сѣверо-Герман-

---

[1]) Нѣмецкій терминъ Diäten (отъ латинскаго слова—dies).

Переводчикъ.

[2]) Характеръ этого вознагражденія колебался: нѣкогда оно выражалось въ суточныхъ деньгахъ, а затѣмъ въ опредѣленныхъ годовыхъ окладахъ. Послѣднее измѣненіе дѣйствуетъ съ 1874 года: сенаторы и представители получаютъ ежегодно по 5.000 долларовъ.

скомъ союзѣ (1867 г.), такъ и въ имперской конституціи (1871 г.) стремится нѣсколько ослабить въ пользу владѣтельныхъ классовъ силу всеобщаго, прямого и закрытаго голосованія; а для этого онъ вводитъ безвозмездное осуществленіе представительскихъ полномочій, каковое до сихъ поръ остается и въ Англіи. Во всѣхъ же остальныхъ европейскихъ конституціонныхъ государствахъ юридически установлена вознаграждаемость депутатскихъ обязанностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возмѣщеніе путевыхъ издержекъ. Потомъ и въ Германіи былъ введенъ для депутатовъ даровой проѣздъ въ рейхстагъ (и обратно) [1].

§ 172.

Юридическая охрана парламентовъ.

(Не право и не мораль, но насиліе и хитрость всегда дѣйствовали въ политикѣ. И лишь стремящееся впередъ культурное развитіе преслѣдуетъ до сихъ поръ еще недостигнутую цѣль, состоящую въ томъ, чтобы и въ политикѣ установить значеніе морали и гуманности.)

Какъ политическія корпораціи, парламенты, и внутри и извнѣ, подвержены были всякимъ сопряженнымъ съ политикой опасностямъ. Внутри происходила безпощадная борьба враждующихъ партій и мѣсто совѣщанія весьма часто превращалось въ поле брани, гдѣ мечъ и кинжалъ являлись заключительными аргументами.

Особенной же опасности парламенты и народныя представительства подвергались со стороны правительственной власти, располагающей военными силами. И вотъ, для того, чтобы не дать этой опасности слишкомъ ужъ большого простора, французская конституція 1791 г. постановила: „исполнительная власть не можетъ позволять ни одному корпусу линейныхъ войскъ проходить или пребывать на протяженіи 3.000 туазовъ отъ законодательнаго собранія, если это послѣднее не требуетъ ихъ“.

Не менѣе часто парламенты являлись объектомъ опасныхъ замысловъ и со стороны народныхъ массъ. Въ видахъ устраненія подобныхъ опасностей, еще въ XIV столѣтіи (1332 г.) королевскимъ поста-

[1]) Во всѣхъ же отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ существуетъ вознагражденіе представительскаго парламентскаго труда: здѣсь вознаграждаются члены нѣкоторыхъ верхнихъ палатъ и всѣхъ нижнихъ, а также члены всѣхъ тѣхъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ парламентовъ, которые построены по однопалатной системѣ. См. «Diaten» въ Meyers Konversations-Lexikon, 5 Aufl., 4-er B., S. 980. *Переводчикъ.*

новленіемъ въ Англіи запрещено ношеніе оружія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ парламентъ собирался на засѣданіе. Ту же самую цѣль, направленную къ недопущенію возможныхъ замысловъ и выходокъ противъ народнаго представительства, преслѣдуетъ и постановленіе современныхъ законовъ относительно права собраній; согласно этому, пока собрано народное представительство, до тѣхъ поръ въ помѣщеніи его засѣданія и на извѣстномъ отъ него протяженіи подъ открытымъ небомъ не можетъ происходить никакое собраніе [1]. И въ современныхъ уголовныхъ кодексахъ ревностно охраняютъ авторитетъ парламентовъ, подводя подъ наказаніе публичное оскорбленіе его — устное и письменное; однако въ государствахъ, въ которыхъ еще силенъ полицейскій духъ или господствуетъ заносчивая, бьющая на эффектъ юстиція, тамъ это даетъ поводъ къ разнаго рода безполезнымъ притѣсненіямъ. Вѣдь авторитетъ парламента вовсе не нуждается въ такой охранѣ, которая осуществляется путемъ мелочныхъ прокурорскихъ и судебныхъ преслѣдованій; отъ нихъ, конечно, страдаетъ авторитетъ самой же юстиціи [2].

§ 173.

Иммунитетъ народныхъ представителей.

Отдѣльные представители еще чаще, чѣмъ цѣлые парламенты, становились предметомъ насильственнаго посягательства со стороны правительствъ, особенно же въ абсолютныхъ монархіяхъ. Тутъ всегда велико было искушеніе обезвредить того или другого слишкомъ смѣлаго оратора. Одинъ изъ первыхъ такихъ случаевъ произошелъ въ Англіи при Эдуардѣ I (1301 г.): Генри Келе (Henry Keighley) за откровенную рѣчь свою былъ, по приказанію короля, заточенъ въ знаменитую цитадель Тоуеръ. Часто прибѣгали правительства къ сомнительнымъ средствамъ, отдавая народныхъ представителей въ руки кредиторовъ, которые за неплатежъ сажали ихъ въ долговую тюрьму [3]. При Ричардѣ II членъ нижней палаты

[1]) Это установляется напр. § 7 австрійскаго о правѣ собраній закона 15 Ноября 1867 г.

[2]) Случилось, что одинъ народный ораторъ назвалъ зданіе парламента «лавкой» («Bude»); онъ былъ осужденъ за оскорбленіе этого учрежденія. Другой же ораторъ, намекая на это, сказалъ: «Не лавкой я назову парламентъ, иначе я былъ бы осужденъ». Опять обвиненіе и обвинительный приговоръ! Такіе пріемы недостойны юстиціи, да и никакой парламентъ не нуждается въ подобной охранѣ.

[3]) Это, повидимому, произошло при Эдуардѣ III въ 1376 г. съ однимъ ораторомъ англійскаго парламента (Peter de la Mare). См. Stubbs—«The constitutional history of England» B. III.

Томасъ Гексе (Thomas Haxey) вполнѣ произвольно былъ арестованъ по приказанію короля за то, что внесъ билль противъ раззорительнаго придворнаго штата.

Но вотъ, подобный же случай насилія надъ членомъ нижней палаты (Strode) въ 1512 г. повелъ за собою изданіе закона, по которому уничтожаются всякія обвиненія, преслѣдованія и наказуемость членовъ палатъ за ихъ образъ дѣйствія въ парламентѣ [1]). Съ этого начинается въ Англіи развитіе законодательства, устанавливающаго охранительныя привилегіи членовъ парламента; законодательство это мало-по-малу образовало правовой принципъ, въ силу котораго члены парламента, за ихъ выраженія и поступки при исполненіи парламентскихъ обязанностей, не могутъ быть привлекаемы къ отвѣтственности никакимъ постороннимъ учрежденіемъ, никакой посторонней властью: они отвѣтственны лишь передъ самой палатой. Итакъ, прежде всего обезпечена была полная свобода слова и откровенность членовъ парламента при осуществленіи ихъ полномочія. Со временемъ же изъ этого принципа развился дальнѣйшій, по которому народные представители безъ согласія парламента не могутъ быть привлекаемы къ суду и слѣдствію даже въ томъ случаѣ, когда закононарушеніе произошло внѣ стѣнъ парламента и не при исполненіи ихъ парламентскихъ обязаннотей [2]).

Итакъ въ Англіи иммунитетъ народныхъ представителей возникъ изъ дѣйствительныхъ потребностей парламентской жизни и изъ реальныхъ отношеній. Ораторы же и публицисты французской революціи въ увлеченіи своемъ основывали такой иммунитетъ „народныхъ представителей“ на томъ, что эти послѣдніе представляютъ собою „Величество Народа“. И изъ широко установленнаго Монтескье принципа раздѣленія властей и взаимной ихъ независимости сдѣлали тогда во Франціи выводъ, что ни судебная, ни исполнительная власть не можетъ оказывать никакого вліянія на членовъ законодательной власти. И вотъ, въ первой же революціонной конституціи (1791 г.) провозглашается „неприкосновенность представителей націи“. „Ихъ нельзя ни привлекать къ отвѣтственности, ни обвинять, ни судить за все то, что они говорили, писали или дѣлали при исполненіи своихъ обязанностей“ (V, ст. 7). Въ та-

---

[1]) Gneist—«Englische Verfassungsgeschichte» (1882), S. 484.

[2]) Обстоятельно трактуетъ объ этомъ Gustav Seidler въ—«Die Immunität der Mitglieder der Vertretungskörper» Wien 1891. См. также—«Strafrechtlicher Schutz des Parlamentarismus in Oesterreich» (anonym von Hartig) 1879, гдѣ говорится и объ охранѣ гражданъ отъ злоупотребленія парламентской свободой слова. Это въ послѣднее время весьма важная тема.

кой же приблизительно формѣ постановленіе это перешло во всѣ европейскія конституціи [1]).

Для уголовнаго преслѣдованія народныхъ представителей за совершенныя внѣ должности закононарушенія повсюду требуется разрѣшеніе парламента, за исключеніемъ лишь того случая, когда виновный уличенъ на мѣстѣ преступленія (auf frischer That) [2]). На практикѣ разрѣшеніе это иногда дается, иногда же въ немъ получается отказъ,—въ зависимости отъ даннаго положенія вещей и отъ того, идетъ ли тутъ дѣло о позорящихъ (diffamirende) или же о политическихъ проступкахъ и преступленіяхъ. Относительно этого нельзя, разумѣется, установить никакого постояннаго правила, такъ какъ на разрѣшеніе или отклоненіе „выдачи“ провинившагося часто вліяетъ партійное его положеніе: выдача или невыдача имѣютъ здѣсь часто политическое значеніе, или же по крайней мѣрѣ носятъ политическую окраску. По австрійскому закону [3]) даже въ случаѣ захвата виновнаго на мѣстѣ преступленія судъ обязанъ донести предсѣдателю соотвѣтствующей палаты о произведенномъ задержаніи; и, если палата этого потребуетъ, данный арестъ долженъ быть отмѣненъ.

§ 174.

Дѣловой порядокъ въ парламентѣ.

Сообразно своему существу и задачамъ, парламенты по всѣмъ касающимся ихъ вопросамъ считаютъ себя единственной и высшей инстанціей, не допуская, чтобы какое-нибудь государственное учрежденіе стояло выше ихъ и вмѣшивалось въ ихъ внутреннія дѣла. И было вполнѣ естественно, что „законодательный корпусъ“ выставилъ для себя прежде всего слѣдующее требованіе: онъ самостоятельно долженъ вести свои дѣла и регулировать весь свой дѣловой порядокъ; иначе говоря, „законодательный корпусъ“ выговорилъ себѣ автономное положеніе.

Образцомъ для всѣхъ парламентовъ и въ данномъ отношеніи является англійскій со своими, слагавшимися втеченіе столѣтій традиціонными порядками. Конечно, республиканскіе парламенты отбросили все то, что въ англійскомъ сохраняется, какъ на-

[1]) Въ Бельгійской конституціи 1831 г.—стат. 44; въ Германской имперской конституціи 1871 г.—стат. 30.
[2]) Бельгійская констит. ст. 45; Германская имперская констит.,—ст. 31.
[3]) § 16 закона 21 декабря 1867 г., Nr. 141 R.-G.-Bl.

слѣдіе монархической формы правленія. (Сюда относится, напримѣръ, принадлежащее коронѣ право созывать парламенты; см. выше § 153).

Изъятіе всего парламента, равно какъ и отдѣльныхъ членовъ его, изъ компетенціи государственныхъ учрежденій приводитъ къ необходимости созданія для него собственнаго авторитета, который надзиралъ бы за соблюденіемъ внутри парламента извѣстнаго порядка, обычаевъ, пристойности и права. Изъ положенія парламента слѣдуетъ, что этотъ органъ надзора можетъ быть лишь выборнымъ. Въ англійской нижней палатѣ роль эту выполняетъ спикеръ (президентъ). Палата общинъ избираетъ его на каждый законодательный періодъ (съ 1377 г.), но при этомъ за короной признается право утвержденія. Спикеръ осуществляетъ дисциплинарную власть надъ членами палаты, предоставляетъ ораторамъ слово и руководитъ преніями. Самъ же онъ, для сохраненія своей объективности, не принимаетъ никакого участія въ преніяхъ.

Парламентскій дѣловой порядокъ (Geschäftsordnung) въ Англіи выработался путемъ практики и обычая. Въ новыхъ же парламентахъ, при обнаруженіи потребности въ подобномъ порядкѣ, установляла его тамъ каждая палата самостоятельно, какъ свое собственное дѣло, безъ содѣйствія другихъ законодательныхъ факторовъ, и опредѣленный такимъ образомъ порядокъ не подлежалъ оффиціальному обнародованію. Лишь немногіе принципы этого порядка въ нѣкоторыхъ новыхъ конституціяхъ находятся на-ряду съ основными касающимися парламента законами или же провозглашаются въ спеціальныхъ статьяхъ общихъ законовъ [1]).

Важнѣйшія постановленія дѣйствующихъ такимъ образомъ дѣловыхъ парламентскихъ порядковъ относятся къ способу разсмотрѣнія и рѣшенія законопроектовъ, т. е., къ извѣстной процедурѣ разрѣшенія внесенныхъ вопросовъ, необходимой, какъ для принятія законопроекта съ измѣненіями или безъ таковыхъ, такъ и для отклоненія его.

Законодательная иниціатива можетъ исходить, какъ отъ парламента, такъ и отъ правительства; это слѣдуетъ изъ призванія и задачъ парламента, а равно искони вытекаетъ изъ существа и назначенія правительства.

---

[1]) Напр., въ Австріи относительно «дѣлового порядка въ рейхсратѣ» существуетъ особый законъ 1873 г.; это самое наблюдается въ Баваріи, Саксоніи и нѣкоторыхъ мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ. Напротивъ же, германскій рейхстатъ, по образцу прусскаго ландтата, установляетъ свой дѣловой порядокъ автономно, безъ содѣйствія другихъ законодательныхъ факторовъ (союзнаго совѣта и императора).

Въ Англіи инициатива „палаты общинъ“ [1]) образовалась постепенно, слѣдующимъ путемъ: первоначально палата эта обращалась къ коронѣ съ петиціями относительно изданія тѣхъ или другихъ законовъ; въ петиціи эти включались желанные законы, и вотъ, такимъ путемъ развилась законодательная инициатива парламента, которая теперь осуществляется просто посредствомъ внесенія билля [2]). На всѣ современные парламенты оказалъ свое вліяніе англійскій обычай подвергать всякій билль троекратному „чтенію“; при второмъ чтеніи предложеніе (законопроектъ) обстоятельно дебатируется; его также передаютъ въ особую комиссію (комитетъ) на обсужденіе и для представленія объ этомъ доклада, и вотъ, наконецъ, относительно даннаго законопроекта большинствомъ голосовъ принимается то или иное рѣшеніе.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ у всякой вновь составляющейся нижней палаты является провѣрка выборовъ, т. е., изслѣдованіе, на законномъ ли основаніи произошло избраніе отдѣльныхъ членовъ.

Повсюду и искони парламенты сами производили эту провѣрку и въ сомнительныхъ случаяхъ по большинству голосовъ либо подтверждали вѣрность выборовъ, либо объявляли ихъ недѣйствительными. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда правильность выборовъ оспаривалась со стороны, и тогда англійскій парламентъ судьей въ этомъ дѣлѣ признавалъ лишь себя самого. Но съ 1868 г. англійскій парламентъ передалъ разрѣшеніе вопроса относительно оспариваемыхъ избраній судебнымъ палатамъ въ Англіи, Ирландіи и Шотландіи (разсматривающимъ оспариваемые выборы изъ соотвѣтственныхъ странъ). Во всѣхъ же другихъ парламентахъ остались при прежней практикѣ, которая существовала не только въ Англіи, но издавна утвердилась и во всѣхъ остальныхъ конституціонныхъ государствахъ: тутъ и оспариваемые выборы провѣряются самими парламентами (а).

а) Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что и провѣрка выборовъ въ парламентѣ, равно какъ и вообще всѣ парламентскія функціи, находится подъ вліяніемъ партійной борьбы, — совершенно

---

[1]) Англійская нижняя палата искони является представительствомъ общинъ, т. е., графствъ и городскихъ коммунъ. Отсюда и названіе «палата общинъ» (по нѣмецкой терминологіи—Haus «der Gemeinen», въ смыслѣ слова—Gemeinschaften).

[2]) Выраженіемъ «билль» обозначается предложеніе по инициативѣ народныхъ представителей, равно какъ и исходящій отъ правительства законопроектъ. Въ Австріи и Германіи по большей части усматриваютъ разницу между «предложеніями» («Anträge»), исходящими отъ палатъ, и «законопроектами» («Gesetzentwürfe»), вносимыми правительствомъ.

такъ же, какъ и самые выборы, путемъ которыхъ составляется народное представительство. Рѣшающее значеніе здѣсь имѣетъ сила партій. И вотъ, тѣ партіи, которыя побѣждены, у которыхъ не хватаетъ силы для того, чтобы отстоять свою волю,—онѣ и тутъ взываютъ къ праву въ политикѣ. Слѣдовательно, не могло обойтись безъ того, чтобы меньшинство, которому даже при провѣркѣ выборовъ приходилось чувствовать безпощадную силу большинства,—чтобы оно не протестовало противъ этой парламентской провѣрки и не выставляло слѣдующаго требованія: оспариваемые выборы должны разсматриваться «безпартійнымъ» трибуналомъ и правильность ихъ должна удостовѣряться «безпристрастнымъ» судебнымъ приговоромъ. Требованія эти въ началѣ 80-хъ годовъ XIX стол. выставлялись въ австрійскомъ рейхсратѣ. Но мало надежды на то, чтобы когда либо прошелъ такой законъ относительно судебной провѣрки выборовъ. И на самомъ дѣлѣ, господствующее въ данное время большинство не захочетъ отказываться отъ своего права провѣрять выборы, а предлагающее такой законъ меньшинство, какъ таковое, не въ состояніи добиться осуществленія своихъ стремленій. И вотъ, когда преданная конституціи партія австрійскаго рейхсрата въ началѣ 80-хъ годовъ очутилась въ меньшинствѣ, тогда она стала мечтать объ особомъ «конституціонномъ судѣ» («Verfassungsgericht»), которому слѣдовало бы поручить провѣрку выборовъ; а публицисты этой партіи, Жакъ (Jacques) и Еллинекъ въ сочиненіяхъ своихъ («Die Wahlprüfung» и «Verfassungsgerichtshof in Oesterreich», 1885) старались доказать необходимость такого провѣряющаго выборы судилища (Wahlprüfungsgerichtshof). Въ 70-хъ же годахъ партія эта еще располагала большинствомъ и поэтому могла бы провести такой законъ; но тогда, сама руководя провѣркой выборовъ, она и не помышляла о подобномъ судѣ. Теперь же, въ 80-хъ годахъ, большинство въ свою очередь ничего не хотѣло знать объ этомъ и не намѣрено было выпускать изъ рукъ своихъ столь важное для него право.

Попытки превратить политику въ область права до сихъ поръ постоянно терпѣли неудачу, хотя нельзя отрицать того, что отъ времени до времени у политики все таки отвоевывается часть ея сферы и присоединяется къ области права. И очевидно, что здѣсь, въ этомъ побѣдоносномъ успѣхѣ права и въ распространеніи сферы его на политику заключается истинный прогрессъ цивилизаціи. Вопросъ лишь въ томъ,—удастся ли когда нибудь праву сломить послѣдніе оплоты политики, къ которымъ безспорно принадлежатъ парламентаризмъ и выборы, и затѣмъ основать взлелѣянное въ мечтахъ «правовое государство»? А что и выборы являются такимъ оплотомъ политики, оплотомъ, куда право и мораль до сихъ поръ тщетно пытаются проникнуть,—объ этомъ, въ виду извѣстныхъ уже фактовъ, не требуется особенно распространяться. И здѣсь всегда существуетъ слабѣйшая партія, усилія которой остаются тщетными, и она взываетъ къ строгимъ уголовнымъ законамъ противъ избирательныхъ происковъ; само собою разумѣется, что господствующая

партія, успѣшно занимающаяся этими происками, не стремится къ такимъ законамъ. Такъ какъ эта побѣдоносная партія всегда является большинствомъ, то мало надежды на проведеніе этихъ законовъ; а если ужъ они какъ нибудь и проходятъ, то по бо́льшей части въ такой редакціи, что отъ нихъ страдаютъ лишь малоопытные устроители выборовъ, а не ловкіе,—слабые, а не сильные. Въ самомъ дѣлѣ,—не секретъ, что даже въ самыхъ свободныхъ странахъ, какъ, напр., въ Америкѣ, Англіи, не говоря уже о Венгріи, выборы производятся при помощи денегъ. Въ Англіи цѣна парламентскаго мѣста настолько не скрывается, что ее можно бы отмѣчать на биржѣ; да и въ другихъ странахъ это не тайна. Выборы представляютъ изъ себя область политики, а моралью здѣсь считается успѣхъ.

Что же касается до порядка разсмотрѣнія законопроектовъ, то и въ данномъ случаѣ изъ Англіи ведетъ свое начало слѣдующая практика: бюджетъ (государственная роспись) вносится первоначально на обсужденіе нижней палаты, между тѣмъ какъ со всякими другими законопроектами правительству въ конституціонныхъ монархіяхъ предоставляется входить сперва либо въ нижнюю, либо въ верхнюю палату. Но для проведенія законовъ повсюду требуется полное соглашеніе обѣихъ палатъ, и лишь при этомъ условіи законопроектъ можетъ быть предложенъ коронѣ для санкціи.

Руководительство преніями и предоставленіе слова принадлежитъ президенту палаты. Какъ дисциплинарными средствами, онъ располагаетъ призываніемъ къ порядку, лишеніемъ слова, а въ нѣкоторыхъ парламентахъ даже исключеніемъ упорствующаго представителя на извѣстное время изъ собранія.

Но вотъ оппозиціонное меньшинство пускаетъ въ ходъ противъ насильственнаго большинства, какъ ultimam rationem, обструкцію; пріемъ этотъ состоитъ въ затягиваніи дебатовъ посредствомъ нескончаемо длинныхъ рѣчей, чтобы такимъ образомъ помѣшать большинству провести его рѣшеніе (это очень излюблено въ Венгріи!). Въ нѣкоторыхъ парламентахъ практикуется одно регулятивное средство противъ обструкціи и вообще противъ слишкомъ длинныхъ преній, а именно—предложеніе закончить дебаты. Но тутъ недовольство стѣсненнаго оппозиціоннаго меньшинства прорывается обыкновенно въ различныхъ ужасающихъ сценахъ,—здѣсь, напр., пускаются въ ходъ раздвижныя крышки пюпитровъ (напр., въ пражскомъ ландтагѣ). Въ южныхъ странахъ, гдѣ въ жилахъ народныхъ представителей течетъ болѣе горячая кровь, дѣло доходитъ до форменныхъ дракъ, какъ это, напр., не такъ давно было въ Римѣ. Въ такомъ случаѣ, разумѣется, дѣловой порядокъ прискорбно заканчивается и доведенный до отчаянія предсѣдатель принужденъ объявить засѣданіе закрытымъ.

II книга. Право и правопорядокъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Обычай и право.

§ 175.

Первоисточникъ обычая.

Мы изучили государство, разсмотрѣли его соціальное содержаніе и развитіе, начиная отъ племенъ и кончая народомъ и націей. Мы видѣли, какъ части сливались въ цѣлое; видѣли, какъ это цѣлое, совершивъ извѣстный кругъ развитія, разрываетъ свою оболочку и, разсѣявшись, становится составными частями другихъ, новыхъ формацій (напр. Римъ).

Мы видѣли, какъ столь разрозненные первоначально элементы, которые связывала лишь грубая власть сильнаго, превращаются въ благоустроенное государство. Мы прослѣдили затѣмъ, какъ первоначальный соціальный хаосъ постепенно измѣняется и, наконецъ, развивается въ такую государственную организацію, въ которой спокойная, правильная государственная дѣятельность и „самоуправленіе“ играютъ значительную роль и работаютъ столь постоянно и правильно, какъ будто выполняютъ жизненную функцію естественнаго организма.

Если теперь мы представимъ себѣ эту огромную разницу между тѣмъ, что было, и тѣмъ, до чего дошло развитіе; если проведемъ мысленно параллель между грубой силой, господствовавшей нѣкогда въ примитивномъ государствѣ, и благоустроенными порядками современнаго культурнаго государства,—то придется признать, что передъ нами раскрывается одно изъ вели-

чайшихъ чудесъ міра, явленіе, заслуживающее самаго тщательнаго разсмотрѣнія и изслѣдованія со стороны всякаго мыслящаго человѣка.

Какъ же произошло это чудесное явленіе? Какова та, постоянно проявляющаяся въ соціальномъ мірѣ сила, которая произвела это замѣчательное и достойное удивленія положеніе вещей? И разъ ужъ изъ соціальнаго хаоса удалось дойти до государственнаго порядка, то спрашивается,—каковы же тѣ средства, которыя дѣлаютъ возможнымъ для государства поддерживать себя, какъ таковое, которыя столь успѣшно помогаютъ его развитію и содѣйствуютъ человѣческому прогрессу?

Вѣчная сила, производящая чудесное явленіе благоустроеннаго государства, коренится въ человѣкѣ и называется привычкой. Послѣдняя создавала и создаетъ для государства моральныя средства къ выполненію великихъ его задачъ.

Теперь же, если мы хотимъ, чтобы наше познаніе государства не являлось неполнымъ и поверхностнымъ; если государство слѣдуетъ изучить не только по внѣшнему проявленію, но и въ самомъ корнѣ, въ творческихъ его силахъ, въ его внутренней работѣ и движеніи,—въ такомъ случаѣ, исходя изъ разсмотрѣнія этой вѣчной силы, благодаря которой возникаютъ обычай и право, мы должны подвергнуть эти послѣдніе, какъ средства и орудія государственнаго развитія, болѣе обстоятельному анализу (а).

а) Такимъ образомъ, привычка служитъ какъ бы мостомъ, ведущимъ отъ фактовъ, производимыхъ элементарной силой, къ соціально-психическимъ явленіямъ обычая и права. Слѣдовательно, право происходитъ несомнѣнно отъ той силы, которая создаетъ соціальные факты (покоренія и порабощенія). Поэтому бисмарковское выраженіе—„сила идетъ впереди права"—заключаетъ въ себѣ историческую истину, если только слово „впереди" понимать въ хронологическомъ смыслѣ. Напротивъ, неправильно было бы внутри извѣстнаго правопорядка придавать этому слову—„впереди"—значеніе преимущества, согласно чему силѣ отдавалось бы предпочтеніе передъ правомъ. И дѣйствительно, само государство утратило бы всякое свое значеніе, если бы въ немъ сила стояла выше права. Отличительнымъ признакомъ современнаго культурнаго государства должно быть то явленіе, что тутъ право идетъ впереди силы, т. е., что право имѣетъ больше значенія, чѣмъ сила. Здѣсь даже глава государства стоитъ подъ закономъ и сила его приноровляется къ праву. Правда, въ автократіяхъ формула указовъ начинается словами: „я приказываю" или „я желаю"; это показываетъ, что тутъ значеніе имѣетъ не право, укоренившееся въ культурномъ государствѣ, но личная воля властителя. И пока такая

личная воля, а равнымъ образомъ и сила одерживаютъ верхъ, до тѣхъ поръ онѣ представляютъ изъ себя и дѣйствующее право. Но вотъ эту личную волю свергаютъ, и тутъ она, съ утратой силы, теряетъ также свое право.

§ 176.

Обычай.

Согласно человѣческой природѣ, частое повтореніе какого-нибудь дѣйствія или продолжительное, терпѣливое перенесеніе таковаго создаетъ у людей привычку,—какъ къ извѣстному дѣйствованію, такъ и къ перенесенію чужихъ дѣйствій. Что человѣкъ дѣлаетъ сначала лишь въ силу необходимости или подъ давленіемъ власти, то въ послѣдствіи становится у него уже обычнымъ образомъ дѣйствія и нормальнымъ перенесеніемъ такого давленія, если необходимость эта постоянно повторяется, если сила эта воздѣйствуетъ на него въ теченіе продолжительнаго времени. Человѣкъ—„рабъ привычки"; эта послѣдняя становится у него „второй натурой".

Властвованіе дѣйствуетъ сначала насильственно и всѣми соотвѣтствующими средствами порабощаетъ человѣка; но съ теченіемъ времени, когда данное господство съумѣетъ утвердиться, онъ привыкаетъ къ этому и тогда ужъ считаетъ свое положеніе вполнѣ естественнымъ. Само собою разумѣется, что держащій въ своихъ рукахъ власть еще легче и скорѣе осваивается съ милой привычкой господствовать. И вотъ со временемъ проявленіе этой пріятной привычки представляется ему, какъ нѣчто зиждущееся на „высшемъ" порядкѣ вещей и установленное самимъ „Богомъ".

Итакъ, естественная сила привычки, захватывая людей и въ радости и въ горѣ, ведетъ къ тому, что какъ властвующіе, такъ и подвластные со временемъ считаютъ естественнымъ, соотвѣтствующимъ высшему порядку и угоднымъ Богу то положеніе вещей, которое первоначально было создано насильственнымъ путемъ. Однимъ словомъ, впослѣдствіи въ данномъ положеніи вещей они видятъ уже нравственныя начала (а). И еще больше того. Человѣческая психика весьма чувствительна къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, и окружающія обстоятельства могутъ измѣнить ее. Что окружаетъ человѣка и постоянно оказываетъ на него вліяніе, то становится уже элементомъ его психики, создаетъ основу и руководящую нить для образа его мыслей и убѣжденій. Поэтому со

временемъ существующее положеніе вещей онъ считаетъ нравственнымъ; переживаемое состояніе оказываетъ на его психику столь сильное вліяніе, такъ ее модифицируетъ, что въ концѣ концовъ человѣкъ смотритъ на эту грубую дѣйствительность, какъ на нравственный порядокъ. Итакъ, вотъ что происходитъ: нѣкогда насильственнымъ путемъ созданная государственная организація вскорѣ является для человѣка установленіемъ какой то высшей воли. b)c).

a) „Car il n'y a rien de plus familier à l'homme que de reconnaitre une sagesse superieure dans celui qui l'opprime", замѣчаетъ Токвилль („Domokratie en Amerique" II, 11)

b) Такъ наз. „легитимистическій принципъ" („Ligitimitätsprinzip"), игравшій столь важную роль въ политическихъ дебатахъ въ первой половинѣ 19-го столѣтія, Брокгаузъ основываетъ просто на продолжительности дѣйствительнаго властвованія. „...... Этотъ временемъ созданный легитимизмъ не перестаетъ быть чѣмъ то чисто фактическимъ. Признанныя династіи, согласно данному пониманію легитимизма, пріобрѣтаютъ ту же степень авторитетности, какую вообще время сообщаетъ возрасту,— передъ нимъ люди повсюду до сихъ поръ охотно преклоняются". Затѣмъ онъ убѣждаетъ защитниковъ легитимизма (въ Германіи послѣ 1866 г.!) въ томъ, что они, собственно говоря, не имѣютъ никакого права „противиться такимъ нелегитимировавшимся еще нововведеніямъ, которыя стали фактами, такъ какъ у всякаго вновь созданнаго въ государствѣ трона сначала не достаетъ легитимности, и эта послѣдняя сообщается ему съ теченіемъ времени........" („Das Ligitimitätsprinzip" 1868. S. 238). Подобная же мысль выражается и въ словахъ Шульце относительно прусскихъ узурпацій 1866 г.: „онѣ войдутъ въ правовое сознаніе нѣмецкой націи такъ же, какъ и обширныя медіатизаціи 1806 г." („Einleitung in das deutsche Staatsrecht„ 2. Aufl., S. 396). Съ этимъ пророчествомъ Шульце легко согласиться, если признать правильнымъ слѣдующее выраженіе Гизо: „tel est l'effet corrupteur du despotisme qu'il detruit tôt ou tard et dans ceux qui l'exercent et dans ceux qui le subissent jusqu'au sentiment de son illegitimité".

c) И Шлейермахеръ принимаетъ въ соображеніе генетическую связь между привычкой, обычаемъ и правомъ. „Установленныя въ государствѣ право и обязанность является собственно тѣмъ же самымъ, чѣмъ раньше были нравы и обычай;..........рѣзкая разница здѣсь лишь въ томъ, что прежде люди руководствовались безсознательнымъ инстинктомъ (?), распространеннымъ обычаемъ, теперь же это перешло въ работу, сообразованную съ потребностями цѣлаго". („Begriff des Staates", Werke III. Abth., II. Bd., S. 260—61).

§ 177.

Интересъ къ государственной жизни.

Есть еще другіе сильные мотивы и обстоятельства, привязывающіе человѣка къ установившемуся государственному порядку и заставляющіе его уважать этотъ послѣдній. А именно, даже у самой скептической и самостоятельной личности силою вещей вырабатывается сознаніе того, что создаваемый государствомъ порядокъ благодѣteленъ, что все то великое и высокое, на что способенъ человѣкъ, можетъ возникать лишь въ государствѣ и благодаря этому послѣднему. Такое сознаніе сильно подкрѣпляется тою весьма сложною сѣтью матеріальныхъ интересовъ, которая охватываетъ все большую и большую часть народа. Правда, эта, поддерживаемая государствомъ, великая сѣть матеріальныхъ интересовъ предоставляетъ одному большую, другому меньшую долю участія въ жизненныхъ благахъ; однако, даже тѣ, которые меньше всего пользуются этими благами, дрожатъ, какъ бы не лишиться своей доли, и боятся возвращенія отъ поддерживаемаго государствомъ порядка къ прежнему неопредѣленному хаотическому состоянію. И вотъ въ этомъ интересѣ, ощущаемомъ при обладаніи даже самой скромной долей благъ, въ этомъ именно страхѣ передъ неизвѣстностью и неопредѣленностью другого состоянія и коренится тотъ могучій консервативный факторъ, который живетъ въ народѣ и составляетъ сильнѣйшую опору государства. Всѣ эти соображенія и интересы приводятъ не только властвующихъ, но и подвластныхъ къ признанію нравственнаго порядка въ государственной организаціи и во всемъ томъ, чѣмъ она обусловливается и закрѣпляется; а этотъ нравственный порядокъ вселяетъ въ людей извѣстное къ нему чувство уваженія. Самыя разнообразныя составныя части государства, — властвующіе, а равно подвластные и средніе классы,—сходятся въ общемъ сознаніи, что отъ государственной организаціи зависитъ все ихъ счастье и благополучіе (а). Такимъ образомъ въ государствѣ со временемъ образуется идея о нравственномъ порядкѣ, идея о нравственности, являющаяся ничѣмъ инымъ, какъ психическимъ выраженіемъ установившейся государственной организаціи.

a) (Анархизмъ). Только что сказанное ни въ коемъ случаѣ не опровергается столь распространенными въ послѣднее время анархическими идеями,—нѣтъ, скорѣе даже подтверждается ими. Вѣдь анархизмъ до сихъ поръ и въ нашемъ культурномъ мірѣ является лишь идеей, вытекающей изъ отрицанія существующаго положенія вещей. Творцомъ даннаго термина и понятія, въ немъ заключеннаго, слѣдуетъ считать, конечно, Прудона,—этого экстравагантнаго мыслителя, который всецѣло предавался отрицаніямъ, не справляясь съ дѣйствительнымъ, закономѣрнымъ ходомъ соціальнаго развитія. Далекій отъ выясненія соціальныхъ явленій, онъ все свое діалектическое искусство направлялъ на отрицательное отношеніе къ дѣйствительнымъ соціальнымъ фактамъ. Въ самомъ дѣлѣ, собственность онъ называетъ кражей, а государству, какъ идеалъ, противопоставляетъ безначаліе (Nicht-Staat), анархію. Однако же, изъ возможности такихъ концепцій ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ, что существующія въ дѣйствительности собственность и государство могутъ быть уничтожены. У Прудона и у всѣхъ его послѣдователей включая сюда Крапоткина, Элизэ Реклю и Бруно Вилле,—у всѣхъ ихъ просто недостаетъ пониманія естественной законосообразности въ возникновеніи государства и собственности; у нихъ нѣтъ научнаго, точнѣе выражаясь, соціологическаго взгляда на тотъ могущественный механизмъ соціальнаго развитія, силу котораго нельзя произвольно направить въ другую сторону, которому невозможно дать обратнаго пара. Разумѣется, возникновеніе анархическихъ теорій понятно по очень многимъ причинамъ. Между прочимъ, теоріи эти имѣютъ симптоматическій смыслъ, такъ какъ онѣ вызваны эксцессами абсолютизма, иначе говоря, произволомъ государственной власти (обратимъ вниманіе на русскихъ—Бакунина и Крапоткина, а также на берлинскій анархизмъ въ эпоху Вильгельма II). Кромѣ того, какъ протесты противъ всякой внутренней и внѣшней насильственной политики, анархическія идеи не лишены и извѣстнаго моральнаго основанія. Однако всѣ эти теоріи никакъ не могутъ пошатнуть прочность государства, какъ соціальнаго явленія,—не могутъ точно такъ же, какъ и теченіе рѣки нельзя направить къ ея истоку. Анархія существовала до государства и изъ нея произошло это послѣднее. И вотъ государство имѣетъ возможность дѣлаться все болѣе и болѣе свободнымъ,—оно совершенствуется, погибнуть же эта соціальная форма человѣческой совмѣстной жизни никакъ не можетъ. Наоборотъ, ходъ естественнаго развитія направляется къ радикальному искорененію всякой анархіи, къ уничтоженію всѣхъ тѣхъ ея рудиментовъ, которые еще сохранились въ государствѣ; а поэтому о водвореніи безначалія не можетъ быть и рѣчи. Лишь правильное пониманіе законовъ соціальнаго развитія позволяетъ распознать во всѣхъ этихъ анархическихъ теоріяхъ то, чѣмъ онѣ являются: это—тяжкіе вздохи разочарованныхъ людей, это—отчаянныя идеи такихъ спасителей и друзей человѣчества, которые не имѣютъ ни малѣй-

шаго правильнаго представленія о дѣйствительномъ механизмѣ соціальнаго развитія.

См. Stammler—„Die Theorie des Anarchismus“ 1894; Zenker—„Der Anarchismus; Kritik und Ceschichte der anarchistischen Theorie“ 1895.

§ 178.

Различныя представленія о нравственности.

Извѣстно, что отдѣльныя соціальныя составныя части находятся не въ одинаковомъ отношеніи къ закрѣпленному въ государствѣ „нравственному порядку“. Сообразно различнымъ своимъ положеніямъ, онѣ не одинаково представляютъ себѣ этотъ нравственный порядокъ. А именно, для господствующаго класса существующее положеніе вещей является въ высшей степени нравственнымъ; подвластные же классы, согласно особенному своему положенію и нуждамъ, нравственной считаютъ такую идею долженствующаго быть (des Seinsollenden), которая во многихъ пунктахъ расходится съ существующимъ порядкомъ. Эти несходства въ пониманіи нравственности встрѣчаются всегда и во всѣхъ государствахъ, образуя повсюду принципы различныхъ партій (a). Такое несогласіе въ представленіяхъ о нравственномъ можно считать первымъ поводомъ, побудившимъ государственную власть начертать свои воззрѣнія по различнымъ вопросамъ государственной жизни, какъ опредѣленныя нормы и постановленія, и провозгласить это правомъ (b).

a) Какъ на яркій примѣръ такого несходства этическихъ представленій, существующаго въ различныхъ соціальныхъ кругахъ, слѣдуетъ указать, насколько неодинаково пониманіе чести у военныхъ и у гражданскихъ сановниковъ. Военный гордится своимъ слѣпымъ повиновеніемъ начальству, хотя бы это выходило даже вопреки его убѣжденію; гражданскій же государственный мужъ, наоборотъ, дорожитъ тѣмъ, что онъ не поступаетъ противъ своихъ убѣжденій. Министры, государственные секретари и др. сановники скорѣе подадутъ въ отставку, чѣмъ согласятся поступить вопреки своему собственному убѣжденію; военный же съ гордостью говоритъ: „Я солдатъ,—я повинуюсь“. (См. у Іеринга „Kampf ums Recht“ 1883, S. 37; здѣсь авторъ упоминаетъ о различномъ сужденіи по поводу однихъ и тѣхъ же правонарушеній со стороны офицера и крестьянина).

b) Разумѣется, и государственная власть представляетъ одну лишь партію, а именно—властвующую; поэтому всякое установленное государствомъ право всегда носитъ въ себѣ отпечатокъ тенденцій этой господствующей партіи. Но, конечно, разумное правительство, въ интересахъ своего самосохраненія и въ видахъ поддержанія государства, всегда старается стоять „выше партій“, чтобы ни одну изъ нихъ не доводить до крайне оппозиціоннаго состоянія. Правда, стремленіе это, благодаря слабостямъ человѣческимъ, очень часто еще остается безъуспѣшнымъ, тѣмъ не менѣе оно, конечно,—похвально. Извѣстное искусство балансированія составляетъ, несомнѣнно, главный секретъ „политики“ („Staatskunst“).

§ 179.

Нравственность и право.

Согласно природѣ вещей, такія регламентирующія начертанія никакъ не могли охватить всего нравственнаго порядка въ государствѣ, не могли обнять тенденціи, въ немъ лежащей, духа, которымъ онъ живетъ. Равнымъ образомъ этими постановленіями нельзя было регламентировась и цѣлой жизни личности со всевозможными проявленіями ея дѣятельности. Нѣтъ, изъ обѣихъ этихъ сферъ,—изъ государственной и личной жизни,—можно было выхватить лишь отдѣльные моменты и относительно нихъ только дать постановленія. И вотъ совокупность этихъ, изданныхъ государственной властью, регламентирующихъ постановленій, имѣющихъ своей цѣлью организацію народной жизни, и составляетъ область права (a).

Между этими начертанными постановленіями,—лучше сказать,—между отдѣльными нормированными ими жизненными отношеніями во всей сферѣ, какъ народной, такъ и индивидуальной жизни, повсюду обнаруживаются пробѣлы, на которые не распространяются никакія государственныя регламентаціи. Надъ всѣми этими пробѣлами, какъ и надъ всѣмъ вообще кругомъ индивидуальной и государственной жизни, царитъ то начало, изъ котораго вытекаетъ нравственный порядокъ. Духъ, живущій въ этомъ нравственномъ порядкѣ, сообщенъ всему народу или, по крайней мѣрѣ, господствующимъ классамъ; онъ присущъ имъ въ качествѣ руководящаго начала и въ тѣхъ случаяхъ, для которыхъ не начертано никакой правовой нормировки. Проникновеніе этимъ духомъ, сознаніе этого начала, на которомъ покоится устройство индивидуальной и государствен-

ной жизни,—вотъ что является нравственнымъ чувствомъ (Sittlichkeitsgefühl).

Изъ вышеприведеннаго разсмотрѣнія обнаруживается отношеніе нравственности (морали) къ праву. Нравственность—никогда неизсякаемый, какъ сама жизнь, неисчерпаемый источникъ права, которое въ качествѣ закона проникаетъ въ человѣческое сознаніе. Что теперь является правомъ, то нѣкогда было лишь нравственностью, и всякая нравственность имѣетъ тенденцію стать правомъ. Право есть кристаллизовавшаяся въ законѣ нравственность; нравственность же—это—какъ бы покоющееся еще въ фактическихъ соціальныхъ отношеніяхъ народа и стремящееся къ своему выраженію право.

а) Всякую вещь можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: во-первыхъ, съ одной, далеко внѣ предмета лежащей, освѣщающей внѣшнюю оболочку и появленіе его, а также связь съ другими явленіями, это, такъ сказать, перспективная точка зрѣнія; во вторыхъ, каждую вещь можно изслѣдовать въ ея конкретныхъ началахъ, разсматривая ее по существу, причемъ главное вниманіе должно сосредоточиваться на внутреннихъ ея признакахъ. Итакъ, если говорятъ, что право происходитъ изъ обычая и нравственности, то выдвигаютъ перспективный характеръ изслѣдованія; если же разсматривать право по существу, выясняя внутреннія его свойства, то всегда и повсюду оно вредставится намъ, какъ установленіе границъ между взаимно соприкасающимися сферами властвованія борющихся другъ съ другомъ въ государствѣ партій. (Ср. мою „Sociologische Staatsidee“ S. 110). До сихъ поръ юристы не постигли этого внутренняго существа всякаго права. Взгляните въ ихъ безчисленные учебники и системы; тутъ вмѣсто выясненія естества права всегда исходятъ изъ заявленія, что существуетъ два вида права—объективное и субъективное. Это выходитъ приблизительно такъ же, какъ если бы зоологъ на вопросъ—„что такое животное?“—вздумалъ отвѣтить:—„существуютъ насѣкомыя, четвероногія, птицы и т. д.“. Сто съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ Кантъ, имѣя передъ своими глазами болѣе чѣмъ 2000 лѣтнее развитіе юриспруденціи,—начиная отъ Римлянъ и проходя далѣе черезъ прямо таки несмѣтную армію позднѣйшихъ юридическихъ писателей,—замѣтилъ: „Юристы еще ищутъ опредѣленія понятія своего права“. (Krit. d. r. Vern. Reclam 560); замѣчаніе это и теперь еще сохраняетъ свою силу. Юристы и въ настоящее время ищутъ опредѣленія права, да и не скоро еще найдутъ его, такъ какъ они попали на ложный путь и находятся въ страшномъ заблужденіи, думая отъ права добраться до государства, которое ими разсматривается, какъ правовой продуктъ. Поэтому они никакъ не могутъ выйти на правильный путь: выяснять естество права, исходя изъ изученія государства. Юристы эти не обращаютъ никакого вниманія

*

на противоположные ихъ воззрѣнію, правильные взгляды нѣкоторыхъ государствовѣдовъ, которые, правда, до сихъ поръ довольно робко выражаютъ свои мысли. Такъ, напр., Цэпфль совершенно вѣрно замѣчаетъ: „...... всякое положительное право коренится, т. е., имѣетъ историческую основу своей силы, равно какъ и условіе своего примѣненія, дѣйствительно лишь въ этомъ превосходствѣ государства по отношенію къ личности". (Zöpfl I. 57). Затѣмъ и у историковъ иногда можно встрѣтиться съ правильными взглядами, очень рѣдко, правда, обобщаемыми. Вотъ что совершенно вѣрно говоритъ, напр., Гизо о старомъ англійскомъ королевскомъ правѣ: „Tout ce qu'il (le roi) a conquis en fait, il le proclame son droit. Ainsi se crée la prérogative royale" (I. c. II 73). Это положеніе, однако, имѣетъ силу не относительно одного лишь стараго англійскаго королевскаго права; нѣтъ, такимъ же образомъ возникаетъ всякое вообще право. Итакъ, чего въ борьбѣ своей добиваются соціальные группы и круги, то они и провозглашаютъ правомъ. Слѣдовательно, и законодательная работа, это пополненіе парламентами сокровищницы права, представляетъ изъ себя непрерывную борьбу соціальныхъ группъ и классовъ; и перемѣнная судьба этой борьбы влечетъ за собой то установленіе права, то отмѣну его и замѣну другимъ.

§ 180.

Связь нравственнаго съ естественнымъ.

Въ предыдущемъ изложеніи мы очень часто употребляли выраженіе: соціальный міръ. Прибѣгая къ данному термину и указывая на дѣйствующую въ этой области „вѣчную силу", мы далеки отъ мысли о возстановленіи того дуализма, который еще во введеніи (§ 1) былъ нами отвергнутъ. Соціальный міръ, міръ соціальныхъ явленій, составляетъ лишь часть природы. А поэтому и та „вѣчная сила", которую мы выставляемъ, какъ дѣйствующую въ данномъ соціальномъ мірѣ, однородна со всѣми другими обнаруживающимися въ природѣ силами. Какъ природа продолжается въ соціальномъ мірѣ, такъ и естественныя силы. Въ этомъ продолженіи проявляются тѣ же самыя силы, лишь въ другомъ видѣ,—а именно, уже какъ соціальныя силы. И вотъ необходимо распознать ихъ въ этомъ замаскированномъ видѣ, т. е., во-первыхъ, познать въ нихъ тѣ же самыя матеріальныя силы, которыя дѣйствуютъ и въ физической природѣ; во-вторыхъ же, ихъ нужно изучить въ этой новой формѣ, въ

общественномъ ихъ проявленіи, какъ соціальныя силы.

Если не имѣть здѣсь твердой почвы подъ ногами, то легко впасть въ одно изъ тѣхъ двухъ заблужденій, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь.

Такъ, одни считаютъ, что существуютъ лишь матеріальныя силы, такія, какія дѣйствуютъ въ природѣ и физическихъ организмахъ, и переносятъ ихъ въ соціальный міръ. Въ это заблужденіе впала „натурфилософія“ и часть приверженцевъ „естественнаго ученія о государствѣ“ (Шеффле, Лиліенфельдъ и др.). Представители этого направленія разсматриваютъ государство, какъ естественный, физическій организмъ и доходятъ, какъ уже упомянуто, до „анатоміи, физіологіи и психологіи государства“, говорятъ о „клѣткахъ и клѣтчатыхъ тканяхъ“ въ государствѣ и т. под.

Другіе же совершенно не признаютъ матеріальнаго начала проявляющихся въ соціальномъ мірѣ силъ, игнорируютъ ихъ происхожденіе и родословную, считаютъ эти силы духовными, моральными, совершенно отличными отъ тѣхъ матеріальныхъ, которыя дѣйствуютъ въ природѣ; полагаютъ, что въ „человѣческой природѣ“ коренятся самостоятельныя побужденія, внутреннія стремленія или врожденныя чувства, и изъ этихъ послѣднихъ выводятъ всѣ проявляющіяся въ соціальномъ мірѣ формы.

Это послѣднее заблужденіе особенно популярно,—оно вытекаетъ изъ дуализма, который мы уже выше (§§ 1 и 2) разобрали. Данную ошибку можно встрѣтить у большинства философовъ права и государства, начиная съ представителей естественнаго права, думавшихъ найти основаніе возникновенія государствъ то въ любви, то въ ненависти, то въ сочувствіи, то въ корыстолюбіи, и включая сюда юристовъ исторической школы (Савиньи, Гуго, Пухта); эти послѣдніе выводили право изъ неопредѣленнаго и неуловимаго „народнаго духа“ (a).

a) Столь же неяснымъ, какъ „народный духъ“ („Volksgeist“) исторической школы, является и „народное правовое сознаніе“ („Volksthümliches Rechtsbewusstsein“), относительно котораго Г. Шульце увѣряетъ насъ, будто „всякое право является исконнымъ продуктомъ“ этого сознанія. А именно, Шульце предполагаетъ „два непосредственныхъ источника права“: обычай и законъ. „Обычное право покоится непосредственно на правовомъ убѣжденіи народа и

на вызываемомъ даннымъ убѣжденіемъ образѣ дѣйствій....". Тутъ Шульце допускаетъ hysteron-proteron: вѣдь «правовое убѣжденіе» и „правовое сознаніе" будутъ несомнѣнно уже позднѣйшимъ явленіемъ, которому предварительно предшествуютъ осуществленіе (или терпѣливое перенесеніе) какого нибудь дѣйствія и обычай. То же можно замѣтить и относильно „правового чувства", о которомъ Іерингъ (l. c. S. 46) думаетъ, что оно „справедливо называется первоисточникомъ всякаго права".

§ 181.

Я думаю, что намъ удастся избѣжать обѣихъ этихъ ошибокъ, если мы внимательно прослѣдимъ за преобладаніемъ одной человѣческой группы надъ другой; мы увидимъ, что, благодаря силѣ привычки, оно становится производителемъ обычая и нравственности. Привычка является здѣсь той призмой, въ которой преломляется лучъ соціальной силы,—преломляется и затѣмъ переливается въ государствѣ радужнымъ сіяніемъ нравственныхъ чувствъ.

Издавна уже философы употребляли огромнѣйшія усилія, чтобы разъяснить себѣ это сіяніе окружающихъ насъ въ государствѣ нравственныхъ явленій; они анализировали данное сіяніе, разлагали его на отдѣльныя составныя части и старались изслѣдовать происхожденіе и источникъ этихъ послѣднихъ. Однако философы никогда не заходили дальше той призмы, изъ которой вырывается интересующій ихъ великолѣпный переливъ красокъ нравственной сферы. А по ту сторону призмы, гдѣ сіяніе это еще покоится лишь въ лучѣ соціальнаго преобладанія одной группы надъ другой,—туда не проникалъ ихъ взоръ; и такимъ образомъ единственный, истинный источникъ нравственныхъ явленій остался для нихъ скрытымъ (а).

а) Изъ новыхъ философовъ Кирхманнъ первый здраво представилъ данное положеніе вещей. Въ своемъ произведеніи— „Grundbegriffe des Rechts und der Moral" 1873—онъ старается отыскивать принципы нравственнаго міра. Въ сравненіи съ предшественниками ему, безъ сомнѣнія, лучше всѣхъ удается это выполнить. Онъ выдвигаетъ чувства удовольствія (порой—наоборотъ—неудовольствія) и уваженія, выставляя ихъ коренными мотивами всякой человѣческой дѣятельности,—мотивами, разсмотрѣніе которыхъ такимъ образомъ можетъ выяснить всѣ соціальныя формы. Побудительная причина всякаго дѣянія „вытекаетъ изъ

чувствъ“, говоритъ Кирхманнъ (S. 4). „Чувства бываютъ двоякаго рода: либо ощущеніе удовольствія и непріятности, либо—уваженія“. Кромѣ этихъ не существуетъ никакихъ другихъ мотивовъ дѣятельности (das. S. 23). Упомянутыя чувства „являются тѣми двумя источниками, изъ которыхъ вся человѣческая дѣятельность беретъ свое начало и затѣмъ иногда отдѣльно, иногда же слившись въ болѣе или менѣе значительные потоки, образуя многочисленныя извилины, протекаетъ по міру“. „Очевидно“, продолжаетъ онъ, „что прежде всего нужно точно изслѣдовать эти источники,—для того, чтобы понять содержаніе и обиліе вытекающихъ изъ нихъ дѣяній и формъ жизни“. Болѣе близкое разсмотрѣніе обоихъ этихъ источниковъ обнаруживаетъ, что поступокъ, вызванный удовольствіемъ, является „естественнымъ дѣйствіемъ, опредѣляющимся лишь законами природы“, между тѣмъ какъ „нравственное дѣяніе“,—вообщеe „нравственное въ тѣсномъ смыслѣ этого слова“,—вытекаетъ „изъ мотива уваженія“. „Всѣ установленія, какъ отличительныя явленія, присущія нравственной сферѣ, рождаются изъ этого уваженія“ (S. 51).

И вотъ данное уваженіе является у Кирхманна кореннымъ положеніемъ, не имѣющимъ особаго нравственнаго начала. „Это уваженіе“, говоритъ онъ, „уже не имѣетъ нравственнаго происхожденія, а является продуктомъ чисто естественнаго воздѣйствія, производимаго на людей физической силой. Тутъ то именно и лежитъ исходный пунктъ нравственнаго,—здѣсь, гдѣ оно вытекаетъ изъ естественнаго......“ (S. 53). „Такимъ образомъ и само нравственное является естественнымъ произведеніемъ......“ (das.). Кирхманнъ, какъ мы видимъ, прекрасно анализируетъ. То, что затѣмъ онъ возводитъ на данномъ фундаментѣ „коренного“ чувства уваженія,—это цѣлое философское сооруженіе поистинѣ достойно удивленія. И все таки думается, что уже при самой закладкѣ фундамента онъ допустилъ ошибку. А именно,—уваженіе не представляетъ изъ себя того первоисточника, изъ котораго вытекаетъ нравственное; нѣтъ, это чувство уваженія само уже служитъ плодомъ нравственныхъ явленій. Нравственное же нельзя еще считать чѣмъ то первичнымъ, потому что таковымъ можетъ быть лишь естественная сила. И дѣйствительно, нравственныя начала получаются благодаря привычкѣ, вытекая изъ естественной соціальной силы, изъ физическаго, какъ и духовнаго превосходства одной человѣческой группы надъ другой. (См. мой трудъ „Der Rassenkampf. ociologische Untersuchungen“ 1879).

Въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи Кирхманнъ вплотную подходитъ къ той призмѣ обычая, въ которой преломляется естественная сила. Тутъ нашъ ученый ловитъ сіяніе нравственныхъ началъ и хочетъ выяснить это изъ одной составной его части,—изъ уваженія. Здѣсь Кирхманнъ дѣлаетъ ошибку, и эта послѣдняя вполнѣ подобна заблужденію тѣхъ справедливо имъ порицаемыхъ философовъ, которые нравственное выводили

изъ отдѣльныхъ человѣческихъ чувствъ и побужденій. Вѣдь нѣтъ принципіальной разницы между тѣмъ, выводить ли нравственныя начала изъ уваженія или изъ любви, или же, какъ это дѣлаетъ Гроцій, изъ разумной и общежительной человѣческой природы. При этомъ вниманіе свое обращаютъ всегда лишь на одну изъ составныхъ частей данной нравственной сферы, переливающейся всѣми цвѣтами радуги,—на часть ея, а не на коренной, простой и полный лучъ естественной силы. Только принимая въ соображеніе эту послѣднюю, можно вмѣстѣ съ Кирхманномъ сказать: „Исходный пунктъ нравственнаго лежитъ тамъ, гдѣ оно вытекаетъ изъ естественнаго".

§ 182.

Воспитательное значеніе обычая.

Мы считаемъ умѣстнымъ здѣсь упомянуть, что не только государствовѣды, но и вообще философы слишкомъ мало обращали вниманія на силу привычки. Они слишкомъ мало цѣнили огромное значеніе этого фактора и его вліяніе на нравственный міръ человѣка. Мы имѣемъ философію познаваемаго и непознаваемаго,—философіи же обычая у насъ еще нѣтъ. А однако, сколько она могла бы намъ разъяснить, сколь обширныя области человѣческой мысли и дѣятельности могла бы охватить (а)!

Конечно, сила и власть всегда въ состояніи основать государство, поддержать же его безъ помощи обычая онѣ не могутъ. Обычай — могущественнѣйшій союзникъ государственной власти; обычай освящаетъ всякія государственныя установленія; онъ даетъ государству возможность справляться съ высокой миссіей воспитанія человѣчества.

а) Въ своемъ, уже выше цитированномъ произведеніи Бэджготъ, конечно, воздаетъ должное обычаю, какъ фактору цивилизаціи, но основываетъ его главнымъ образомъ на врожденной человѣку склонности къ подражанію. Вотъ какъ строитъ онъ свое разсужденіе: „Руководимые врожденной склонностью къ подражанію, мы до тѣхъ поръ повторяемъ извѣстныя дѣянія, пока они не становятся у насъ безсознательнымъ обычаемъ". На этомъ покоится „наслѣдованіе" извѣстныхъ свойствъ. „Унаслѣдованное воспитаніе", продолжаетъ Бэджготъ (S. 22), „и даетъ человѣческимъ націямъ извѣстный наблюдаемый теперь обликъ: врожденное имъ устройство носитъ слѣдъ тѣхъ законовъ, которымъ повиновались предки". Въ этомъ взглядѣ есть кое что правильное; но

Бэджготъ упускаетъ изъ виду одно важное обстоятельство,— а именно: данный обычай, становящійся столь значительнымъ факторомъ воспитанія человѣчества, не является послѣдствіемъ одной лишь свободной первоначально дѣятельности, руководимой наслѣдственной склонностью къ подражанію; нѣтъ, онъ создается по большей части въ силу внѣшнихъ условій. Бэджготъ говоритъ лишь о послѣдствіяхъ привычки дѣйствовать такъ или иначе; что же касается до не менѣе важнаго значенія привычки терпѣливо переносить различные поступки,—то объ этомъ онъ совершенно умалчиваетъ. Не смотря на такую односторонность, у него можно найти вполнѣ правильныя замѣчанія относительно значенія обычая. Бэджготъ говоритъ: „Такимъ образомъ тѣло культурнаго человѣка, благодаря воспитанію, отличается отъ тѣла дикаря“ (S. 7). Хотя положеніе это можетъ быть принято лишь съ извѣстными оговорками, однако, и въ немъ есть зерно истины. Правильнѣе уже звучитъ слѣдующее замѣчаніе: „Волевая дѣятельность (Willensthätigkeit) вызываетъ впослѣдствіи безсознательный обычай; постоянное напряженіе въ началѣ приводитъ къ накопленію силы въ концѣ; работа первыхъ поколѣній становится способностью, переходящею къ послѣдующимъ“ (S. 13). Тутъ мы должны лишь прибавить, что эта „волевая дѣятельность“, приводящая къ „безсознательному обычаю“, не всегда бываетъ „свободной“ („freie Willensthätigkeit“); напротивъ, въ большинствѣ случаевъ она вызывается внѣшнимъ принужденіемъ, и въ этомъ случаѣ она тѣмъ не менѣе влечетъ за собой послѣдствія, изображенныя Бэджготомъ.—И вотъ эти послѣдствія вѣкового обычая онъ рисуетъ вполнѣ правильно: „Мы разсчитываемъ на извѣстный порядокъ, на нѣкоторое молчаливое повиновеніе, на предписанное послушаніе, какъ на основу нашей культуры.....“ (S. 31). Бэджготъ признаетъ, что „нѣкогда“ всего этого еще не существовало и что тогда оно должно было лишь создаваться. Теперь же, обращаясь къ тому прежнему времени, когда все это впервые должно было устраиваться, онъ вполнѣ правильно схватываетъ данное положеніе вещей,—вотъ его слова: „Прежде всего нужна нѣкоторая объединяющая сила, связывающая людей и заставляющая ихъ, насколько это возможно, поступать одинаковымъ образомъ; она указываетъ людямъ, чего должно ожидать другъ отъ друга, систематически ихъ образовываетъ и сдерживаетъ“. Правда, и здѣсь Бэджготъ не проронилъ знаменательнаго слова—„властвованіе“; однако, смыслъ этого послѣдняго, несомнѣнно, лежитъ въ основѣ его изложенія и самъ собою подразумѣвается. Хотя Бэджготъ и избѣгаетъ выводить соціальное развитіе изъ принципа господства и властвованія, однако же книга его изобилуетъ положеніями, невольно подкрѣпляющими этотъ принципъ“. Сильнѣйшіе, насколько могли, уничтожали слабѣйшихъ“, говоритъ онъ (S. 29), примѣняя къ соціальной жизни теорію Дарвина о борьбѣ за существованіе. „Всегда“, полагаетъ Бэджготъ далѣе (S. 51), „перевѣсъ надъ другими имѣютъ тѣ націи, которыя являются посильнѣе; и относительно

извѣстныхъ характерныхъ особенностей сильнѣйшія вмѣстѣ съ тѣмъ являются и лучшими". Наконецъ, и въ слѣдующемъ выраженіи онъ указываетъ на причинную связь между властвованіемъ и обычаемъ: „Вошедшая въ обычай дисциплина, которую прежнему человѣчеству можно было внушить лишь посредствомъ устрашающей санкціи, поддерживалась этой послѣдней и умерщвляла во всемъ обществѣ наклонность къ перемѣнамъ, являющимся основой всякаго прогресса". Здѣсь Бэджготъ указываетъ на затрудненія къ измѣненіямъ, слѣдовательно, выставляетъ обычай препятствіемъ къ прогрессу и признаетъ, что этотъ обычай навязанъ обществу властвованіемъ. Однако, что касается до отношенія къ прогрессу, то вошедшая въ обычай дисциплина" сама уже является огромнымъ прогрессомъ; она нигдѣ еще не могла остановить прогресса, хотя и кажется, будто она всегда его тормозитъ.

§ 183.

Прежде всего на обычаѣ зиждется всякое „воспитаніе" личности. Въ самомъ дѣлѣ,—что такое представляетъ изъ себя „хорошее воспитаніе"? что иное, какъ не усвоеніе разныхъ жизненныхъ обычаевъ? Какимъ образомъ можно воспитать ребенка?—Не иначе, какъ, съ одной стороны, путемъ непрерывно повторяемыхъ указаній направляя его поступки къ тому, чего требуетъ среди людей „хорошій обычай"; съ другой же стороны, пріучая ребенка къ этимъ „добрымъ нравамъ" посредствомъ постоянныхъ примѣровъ, которымъ онъ инстинктивно подражаетъ. Эта же самая сила обычая, вліяющая на личность, проявляется и въ цѣлыхъ племенахъ, сословіяхъ и народныхъ слояхъ. Кто изъ ежедневнаго опыта не знаетъ, сколь велико вліяніе воспитанія (и, слѣдовательно, всѣхъ привычекъ) на человѣческую психику и образъ мыслей? Возьмемъ, напр., юношу аристократическаго круга и сравнимъ его съ простымъ мѣщанскимъ сынкомъ, или этого послѣдняго—съ деревенскимъ парнемъ. Здѣсь различное воспитаніе, различные примѣры, которымъ инстинктивно подражали, различные обычаи, запечатлѣвшіеся въ находящихся передъ нами юношахъ. И какъ все это повліяло въ хорошую и дурную сторону на ихъ психику и образъ мыслей, сдѣлавъ ихъ непохожими другъ на друга! Не имѣетъ ли каждый изъ нихъ своего собственнаго воззрѣнія на всякій предметъ обыденной жизни, начиная съ самаго незначительнаго и

кончая предметами величайшей важности? не смотрятъ ли они каждый по своему на всякое человѣческое отношеніе, начиная съ самаго ничтожнаго и кончая весьма важными отношеніями? И вотъ въ силу этого развѣ не станетъ каждый изъ нихъ во всякомъ отдѣльномъ случаѣ поступать по своему? Все это является простымъ послѣдствіемъ воспитанія, т. е., обычая и усвоенія его.

Если уже на отдѣльную личность сравнительно недолгая привычка столь сильно вліяетъ, то естественно, что вѣковой обычай произведетъ еще болѣе серьезное вліяніе на соціальные круги. Что представляютъ изъ себя всѣ эти „укоренившіяся“ сужденія, „врожденныя“ наклонности, „сдѣлавшіяся второй натурой“ слабости и преимущества отдѣльныхъ классовъ и сословій?—что же иное, если не такіе именно вѣковые привычки и обычаи, развившіеся на физіологической и духовной почвѣ?

а) Нѣкоторыхъ философовъ поражаетъ сила обычая, и вотъ они непрестанно изслѣдуютъ и съ удивленіемъ разсматриваютъ тѣ чудесныя явленія, которыя она производитъ. Бэконъ посвящаетъ „обычаю и воспитанію“ прекрасную главу (XXXVIII) своего произведенія, трактующаго о морали и политикѣ (1597). Локкъ въ главномъ своемъ трудѣ „Essay on human understanding“ (1690) приписываетъ этой силѣ обычая важную функцію въ образованіи человѣческой психики (книга II, гл. 33, § 6); а Юмъ, оцѣнивая формирующую нашъ умъ силу привычки, идетъ такъ далеко, что пытается вывести изъ нея даже инстинктъ причинности. (См. Riel—„Geschichte des Kriticismus“ I. 128 ff.). Экономисты же изображаютъ вредное вліяніе привычки на наши представленія; вотъ какъ, напр., выражается Бастіа (Bastiat): „La force de l'habitude a ce singulier privilège de nous derober la vue, de nous faire perdre la conscience des phénomènes au milieu desquels nous sommes plongés...“ („Harmonies economiques“ p. 104). Подобнымъ образомъ высказывается и Прудонъ: „Mais un fait psychologique non moins vrai et que les philosophes ont peut-être trop négligè d'étudier c'est que l'habitude, comme une seconde nature, a le pouvoir d'imprimer à l'entendement de nouvelles formes catégorique, prises sur les apparences qui nous frappent et par là même denuées le plus souvent de realité objective, mais dont l'influence sur nos jugements n'est pas moins prédetérminante que celle des premières catégories“ („Qu'est ce que la propriété“, Par. 1848, p. 7). Точно такъ же рисуетъ и Родбертусъ вліяніе обычая на наши представленія («Dritter Brief an Kirchmann», S. 60). Шеффле особенно оттѣняетъ роль обычая въ государственной жизни; вотъ его слова: «Итакъ мы видимъ, что тотъ центръ (Mittelpunkt), къ которому съ теченіемъ столѣтій покорно привыкаетъ вся мо-

торная нервная система соціальнаго организма, долженъ сдѣлаться первостепенной исторической силой, каковая едва преодолима даже при многихъ злоупотребленіяхъ и неудачахъ; и центръ этотъ образуетъ легитимную наслѣдственную монархію". Далѣе Шеффле старается выяснить тотъ фактъ, что „за извѣстной семьей, которая первоначально была лишь одной изъ многихъ соціальныхъ ячеекъ, народы признаютъ всепобѣждающее королевское званіе"; и тутъ причину даннаго явленія онъ видитъ въ какомъ-либо первоначальномъ превосходствѣ, въ присоединяющемся къ этому потомственномъ семейномъ состояніи и полагаетъ наконецъ, что «сюда затѣмъ постепенно привходитъ привычка со всѣмъ ея механическо-автоматическимъ вліяніемъ» („Bau und Leben", I, 245). Однако, несомнѣнно, слишкомъ ужъ далеко заходитъ Г. Шульце, сводящій къ обычаю даже образованіе сословій («Preussisches Staatsrecht", I, 420). Это вѣрно лишь постольку, поскольку обычай, какъ выражается Шульце, „является гарантіей всякаго государственнаго устройства" (S. 155). Происхожденіе же сословій относится къ историческимъ фактамъ,—къ завоеванію и переселенію.—Съ нѣкоторою горечью о вліяніи обычая высказывается независимый мыслитель и рѣзкій критикъ Людеръ,—вотъ его слова: „Лишь немногіе въ состояніи подняться до высшей точки зрѣнія; всякій мыслитъ и чувствуетъ по своему, согласно особымъ, окружающимъ его явленіямъ,—и всѣ почти подчиняются всемогущему обычаю, подъ скипетромъ котораго мы способны считать хорошимъ и благороднымъ то, что едва ли извинительно» (Lueder—„Kritik der Statistik", S. 92).

§ 184.

Заблужденіе „психологіи народовъ".

Здѣсь мы съ умысломъ говоримъ лишь о соціальныхъ кругахъ, а не о народахъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ хотимъ обратить вниманіе на то распространенное заблужденіе, которое столь часто опутываетъ сужденія о нравственномъ обликѣ и характеръ людей.

Историки, государствовѣды и философы, при описаніи историческихъ, нравственныхъ или правовыхъ характеристическихъ чертъ нуждаясь въ единыхъ соціальныхъ субъектахъ, всегда говорятъ лишь о „народахъ". Говорятъ о характерѣ народа, о его наклонностяхъ и стремленіяхъ, о его слабостяхъ и преимуществахъ. Да, въ новѣйшее время была даже попытка основать особую науку, „психологію народовъ" („Völkerpsychologie"), задача которой—дѣлать изысканія надъ психическими особенностями

народовъ, подобно тому, какъ психологъ изслѣдуетъ душевныя свойства человѣка. Этотъ пріемъ покоится на фундаментальномъ заблужденіи. „Народъ“ нигдѣ и никогда не представляетъ изъ себя такой единицы, которая могла бы считаться субъектомъ извѣстныхъ общихъ нравственныхъ и психическихъ характерныхъ особенностей. Правда, народъ является государственной единицей (см. выше § 58), но это лишь означаетъ, что благодаря государству естественная множественность племенъ превращается въ наружное единство, не имѣющее внутренней психической общности. Напротивъ, выше мы уже имѣли случай отмѣтить, какъ, согласно природѣ вещей, въ нравственной сферѣ этого государственнаго единства обязательно должны проявляться несходства. Политическое, государственное единство ни въ коемъ случаѣ не совпадаетъ съ нравственнымъ, напротивъ того, оно непремѣнно обнимаетъ множество нравственныхъ сферъ. Обладателемъ же общихъ духовныхъ свойствъ и характеристическихъ чертъ можетъ считаться несомнѣнно лишь такая группа людей, которая ведетъ общее происхожденіе, чего никакъ нельзя найти у народа,—либо такая, воспитаніе и общественное положеніе которой впродолженіе долгаго времени было общимъ.

И въ самомъ дѣлѣ, одинаковые обычаи образуютъ сходные нравы и воззрѣнія; одно и то же общественное положеніе, одинъ и тотъ же кругъ занятій производятъ эти одинаковые обычаи, а такимъ образомъ создаютъ и сходные въ общемъ нравственные признаки и характеристическія черты.

Народъ же, согласно природѣ вещей, никогда не можетъ представлять изъ себя такой общности, потому что государственное единство непремѣнно обусловливается множествомъ племенъ, сословій, классовъ, кастъ. Безъ этой множественности не существуетъ никакого государства, а слѣдовательно, и ни одного народа; она образуетъ массу различныхъ сферъ и дѣлаетъ иллюзіей всякую „психологію народовъ“, основывающуюся на понятіи нравственнаго народнаго единства.

Конечно, намъ здѣсь могутъ возразить, что однако,—какъ мы сами это выше (V гл.) признали,—совмѣстное государственное существованіе, общія судьбы и исторія, языкъ, литература и искусство развиваютъ народъ въ націю; и что, если не народъ, то ужъ нація прекрасно можетъ послужить такимъ субъектомъ общихъ характеристическихъ чертъ. Это возраженіе

не выдерживаетъ критики. Разумѣется, національность, создавшаяся силою вѣкового совмѣстнаго историческаго государственнаго существованія, образуетъ нѣкоторую духовную общность; эта послѣдняя однако ни въ коемъ случаѣ не простирается столь глубоко, чтобы захватывать характеръ, образъ мыслей и нравственныя свойства. Національная общность, выражающаяся лишь въ языкѣ, литературѣ и искусствѣ, проникаетъ не глубже, чѣмъ вообще вліяніе литературы и искусства; а это вліяніе, какъ извѣстно, не отличается особенной глубиной и никогда не обнимаетъ цѣлаго народа, но всегда проникаетъ лишь въ сравнительно тонкій слой, доступный для литературныхъ и художественныхъ вѣяній. На характеръ же, на психическія и нравственныя свойства массъ національность не можетъ оказывать никакого преобразовательнаго вліянія. Въ этомъ отношеніи и нація остается совокупностью многихъ нравственныхъ сферъ, къ которымъ общій характеръ, общія психическія свойства вовсе не подходятъ. Игнорированіе этого факта является главной ошибкой, поражающей всю „психологію народовъ",—большимъ заблужденіемъ, въ которое столь часто впадаютъ историки и государствовѣды—философы, когда они изображаютъ „характеръ" „народовъ" или какого нибудь одного „народа". И вотъ въ такихъ изображеніяхъ либо выступаетъ совершенно вымышленный субъектъ, либо ученые эти обращаютъ вниманіе лишь на часть; и то, что поражаетъ ихъ въ данной части, они провозглашаютъ дѣйствительнымъ для цѣлаго и такимъ образомъ допускаютъ pars pro toto.

Правильность нашего мнѣнія можно обнаружить и при разсмотрѣніи столь часто встрѣчающихся у историковъ народныхъ характеристикъ. Рядъ картинъ этихъ открываетъ намъ Тацитъ, рисующій характеръ „Германцевъ", не принимая въ соображеніе того, какое множество разнообразнѣйшихъ племенъ, самыхъ противоположныхъ психическихъ началъ заключала въ себѣ страна между Рейномъ и Эльбой, Дунаемъ и Нѣмецкимъ моремъ. Среди новѣйшихъ историковъ и государствовѣдовъ—философовъ существуетъ очень много такихъ, которые легко разсуждаютъ о характерѣ „народовъ", не задумываясь надъ слѣдующимъ явленіемъ: что говорится объ одномъ народѣ, то же самое иной писатель со столь же полнымъ (или, вѣрнѣе, столь же малымъ) правомъ приписываетъ другому народу. Такъ назыв. національные историки, ставящіе себѣ задачей прославленіе своего народа, совершаютъ тутъ положительно чудеса. По описаніямъ этихъ ученыхъ народъ

ихъ всегда является храбрымъ, гостепріимнымъ, великодушнымъ и т. под. И вотъ данныя изображенія не отличаются между собой, хотя бы мы сравнили другъ съ другомъ „національныхъ“ историковъ всѣхъ главныхъ европейскихъ народовъ.

Въ дѣйствительности же наблюдается, что по складу характера ни одинъ народъ да и ни одна нація никогда не можетъ составлять единаго цѣлаго; здѣсь постоянно существуетъ множественность. Напротивъ же,—одинаковое соціальное положеніе, одинаковыя экономическія условія и вытекающее отсюда сходное воспитаніе придаютъ одинаковый характеръ цѣлымъ народнымъ слоямъ самыхъ различныхъ странъ и государствъ.

Такъ, напр., дворянство самыхъ разнообразныхъ европейскихъ странъ имѣетъ между собой гораздо болѣе сходства, чѣмъ это послѣднее проявляется между отдѣльными слоями одного и того же народа или одной и той же націи. Это самое можно сказать и относительно промышленниковъ, купцовъ, крестьянъ, относительно образованнаго средняго класса и т. д.

И вотъ, чтобы въ психологіи народовъ и вообще при изученіи народныхъ чертъ достичь правильныхъ результатовъ, для этого прежде всего нужно отбросить базисъ ложнаго и фиктивнаго единства; вмѣсто того, чтобы говорить о характерныхъ свойствахъ нѣмцевъ, французовъ, англичанъ и т. д.,—вмѣсто этого слѣдуетъ имѣть въ виду дѣйствительно единыя соціальныя группы всякаго народа, всякой націи.

a) Попытка вызвать къ жизни „психологію народовъ», какъ особую науку, принадлежитъ Лазарусу и Штейнталю; для этой цѣли въ Берлинѣ въ 1860 г. они основали журналъ подъ названіемъ «Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft“. Но вотъ отсутствіе научной почвы въ «психологіи народовъ» стало сильно обнаруживаться въ томъ, что журналъ этотъ все больше и больше превращался въ органъ одного лишь языковѣдѣнія и наконецъ (1890 г.) даже пересталъ носить названіе „Zeitschrift für Völkerpsychologie“.

Между тѣмъ этнологія или народовѣдѣніе въ Германіи (особенно благодаря изумительнымъ трудамъ Адольфа Бастіана) развились въ науку, поставившую себѣ задачей выясненіе „народныхъ идей“ („Völkergedanken“) во всѣхъ проявленіяхъ жизни, религіи, искусства и науки. Для достиженія этой цѣли выставили, какъ этнологическую юриспруденцію, такъ и соціологію (см. выше § 11). И вотъ такимъ образомъ различныя, отдѣльныя дисциплины, каждая на свой манеръ и своими особыми средствами, принялись изслѣдовать одинъ и тотъ же предметъ,—правда, подходя къ нему съ

разныхъ сторонъ. И теперь еще не могутъ рѣшить, слѣдуетъ ли эти дисциплины, вмѣстѣ взятыя, называть соціологіей либо народовѣдѣніемъ,—или же подъ данными двумя названіями нужно представлять себѣ двѣ, одна на другую взаимно опирающіяся науки. Въ самомъ концѣ XIX-го столѣтія въ своемъ произведеніи—„Moderne Völkerkunde, deren Entwicklung und Aufgabe“ (1896) Ахелисъ въ сжатомъ, занимательномъ и общепонятномъ изложеніи вывелъ передъ читателями заслуги этнологіи и соціологіи, поскольку эти послѣднія стремятся къ одной общей цѣли.

§ 185.

„Идеи“ нравственности и права въ абстрактной философіи.

Намъ уже извѣстна наклонность абстрактной философіи ставить всегда на первомъ планѣ „идею“, чтобы изъ этой послѣдней выводить реальныя явленія міра. Это—свойственная человѣческой психикѣ слабость. Несмотря на то, что человѣка повсюду окружаютъ одни лишь реальныя явленія и только таковыя оказываютъ на него вліяніе и производятъ извѣстныя впечатлѣнія; несмотрѣ на то, что всѣми своими идеями, которыми человѣкъ такъ гордится, всѣмъ своимъ воспитаніемъ онъ обязанъ этимъ именно жизненнымъ впечатлѣніямъ,—несмотря на все это, онъ столь мало благодаренъ реальному міру и его явленіямъ, что въ своемъ „философскомъ“ самомнѣніи готовъ совершенно ихъ игнорировать, заниматься одними лишь „идеями“. Въ „идеѣ“ человѣкъ готовъ видѣть основаніе всего существующаго, выводить изъ нея всѣ реальныя явленія; самую же идею эту онъ норовитъ принять такъ, словно она свалилась съ неба.

Вотъ абстрактная философія и стремится прежде всего придти къ такой именно „идеѣ“, старается схватить „принципъ“, чтобы, исходя отсюда, конструировать реальный міръ. Какъ же доходитъ она до этой идеи, до своего принципа? Разумѣется, единственно лишь возможнымъ путемъ, которымъ человѣкъ въ состояніи достичь идеи,—путемъ наблюденія реальныхъ явленій. Однако, отвлеченные философы не хотятъ затѣмъ сознаться, что они шли этимъ путемъ,—напротивъ, дѣлаютъ видъ, будто изъ данной апріорной „идеи“ они могутъ вывести весь міръ; при этомъ изображаютъ все то, что подмѣтили на пройденномъ пути, но присоединяютъ сюда массу вымышленнаго и фантастическаго, основаннаго лишь на аналогіи и на туманныхъ умозаключеніяхъ. Напрасно гово-

рятъ имъ эмпирики: „Ступите нѣсколько шаговъ впередъ по тому же пути, которымъ вы пришли, и убѣдитесь, что вы создаете туманные картины, обманываете и себя самихъ и другихъ людей; вѣдь, далѣе, впереди совсѣмъ иначе, чѣмъ это было до сихъ поръ тамъ, позади!“ Но отвлеченные философы не хотятъ сдѣлать ни шагу впередъ; они остаются при готовомъ, не имѣя ни мужества, ни силы пріобрѣсть новое.

а) (Тренделенбургъ). Сказанное нами здѣсь объ абстрактной филисофіи относится особенно къ философамъ права; среди этихъ послѣднихъ выдавались Тренделенбургъ, Аренсъ и Рэдеръ, учебники которыхъ до 70-тыхъ годовъ господствовали въ нѣмецкихъ университетахъ.

Что право имѣетъ связь съ нравственностью,—это ясно, и заслугу открытія данной истины меньше всего можно приписать абстрактной философіи. Историческая школа давно уже указывала на то, какъ писанное право вытекаетъ изъ обычнаго, какъ это обычное право является выраженіемъ господствующей традиціи и живущей въ народѣ идеи о нравственности. И вотъ, когда Тренделенбургъ [1]) въ апріорно-философскомъ тонѣ заявляетъ: „существо права относится къ области нравственнаго“,—то здѣсь, дѣлая правильное указаніе на источникъ даннаго положенія, ему слѣдовало бы формулировать это собственно такимъ образомъ: «историческая школа доказала, что право вытекаетъ изъ нравственности». И, если бы Тренделенбургъ вполнѣ правильно призналъ этотъ результатъ историческаго изслѣдованія, тогда, конечно, ему ничего уже болѣе не оставалось бы, какъ согласиться съ тѣмъ же самымъ историческимъ методомъ также и относительно пріема отысканія источника нравственности. Вмѣсто этого онъ смѣло присоединяетъ къ вышеупомянутому положенію слѣдующее: „Итакъ, въ дальнѣйшихъ §§ 17—44 прежде всего нужно установить этическій принципъ, чтобы затѣмъ, исходя изъ него, въ предѣлахъ нравственнаго отыскать идею права“. Выяснимъ себѣ, что означаетъ данное выраженіе. Тренделенбургъ до тѣхъ поръ сопутствовалъ историческому изслѣдованію по его пути наблюденія реальныхъ явленій, пока не оказалось, что право происходитъ изъ нравственности; дальше онъ не идетъ по этому пути, но останавливается и воображаетъ себѣ, будто теперь уже изъ своей головы можно „установить этическій принципъ“, „чтобы затѣмъ отсюда вывести идею права“. Разумѣется, этотъ „этическій принципъ“ явится чѣмъ то отвлеченнымъ изъ прежняго матеріала, собраннаго путемъ историческаго изслѣдованія; а „выведенная“ отсюда „идея права“ будетъ такъ формулирована, чтобы, насколько возможно, способство-

---

[1]) Тренделенбургъ—«Naturrecht auf dem Grunde der Ethik», 2. Aufl., Leipzig 1868, Seite 23.

вать „задачѣ естественнаго права“. Эта „задача естественнаго права“, по ученію Тренделенбурга, состоитъ въ слѣдующемъ: нужно „познать право въ самомъ корнѣ (идеѣ) и изъ даннаго источника такъ вывести множественность правъ, чтобы она являлась проникнутой этимъ расчленяющимся единствомъ внутренней идеи“ [1]). Слѣдовательно, „идея права“ строится такимъ образомъ, чтобы изъ нея, какъ изъ „корня“, можно было прекрасно „вывести“ все „множество правъ“ (почерпнутыхъ изъ юридическихъ сборниковъ и компендіевъ). Что же касается до самого отвлеченія, то оно происходитъ въ большой зависимости отъ всякихъ благихъ пожеланій, заключающися въ партійной точкѣ зрѣнія философа; вотъ эти то благія пожеланія и выставляются, словно дѣйствительно изъ идеи сдѣланный выводъ, согласно которому должно итти образованіе позитивнаго права. Такъ идетъ созиданіе всякой абстрактной философіи, такъ поступаетъ и Тренделенбургъ. „Установивъ“ „этическій принципъ“, онъ „находитъ“ тутъ „идею права“ и изъ данной идеи выводитъ все „множество правъ“; это онъ называетъ „вытекащимъ изъ принципа планомъ правоотношеній“ („Entwurf der Rechtsverhältnisse aus dem Princip“) и заполняетъ имъ всю вторую часть своего естественнаго права. Разсмотримъ же повнимательнѣе этотъ планъ, «вытекающій изъ принципа правоотношеній», приглядимся къ тому, какъ здѣсь дается краткій конспектъ всѣхъ систематическихъ юридическихъ сборниковъ и компендіевъ, какъ тутъ выставляются нормы права собственности, личнаго и вещнаго, семейнаго, брачнаго и наслѣдственнаго, затѣмъ государственнаго и международнаго права. Если вникнуть въ данную постановку дѣла, то придется убѣдиться въ томъ, что авторъ все это вывелъ не изъ „идеи“, какъ онъ заявляетъ,—нѣтъ, но что всѣ эти нормы вытекаютъ просто-на-просто изъ накопленныхъ юристами наблюденій надъ реальными явленіями (надъ предписаніями позитивнаго права, надъ законодательствомъ). И вотъ результаты такихъ наблюденій, обработанные однако же по личному вкусу приверженца естественнаго права, выставляются здѣсь намъ въ видѣ „плана, вытекающаго изъ принципа“.

Познакомившись съ методомъ абстрактной философіи, послѣдователемъ которой является и Тренделенбургъ, разсмотримъ теперь спеціально его „этическій принципъ“. Этотъ „этическій принципъ“, заявляетъ Тренделенбургъ, „можно понимать въ томъ смыслѣ, что вещи слѣдуетъ разсматривать согласно ихъ божественному назначенію“ [2]). Это было бы прекрасно, если бы мы знали „божественное назначеніе вещей“, если бы у насъ относительно этого не закрадывалось иногда нѣкоторое сомнѣніе. Тренделенбургъ самъ, конечно, видитъ это затрудненіе и хочетъ помочь намъ преодолѣть его съ помощью „органическаго міровоззрѣнія“.

---

[1]) l. c. S. 1.
[2]) l. c. S. 40.

„Согласно органическому міровоззрѣнію", заявляетъ Тренделенбургъ, „сущность вещей покоится въ творческой идеѣ" («...in einem schöpferischen Gedanken»). Этимъ, полагаетъ онъ, можно устранить указанное затрудненіе. И вотъ,—по его мнѣнію,—кто имѣетъ «органическое міровоззрѣніе», тотъ знакомъ и съ «творческой идеей»; кто понимаетъ эту послѣднюю, тотъ знаетъ и «божественное назначеніе» всякой вещи; теперь же, если извѣстно «божественное назначеніе» всякой вещи, въ такомъ случаѣ у насъ въ рукахъ и „этическій принципъ" (онъ состоитъ къ томъ, что „всякую вещь слѣдуетъ разсматривать согласно ея божественному назначенію"); а разъ мы имѣемъ «этическій принципъ», тогда въ немъ легко найти «идею права». И вотъ, когда эта „идея права" отыскана, теперь стоитъ лишь выписать какую-нибудь дюжину различныхъ юридическихъ компендіевъ, обработать ихъ по личному вкусу, и „вытекающій изъ принципа планъ правоотношеній" готовъ!

Итакъ, мы видимъ, что все шло бы прекрасно, если бы только „органическое міровоззрѣніе" имѣло подъ собой прочную почву. Посмотримъ же, въ какомъ положеніи находится данное ученіе. „Органическое міровоззрѣніе", говоритъ Тренделенбургъ [1]), „опирается прежде всего на великомъ фактѣ проявленія всего живого (?), какъ на идеальномъ обнаруженіи природы, сохраняющемъ равновѣсіе съ проявленеімъ слѣпыхъ силъ (dem Schein der nackten Kräften). Безъ идеи въ корнѣ вещей не понятна эта широкая сфера жизни". Переведемъ данную философію на языкъ, понятный для простыхъ смертныхъ. Если стоять на томъ,—какъ полагаетъ Тренделенбургъ,—что вся эта великая природа является чѣмъ то живымъ („великій фактъ проявленія всего живого"), въ такомъ случаѣ это большое цѣлое придется считать организмомъ. Въ организмѣ же проявляются не „слѣпыя", не безцѣльныя силы, но цѣлесообразныя, какъ поддерживающія и развивающія жизнь организма. И вотъ эти цѣлесообразныя силы сохраняютъ равновѣсіе „съ проявленімъ слѣпыхъ силъ". Такое пониманіе міра есть органическое міровоззрѣніе. Здѣсь однако необходимо, разумѣется, еще одно, а именно—„идея въ корнѣ вещей". Если же этотъ міровой „организмъ" невозможно постичь умомъ, если его нельзя ни видѣть, ни осязать, если этотъ „великій фактъ проявленія всего живого" нельзя разсматривать, какъ реальное „обнаруженіе природы",—въ такомъ случаѣ все-таки для того, чтобы можно было дѣлать о немъ заключеніе, какъ объ «идеальномъ обнаруженіи природы», для этого нужно же познать по крайней мѣрѣ „идею въ корнѣ вещей", „идею", изъ которой можно вывести данное заключеніе, „идею", которая выясняетъ и дѣлаетъ понятной эту „широкую сферу жизни". И вотъ снова обнаруживается, что не такъ то легко постичь „органическое міровоззрѣніе", вѣдь для этого прежде всего нужно было бы познать «идею въ корнѣ вещей».

---

[1]) l. c. S. 25.

*

Какъ же иначе теперь можно придти къ данной «идеѣ въ корнѣ вещей», если не путемъ наблюденія этихъ „вещей", а, слѣдовательно, реальныхъ явленій? Такимъ образомъ, „органическое міровоззрѣніе" оказывается непослѣдовательнымъ, и мы опять стоимъ на широкомъ пути эмпиреческаго изслѣдованія. Однако же нельзя ли теперь, пожалуй, этимъ путемъ отыскать „идею въ корнѣ вещей" и придти къ «органическому міровоззрѣнію»? Ни въ коемъ случаѣ,—и вотъ по какимъ простымъ и яснымъ причинамъ.

Для познанія „идеи въ корнѣ вещей" нужно было бы сперва изучить всѣ эти предметы. Долго еще это останется невозможнымъ. Да, мы знаемъ, къ сожалѣнію, лишь отдѣльныя и въ общемъ пока очень немногія вещи. Познанія же всѣхъ предметовъ мы, вѣроятно, еще не такъ скоро достигнемъ, а поэтому ничего пока не можемъ знать и объ „идеѣ, въ нихъ коренящейся". Необходимымъ условіемъ „органическего міровоззрѣнія" является пониманіе міра, какъ организма и, слѣдовательно, какъ чего то цѣлаго (на основаніи единой идеи, лежащей въ корнѣ вещей); это однако до сихъ поръ несовмѣстимо съ умственными силами простыхъ смертныхъ, не являющихся отвлеченными философами. „Идея въ корнѣ вещей" представляетъ изъ себя нѣчто основанное на вѣрѣ или воображеніи, а опирающееся на нее „органическое міровоззрѣніе" является ничѣмъ инымъ, какъ грубымъ самообманомъ. И, если это міровоззрѣніе,—какъ оказывается,—является фикціей, въ такомъ случаѣ подобнымъ же продуктомъ игры воображенія служитъ и „творческая идея", которую произвольно вкладываютъ въ міръ, но о которой ровно ничего нельзя знать. Что же касается до тренделенбурговскаго „этическаго принципа", состоящаго въ «разсматриваніи вещей согласно ихъ божественному назначенію», что касается до даннаго принципа, то онъ также является ложнымъ выводомъ изъ произвольнаго предположенія; вѣдь объ этомъ „божественномъ назначеніи вещей" мы ничего не можемъ знать, да и неизвѣстно, существуетъ ли вообще такое назначеніе. Итакъ, это произвольное и столь аподиктически провозглашенное «установленіе этическаго принципа», —по нашему мнѣнію,—не удалось берлинскому профессору; и онъ лишь вводитъ себя въ самообманъ, когда въ этомъ своемъ „принципѣ" хочетъ найти „идею права". Не говоря уже о мнимомъ обоснованіи апріорной „идеи права" и „нравственности", совершенно нелѣпа сама по себѣ попытка выставлять такую „идею нравственности", такой „этическій принципъ", не считаясь съ эмпирическимъ изслѣдованіемъ вещей; это противно здравому смыслу,—и вотъ въ силу какихъ соображеній. Вѣдь какъ бы ни были глубокомысленны провозглашаемыя философами апріорныя положенія, все таки идея нравственности или этическій принципъ, который мы въ настоящее время выставляемъ, является лишь нашимъ теперешнимъ „этическимъ принципомъ"; онъ постоянно остается только продуктомъ нашихъ настоящихъ убѣжденій, ничѣмъ инымъ, какъ выводомъ изъ нашей современной научной и исторической точки зрѣнія. Мы знаемъ, что „идея нравственно-

сти" или—другими словами—идея, которую люди имѣли о нравственности, уже въ историческія времена испытывала огромныя метаморфозы. А именно,—что нѣкогда для народовъ древности представлялось нравственнымъ, то для насъ теперь является въ высшей степени безнравственнымъ; и многое изъ того, что мы въ настоящее время считаемъ нравственнымъ, для дальнѣйшихъ поколѣній, пожалуй, будетъ уже безнравственнымъ. Однимъ словомъ, идея нравственности не отстаетъ отъ хода человѣческаго развитія, отъ той эволюціи, которая происходитъ въ народахъ и націяхъ; она, какъ мы уже имѣли возможность это замѣтить, не является чѣмъ-то, всегда существовавшимъ и неизмѣннымъ; нѣтъ, идея эта есть нѣчто сопряженное съ современнымъ ему положеніемъ вещей,—она вѣчно проходитъ различныя стадіи своего развитія. Слѣдовательно, выдвигаемый философами „этическій принципъ", ихъ апріорная идея нравственности является лишь преходящей частью, которую они хотятъ выдать за нѣчто цѣлое и вѣчное.

b) (Аренсъ). Аренсъ полагаетъ, что „принципъ права" слѣдуетъ выводить изъ „основной идеи добра". „Невозможно", разсуждаетъ онъ, „выводить принципъ права изъ внѣшняго опыта, изъ исторіи или изъ позитивныхъ законовъ и установленій; невозможно, такъ какъ исторія представляетъ изъ себя непрерывное теченіе и прогрессированіе народной жизни и слагается изъ борьбы добра со зломъ, права съ неправдой; невозможно, такъ какъ эта исторія обнаруживаетъ большія несходства и контрасты въ правовыхъ и государственныхъ установленіяхъ у разныхъ народовъ и на различныхъ ступеняхъ ихъ культуры, а поэтому не допускаетъ, чтобы обычнымъ путемъ логической абстракціи когда либо можно было дойти до эмпирическаго понятія права. Только изслѣдованіе человѣческаго естества (des menschlichen Wesens) можетъ намъ выяснить смыслъ правовой идеи". Ясно, какое противорѣчіе заключается въ данномъ изложеніи. Тутъ Аренсъ прежде всего съ важнымъ видомъ презрѣнія отвергаетъ „внѣшній опытъ и исторію", какъ источники, изъ которыхъ будто нельзя вывести правовой идеи; но сейчасъ же вслѣдъ за этимъ онъ выставляетъ такимъ источникомъ познанія „изслѣдованіе человѣческаго естества". Какъ же изслѣдовать это „человѣческое естество", не прибѣгая къ помощи „внѣшняго опыта и исторіи"? И вотъ характерной чертой Аренса является то обстоятельство, что онъ вполнѣ спокойно, не переводя духа, обыкновенно выражаетъ величайшія противорѣчія. Затѣмъ и онъ выступаетъ приверженцемъ „органическаго міровоззрѣнія", причемъ тутъ кромѣ своей, отъ Краузе заимствованной органической слабости выказываетъ также знакомство и съ выставленной Тренделенбургомъ философіей права. Въ самомъ дѣлѣ,—вотъ какъ тутъ Аренсъ выражается: „Лишь въ новѣйшее время пришли къ высшему сознанію, что для жизненнаго понятія права (Lebensbegriff des Rechts) нужно имѣть въ виду основной принципъ добра и здѣсь искать практическое центральное руководство для всякаго проявленія воли и дѣйствія; та-

кимъ образомъ, право должно быть поставлено въ тѣсное отношеніе къ этикѣ“ [1]). Какимъ же путемъ можно дойти до „основного принципа добра“, который у Аренса служитъ „содержаніемъ всѣхъ жизненныхъ отношеній и цѣлей“?—Этого онъ ближе не выясняетъ. Данныя выраженія являются лишь псевдо-философскими девизами, не имѣющими ровно никакого смысла; они только помогаютъ при случаѣ скрывать скудость мысли. Въ самомъ дѣлѣ, и „добро“, и „блага“ являются реальными понятіями, и ихъ всегда можно опредѣлить, принимая лишь въ соображеніе эмпирическіе факты; абсолютнаго же „добра“, не имѣющаго отношенія къ „внѣшнему опыту и исторіи“, вовсе не существуетъ. И вотъ, если этотъ „основной принципъ добра и благъ“ долженъ быть источникомъ „идеи нравственности и права“, въ такомъ случаѣ мы снова стоимъ на почвѣ опыта и наблюденія надъ реальными явленіями, безъ которыхъ никогда нельзя знать, что „хорошо“ и что „дурно“. Наконецъ же и самъ Аренсъ не вѣдаетъ, какимъ образомъ онъ изъ своего „основного принципа добра“ долженъ создать для насъ понятіе права, а поэтому прибѣгаетъ къ слѣдующему неправильному разсужденію: „Право, какъ общее понятіе, принадлежитъ къ тѣмъ, находящимся въ человѣческомъ сознаніи понятіямъ или идеямъ, которыя нельзя выводить путемъ опыта, такъ какъ всякое эмпирическое понятіе даетъ возможность познать лишь данное положеніе вещей, а не то, что должно было бы такъ или иначе обстоять“ [2]).

Итакъ, „понятіе или идея права“ находится въ человѣческомъ сознаніи, но неужели же при этомъ ее нельзя „выводить изъ опыта“? Да откуда же она вошла въ человѣческое сознаніе? Не съ неба ли въ видѣ откровенія? А между тѣмъ, развѣ мы не знаемъ, развѣ исторія и ежедневный опытъ не учатъ насъ, что понятіе права складывается въ „человѣческомъ сознаніи“ такимъ же образомъ, какъ и всѣ другія понятія,—а именно, посредствомъ наблюденія реальныхъ явленій, эмпирическимъ путемъ. Да и самъ Аренсъ нѣсколькими строками выше говоритъ, что „прежде всего образовавшееся сознаніе можетъ выяснить всѣ тѣ понятія, которыя относятся къ общечеловѣческимъ жизненнымъ отношеніямъ“; слѣдовательно, образовавшееся сознаніе въ состояніи ихъ выяснить, а необразовавшееся, значитъ, не можетъ. Какимъ путемъ образуется сознаніе, какъ не путемъ опыта и исторіи? И зачѣмъ здѣсь это псевдо-философское презрѣніе къ „внѣшнему опыту, исторіи, позитивнымъ законамъ и установленіямъ“? При этомъ, исходя изъ одного лишь „основного принципа добра“, Аренсъ едва ли былъ бы въ состояніи написать свою «особенную часть философіи права“, заполняющую весь 2-ой томъ названнаго сочиненія; нѣтъ, онъ не могъ бы этого сдѣ-

---

[1]) Ahrens—«Naturrecht oder Philosophie des Rechts und des Staates....“ 6. Auflage, Wien 1870, I. 225

[2]) Тамъ-же.

лать, если бы не прибѣгъ къ помощи „внѣшняго опыта, исторіи, позитивныхъ законовъ и установленій“.

Какимъ же образомъ Аренсъ развиваетъ свой «этическій принципъ», изъ котораго затѣмъ выводится право? Иллюстраціей даннаго пріема можетъ служить слѣдующее положеніе: „Въ божьемъ мірѣ и жизненномъ устройствѣ“, говоритъ онъ, „всякое живое существо имѣетъ опредѣленное, соотвѣтствующее его положенію назначеніе развивать всѣ заложенныя въ его природѣ свойства и силы и усваивать себѣ изъ окружающей среды то, что соотвѣтствуетъ этимъ природнымъ его свойствамъ“. Откуда же философъ права Аренсъ знаетъ, что „всякое существо имѣетъ это назначеніе“? И вотъ,—первое, чего можно да и слѣдуетъ обязательно требовать отъ ученыхъ изслѣдователей: они никогда не должны говорить больше, чѣмъ знаютъ. Правда, мы наблюдаемъ и такимъ образомъ познаемъ, что въ мірѣ всякое живое существо старается развивать свои природныя свойства и часто даже развиваетъ ихъ; но все таки слишкомъ еще рисковано изъ однихъ этихъ, внѣшнимъ опытомъ даваемыхъ фактовъ дѣлать выводъ, что «всякое существо имѣетъ такое назначеніе». Разумѣется, это можно высказывать, какъ предположеніе; но его ни въ коемъ случаѣ нельзя дѣлать апріорной, аподиктически провозглашаемой основой систематическихъ выводовъ,—въ этомъ грѣшитъ Аренсъ, какъ и другіе вообще философы, приверженцы естественнаго права. Такъ, напр., въ другомъ мѣстѣ (S. 250) Аренсъ пишетъ: «Благодаря безконечной силѣ божественныхъ свойствъ, всѣ люди равны»; и изъ этого положенія онъ дѣлаетъ затѣмъ множество философско-правовыхъ выводовъ. И тезисъ,—мнѣ ничего, тебѣ ничего,—выставляется такъ, словно онъ является аксіомой. Но вотъ противъ истинности даннаго положенія съ многихъ сторонъ выступаютъ вполнѣ основательныя сомнѣнія; опираясь на опытъ и исторію, доказываютъ прямо противоположное этому принципу равенства. Что же послѣ этого значатъ всѣ умозаключенія и вообще вся эта система, построенная на такихъ произвольныхъ, ошибочныхъ «апріорныхъ» положеніяхъ? У Аренса подобными тезисами, противорѣчіями и безсодержательными фразами уснащена всякая страница.

с) (Рэдеръ). Далѣе здѣсь слѣдуетъ упомянуть Рэдера, какъ принадлежащаго къ той же плеядѣ философовъ права. Онъ требуетъ отъ философіи права, чтобы эта послѣдняя приводила насъ „къ познанію понятій права и государства, не зависящихъ ни отъ времени, ни отъ пространства, ни отъ случая, ни отъ произвола и являющихся неизмѣнными, какъ самъ разумъ и всѣ его идеи и законы“ [1]). Такое пониманіе задачи философіи права характерно для абстрактнаго метода. Отвлеченные философы не стремятся изучить развитіе права, не стремятся даже познать сущность этого развитія и его законы; нѣтъ, они желаютъ лишь схватить

---

[1]) „Grundzüge des Naturrechts oder des Rechtsphilosophie“ von K. D. A. Röder, Leipzig 1860, B. I, S. 1.

такое „понятіе“, которое являлось бы „независимымъ и неизмѣннымъ“,—и удовлетворяются этимъ. Правда, по данному ученію, отысканіе такихъ понятій вовсе не столь ужъ трудно, и поэтому поставленную философіи права задачу легко разрѣшить: по абстрактно-философскому взгляду за этими „понятіями“ нѣтъ надобности далеко ходить,—вѣдь они, какъ „коренныя понятія“ („Urbegriffe“), уже въ готовомъ видѣ закрѣплены въ человѣческой психикѣ. И вотъ, Рэдеръ пишетъ: „Въ силу всего вышеизложеннаго не можетъ быть спора о томъ, что уразумѣніе идеи или существа права и государства столь же мало заимствуется (отвлекается) изъ знакомства со всѣми возможными, различными по времени и мѣсту формами ихъ, какъ мало и познаніе природы красоты или круга пріобрѣтается изъ разсмотрѣнія всевозможныхъ прекрасныхъ художественныхъ произведеній, круговъ и т. д. Итакъ безспорно, что и пониманіе существа права и государства не обусловливается знакомствомъ съ различными ихъ видами; напротивъ, къ праву относится то же самое, что можно отмѣтить, напр., по поводу шара, котораго, какъ таковаго, никто не можетъ наблюдать, т. е., никто не можетъ признавать его за шаръ, если уже въ своей психикѣ не находитъ понятія его, иначе говоря, если не понимаетъ, отъ чего шаръ дѣлается таковымъ. Слѣдовательно, подобно столь многимъ другимъ идеямъ, напр., идеямъ о Богѣ, разумѣ, природѣ, причинѣ, времени, пространствѣ, нравственности и т. д.,—подобно всѣмъ этимъ идеямъ, и понятія о правѣ и государствѣ ни въ коемъ случаѣ нельзя выяснять изъ наблюденія отдѣльныхъ жизненныхъ обычныхъ примѣровъ; нѣтъ, по своему возникновенію и содержанію, это—абсолютныя, не основанныя на наблюденіяхъ идеи, это—коренныя понятія“ [1]).

Конечно, нѣтъ ничего проще, какъ провозгласить кореннымъ понятіемъ нашу теперешнюю идею о правѣ. Да, это несложно, и вотъ апріорная юридическая доктрина, словно Минерва въ полномъ вооруженіи, выскакиваетъ изъ головы адепта естественнаго права. Какимъ же образомъ богиня проникла въ эту голову?—объ этомъ исторія умалчиваетъ! Однако же къ чести приверженцевъ естественнаго права слѣдуетъ признать, что юридическая литература не прошла безслѣдно мимо нихъ, хотя они и оказываются передъ ней весьма неблагодарными, обращаясь съ этой литературой подъ часъ очень нехорошо въ „особенныхъ частяхъ“ своего естественнаго права.

d) Альб. Герм. Постъ въ своемъ „Ursprung des Rechts“ (1876) говоритъ: „Итакъ на существо права должно смотрѣть совершенно иначе; въ основѣ своей оно не имѣетъ ровно ничего общаго съ моралью и разумомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы ихъ теперь разсматривали“ (S. 18); „право на этической почвѣ является лишь бредней спекулятивныхъ

---

[1]) Тамъ же I, S. 33.

мечтателей, бредней, находящейся въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи со всей исторіей права“. Разсужденія эти въ извѣстномъ отношеніи правильны, съ другой же стороны они слишкомъ ужъ далеко заходятъ. Нельзя утверждать, что въ правѣ нѣтъ ничего общаго „съ моралью и разумомъ“, что оно не имѣетъ „никакой этической основы“; не слѣдуетъ лишь нашу теперешнюю мораль и этику, а также и нашъ настоящій разумъ представлять себѣ чѣмъ то абсолютнымъ, остающимся вѣчно въ одномъ и томъ же видѣ. Всякое право всегда коренится въ морали и изъ нея вытекаетъ; но мораль эта не остается постоянно одной и той же. Мораль и этика, какъ и право, являются непостоянными, перемѣнными идеями; онѣ трансформируются и развиваются вмѣстѣ съ правомъ или,—вѣрнѣе,—право вмѣстѣ съ ними. Итакъ, право зиждется на этическомъ базисѣ; всякое право имѣетъ собственную мораль или,—что правильнѣе,—всякая мораль имѣетъ свое особое право. Конечно, отсюда можетъ слѣдовать, что какое нибудь бывшее право по нашимъ теперешнимъ взглядамъ является уже безнравственнымъ, а равнымъ образомъ часто случается, да и всегда такъ должно происходить, что существующее еще право впадаетъ въ противорѣчіе съ трансформирующеюся тѣмъ временемъ моралью. Но данное явленіе, разумѣется, не измѣняетъ того факта, что всякое право въ моментъ своего возникновенія соотвѣтствуетъ морали, по крайней мѣрѣ, болѣе могущественной составной части государства; и вотъ, въ этомъ то отношеніи мораль и является источникомъ права. Если-же она измѣняется или если мораль нѣкогда незначительной и слабѣйшей соціальной части государства становится моралью всего цѣлаго или хотя бы даже только моралью большинства или достаточно сильной части народа,—тогда обезсиленное право должно уступить ей и очистить мѣсто для другого права, имѣющаго свою основу въ той морали, которая теперь побѣдоносно одержала верхъ. Вотъ какъ всегда и повсюду происходитъ развитіе права. Разумѣется, нельзя также упускать изъ виду и того обстоятельства, что побѣдоносная мораль, всегда поднимающая на щитѣ свое право, въ свою очередь основывается на силѣ и является произведеніемъ могучихъ реальныхъ отношеній, одерживающихъ и здѣсь верхъ. Вотъ почему, если исключить эту промежуточную стадію морали, тогда всякое развитіе права можно разсматривать, какъ выраженіе однихъ лишь отношеній силы; такими то соображеніями и приходится объяснять себѣ вышеприведенное заявленіе Поста.—Попытки реабилитировать дискредитированную философію права сдѣлавы Іерингомъ въ его трудѣ—„Цѣль въ правѣ“ и Бергбомомъ въ „Jurisprudenz und Rechtsphilosophie“ 1892. Въ послѣднее время въ Италіи философія права успѣшно развивается на соціологической почвѣ; тутъ работаютъ Icilio Vanni, а также Dallari, написавшій „Nuovi fondamenti“ 1896).

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Право и наука о немъ.

§ 186.

Нравственная идея.

Выше (§ 177) мы видѣли, какъ, благодаря государственной организаціи, возникаетъ идея нравственности. Съ развитіемъ государственной дѣятельности по самымъ разнообразнымъ направленіямъ все больше и больше развивается также и нравственная идея. Вѣдь нравственность является какъ бы психическимъ осадкомъ государственной дѣятельности, осадкомъ, который жизнь государственная оставляетъ въ убѣжденіяхъ и вообще во всемъ духовномъ складѣ народа. Вслѣдъ за обнаруженіемъ всякой новой сферы государственной дѣятельности раскрывается новая область и для нравственности. И вотъ нравственность эта, соотвѣтственно лежащимъ въ ея природѣ контрастамъ, которые мы выше (§ 178) уже отмѣтили, появляется всегда въ двухъ противоположныхъ формахъ. А именно,—всякое дѣйствіе государственной власти, во-первыхъ, вызываетъ консервативную нравственную идею, а во-вторыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ будитъ и оппозиціонное нравственное настроеніе. Государственная дѣятельность не представляетъ изъ себя ничего законченнаго, что можно было-бы заключить въ извѣстную систему; то же самое,—да еще и въ высшей степени,—обнаруживается и въ нравственномъ мірѣ, въ этомъ психическомъ осадкѣ государственной жизни. Нравственная область есть нѣчто безконечное, недоступное ни для какого систематическаго изученія: ее нельзя ни строго ограничить, ни описать. Благодаря коренящимся въ природѣ нравственности контрастамъ, благодаря шаткости и непостоянству ея содержанія, невозможно установить никакого прочнаго понятія этой нравственности, невозможно опредѣлить ея форму и содержаніе. Вѣдь, насколько разнообразны народные элементы, настолько неодинаково и пониманіе нравственной идеи. Критерій нравственнаго лежитъ въ психикѣ отдѣльной личности и является чѣмъ-то колеблющимся въ зависимости отъ того, къ какому общественному кругу относится данная личность.

Напротивъ-же, точно опредѣлимымъ и доступнымъ для систематическаго изученія является то, что вырабатывается и выкристаллизовывается изъ этого безконечно - широкаго, неопредѣленнаго и непостояннаго фона нравственности,—здѣсь мы имѣемъ въ виду позитивное право. Положенія его начертаны и такимъ образомъ фиксированы. Это—извѣстный замкнутый матеріалъ, который, правда, постоянно растетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ во всякій моментъ лежитъ передъ нами въ готовомъ и удобномъ для обозрѣнія видѣ. Вотъ тутъ-то открывается обширное поле для систематическаго изученія. Здѣсь это послѣднее свободно можетъ оперировать со своими классификаціями и схематизаціями, что оно и выполняетъ безпрестанно. Схематизированіе права носитъ главнымъ образомъ дидактическій характеръ и облегчаетъ обозрѣніе цѣлаго. Но то важнѣйшее подраздѣленіе права, которое мы сейчасъ здѣсь приведемъ, имѣетъ и принципіальное значеніе, такъ какъ содержащіяся въ различныхъ рубрикахъ группы постановленій существенно отличаются другъ отъ друга.

§ 187.

Подраздѣленіе права.

Постановленія, регулирующія отношенія между отдѣльными личностями, принято называть частнымъ (или гражданскимъ) правомъ. Подъ государственнымъ-же правомъ слѣдуетъ разумѣть совокупность такихъ нормъ, посредствомъ которыхъ государство установляетъ свои отношенія къ личности или отношенія властвованія, существующія между отдѣльными составными его частями. Слѣдовательно, государственное право является автентическимъ, законнымъ выраженіемъ тѣхъ формъ, на которыхъ зиждется государство и которыя оно охраняетъ не для личности, но ради своего собственнаго существованія. Слово „право“ употребляется здѣсь совсѣмъ не въ обычномъ смыслѣ, такъ какъ въ данномъ случаѣ оно не обозначаетъ тѣхъ постановленій, которыя издаются государствомъ для соблюденія ихъ отдѣльными лицами; нѣтъ, здѣсь оно означаетъ самую организацію, поддерживающую государство; тутъ подъ словомъ „право“ кроется совокупность тѣхъ мѣропріятій, которыми оперируетъ государство для сохраненія своей силы, для

того, чтобы осуществлять свое властвованіе и справляться со своими судебными и карательными функціями. Теперь ясно, что между частнымъ и публичнымъ или государственнымъ правомъ кроется не одна лишь формальная, но и существенная, принципіальная разница. А именно: въ то время какъ частное право представляетъ изъ себя норму, правило, предписаніе для сужденія объ извѣстныхъ дѣяніяхъ и отношеніяхъ отдѣльныхъ личностей,—государственное право является юридическимъ выраженіемъ дѣйствительныхъ отношеній властвованія. Государственное право какъ-бы представляетъ собою самое государство.

Середину между частнымъ и государственнымъ занимаетъ уголовное право, такъ какъ оно прежде всего, подобно частному праву, касается отдѣльной личности, но съ другой стороны совершенно расходится съ этимъ гражданскимъ правомъ, преслѣдуя непосредственные интересы государства. Уголовное право является совокупностью постановленій относительно наказаній, налагаемыхъ на отдѣльную личность, нарушающую общественный порядокъ.

Къ тремъ вышеприведеннымъ подраздѣленіямъ „права" присоединяется еще четвертое,—такъ называемое „международное право". Сюда входятъ постановленія, касающіяся отношеній между отдѣльными государствами, отношеній, которыя никакъ не могутъ заключаться въ сферѣ властвованія какого-либо одного государства.

Теперь-же, прежде чѣмъ перейти къ специальному разсмотрѣнію каждой изъ данныхъ четырехъ областей, выяснимъ сперва то положеніе, которое занимаетъ вся эта огромная правовая сфера, какъ объектъ науки.

а) Приведемъ нѣкоторыя разъясненія по поводу того, почему, излагая „общее государственное право", мы удѣляемъ здѣсь мѣсто и для общаго понятія права, слѣдовательно, не только для государственнаго или публичнаго права, но и для частнаго.

Дѣлаемъ мы это не изъ простого лишь чувства реванша передъ философами права, которые въ своихъ компендіяхъ и системахъ никогда не ограничиваются изложеніемъ права, но всегда трактуютъ и о государствѣ. Нѣтъ,—тутъ существуетъ болѣе глубокая побудительная причина, дѣлающая такое соединеніе необходимымъ, какъ для философовъ—юристовъ, такъ и для излагателей государственнаго права.

Скажемъ прежде о философахъ права. Выводя право изъ идеи, они не могутъ ограничиться одной лишь частно-правовой сферой. Самая простая логическая послѣдовательность ведетъ ихъ къ разсмотрѣнію высшей и важнѣйшей формы «правовой идеи»,—

формы, которой, по ихъ мнѣнію, является государство. Въ этомъ отношеніи юристы—философы посвоему вполнѣ правы. На государство они смотрятъ, какъ на послѣднее выраженіе правовой идеи, какъ на высшій фазисъ ея воплощенія. И вотъ, для сообщенія своей философіи права цѣльнаго характера, ученые эти помѣщаютъ государство въ концѣ изложенія и такимъ образомъ увѣнчиваютъ имъ свою систему.

Порядокъ нашего изложенія обратный. Выводя право изъ государства, мы, разумѣется, прежде всего должны разсмотрѣть это государство, правомъ-же заканчивается наше изложеніе. Но внутренняя побудительная причина, требующая включенія права въ изложеніе государственной науки, подобна наблюдаемой у философовъ права. Для насъ право является послѣднимъ умолкающимъ звукомъ тѣхъ силъ, которыя произвели государство; историческій аккордъ государства находитъ въ правѣ свой послѣдній отголосокъ. Слѣдовательно, уже требованіе цѣльности и гармоніи не позволяетъ намъ ограничиваться разсмотрѣніемъ одного лишь государства.

Однако еще и другое важное обстоятельство побуждаетъ насъ къ этому включенію общаго ученія о правѣ въ государственную науку. Государственное право, въ противоположность частному, называется «публичнымъ». Въ какомъ-же пунктѣ кончается это «публичное» право и начинается частное?—дать отвѣтъ тутъ гораздо труднѣе, чѣмъ это могло бы казаться, судя по обычнымъ опредѣленіямъ. Да и вообще вопросъ еще, можно ли здѣсь провести строгое различіе и нѣтъ ли во всякомъ частно-правовомъ институтѣ также и извѣстной публично-правовой стороны? Это послѣднее соображеніе имѣетъ многое за себя и требуетъ, чтобы частное право, въ виду его публично-правового элемента, было включено въ изложеніе государственнаго права. Публично-правовую сторону частнаго права вполнѣ вѣрно оттѣняетъ Гольтцендорфъ въ своихъ «Principien der Politik»: «Въ томъ, что правовѣдѣніе по традиціи разсматриваетъ, какъ частно-правовой матеріалъ, регулированіе котораго прежде всего предоставляется на свободное усмотрѣніе отдѣльной личности, и что для судебнаго разбирательства опредѣляется законодателемъ въ сборникахъ гражданскихъ законовъ лишь на случай неяснаго выраженія воли,—въ этомъ повсюду проглядываетъ не малая доля публичнаго права...» (S. 251). «Несмотря на свою принадлежность къ частному праву, семейное положеніе отдѣльныхъ лицъ, отцовская власть и бракъ въ важнѣйшихъ касающихся ихъ постановленіяхъ очень мало подлежатъ свободному частному усмотрѣнію. Даже владѣніе недвижимымъ имуществомъ и примыкающее къ нему наслѣдственное право,—отношенія, въ которыхъ преобладаетъ имущественно-правовой интересъ, въ значительной степени управляются началами, исходящими изъ публичной, общественной сферы» (S. 255).

b) Нѣкоторые писатели, какъ напр. Arndts («Juristische Encyclopädie und Methodologie», Wien 1866, § 46), къ част-

ному и публичному праву присоединяютъ, какъ третью часть, церковное право. Это совсѣмъ невѣрно. Церковное право ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть поставлено на ряду съ частнымъ и публичнымъ. По существу своему оно является совершенно инымъ,— и вотъ въ силу какихъ соображеній.

Всякое право есть продуктъ государственной жизни. Самъ Arndts, считающій «первоисточникомъ права божественную волю», принужденъ признать, что оно «въ полной силѣ проявляется лишь въ государствѣ». Если же главный признакъ права заключается въ его государственности, въ такомъ случаѣ за нимъ нужно признать и свойство всеобщности; а именно: въ государствѣ не можетъ быть ни одной личности, которая бы активно или пассивно не входила въ соприкосновеніе съ правомъ, которая бы то in potentia, то in actu не являлась субъектомъ или объектомъ права. Эта, закрѣпленная въ государствѣ всеобщность принадлежитъ къ существу права, какъ частнаго, такъ и публичнаго. Церковное же не имѣетъ этихъ существенныхъ признаковъ права. Есть въ государствѣ лица, которыя не входятъ съ церковнымъ правомъ ни въ какія соприкосновенія,—лица, для которыхъ оно вовсе не существуетъ, такъ какъ они не принадлежатъ къ церкви. Слѣдовательно, у церковнаго права не хватаетъ присущей праву всеобщности и государственности. Вотъ поэтому-то оно и не является «третьей частью права» наряду съ частнымъ и публичнымъ; нѣтъ, церковное право по существу своему представляетъ изъ себя нѣчто совсѣмъ иное: оно является нормой, постановленіемъ извѣстнаго общества, статутомъ этого послѣдняго, иначе говоря,—«общественнымъ правомъ» («Gesellschaftsrecht»)

Вѣрно замѣчаетъ Блунчли («Allg. Staatsrecht», I, 7), что «противоположеніе частнаго права публичному исчерпываетъ данный предметъ» и что «между этими двумя сферами нѣтъ никакой третьей самостоятельной области». Но дальше онъ говоритъ, что «такъ называемое общественное право либо подходитъ то къ частному, то къ публичному праву, либо является чѣмъ то смѣшаннымъ изъ нихъ обоихъ»; такой взглядъ покоится на полномъ непониманіи отличительныхъ чертъ общества. Конечно, общественное право не образуетъ третьей части между частнымъ и публичнымъ, но въ виду этого нельзя еще отрицать самостоятельное бытіе его, лежащее совершенно внѣ предѣловъ частнаго и публичнаго права. Общественное право не можетъ быть поставлено наряду съ частнымъ и публичнымъ,—какъ того требуетъ Arndts (а также и Моль),—но оно не можетъ уже и заключаться въ этихъ двухъ сферахъ, что допускаетъ Блунчли. Общественное право представляетъ изъ себя нѣчто совершенно особенное; оно не подходитъ ни къ частному, ни къ публичному праву и является не государственнымъ, но общественнымъ продуктомъ; оно принадлежитъ къ совершенно иной сферѣ, а именно къ сферѣ общества (см. выше § 87).

§ 188.

Право и наука.

Если право съ внѣшней стороны является лишь совокупностью постановленій государственной власти, въ такомъ случаѣ тутъ вполнѣ умѣстенъ вопросъ: какова-же собственно роль науки, науки въ области права? Здѣсь мы имѣемъ въ виду такое понятіе науки, какое установлено нами еще во введеніи (§ 1), и спрашиваемъ: можетъ-ли право быть предметомъ науки? находитъ-ли эта послѣдняя въ правовой области такія явленія, которыя вытекаютъ изъ естественнаго закона и путемъ разсмотрѣнія которыхъ можно познать этотъ законъ? Постараемся-же отвѣтить на данный вопросъ.

Въ происхожденіи и развитіи государствъ мы наблюдали проявленіе естественнаго закона. Очевидно, что и вся государственная жизнь,—возникновеніе, образованіе и развитіе государственной власти управляется такими-же естественными законами. А разъ вся государственная жизнь и развитіе государственной власти подчинены этимъ естественнымъ законамъ, то имъ подчинены и всѣ отдѣльныя проявленія данной жизни, всѣ эманаціи государственной власти, а поэтому, слѣдовательно, и право. Естественные законы развитія въ правѣ особенно замѣтны, такъ какъ оно вытекаетъ изъ обусловленной государственностью общей нравственности. А данную нравственность мы разсмотрѣли, какъ абстрагированную изъ государственнаго порядка идею, какъ сознаніе этого порядка.

Итакъ, государство, нравственность и право образуютъ неразрывную цѣпь естественныхъ явленій, которыя, какъ таковыя, и являются предметомъ научнаго изслѣдованія (a). Это послѣднее можетъ идти по двумъ направленіямъ. А именно,—оно можетъ быть обращено къ разсмотрѣнію существующаго (das Bestehende), или-же къ выясненію генезиса создавшагося положенія вещей (das Gewordene). Изслѣдованіе-же долженствующаго быть (das Seinsollende) теряетъ уже научный характеръ и становится „политикой“, о которой ниже мы еще будемъ вести рѣчь.

Знакомство съ существующимъ въ правовой сферѣ есть дѣло юриспруденціи. Эта послѣдняя служитъ какъ-бы подготовительной основой для генетическаго изслѣдованія создавшагося положенія

вещей,—изслѣдованія, образующаго собственно историко-философскую науку о государствѣ и правѣ. Но, если и вѣрно, что безъ знакомства съ существующимъ, слѣдовательно, съ позитивнымъ правомъ, нѣтъ никакой прочной основы для выясненія генезиса сложившагося положенія вещей, —то, съ другой стороны, несомнѣнно, что только въ этомъ историческомъ изслѣдованіи нужно искать истинное познаніе существа права и законовъ его развитія. И вотъ такое лишь познаніе является задачей и цѣлью науки.

а) Слѣдуетъ признать заслугу исторической школы между прочимъ и въ томъ, что она выдвинула связь частнаго права съ публичнымъ и указала на смыслъ ея, какъ предмета философскихъ разсмотрѣній. Вотъ какъ, напр., говоритъ Савиньи («Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter». B. I, Vorrede): «И право (гражданское, частное) представляетъ изъ себя извѣстную отрасль общественной жизни, сросшуюся со всѣми остальными частями ея; въ случаѣ прекращенія этой жизни должно было бы окончиться и существованіе права». Подобную же мысль высказываетъ и гегеліанецъ Гансъ (Gans) во введеніи къ своему «Erbrecht in weltgeschichtlicher Entwicklung»: «Даже въ типичнѣйшихъ повидимому ученіяхъ частнаго права проглядываетъ та же самая идея, которая обнаруживается въ бурномъ потокѣ сложной общественной жизни и въ мощномъ проявленіи силы историческихъ фактовъ».

§ 189.

Право собственности.

Необходимымъ условіемъ всякой философской науки должно являться знакомство съ ея позитивной основой. Какъ философія исторіи возможна лишь при пониманіи историческихъ фактовъ, такъ и философія права предполагаетъ уже знакомство съ позитивнымъ правомъ. Теперь-же мы остановимся лишь на послѣднемъ изъ двухъ вышеуказанныхъ направленій научнаго изслѣдованія, а именно—на выясненіи генезиса сложившагося положенія вещей, такъ какъ только это выясненіе даетъ намъ возможность познать существо и законы развитія права.

И вотъ, чтобы изслѣдовать происхожденіе и развитіе частнаго права, мы всегда должны твердо помнить источникъ и возникновеніе государственной жизни. До государства, — въ предѣлахъ догосударственнаго племени, — не существовало никакого права.

Это положеніе вещей измѣняется лишь съ основаніемъ государства, происходящимъ вслѣдъ за земельнымъ захватомъ.

Племя завоеватель забираетъ себѣ наибольшую и наилучшую часть земли. И вотъ, что прежде было общимъ и безгосподскимъ благомъ, то теперь уже становится собственностью господствующаго племени. Какъ крѣпкая соціальная стѣна между завоевателями и покоренными, выдвигается тутъ совершенно новое понятіе нашего и не вашего (von Unser und Nicht Euer) (a).

Вотъ какъ вступаетъ въ жизнь первый правовой институтъ. Первоначально онъ носилъ чисто отрицательный характеръ, являясь устраненіемъ покоренныхъ отъ принадлежащаго господамъ права собственности.

Слѣдующее затѣмъ дѣленіе завоеванной земли между побѣдителями даетъ дальнѣйшее развитіе недавно возникшему праву собственности. Появляется отдѣльная, личная собственность. Государство санкціонируетъ это личное право, провозглашаетъ его неприкосновеннымъ, какимъ оно и остается съ тѣхъ поръ. Боги, какъ стражи, стоятъ на границѣ владѣній, доставшихся различнымъ членамъ господствующаго класса. Возникаетъ понятіе моего и твоего. Съ теченіемъ времени въ государствѣ создаются новыя отношенія, а вмѣстѣ съ ними все больше и больше развивается и институтъ собственности. И вотъ передъ нами развертываются—полная собственность, аренда, ленное, пожизненное владѣніе имуществомъ и вообще всевозможныя формы и юридическія понятія собственности, — все это приводитъ намъ исторія позитивнаго права во всѣхъ государствахъ.

a) За выставленный здѣсь взглядъ относительно происхожденія собственности высказывается въ числѣ другихъ также и Дж. Стюартъ Милль. Въ своихъ «Основаніяхъ политической Экономіи». (Т. I, кн. II, ч. I, § 2) онъ говоритъ: «Личная собственность, какъ правовой институтъ, ни въ коемъ случаѣ не вытекаетъ изъ тѣхъ принциповъ полезности, которые теперь,—послѣ утвержденія этого института,—придаютъ ему столько вѣса. Исторія варварскихъ столѣтій и изученіе аналогичнаго состоянія сохранившихся до сихъ поръ примитивныхъ народностей позволяютъ намъ сдѣлать заключеніе, что суды (всегда предшествующіе праву) первоначально были введены съ цѣлью подавленія насильственныхъ дѣйствій и смутъ, а не для того, чтобы проводить въ жизнь право и законъ. И вотъ, въ виду преслѣдованія судами такой задачи, было естественно, что они придавали первоначальному завоеванію легальный обликъ и затѣмъ считали насиліемъ всякое посягательство на имущество во-

двореннаго въ своихъ владѣніяхъ собственника. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ былъ установленъ миръ и правительство достигло своей исконной цѣли. Санкціонировавъ настоящее положеніе вещей, теперь всякому гарантировали свободное владѣніе тѣмъ, что онъ раньше завоевалъ».

Идея собственности вообще можетъ тогда лишь возникнуть, когда рѣшились вести осѣдлый образъ жизни. Для бродячихъ племенъ собственность,—по крайней мѣрѣ наиболѣе важная, земельная,—не имѣетъ ровно никакого смысла. Они знаютъ лишь временное, эфемерное владѣніе. И только мысль создать для себя и своихъ потомковъ постоянное мѣстопребываніе могла возбудить идею собственности, которая уже въ свою очередь затѣмъ приводитъ къ семьѣ и къ наслѣдственному праву.

Выше (3 гл.) мы уже видѣли, что бродячія племена тогда лишь впервые рѣшились остановиться и вести осѣдлый образъ жизни, когда имъ удалось на какомъ-нибудь клочкѣ земли найти «живыя орудія» и поработить ихъ. И тутъ все послѣдовательно идетъ одно за другимъ. Передъ нашимъ взоромъ проходитъ покореніе слабѣйшаго племени, собственность, семья, наслѣдственное право,—однимъ словомъ, все, что связано съ государственной жизнью. Вотъ какъ пишетъ относительно имущественныхъ отношеній догосударственной эпохи Альб. Герм. Постъ: «Въ древнѣйшемъ родовомъ періодѣ все недвижимое имущество находится въ общемъ и нераздѣльномъ владѣніи цѣлаго племени или менѣе значительныхъ родовыхъ союзовъ. Это относится къ тому времени, когда народности стали осѣдлыми. Вѣдь пока онѣ еще ведутъ охотничій и кочевой образъ жизни, до тѣхъ поръ нигдѣ не можетъ быть и рѣчи о недвижимой собственности; вмѣсто этой послѣдней мы видимъ здѣсь лишь особые охотничьи и кочевые районы, какіе встрѣчаются, напр., въ Бразиліи и Австраліи. Нераздѣльная общность недвижимаго имущества (слѣдовательно, строго говоря, полное отсутствіе собственности!) въ періодъ примитивной жизни распространена по всему міру; и съ большой увѣренностью можно сказать, что всѣ позднѣйшія права на землю вышли изъ первоначальной родовой общности недвижимаго имущества» («Die Geschlechtsgenossenschaft der Urzeit» . 116). «Римскія сказанія, равно какъ и древнѣйшія извѣстія о земельно-имущественныхъ отношеніяхъ германскихъ племенъ, указываютъ на то время, когда еще не существовало никакой частной земельной собственности, когда наоборотъ вся земля въ странѣ была общей, и лишь впослѣдствіи пользованіе ею (usus) дало отдѣльнымъ лицамъ права владѣнія. И вообще слѣдуетъ признать, что въ римскихъ сказаніяхъ еще очень хорошо отражается родовой період древней Италіи» (ibid. S. 118).—(См. также у Гумпловича—«Rechtsstaat und Socialismus», 1881, S. 81).

§ 190.

Семейное право.

При раздѣленіи завоеванной страны между побѣдителями примѣнялось весьма простое правило, состоявшее въ томъ, что въ дѣлежѣ участвуютъ мужчины, способные носить оружіе. И дѣйствительно, тогда естественный принципъ силы былъ неопровержимъ и поэтому женщинъ и дѣтей легко могли обойти. Во время кочевой, военной жизни обращали больше вниманія на походныя потребности, чѣмъ на обзаведеніе особой семьей; семейныя узы тогда являлись еще неизвѣстными или весьма слабыми; но съ занятіемъ и подѣленіемъ завоеванной страны теперь у всякаго мужчины, способнаго носить оружіе, у всякаго собственника должна была рѣшительно выступить потребность въ устройствѣ отдѣльнаго домашняго очага.

Это устройство отдѣльныхъ домашнихъ очаговъ теперь было уже значительно легче, такъ какъ всякому способному носить оружіе мужчинѣ кромѣ земельной собственности досталось также и опредѣленное число „рабовъ“ изъ массы покореннаго населенія. И вотъ собственная земля и извѣстное число рабовъ создали основу для с е м ь и. Отдѣльное помѣстье и предназначенныя для него „живыя орудія“ сдѣлались прочнымъ фундаментомъ домашняго быта, получавшаго отъ господина защиту, а отъ госпожи— внутреннее хозяйственное устройство (а).

Вотъ какъ совершился переходъ изъ прежняго, догосударственнаго, племенного, походнаго образа жизни къ возникшему въ государствѣ существованію по отдѣльнымъ домамъ и усадьбамъ. Обособившійся домашній бытъ теперь все крѣпче и крѣпче охватывался семейными узами. Домашнее обособленіе это распространялось и на рабовъ, находившихся въ служебномъ отношеніи къ своимъ господамъ.

Наряду съ сознаніемъ общей принадлежности къ господствующему племени въ земельныхъ владѣльцахъ все болѣе и болѣе росло чувство привязанности къ отдѣльному имуществу и домашнему очагу, все больше и больше крѣпла идея собственной семьи, основанная на владѣніи отдѣльной землей и рабами. И вотъ вмѣстѣ съ этимъ возникла значительная доля нравственнаго по-

*

рядка, появился особый нравственный укладъ, который мало-помалу начинаетъ входить въ плоть и въ кровь народа, пока наконецъ не становится существенной и неотъемлмеой частью „народнаго духа“.

Теперь же, чтобы господство надъ покореннымъ племенемъ и институты собственности и семьи, чтобы эти первыя начала и основы государственной организаціи оставались прочными и устойчивыми,—для этого прежде всего необходимо было разъ навсегда установить и юридически санкціонировать тѣ естественные предѣлы, которые отдѣляли господствующее племя отъ служащаго класса рабовъ. Самымъ слабымъ пунктомъ, со стороны котораго этимъ предѣламъ могла грозить весьма серьезная опасность, являлось сношеніе женщинъ господствующаго класса съ рабами.

а) Новѣйшія этнографическія изысканія и изслѣдованія доисторической эпохи учатъ насъ, что, выступая съ древнѣйшихъ историческихъ временъ, семья, какъ это могло бы теперь казаться, вовсе не является исконнымъ, вмѣстѣ съ людьми возникшимъ институтомъ. Изслѣдованія эти неопровержимо доказываютъ, что и та семья, «гдѣ отецъ господствуетъ, словно монархъ», является уже сравнительно позднимъ продуктомъ человѣческой цивилизаціи. Теперь установлено, что въ предшествующій историческому и государственному времени періодъ существовала такая эпоха, которая вообще совершенно не знала института «отчества» («Vaterschaft»). Сколь ни страннымъ это могло бы теперь для насъ представляться, но тѣмъ не менѣе доказано, что существовало время, когда у людей совершенно не было еще понятія «отецъ».

«Мы знаемъ», пишетъ Бэджготъ, опираясь на изслѣдованія Леббока и Тэйлора, «что въ моральномъ отношеніи доисторическое время было періодомъ большой разнузданности. Доказательствомъ этого служитъ обычай опредѣлять происхожденіе по матери, какъ то можно встрѣтить и теперь еще среди грубыхъ дикарей. Материнство (Mutterschaft), говорили, есть фактъ, отчество же является дѣломъ мнѣнія. И вотъ этотъ грубоватый способъ выраженія прекрасно характеризуетъ отношенія, существовавшія на низшихъ ступеняхъ человѣческой общественности. Во всѣхъ рабовладѣльческихъ государствахъ, какъ нѣкогда въ Римѣ и еще сравнительно недавно въ Виргиніи, это было господствующимъ закономъ; ребенокъ причислялся къ сословію своей матери, каково бы оно ни было; никто не спрашивалъ объ отцѣ; законъ какъ бы разъ на всегда примирился съ тѣмъ, что до отца нельзя было бы доискаться». (Bagehot—«Urspr. d. Nat.» . 140).

Въ своемъ сочиненіи—«Die Geschlechtsgenossenschaft der Urzeit» (Oldenburg 1875) Альб. Герм. Постъ обстоятельно излагаетъ результаты изслѣдованій относительно догосударственной со-

ціальной жизни людей. Здѣсь онъ указываетъ, «что въ первобытномъ родовомъ общественномъ строѣ, вѣроятно, всѣ женщины и дѣти, а также и все добро принадлежатъ совмѣстно всѣмъ участникамъ общенія или, иными словами, что первоначально, по всей вѣроятности, не было индивидуальнаго брака, не было никакихъ опредѣленныхъ отношеній между родителями и дѣтьми, не существовало никакой личной собственности» (S. 16). «Въ древнѣйшее время, какъ видно, всѣ единоплеменники живутъ между собою въ одинаковомъ родовомъ общеніи. Тутъ совершенно нѣтъ ничего похожаго на извѣстныя намъ отношенія между родителями и дѣтьми. Всѣ дѣти считаются дѣтьми племени и не имѣютъ отдѣльнаго отца; если же у нихъ и есть особая природная мать, то все-таки по родству они считаются не болѣе близкими къ этой матери, чѣмъ къ какому-либо другому соплеменнику или, по крайней мѣрѣ, къ извѣстному классу другихъ единоплеменниковъ» (S. 88).

Въ позднѣйшемъ своемъ произведеніи, трактующемъ о «происхожденіи права» («Ursprung des Rechts»), Постъ опредѣленнѣе высказывается относительно отсутствія семьи въ догосударственную эпоху. «Наша теперешняя семья опирается съ одной стороны на отношеніе мужа къ женѣ, и съ другой—на отношеніе, существующее между родителями и дѣтьми. Въ примитивномъ родовомъ строѣ нигдѣ нѣтъ такого брака, нѣтъ тѣхъ родительскихъ отношеній, съ которыми мы теперь знакомы; особенно отчество (Vaterschaft) является уже сравнительно позднѣйшимъ пріобрѣтеніемъ» (S. 30). «Бракъ, отчество, личная собственность и право личнаго наслѣдованія отсутствуютъ въ примитивныхъ родовыхъ обществахъ» (S. 35). Подобныя разсужденія встрѣчаются и во многихъ другихъ мѣстахъ этого послѣдняго произведенія. (См. мое—«Grundriss des Sociologie» 1885, S. 105 ff., а также статью «Familie» въ моихъ «Sociologische Essays» 1898).

§ 191.

Брачное право.

Когда въ душѣ господъ пробуждалась старая страсть къ военнымъ похожденіямъ и снова вела ихъ въ дальніе края на борьбу изъ-за добычи; когда господа, оставляя на нѣкоторое время свой домъ, усадьбу и семейный очагъ, отправлялись предаваться военному дѣлу,—тогда, конечно, имъ всегда грозила опасность, что оставшіяся дома женщины могутъ войти въ интимныя сношенія съ рабами. Преданіе и исторія древнихъ и среднихъ вѣковъ содержатъ въ себѣ массу воспоминаній о такихъ случаяхъ (а).— И вотъ, чтобы не допустить поколебанія семейныхъ узъ, а вмѣстѣ

съ тѣмъ, чтобы поддержать государственную организацію господствующаго класса и предохранить ее отъ проникновенія посторонних элементовъ,—для этого необходимы были особыя, съ угрозой наказанія связанныя постановленія, строго запрещавшія половое сношеніе между господствующимъ и подвластнымъ классами (b). Такіе запреты изобилуютъ у древнихъ народовъ и образуютъ начало брачнаго права, которое и до сихъ поръ заключаетъ въ себѣ подобныя ограниченія (c).

a) Вмѣсто многихъ примѣровъ здѣсь достаточно указать хотя бы на извѣстія польскихъ хроникъ, помѣченныя 1076-мъ годомъ. «Diuturna maritorum expectatione fessae.... ad servorum convolant nonnullae (uxores) amplexus...», повѣствуетъ Dlugossius въ «Historia Polonica».

b) Leges Barbarorum содержатъ въ себѣ постановленія, опредѣляющія извѣстную уголовную кару за брачный союзъ несвободныхъ со свободными. Припомнимъ также строгія уголовныя санкціи относительно прелюбодѣянія несвободныхъ мужчинъ со свободными женщинами въ Lex Bajuvarorum Tit. VII, cap. 2. Бракъ вообще былъ публично-правовымъ установленіемъ, и поэтому свадебное торжество являлось общественнымъ фактомъ; на это особенно указываютъ: Вайцъ—«Verfassungsgeschichte», 1, 57, Ейхгорнъ—«Deutsche Rechtsgeschichte» § 54, Гриммъ—«Rechtsalterthümer» 433.

c) Рудиментарные остатки этого первоначальнаго брачнаго права находятся въ дѣйствующихъ еще теперь домашнихъ законахъ (Hausgesetze) правящихъ фамилій и многихъ «господскихъ» домовъ въ Германіи, которые запрещаютъ своимъ членамъ «неравные браки».

§ 192.

Наслѣдственное право.

Когда такимъ образомъ была установлена, по крайней мѣрѣ, юридическая охрана единства господствующаго класса и „чистоты“ его крови и семейнаго очага,—тогда наступила пора и для мѣропріятій, поддерживающихъ прочность отдѣльной семьи, укрѣпляющихъ въ ней династическій принципъ и обезпечивающихъ будущую судьбу семейнаго имущества. Мѣропріятія эти, къ которымъ привело то же естественное стремленіе къ сохраненію превосходства господствующаго племени, появились въ наслѣдственномъ правѣ, которое теперь съ различными своими

постановленіями сдѣлалось оплотомъ для защиты властвованія имущихъ надъ неимущими.

а) Рудиментарныя проявленія этого первоначальнаго наслѣдственнаго права наблюдаются не только въ дѣйствующихъ еще теперь домашнихъ законахъ правящихъ и «господскихъ» фамилій, не только въ различныхъ постановленіяхъ фидеикомиссныхъ законовъ, дающихъ право наслѣдованія лишь въ случаѣ «чистокровнаго» происхожденія,—нѣтъ, не только здѣсь, но и въ постановленіяхъ общегражданскихъ законовъ, по которымъ внѣбрачные потомки не пользуются уже такимъ наслѣдственнымъ правомъ, какъ законнорожденные.

§ 193.

Всякое частное право первоначально было государственнымъ.

Итакъ мы видимъ, что одинъ за другимъ всѣ важнѣйшіе институты современнаго частнаго права первоначально вступаютъ въ жизнь, какъ государственное право. Вѣдь тѣ установленія, которыя господствующимъ классомъ вызваны были къ жизни для поддержанія властвованія и привилегированнаго владѣнія, не являлись элементами „общаго гражданскаго“ и, слѣдовательно, частнаго права, нѣтъ,—они представляли изъ себя публичное и государственное право въ самомъ настоящемъ смыслѣ этого слова; это—установленія, предоставлявшія права одному только классу людей въ государствѣ, для всѣхъ же другихъ они имѣли смыслъ изъятія и запрета. Такой исключительный характеръ первоначально, да и до сравнительно позднѣйшаго времени носили всѣ важнѣйшіе институты частнаго права, какъ, напр., собственность, семейное, брачное и наслѣдственное права. Со временемъ же институты эти пріобрѣтаютъ общегражданскій характеръ и становятся частнымъ правомъ, выставляющимъ для всякаго гражданина одни и тѣ же права и обязанности; и вотъ передъ нами уравненіе гражданъ и „равенство всѣхъ передъ закономъ“,—таковъ результатъ соціальнаго развитія, таково слѣдствіе освободительной борьбы подвластныхъ классовъ! „Юриспруденція“ до сихъ поръ очень мало обращала вниманія на это измѣненіе такихъ государственно-правовыхъ первоначально институтовъ, какъ собственность, семейное, брачное и наслѣдственное права, очень мало слѣдила за ихъ превращеніемъ въ общегражданскіе; а поэтому разницу

между частнымъ и государственнымъ правомъ она всегда считала исконною, не принимая въ соображеніе того обстоятельства, что въ каждомъ государствѣ было время, когда всякое право, а слѣдовательно, и то, которое мы теперь называемъ частнымъ, являлось лишь государственнымъ. Вѣдь нѣкогда всякое право заключалось только въ привилегіяхъ и преимуществахъ извѣстнаго класса, не распространявшихся на подвластныхъ, и тогда оно имѣло одну лишь цѣль— поддержать господство и преобладаніе этого класса (а).

а) Всѣ представленія исторической школы о генезисѣ частнаго права страдаютъ большой неясностью. Какъ и «народный духъ», туманно такъ же и понятіе «народная жизнь». Такъ Брунсъ («Röm. Rechtsgeschichte» въ Encyclopädie Гольтцендорфа) говоритъ: «Дѣйствительнымъ родникомъ права служитъ народная жизнь (Volksleben), право является частью народной національной жизни, а поэтому-то именно оно и различно у всѣхъ народовъ». Въ данномъ выраженіи находится лишь весьма туманное указаніе на дѣйствительный источникъ права. Не народная, но, точнѣе выражаясь, государственная жизнь, т. е., отношеніе властвованія—съ одной и подчиненности, а также реагированія на это властвованіе— съ другой сторовы,—вотъ что является непосредственнымъ источникомъ права. Народную жизнь можно называть родникомъ права лишь постольку, поскольку она проходитъ въ государствѣ. Это однако же слѣдуетъ ясно высказывать, такъ какъ подъ «народной жизнью» обыкновенно разумѣется самостоятельно выступающее явленіе, безъ связи съ государствомъ. Неясно и туманно также и дальнѣйшее заявленіе того же романиста и историка права, будто право основу свою имѣетъ въ «существѣ человѣка». Относящееся сюда выраженіе гласитъ: «Основаніемъ историческаго изслѣдованія права должно быть философское пониманіе. Оно должно исходить изъ того положенія, что право не является случайнымъ и произвольнымъ установленіемъ среди людей, не является неизбѣжнымъ зломъ и цѣлесообразнымъ устройствомъ; напротивъ, тутъ нужно помнить, что право настоящую внутреннюю основу свою имѣетъ въ существѣ человѣка, составляетъ основную часть его нравственной природы и является существеннымъ элементомъ соціальнаго его бытія» (Брунсъ въ сборникѣ Гольтцендорфа, S. 75). Все это прекрасно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неопредѣленно и вовсе не выясняетъ конкретныхъ, сопутствующихъ возникновенію права обстоятельствъ. Историческая школа не могла подняться выше этихъ общихъ положеній. А между тѣмъ достаточно было бы наблюденій надъ одной ужъ римской исторіей для того, чтобы понимать возникновеніе права, какъ закрѣпленіе границъ между сферами борющихся за властвованіе соціальныхъ группъ.

§ 194.

Долговое право.

Такъ-же, какъ право собственности, семейное, брачное и наслѣдственное, возникло и долговое право, этотъ крѣпкій оплотъ частнаго права, эта главная база „цивилистовъ“, которые никогда, конечно, не признали-бы, что ихъ излюбленное „обязательственное право“ („Obligationenrecht“) являлось нѣкогда государственнымъ. Однако-же это было именно такъ, и тутъ мы не можемъ утѣшить цивилистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ всякое другое, такъ и долговое право вступило въ жизнь въ видѣ грубаго проявленія властвованія состоятельнаго класса надъ классомъ неимущимъ и обремененнымъ долгами. При возникновеніи долгового права кредиторы и должники не были перемѣшаны по всѣмъ соціальнымъ группамъ. Нѣтъ! тогда существовало лишь два лагеря: съ одной стороны—богачи, съ другой—неимущіе. Первые властвовали и давали въ займы, послѣдніе-же, въ силу положенія своего, вынуждены были дѣлать долги. И вотъ тутъ-то на сцену выступилъ законодатель, который, принадлежа, конечно, къ господствующему классу, провозгласилъ слѣдующее примитивное долговое право: кто не можетъ уплатить своего долга, тотъ заслуживаетъ смерти и поступаетъ во властное распоряженіе своего кредитора. „In partes secanto“—такъ могъ гласить лишь законъ, изданный одной группой противъ другой, такое долговое право было установлено господствующей кастой только противъ подчиненнаго ей народа. Тогда нельзя было и вообразить себѣ, чтобы кто-нибудь изъ этихъ повелителей могъ задолжать. Такое безжалостное долговое право возникло въ то время, когда, конечно, совершенно еще не существовало понятія о „рыцарскомъ долгѣ“ („Cavaliersschuld“). Это примитивное, жестокое вначалѣ долговое право стало смягчаться лишь послѣ сопротивленія со стороны несчастныхъ разоренныхъ классовъ (какъ, напр., въ эпоху Солона). И лишь въ позднѣйшее время, когда соціальное развитіе послѣ продолжительной борьбы и многихъ переворотовъ перемѣшало различныя соціальныя составныя части народа, когда имущественное неравенство распространилось и среди господствующаго племени, когда накопленіе капитала съ одной и нужда съ другой стороны не служили уже

болѣе признаками извѣстныхъ группъ, какъ таковыхъ, но сдѣлались достояніемъ отдѣльныхъ личностей, принадлежащихъ къ разнымъ группамъ,—тогда пришла пора раскрыться новой области частнаго права, области долгового права. Теперь оно стало „общимъ“, „гражданскимъ“ и должно было дѣлаться все гуманнѣе и гуманнѣе, такъ какъ времена все больше и больше ухудшались и даже люди „съ положеніемъ“ должали. И вотъ наконецъ долженъ былъ исчезнуть послѣдній рудиментъ прежняго долгового права, — долговая тюрьма. Произошло это довольно поздно: во Франціи и Австріи—въ 1867 г., а въ Германіи—въ 1868 году. Вмѣстѣ съ этимъ долговое право утратило послѣднюю черту прежняго своего государственно-правового характера, т. е., съ этихъ поръ оно уже перестало быть средствомъ, при помощи котораго богатый господствующій классъ притѣснялъ и держалъ въ рабствѣ подчиненныхъ ему неимущихъ. И вотъ теперь, конечно, „обязательственное право“ („Obligationenrecht“) представляется намъ „чистѣйшимъ частнымъ правомъ“.

§ 195.

Частное и государственное право.

Выше (см. § 187) мы опредѣлили понятіе государственнаго права. Мы видѣли, что это послѣднее служитъ выраженіемъ самого государства. Въ то время какъ частное право является теперь результатомъ дѣйствія государственной воли, — государственное выступаетъ, какъ воплощеніе этой воли. Государственное право есть государственная власть въ томъ видѣ, какъ она выражается въ своей организаціи. Вмѣстѣ съ основаніемъ государства возникло и государственное право. Когда племя-завоеватель пріобрѣтаетъ извѣстную власть, тогда это его властвованіе является первымъ параграфомъ вновь возникшаго государственнаго права. И вотъ всѣ тѣ установленія господствующаго племени, которыя имѣютъ своею цѣлью закрѣпленіе и дѣятельное осуществленіе даннаго властвованія,—все это является государственнымъ правомъ. Jus publicum est, quod ad rei publicae statum spectat.

А отсюда слѣдуетъ, что въ дѣйствительности никакъ нельзя провести рѣзкой границы между частнымъ и государственнымъ правомъ.

Вѣдь мы видѣли, что важнѣйшія отрасли такъ называемаго частнаго права,—право собственности, семейное, брачное, наслѣдственное и даже долговое право,—всѣ онѣ вытекали преимущественно изъ государственныхъ потребностей, т. е., изъ стремленія господствующаго класса къ поддержанію своего властвованія; мы видѣли, слѣдовательно, что всѣ эти отрасли частнаго права, собственно говоря, имѣютъ также и публичный характеръ,—по крайней мѣрѣ первоначально онѣ входили въ сферу государственнаго права. Однако чисто дидактическое различеніе частнаго и государственнаго права настолько популярно и общепринято, что ради ясности рекомендуется придерживаться этого дѣленія.

§ 196.

Источники государственнаго права.

Частное право издавна уже должно было являться общеизвѣстнымъ, а поэтому оно и собрано въ юридическихъ сборникахъ и узаконеніяхъ; государственное же право, а именно въ прежнія времена было гораздо меньше освѣщено. Вѣдь даже имѣющіяся въ наличности скудныя изображенія государственныхъ установленій часто лишь весьма неудовлетворительно выясняютъ намъ дѣйствующее въ извѣстной странѣ государственное право. Знакомство съ государственнымъ правомъ народовъ мы можемъ почерпать только изъ ихъ исторіи. Исторія государствъ, изображающая ихъ устройство, описывающая внутреннія отношенія властвованія и измѣненіе этихъ послѣднихъ,—вотъ гдѣ настоящій источникъ государственнаго права (a).

a) Общей исторіи государственныхъ установленій нѣтъ. Піонеромъ историческаго изслѣдованія англійскаго устройства былъ Галламъ (1777—1859 г.) со своей «Constitutional History of England»; для Германіи въ этомъ отношеніи важенъ трудъ Георга Вайца (1813—1886 г.)—«Deutsche Verfassungsgeschichte». См. ниже §§ 208, 209.

§ 197.

О кодифицированіи государственнаго права.

Стараясь историческимъ путемъ выяснить ходъ развитія государственнаго права, мы приходимъ въ общемъ къ слѣдующему выводу.

Государственное право есть не что иное, какъ форма развитія государственной власти, уравновѣшивающей соціальное содержаніе государства, и письменнаго выраженія своего оно достигаетъ всегда уже поздно, гораздо позже, чѣмъ частное право. Государственная власть прежде всего стремится выставить и объявить подданнымъ свои велѣнія, предписываетъ имъ разныя правила поведенія, и только уже гораздо позже, подъ давленіемъ извѣстныхъ обстоятельствъ, она доходитъ до того, что начинаетъ сама себя ограничивать и подчиняется извѣстнымъ нормамъ.

И въ то время какъ частное право, будучи записаннымъ, получаетъ значительную устойчивость и во всякомъ случаѣ ужъ пріобрѣтаетъ прочный базисъ для своего развитія,—въ начертаніяхъ государственнаго права нѣтъ еще такой устойчивости. Отсюда происходитъ, что заинтересованныя партіи всегда опасаются измѣненій государственнаго права, между тѣмъ какъ перемѣны частнаго права никто не боится. И вотъ вслѣдствіе этого отъ государей, а также и отъ подчиненныхъ имъ сановниковъ издавна добиваются присяги, какъ торжественнаго подтвержденія государственнаго права, чтобы ужъ при помощи клятвы сообщить ему извѣстную устойчивость; между тѣмъ нигдѣ и никогда нельзя встрѣтить клятвеннаго скрѣпленія частнаго права. Однако же и эта торжественная присяга никогда еще не могла остановить своевременныхъ измѣненій государственнаго права, коль скоро здѣсь появлялись извѣстныя рѣшающія обстоятельства и отношенія. Вѣдь начертаніе государственнаго права является лишь документированіемъ временнаго отношенія властвованія между составными частями государства. И вотъ, лишь только это реальное отношеніе властвованія вступаетъ въ новую стадію своего развитія и, слѣдовательно, измѣняется, тогда и письменное выраженіе его теряетъ свою внутреннюю правду, на которой покоится его сила,—и тутъ оно должно уступить мѣсто другому, болѣе подходящему начертанію обновленныхъ отношеній.

Но во всякомъ случаѣ *первое*-же начертаніе государственнаго права уже обнаруживаетъ извѣстный моральный прогрессъ въ развитіи государства; это начертаніе показываетъ, что грубая до сихъ поръ государственная власть начинаетъ становиться силой, покоющейся на извѣстныхъ нравственныхъ основахъ.

§ 198.

Послѣдовательныя начертанія государственнаго права.

Ближайшій поводъ къ первому начертанію государственнаго права въ различныхъ государствахъ былъ, конечно, не одинаковъ. Но въ общемъ смѣло можно утверждать, что внутренній толчекъ къ такому начертанію давался всегда какимъ-нибудь сильнымъ интересомъ, который выступалъ противъ интересовъ обладателя государственной власти и для охраны своей требовалъ извѣстной гарантіи. Такъ, въ Европѣ первыя начертанія государственнаго права содержатъ въ себѣ по большей части обезпеченіе вельможамъ извѣстныхъ правъ и вольностей противъ возможныхъ посягательствъ со стороны монарховъ.—Когда современемъ подвластные народные классы достигли извѣстной силы, когда они сдѣлались такимъ факторомъ государственной жизни, съ которымъ приходилось считаться,—тогда эта реальная сила ихъ получаетъ соотвѣтственное выраженіе въ начертаніяхъ государственнаго права. И когда впослѣдствіи образованное среднее сословіе, чтобы придать своимъ требованіямъ больше вѣса, провозгласило „во имя“ народа свои „прирожденныя“ человѣческія права, когда оно настойчиво потребовало равенства, свободы и участія въ законодательствѣ и управленіи, а старое подгнившее государство не могло ужъ болѣе оказывать сопротивленія этимъ требованіямъ,—тогда и „прирожденныя человѣческія права“, „права свободы и равенства“ и всякія „гарантіи личной и политической свободы“ нашли себѣ выраженіе въ конституціяхъ современныхъ государствъ. Далѣе теперь рабочій классъ, благодаря своей организаціи, благодаря достигнутому имъ образованію и возможности публично выставлять свои справедливыя требованія, также сдѣлался могучимъ соціальнымъ факторомъ,—и вотъ ходъ историческаго развитія не можетъ обойтись безъ того, чтобы сильное положеніе этого класса не выразилось соотвѣтственнымъ образомъ въ современномъ государственномъ правѣ. Наконецъ это же самое произойдетъ и съ сельскимъ населеніемъ, когда оно, поднятое просвѣщеніемъ и образованіемъ, будетъ въ состояніи сообщить своимъ требованіямъ надлежащую силу.

а) Выводя государство изъ права, очень многіе ученые понимаютъ подъ государственнымъ правомъ совокупность «соотвѣтствующихъ государству, какъ таковому, правъ»; исходя отсюда, предметомъ разсмотрѣнія государственнаго права, «какъ научной дисциплины», они вполнѣ послѣдовательно (о чемъ мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ) признаютъ это «соотвѣтствующее государству право» (см. Герберъ—«Grundzüge...» § 2). Ученые эти мало обращаютъ вниманія на то, что такое опредѣленіе понятія государственнаго права неточно; но впрочемъ многіе изъ нихъ при изложеніи государственнаго права скоро замѣчаютъ, что данное опредѣленіе слишкомъ узко, что его какъ бы не хватаетъ. Такъ, напр., тотъ же самый Герберъ въ примѣчаніи присоединяетъ къ своему чисто юридическому и частно-правовому опредѣленію понятія государства слѣдующую поправку: «Мы видимъ, что существуетъ государство, видимъ, что въ немъ народъ имѣетъ опредѣленное расчлененіе, что народная общественная жизнь развивается въ немъ по извѣстному направленію, видимъ, что государственная власть преслѣдуетъ особыя задачи, содѣйствующія нравственной, духовной и экономической культурѣ,—и все это—явленія, значеніе которыхъ выходитъ далеко за предѣлы правовой области. Право же ограничивается тѣмъ, что подчиняетъ своему распоряженію извѣстную часть этого обширнаго культурнаго матеріала, часть, которая, конечно, является весьма значительной, такъ какъ содержитъ въ себѣ условія государственной жизни». Однако же эта помѣщенная въ примѣчаніи поправка осталась для Гербера почти безъ всякаго вліянія на формулированіе догматическаго положенія въ текстѣ. Такъ онъ тамъ же въ § 3 провозглашаетъ правовой матеріалъ государственнаго права «суммой правовыхъ постановленій и институтовъ»; правда, государственному праву онъ отдаетъ преимущество въ томъ, что оно «по сравненію со всѣмъ прочимъ правопорядкомъ является чѣмъ то высшимъ», но однако все-таки лишь «правопорядкомъ». Признакомъ этого высшаго правопорядка, по мнѣнію Гербера, служитъ большая устойчивость! «Всякое другое право», пишетъ онъ (S. 7), «можетъ быть подчинено измѣнчивымъ потребностямъ народа, но государственное право, то право, благодаря которому нравственный народный духъ можетъ достичь общаго юридическаго выраженія, должно быть прочно закрѣплено и изъято изъ перемѣнчиваго злободневнаго вліянія». Это—обычная конституціонно-доктринерская точка зрѣнія, которая въ ослѣпленіи своемъ не видитъ, что какъ разъ «болѣе низкій правопорядокъ», не заключающій въ себѣ никакихъ «основныхъ законовъ», но являющійся лишь простымъ правомъ собственности, семейнымъ, вещнымъ, долговымъ и т. д., не только не подходитъ подъ перемѣнчивое злободневное вліяніе, но борется и съ цѣлыми столѣтіями; между тѣмъ ежедневный опытъ насъ учитъ, что именно «основные и конституціонные законы», несмотря на требуемое для измѣненія ихъ квалифицированное большинство голосовъ, лишены этой внутренней силы, не поддающейся вліянію столѣтій.

§ 199.

Конституціонное и административное право.

„Конституціоннымъ правомъ“ („Verfassungsrecht“) государственная наука назвала совокупность всѣхъ тѣхъ постановленій, которыя должны являться гарантіей политическихъ и личныхъ правъ гражданъ. И вотъ, какія чрезвычайныя надежды соединяли съ этимъ вездѣ по шаблону вводимымъ конституціоннымъ правомъ, сколь восторженно проходило въ Европѣ устройство конституцій, какъ часто эти послѣднія совершенно не соотвѣтствовали дѣйствительнымъ обстоятельствамъ и поэтому оставались одной лишь исписанной бумагой,—обо всемъ этомъ повѣствуетъ новѣйшая конституціонная исторія европейскихъ государствъ.

Но ученіе о государствѣ не остановилось на конституціонномъ правѣ. Скоро замѣтили, что „гарантій свободы“ далеко еще не достаточно для того, чтобы осчастливить народъ; признали, что народное благосостояніе требуетъ иныхъ гарантій, а именно—хорошаго управленія. И вотъ теперь приступили къ реформированію старой „бюрократии“. Стали требовать такого управленія, которое имѣло бы въ виду не одни лишь фискальные интересы, но также и народные интересы. Выдвигался принципъ, что не народъ долженъ существовать ради чиновниковъ, но наоборотъ,—чиновники для народа. Требовали и добились коренныхъ реформъ управленія,—и тутъ наука эту совокупность постановленій относительно государственнаго управленія наименовала административнымъ правомъ (Verwaltungsrecht).

a) Когда все искусство государственнаго управленія сводилось къ тому, чтобы содержать въ хорошемъ состояніи королевскую «камеру», тогда совокупность установленныхъ для этого нормъ называли камеральнымъ правомъ (Cameralrecht) и говорили даже о «камеральныхъ наукахъ». Когда же затѣмъ «просвѣщеніе 18-го вѣка пропагандировало хорошую «полицію», тогда камеральное право развилось въ «полицейское» («Polizeirecht»); и вотъ еще Моль свою ученую карьеру начинаетъ съ «науки о полиціи» («Polizeiwissenschaft» 1844), во всякомъ случаѣ построенной уже «на принципахъ правового государства». Такимъ образомъ начался переходъ къ административному праву и къ ученію объ управленіи. (Подробнѣе объ этомъ въ моемъ—«Verwaltungslehre» 1882).

§ 200.

Развитіе и систематика государственнаго права.

Съ появленіемъ конституціоннаго и административнаго права еще не заканчивается развитіе государственной науки. Новыя общественныя отношенія всегда будутъ стремиться къ своему выраженію и такимъ образомъ къ системѣ государственнаго права будутъ присоединяться все новыя и новыя сферы. Мы видимъ, какъ развитіе частнаго права не отстаетъ отъ развитія соціальныхъ и особенно экономическихъ отношеній, когда раскрываются новыя хозяйственныя области, когда, благодаря открытіямъ и изобрѣтеніямъ, выдвигаются новыя отрасли промышленности и новыя средства сообщенія; мы видимъ, какъ затѣмъ юриспруденція въ свои схемы вноситъ новыя частно или публично-правовыя отношенія, причемъ появляются права: горное (Bergrecht), морское (Seerecht), вексельное, торговое, право акціонерныхъ компаній и т. д. и т. д.; и, какъ это все безпрерывно движется впередъ, такъ же не прекращается развитіе и государственнаго права.

Къ первоначальнымъ вольностямъ и привилегіямъ „вельможъ и бароновъ" современемъ присоединилось ленное и сословное право (Lehens - und Ständerecht); далѣе выступили парламентскія права; затѣмъ появилось конституціонное право; и вотъ на долю современной намъ эпохи выпала задача развитія административнаго права. Еще не выполнена эта послѣдняя, какъ уже выступаетъ со своими „общественными правами" („Genossenschaftsrechte") „соціальный вопросъ" и требуетъ „права охраны рабочихъ", „права на трудъ" и т. д. и т. д. Публичное право распространяется на все болѣе и болѣе широкіе круги, и развитію его принадлежитъ еще необозримо долгое будущее.

Какой же смыслъ при этомъ непрерывно движущемся впередъ развитіи выставлять, по примѣру отжившаго „естественнаго права", извѣстный постоянный принципъ? Какой смыслъ выводить изъ этого „принципа" готовую систему государственнаго права и провозглашать ее чѣмъ-то цѣльнымъ и законченнымъ? Вѣдь малѣйшій напоръ новыхъ соціальныхъ отношеній разрушаетъ такую систему, обнаруживая пустоту даннаго принципа и несостоятельность абстрактной доктрины. Итакъ, нѣтъ смысла гоняться за системой,

какъ за чѣмъ-то цѣльнымъ; слѣдуетъ лишь правильно уяснить себѣ существо и развитіе этихъ все вновь выступающихъ явленій. Истинная наука никогда не даетъ цѣлаго, а всегда одни лишь фрагменты,—но за то вмѣсто обманчиваго цѣлаго она сообщаетъ фрагменты истины! (а)

а) «Въ научныхъ изысканіяхъ», говоритъ Ланге, «мы находимъ отрывки истины, которые, правда, безпрестанно увеличиваются, но тѣмъ не менѣе всегда остаются лишь отрывками» («Theorie des Glückes»).

§ 201.

Развитіе уголовнаго права.

Какъ частное и государственное, точно такъ-же и уголовное право выводятъ изъ принциповъ и заключаютъ въ опредѣленныя системы. Но эти принципы и идеи вытекаютъ лишь изъ господствующихъ въ извѣстное время воззрѣній, а поэтому и данныя системы содержатъ въ себѣ только субъективную истину. Цѣнность ихъ лишь въ томъ, что онѣ облегчаютъ изученіе дѣйствующихъ постановленій уголовнаго права.

Вмѣстѣ съ прогрессирующимъ развитіемъ отдѣльныхъ личностей и народовъ совершенно измѣняется и уголовное право. То, что нѣкогда было преступленіемъ, теперь ужъ не считается таковымъ; и, что теперь преступно, на это же самое въ будущемъ можетъ установиться совершенно иной взглядъ. Тѣ наказанія, примѣненіе которыхъ прежде казалось справедливымъ и нравственнымъ, въ настоящее время возмущаютъ всякое нравственное чувство; и тѣ карательныя мѣры, которыя мы теперь еще примѣняемъ, вѣроятно, будутъ приводить въ ужасъ нашихъ потомковъ. Прежніе способы изобличенія преступника въ настоящее время внушаетъ намъ отвращеніе; и несомнѣнно, что въ будущемъ еще многое измѣнится и въ теперешнихъ пріемахъ установленія виновности. Такимъ образомъ и все уголовное право находится какъ-бы въ потокѣ развитія; и это послѣднее мы всегда должны имѣть въ виду, если только хотимъ познать существо даннаго права.

§ 202.

О наказанiи.

Кто не мирится съ государственными постановленiями или вообще возстаетъ противъ основъ государственной организацiи, кто нарушаетъ или игнорируетъ ихъ,—ко всѣмъ этимъ лицамъ государственная власть для достиженiя своихъ цѣлей должна примѣнять наказанiе, какъ извѣстную крайнюю и неизбѣжную мѣру. Переживаемое государствомъ чувство самосохраненiя приводитъ къ наказанiю и служитъ основой этого послѣдняго. Столь часто возбуждавшiйся вопросъ о правѣ государства наказывать—празденъ. Государство грозитъ наказанiями и приводитъ ихъ въ исполненiе подъ влiянiемъ чувства самосохраненiя; государство должно это дѣлать, оно издавна прибѣгало къ этой мѣрѣ и такимъ образомъ современемъ создало даже извѣстное нравственное сознанiе, которое теперь и является какъ бы обоснованiемъ его карательной функцiи. Вотъ какимъ путемъ возникло право наказанiя. Нѣкогда государство карало на основанiи одной лишь силы, теперь же—на основанiи права. Это право терпится и признается нравственнымъ сознанiемъ всѣхъ общественныхъ круговъ. Но, конечно, законъ вѣчной измѣняемости, законъ непрерывнаго развитiя оказываетъ свое мощное влiянiе и на уголовное право. Вѣдь все, коренящееся въ нравственномъ сознанiи, должно отражать въ себѣ перемѣны этого послѣдняго. Уголовное право должно раздѣлять съ этимъ сознанiемъ его ошибки и истину, дожно слѣдовать за нимъ то по сбивчивой тропинкѣ заблужденiй, то по широкому, открытому пути знанiя.

а) Ни въ одной сферѣ государственной науки и правовѣдѣнiя не обнаруживается столь сильно влiянiе критической философiи и современнаго естествознанiя, какъ въ области уголовнаго права.

Правда, предположенiе свободной воли еще выставляется, какъ необходимое условiе всякаго наказанiя. Но предположенiе это уже окончательно разбито блестящимъ рядомъ философовъ и естествоиспытателей, разбито всѣмъ современнымъ естествознанiемъ. Само собою разумѣется, что цѣпляющiеся за традицiю криминалисты всѣми своими силами стараются по крайней мѣрѣ для этой области спасти хотя бы частицу свободной воли, чтобы такимъ образомъ сохранить отъ гибели свою теорiю права наказанiя. Напрасныя усилiя! Обоснованiе теорiй наказанiя свободной волей является теперь уже анахронизмомъ. Правда, твердое убѣжденiе въ несвободѣ воли привело

нѣкоторыхъ изслѣдователей на ложный путь, какъ это случилось, напримѣръ, съ Ломброзо, который сталъ смотрѣть на преступника, какъ на человѣка, уже въ силу своихъ физическихъ свойствъ обреченнаго къ совершенію преступленій; хотя такой взглядъ и оказался ошибочнымъ (см. Baer—«Das Uerbrechen in anthropologischer Beziehung» 1893), однако же отсюда далеко еще до реабилитаціи свободной воли. Ошибка Ломброзо ничего тутъ не поможетъ. Послѣ недостаточно основательныхъ наблюденій онъ рѣшился открыть типъ «прирожденнаго преступника». Если бы это было вѣрно, тогда, конечно, утратила бы свой смыслъ и теорія наказанія, какъ возмездія. Но вѣдь выставленное Ломброзо положеніе—невѣрно; «прирожденнаго преступника» нѣтъ, какъ это въ числѣ другихъ блестяще доказалъ А. Baer; причины преступленій коренятся преимущественно въ соціальныхъ вліяніяхъ. Однако же то обстоятельство, что причины эти лежатъ не тамъ, гдѣ ихъ предполагалъ Ломброзо, но въ другой сферѣ, ровно ничего не измѣняетъ въ фактѣ несвободы воли. Ликованіе обскурантовъ по поводу ошибки Ломброзо совершенно неосновательно. Отсутствіе особаго типа «прирожденныхъ преступниковъ» не даетъ еще основанія для того, чтобы возвращаться къ старой слѣпой вѣрѣ въ свободу воли. Природа не знаетъ никакихъ изъятій изъ закона причинности, и человѣкъ въ данномъ отношеніи не является исключеніемъ изъ общаго правила. Уголовное право должно считаться съ несвободой воли; оно должно примириться съ сознаніемъ этого факта совершенно такъ же, такъ и церковь, не смотря на все свое первоначальное сопротивленіе, въ концѣ концовъ согласилась съ системой Коперника. Теоріи же наказанія, построенныя на возмездіи и устрашеніи, должны рушиться, какъ неразумныя и безнравственныя. И вотъ на первый планъ выступаютъ задачи защиты и исправленія,—тутъ обширная сфера уголовныхъ реформъ раскрывается для 20-го столѣтія. Подтвержденіе нашего взгляда мы находимъ въ такихъ произведеніяхъ, какъ «Das Wesen des Uerbrechens» (1896) Юл. Макаревича (см. ниже § 204) и «Die Abschaffung der Strafknechtschaft» (1897) Юл. Варги.

§ 203.

Систематика уголовнаго права.

Въ уголовномъ правѣ мы встрѣчаемъ столь же безчисленное множество систематическихъ классификацій, какъ и въ частномъ и государственномъ. Когда за основу классификаціи принимаютъ тотъ предметъ, на который непосредственно направляется наказуемое дѣяніе,—получается слѣдующее подраздѣленіе преступленій: 1) преступленія, направленныя противъ Бога, религіи и церкви; 2) про-

тивъ государства, государя, государственныхъ властей и установленій; 3) противъ личности. Было время, когда уголовное право еще существенно различало эти преступленія противъ личности, смотря по тому, направлялись ли они противъ дворянства, противъ простыхъ свободныхъ людей, или же, наконецъ, противъ рабовъ.

Далѣе, если основаніемъ классификаціи взять наказаніе, налагаемое за преступное дѣяніе, то будемъ имѣть слѣдующіе виды преступленій: 1) уголовныя преступленія (Capitalverbrechen), влекущія за собою смертную казнь и тѣлесныя наказанія; 2) меньшія преступленія, караемыя долгосрочнымъ тюремнымъ заключеніемъ, и 3) еще менѣе значительныя, наказываемыя тюрьмой въ различныхъ, уже болѣе легкихъ степеняхъ или арестомъ.

Болѣе глубокое проникновеніе въ существо наказуемыхъ дѣяній сказывается въ классификаціи преступленій 1) на такія, которыя нарушаютъ общественный правопорядокъ, и 2) на преступленія, насильственно или путемъ обмана вторгающіяся въ правовую сферу отдѣльной личности.

Гораздо больше, чѣмъ данныя систематизированія, заслуживаютъ нашего вниманія тѣ существенные моменты въ уголовномъ правѣ, на которые развитіе культуры оказываетъ свое рѣшающее вліяніе. Моменты эти слѣдуюшіе: 1) понятіе преступленія, 2) наказуемость дѣянія, 3) способъ наказанія, и 4) способъ установленія виновности.

§ 204.

Понятіе о преступленіи.

Понятіе о преступленіи есть пунктъ, который особенно не удавался криминалистамъ. Болѣе осторожные изъ нихъ замалчиваютъ этотъ пунктъ и говорятъ лишь о наказаніи, которое закономъ возлагается за извѣстныя дѣянія и упущенія. А вопросъ,— за какія именно дѣянія или упущенія законодатель долженъ налагать наказаніе,—сплошь да рядомъ остается безъ отвѣта. Разумѣется, если усматривать въ законѣ выраженіе божественной воли,— какъ это по большей части дѣлаютъ философы классической древности,—въ такомъ случаѣ вышеприведенный вопросъ является, конечно, излишнимъ, такъ какъ божественное провидѣніе не можетъ быть изслѣдовано и не нуждается ни въ какомъ контролѣ. Отцы церкви, какъ, напримѣръ, Ѳома Аквинскій, считаютъ, въ общемъ, всякій грѣхъ за преступленіе и норовятъ во что бы то ни стало отождествить эти два понятія. Однако же, какъ извѣстно, въ жизни

это не оправдывается, и государство часто объявляетъ преступленіями такія дѣянія, которыя, по мнѣнію церкви, являются даже похвальными, а равнымъ образомъ бываетъ и обратно. Философы и приверженцы естественнаго права называли преступленіе просто-на-просто зломъ; здѣсь та же проблема принимаетъ лишь нѣсколько иной обликъ, и провозглашенное положеніе оказывается совершенно невѣрнымъ. Вѣдь несомнѣнно, что высказываніе правды не является зломъ, однако же сколькимъ людямъ приходится подвергаться карѣ за эту любовь къ правдѣ, какъ за государственное преступленіе; въ то же самое время за ложь и лицемѣріе, которыя, конечно, никакъ нельзя назвать добромъ, государство часто назначаетъ высочайшія почести.

Нѣтъ болѣе блестящаго проявленія банкротства въ „наукѣ уголовнаго права“, чѣмъ слѣдующее опредѣленіе: „Преступленіе есть нарушеніе нормы“, или: „Преступленіемъ является то, что законъ провозглашаетъ таковымъ“. Вѣдь въ данномъ опредѣленіи содержится уже и утвержденіе, что силою закона любое безразличное дѣяніе можетъ быть объявлено преступленіемъ,—это какъ будто и вѣрно, но тѣмъ не менѣе безсодержательно. Что подобная безсмыслица существуетъ въ нашемъ мірѣ, для этого не нужно никакихъ ученыхъ доказательствъ, это всякій знаетъ. Но вотъ, если бы, напримѣръ, Его Величество Султана привлечь къ европейскому суду по обвиненію въ двоеженствѣ, то онъ, какъ стократный бигамистъ, былъ бы присужденъ къ пожизненному тюремному заключенію. Съ другой же стороны, и намъ слѣдовало бы примириться съ тѣмъ, что мусульманинъ назвалъ бы насъ грубыми варварами, если бы мы заключили человѣка въ тюрьму за то только, что онъ позволилъ себѣ это невинное удовольствіе—имѣть вторую жену.

Въ виду такого несходства воззрѣній, нравовъ и правовыхъ нормъ не удивительно, если криминалисты затрудняются стать на правильную точку зрѣнія и на вопросъ: „что такое преступленіе?“ даютъ различными учеными фразами наивный отвѣтъ: „—то, что законъ объявляетъ таковымъ“.

Лишь современная соціологія стала глубже вникать въ данный вопросъ, и вотъ одинъ изъ новѣйшихъ криминалистовъ-соціологовъ, Макаревичъ, опираясь на соціологическія изслѣдованія, даетъ намъ слѣдующій научный отвѣтъ: „Преступленіемъ является совершенное членомъ данной ассоціаціи дѣяніе, которое остальные участники этого общественнаго соединенія считаютъ для себя столь вреднымъ, что они публично и открыто реагируютъ противъ совершителя,

стараясь нанести ущербъ какому-либо изъ его благъ“. Данное опредѣленіе понятія преступленія имѣетъ за собой, во всякомъ случаѣ, ужъ ту заслугу, что преступленіе тутъ разсматривается, какъ „общественное явленіе“, и отсюда вытекаетъ также дальнѣйшее признаніе, что „всякое общество испытываетъ особыя проявленія преступности и можетъ на нихъ реагировать“. Взглядъ этотъ выставилъ полную относительность даннаго понятія и открылъ новый путь научнаго изслѣдованія. Теперь ужъ не могутъ удовольствоваться заявленіемъ, что преступленіе есть то, что законодатель провозглашаетъ таковымъ, или,—какъ полагаетъ Гарофало,—то, что оскорбляетъ наше нравственное чувство (senso morale); нѣтъ, слѣдуетъ глубже вникнуть въ этотъ вопросъ и преступленія выводить изъ положенія и свойства общественныхъ круговъ даннаго государства или культурнаго міра. Криминальная соціологія должна будетъ показать намъ, почему извѣстныя дѣянія или упущенія въ данномъ государствѣ юридически считаются преступленіями; и вотъ, выясненіе этого явленія ей придется искать въ соціальной структурѣ даннаго государства и въ соотношеніи между составляющими государство общественными кругами (а).

а) Тѣ, которые въ вопросѣ,—является ли данное дѣяніе преступленіемъ,—признаютъ рѣшающее значеніе за «субъективнымъ правовымъ чувствомъ» (Гарофало, Варга), упускаютъ изъ виду, что само это субъективное правовое чувство есть продуктъ соціальныхъ вліяній окружающаго, подлежащій измѣненіямъ по времени и по мѣсту; они, слѣдовательно, упускаютъ изъ виду, что чувство это еще не можетъ быть первопричиной, выясняющей, почему данное дѣяніе объявляется преступленіемъ.—Криминальная соціологія не можетъ удовлетвориться заявленіемъ, что дѣяніе А есть преступленіе, такъ какъ правовое чувство В, имѣющаго вмѣстѣ съ тѣмъ и силу наказать А, считаетъ это дѣяніе преступнымъ. Соціологія должна глубже вникнуть въ положеніе вещей. Она должна отвѣтить на вопросъ,—почему же по правовому чувству В дѣяніе А является преступнымъ? И вотъ тутъ окажется, что В есть соціальная группа, интересы которой отъ дѣянія А получаютъ извѣстный ущербъ, вслѣдствіе чего въ членахъ данной группы и развивается то правовое чувство, которое реагируетъ на образъ дѣйствія А, какъ на нѣчто преступное. Вотъ каковъ будущій путь изслѣдованій криминальной соціологіи [1]).

[1]) Въ вышедшемъ на-дняхъ новомъ (третьемъ) изданіи этой переведенной мною книги Л. Гумпловичъ, кромѣ вышецитированнаго произведенія Макаревича («Das des Uerbrechens» 1896), рекомендуетъ читателю обратиться по данному вопросу и къ труду Angelo Vaccaro—«Genesi e funzione delle leggi penali» (1889). Переводчикъ.

§ 205.

Наказуемыя дѣянія.

По вопросу о наказуемости дѣяній слѣдуетъ, въ общемъ, замѣтить, что на низшихъ ступеняхъ культуры огромную роль играютъ воображаемыя преступленія. Въ самомъ дѣлѣ,—преступленія противъ боговъ, противъ религіи, волшебство и т. п. наполняютъ собою уголовные сборники древнихъ и среднихъ вѣковъ, вплоть до новаго времени. На защиту же личности уголовное право тогда очень мало обращало вниманія. Но вотъ современемъ положеніе дѣла мѣняется. Начинаютъ уменьшать свое попеченіе о небесахъ и все болѣе и болѣе заботятся объ охранѣ человѣческой личности. Волшебство и т. под. воображаемыя преступленія вычеркиваются изъ уголовнаго права, съ другой же стороны постепенно приходятъ къ наказуемости такихъ дѣяній, какъ, напримѣръ, обманъ во всѣхъ его разнообразныхъ проявленіяхъ. Развитіе уголовнаго права стремится отъ фантастическаго и туманнаго къ реальному и очевидному, и въ этомъ состоитъ прогрессъ его. Въ тѣсной связи съ такимъ прогрессированіемъ уголовнаго права находится удаленіе отъ произвола властителей при объявленіи наказуемости дѣяній и все большее приближеніе къ строго узаконенной квалификаціи этой виновности. Такимъ образомъ и здѣсь замѣчается тотъ же ходъ отъ фантастическаго и туманнаго къ конкретному и реальному. Вѣдь личный произвольный взглядъ деспота является чѣмъ то неопредѣленнымъ и туманнымъ. Между тѣмъ произволъ этотъ первоначально былъ единственнымъ критеріемъ наказуемости. Но вотъ современемъ развивается строго опредѣленная закономъ квалификація наказуемыхъ дѣяній, исключающая всякій произволъ властителя (nullum crimen sine lege); и тенденція эта въ новѣйшее время столь преуспѣла, что и отъ суда стали требовать строгаго примѣненія „буквы закона“ (nulla poena sine lege poenali).

§ 206.

Способъ наказанія.

Что касается до способа наказанія, то здѣсь ходъ развитія характеризуется удаленіемъ отъ жестокостей и стремленіемъ ко все

болѣе и болѣе мягкимъ мѣрамъ. Древніе и средніе вѣка были знакомы съ квалифицированными мучительными смертными казнями, примѣнявшимися къ весьма многимъ видамъ преступленій. Но вотъ со временемъ въ двухъ отношеніяхъ становятся гуманнѣе. Во-первыхъ, смертная казнь примѣняется лишь по отношенію ко все менѣе и менѣе значительной категоріи преступленій,—во-вторыхъ же, и самое выполненіе этой казни производится уже безъ особенныхъ мученій, а просто посредствомъ пули, петли или гильотины. Однако же и при столь рѣдкомъ своемъ примѣненіи и при такомъ „гуманномъ" выполненіи смертная казнь въ наше время начинаетъ уже претить нравственному чувству. И вотъ во многихъ странахъ она уничтожена, въ другихъ же сильныя партіи ратуютъ за ея отмѣну. И тѣлесныя наказанія, нѣкогда находившія себѣ весьма обширное примѣненіе, постепенно исчезаютъ изъ сферы уголовнаго права. Тюремное заключеніе становится гуманнѣе; и новѣйшія стремленія направляются къ тому, чтобы параллельно съ принципомъ „равенства гражданъ передъ закономъ" установить „равную ощутимость наказаній". Стремленія эти вытекаютъ изъ того соображенія, что одно и то же наказаніе не одинаково поражаетъ двухъ человѣкъ различнаго соціальнаго положенія, различнаго образованія и воспитанія,—однимъ изъ нихъ оно переносится въ дѣйствительности тяжелѣе, другимъ же гораздо легче. И вотъ эта неодинаковая тяжесть наказаній должна быть сглажена предстоящими реформами, съ виду якобы противорѣчащими началу равенства. (Принципъ индивидуализированія).

§ 207.

Способъ установленія виновности.

Наконецъ, что касается до способа установленія виновности, то тутъ развитіе уголовнаго судопроизводства обнаруживаетъ стремленіе ко все болѣе и болѣе тщательному изслѣдованію обстоятельствъ дѣла и приводитъ ко взгляду, что „лучше оставить безъ наказанія тысячу виновныхъ, чѣмъ засудить одного невиннаго". Въ силу этой тенденціи формальное уголовное право (уголовный процессъ) прибѣгаетъ ко всевозможнымъ экспериментамъ, чтобы добыть такія вспомогательныя средства, которыя бы могли нѣсколько загладить наше несовершенство въ искусствѣ распознавать человѣческую

испорченность. Недавно отступили отъ чисто формальнаго способа установленія вины посредствомъ узаконенныхъ правилъ доказательства и вопросъ о „виновности" предоставили на рѣшеніе присяжныхъ. Гласность процесса должна служить сильной гарантіей справедливости выносимаго вердикта. Наконецъ, чтобы данный вердиктъ присяжныхъ какъ можно больше соотвѣтствовалъ истинѣ, для этого передъ ними на-ряду съ официальнымъ обвинителемъ поставили и защитника. Но обвиненіе и защита должны предварительно подвергнуться безпристрастному предсѣдательскому резюме, чтобы затѣмъ уже въ объективной формѣ служить базисомъ для вердикта присяжныхъ. Вотъ насколько сильно сремленіе къ возможно болѣе правильному выясненію виновности или правоты подсудимаго! (а).

На долю предстоящаго развитія уголовнаго процесса выпадаетъ великая задача устранить неумѣстное вліяніе соціальнаго предубѣжденія, парализующаго формальную независимость судей, и такимъ образомъ дать возможность восторжествовать дѣйствительно безпристрастному судоговоренію. „Классовая юстиція" („Classenjustiz") не есть „измышленіе" соціалъ-демократовъ; нѣтъ, она историческій фактъ. Установленіе спокойнаго и здраваго взгляда на нее составляетъ задачу науки. Выставленный греческими мудрецами принципъ самопознанія (γνῶθι σεαυτόν) сохраняетъ свое значеніе также для государства и общества и является условіемъ всякаго культурнаго прогресса.

Итакъ мы видимъ, что въ представленныхъ нами пунктахъ уголовное право считается со все сильнѣе и сильнѣе развивающимся нравственнымъ сознаніемъ. И вотъ отсюда почерпается отрадное убѣжденіе въ томъ, что нравственное развитіе народовъ, прогрессирующее по направленію ко все болѣе и болѣе разумнымъ и гуманнымъ формамъ, приведетъ со временемъ къ такому состоянію уголовнаго права, о какомъ теперь мы еще не имѣемъ и понятія.

а) Изъ руководствъ къ изслѣдованію и раскрытію наказуемыхъ дѣяній укажемъ на слѣдующія сочиненія: Ortloff—«Die strafbaren Handlungen nach Deutschlands Reichsrecht und Praxis» 1883 и Hans Gross—«Handbuch für Untersuchungsrichter, Polizeibeamte...» 1893. Въ послѣднемъ произведеніи указана такж вся древнѣйшая литература по этому предмету.

§ 208.

Исторія права и государственное право.

Подобно тому какъ нѣкогда опредѣляли взаимное отношеніе между статистикой и исторіей, вотъ что можно сказать также объ исторіи права и государственномъ правѣ: исторія права является развивающимся въ теченіе столѣтій государственнымъ правомъ, это же послѣднее представляетъ собою какъ бы остановившуюся исторію права. Вѣдь обѣ эти дисциплины разсматриваютъ въ сущности одинъ и тотъ же предметъ, а именно—государственный правопорядокъ, начинающійся съ организаціи властвованія и доходящій до установленія тончайшихъ частно-правовыхъ отношеній. Чтобы изобразить существеннѣйшія черты государства, система государственнаго права должна охватить, начиная съ государственнаго устройства и управленія, всѣ высшіе принципы дѣйствующаго въ государствѣ частнаго и уголовнаго права и судопроизводства; исторія же права показываетъ намъ все это въ историческомъ развитіи. Это не только смежныя научныя области, но и взаимно до единаго научнаго познанія другъ друга дополняющія дисциплины. Тождество ихъ предмета яснѣе всего выступаетъ въ томъ обстоятельствѣ, что они распредѣляютъ между собой разсмотрѣніе этого предмета,—а именно: государственное право, подготовляя почву для исторіи права, постоянно по истеченіи нѣкотораго періода развитія доставляетъ ей обработанный извѣстнымъ образомъ матеріалъ для историческаго разсмотрѣнія (а).

а) Для отношенія между этими двумя дисциплинами характерно то обстоятельство, что основаніе ихъ въ Германіи является дѣломъ одного и того же человѣка. А именно, оставляя въ сторонѣ менѣе значительныхъ начинателей, нѣмецкое государствовѣдѣніе основателемъ своимъ признаетъ Германна Конринга (1606—1681), какъ автора «De Germanorum Imperio Romano», а равно его же творцомъ своимъ считаетъ и исторія нѣмецкаго права за сочиненіе—«De origine juris Germanici».

Начиная съ этого двухсторонняго научнаго творчества Конринга, нѣмецкое государственное право время отъ времени все подвигается и подвигается впередъ; слѣдуя за политическими измѣненіями, главную позицію свою оно постоянно переноситъ въ живое настоящее, между тѣмъ какъ исторія права всегда остается при выясненіи «происхожденія» («origines») и распространяетъ свое историческое

изслѣдованіе во всякомъ случаѣ лишь до этапа, только что покинутаго государственнымъ правомъ.

И вотъ шествующія другъ за другомъ исторія права и государственное право безпрестанно передвигаются впередъ. Еще 200 съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ, во второй половинѣ и въ концѣ 17-го вѣка, единственнымъ достояніемъ публицистовъ «римской имперіи, реставрированной нѣмецкой націей», являлся «status imperii germanici» въ томъ видѣ, какъ онъ былъ образованъ на основаніи Вестфальскаго мирнаго договора; тогда было много утонченныхъ юридическихъ контраверзъ «de Imperatoris Romani majestate ejusque prae ceteris regibus praerogativa» и т. под. Теперь все это принадлежитъ исторіи; и вотъ исторія нѣмецкаго права давно уже заняла эту область и въ объективномъ изложеніи повѣствуетъ намъ о томъ, какъ Вестфальскій миръ поднялъ самодержавіе королей и имперія, охваченная процессомъ разложенія, пошла на встрѣчу своему паденію. И вотъ, когда реорганизаторъ «исторіи имперіи и нѣмецкаго права» Ейхгорнъ выпустилъ въ 1808 году первый томъ своего главнаго произведенія, тогда за нимъ лежалъ уже четвертый періодъ исторіи нѣмецкаго права, кончающійся 1806 годомъ, тогда «старая германская имперія» не являлась болѣе предметомъ государственнаго права, а была уже достояніемъ исторіи права. Государствовѣды же тогда укрѣпляли свою новую боевую позицію, «государственное право Рейнскаго Союза», конструировали «юридическія тонкости» суверенныхъ и союзныхъ правъ, превозносили новыя государственныя формы, какъ окончательное осуществленіе давно лелѣянныхъ идеаловъ.

Но смерть не дремлетъ; «Рейнскій Союзъ» и все его государственное право похоронены «Германскимъ Союзомъ»; и вотъ, когда Ейхгорнъ въ 20-хъ годахъ продолжилъ свое сочиненіе, тогда онъ могъ свой «IV періодъ» исторіи нѣмецкаго права и имперіи распространить до 1815 года, т. е., до времени основанія Германскаго Союза. Что же касается до государствовѣдѣнія, то оно уже позабыло о Рейнскомъ Союзѣ и усердно занялось «государственнымъ правомъ Германскаго Союза». Это послѣднее продержалось цѣлыхъ полъ-столѣтія. Съ большимъ удобствомъ могло оно развивать свою систематику и юридическія конструкціи, могло подробно указывать границы между княжескимъ суверенитетомъ и союзной властью. Но вотъ наступилъ 1866-ой годъ. Государственное право Германскаго Союза отошло въ вѣчность. Что же касается до исторіи нѣмецкаго права, то къ ней прибавилось полъ-столѣтія; теперь она, закончивъ IV періодъ 1806 годомъ, начала съ той поры «новѣйшее время», ничѣмъ не прерывавшееся до основанія въ 1867 году Сѣверо-Германскаго Союза; а между тѣмъ государствовѣды быстро сколачивали государственное право этого послѣдняго Союза. Это была непрочная постройка, которую съ легкимъ сердцемъ снесли, послѣ того какъ она черезъ четыре года окончила свое назначеніе. Теперь въ Новой Германской Имперіи пышно развивается новое «имперское государственное право», и Лабандъ пускаетъ въ ходъ все свое юридическое

остроуміе, стараясь доказать, что суверенитетъ Германской Имперіи находится не у императора, а у совокупности союзныхъ князей. Въ это же самое время «исторія права» уже работаетъ надъ тѣснымъ присоединеніемъ періода 1806—1866 г. къ прошлымъ эпохамъ (Зигель), а Бруннеръ полагаетъ, что его «IV періодъ», «начинающійся съ конца 15-го столѣтія», «естественно заканчивается съ основаніемъ Новой Германской Имперіи» [1]).

Между тѣмъ какъ исторія права придвинула свои границы до 1870 г., теперь въ свою очередь и государственное право почувствовало нѣкоторую потребность оглянуться на прошлое и самостоятельно перекинуть мостъ между историческимъ развитіемъ и настоящими его результатами. Хотя,—по увѣренію Ейхгорна,— исторія права имѣетъ своею цѣлью лишь доставленіе «прочной исторической основы для существующаго теперь практическаго права», однако же государствовѣды не довольствуются этой, создаваемой историками основой, но въ своихъ собственныхъ «введеніяхъ», на ряду со спеціальными историческими изслѣдованіями, стараются изъ историческаго процесса выяснить данную форму дѣйствующаго государственнаго права [2]). Легко объяснить себѣ эту потребность государственной науки, если замѣтить, что для исторіи права больше всего заманчиво давнопрошедшее, между тѣмъ какъ для цѣлей государственнаго права весьма важна именно недавняя и наполовину минувшая эпоха, которую историки разсматриваютъ обыкновенно лишь вскользь. Отсюда объясняется и разница между изслѣдованіями историческаго процесса развитія у спеціалистовъ—историковъ и во введеніяхъ къ государственному праву. Въ этихъ введеніяхъ первоначальныя эпохи и средніе вѣка затрогиваются лишь поверхностно, но за то гораздо обстоятельнѣе изображается тутъ новое время и особенно 18-ое и 19-ое столѣтія. Что же касается до исторіи права, то она останавливается преимущественно, если и не на самыхъ первоначальныхъ стадіяхъ германской жизни, то во всякомъ уже случаѣ на среднихъ вѣкахъ, и является по большей части несправедливой въ отношеніи къ новѣйшему развитію, сообщая объ этомъ послѣднемъ не съ такою ужъ тщательностью и любовью.

§ 209.

Понятіе объ исторіи государства.

Подъ исторіей государства,—въ отличіе ея отъ политической исторіи,—теперь принято понимать такое изображеніе государствен-

[1]) Изъ литературы по этому вопросу слѣдуетъ замѣтить: Schröder—«Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte» 1889; Brunner—«Deutsche Rechtsgeschichte» 1887; Siegel—«Deutsche Rechtsgeschichte» 1889.

[2]) Mejer—«Einleitung in's deutsche Staatsrecht» 1884; Schulze—«Einleitung in das deutsche Staatsrecht» 1867.

наго развитія, которое оставляетъ въ сторонѣ собственно исторію права, т. е., исторію частнаго и уголовнаго права, а обрисовываетъ преимущественно „образованіе государства“ („Staatsbildung“) и развитіе „публичнаго права“. Это—то изображеніе развитія государства, которое иначе обыкновенно называютъ также „исторіей государственнаго устройства“ („Verfassungsgeschichte“). Конечно, идеей, оживляющей эту исторію, не можетъ служить не что иное, какъ то, что называютъ также „государственной идеей“ („Staatsidee“), имѣя при этомъ въ виду ту историческую культурную работу, которую совершило государство въ теченіе своего развитія, выполненную имъ задачу или,—какъ это часто говорятъ,—его историческую „миссію“. Разумѣется, вполнѣ естественно, что въ одномъ государствѣ легче, а въ другомъ гораздо труднѣе уловить эту верховную государственную идею, которая,—по крайней мѣрѣ, въ публично-правовой своей части,—какъ бы воплощается въ данномъ государственномъ устройствѣ. Возьмемъ, напримѣръ, государство, которое въ теченіе своей исторіи изъ множества разрозненныхъ составныхъ частей дошло до образованія огромной единой національности: исторія его будетъ представлять собою изображеніе этого хода развитія, поскольку онъ отражается въ правовомъ соотношеніи между отдѣльными частями, въ ихъ взаимной борьбѣ и, наконецъ, въ установленіи единаго государственнаго устройства.

И вотъ, съ такой точки зрѣнія, благодарная задача въ новѣйшее время выпала, напримѣръ, на долю исторіи Германской Имперіи. Тутъ замѣчается слѣдующій ходъ развитія: отправляется оно отъ множественности и разнообразія выражающихся въ Leges Barbarorum племенныхъ особенностей, присущихъ различнымъ составнымъ частямъ нѣмецкаго народа; далѣе выступаетъ тенденція единства, проявляющаяся въ государственномъ устройствѣ реставрированной Римской Имперіи и приводящая сначала къ тріумфу партикуляризма въ ставшихъ суверенными мѣстныхъ объединенныхъ княжествахъ и затѣмъ—къ побѣдѣ идеи единства въ Новой Германской Имперіи. Какой богатый и занимательный матеріалъ для изображенія развитія публичнаго права и государственнаго устройства,—развитія, идущаго параллельно съ раскрытіемъ національнаго духа! И неудивительно, что въ изслѣдователяхъ исторіи Германской Имперіи не было недостатка.

Гораздо неблагопріятнѣе дѣло обстояло въ Австріи. Разъ оживотворяющимъ исторію государства принципомъ должна являться „государственная идея“, то понятно, почему до послѣдняго сравни-

тельно времени у насъ не имѣлось исторіи Австрійской Имперіи; вѣдь, государственную идею эту не легко было уловить среди тѣхъ центробѣжныхъ теченій, которыми до послѣдняго времени охватывались составныя части австрійской монархіи.

И лишь недавно, отчасти вслѣдствіе толчка, даннаго учебной реформой Гауча, отчасти благодаря окончательному паденію системы централизаціи и побѣдѣ федеральной государственной идеи,—стала замѣчаться живая работа по изслѣдованію исторіи Австрійской Имперіи (а).

а) (Исторія Австрійской Имперіи). Умершій въ концѣ 19-го столѣтія Грацскій профессоръ Бидерманъ въ своемъ незаконченномъ трудѣ—«Geschichte der österreichischen Gesammtstaatsidee»—тщетно старался идею централизаціи поставить въ основу исторіи Австрійской Имперіи. Трудъ его присѣкся вмѣстѣ съ крушеніемъ попытокъ централизаціи австрійскаго государственнаго строя. Напрасно, послѣ паденія министерства Шмерлинга, ожидалъ Бидерманъ воскресенія этой системы, чтобы такимъ образомъ имѣть возможность закончить свой трудъ.

И когда все-таки въ нѣмецко-австрійской литературѣ не отзывалась еще никакая другая государственная идея, кромѣ поддерживавшей систему централизаціи,—на какой же тогда идейной основѣ должна была подняться исторія австрійской имперіи?

Итакъ не хватало еще такой позитивной государственной идеи, которая могла бы послужить основаніемъ и оживотворяющимъ принципомъ этой исторіи; но хуже еще, чѣмъ данное отсутствіе идеи, было сомнѣніе относительно самого права на существованіе австрійской имперіи, какъ полинаціональнаго государства, то сомнѣніе, которое въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій поддерживалось нѣмецкими государствовѣдами (Дальманомъ, Блунчли, Молемъ и др.). Отъ 30 до 60 годовъ XIX столѣтія въ нѣмецкой литературѣ почти общимъ положеніемъ сталъ тотъ взглядъ, что Австрія, какъ не единое въ національномъ отношеніи государство, является лишь «искусственно» поддерживаемой государственной формой, не имѣющей подъ собою никакого «естественнаго» фундамента. Какъ же тутъ можно было одушевиться такой государственной идеей, которая,—какъ говорили,—влачила лишь «искусственное», призрачное существованіе и въ одно прекрасное утро должна была бы распасться на «естественныя» составныя части? И данное, совершенно неисторическое воззрѣніе нѣмецкихъ государствовѣдовъ, породившее безъуспѣшныя усилія Шмерлинговской системы, послѣ паденія этой послѣдней, казалось, продолжало сохранять свою призрачную основательность.

И вотъ, въ силу такихъ обстоятельствъ, заглушенная вышеописаннымъ сомнѣніемъ, «австрійская государственная идея» не была въ состояніи пробить себѣ путь, и поддерживаемая этой идеей исторія имперіи никакъ не могла утвердиться.

Ни къ какимъ результатамъ не привели тогда и соотвѣтственныя старанія австрійскаго правительства, какъ, напр., назначенная министромъ Штремайромъ (въ 1866 г.) премія за руководство по Исторіи Австрійской Имперіи. Оказалось, что, гдѣ нѣтъ могучаго проявленія свободной идеи, тамъ не можетъ ее создать никакая премія. Идей нельзя купить; гдѣ онѣ отсутствуютъ, тамъ ихъ не добыть и за милліоны. Если же идеи здѣсь существуютъ, то онѣ и проявляются, хотя бы за это грозила тюрьма.

И вотъ лишь тогда, когда всѣмъ (кромѣ «Neie Freie Presse») стало ясно, что система централизаціи со своей тенденціей онѣмечиванія не имѣетъ за собой никакой будущности, какъ несовмѣстимая со свободой соединенныхъ въ австрійскомъ государствѣ націй; когда стало ясно, что настоящей австрійской государственной идеей должно являться неизбѣжное современемъ «соглашеніе національностей»; когда поняли, что вѣковое соединеніе этихъ различныхъ національностей не можетъ преслѣдовать никакой иной разумной цѣли, какъ только доставленіе каждой изъ нихъ возможности свободно и безпрепятственно развивать свои духовныя свойства; когда такимъ образомъ сознали, что лишь стремленіе къ этой цѣли можетъ являться въ Австріи государственной идеей,—тогда началась живая, бодрая работа по изложенію исторіи Австрійской Имперіи. (См. Huber—«Oesterreichische Reichsgeschichte» 1895; Luschin v. Ebengreuth—«Oesterreichische Reichsgeschichte» 1895; Werunsky—«Oesterreichische Reichs — und Rechtsgeschichte» 1895; Seidler «Studien zur Geschichte und Dogmatik des österreichischen Staatsrechts» 1895; Gumplowicz—«Oesterreichische Reichsgeschichte» 1896; Bachmann—«Oesterreichische Reichsgeschichte» 1896; I. Hanel—«Begriff, Aufgabe und Darstellung d. österr. Rechtsgeschichte» Wien. 1893. На польскомъ языкѣ исторія Австрійской Имперіи написана Освальдомъ Бальцеромъ.)

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Государственный правопорядокъ.

§ 210.

Современный правопорядокъ.

Конкретныя отношенія силъ, развитіе и укрѣпленіе нравственныхъ идей, наконецъ, успѣхи естествознанія, а также новыя теоріи

права и государства,—все это способствуетъ постепенному развитію и совершенствованію государственнаго правопорядка. И вотъ, такъ какъ этотъ послѣдній служитъ формой, въ которой проявляется право, и такъ какъ сущность права состоитъ въ разграниченіи сферъ властвованія соціальныхъ составныхъ частей государства,—то отсюда вытекаетъ, что правопорядокъ слагается изъ множества такихъ отдѣльныхъ сферъ властвованія, внутри которыхъ различныя соціальныя части государства (властвующіе и подвластные) осуществляютъ въ образѣ права свою силу. Такъ современный правопорядокъ прежде всего заключаетъ въ себѣ организацію самой государственной власти, т. е., то устройство, посредствомъ котораго господствующая сила осуществляетъ въ образѣ права свое властвованіе и при раздѣленіи функцій закрѣпляетъ компетенцію каждаго изъ государственныхъ органовъ. Затѣмъ правопорядокъ содержитъ въ себѣ правовыя сферы различныхъ признанныхъ въ государствѣ сословій, классовъ, корпорацій, союзовъ, обществъ, товариществъ, ассоціацій и всякихъ тому подобныхъ соціальныхъ группъ и соединеній. Наконецъ же тутъ заключается еще и сфера извѣстныхъ правъ личности, какъ таковой,—правъ, ограждающихъ ее отъ превышенія государственной власти, отъ вторженія другихъ лицъ, а также и отъ посягательства со стороны существующихъ въ государствѣ соціальныхъ организацій, т. е., только-что упомянутыхъ соціальныхъ группъ и союзовъ.

Такъ какъ правовыя сферы, образующія этотъ правопорядокъ, по существу своему являются сферами властвованія (Machtsphären) и, какъ таковыя, сообразно съ различной силой своихъ носителей, отличаются другъ отъ друга различнымъ объемомъ и интенсивностью,—то взаимная зависимость ихъ пріобрѣтаетъ характеръ соподчиненія, господства и подчиненія. Въ области права зависимость одной сферы властвованія отъ другой выражается посредствомъ соотвѣтствующей всякому праву обязанности; и въ развитомъ правопорядкѣ современнаго культурнаго государства считается, что даже верховному праву государя соотвѣтствуютъ извѣстныя обязанности по отношенію къ государству и народу. Это послѣднее положеніе тѣмъ больше закрѣплено, чѣмъ болѣе права народа являются формой его дѣйствительной сферы властвованія, т. е., чѣмъ болѣе права эти утверждены въ дѣйствительной силѣ народа. И вотъ теперь мы разсмотримъ въ отдѣльности каждый изъ трехъ отмѣченныхъ выше элементовъ правопорядка.

§ 211.

Организація государственной власти.

Организація государственной власти теперь во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ построена по схемѣ раздѣленія ея функцій на законодательную, исполнительную и судебную. Въ монархіяхъ формально надъ этими тремя властями стоитъ монархъ; права его простираются на осуществленіе всѣхъ упомянутыхъ властей, а именно—такимъ образомъ, что всякую изъ нихъ онъ уполномочиваетъ и призываетъ къ работѣ, съ другой же стороны можетъ и пріостанавливать ихъ дѣятельность.

Законодательной иниціативой своей монархъ можетъ давать то или другое направленіе парламентской дѣятельности; отказомъ же въ санкціи онъ имѣетъ возможность парализовать всякія собственныя начинанія парламента.

Таково свойство монарха, какъ главы государственныхъ властей, каждая изъ которыхъ именемъ его живетъ и безъ согласія его не можетъ функціонировать (вспомнимъ, напримѣръ, законодательную власть). Вотъ почему монарху приписывается суверенитетъ или „полновластіе“. Но это—не реальное свойство, такъ какъ никакой человѣкъ не можетъ быть полновластнымъ, нѣтъ, это—лишь символъ всемогущества государства внутри его предѣловъ. Поэтому ровно ничего не измѣняется въ существѣ и природѣ государства, когда въ республикахъ данное символическое свойство приписывается не государственному верховному главѣ, но всему народу.

Цивилизаторское развитіе монархіи идетъ отъ деспотизма (султаната, цезаризма), гдѣ государство и народъ существуютъ словно лишь для деспотовъ и ихъ любимцевъ, и доходитъ до конституціоннаго и парламентарнаго строя. Тутъ монархъ верховную государственную функцію свою осуществляетъ ужъ въ интересахъ всего народа, не выступая уже со своей личной волей, которая, впрочемъ, если не выражаетъ желанія законныхъ его совѣтчиковъ, то можетъ являться лишь волей нелегальной камарильи (Бисмаркъ называлъ это „Nebenregierung“—„побочнымъ правительствомъ“, а въ берлинскихъ народныхъ остротахъ такіе придворные кружки именуются „Eulenbürgerei“—„совинымъ гражданствомъ“).

И вотъ при осуществленіи законодательной власти все больше

и больше приходится считаться съ общественнымъ мнѣніемъ и желаніями заинтересованныхъ круговъ: она должна входить въ соглашеніе съ ихъ главарями или принимать въ соображеніе мнѣніе автономныхъ представительствъ отъ этихъ соціальныхъ соединеній.

Исполнительная власть (называемая также правительственной) постепенно приближается къ строгому осуществленію духа и смысла законовъ; при этомъ вся правительственная власть должна, насколько только возможно, подлежать безпристрастному административному суду, такъ какъ, согласно требованіямъ „идеи правового государства“, одной лишь „независимой юстиціи“ еще недостаточно для того, чтобы осуществить идею права.

Вслѣдъ за открыто функціонирующими законодательствомъ, юстиціей и управленіемъ надлежитъ упомянуть еще о полиціи, приходящей на помощь суду и администраціи. Однако же эти полицейскія вспомогательныя функціи, осуществляясь втайнѣ и не подлежа контролю гласности, легко искажаются и служатъ при абсолютныхъ правленіяхъ для разныхъ темныхъ цѣлей („политическая полиція“) (а). не отрицая, что это применимо и в республиках (Франции)

а) Прежде и приблизительно до середины 19-го столѣтія словомъ «полиція» обозначали вообще государственное управленіе. Въ такомъ общемъ смыслѣ слово это еще сохранилось въ нѣкоторыхъ составныхъ терминахъ, какъ, напр., «мѣстная, санитарная, охотничья, лѣсная, горная полиція» и т. под. Вообще же подъ полиціей теперь понимаютъ уже лишь дѣятельность тѣхъ государственныхъ или автономныхъ органовъ, которые, съ одной стороны, помогаютъ юстиціи и управленію разслѣдовать важные для нихъ факты, собирая и доставляя имъ необходимыя свѣдѣнія,—съ другой же стороны, частью путемъ предупрежденія, частью путемъ репрессіи (гдѣ опасность въ промедленіи) устраняютъ всякія нарушенія существующаго правопорядка. Безъ этой слѣдственной, предупредительной и репрессивной полицейской дѣятельности государственный правопорядокъ не можетъ существовать. Однако же полиція становится весьма опаснымъ институтомъ, когда она, выходя изъ своихъ законныхъ границъ, пріобрѣтаетъ лживый и подстрекательскій характеръ (agents provocateurs). Такое искаженіе полиціи регулярно сопутствуетъ абсолютизму и испорченному цезаризму. При Неронѣ и Калигулѣ, этихъ римскихъ кесаряхъ—тиранахъ, процвѣтало шпіонство, причемъ особенно прибыльными считались доносы объ оскорбленіи Величества. И вотъ, число процессовъ объ этомъ оскорбленіи достигло тогда въ Римѣ небывалыхъ размѣровъ. Во Франціи при Людовикѣ XIV полицейскій шефъ Аржансонъ ввелъ тайную политическую полицію съ агентами—подстрекателями (agents provocateurs). И этотъ послѣдній институтъ игралъ не малую роль также при Наполеонѣ I

и его министрѣ Фуше. Множество преступленій подстраивалось такими агентами и данный институтъ съ тѣхъ поръ настолько укоренился во Франціи, что даже республиканскій префектъ полиціи (Andrieux 1879—1881, смотри его мемуары) пользовался имъ. Весь вредъ института агентовъ—подстрекателей коренится въ томъ, что они податливымъ людямъ внушаютъ преступныя мысли и такимъ образомъ являются не только зачинщиками преступленій, но и распространителями преступныхъ наклонностей.—Въ Пруссіи, начиная съ дѣятельности министра Камптца (1817), далѣе при начальникѣ берлинской полиціи Гинкельдеѣ (1848), затѣмъ въ 80 годахъ при министрѣ Путткаммерѣ и до настоящаго времени тайная «политическая полиція» пользуется агентами—подстрекателями. Конечно, это отъ времени до времени вызываетъ большіе скандалы, такъ какъ нѣтъ ничего такого тайнаго, что не сдѣлалось бы явнымъ. Такъ въ концѣ 19 столѣтія въ Берлинѣ, благодаря двумъ процессамъ (Лютцовъ-Лекерта и полицейскаго коммиссара Тауша), пріемы тайной политической полиціи преданы гласности. Оказалось, что агенты этой полиціи ложными газетными сообщеніями поднимали настроеніе то за, то противъ нѣкоторыхъ министровъ, распространяли клевету, науськивали другъ на друга различныя партіи, однимъ словомъ государственную службу свою обратили въ интриганство. Негодность тайной политической полиціи никогда еще не проявлялась рельефнѣе, чѣмъ въ этихъ берлинскихъ процессахъ, которые статсъ-секретарь (фонъ-Маршаллъ) долженъ былъ возбудить, чтобы «въ гласности спастись» отъ данныхъ интригъ.—Конечно, въ такихъ государствахъ, какъ Россія и Турція, политическая тайная полиція со всѣми своими аттрибутами достигаетъ высшаго расцвѣта [1]).

§ 212.

Соціальные союзы.

Закономѣрно урегулированное положеніе ассоціацій, обществъ, союзовъ, товариществъ и корпорацій, будучи требованіемъ свободы, какъ извѣстное ограниченіе произвола государственной власти, становится особымъ элементомъ правопорядка въ современномъ культурномъ государствѣ. Организація этихъ союзовъ опредѣляется соотвѣтственно ихъ существу и цѣли. Есть такія соціальныя соединенія, которыя содѣйствуютъ государству въ разрѣшеніи его задачъ; это—автономныя „территоріальныя корпораціи“ („Gebietskörperschaften“): общины, области, провинціи, земли и т. д. Но

[1]) См. Ackermann—„Polizei und Polizeimoral“ 1896; Kampffmeyer—„Geschichte der modernen Polizei“ 1897.

*

существуютъ и свободныя общества, преслѣдующія самостоятельныя культурныя и экономическія цѣли. Имъ современное культурное государство предоставляетъ возможность дѣйствовать на основаніи гарантированнаго основными законами права союзовъ (Vereinsrecht), которое можетъ быть установлено то на болѣе свободныхъ, то на болѣе узкихъ началахъ. Кромѣ того, могущественными соціальными организаціями являются церковныя и религіозныя общества, права которыхъ признаются государствомъ, такъ какъ данныя общества покоются на основѣ тѣхъ моральныхъ человѣческихъ потребностей, которыхъ государство, какъ таковое, не можетъ удовлетворить.

Современное государство не только занимаетъ суверенную относительно всѣхъ этихъ соціальныхъ союзовъ позицію и стремится удержать ихъ подъ своей суприматіей, но также и старается защитить отъ нихъ отдѣльную личность. И вотъ тутъ лежитъ труднѣйшая задача современнаго государственнаго законодательства: съ одной стороны—уважать права всѣхъ союзовъ и организацій, а съ другой—сдѣлать для этихъ послѣднихъ невозможными тѣ вторженія въ правовую сферу личности, къ которымъ они, по природѣ своей, всегда обнаруживаютъ дѣятельную тенденцію.

Итакъ, государство теперь является какъ бы блюстителемъ границъ между играющими важную роль соціальными организаціями и личностью, которую оно не можетъ оставить на произволъ этихъ союзовъ.

а) Новѣйшіе писатели, преимущественно катедеръ-соціалистической школы, какъ Adolf Wagner, а также приверженцы «общественно-теоретическаго» направленія, какъ Гирке, стремятся подчинить государство, какъ высшій видъ «общества» («Gemeinschaft»), этому послѣднему родовому понятію, не признавая никакой принципіальной разницы между государствомъ и всякими другими «территоріальными корпораціями», обществами и т. д. Здѣсь они упускаютъ изъ виду то обстоятельство, что существеннымъ признакомъ государства является властвованіе, которое во всѣхъ другихъ общественныхъ соединеніяхъ,— по крайней мѣрѣ согласно коренной идеѣ ихъ,—отсутствуетъ. Данныя общества съ самаго возникновенія своего лишены принудительной силы, и, если въ нихъ потомъ вырабатывается нѣкоторое господство надъ личностью (какъ, напр., въ церковныхъ обществахъ), то это всегда является однимъ лишь злоупотребленіемъ. Правда, существованіе всякихъ корпорацій требуетъ также извѣстнаго іерархическаго регулятивнаго устройства, а именно—старшинъ, руководителей, дирекцій, совѣтовъ правленія. Но эти органы во всѣхъ общественныхъ соединеніяхъ, за исключеніемъ государства, носятъ лишь передаваемый путемъ свободныхъ выборовъ временно уполномоченный и служебный характеръ. По-

смотримъ на первоначальныя христіанскія общины, приглядимся къ значенію пресвитеріальнаго устройства многихъ религіозныхъ обществъ, вникнемъ въ характеръ управленія всѣхъ союзовъ и товариществъ. Такъ какъ происхожденіе ихъ не связано съ насиліемъ и принужденіемъ, то они и лишены этого свойственнаго государству элемента властвованія. Разумѣется, въ основѣ вышеупомянутыхъ современныхъ общественныхъ теорій коренится высоко-нравственная тенденція—представить общество идеаломъ, къ которому государство должно стремиться; это, конечно, похвально, но къ сожалѣнію не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Впрочемъ всѣ почти общества (вспомнимъ о церкви), а также товарищескія (напр., современныя соціалъ-демократическія) организаціи обнаруживаютъ по примѣру государства тенденцію господствовать надъ личностью и вырабатывать противоположность властвующихъ и подвластныхъ. И вотъ теперь государству очень часто приходится защищать личность отъ давленія общественныхъ управленій, напр., отъ практикуемаго церковью наказанія или въ экономическихъ обществахъ—отъ произвола управленій и дирекцій, отъ давленія партійныхъ организацій и т. д. Принципіальное же различіе между государствомъ и всякими другими общественными соединеніями безспорно даже въ республикахъ.

§ 213.

Правовая сфера личности.

Правовое положеніе личности въ государствѣ зависитъ прежде всего отъ того, является ли данный субъектъ подданнымъ или же иностранцемъ (a). Иностранецъ, какъ человѣкъ, пользуется защитой частнаго, уголовнаго и даже публичнаго права; что же касается до политическихъ правъ, то на нихъ претендовать онъ не можетъ (b). Правовая сфера подданнаго безспорно болѣе обширна, такъ какъ на него распространяется не только защита, но въ извѣстныхъ случаяхъ также забота и постоянное попеченіе государства, проявляемое по отдѣльнымъ территоріальнымъ составнымъ частямъ, какъ автономнымъ общественнымъ соединеніямъ. Какъ активный гражданинъ,—для чего требуется извѣстный возрастъ, собственное правомочіе и установленная закономъ неопороченность,—подданный (правда, по большей части лишь въ предѣлахъ извѣстной мѣстности) располагаетъ политическими правами, на которыя иностранецъ не можетъ претендовать. Однако же, подданный, въ свою очередь, долженъ исполнять всевозможныя по отношенію къ государству обязанности, т. е., долженъ нести тѣ

отчасти оплачиваемыя, отчасти безмездныя государственныя повинности, къ которымъ законы—по извѣстному масштабу—обязываютъ всѣхъ гражданъ. И вотъ, нѣкоторыя изъ этихъ повинностей (воинская) во многихъ континентальныхъ государствахъ даже стѣсняютъ эмиграцію подданныхъ (c).

a) Подданство (или гражданство) пріобрѣтается обыкновенно рожденіемъ, кромѣ того часто и путемъ натурализаціи послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія въ данной странѣ. Бракъ сообщаетъ женщинѣ подданство мужа. Единственно лишь рожденіемъ опредѣляется гражданство пріемышей. Дѣти подданыхъ, хотя бы и рожденныя за границей, остаются причисленными къ данному государству, если только не произойдетъ такихъ фактовъ, которые лишаютъ ихъ этого подданства; въ числѣ подобныхъ привходящихъ условій можно указать, напримѣръ, эмигрированіе родителей и экспатріацію вслѣдствіе пріобрѣтенія ими иностраннаго права гражданства. Впрочемъ въ различныхъ законодательствахъ весьма неодинаково опредѣляется пріобрѣтеніе подданства рожденіемъ,—а именно, въ однихъ государствахъ перевѣсъ дается мѣсту рожденія, а въ другихъ—гражданству родителей. Въ странахъ, мало еще населенныхъ и нуждающихся въ иммиграціи, законодатель объявляетъ гражданиномъ не только всякаго родившагося въ данномъ государствѣ, но и всѣхъ тѣхъ, которые весьма недавно (даже 1 годъ) проживаютъ здѣсь. Такъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ всякій родившійся тамъ ребенокъ считается подданнымъ Союза; а въ штатѣ Огіо всякій бѣлый житель, достигшій 21 года, платящій подати и въ теченіе одного года проживающій въ странѣ, пользуется активнымъ политическимъ правомъ гражданства (см. Rüttimann—«Das nordamerikanische Bundesstaatsrecht» I, 88). Въ другихъ же странахъ, хорошо заселенныхъ и не имѣющихъ особеннаго интереса въ пріобрѣтеніи новыхъ подданныхъ,—какъ это до недавняго сравнительно времени было во Франціи,—не только иноземцы, родившіеся и поселившіеся здѣсь, но даже и тѣ, которые въ теченіе ужъ нѣсколькихъ поколѣній проживаютъ въ странѣ, все еще считаются иностранцами. И лишь недавно, когда населеніе Франціи прекратило свой ростъ и начало уменьшаться, вспомнили объ огромномъ числѣ проживающихъ въ странѣ «мнимыхъ иностранцевъ» и стали принимать мѣры, чтобы побудить ихъ къ натурализаціи. И вотъ относительно пріобрѣтенія подданства рожденіемъ современныя законодательства устанавливаютъ компромиссъ между двумя вышеупомянутыми крайними принципами. То же наблюдается и въ требованіяхъ предварительнаго пребыванія въ странѣ: какъ условіе для пріобрѣтенія подданства, предписывается то болѣе длинный, то лишь незначительный срокъ. И формальный актъ натурализаціи (пріобрѣтеніе индигената) связывается то съ болѣе трудными, то съ болѣе легкими условіями. Въ нѣкоторыхъ государствахъ существуетъ даже различіе между простой и «большой» натурализаціей,

изъ которыхъ послѣдняя сообщаетъ больше политическихъ правъ (даже право быть избираемымъ на общественныя должности). Англія къ подданнымъ своимъ причисляетъ всякаго ребенка, родившагося на ея территоріи; а равнымъ образомъ и дѣтей англичанина, родившихся за границей (Naturalisation—Act 1870). Въ сложныхъ государственныхъ формахъ выступаютъ различія между правомъ гражданства въ отдѣльныхъ союзныхъ государствахъ (Gliedstaat) и во всемъ образуемомъ ими союзѣ (Gesammtstaat). Въ личныхъ, а также и въ реальныхъ уніяхъ обыкновенно нѣтъ общаго подданства. Въ союзахъ государствъ (какъ, напримѣръ, въ Америкѣ всякій гражданинъ какого нибудь отдѣльнаго государства является въ то же время и подданнымъ союза. При этомъ, конечно, союзная власть (въ Сѣверо-Американскихъ Соединененныхъ Штатахъ—конгрессъ) обладаетъ правомъ натурализировать иностранцевъ. Въ новой Германской Имперіи всякій гражданинъ отдѣльнаго государства является eo ipso германскимъ подданнымъ; однако же тутъ еще спорно, можно ли достичь подданства Германской Имперіи инымъ путемъ, чѣмъ посредствомъ пріобрѣтенія права гражданства въ отдѣльныхъ союзныхъ государствахъ. Въ такихъ союзахъ государствъ (Staatenbund), а также въ союзныхъ государствахъ (Bundesstaat) относительно подданства приходится считаться съ троякаго рода отношеніями: тутъ можно быть иностранцемъ, гражданиномъ всего союза или союзнаго государства и наконецъ являться подданнымъ опредѣленнаго частичнаго государства (Gliedstaat); сообразно этому различается и троякое публично-правовое положеніе.

в) Въ современныхъ культурныхъ государствахъ граждане пользуются полной свободой передвиженія и переселенія на протяженіи всей государственной территоріи. Съ этимъ соединяется также право повсюду заниматься торговлей и ремеслами. Данныя государства предоставляютъ также и иностранцамъ свободу передвиженія, право переселенія и занятія торговлей и ремеслами. Въ послѣднемъ случаѣ чужестранцы такъ же, какъ и свои подданные, облагаются податями, причемъ эта уплата налоговъ еще не ведетъ къ пріобрѣтенію политическихъ правъ. (Въ Австріи Тріэстъ въ данномъ отношеніи является исключеніемъ).

c) Стѣсненіе эмиграціи военной службой существуетъ лишь въ тѣхъ государствахъ, которыя установили всеобщую воинскую повинность, и это является послѣдствіемъ милитаризма, столь сильно разросшагося за послѣднюю четверть 19-го столѣтія. Однако же правительства по большей части имѣютъ право разрѣшать эмиграцію и не отбывшимъ воинской повинности.

§ 214.

Правовое положеніе женщины.

За громкими словами—„равенство всѣхъ передъ закономъ“—весьма часто не замѣчаютъ того безконечнаго неравенства, которое

выдается изъ публичноправового положенія личностей въ государствѣ. Яркимъ примѣромъ этого могутъ служить неодинаковыя права мужчинъ и женщинъ. Несомнѣнно, что данное превосходство „сильнѣйшаго пола“, какъ и всякое другое неравенство въ государствѣ, источникомъ своимъ имѣетъ просто перевѣсъ силы. Вполнѣ понятно, что потомъ это приниженное положеніе женщинъ хотятъ обосновать и оправдать неодинаковымъ съ мужчинами психическимъ дарованіемъ; вѣдь всегда стараются создать извѣстный моральный доводъ въ пользу насильственно возникшихъ соціальныхъ фактовъ. Правда, для нѣкоторыхъ занятій мужчина больше годенъ, чѣмъ женщина; но за то и эта послѣдняя ко столь же многимъ отраслямъ человѣческой дѣятельности болѣе способна, чѣмъ мужчина. Такимъ образомъ въ этомъ правовомъ неравенствѣ психическое дарованіе ровно ни при чемъ. Неужели же между женщинами больше глупыхъ, чѣмъ среди мужчинъ? Сомнительно; въ данномъ отношеніи они навѣрно уравновѣшиваютъ другъ друга. Если бы на женское образованіе употребляли столько же усилій и затратъ, какъ на мужское, то женщина, пожалуй, въ скоромъ времени и перещеголяла бы мужчину. Какъ доводъ въ пользу подчиненнаго публичноправового положенія женщины, это указаніе на мѐньшія дарованія имѣетъ ровно такую же цѣнность, какъ и слѣдующая аргументація святого Амвросія: мужчина долженъ господствовать надъ женщиной въ виду того, что Ева создана изъ ребра Адама. Никогда не затрудняются въ „моральныхъ“ доводахъ, чтобы оправдать вызванный превосходствомъ силы фактъ. Но вотъ теперь по всей линіи гремитъ борьба женщинъ за равное съ мужчинами публичноправовое положеніе. Во многихъ государствахъ онѣ (а именно, представительницы высшихъ классовъ) уже добились политическаго избирательнаго права. И вотъ, какъ на могучее и отрадное знаменіе времени, слѣдуетъ обратить вниманіе на то рѣшеніе англійской нижней палаты, по которому женщинамъ должно быть сообщено это избирательное право [1]).

---

[1]) Наиболѣе широкихъ политическихъ правъ добилась за послѣднее время женщина въ Австраліи. Такъ, въ нѣкоторыхъ изъ Австралійскихъ Штатовъ за женщинами признано не только активное, но и пассивное избирательное право. Здѣсь всѣ роды образованія и всѣ профессіи стали доступны имъ въ такой же мѣрѣ, какъ и мужчинамъ. Активное же избирательное право, конечно, получило болѣе обширное распространеніе: оно признано за женщинами во всей Австраліи (съ Новой Зеландіей), а также и въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки.

Примѣръ австралійскихъ колоній повліялъ и на метрополію: 17 марта

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Международныя отношенія.

§ 215.

Международное право.

Если ту фактическую организацію государства, которую оно устанавливаетъ для достиженія внутреннихъ цѣлей и которая является выраженіемъ отношеній властвованія между его соціальными составными частями, — если организацію эту называютъ государственнымъ правомъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что фактическія формы отношеній народа къ народу, государства къ государству принято именовать международнымъ правомъ. Это послѣднее въ извѣстномъ смыслѣ является правомъ не болѣе, чѣмъ государственное, такъ какъ и у него не хватаетъ существенныхъ признаковъ права. А именно, — здѣсь нѣтъ той высшей власти, которая силою своего авторитета провозглашаетъ право закономъ, охраняетъ этотъ послѣдній и въ случаѣ необходимости настаиваетъ на его исполненіи. Итакъ, международное право является лишь совокупностью тѣхъ формъ отношенія, которыя дѣйствительно соблюдаются въ мирномъ взаимообщеніи государствъ или народовъ; мы говоримъ — въ мирномъ общеніи, такъ какъ съ наступленіемъ войны всѣ эти соединительныя формы обыкновенно уничтожаются, а на мѣсто ихъ выступаетъ грубая сила; да, тутъ всякія соглашенія уже прекращаются, за исключеніемъ развѣ лишь нѣкоторыхъ незначительныхъ формъ, сохраняющихся между цивилизованными народами обыкновенно и въ военное время.

1904 года англійская нижняя палата, послѣ упорной борьбы, приняла билль о предоставленіи женщинамъ, какъ активнаго, такъ и пассивнаго избирательнаго права. Но въ верхней палатѣ этотъ законопроектъ пока еще не прошелъ.

Наконецъ, съ 1907 года и въ Финляндіи женщина добилась избирательныхъ правъ (активнаго и пассивнаго).

См. мое примѣчаніе къ § 168 (стр. 331—332), а также монографіи— Л. Купріяновой—„Австралія и Новая Зеландія", Спб., 1901 г., и Вильяма Ривса—„Женское избирательное право", Кіевъ, 1905 г.

Переводчикъ.

§ 216.

Научная разработка международнаго права.

Международное право утверждалось въ наукѣ подобно естественному праву. Его основывали на какой-либо „высшей“ идеѣ, охотнѣе всего на идеѣ „человѣчества“ и внушали себѣ и другимъ, что „международное право“ существуетъ въ такомъ именно видѣ, какъ оно выведено изъ данной идеи. Если же оно въ томъ или иномъ случаѣ не соблюдалось, тогда говорили, что „международное право нарушается“. Но вотъ, гдѣ слѣдовало бы примѣнять это международное право, тамъ, какъ показываютъ безпрестанныя войны, оно постоянно „нарушается“ и престижъ свой сохраняетъ лишь тогда, когда не приходится прибѣгать къ его примѣненію, т. е., въ мирное время, на каѳедрѣ и въ книгахъ.

И вотъ, когда происходитъ коллизія дѣйствительности съ теоріей, факта съ ученіемъ, то доктрина сейчасъ же готова взвалить всю вину на дѣйствительность и проповѣдовать мораль. Наука же причину этого несогласія должна искать въ неправильномъ понятіи; и мы также постараемся направить сюда свое изслѣдованіе.

а) Въ познаніи истинной природы международнаго права огромную роль играетъ произведеніе Адольфа Лассона—«Princip und Zukunft des Völkerrechts» (Berlin, 1871). Лассонъ тутъ ополчается противъ «ложной философіи, рѣшающейся по своему строить жизнь», и оспариваетъ тотъ взглядъ, будто бы возможно, чтобы «отдѣльныя государства, тѣ части, на которыя распадается человѣчество, сходились въ организованномъ на правовыхъ и нравственныхъ началахъ общеніи». Въ этомъ взглядѣ онъ усматриваетъ «непозволительное растяженіе понятія права».

«Общечеловѣческое государство» («Menschheitstaat»), выставляемое многими писателями, какъ идеалъ, къ которому слѣдуетъ стремиться Лассонъ называетъ «безразсуднымъ положеніемъ» (S. 10), такъ какъ, «согласно законамъ природы и духовнаго развитія, никогда не мыслимо такое состояніе, при которомъ въ отдѣльныхъ географическихъ частяхъ земной поверхности не существовало бы глубоко различныхъ народовъ», имѣющихъ каждый свое соотвѣтствующее его «особенному народному духу» государство. «Итакъ универсальное государство противорѣчило бы природѣ вещей и людей»,—природѣ, которой вполнѣ отвѣчаетъ, напротивъ, множественность государствъ.

Какъ «суверенныя, моральныя личности»,—полагаетъ Лассонъ,—государства не могутъ быть «членами правового или нравственнаго общенія», и «дѣйствительно, политика управляется

принципомъ пользы». А именно, государство не задается вопросомъ,—что законно и нравственно? но преслѣдуетъ то, что для него полезно.

«Слова—право и нравственность», говоритъ Лассонъ, «обладаютъ такой магической силой, что даже ошибочное перенесеніе данныхъ понятій въ чуждую имъ сферу все еще плѣняетъ человѣческое сужденіе и является объятымъ какимъ то блескомъ возвышенаго и похвальнаго; между тѣмъ тотъ, кто учитъ, что примѣненіе этихъ понятій, вслѣдствіе особой отличительной природы ихъ, должно быть исключено изъ извѣстныхъ областей жизни, легко навлекаетъ на себя упрекъ въ преступныхъ взглядахъ, не уважающихъ того, что для всѣхъ людей должно являться священнымъ» (S. 20). Но Лассонъ считаетъ государство «моральной личностью» и выставляетъ природу его, какъ состоящую въ томъ, что оно «повсюду ищетъ полезнаго для себя» и что «въ данномъ утилитаризмѣ государство должно быть лишь разумнымъ»; соображенія эти вытекаютъ изъ того обстоятельства, что «всякая моральная личность въ своихъ отношеніяхъ къ окружающему наблюдаетъ собственную пользу» (S. 21). А та «моральная личность», которую называютъ государствомъ, является вмѣстѣ съ тѣмъ и «суверенной», откуда Лассонъ выводитъ, что государство «никогда не можетъ подчиняться извѣстному правопорядку, какъ и вообще никакой внѣшней волѣ». Взглядъ этотъ совершенно разрушаетъ всякія мечтанія о стоящемъ надъ государствами и осуществляющемъ международное право всемірномъ правопорядкѣ. Согласно природѣ вещей,—говоритъ Лассонъ,—«отношеніе, существующее между государствами, не является юридическимъ». Вѣдь государство «никогда не можетъ подчиниться постороннимъ мнѣніямъ» (S. 24); оно «не родилось подданнымъ, а поэтому и никогда не можетъ сдѣлаться таковымъ». «Это мечтаніе о правопорядкѣ, способнымъ господствовать надъ и между государствами, является пустой и безсмысленной фантазіей, которая вытекаетъ изъ малодушія и ложной сентиментальности и лишь благодаря злоупотребленію словами и возвышеннымъ неяснымъ представленіямъ получаетъ обликъ чего то яко-бы реальнаго и разумнаго» (S. 26). Существо господствующаго между государствами отношенія не терпитъ никакого правопорядка, такъ какъ «между ними, согласно природѣ вещей, царитъ раздоръ». «Какъ волкъ и ягненокъ, какъ тигръ и быкъ никогда въ этой дѣйствительной земной жизни не могутъ мирно вмѣстѣ кормиться,—точно такъ же и между государствами никогда не будетъ братскаго согласія и искренней любви». Правда, изъ-за внѣшнихъ благъ между государствами существуетъ сравнительно мало раздоровъ, тутъ скорѣе проявляется споръ изъ-за господства, вѣчно обостряющій отношенія между ними. Этотъ споръ изъ-за господства,—«воспламеняющійся повсюду, гдѣ только сталкиваются люди, сознающіе себя разнородными по отношенію другъ къ другу»,—внутри государства направляется по юридическому пути и руководится правомъ», но внѣ государства онъ можетъ быть улаженъ лишь борь-

бой. «Лишь тогда, когда одинъ, порабощая другого, дѣлается господиномъ этого послѣдняго, тогда лишь онъ дѣйствительно доказываетъ превосходство своего существа; и доказательство это должно вестись посредствомъ физической силы и съ такимъ мужествомъ, при которомъ не побоятся рискнуть всѣми жизненными благами и даже самою жизнью, чтобы только утвердиться въ свободѣ своего самосознанія». Замѣтимъ, что во второй половинѣ только что процитированнаго нами положенія Лассонъ перешелъ за предѣлы науки. Пока онъ остается на почвѣ фактовъ, пока онъ утверждаетъ эмпирически познанное, до тѣхъ поръ мы не можемъ не согласиться съ нимъ; но, когда Лассонъ отъ существующаго переходитъ къ должному, когда онъ говоритъ о борьбѣ, которая должна вестись, то тутъ мы расходимся съ нимъ; вѣдь здѣсь Лассонъ съ прочной научной почвы перешагнулъ на шаткій путь субъективнаго воззрѣнія. Заключеніе на основаніи прошлаго и существующаго о томъ, что должно быть, не научно и опасно для объективнаго значенія. И не удивительно, что, сдѣлавъ этотъ шагъ, Лассонъ все дальше и дальше скользитъ по избранному имъ шаткому пути и наконецъ приходитъ къ апоѳеозу—международной ненависти (Völkerhass). «Одинъ народъ нерасположенъ къ другому, и нерасположеніе это при столкновеніи интересовъ становится ожесточенной, смертельной ненавистью; и вотъ такая репульсивная сила сознанія собственнаго достоинства и собственнаго существа всецѣло принадлежитъ къ здоровому состоянію народной жизни (?). Тотъ народъ, который не можетъ питать ненависти къ чужому, является жалкимъ народомъ, недостойнымъ самостоятельности и предназначеннымъ лишь къ тому, чтобы быть разграбляемымъ и расхищаемымъ» (S. 34). Это страстное превознесеніе международной ненависти совершенно безъосновательно и ненаучно. Вѣрно лишь, что государство является «безсердечнымъ существомъ», «корыстность и эгоизмъ котораго безпощадны» и которое «прибѣгаетъ ко всякимъ средствамъ, ведущимъ къ поставленной цѣли»; несомнѣнно, что и международную ненависть государство проявляетъ лишь, какъ средство «къ обезпеченію священныхъ для него отечественныхъ благъ».

И вотъ, доведя до даннаго пункта изображеніе государственной природы, Лассонъ теперь переходитъ къ тѣмъ моментамъ, которые дѣлаютъ возможнымъ существованіе между государствами нѣкотораго «международнаго права». Такъ какъ мотивомъ государственной дѣятельности является «разумный эгоизмъ», то отсюда слѣдуетъ, что, если государство уже не имѣетъ надобности въ войнѣ, въ такомъ случаѣ отношенія свои къ другимъ государствамъ оно устанавливаетъ «на основаніи потребности мира». И если нѣсколько государствъ одновременно ощущаютъ данную потребность, тогда между ними появляется «общность интересовъ», для охраны которыхъ становятся необходимыми извѣстныя постановленія. И вотъ создается такая «система постановленій, которая весьма близко подходитъ къ организаціи правопорядка и поэтому,

въ отличіе отъ дѣйствующихъ внутри государства юридическихъ нормъ, называется международнымъ или интернаціональнымъ правомъ».

Дальнѣйшія разсужденія относительно даннаго международнаго права Лассонъ ведетъ слѣдующимъ образомъ. — Собственную сферу этого международнаго права составляютъ «тѣ отношенія, которыя не затрагиваютъ существенныхъ жизненныхъ интересовъ государства и не могутъ легко сдѣлаться опасными для его самосохраненія» (S. 47). И вотъ въ такихъ предѣлахъ Лассонъ не только признаетъ международное право, но даже превозноситъ его благотворное дѣйствіе и высокое значеніе. Но, конечно, и въ данныхъ предѣлахъ различныя положенія международнаго права дѣйствуютъ лишь «условнымъ образомъ» (S. 48). «Такова ужъ природа вещей», говоритъ Лассонъ, «и всякая международная норма должна быть установляема въ томъ смыслѣ, что отъ государства никогда не требуется безусловнаго ея соблюденія,—государство никогда не обязывается къ этому».

Итакъ двоякаго рода ограниченія выставляетъ Лассонъ для «международнаго права»: оно можетъ регулировать только несущественныя отношенія, да и то лишь условнымъ образомъ. Вслѣдъ за этимъ, конечно, онъ вынужденъ прибавить, что «международное право, благодаря такому сомнительному характеру своему, не является правомъ». Что же оно послѣ этого? спрашиваемъ мы. У Лассона находимъ слѣдующій отвѣтъ на данный вопросъ: «Хотя постановленія международнаго права иногда и имѣютъ видъ правовыхъ положеній, однако же по содержанію и по формѣ своей обязательности они представляютъ изъ себя нѣчто совершенно иное. Это—правила благоразумія (Klugheitsregeln), а не правовыя велѣнія» (S. 49).

Досадно было бы за столь остроумныя, реалистическія изысканія Лассона, если бы они были доведены лишь до того ничтожнаго заключенія, что международное право является совокупностью правилъ благоразумія. Но къ счастью Лассонъ на этомъ не останавливается и вводитъ коренную поправку въ выше цитированное, неудовлетворяющее насъ опредѣленіе. «Международное право», говоритъ онъ (S. 52), «является не правомъ, не моралью государствъ, но въ извѣстной степени и во многихъ частяхъ своихъ—междугосударственнымъ обычаемъ,—конечно, обычаемъ не въ смыслѣ нравственности, но въ смыслѣ образа дѣйствій, вошедшаго въ привычку и соотвѣтствующаго общему мнѣнію».

Въ этомъ пунктѣ своего произведенія Лассонъ,—по нашему убѣжденію,—ближе всего подступилъ къ истинѣ; только что процитированныя слова почти соприкасаются съ ней. И вотъ теперь ему слѣдовало бы сдѣлать еще лишь одинъ небольшой шагъ,—а именно: если бы Лассонъ вмѣсто тщательнаго обособленія «обычая» отъ «нравственности» постарался изслѣдовать черты, общія обоимъ этимъ понятіямъ, тогда ему пришлось бы признать, что тотъ «обычай», который онъ вполнѣ правильно представляетъ

«вошедшимъ въ привычки и соотвѣтствующимъ общему мнѣнію образомъ дѣйствій», является ничѣмъ инымъ, какъ зародышемъ, изъ котораго путемъ естественнаго развитія выростаетъ нравственность.

Если бы Лассонъ сдѣлалъ этотъ шагъ, тогда онъ не отвергалъ бы столь аподиктически и ненаучно всѣ международноправовыя «мечтанія о будущемъ» (Zukunftsträume»); тогда Лассонъ бросилъ бы свое пессимистическое пророчествованіе, провозглашающее вѣчную силу прежняго и настоящаго интернаціональнаго состоянія; тогда онъ не сталъ бы прошлое и существующее признавать за то, что должно быть и въ будущемъ.

Стоило Лассону ступить еще этотъ одинъ шагъ по пройденному имъ трудному, на гору подымающемуся пути,—и онъ взошелъ бы на самую вершину, откуда раскрывается свободная перспектива на все тысячелѣтнее непрерывное развитіе, идущее отъ «обычая, какъ привычнаго образа дѣйствій», направляющееся затѣмъ къ «нравственности» и далѣе къ праву. И вотъ тутъ Лассонъ, конечно, призналъ бы, что въ дальнѣйшемъ, безконечномъ ходѣ развитія можетъ настать такое время, когда этотъ интернаціональный «обычай», перейдя въ интернаціональную «нравственность», превратится наконецъ въ международное право; при этомъ, разумѣется, теперь никоимъ образомъ нельзя предвидѣть тѣ формы, въ которыхъ нѣкогда можетъ выразиться будущее развитіе. Но это ужъ вовсе не дѣло науки—давать очертаніе предстоящаго образа эволюціи; равнымъ образомъ ненаучно и отрицать напередъ возможность въ будущемъ дальнѣйшаго развитія,—какъ это дѣлаетъ Лассонъ.

Что же касается до изслѣдованія Лассономъ почвы дѣйствительно существующихъ отношеній, то здѣсь отъ него уже нечего больше желать. Междугосударственные договоры онъ справедливо считаетъ «выраженіемъ взаимоотношенія силъ» (S. 55). Отсюда Лассонъ заключаетъ, что «всякое государство можетъ легко отступиться отъ любого договора, лишь только оно въ интересахъ своихъ находитъ извѣстное къ тому основаніе; въ подобныхъ случаяхъ государство сдерживается лишь страхомъ войны, если оно имѣетъ передъ собой равносильнаго противника»... (S. 61). «Политическіе трактаты», говоритъ далѣе Лассонъ, «являются до тѣхъ поръ разумными, пока они правильно выражаютъ взаимоотношеніе силы договорившихся сторонъ». Останавливаясь на «политическомъ трактатѣ», какъ базисѣ международнаго права, Лассонъ снова проводитъ совершенно вѣрную параллель между «правомъ» въ государствѣ и интернаціональнымъ «правомъ». «Право внутри государства», говоритъ онъ (S. 63), «постоянно остается правомъ, хотя бы оно было и несправедливо; вѣдь во-первыхъ это право защищается могучей силой государства, а во-вторыхъ и само по себѣ сохраненіе существующаго правопорядка является чѣмъ то столь важнымъ, что тутъ отдѣльная несправедливость не принимается въ соображеніе. А основанное на договорахъ международное право,

не обладающее такой гарантіей и такимъ значеніемъ, будучи простымъ статутарнымъ правомъ. не имѣетъ никакого смысла и не можетъ притязать на значительный авторитетъ. Неправиленъ всякій договоръ, противорѣчащій взаимоотношенію силъ».

Тѣмъ не менѣе Лассонъ нѣкоторымъ образомъ признаетъ цѣнность и значеніе политическихъ трактатовъ. «Разумные, сообразные съ положеніемъ вещей договоры до извѣстной степени предотвращаютъ дѣйствительный, внѣшними обстоятельствами вызываемый конфликтъ государствъ. Вѣдь,—если всякому договаривающемуся предоставляется столько, сколько онъ располагаетъ поддержать своею силою, и если ни на одну изъ сторонъ не падаетъ слишкомъ много тягостей,—тогда всякое изъ договаривающихся государствъ будетъ сохранять мирныя отношенія и, руководимое истиннымъ интересомъ своимъ, даже вынуждено будетъ искать мира». Такому разумному устройству договоровъ Лассонъ придаетъ величайшее значеніе, такъ какъ только «сообразные съ положеніемъ вещей» трактаты гарантируютъ намъ миръ. И вотъ въ данномъ отношеніи Лассонъ даже рѣшается говорить о «святости» («Heiligkeit») такихъ договоровъ, но сейчасъ же вслѣдъ за тѣмъ онъ выражаетъ опасеніе, что эта «святость» едва ли долговѣчна. А именно, такъ какъ «сообразность съ положеніемъ вещей» состоитъ въ томъ, чтобы трактаты соотвѣтствовали реальнымъ соотношеніямъ силъ, а соотношенія эти измѣнчивы,—то и «сообразность съ положеніемъ вещей» легко прекращается и «святой» договоръ становится современемъ никуда не годнымъ» (S. 65). А сдѣлался ли данный «святой» договоръ «негоднымъ»,—въ этомъ вопросѣ «никогда не можетъ быть иного судьи, кромѣ самого государства». Все это совершенно вѣрно, и мы должны вполнѣ согласиться съ Лассономъ, что такъ дѣло обстоитъ «до сихъ поръ»; дальше же мы несогласны съ нимъ. Онъ говоритъ: «прямо таки немыслимо, чтобы это когда нибудь могло измѣниться»; съ даннымъ положеніемъ мы ужъ никакъ не можемъ согласиться, такъ какъ совсѣмъ ненаучно выступать съ подобными заявленіями. Насколько далеко впослѣдствіи можетъ зайти развитіе международнаго права,—теперь этого мы не въ состояніи предвидѣть; однако же нельзя считать невозможнымъ и «немыслимымъ», чтобы международное право изъ стадіи обычая и нравственности современемъ перешло въ періодъ «права», когда оно,—по крайней мѣрѣ въ извѣстной части свѣта или на протяженіи опредѣленнаго культурнаго общенія,—будетъ имѣть даже своего особаго законодателя и «судью».

Велика заслуга Лассона въ томъ, что онъ, избѣгая всякихъ иллюзій и самообмановъ, вполнѣ реально представляетъ дѣйствительныя отношенія, проявляющіяся въ прошедшемъ и настоящемъ времени; съ другой же стороны Лассонъ совершенно безосновательно и ненаучно отрицаетъ будущее международнаго права,—и въ этомъ заключается его слабость. Развитіе, какъ частнаго, такъ и государственнаго права, начиная отъ самыхъ примитивныхъ стадій и доходя до современнаго ихъ положенія, не даетъ никакого по-

вода для подобныхъ отчаянныхъ заключеній относительно будущности международнаго права. Поэтому ровно ничѣмъ необосновано слѣдующее безутѣшное выраженіе Лассона: «Природа вещей сильнѣе всякихъ благихъ пожеланій, и она теперь не позволяетъ, да и никогда не допуститъ, чтобы государства соединялись другъ съ другомъ на началахъ дружбы и любви или чтобы они могли быть ограничены повиновеніемъ передъ какимъ нибудь принудительнымъ правопорядкомъ» (S. 84). Поскольку данное положеніе относится къ настоящему и прошедшему, оно неоспоримо; что же касается до будущаго, то здѣсь это заявленіе не имѣетъ за собой никакихъ доводовъ. Впрочемъ и самъ Лассонъ нѣсколькими страницами дальше замѣчаетъ, что «прогрессивной силой цивилизаціи можно обосновать надежду на улучшенія». И вотъ, если бы Лассонъ не упустилъ изъ виду этой мысли, то онъ бросилъ бы свое безутѣшное отрицаніе всякой будущности за международнымъ правомъ и, пожалуй, не дошелъ бы въ концѣ концовъ до прославленія «вооруженнаго народа» («Volk in Waffen»), какъ единственной панацеи для будущаго состоянія государствъ; нѣтъ, тогда Лассонъ, вѣроятно, раскрылъ бы намъ болѣе отрадную перспективу на будущее и вмѣсто «вооруженнаго народа» въ заключительной картинѣ изобразилъ бы отвращающуюся отъ войны мирно могучую «силу цивилизаціи».

И вотъ, чего недостаетъ у Лассона, то Фриккеръ (Fricker) повидимому хочетъ наверстать. Въ своемъ трудѣ—«Problem des Völkerreckts» [1])—онъ отчасти вѣрно указываетъ на возможное будущее развитіе международнаго права. Изслѣдовавъ объективно вопросъ: «существуетъ ли вообще международное право?» и указавъ на допускаемыя здѣсь ошибки, а главнымъ образомъ на ту, что «къ международному праву стараются приноровить то понятіе позитивнаго права, которое получается изъ односторонняго разсмотрѣнія дѣйствующихъ въ государствѣ юридическихъ нормъ»,—послѣ этого Фриккеръ переходитъ къ анализу понятія «международнаго права». И тутъ вполнѣ правильно онъ находитъ, что «международное право» имѣетъ все-таки нѣчто общее съ дѣйствующимъ въ государствѣ, а именно: вообще «правомъ должно становиться то, что заключается въ положеніи вещей». Такое разсужденіе поставило Фриккера на совершенно вѣрный путь, но къ сожалѣнію въ дальнѣйшемъ ходѣ своей работы онъ сбивается въ сторону. Здѣсь Фриккеръ впадаетъ въ идеализмъ, позволяющій ему видѣть въ «вещахъ» многое такое, чего въ нихъ нѣтъ,—и вотъ на этомъ онъ затѣмъ строитъ свои заключенія. Такъ въ человѣчествѣ онъ предполагаетъ «стремленіе къ единству» («Zug zur Einheit»),—стремленіе, которое реальнымъ путемъ никакъ не можетъ быть доказано. Конечно, на такомъ «стремленіи къ единству», долженствующемъ жить въ человѣчествѣ, очень легко

---

[2]) Zeitschrift f. d. ges. Staatswissenschaft. Tübingen 1872. XXVIII Jahrg. S. 91.

строить международноправовыя системы; но это напоминаетъ пріемы стараго естественнаго права, выставлявшаго различныя присущія человѣку «побужденія». Въ «человѣчествѣ» до сихъ поръ не замѣчается подобнаго порыва къ единству, если только не считать таковымъ стремленія къ господству и къ властвованію. Насколько идеалистично Фриккеръ обосновываетъ свое международное право, съ этимъ познакомитъ васъ слѣдующая цитата: «Борьба за существованіе, перенесенная въ сферу человѣчества, должна опираться на все естество человѣка. И вотъ, разъ въ составъ естества этого входитъ стремленіе къ другимъ, разъ принципъ—другъ за друга!—крѣпко сросся съ людьми, то и данная борьба должна (!) держаться внутри тѣхъ предѣловъ, которые человѣкъ силою собственнаго естества своего вынужденъ установить въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ людямъ. Принципъ—другъ за друга!—не прекращается за границами государства такъ же, какъ и за предѣлами семьи, хотя при этомъ распространеніи интенсивность стремленія уменьшается. И здѣсь обнаруживается прогрессивное развитіе: сферы, наполняемыя сознаніемъ общности, становятся все больше и больше» (S. 121). Эти послѣднія слова содержатъ въ себѣ неоспоримую истину, выводятся же они изъ ничѣмъ необоснованнаго принципа, сильно напоминая дедуктивный методъ приверженцевъ естественнаго права. Вѣрно, конечно, что съ развитіемъ культуры сознаніе общности распространяется на все болѣе и болѣе обширные круги государствъ, а также правильно—въ этомъ именно явленіи искать будущее международнаго права; невѣрно лишь—объяснять данное явленіе человѣческимъ «естествомъ», которое будто бы состоитъ въ томъ, что «всякій человѣкъ стремится къ другому» (S. 134), откуда затѣмъ должно слѣдовать «единство всего человѣчества». Такія атомистическія аргументаціи не способны двинуть впередъ науку международнаго права, и слѣдуетъ полагать, что онѣ,—какъ это показалъ Лассонъ,—принадлежатъ къ побитымъ точкамъ зрѣнія. Факты же, показывающіе, что происходятъ «сближенія» между «цѣлыми группами государствъ» (S. 371), что въ такихъ кругахъ развивается «общественное сознаніе», что, напр., вслѣдствіе общности многихъ континентальныхъ интересовъ европейскія государства образуютъ нѣкоторый международноправовой кругъ и т. д., — такіе факты, составляя крѣпкій исходный пунктъ, имѣютъ огромное значеніе для науки международнаго права. Факты эти указываютъ на возрастающую «силу цивилизаціи» и не позволяютъ намъ сомнѣваться въ неминуемомъ, хотя и далекомъ будущемъ международнаго права внутри широкаго круга культурнаго общенія.

§ 217.

Несовершенство международнаго права.

При гражданскомъ и уголовномъ правѣ мы наблюдаемъ государственную власть, какъ высшую силу, которая не только про-

возглашаетъ это право, но и защищаетъ его. При государственномъ правѣ также существуетъ эта власть, суверенно и абсолютно утверждающая свое отношеніе къ соціальнымъ составнымъ частямъ государства; воля ея, опираясь на силу, становится правомъ. Подъ давленіемъ этой силы въ государствѣ происходитъ образованіе права,—и вотъ въ какой послѣдовательности: развитіе здѣсь идетъ отъ факта къ нравственности, и далѣе—отъ нравственности,—съ помощью всесильной государственной власти,—къ праву. Однако же всесиліе этой власти простирается лишь до предѣловъ государства. Но подъ чьей же охраной можетъ происходить то правообразованіе, которое должно выйти за границы отдѣльныхъ государствъ? До сихъ поръ нѣтъ такой силы, которая могла бы провозглашать и затѣмъ защищать это выходящее за предѣлы государства право. И вотъ, такъ какъ до настоящаго времени недостаетъ такой силы, то въ международной области правообразованіе пока невозможно, и даже признаки возникающаго интернаціональнаго **нравственнаго** порядка еще весьма слабы. Правда, факты и въ этой области создали уже нѣкоторую нравственную идею, но сила ея еще слишкомъ незначительна для того, чтобы оказывать рѣшающее вліяніе на международныя отношенія. Однако факты эти являются историческими. Созданная ими нравственная идея живетъ, конечно, въ лучшихъ слояхъ цивилизованныхъ народовъ, и все-таки до сихъ поръ она не только напрасно силится реализоваться въ **правѣ**, но и какъ **нравственность** не можетъ еще управлять международными отношеніями. Итакъ, теперь пока можно говорить лишь о слабыхъ зачаткахъ интернаціональной **морали**; о дѣйствительномъ же международномъ правѣ въ настоящее время не можетъ быть еще никакой рѣчи. Разумѣется, междугосударственные договоры съ успѣхомъ образовали бы исходный пунктъ для этого права, если бы только здѣсь существовала такая высшая сила, которая могла бы охранять выполненіе данныхъ договоровъ. Но трактаты эти соблюдаются лишь до тѣхъ поръ, пока это удобно и угодно для сторонъ; и вотъ исторія междугосударственныхъ договоровъ является лучшимъ доказательствомъ того, что интернаціональныя отношенія едва лишь дошли до преддверія нравственности; отсюда ясно, что мы еще не можемъ составить себѣ никакого опредѣленнаго представленія о томъ, какимъ образомъ отношенія эти могутъ пріобрѣсть юридическій характеръ и образовать международное право.

§ 218.

Война.

Трактующее о государствѣ произведеніе отличалось бы нѣкоторой неполнотой, если бы въ немъ не было отведено мѣста войнѣ и ея значенію. Изъ возникновенія и развитія государствъ война намъ извѣстна, какъ „отецъ“ (πόλεμος πατὴρ πάντων) и „пріумножатель“ государства. Но вотъ съ развитіемъ культуры все больше и больше растетъ отвращеніе къ войнѣ, отвращеніе къ человѣкоубійству. Въ нашей части свѣта особенно громко теперь раздается возгласъ: „долой оружіе!“. Лиги мира, международные мирные конгрессы съ шумными рекламами выступаютъ на сцену; всѣ увѣряютъ и клянутся, что ратуютъ лишь за миръ. Монархи—одинъ за другимъ—прославляются, какъ „миротворцы“ („Friedenskaiser“); такіе громкіе „миротворцы“ не рѣдкость въ Европѣ, но при этомъ народы все-таки подавлены тяжестью налоговъ, идущихъ на содержаніе милліонныхъ армій. И нельзя, конечно, не обратить вниманія на это странное явленіе.

Окончена ли роль войны на земномъ шарѣ или, по крайней мѣрѣ, въ „нашей высокоцивилизованной“ части свѣта? Если война являлась естественнымъ, необходимымъ факторомъ историческаго процесса и государственнаго развитія, то наивно, конечно, было бы думать, что собственной силой своей „миротворцы“ въ одинъ прекрасный день свободно могутъ изъять этотъ факторъ естественнаго процесса изъ механизма соціальнаго развитія. Способность легко предаваться такимъ вѣрованіямъ и надеждамъ является удѣломъ наивныхъ умовъ. Война далеко еще не закончила своей естественной, необходимой функціи въ соціальномъ развитіи и, пожалуй, никогда вполнѣ не закончитъ ее; но возможно, что со временемъ огромныя области человѣческой культуры, цѣлыя системы государствъ будутъ находиться въ умиротворенномъ состояніи.

§ 219.

Война, какъ „правовое средство“ („Rechtsmittel“).

Разсматривая литературу по международному праву вплоть до новѣйшаго времени, мы напрасно стали бы здѣсь искать правильнаго пониманія войны, пониманія ея существа и значенія въ развитіи человѣчества.

*

Приверженцы естественнаго права (Puffendorf, Thomasius, Buddäus, Heineccius, Griebner) считаютъ войну междугосударственной тяжбой, юридическимъ процессомъ, который долженъ быть рѣшенъ оружіемъ, такъ какъ надъ государствами нѣтъ никакого судьи. По мнѣнію этихъ ученыхъ, война является правовымъ средствомъ (Rechtsmittel)—въ родѣ того, какъ конфискація или какой нибудь другой актъ принужденія. И представители науки международнаго права (Rachel, Textor, Martens, de Vattel, Klüber, J. J. Moser) опредѣляютъ лишь внѣшнюю сторону войны, не касаясь существа и значенія ея. „Согласно требованіямъ разума", говоритъ J. J. Moser, „войной называется такое положеніе, когда одинъ суверенъ пользуется своей арміей, чтобы нанести извѣстный ущербъ другому суверену или его народу".

Новѣйшіе представители науки международнаго права довольствуются тѣмъ, что съ прискорбіемъ отзываются о войнѣ, какъ о неизбѣжномъ крайнемъ средствѣ, и оправдываютъ ее лишь, какъ путь къ возстановленію извѣстнаго „правонарушенія". Поэтому они осуждаютъ такую войну, которая основана только на соображеніяхъ „цѣлесообразности". Вотъ какъ, напримѣръ, говоритъ Геффтеръ: „Одни лишь доводы политической пользы, а также морально хорошія цѣли безъ наличности угрожающаго или уже причиненнаго правонарушенія никогда не могутъ оправдывать несправедливость войны".

И вотъ лишь отдѣльные натуралисты и соціологи выражаютъ болѣе глубокое пониманіе войны. Прежде всего Мальтусъ. Онъ говоритъ: „Одной изъ первыхъ и главнѣйшихъ причинъ войны являлся, безъ сомнѣнія, недостатокъ въ территоріи и средствахъ пропитанія; какъ ни измѣнились человѣческія отношенія со времени своего возникновенія, все-таки обстоятельство это сохраняетъ свою силу еще до сихъ поръ и приводитъ,—правда, въ меньшемъ уже размѣрѣ,—къ тѣмъ же послѣдствіямъ"[1]. Въ своей теоріи „борьбы за существованіе" Дарвинъ, очевидно, прежде всего имѣетъ въ виду категоріи растительныхъ и животныхъ организмовъ; но изъ этого ученія съ логическою необходимостью слѣдуетъ, что и происходящія между народами войны управляются тѣмъ же самымъ естественнымъ закономъ.

При такомъ взглядѣ на вещи, само собою разумѣется, па-

---

[1]) Malthus—„Versuch über das Bevölkerungsgesetz", deutsch von Stöpel, S. 638.

даетъ тотъ критерій „правомѣрности“ и „справедливости“, которымъ при разсмотрѣніи войнъ пользуются историки и представители науки международнаго права. Вѣдь, согласно этому пониманію вещей, войны лежатъ именно не въ области права, не въ области государственнаго правопорядка, но въ сферѣ соціальныхъ естественныхъ отношеній, которыя составляютъ или по крайней мѣрѣ должны бы составлять предметъ исторіи.

§ 220.

«Право на войну».

Весьма глубокомысленный представитель науки международнаго права Генрихъ Реттихъ недавно сдѣлалъ отважную попытку конструировать „право на войну“ („Recht zum Kriege“) [1]; но сейчасъ мы убѣдимся, что это послѣднее не имѣетъ ровно ничего общаго съ правомъ. Реттихъ считаетъ войну просто „актомъ сношенія“ („Act des Verkehrs“). Какъ всякое сношеніе, „война вытекаетъ изъ человѣческихъ потребностей и цѣль ея—удовлетвореніе данныхъ потребностей“. Согласно съ признаками этого „боевого сношенія“, Реттихъ опредѣляетъ его, какъ „сопряженное съ насиліями состязаніе изъ-за такого предмета раздора, пріобрѣтеніе и удержаніе котораго возможно лишь съ помощью борьбы“. Въ виду того, что искони войны эти разыгрываются, какъ „борьба между различными, внутри болѣе или менѣе скрѣпленными общностью извѣстныхъ интересовъ человѣческими группами“,—въ виду этого къ вышеприведенному опредѣленію слѣдуетъ прибавить еще тотъ признакъ, что война является „борьбой между организованными человѣческими массами“. Внутри же такихъ „организованныхъ массъ“ война, какъ „самое рѣзкое отрицаніе общности интересовъ“, должна уступить мѣсто „мирному и правовому порядку“; такой правопорядокъ мы называемъ государствомъ, если онъ существуетъ „у единаго, на собственной территоріи самостоятельно живущаго народа“. Государство, слѣдовательно, представляетъ изъ себя приведенную къ внутреннему замиренію территорію. (а) Но съ основаніемъ этого государственнаго правопорядка „сношеніе“

[1]) Heinrich Rettich—„Gur Theorie und Geschichte des Rechts zum Kriege“, 1888.

между „организованными человѣческими массами“ не прекращается. Оно и теперь ведется, но только уже внѣ замиренной территоріи, т. е., между отдѣльными государствами, представляющими изъ себя также лишь „организованныя человѣческія массы“. Причины войнъ остаются все тѣ же: потребность въ территоріи, пропитаніи и предметахъ роскоши. Побѣдитель-завоеватель, покоривъ враждебное государство, продолжаетъ дѣло „замиренія“: онъ присоединяетъ завоеванное государство къ своимъ предѣламъ и распространяетъ на него единый государственный правопорядокъ.

„Никто... не хочетъ войны ради нея самой“, говоритъ Реттихъ, „и даже самое дикое животное никогда не находитъ удовольствія въ однихъ лишь убійствахъ... Средневѣковый рыцарь на войнѣ пріобрѣталъ себѣ средства къ жизни; потребность въ пропитаніи, предметахъ роскоши и рабочихъ рукахъ,—вотъ тѣ поводы, которые побуждали его къ войнѣ; это былъ актъ сношенія,—когда онъ боролся со своимъ сосѣдомъ. Когда же данное сношеніе измѣнило свою форму, когда оно стало доставлять заинтересованнымъ лицамъ средства къ жизни и предметы роскоши уже другимъ путемъ, не требующимъ рискованія собственной жизнью,—тогда война сама собой потеряла свое значеніе“. И вотъ „усилившіеся властелины, усмиривъ разбойниковъ и медіатизировавъ слабѣйшихъ изъ своей среды, были въ состояніи даже этимъ покореннымъ и ихъ потомкамъ дать возможность—мирнымъ путемъ удовлетворять свои потребности и такимъ образомъ легко забыть прежній образъ жизни“. Абсолютистское полицейское государство предоставило имъ должностныя назначенія и почетныя званія; въ арміяхъ они заняли много военныхъ постовъ. „... Доступъ къ офицерскому званію и вытекающія отсюда выгоды сдѣлались законной, и во всякомъ случаѣ вездѣ фактической привилегіей дворянства“. Затѣмъ война направилась противъ самостоятельныхъ сосѣднихъ территорій,—и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока наконецъ, послѣ поглощенія слабыхъ сильными, самый могущественный не покорилъ остальныхъ менѣе сильныхъ. Такимъ образомъ совершилось замиреніе Германіи. И вотъ „государственное устройство Германской Имперіи является тѣмъ краеугольнымъ камнемъ, который наше поколѣніе водрузило послѣ долгой и тяжелой борьбы“. Подобнымъ путемъ шло развитіе и въ „другихъ государствахъ, принадлежащихъ къ современному

интернаціональному правовому общенію". Всѣ они такимъ же образомъ достигли „вѣчнаго мира внутри своихъ предѣловъ".

Описаніе это вполнѣ правильно. Натяжки наблюдаются у Реттиха лишь тогда, когда онъ стремится подвести данные естественные факты подъ извѣстную юридическую формулу, когда онъ хочетъ построить „право на войну".

„Какъ всякое сношеніе", говоритъ онъ, „такъ и объявленіе войны зависитъ прежде всего отъ существованія у иниціатора извѣстнаго ряда утилитарныхъ разсчетовъ, которые въ общемъ можно свести къ тому, что они преслѣдуютъ цѣль увеличенія общаго благосостоянія". „Правда, эти соображенія цѣлесообразности... никоимъ образомъ не относятся къ международному праву", но къ политикѣ. „Руководитъ тутъ исключительно лишь собственный интересъ,—и такъ должно быть до тѣхъ поръ, пока существуетъ предположеніе относительно подобной же политики со стороны противника". Отсюда „убѣжденіе государства въ томъ, что лишь воинственнымъ путемъ можно достичь извѣстной, необходимой для его благосостоянія цѣли,—тутъ постоянно дѣйствуетъ юридическое (?) основаніе для объявленія войны". Это убѣжденіе является правомъ на войну (?). „Относительно историческій позитивности... даннаго положенія, до сихъ поръ опредѣляющаго право войны", не можетъ быть никакого сомнѣнія; и вотъ, „такъ какъ историческая позитивность его несомнѣнна, то она также и нравственна". Вышеприведенное положеніе „переноситъ главную отвѣтственность за управленіе государствомъ въ область внутренней политики и установляетъ завѣтъ непоколебимаго и безусловнаго соблюденія собственныхъ интересовъ, которые, согласно съ современной культурой, по общему правилу, лучше всего процвѣтаютъ во время мира; такое соблюденіе собственныхъ интересовъ даетъ для всего международнаго общенія гораздо болѣе надежную гарантію противъ легкомысленныхъ войнъ, чѣмъ это могли бы когда-нибудь сдѣлать субтильныя и неясныя требованія тѣхъ международныхъ энтузіастовъ, которые потеряли почву фактовъ и стоятъ на идеалистическомъ и апріорномъ пути взаимнаго самопожертвованія и интернаціональнаго братства".

Со всѣмъ этимъ изложеніемъ мотивовъ войны, съ изображеніемъ ея роли въ исторіи государственнаго правопорядка и въ международныхъ отношеніяхъ мы согласны. Что же касается до насильственнаго подведенія естественнаго процесса подъ категорію

права,—то противъ этого мы протестуемъ. Мы признаемъ лишь, что,—какъ вѣрно указываетъ Реттихъ,—мало-по-малу возникаютъ такія интернаціональныя „правовыя“,—скажемъ лучше,—культурныя общенія, въ которыхъ одно за другимъ ограждаются извѣстныя физическія и моральныя блага; защита этихъ послѣднихъ не чужда цѣлямъ войны въ международныхъ культурныхъ кругахъ“. Конструировать же „право на войну“ мы никакъ не можемъ: вѣдь война не находится подъ вѣдѣніемъ государственнаго правопорядка и, слѣдовательно, лежитъ по ту сторону права.

а) Въ Германіи стремленія къ внутреннему замиренію государственной территоріи начались съ такъ наз. священныхъ дней мира (Friedensschwörtage). Такъ Генрихъ II въ 1004 г. заставилъ всѣхъ присутствовавшихъ въ цюрихскомъ ландтагѣ поклясться, что они будутъ «охранять миръ и не станутъ потворствовать разбоямъ». Въ 1103 г. Генрихомъ IV въ Майнцѣ было установлено полное мирное соглашеніе; «..... долженъ царить миръ, распространяя свою охрану особенно на церкови, духовенство, монаховъ, монахинь, купцовъ, евреевъ и женщинъ». За нарушеніе мира полагалось лишеніе руки или глазъ. Затѣмъ съ 1156 г. появляются великіе законодательные акты относительно общаго внутренняго мира (въ 1187 г. въ Нюрнбергѣ, въ 1235 г. при Фридрихѣ II въ Майнцѣ). И всегда на первомъ планѣ стоитъ личный интересъ императора, требующій внутренняго мира, какъ средства для достиженія могущества среди другихъ державъ. Такъ и Максимиліанъ I смотритъ на этотъ миръ, какъ на обстоятельство, благопріятствующее тѣмъ домашнимъ интересамъ, которые руководили его мѣропріятіями. Но всѣ мирныя постановленія вплоть до вѣчнаго внутренняго мира не заключали въ себѣ категорическаго воспрещенія междуусобицъ,—распри допускались, «если мирнымъ путемъ нельзя было достичь своихъ законныхъ цѣлей». И лишь въ 1495 г. вѣчный внутренній миръ наложилъ запретъ на всякія распри и самоуправства. Послѣднее правительственное запрещеніе междуусобныхъ войнъ мы находимъ въ Вестфальскомъ мирномъ договорѣ. Съ этихъ поръ кулачное право примѣняется еще лишь болѣе могущественными сословіями имперіи,—и то уже въ видѣ войны. Подобно современнымъ войнамъ, и тѣ средневѣковыя междуусобицы регулировались извѣстными законами. И дѣйствительно, какъ направленный противъ «поджигателей» актъ («constitutio») 30 декабря 1187 г., такъ и мирныя постановленія 1225 и 1230 г.г., а равно и Золотая Булла 1356 г.,—всѣ они содержатъ въ себѣ извѣстныя нормы относительно объявленія и самого веденія тогдашнихъ войнъ. Разумѣется, ходъ и конецъ борьбы опредѣляются соотвѣтственно той цѣли, которую прeслѣ-

дуетъ данная расправа. «Если предметомъ раздора являлась земля, то побѣжденный терялъ ее; если же онъ возбуждалъ опасенія въ томъ, что въ будущемъ можетъ нарушать права владѣльца, тогда его лишали жизни или держали въ заточеніи; вражеская крѣпость, если она не была нужна для новаго властителя, предавалась огню; захваченныхъ въ плѣнъ солдатъ убивали, иногда же сохраняли, если только надѣялись откуда нибудь получить за нихъ выкупъ; плѣнныя женщины, дѣти..... всячески утилизировались и употреблялись для домашнихъ услугъ, если побѣдитель имѣлъ въ этомъ надобность,—въ противномъ же случаѣ они сохранялись для выкупа или умерщвлялись.....; гуманное обращеніе было совершенно неизвѣстно». Партіи не руководились никакими правовыми соображеніями. И вотъ, «что побуждало рыцаря начинать борьбу или опредѣляло выборъ дальнѣйшихъ мѣропріятій,—это были mutatis mutandis такія же самыя соображенія, какими теперь руководствуется, напр., биржевой спекулянтъ, примѣняясь къ повышенію и паденію курса цѣнныхъ бумагъ; взвѣшивались шансы на успѣхъ и при этомъ не сознавали ни правоты, ни противозаконности даннаго образа дѣйствія». И, гдѣ государственная власть «добровольно или недобровольно придерживается принципа невмѣшательства»,— тамъ, конечно, гибнетъ слабѣйшій. «Въ современной, ведомой частными лицами борьбѣ изъ-за выгодъ главное рѣшающее значеніе имѣетъ капиталъ,—въ прежнее же время такую побѣду давало большее количество солдатъ». И такъ между прежними распрями и теперешней спекуляціей нѣтъ никакой принципіальной разницы, но существуетъ лишь нѣкоторое несходство въ хозяйственныхъ отношеніяхъ;—«..... теперь побѣда пріобрѣтается силой новаго капитала....., въ прежней же междуусобной борьбѣ изъ-за земли приходилось драться со всѣмъ ея населеніемъ.....» При этомъ, «конечно, не пренебрегали и болѣе мелкой добычей,—различными произведеніями природы, драгоцѣнностями и т. д.». (Heinrich Rettich l. c. S. 93).

§ 221.

Стремленія ко всеобщему миру.

Итакъ война есть проявленіе всесильнаго естественнаго процесса. Но слѣдуетъ ли отсюда, что, въ виду даннаго факта, всеобщія стремленія къ миру не имѣютъ никакого значенія? Нѣтъ, этого нельзя утверждать. Такіе порывы къ миру въ корнѣ своемъ являются стремленіями умиротворить существующее культурное общеніе. Если же они выражаются въ „планахъ всемірнаго замиренія“ („Weltfriedenspläne“), то въ этомъ нужно видѣть одно

лишь простительное, понятное и безвредное преувеличеніе. Успѣшными и практичными такія стремленія могутъ быть лишь внутри даннаго культурнаго общенія, гдѣ они свидѣтельствуютъ о томъ, что потребность въ замиреніи этого общенія становится все настоятельнѣе и настоятельнѣе. И разъ появляется такая потребность, то она добьется своего удовлетворенія, причемъ пропаганда мира мало-по-малу раскроетъ существующія еще въ этомъ культурномъ общеніи дѣйствительныя причины войнъ и постарается устранить ихъ. И понятно, конечно, почему въ то время, когда на обширныхъ европейскихъ территоріяхъ уже водворенъ миръ,— всей Европѣ, въ ея цѣломъ, не удалось еще достигнуть замиреннаго состоянія.

Итакъ, данныя стремленія имѣютъ цивилизаторское значеніе и поэтому они не безцѣльны. Но эту задачу будущаго разрѣшитъ не фраза—„долой оружіе“, не звонкія и пустыя рѣчи на конгрессахъ,—нѣтъ, она будетъ разрѣшена при содѣйствіи серьезной научной работы, которая покажетъ, что прежде всего въ такомъ культурномъ общеніи, какъ европейское, вòйны являются устарѣлымъ и нецѣлесообразнымъ средствомъ, неспособнымъ оградить дѣйствительныя потребности европейскихъ народовъ; эта безпристрастная научная работа разоблачитъ то лицемѣріе, которое постоянную боевую готовность старается выставить, какъ гарантію мира,—въ то время, какъ подъ ней часто кроются атавистическія разбойничьи тенденціи несвоевременнаго уже цезаризма [1]).

§ 222.

Три соціальныхъ сферы.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что такъ называемое „международное право“ находится еще за предѣлами права и государства и лежитъ исключительно лишь въ области предстоящаго историческаго развитія. И вотъ для болѣе нагляднаго разсмотрѣнія соціальныхъ отношеній, ихъ можно разбить на три сферы,—а именно: на сферу исторіи, государства и права. Эти три сферы подобны тремъ концентрическимъ кругамъ, центромъ которыхъ является человѣкъ, и изъ которыхъ наименьшій—кругъ права, слѣдующій

[1]) См. статью Pöhlmann'a—„Entstehung des Cäsarismus“ въ его „Aus Alterthum und Gegenwart“, 1895; а также Quidde—„Caligula“, 1893.

за нимъ—государства и, наконецъ, самый большой—исторіи. Лишь въ наименьшемъ изъ этихъ круговъ, въ правовомъ кругѣ, надъ личностью съ абсолютной силой господствуетъ провозглашаемое и защищаемое государствомъ право. Тутъ личность должна приноровляться къ праву, являющемуся критеріемъ ея дѣятельности. Но во второмъ уже кругѣ, въ кругѣ государства, право теряетъ свою неограниченную силу. Вѣдь государство, провозглашающее право, стоитъ выше этого послѣдняго; государственное право, какъ мы уже видѣли, существенно отличается отъ частнаго и уголовнаго. Конечно, въ государственномъ правѣ выражаются тѣ нормы, которыя государство хочетъ соблюдать въ публичноправовыхъ отношеніяхъ; но тутъ его никто не можетъ принудить къ этому соблюденію, такъ какъ относительно себя государство само является высшей силой. Однако же, во второмъ кругѣ огромнымъ значеніемъ пользуется нравственность, съ которой государство должно считаться. Государственная власть никогда еще безнаказанно не нарушала нравственнаго порядка,—она всегда претерпѣвала должную кару за оскорбленіе общественной нравственности.

И вотъ, хотя для государства, какъ таковаго, правовой критерій имѣетъ слишкомъ мало значенія, такъ какъ тутъ руководящую роль часто играетъ исключительно лишь „высшій государственный интересъ“,—однако же, по крайней мѣрѣ въ цивилизованныхъ государствахъ, можно наблюдать такое явленіе: государство относится съ уваженіемъ къ „общественной нравственности“.

Наконецъ, въ третьемъ и самомъ большомъ кругѣ, въ кругѣ исторіи, нѣтъ никакого права и даже нравственность въ интернаціональныхъ отношеніяхъ играетъ пока лишь весьма незначительную роль. Единственной руководящей нитью въ дѣятельности государствъ и народовъ является эгоизмъ, но, конечно, никому изъ историковъ не вздумается порицать ихъ за это и не придетъ въ голову примѣнять при разсмотрѣніи междугосударственной дѣятельности масштабъ права или нравственности. Въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ государства и народы до сихъ поръ не считаютъ себя связанными ни правомъ, ни нравственностью. Не только международное право, но и международная мораль относятся больше къ будущему, чѣмъ къ настоящему; что же касается до прошедшаго, то этой эпохѣ, какъ учитъ исторія, они были совершенно чужды.

§ 223.

Право и государство.

Разсмотрѣвъ всю правовую сферу постольку, поскольку она связана съ государствомъ, мы хотимъ теперь поближе взглянуть на существующее между правомъ и государствомъ отношеніе, поближе изслѣдовать природу этого отношенія.

Уже въ предыдущемъ изложеніи доказано, что право существованіемъ своимъ обязано государству. А именно, не въ томъ лишь смыслѣ, что государство, для провозглашенія права закономъ, почерпаетъ его изъ нейтральнаго источника нравственности,— нѣтъ, государство является дѣйствительнымъ творцомъ права, такъ какъ неизсякаемый источникъ права, нравственность, поддерживается тѣмъ лишь соціальнымъ взаимодѣйствіемъ, которое всѣ составныя части государства проявляютъ въ общемъ культурномъ дѣлѣ; изъ этой лишь общей соціальной работы вытекаетъ нравственность, подготовляя почву для все новаго и новаго права.

Явленіе это присуще всякому праву. Но все-таки послѣ особаго разсмотрѣнія отдѣльныхъ правовыхъ областей обнаруживается, что одна изъ нихъ (напр., частное право) почти ничѣмъ уже не связана съ государствомъ, какъ организаціей властвованія; между тѣмъ какъ другая (напр., публичное право) сильно еще прикрѣплена къ нему, отражаетъ въ себѣ всякое развитіе данной организаціи и постоянно находится подъ ея вліяніемъ.

Есть такія сферы, какъ, напр., право собственности, на которыя государство теперь ужъ не оказываетъ замѣтнаго вліянія, которыя существуютъ отдѣльно и самостоятельно отъ него; это— такія правовыя сферы, къ самостоятельности которыхъ государство должно относиться съ уваженіемъ, которыя уже почти независимы отъ него. Напротивъ, другія области, напр., административное право, всецѣло еще находятся подъ вліяніемъ государства,—это послѣднее еще дѣйствуетъ въ нихъ, давая имъ форму сообразно съ настоящими своими потребностями; и вотъ здѣсь теперь едва лишь начинается стремленіе—стать въ независимое отъ государства положеніе (а).

а) Вспомнимъ хотя бы лишь о тѣхъ непрерывныхъ коренныхъ измѣненіяхъ, которымъ въ настоящее время подвергаются еще такія области публичнаго права, какъ, напр., ремесленное право (Gewerberecht). Не такъ давно еще господствовало цеховое право, затѣмъ государство провозгласило свободу промысловъ, потомъ снова вернулись ко всевозможнымъ органиченіямъ свободы занятія ремеслами—и періодъ экспериментовъ далеко еще не закончень. Здѣсь правообразованіе идетъ слѣдомъ за измѣнчивыми государственными потребностями, завися отъ перемѣнныхъ судебъ партійной и соціальной государственной борьбы; область эта еще не достигла безспорной самостоятельности и независимости отъ государства.

§ 224.

Эмансипація права отъ государства.

Если мы съ этой стороны разсмотримъ различныя правовыя области, если мы то болѣе отдаленное и свободное, то болѣе близкое и тѣсное отношеніе данныхъ областей къ государству сравнимъ съ различною ихъ давностью (право собственности, напримѣръ, несомнѣнно древнѣе административнаго или конституціоннаго),—тогда придемъ къ слѣдующему заключенію: праву присуща тенденція—все больше и больше эмансипироваться отъ своего творца, отъ государства, тенденція освобождаться отъ его вліяній и выступать противъ него въ видѣ самостоятельной силы, въ видѣ правовой идеи.

Вотъ, напр., мы видѣли, какъ государство создало институтъ семьи, видѣли, какъ вначалѣ это былъ въ тѣсной зависимости отъ него находящійся правовой институтъ. Каково же теперь отношеніе семьи къ государству? Въ настоящее время она составляетъ такой независимый отъ него, вполнѣ самостоятельный правовой институтъ, надъ которымъ у государства уже нѣтъ никакой власти.

Въ области семейнаго права государство теперь уже не можетъ самостоятельно распоряжаться,—оно должно считаться съ этимъ правомъ. Государство теперь не можетъ давать привилегій, способныхъ нарушить принципы семейнаго права; оно, напр., никакому отцу не можетъ предоставить такой привилегіи, которая

освобождала бы этого послѣдняго отъ законныхъ его обязанностей, или т. под. [1]).

То же самое можно сказать и относительно института права собственности. Первоначально находясь всецѣло на благоусмотрѣніи государства, со временемъ онъ освобождается отъ этой зависимости и достигаетъ полной самостоятельности. Государство теперь должно относиться къ собственности съ такимъ же уваженіемъ, какъ и всякая отдѣльная личность; этотъ правовой институтъ пріобрѣлъ самостоятельную силу, противъ которой государство не смѣетъ выступать; отсюда его обязанность вознагражденія за экспропріаціи.

И вотъ, между тѣмъ какъ такіе древнѣйшіе правовые институты стоятъ уже настолько далеко отъ государства, что теперь уже и забыли о прежней своей связи съ государствомъ, о прежнемъ своемъ публичноправовомъ характерѣ и происхожденіи,—въ настоящее время на нашихъ глазахъ происходятъ такіе факты, которые вполнѣ ясно представляютъ намъ этотъ процессъ эмансипаціи права отъ государства.

Мы уже упоминали объ административномъ правѣ. Здѣсь особенно ясно можно видѣть, какъ государство первоначально лишь силою своей собственной дѣятельности создаетъ ту сферу нравственнаго сознанія, изъ которой со временемъ выкристаллизовываются отдѣльные правовые принципы.

Эти принципы административнаго права эмансипируются отъ государства,—они достигаютъ извѣстной независимости и самостоятельно выступаютъ передъ государствомъ. Даже больше того!—они мало-по-малу добиваются охраны отъ посягательствъ со стороны государства, находя ее въ особыхъ административныхъ судахъ.

То же самое происходитъ и съ конституціоннымъ правомъ.

Итакъ, какъ мы видимъ, природа отношенія права къ государству основывается на томъ, что государство силою своей опредѣленной дѣятельности (которая, правда, вмѣстѣ съ тѣмъ является непрерывной борьбой образующихъ его соціальныхъ составныхъ частей) создаетъ все новыя и новыя сферы нравственности, изъ которыхъ затѣмъ вытекаетъ право. Но это послѣднее стремится къ самостоятельности и независимости отъ государства.

[1]) Правда, въ колоніяхъ правительства и теперь еще образуютъ семейное право въ интересахъ господствующей націи; такъ, напр., на своихъ тихо-океанскихъ островахъ Голландія приноровляетъ къ политическимъ интересамъ такіе институты семейнаго права, какъ усыновленіе, узаконеніе, бракъ съ туземцами и т. д.

И вотъ, достигнувъ этого, данное стремленіе идетъ еще дальше,— оно направляется къ господствованію надъ государствомъ. Право хочетъ стать выше государства. Право не желаетъ уже признавать своимъ творцомъ того, кому оно обязано существованіемъ; напротивъ,—оно само старается занять отцовское по отношенію къ государству положеніе.

§ 225.

Юридическое пониманіе государства.

Въ связи съ данной естественной тенденціей права находится то явленіе, что юриспруденція хочетъ по-своему понимать государство; она юридически конструируетъ это послѣднее, старается вывести его изъ простыхъ принциповъ частнаго права и установить подходящія для него правовыя положенія.

Съ вышеописанной тенденціей права, инстинктивно сообщающейся юриспруденціи и юристамъ, связано то обстоятельство, что эти послѣдніе не желаютъ иначе представлять себѣ государство, какъ лишь такимъ устройствомъ, которое вытекаетъ изъ права и его идеи, и цѣль котораго предназначается уже самимъ правомъ.

Изъ такого пониманія вытекаетъ опредѣленіе государства, какъ правового (Rechtsstaat); этому юридическому пониманію обязано государственное право, какъ „совокупность общихъ правовыхъ положеній“ относительно происхожденія и существованія государства.

Истинное познаніе природы государства и права, а также и взаимнаго ихъ отношенія должно уничтожить эту фикцію правового государства, какъ устройства, цѣль котораго состоитъ исключительно лишь въ осуществленіи права; истинное знаніе положитъ конецъ общему или философскому государственному праву, какъ совокупности естественноправовыхъ (naturrechtlichen) положеній и правилъ для государства.

Но пусть это употребительное выраженіе („общее государственное право“) и на будущее время остается въ наукѣ: данное названіе теперь уже не можетъ повести къ путаницѣ понятій.

Вопреки частнымъ заявленіямъ юристовъ, общее государственное право не заключаетъ въ себѣ никакихъ правовыхъ положеній для государства. Общее государственное право—не юридическая дисци-

плина, не юридическое ученіе, но наука о государствѣ. Конечно, государство производитъ извѣстный правопорядокъ и призвано поддерживать этотъ послѣдній. Однако же его нельзя отожествлять съ даннымъ правопорядкомъ. Въ природѣ государства заложено непрерывное образованіе все новаго и новаго права, все дальше и дальше идущее развитіе существующаго правопорядка, совершающееся согласно съ прогрессирующей человѣческой культурой. Съ высшей исторической точки зрѣнія право и правопорядокъ являются для государства лишь средствомъ: съ такой высшей точки зрѣнія, задачей государства можетъ служить исключительно лишь развитіе все болѣе и болѣе высокой культуры и всего того, что̀ эта послѣдняя въ себѣ содержитъ (а).

а) Даже новѣйшія сравнительно попытки юристовъ выяснить существо права—всѣ неудачны. Ошибка лежитъ снова въ томъ обратномъ направленіи, которое они избираютъ, въ направленіи отъ права къ государству, выступающемъ уже во внѣшней систематикѣ ихъ изложеній.

Въ своемъ «Zweck im Recht» (1877) Іерингъ слѣдуетъ за идеалистическими философами права, хотя и подъ «монистическимъ» флагомъ. «У права есть одинъ лишь источникъ—цѣль» (I., XIII); это—фраза, ничего ровно не объясняющая и въ корнѣ своемъ содержащая тривіальное утвержденіе, что въ природѣ ничто не бываетъ безцѣльно. И вотъ, по мнѣнію Іеринга, изъ этого источника прежде всего возникаетъ право, которое «до тѣхъ поръ находится въ блуждающемъ состояніи, пока не достигнетъ государства» (I, 306). «Лишь въ государствѣ право находитъ то, чего оно ищетъ: оно пріобрѣтаетъ верховенство надъ властью». Но это «блуждающее» и «ищущее государства право» представляетъ изъ себя одну лишь фантазію.

Теперь перейдемъ къ Меркелю. Свою «Juristische Encyclopädie» (1885) онъ начинаетъ вопросомъ: «что такое право?» На данный вопросъ Меркель не отвѣчаетъ и послѣ трактованія о правѣ переходитъ къ государству; это послѣднее онъ считаетъ «носителемъ того порядка, при которомъ осуществляется жизненное общеніе въ народѣ». А откуда въ государствѣ берется право? какъ оно возникаетъ здѣсь, въ борьбѣ соціальныхъ составныхъ частей народа?—этого Меркель не указываетъ.

Посмотримъ дальше, что говоритъ Валлашекъ (Richard Wallaschek)? Первый томъ своихъ «Studien zur Rechtsphilosophie» (1889) онъ наполняетъ изслѣдованіями о правѣ и отсюда хочетъ перейти ко второму тому, гдѣ намѣревается изложить «ученіе о государствѣ». Вотъ какова основная мысль Валлашека: въ послѣдовательномъ своемъ развитіи человѣческая духовная дѣятельность производитъ сферы—религіи, морали, права и въ концѣ кон-

цовъ—государство. По мнѣнію Валлашека, эти предваряющія государство области возникаютъ въ «обществѣ», которое онъ обстоятельнѣе не выясняетъ, но которое, безъ сомнѣнія, прежде всего имѣетъ догосударственный характеръ. Второго тома «Studien zur Rechtsphilosophie» еще нѣтъ; поэтому мы еще не знаемъ, какимъ образомъ изъ даннаго общества выйдетъ государство. Если же въ этомъ обществѣ есть уже религія и право, то можно надѣяться, что и государство будетъ сюда присоединено вполнѣ приличнымъ, удовлетворяющимъ всякаго юриста образомъ, а не такъ, какъ это изображаютъ безжалостные соціологи. (См. мой отзывъ о книгѣ Валлашека, помѣщенный въ Grünhut'sche Zeitschrift 1891).

Колеръ опредѣляетъ право, какъ «такое произведеніе разума (Vernunfterzeugniss), которое указываетъ всякой личности принадлежащую ей сферу и такимъ образомъ дѣлаетъ возможнымъ, чтобы личности эти и въ отдѣльности и во взаимномъ своемъ сношеніи успѣшно выполняли цѣль разумнаго существованія» («Das Recht als Culturerscheinung» 1885). Заслуженный профессоръ-юристъ и ученый историкъ права, какъ извѣстно, является также и поэтомъ. И вышеприведенное опредѣленіе права, пожалуй, можно было бы принять за поэтическое видѣніе. Вѣдь возможно ли произведеніемъ разума называть то право, которое всегда и вездѣ является результатомъ борьбы сталкивающихся интересовъ? Когда и гдѣ подходятъ къ праву тѣ свойства, которыя Колеръ ему приписываетъ? И въ самомъ дѣлѣ, является ли правомъ то «произведеніе разума», которое «указываетъ всякой личличности принадлежащую ей сферу» и такимъ образомъ даетъ этимъ личностямъ возможность успѣшно выполнять «цѣль разумнаго существованія»? Гдѣ же дѣйствовало такое право? Не на островѣ ли Утопіи? Или, можетъ быть, Колеръ хотѣлъ поиронизировать? Не говоритъ ли онъ совершенно вѣрно въ томъ же самомъ сочиненіи (S. 23), что право не представляетъ изъ себя «ничего устойчиваго», что оно напротивъ «обнаруживаетъ постоянное развитіе, постоянное колебаніе и волненіе идей, гдѣ одна волна подавляетъ другую и гдѣ Кроносъ пожираетъ своихъ собственныхъ дѣтей»? Но какъ же это согласовать съ вышеприведеннымъ опредѣленіемъ? Неужели же столь шатко и эфемерно должно быть то «произведеніе разума, которое указываетъ всякой личности принадлежащую ей сферу»? Неужели же и во всемъ этомъ вѣчномъ измѣненіи оно все-таки всегда останется такимъ «произведеніемъ разума», указывающимъ всякому его сферу? Съ данными признаками вѣчнаго измѣненія и теченія, которые Колеръ приписываетъ праву, согласуется скорѣе ужъ другое опредѣленіе,—а именно, что право является вѣчно нарушаемой и горячо оспариваемой границей властвованія соціальныхъ составныхъ частей государства.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Систематика наукъ о государствѣ и правѣ.

§ 226.

Недостатокъ въ систематикѣ и ея методахъ.

Неправильное пониманіе отношенія юриспруденціи къ государственной наукѣ является между прочимъ и слѣдствіемъ недостатка въ научно обоснованной систематикѣ государственныхъ наукъ вообще. Вѣдь только изъ такой систематики можетъ вытекать правильное положеніе правовѣдѣнія и различныхъ его отраслей по отношенію къ наукѣ о государствѣ. Но, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ совершенно справедливы слова Валькера [1]), что „общей систематики государственныхъ наукъ еще не существуетъ". Не только нѣтъ единогласія по вопросу о томъ, что принадлежитъ къ государственной наукѣ и что выходитъ за ея предѣлы, но и не могутъ все еще придти къ соглашенію относительно прочной терминологіи для отдѣльныхъ ея отраслей.

Причина этого явленія лежитъ, несомнѣнно, въ незрѣлости самой науки, въ неясности понятій о государствовѣдѣніи и его отрасляхъ. Поэтому слѣдуетъ стремиться къ оріентировкѣ и выясненію понятій.

Опытъ—достичь прочной систематики государственныхъ наукъ—можетъ быть произведенъ двоякимъ путемъ. Во-первыхъ, можно разсматривать отдѣльныя дисциплины въ ихъ исторической послѣдовательности и такимъ образомъ создавать хронологически построенную систему государственныхъ дисциплинъ; во-вторыхъ-же, систему эту можно строить на чисто логическихъ началахъ, отправляясь отъ болѣе общихъ къ болѣе спеціальнымъ областямъ. Мы постараемся сдѣлать опытъ систематики въ обоихъ этихъ направленіяхъ.

§ 227.

Историческая систематика.

При историческомъ разсмотрѣніи *положительное* право, а именно сперва безразлично—частное и публичное право, является

[1]) C. Walker—«Die Grundbegriffe des Staatsrechts», Berlin 1876.

первымъ нашимъ фактомъ и изученіе его составляетъ начало всей юриспруденціи. Позже, уже во всякомъ случаѣ въ Римѣ, различаютъ право частное (ius privatum) отъ публичнаго (ius publicum). Съ другой же стороны Греки уже были знакомы съ философіей права и государства. Объ этомъ свидѣтельствуютъ политическіе трактаты Платона (a) и „Политика“ Аристотеля.

Итакъ уже въ древности (Греція, Римъ) можно отмѣтить слѣдующія государственнонаучныя дисциплины: частное и публичное право, философію права и государства. Каково-же было отношеніе философіи къ праву? Философія права и государства являлась прежде всего просто разсмотрѣніемъ и анализомъ частнаго и публичнаго права, а затѣмъ она перешла къ разсужденію о томъ, какое государственное устройство совершеннѣе, какое право лучше или какъ должно быть преобразовано право и государство чтобы сдѣлаться лучше. Однимъ словомъ, античная философія заняла относительно государства субъективно утилитарную позицію: она разсматривала государство съ точки зрѣнія цѣлесообразности съ явно выраженной тенденціей—замѣнить существующій порядокъ лучшимъ.

Тенденція эта началась уже задолго до Платона (b), въ Платоновой-же „Республикѣ“ она получаетъ весьма отчетливое выраженіе, продолжается въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ (c) и приводитъ въ новое время къ „утопіямъ“, которыя являются ничѣмъ инымъ, какъ противополагаемыми положительному праву и государству субъективными идеалами (d).

a) Свои взгляды на государство Платонъ (427—347 г. до Р. Хр.) изложилъ главнымъ образомъ въ трехъ произведеніяхъ: Политикѣ, Республикѣ и Законахъ. Въ первомъ трактуется о государственной мудрости, задача которой—облагородить людей; поэтому въ государствѣ особенно важную роль должна играть философія. Складъ жизни не можетъ улучшиться, пока философы не станутъ правителями или правители—философами. Отсюда важнѣйшимъ въ государствѣ дѣломъ должно быть признано воспитаніе. Въ своей «Республикѣ» Платонъ изображаетъ идеальное государство, причемъ онъ имѣетъ въ виду спартанское государственное устройство. Здѣсь онъ подчеркиваетъ, что государство является какъ бы живой личностью, органическимъ цѣлымъ, сложившимся изъ множества составныхъ частей, благодаря взаимной ихъ потребности въ этомъ. Въ «Законахъ» Платонъ набрасываетъ планъ возможно лучшаго государственнаго устройства.

b) Справедливо замѣчаетъ Пельманъ: «Въ расшатанномъ вслѣдствіе маммонизма и пауперизма обществѣ появленіе коммуни-

*

стическихъ тенденцій столь само собою очевидно, что было бы удивительно, если бы этотъ показатель соціальнаго недовольства отсутствовалъ въ тогдашней Спартѣ» (Pöhlmann «Geschichte des antiken Communismus und Socialismus». 1893, I, 108). Это общественное разложеніе произошло въ Греціи задолго до Платона и породило повсюду «государственные идеалы» и «естественно-правовыя» теоріи. Отсюда вытекаетъ то противоположеніе, которое проходитъ черезъ всю греческую государственную философію и яснѣе всего выступаетъ съ одной стороны въ «Республикѣ» Платона и съ другой—въ «Политикѣ» Аристотеля (во II кн. ея дается разборъ политическаго ученія Платона). «Общее пользованіе или частная собственность»?—около этого вопроса вращается вся политическая литература Грековъ и для разрѣшенія его привлекаются всѣ основныя проблемы государственной философіи: что̀ такое право? что̀ справедливость? что̀ такое добро и зло? что̀ такое добродѣтель и мораль? Вопросъ не былъ рѣшенъ; побѣда грубой силы при Херонеѣ (338 г. до Р. Хр.) положила дискуссіямъ философовъ и партійному спору внезапный конецъ и дѣло разрушенія Эллинской культуры, начатое македонскими завоевателями, было довершено Римлянами (разрушеніе Коринеа въ 146 г. до Р. Хр.).

c) Съ христіанствомъ оживаетъ старое противоположеніе, проходившее черезъ греческую философію, но лишь въ иной формѣ. Теперь оно гласитъ: отреченіе отъ міра или грѣхъ? христіанство или язычество? царство Божіе или земное? Отцы церкви проповѣдуютъ теперь «общность и любовь къ ближнимъ» и, ссылаясь на «законъ природы», осуждаютъ покоющееся на частной собственности и насиліи земное царство съ его «позитивнымъ» правомъ и языческими властителями. «Земля предоставлена всѣмъ въ общее пользованіе», пишетъ св. Амвросій (340—397 г.), «почему же вы, богатые, присваиваете ее исключительно себѣ? Природа все создала для всѣхъ; природа создала общее пользованіе. Узурпація же породила частное право» (De oficiis). Осуждая земное царство, какъ произведеніе дьявола, св. Августинъ (353—430 г.) пребываетъ въ фантастическихъ мечтахъ о «будущемъ государствѣ», о «царствѣ Божіемъ». Вѣдь въ царствѣ земномъ примѣняется властвованіе и насиліе, а не справедливость, безъ которой государства представляютъ изъ себя ничто иное, какъ «огромныя разбойничьи шайки». «Вѣдь развѣ разбойничьи шайки не являются государствами въ миніатюрѣ? Въ самомъ дѣлѣ, и онѣ суть собранія людей, управляемыхъ опредѣленнымъ главою и скрѣпляемыхъ въ общество извѣстными законами, и соотвѣтственно установившемуся взаимоотношенію люди эти и дѣлятъ между собою добычу. Когда же такая разбойничья шайка вслѣдствіе притока другихъ отверженныхъ элементовъ увеличивается и настолько преумножается, что занимаетъ опредѣленную территорію, устанавливаетъ опредѣленное мѣстопребываніе своего правительства, завоевываетъ города и покоряетъ народы,—тогда она уже смѣло присваиваетъ себѣ названіе государства, не потому что алчность ея теперь будто бы утихла, но такъ какъ она

уже не подвергается опасности наказанія». Такъ говоритъ св. Августинъ. «Отсюда столь же эффектнымъ, какъ и правильнымъ», продолжаетъ онъ, «является отвѣтъ, данный въ этомъ отношеніи однимъ морскимъ пиратомъ Александру Великому, который приказалъ схватить его и спросилъ: «Кто даетъ тебѣ право безпокоить море»? «А тебѣ кто далъ право», отвѣтилъ пиратъ, «тревожить землю? Такъ какъ я имѣю только маленькое судно, ты же—цѣлый флотъ, то я называюсь разбойникомъ, а ты—завоевателемъ». («De civitate Dei». Deutsch vor Silberer, I, 216). Съ той же точки зрѣнія разсматриваетъ св. Августинъ и войну. «Вторгаться въ сосѣднюю страну, а отсюда и дальше, изъ одного лишь чувства властолюбія раздроблять и покорять народы,—что же все это означаетъ, какъ не разбойничанье въ большомъ масштабѣ»? (a. a. O. 220). И не только насиліе и войну, но и простое властвованіе однихъ людей надъ другими отвергаетъ св. Августинъ, какъ нѣчто противорѣчащее заповѣдямъ Божіимъ. «Такъ предписываетъ естественный порядокъ, и такъ Богъ создалъ человѣка; вѣдь сказалъ же онъ: „Да господствуетъ человѣкъ надъ рыбами морскими, и надъ птицами небесными, и надъ всякими ползающими по землѣ гадами“. Богу угодно было, чтобы разумное, созданное по Его подобію существо господствовало лишь надъ неразумными тварями, чтобы человѣкъ господствовалъ не надъ человѣкомъ, а надъ животными». (a. a. O. II, 696). Вотъ сколь непримиримое противорѣчіе наблюдалось въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ между ученіями отцовъ церкви и установленіями государства. Когда же государство подчинилось церкви, тогда эта послѣдняя примирилась съ государствомъ. До Карла Великаго между ними наблюдается нѣкоторое согласіе, и государство и церковь высказываютъ другъ другу взаимныя любезности: государство покровительствуетъ церкви и получаетъ въ благодарность за это особую съ ея стороны признательность. Но согласіе это не отличалось продолжительностью. Въ серединѣ IX-го столѣтія уже картина мѣняется. Церковь заявляетъ притязанія на верховенство надъ государствомъ, чтобы посредствомъ этого послѣдняго самой властвовать надъ міромъ,—и вотъ снова появляется противорѣчіе и вопросъ, пронизывающій всю политическую литературу, всю философію государства вплоть до эпохи возрожденія,—вопросъ: кому принадлежитъ верховенство? кто долженъ являться верховнымъ главой міра, папа или императоръ? Для поддержанія притязаній церкви духовные писатели выставляютъ свои политико-философскія ученія (преимущественно подъ заглавіемъ «de regimine principum»), въ которыхъ они рисуютъ по своему идеалъ князя. Таковы, напримѣръ, Ѳома Аквинскій (1224—1274 г.) и Энгельбертъ фонъ-Фолькерсдорфъ, настоятель Адмонтскій (1250—1331 г.). А приверженцы свѣтской власти отвѣчаютъ имъ подъ подобнымъ же заглавіемъ,—сюда относятся Эгидій Колонна († 1316 г.) и Марсилій Менандрій Падуанскій (1312 г. ректоръ въ Вѣнѣ, † 1328 г.) со своимъ сочиненіемъ «Defensor pacis adversus usurpatam romani pontificis iurisdictionem» (сборникъ Гольдаста II 154), со-

чибеніемъ, осужденнымъ папою Іоанномъ XXII. Не за общее пользованіе или частную собственность, не за властвованіе или безвластіе вообще ведется теперь яростная борьба умовъ,—нѣтъ, теперь дѣло идетъ о томъ, кому властвовать, церкви или государству? Разумѣется, вся эта политическая литература состоитъ изъ опредѣленно тенденціозныхъ сочиненій, лишенныхъ научнаго значенія, и взаимное ожесточеніе въ этой борьбѣ за власть доходитъ до того, что духовные писатели, какъ напр. Іоанъ Салисбюрійскій (1115—1180 г.), другъ Ѳомы Бекета, рекомендуютъ тираноубійство, обрисовывая его, какъ «aequum et iustum».

d) Съ появившейся въ 1515 г. «Утопіи» англійскаго канцлера Томаса Мора начинаются «государственные романы», значеніе которыхъ впервые оцѣнено было Молемъ («Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften» I, 166); литература эта вплоть до новѣйшаго времени весьма добросовѣстно изложена Фридрихомъ Клейнвехтеромъ («Die Staatsromane» 1891).

§ 228.

Естественное право и государственно-экономическія дисциплины.

Мы уже видѣли, какъ съ развитіемъ государственныхъ и правовыхъ отношеній наука позитивнаго права специализируется на цѣлый рядъ отдѣльныхъ дисциплинъ: за частнымъ и публичнымъ правомъ идетъ уголовное и международное право, гражданское и уголовное судопроизводство. И вотъ этотъ сильно наростающій матеріалъ охватывается философскимъ разсмотрѣніемъ и разрабатывается имъ во все новыя и новыя ученія „философіи права и государства“ или такъ называемаго „естественнаго права“ (см. выше § 9).

Своимъ строго идеалистическимъ направленіемъ или, выражаясь опредѣленнѣе, своимъ обоснованіемъ всего права и государства на апріорныхъ идеяхъ (см. § 185) эти новыя теоріи существенно отличаются отъ античной философіи права и государства. А именно,—теперь уже не обращаются столь открыто, какъ въ древности, къ принципу цѣлесообразности и пользы, теперь уже недопустимо столь прямолинейное господство вопроса о лучшемъ государственномъ устройствѣ, о лучшемъ правовомъ состояніи: нѣтъ, теперь стали извлекать „идеи“ изъ позитивнаго матеріала, дѣлая при этомъ видъ, будто, наоборотъ, согласно даннымъ идеямъ конструируютъ этотъ позитивный матеріалъ и развиваютъ

его дальше. Какъ шла здѣсь логическая работа, объ этомъ мы уже подробно говорили выше (§ 185).

По мѣрѣ того, какъ изъ средневѣковаго строя пробивалось современное культурное государство съ обширными своими задачами, наука постепенно овладѣвала этими отдѣльными государственными проблемами, и вотъ такимъ образомъ возникъ цѣлый рядъ „государственныхъ наукъ“, которыя уже не занимаются ни частнымъ, ни публичнымъ правомъ, но объектомъ которыхъ тѣмъ не менѣе является государственная жизнь.

Прежде всего здѣсь слѣдуетъ упомянуть о „народномъ хозяйствѣ“ или „политической экономіи“. Она уже сравнительно очень рано, какъ одна изъ важнѣйшихъ государственныхъ дисциплинъ, введена была въ систему „юридическихъ и государственныхъ наукъ“ (см. напр. у Роттека въ „Vernunftrecht“ 1830, у К. С. Цахаріэ въ „40 Bücher vom Staate“ 1820—1832 и т. д.) (a).

a) Уже Аристотель (384—322 г. до Р. Хр.) въ своей «Политикѣ» разсматриваетъ не только собственно государственное устройство, но и политико-экономическіе вопросы въ наиболѣе широкомъ смыслѣ этого слова. Такъ онъ разсматриваетъ (книга I, 3) политико-экономическія понятія потребительной и мѣновой цѣнности и возникновеніе денегъ; онъ также указываетъ, какъ путемъ устройства и использованія искусныхъ монополій можно наживать богатства (I, 4). Причиной политическихъ переворотовъ и измѣненій государственнаго строя Аристотель выставляетъ экономическіе моменты, выводя «гражданскія смуты» изъ «имущественнаго неравенства», а также (II, 7) считая переходъ отъ аристократіи къ олигархіи слѣдствіемъ того обстоятельства, что аристократическіе правители государства обогащаются изъ общественныхъ средствъ и затѣмъ, дабы быть въ состояніи еще болѣе обогатиться, уменьшаютъ число своихъ соперниковъ-соправителей (III, 15). Такъ какъ этимъ путемъ Аристотель государственные перевороты выводитъ изъ финансовыхъ и экономическихъ моментовъ, то онъ, собственно говоря, можетъ считаться первымъ, провозгласившимъ «матеріалистическое пониманіе исторіи», каковую заслугу соціалдемократическіе писатели (Энгельсъ и др.) присваиваютъ своему вождю и мастеру Карлу Марксу.

Изъ позднѣйшихъ писателей уже Боденъ (1530—1596 г.) въ своей «Республикѣ» (1576) разсматриваетъ государственно-хозяйственные вопросы; здѣсь онъ, сѣтуя на недостатокъ хозяйственной статистики, указываетъ на необходимость имущественнаго кадастра для справедливаго податнаго обложенія, упрекаетъ богатыхъ, что они уклоняются отъ налоговъ и непомѣрно обременяютъ бѣдныхъ, откуда возникаетъ «величайшая государственная опасность, огромная неравномѣрность между бѣдностью и богатствомъ» и т. д.

А съ другой стороны, сколько государственно-научныхъ и политическихъ положеній встрѣчается у Адама Смита въ его «Wealth of Nations»? Вспомнимъ хотя бы лишь VII главу IV книги объ основаніи колоній, которая содержитъ въ себѣ больше, чѣмъ простое экономическое ученіе. Тѣсная внутренняя связь государства, права и народнаго хозяйства ясно выражается также въ произведеніи Шмоллера—«Ueber einige Grundfragen des Rechts und der Volkswirthschaft», 1875.

§ 229.

Дальнѣйшія государственныя науки.

Когда въ современномъ культурномъ государствѣ поднялась идея „управленія", тогда разработка соотвѣтственнаго позитивнаго матеріала прежней „полицейской науки" („Polizeiwissenschaft"), послѣднимъ представителемъ которой былъ Моль, превратилась въ „ученіе объ управленіи" („Verwaltungslehre"); научнымъ основателемъ этого ученія, конечно, слѣдуетъ считать Лоренца фонъ-Штейна („Handbuch der Verwaltungslehre") [1]).

Еще другая государственная наука, „статистика", происхожденіемъ своимъ обязана новѣйшему времени. Она находится въ двойномъ отношеніи къ государству. Во-первыхъ, предметомъ своимъ она можетъ имѣть самое государство, составныя его части и хозяйственные вспомогательные источники; во-вторыхъ же, она можетъ сдѣлаться для государства необходимой вспомогательной наукой. Итакъ съ двойнымъ правомъ статистика причисляется къ государственнымъ наукамъ [2]).

И вотъ все, что предметомъ своимъ имѣло государство или какую нибудь важную отрасль государственной жизни и съ другой стороны было важно для государства, его управленія и правительства,—все это вводилось въ систему „государственныхъ наукъ"; а потому кругъ этихъ наукъ долженъ былъ непрерывно возрастать. И дѣйствительно, кромѣ народнаго хозяйства и статистики, въ составѣ „государственныхъ наукъ" мы наблюдаемъ: финансовую науку, науку о населеніи, науку объ обществѣ и т. д., а также

---

[1]) См. Kirchenheim—„Einführung in das Verwaltungsrecht" 1885.

[2]) Уже давно статистика разбилась на „государствовѣдѣніе" („Staatenkunde") и „теорію статистики" (Зюсмильхъ, Кетле). Недавно же въ особую дисциплину выдѣлилась административная статистика (Vervaltungs-Statistik). См. Mischler—„Handb. der Verwaltungs-Statistik", 1892.

обученіе и воспитаніе (педагогику), гигіену, желѣзнодорожное, почтовое и телеграфное дѣло или, однимъ словомъ, такъ называемыя средства сообщенія и т. п. вещи,—все это государствовѣды, не колеблясь, вводятъ въ область своихъ теорій и „системъ“.

Неудивительно, что съ неопредѣленнымъ распространеніемъ границъ государственныхъ наукъ понятіе ихъ утрачиваетъ всякую точность. И вотъ, если мы хотимъ оріентироваться въ этой обширной области, то слѣдуетъ прежде всего отдѣлить науки права отъ государственныхъ наукъ. Относительно позитивнаго права, его частей и исторіи терминологія не представляетъ ничего сомнительнаго. Затрудненія начинаются при разсмотрѣніи „естественнаго права“ и „философіи права“, каковыя два названія часто смѣшиваются и употребляются одно вмѣсто другого. Но первое изъ этихъ названій уже преблагополучно можно сдать въ архивъ: вѣдь у „естественнаго права“, надо полагать, имѣется уже лишь литературно-историческое значеніе. Слѣдовательно, остается только философія права. А понятіе ея не должно представлять никакихъ неясностей и сомнѣній.

Наука, разсматривающая явленіе позитивнаго права съ общей научной точки зрѣнія, изслѣдующая законы возникновенія и развитія этого явленія,—есть философія права. (а).

Изъ этого опредѣленія понятія слѣдуетъ, что философія права не должна покидать почвы историческаго проявленія права; вѣдь отсюда лишь можетъ она почерпать истинную силу. Когда философія права покидаетъ эту почву, тогда она перестаетъ быть наукой и превращается въ нѣчто такое, что съ научной точки зрѣнія страдаетъ большой неопредѣленностью и что нѣкоторые ученые любятъ называть законодательной политикой (Gesetzgebungspolitik). Философія же права, какъ наука, не имѣетъ съ этимъ ничего общаго.

а) Правильныя замѣчанія относительно философіи права находимъ мы у Эмиля Лингга въ его—«Wesen und Aufgaben der Rechtsphilosophie» (Grünhut'sche Zeitschrift, 1890). Vadala-Papale указываетъ философіи права такую задачу: опираясь на этнографію и психологію народовъ, изображать развитіе права съ начальныхъ моментовъ человѣчества до нашихъ дней, «dando ragione delle successive fasi di sviluppo e degli stati sociali in rapporto al grado di coscienza dei singoli popoli» («Inconscio e Conscio nel processo evolutivo del diritto» 1895). Несомнѣнно, высокая и достойная труда цѣль. Такое же направленіе на соціологической и эволюціонной основѣ сильно развивается Icilio Vanni. Задачу

такой новой философіи права онъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: «Generalizzando il materiale empirico fornito dalle scienze storiche, la filisofia del diritto ha da essere una vera e propria filosofia della storia del diritto e proporsi la ricerca delle leggi dell'evoluzione giuridica colla loro impronta specifica» («Il problema della filosofia del diritto», p. 50).

Въ то время, какъ въ Италіи философія права разрабатывается по такимъ новымъ, соотвѣтствующимъ прогрессу естественныхъ наукъ принципамъ,—во Франціи Альфредъ Фулье все еще является защитникомъ чисто идеалистически-спекулятивнаго направленія. Въ своей «L'idée moderne du droit» (1883) онъ старается указать разницу между германской, англійской и французской правовой идеей; и послѣдняя, само собою разумѣется, является для него самой высокой. Значеніе же «правовой идеи», по мнѣнію Фулье, заключается въ томъ, что она является извѣстной «идеей-силой» («idée force»), могущей творить чудеса. Недавно Фулье выступилъ со спеціальной защитой своей сверхъ идеальной точки зрѣнія противъ «позитивизма», т. е. противъ соціологіи. («Le mouvement positiviste», 1896). При этомъ онъ обнаруживаетъ большія знанія и много остроумія,—но все-таки защищать ему приходится погибшую позицію. Что борьба вообще и соціальная борьба въ особенности является источникомъ права, этого онъ не хочетъ признавать. Возражая противъ моей теоріи права (l. c., p. 238 ff), онъ полагаетъ, что «съ нѣкоторой имѣющейся тамъ частичной истиной можетъ быть согласована только идея коопераціи и единенія, являющаяся болѣе основательной», чѣмъ идея соціальной борьбы. Объ этомъ устраненіи борьбы изъ соціальнаго развитія, о содѣйствіи этому развитію путемъ любвеобильной «коопераціи» и «единенія» мы въ послѣднее время много слышали и читали—у Крапоткина, Элизе Реклю, Бруно Вилле; они питаютъ отвращеніе къ борьбѣ и хотятъ всюду видѣть мирный процессъ развитія. Все это, разумѣется, прекрасно,—но спрашивается лишь, соотвѣтствуетъ ли оно дѣйствительности? Наука вѣдь имѣетъ дѣло только съ дѣйствительностью. Отъ субъективныхъ пожеланій и грезъ она не должна зависѣть.

§ 230.

Философія государства.

Философія государства должна быть вполнѣ яснымъ понятіемъ. Ее мы находимъ уже у античныхъ писателей. Платонъ, Аристотель, Цицеронъ занимаются философіей государства. Отъ философіи права она отличается моментомъ своего возникновенія. Философія права появляется лишь послѣ позитивнаго права, какъ разсмо-

трѣніе, критика и научная разработка его. Правда, философія государства появляется также лишь въ государствѣ, нѣкоторое время спустя послѣ его возникновенія, но все-таки въ ту еще эпоху, когда о государственномъ правѣ въ современномъ смыслѣ или по крайней мѣрѣ о кодификаціи его не было пока и рѣчи. О государствѣ стали размышлять прежде, чѣмъ была начертана какая-либо „конституція" въ современномъ смыслѣ этого слова. Вѣдь государственное право есть ничто иное, какъ начертаніе государственнаго строя, философія-же государства не зависитъ отъ этого начертанія: она довольствуется самимъ государствомъ, живымъ, активнымъ, какъ объектомъ своего разсмотрѣнія.

Изъ самой природы вещей вытекаетъ, что, въ противоположность правовѣдѣнію, могущему довольствоваться изученіемъ права одного лишь какого-нибудь государства, объектъ философіи государства никогда не можетъ быть ограниченъ отдѣльнымъ государствомъ.

Философія государства тогда лишь можетъ возникнуть, когда уже существуетъ много государствъ. Вѣдь всякая наука основывается на сравненіи, а для сравненія необходимо множество явленій. Поэтому-то мы и не встрѣчаемъ никакой философіи государства тамъ, гдѣ взоръ человѣческій теряется въ громадномъ пространствѣ одного государства, какъ это наблюдается въ Азіи, гдѣ государство это представляется ему словно цѣлымъ міромъ; и наоборотъ, философія государства расцвѣтаетъ тамъ, гдѣ, какъ въ Греціи, за тѣсными предѣлами отдѣльнаго государства передъ испытующимъ взоромъ раскрывается множество различныхъ государственныхъ формъ, невольно напрашивающихся на сравненіе.

Уже изъ такого возникновенія вытекаетъ и содержаніе понятія философіи государства. Подъ ней мы разумѣемъ науку о государствѣ, но не объ отдѣльномъ государствѣ, а о государствѣ, какъ родовомъ понятіи.

Слѣдовательно, что принадлежитъ къ отдѣльному лишь государству и не относится къ существу родового понятія, то входитъ не въ философію государства, но въ крайнемъ случаѣ уже въ спеціальное позитивное „государственное право".

Философія государства, наоборотъ, занимается общими вопросами о природѣ государства, о его возникновеніи, развитіи и о существѣ его учрежденій; она анализируетъ государство по его содержанію, составнымъ частямъ и дѣятельности. Она разсматриваетъ результаты историческаго его развитія, а равно и опредѣлен-

ной теперешней его дѣятельности. Вотъ каково содержаніе и объемъ философіи государства (a).

a) Однако-же такая философія государства, единственнымъ представителемъ которой является Аристотель, въ послѣдующія за нимъ 24 столѣтія разрабатывается цѣлымъ рядомъ политическихъ писателей все лишь по частнымъ вопросамъ. Вѣдь ею, какъ объективною наукою, совершенно не занимаются. О государствѣ пишутъ все лишь съ опредѣленными политическими цѣлями. И если писатель талантливъ, то при этомъ случайно получаются нѣкоторые отрывки философіи государства, какъ науки. Главное-же во всей этой литературѣ есть всегда тенденція. Это мы видѣли выше у всѣхъ духовныхъ писателей, выступавшихъ въ защиту верховенства церкви. То-же самое наблюдается и у ихъ противниковъ, защищавшихъ главенство императора. Вся эта, за и противъ духовной или свѣтской власти выступающая литература имѣетъ столько-же научной цѣнности и ровно такое-же значеніе, какъ и передовыя статьи нашихъ современныхъ газетъ. Если въ этой политической борьбѣ даже иногда и геніальная личность берется за перо, то это только даетъ намъ лишній случай констатировать, что и великіе умы не могутъ быть свободны отъ неимовѣрной наивности и злободневнаго пристрастія въ пониманіи государства. Примѣромъ въ подтвержденіе только что сказаннаго можетъ служить сочиненіе Данте (1265—1321 г.)—«De Monarchia». Данте выступаетъ въ защиту верховенства римскаго императора, при чемъ онъ прямо отстаиваетъ положеніе, что лучше всего, если-бы единый монархъ управлялъ всѣмъ міромъ. Съ утомительной схоластичностью хочетъ онъ доказать это положеніе. «Наилучшимъ міромъ», говоритъ Данте, «долженъ являться тотъ, гдѣ господствуетъ справедливость; самую-же полную справедливость можно найти лишь въ одномъ наиболѣе благожелательномъ и наиболѣе могущественномъ (volentissimo et potentissimo) человѣкѣ, каковымъ можетъ быть лишь тотъ, кто господствуетъ надъ всѣмъ міромъ и т. д.». Вотъ какъ низко опустилась государственная наука послѣ Аристотеля. И съ тѣхъ поръ она не сдѣлала никакого замѣтнаго успѣха. Правда, итальянское возрожденіе дало намъ Маккіавели, который, свободный отъ путъ схоластики, опять взглянулъ на государство открытыми глазами, какъ это показываютъ его «Discorsi». Но вѣдь въ концѣ концовъ Маккіавели (1469—1527 г.) является лишь практическимъ политикомъ, который потерялъ свою карьеру, и, вмѣсто того чтобы сдѣлаться настоящимъ итальянскимъ «княземъ» своей эпохи, онъ написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ «Князь» («Il principe»). Конечно, сочиненія его оставили для государствовѣдѣнія много геніальныхъ взглядовъ, но это все еще не государственная наука,—и до Аристотеля ему далеко. А послѣ Маккіавели положеніе дѣла становится все печальнѣе. Правда, больше ужъ не спорятъ относительно духовнаго или свѣтскаго главенства, но за то отъ Бодена (1530—1596 г.) начинается безплодный споръ о «мѣстопребываніи суверенитета», преслѣдующій насъ и въ 19-мъ

столѣтіи, и съ той лишь разницею, что теперь вмѣсто схоластики онъ руководится юриспруденціей,—что въ сущности одно и тоже. При этомъ вовсе не замѣчаютъ, что весь этотъ споръ не имѣетъ ровно никакой научной цѣнности, что здѣсь проявляется одна лишь тенденціозность, такъ какъ вѣдь каждый переноситъ это мѣстопребываніе суверенитета туда, гдѣ онъ хотѣлъ-бы его имѣть, или просто желаетъ, чтобы люди этому вѣрили. Такъ, напр., Боденъ защищаетъ то положеніе, что во Франціи суверенитетомъ обладаетъ король; взглядъ этотъ понятенъ,—вѣдь ученый нашъ, какъ не дворянинъ, борется противъ хозяйничанья сословій и ихъ провинціальныхъ парламентовъ и въ крѣпкой монархіи ищетъ защиту противъ пагубной олигархіи вельможъ. Когда-же потомъ въ 18-мъ столѣтіи положеніе дѣла мѣняется, когда вельможи были подавлены и абсолютная монархія извратилась,—тогда Руссо доказываетъ, что мѣсто суверенитета въ народѣ, т. е., что монархія должна подчиниться народу. Тенденціи, скрывающіяся за такими доказательствами, могутъ, конечно, считаться похвальными, но все это является вовсе не государственной наукой, а практической политикой, драпирующейся то въ юридическую схоластику, то въ поэтическую реторику. И наше просвѣщенное 19-ое столѣтіе не сдѣлало въ этомъ отношеніи замѣтнаго шага впередъ. Въ Германіи все еще ведутъ споръ о «мѣстопребываніи суверенитета», при чемъ преслѣдуютъ то партикулярныя, то велико-прусскія тенденціи. Все это является пустымъ политическимъ споромъ, а не государственной наукой. И въ этомъ виноваты германскіе юридическіе факультеты, по пункту о «государствѣ» являющіеся настоящими оплотами мракобѣсія, такъ какъ они науку о государствѣ разсматриваютъ, какъ отрасль юриспруденціи, и всякую свободную мысль погребаютъ подъ кучей бездушныхъ юридическихъ формулъ. «Подальше отъ юристовъ»!—таковъ долженъ быть девизъ, если только желательно здѣсь измѣнить положеніе дѣла и направить науку по пути успѣшнаго развитія.

§ 231.

Конкурирующія между собою названія.

Къ сожалѣнію, на ряду съ названіемъ „философія государства" появляется цѣлый рядъ синонимовъ, производящихъ большую путаницу понятій. „Ученіе о государствѣ, государственная наука, общее и философское государственное право" („Staatslehre, Staatswissenschaft, allgemeines und philosophisches Staatsrecht") —эти четыре названія конкурируютъ съ „философіей государства" („Staatsphilosophie").

Какъ-же относятся эти названія другъ къ другу и къ „фило-

софіи государства“? Лежатъ-ли въ основѣ ихъ совершенно тождественныя понятія? или они обозначаютъ извѣстные оттѣнки и модификаціи одного и того-же понятія? Въ первомъ случаѣ,—каково основаніе этого различенія понятій? Во второмъ случаѣ,—какова-же степень такого различія?

Мы не ошибемся, если различныя наименованія эти отнесемъ къ различнымъ направленіямъ, даваемымъ философіи государства, къ различнымъ точкамъ зрѣнія, съ которыхъ разсматривали и изучали государство, къ различнымъ оттѣнкамъ понятія о государственной наукѣ. Эти различныя названія относятся собственно лишь къ субъективному пониманію ученія и науки о государствѣ; они показываютъ различіе представителей государственной науки, а не особыхъ, отдѣльныхъ наукъ. Понятіе этой науки можетъ быть только одно, какъ-бы ее ни именовали (см. § 1). Подъ различными употребляемыми для этого единаго понятія названіями не хватаетъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, достаточно содержательныхъ матеріальныхъ основъ для дифференцированія такого понятія на различныя отрасли. Итакъ въ концѣ концовъ приходится признать, что для одного предмета существуетъ нѣсколько названій. Философія государства, ученіе о государствѣ, государственная наука, общее или философское государственное право — понятія совершенно тождественныя, для которыхъ теперь наиболѣе распространеннымъ является названіе общаго или философскаго государственнаго права. Во множественномъ-же числѣ, терминомъ „государственныя науки“ („Staatswissenschaften“) обозначаютъ теперь совокупность всѣхъ тѣхъ дисциплинъ, которыя находятся въ болѣе или менѣе тѣсномъ отношеніи къ государству (напр., политическая экономія, исторія государственнаго устройства, исторія экономическаго быта, статистика и т. д.).

а) Нѣкоторые теоретики тщатся установить различіе между ученіемъ о государствѣ (Staatslehre) и государственнымъ правомъ (Staatsrecht). Но они не идутъ дальше заявленія, что ученіе о государствѣ есть начало государственнаго права, а государственное право есть конецъ ученія о государствѣ. Вслѣдствіе этого они всегда должны излагать въ одномъ произведеніи «ученіе о государствѣ и государственное право»,—иначе вѣдь имъ грозила-бы опасность дать начало безъ конца или конецъ безъ начала. Такъ между прочимъ Алоизъ Бишофъ въ своемъ «Katechismus der Staatslehre und des Staatsrechts» (Ansbach 1871), охвативъ вкратцѣ господствующую въ Германіи теорію, въ началѣ-же на вопросъ: «что надлежитъ разумѣть подъ общимъ ученіемъ о государствѣ и подъ

общимъ государственнымъ правомъ»?—отвѣчаетъ: «Подъ общимъ ученіемъ о государствѣ слѣдуетъ понимать изслѣдованіе природы государства, т. е., науку о существѣ, о возникновеніи и прекращеніи, о цѣляхъ и формахъ государства; а подъ общимъ государственнымъ правомъ разумѣется система тѣхъ юридическихъ положеній, которыя опредѣляютъ свойственное государству, какъ таковому, право, вытекая съ логическою необходимостью изъ существа государства, соотвѣтственно отдѣльнымъ государственнымъ формамъ». Слѣдуетъ признать, что А. Бишофъ въ отвѣтѣ этомъ совершенно вѣрно передаетъ ходячее пониманіе различія между ученіемъ о государствѣ и государственнымъ правомъ [1]). Конечно, это ходячее различеніе совершенно неосновательно,—да оно и не выдерживается А именно, теоретикамъ нашимъ иногда приходится въ своихъ трудахъ по государственному праву излагать тѣ вопросы, которые, согласно вышеприведенному различенію, должны-бы относиться къ ученію о государствѣ, что, напр., мы наблюдаемъ въ компендіяхъ государственнаго права у Гербера и Цепфля; съ другой-же стороны въ ученіяхъ о государствѣ разрабатывается «система принадлежащихъ государству правъ». Такъ, напр., Максъ Зейдель въ своихъ «Очеркахъ общаго государственнаго права» («Grundzüge der allgem. Staatslehre» Würzbnrg, 1873) трактуетъ о всѣхъ возможныхъ въ государствѣ правахъ, а именно—о частномъ правѣ, о конституціонномъ правѣ, о «процессуальномъ правѣ» и т. п. Иные-же пользуются различными названіями—государственное право и ученіе о государствѣ—съ тѣмъ расчетомъ, чтобы одинъ и тотъ-же матеріалъ перерабатывать для различныхъ круговъ читателей. Такъ, напр., Блунчли озаглавливаетъ свой предназначенный для студентовъ трудъ «Общимъ государственнымъ Правомъ», а для вольноопредѣляющихся тотъ-же самый матеріалъ онъ трактуетъ, какъ «Общее ученіе о государствѣ». Выходитъ, что ученіе о государствѣ должно являться для студентовъ «государственнымъ правомъ», а государственное право для вольноопредѣляющихся—«ученіемъ о государствѣ».

А Герм. Бишофъ хочетъ излагать лишь Общее ученіе о государствѣ [2]), протестуя противъ метода «новыхъ политическихъ писателей»—связытать общее ученіе о государствѣ съ общимъ государственнымъ правомъ. Онъ говоритъ: «Этотъ методъ противорѣчитъ природѣ вещей не меньше, чѣмъ страдаетъ безполезностью,—и вотъ почему: 1. Государственное право предполагаетъ существо-

---

[1]) Въ послѣднѣе время Борнгакъ („Allgemeine Staatslehre" 1896) хочетъ называть „совокупность положеній о государствѣ въ его общемъ..... болѣе правильно общимъ ученіемъ о государствѣ" и полагаетъ, что „общее государственное право въ томъ видѣ, какъ его понимала философія естественнаго права и старая конституціонная доктрина, не существуетъ вообще",—чѣмъ онъ во всякомъ случаѣ констатируетъ всюду признанный теперь фактъ.

[2]) „Allgemeine Staatslehre, gestützt auf geschichtliche Grundlage und christliche Principien"... etc, Giessen, 1860—1870.

ваніе государства; а поэтому соединеніе ученія о государствѣ, опредѣляющаго лишь элементы государства, съ государственнымъ правомъ совершенно неправильно. Существо обѣихъ дисциплинъ различно (почему?—это ближе не поясняется) и вслѣдствіе этого для каждой изъ нихъ требуется также особое самостоятельное положеніе въ системѣ государственныхъ наукъ». «Государственное право предполагаетъ существованіе государства», говоритъ Герм. Бишофъ,—какъ будто ученіе о государствѣ могло-бы обойтись и безъ государства! И почему ученіе о государствѣ не должно предполагать «существованія государства»? Не потому-ли, что оно «опредѣляетъ лишь элементы государства»? Не потому-ли, что ученіе о государствѣ будтобы занимается лишь этими «элементами»? Да вѣдь во введеніи въ свой трудъ Герм. Бишофъ самъ заявляетъ, что ученіе о государствѣ между прочимъ имѣетъ предметомъ своимъ «существо, возникновеніе и прекращеніе государства», а далѣе и «государственныя формы»; и вотъ неужели-же ученіе это, не смотря на то, что оно трактуетъ о формахъ и прекращеніи государства, ни въ коемъ случаѣ не должно предполагать «существованія государства»? Самое-же государственное право Герм. Бишофъ не опредѣляетъ обстоятельнѣе, но уже изъ предыдущаго становится яснымъ, что его «ученіе о государствѣ» является также и «государственнымъ правомъ». Чтобы завершить этотъ экскурсъ относительно тождественности ученія о государствѣ и государственнаго права, слѣдуетъ упомянуть еще въ заключеніе, что люксембуржецъ Фр. Гаспаръ съ такимъ-же правомъ, какъ и выше названные государствовѣды, трактуетъ о томъ-же предметѣ подъ заглавіемъ—«Философія Государства» («Philosophie des Staates», Luxemburg 1872). Всѣ приведенные примѣры убѣждаютъ насъ, во-первыхъ, въ томъ, что различнымъ названіямъ этимъ (ученіе о государствѣ, государственное право, философія государства) соотвѣтствуетъ одно лишь понятіе и, во-вторыхъ,—что подъ этими различными наименованіями трактуется въ дѣйствительности объ одномъ и томъ-же предметѣ.

§ 232.

Политика.

Теперь подходимъ мы къ области, тѣсно примыкающей къ государственному праву, но въ то-же время существенно отъ нея отличной; и тутъ-то для общаго государственнаго права въ высшей степени важно разъ навсегда надлежащимъ образомъ размежеваться съ нею. Мы имѣемъ въ виду область политики; и не въ томъ смыслѣ, въ какомъ слово это употреблялось у Аристотеля и другихъ греческихъ писателей,—вѣдь для такого (греческаго) значенія вполнѣ подходятъ нѣмецкія слова „Staatslehre“ (ученіе

о государствѣ) и „Staatswissenschaft“ (государственная наука). И когда нѣкоторымъ государствовѣдамъ нравится называть свое „ученіе о государствѣ“ „политикой“ (какъ дѣлаютъ, напр., Дальманъ, Рошеръ),—то они употребляютъ это греческое слово для обозначенія понятія, для котораго въ нѣмецкомъ языкѣ, какъ мы уже видѣли, существуетъ нѣсколько названій. Употреблять въ такомъ смыслѣ слово „политика“—совершенно неумѣстно. Мы-же, напротивъ, употребляемъ здѣсь это слово въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, какъ то въ новѣйшее время принято почти во всѣхъ европейскихъ языкахъ; въ этомъ послѣднемъ значеніи слово „политика“ пытались замѣнить выраженіемъ „государственная мудрость“ („Staatsklugheit“).

И вотъ тѣ, которые дѣлаютъ государство предметомъ своихъ изысканій, которые хотятъ вникнуть въ понятіе его, изучить его происхожденіе, существо, „виды“ и формы, научно изслѣдовать его развитіе,—весьма часто склонны бываютъ распространять свои изслѣдованія на сосѣднюю, хотя и существенно отличную область, присоединяя къ результатамъ своихъ изслѣдованій вопросы: какъ слѣдуетъ лучше дѣйствовать? какъ переустроить государство? какъ долженъ поступать правитель? какъ—гражданинъ? какихъ принциповъ должны придерживаться властвующіе? чѣмъ должны руководиться подвластные? какія мѣропріятія должно предпринимать правительство? какого устройства должны добиваться подвластные? и т. д. и т. д.

Вопросы эти не изъ области ученія о государствѣ и государственнаго права, имѣющихъ своимъ объектомъ дѣйствительныя историческія явленія, — нѣтъ, они принадлежатъ уже къ области политики, которая имѣетъ дѣло не съ существующимъ, но съ тѣмъ, что должно быть (mit dem Seinsollenden). (а)

а) Среди новыхъ писателей въ двойную ошибку впадаетъ и Моль, смѣшивая между собою, во первыхъ, ученіе о государствѣ съ политикой и, во-вторыхъ, всевозможныя направленія въ самой политикѣ. Кромѣ того онъ всегда почти придаетъ больше значенія долженствующему быть (das Seinsollende), чѣмъ дѣйствительно существующему, и самымъ очевиднымъ образомъ, какъ это мы уже имѣли случай наблюдать (см. § 117), пренебрегаетъ историческими данными. Къ такому пріему его приводитъ все его представленіе объ историческомъ развитіи и историческихъ фактахъ, служащихъ для него «матеріаломъ, изъ котораго выводятся новыя общія правила» [1]). Представленіе это совершенно ошибочно. Изъ историче-

[1]) „Staatsrecht, Völkerreht, Politik“. B, III, S. 1.

скихъ фактовъ, конечно, можно постичь руководящіе исторіей законы, но почерпать отсюда «правила» для будущей дѣятельноти—не всегда возможно. А такъ какъ Моль этимъ именно и старается заниматься, такъ какъ онъ изъ государственно-историческаго и государственно-правового матеріала развиваетъ свои «общія правила» («allgemeine Regeln»), то поэтому въ произведеніяхъ его мы находимъ весьма много «политики», а именно самой разнообразной,—начиная отъ административной политики (Regierungspolitik) и кончая соціальной (Socialpolitik), которую онъ ужъ смѣло могъ-бы предоставить по принадлежности соціалдемократамъ. И въ этомъ-то заключается величайшая ошибка Моля, въ этомъ огромная разница между нимъ и Макіавелли. А именно, для всѣхъ возможныхъ въ государствѣ факторовъ, какую-бы позицію здѣсь они ни занимали,—высокую или низкую, зависимую или независимую, правую или лѣвую, консервативную или либеральную, аристократическую или демократическую,—для всѣхъ ихъ Моль, такъ сказать, пишетъ рецепты и даетъ совѣты. Макіавелли-же, какъ мы уже видѣли, избираетъ себѣ одну определенную точку зрѣнія, а поэтому ему легче удается привести свои совѣты въ единую логическую систему и въ развитіи ея не отступать ни передъ какими выводами. Разумѣется, свои всестороннія предначертанія Моль считаетъ болѣе честными; но съ точки зрѣнія политики ясно, что ему далеко до геніальности Макіавелли. Методъ Моля—трактовать о всевозможной «политикѣ» напоминаетъ намъ объ адвокатѣ, взявшемся защищать одновременно двѣ противоположныя стороны. Такая «разносторонность» не можетъ быть рекомендована ни для теоріи, ни для практики.

Итакъ, тотъ, кому ужъ приходится заниматься теоретической политикой, равно какъ и честный практическій политикъ, долженъ занимать лишь одну позицію и ее послѣдовательно отстаивать. При этомъ послѣдовательная и убѣжденная защита одной опредѣленной точки зрѣнія ни въ коемъ случаѣ не должна соединяться съ даваніемъ совѣтовъ чужимъ партіямъ.

Но вообще необходимымъ условіемъ дѣйствительно научнаго и безпристрастнаго изложенія государственной науки должно быть слѣдующее: держаться какъ можно дальше отъ всякой политики, чтобы всюду быть въ состояніи неуклонно проводить объективную, научную точку зрѣнія. Поэтому государствовѣдъ долженъ умѣть отмежевывать свои науки отъ политики. Совѣты для различныхъ партій онъ смѣло можетъ предоставить по принадлежности политикамъ и публицистамъ, которые ужъ будутъ давать ихъ согласно своимъ различнымъ точкамъ зрѣнія. Государствовѣду-же надлежитъ, отвлекшись отъ партійной жизни, изслѣдовать законы политическаго развитія.

И пусть теоретическіе и политическіе политики и публицисты спорятъ между собою о томъ, какъ должно поступать,—ученіе-же о государствѣ такими вопросами не занимается.

И если факты на лицо, если факторы государственной жизни проявили свою дѣятельность,—тогда государствовѣдъ беретъ ихъ подъ свой философскій микроскопъ, изслѣдуетъ ихъ причины и по-

слѣдствія и затѣмъ уже изъ этого историческаго развитія старается абстрагировать философскіе законы и привести ихъ въ связь съ общими идеями.—(См. все-таки, что говорится въ поясненіи къ тексту слѣд. § относительно Ратценгофера).

§ 233.

Отношеніе государственнаго права къ политикѣ.

Теперь выяснимъ отношеніе государственнаго права (ученія о государствѣ) къ политикѣ. Въ то время какъ государственное право занимается изслѣдованіемъ фактовъ и состояній,—политика заключаетъ въ себѣ принципы дѣятельности, систему совѣтовъ для правящихъ или для управляемыхъ.

Согласно сказанному нами въ началѣ (см. § 1) относительно понятія науки, изъ вышеотмѣченнаго различія между государственнымъ правомъ и политикой слѣдуетъ, что только государственное право можетъ считаться „наукой“, политика же является лишь своего рода „тактическимъ ученіемъ“, катехизисомъ правилъ для жизни и дѣятельности входящихъ въ составъ государства людей. Отсюда ясно, что государственное право и политика—двѣ качественно различныя дисциплины, и онѣ должны быть въ самыхъ основахъ своихъ размежеваны между собою. (а)

Наука о государствѣ, какъ и всякая другая, имѣетъ цѣль свою въ самой себѣ, единственно лишь въ познаніи истины. Задача ея заключается въ выясненіи законовъ, по которымъ идетъ жизнь государства, происходитъ его возникновеніе и прекращеніе. Тактическими же правилами и совѣтами для князей и народовъ государственная наука не занимается.

Однако-же исконной слабостью государствовѣдовъ и философовъ всегда являлось, какъ результатъ ихъ изслѣдованій, желаніе поучать человѣчество: какъ устроить хорошее государство? что предпринять, чтобы предохранить себя отъ того или иного бѣдствія? какъ сдѣлать, чтобы существовало хорошее управленіе?

Какъ изъ басни извлекаютъ мораль, такъ изъ изслѣдованія хотѣли получать практическую выгоду: и вотъ большею частью впадали въ односторонность и тенденціозность.

Устарѣлъ уже взглядъ, что исторія должна являться наставницей для настоящаго времени и быть полезной своими поученіями относительно того, чего слѣдуетъ избѣгать и что нужно

*

дѣлать; равно безоснователенъ и тотъ взглядъ, согласно которому изъ ученія о государствѣ хотятъ, какъ слѣдствіе, вывести политику. Безосновательнъ,—не смотря на то, что почти всѣ государствовѣды впали въ это заблужденіе и никогда не могли отказать себѣ сдѣлать заключеніемъ своихъ изслѣдованій политику.

а) Попытку—излагать политику, какъ науку, сдѣлалъ Гольцендорфъ въ своихъ «Principien de Politik» (Belin, 1869). Въ данномъ произведеніи своемъ онъ разбираетъ всѣ относящіяся сюда опредѣленія новѣйшихъ государствовѣдовъ. При этомъ онъ даетъ также нѣкоторое дополненіе къ систематикѣ государственныхъ наукъ, въ которомъ общее ученіе о государствѣ отдѣляетъ отъ государственнаго права: общее ученіе о государствѣ онъ разсматриваетъ, какъ науку объ «обнаруживаемыхъ всюду признакахъ, проявленіяхъ дѣятельности и правовыхъ формахъ человѣческаго общественнаго состоянія»; государственное-же право заключаетъ въ себѣ «нормировку отношеній государственной власти къ подданнымъ». Что-же касается политики, «какъ науки», то предметомъ и содержаніемъ ея Гольцендорфъ дѣлаетъ «правильное примѣненіе лежащихъ внѣ правового попеченія средствъ, дѣйствительно приводящихъ къ выполненію государственныхъ цѣлей, либо, иначе говоря, основанную на данныхъ отношеніяхъ внѣправовую реализацію этихъ цѣлей» («Principien der Politik», S. 10). Но думалъ-ли этимъ Гольцендорфъ опредѣлить политику, «какъ науку», или только оправдать? «Примѣненіе средствъ къ выполненію государственныхъ цѣлей» или также «реализація этихъ послѣднихъ» не является вѣдь наукой и ученіе объ этомъ могло-бы въ крайнемъ случаѣ притязать на названіе «руководства», «наставленія къ политической дѣятельности», но ни въ коемъ случаѣ не «науки».

Гольцендорфу не удалось опредѣлить политику, какъ науку, не говоря уже о конструированіи изъ нея научной системы. Правда, книга его весьма остроумна; въ ней даются правила, какъ слѣдуетъ дѣйствовать въ политикѣ; Гольцендорфъ полагаетъ даже, что этимъ устанавливаетъ прочные «принципы» политики. Но мы всетаки не находимъ въ его книгѣ свѣдѣній по основному, неизбѣжному вопросу: для кого даетъ онъ свои правила? Кому хочетъ онъ рекомендовать свои принципы, какъ руководящую нить дѣятельности? Властвующимъ или подвластнымъ? имущимъ или неимущимъ? образованному среднему сословію или, быть можетъ, рабочимъ? Кто долженъ слѣдовать его принципамъ? кому хочетъ онъ совѣтовать? Каждое вѣдь положеніе въ государствѣ обусловливаетъ и особыя цѣли, а слѣдовательно, и различные цѣлесообразные и разумные образы дѣйствій, а отсюда и другіе, особые «принципы политики». Для кого-же Гольцендорфъ пропагандируетъ свои принципы? И такъ какъ вопроса этого онъ совсѣмъ не задаетъ себѣ и тѣмъ не менѣе хочетъ писать о «политикѣ», то слѣдуетъ признать, что въ своихъ «Принципахъ Политики» онъ даетъ что-то въ высшей степени не-

опредѣленное, туманное, расплывчатое и смутное, подобное чему трудно и найти въ литературѣ. Въ этомъ отношеніи весьма характеренъ отвѣтъ, даваемый Гольцендорфомъ на самому себѣ поставленный вопросъ: «какіе отдѣльные предметы могутъ быть разсматриваемы въ политической теоріи?» Отвѣтъ на это гласитъ, что «всѣ поступки, явленія и дѣятельности въ человѣческой жизни могутъ быть научнымъ объектомъ политики, поскольку они связаны съ предназначеніями государства или относятся къ общественной жизни» (S. 22). «Наука», которая такъ опредѣляется, показываетъ лишь, что она неопредѣлима,—такъ какъ это вовсе не является наукой. Изъ всего этого усиленнаго, но безрезультатнаго философствованія Гольцендорфа можно вывести то заключеніе, что политика, какъ и жизнь вообще, требуетъ извѣстной дозы мудрости, обладать которой очень хорошо, но ее нельзя добыть ни изъ какой, даже самой объемистой книги о «принципахъ политики». Это чувствуетъ самъ Гольцендорфъ на каждой страницѣ своей книги и сѣтуетъ по этому поводу: «Попытка исчерпать законодательными предначертаніями всѣ возможные въ жизни случаи обречена на неизбѣжную неудачу, и даже больше того,—она вредна, такъ какъ путемъ сбивчиваго нагроможденія частностей приводитъ къ напрасной тратѣ личныхъ силъ» (S. 30). Замѣчаніе это совершенно правильно—и даже въ гораздо болѣе широкомъ смыслѣ. А именно,—«сбивчивы» всѣ общія правила въ политикѣ, какъ ихъ пытается формулировать Гольцендорфъ, «сбивчивы» всѣ неопредѣленно выставляемые «принципы» политики!

Лишь Густаву Ратценгоферу впервые удалось разрѣшить проблему научной политики, а именно — на основахъ соціологіи (Gustav Ratzenhofer—«Wesen und Zweck der Politik» 1893). Исходя изъ признанія, что въ государствѣ нѣкоторое число соціальныхъ группъ (ихъ онъ называетъ «политическими личностями») постоянно ведутъ борьбу изъ-за господства или по крайней мѣрѣ изъза улучшенія своего правового и иного положенія,—онъ геніальнымъ образомъ показываетъ, какую тактику въ соціальной борьбѣ преслѣдуетъ всякая изъ этихъ «политическихъ личностей»; сюда Ратценгоферъ присоединяетъ весьма остроумныя во всякомъ случаѣ замѣчанія относительно цѣлесообразности тактики этихъ различныхъ соціальныхъ составныхъ частей государства. Слѣдуетъ пожалѣть что публицисты и ученые все еще пишутъ о политикѣ, не прочтя книги Ратценгофера. Такъ, напр., Вернеръ Зомбартъ трактуетъ о «соціальной политикѣ» (Braun's Archiv für sociale Gesetzgebung, 1897) и жалуется, что «политика» въ послѣднія десятилѣтія не сдѣлала никакихъ успѣховъ. При этомъ Зомбартъ не дѣлаетъ различія между наукой о государствѣ и политикой, но считаетъ оба эти понятія тождественными, говоритъ лишь о «Принципахъ Политики» Гольцендорфа, вышедшихъ въ свѣтъ уже больше четвери столѣтія тому назадъ, а о трудѣ Ратценгофера не дѣлаетъ никакого замѣчанія. Слѣдовательно, не столько государственная наука и политика не сдѣлали за послѣднія десятилѣтія успѣховъ, сколько

Зомбартъ не потрудился познакомиться съ новѣйшими сочиненіями. Сѣтованіе его по поводу «Политики» («Politik», 1893) Рошера, которая-де легко могла-бы выйти въ свѣтъ и полъстолѣтія тому назадъ, совершенно правильно; Рошеръ давно уже можетъ быть признанъ старцемъ, который не внемлетъ новѣйшей литературѣ, подъ «политикой» разумѣетъ «естественное ученіе о государствѣ« («Naturlehre des Staates»»), не знаетъ о различіи между политикой и общимъ государственнымъ правомъ и уже не интересуется новинками. Старику Рошеру это, пожалуй, можно-бы и не вмѣнять въ особую вину. Но Вернеру Зомбарту, прежде чѣмъ жаловаться на застой въ области «политики», слѣдовало-бы предварительно ближе познакомиться съ новѣйшей литературой.

§ 234.

Макіавелли, какъ политикъ.

На новѣйшихъ представителей государственной науки очень заразительно повліялъ въ этомъ отношеніи Макіавелли. Такъ какъ Макіавелли трактовалъ о государствѣ и его совѣты князю снискали себѣ столь огромную и вполнѣ заслуженную извѣстность,— то государствовѣдамъ это представлялось указаніемъ, чтобы въ своихъ ученіяхъ о государствѣ трактовать и о такъ называемой „государственной мудрости" („Staatsklugheit") или политикѣ и къ разсужденіямъ о государствѣ, каково оно было и есть, присоединять всегда еще свои соображенія о томъ, какимъ оно должно быть и какъ должна проявляться его дѣятельность.

Но при этомъ проглядѣли, что Макіавелли въ своемъ „Il Principe" излагаетъ вовсе не ученіе о государствѣ, а политику, и именно политику, которую ни въ коемъ случаѣ нельзя назвать государственной мудростью, но просто лишь чистѣйшей княжеской мудростью. Въ этомъ трудѣ Макіавелли хочетъ быть лишь наставникомъ и совѣтникомъ князя и имѣетъ въ виду лишь его благо; задачей себѣ онъ ставитъ указаніе князю, какъ лучше можно укрѣпить власть и подольше ее удержать.

Это—ничто иное, какъ политика, а именно княжеская политика, и Макіавелли не старается показать видъ, будто пишетъ о чемъ либо иномъ. Въ этомъ отношеніи онъ поступаетъ вполнѣ честно и открыто. Если же въ своемъ „Il Principe" онъ говоритъ и о государствѣ, то дѣлаетъ это лишь мимоходомъ, поскольку такая экскурсія необходима для главной его цѣли. Но онъ не намѣренъ останавливаться на благѣ государства или народа, а еще

меньше—отмѣчать законы государственнаго развитія. Цѣль его лежитъ въ гораздо болѣе тѣсномъ кругѣ: въ благѣ и пользѣ князя. Здѣсь за то Макіавелли является не только послѣдовательнымъ, но и (какъ уже указано) вполнѣ откровеннымъ.

Когда же современные „политики“ предлагаютъ свои разнопринципные совѣты и для князей и для народовъ, и для правителей и для управляемыхъ, и для государей и для подданныхъ, и для аристократовъ и для демократовъ, и для консерваторовъ и для радикаловъ, и для капиталистовъ и для рабочихъ, короче—для всѣхъ людей,—то часть этихъ совѣтовъ, несомнѣнно, должна быть лишена искренности.

Такой пріемъ ужъ свидѣтельствуетъ, что неуяснены границы между ученіемъ о государствѣ (государственнымъ правомъ) и политикой и эти двѣ существенно различныя дисциплины смѣшиваются между собою. Но государственное право и политика имѣютъ между собою столь же мало или, пожалуй, еще гораздо меньше общаго, чѣмъ, напр., физіологія и медицина. Физіологія учитъ распознавать законы, согласно которымъ происходитъ жизненный процессъ въ человѣкѣ; объ излеченіи же обнаружившихся болѣзней или о діэтетикѣ человѣческаго организма она не заботится. Это ужъ дѣло медицины. Какъ анатомъ или физіологъ не имѣютъ дѣла съ терапіей, такъ и политика для науки о государствѣ является, правда, смежной, но тѣмъ не менѣе всегда чужой областью.

Какъ „государственная мудрость“ („Staatsklugheit“), политика является частью жизненной мудрости вообще и научаетъ правиламъ дѣятельности въ государственной жизни. Но дѣятельность эта является и должна быть различной, сообразно съ различнымъ соціальнымъ положеніемъ дѣйствующихъ въ государствѣ; и вотъ въ зависимости отъ различія этого положенія одинъ и тотъже образъ дѣйствій можетъ быть разумнымъ или неразумнымъ, такъ какъ вмѣстѣ съ положеніемъ мѣняются и цѣли, и, слѣдовательно, цѣлесообразный и тѣмъ самымъ разумный образъ дѣйствій долженъ представляться въ различныхъ видахъ.

Отсюда слѣдуетъ, что политика всегда можетъ быть трактуема лишь съ одной спеціальной точки зрѣнія, такъ какъ всякое соціальное положеніе въ государствѣ обусловливаетъ въ данномъ случаѣ свой особый образъ дѣйствій; слѣдовательно, всякій народный классъ, всякая общественная группа должна поступать иначе, посвоему, чтобы этотъ образъ дѣйствій могъ считаться цѣлесообраз-

нымъ, разумнымъ; отсюда, согласно природѣ вещей, въ зависимости отъ различныхъ точекъ зрѣнія, бываетъ и различная политика. Итакъ, слѣдуетъ, какъ это дѣлаетъ Ратценгоферъ, разсматривать дѣятельность и тактику каждой партіи особо и изслѣдовать неизбѣжно различный образъ дѣйствія каждой изъ нихъ.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ наукой о государствѣ, съ государственнымъ правомъ. Наука всегда имѣетъ одну лишь исходную точку—научную, которая сама собою вытекаетъ изъ единственно возможной задачи ея—познать истину.

§ 235.

Логическая систематика.

Кромѣ систематики, вытекающей изъ хронологической послѣдовательности и историко-литературнаго развитія, слѣдуетъ выдвинуть и логически расчлененную систему государственныхъ наукъ, чтобы тѣмъ лучше разсмотрѣть связь и взаимную зависимость однихъ дисциплинъ отъ другихъ, а отсюда установить извѣстную іерархію ихъ. Таковая систематика должна идти отъ общаго къ частному. Она должна основываться на самомъ распространенномъ, общемъ для всѣхъ государственныхъ наукъ явленіи, поставить обширнѣйшее изъ всѣхъ государственнонаучныхъ понятій во главу угла, чтобы затѣмъ уже всѣ вытекающія отсюда явленія и понятія, ставшія предметомъ спеціальныхъ дисциплинъ, разсматривать въ извѣстной зависимости отъ болѣе общей науки.

§ 236.

Соціологія.

Такимъ общимъ для всѣхъ государственныхъ наукъ явленіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обширнѣйшимъ изъ всѣхъ государственнонаучныхъ понятій является „общество“ („Gesellschaft“). Шаткое и неопредѣленное при первоначальномъ своемъ появленіи (см. выше § 82)—теперь оно, взятое въ широкомъ смыслѣ слова, обозначаетъ весь человѣческій субстратъ политической исторіи, настоящій предметъ всякаго соціальнаго и политическаго развитія. Какъ таковое явленіе, „общество“ стало объектомъ особой науки — „соціологіи“. (a)

Ясно, что такая наука объ обществѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова заключаетъ въ себѣ всѣ другія ученія о человѣкѣ и о человѣческихъ обобществленіяхъ и является общей почвой, изъ которой логически выдѣляются всѣ эти соціальныя и политическія дисциплины; а между тѣмъ историческій ходъ развитія этихъ наукъ — обратный и соціологія хронологически появилась лишь въ концѣ концовъ. Въ логически же построенной систематикѣ соціологія находится теперь въ основѣ всѣхъ соціальныхъ и политическихъ наукъ и указываетъ каждой изъ нихъ ея положеніе во всей системѣ.

Вѣдь предметами этихъ отдѣльныхъ наукъ, конечно, могутъ быть лишь тѣ соціальныя и соціально психическія явленія, которыя вытекаютъ изъ естественнаго развитія общества. Поэтому прежде всего важно образовать себѣ ясное представленіе относительно самого этого развитія, относительно его источниковъ, причинъ, элементовъ и факторовъ, относительно его направленія въ цѣломъ и въ частностяхъ. Выше мы уже указывали, какъ представленіе это до сихъ поръ было отчасти смутно, отчасти ошибочно. Вслѣдствіе этого отдѣльныя политическія и соціальныя науки также висѣли въ воздухѣ и не могли достичь яснаго сознанія взаимной своей связи. Не отдавая себѣ отчета о своихъ истинныхъ, заложенныхъ въ природѣ общества основахъ, дисциплины эти старались замѣнить ихъ всевозможными метафизическими и спекулятивными презумпціями. Коренной ошибкой всѣхъ морально политическихъ или духовныхъ наукъ (Geistes-Wissenschaften) являлось опредѣленно выраженное или молчаливое предположеніе универсальнаго развитія человѣчества изъ одного пункта. Это ложное представленіе должно исчезнуть, если обратить вниманіе на природу соціальнаго развитія и на необходимыя его причины.

Какъ ростъ растенія происходитъ не самъ по себѣ, но подъ воздѣйствіемъ постороннихъ элементовъ—воды, свѣта, атмосферы,— подобное этому наблюдаемъ мы и въ соціальномъ развитіи. Соціальная группа развивается лишь подъ воздѣйствіемъ чужихъ этническихъ силъ, а именно вслѣдствіе реагированія на нихъ. Это—вѣчный, господствующій во всякомъ соціальномъ развитіи законъ. Безъ воздѣйствія чужихъ этническихъ элементовъ, безъ реагированія на нихъ нѣтъ никакого соціальнаго развитія. Если бы существовало изолированное спокойное соціальное развитіе, то какъ возможно было-бы послѣ многихъ тысячелѣтій человѣческаго существованія на землѣ находить еще такія примитивныя племена, какъ патагонцевъ, обитателей Огненной Земли и бутокудовъ въ Южной Америкѣ или ди-

карей на островѣ Борнео? Лишь то обстоятельство, что они съ самаго начала были изолированы, не испытывали на себѣ никакого чужестраннаго воздѣйствія и сами таковово на другихъ не оказывали, объясняетъ ихъ остановку на примитивнѣйшей, звѣроподобной стадіи.

Великій законъ всякаго культурнаго развитія заключается въ томъ, что изъ столкновенія различныхъ этническихъ группъ возникаетъ высшая культура, что взаимныя воздѣйствія разнородныхъ этническихъ элементовъ являются движущимъ началомъ въ историческомъ процессѣ.

а) Разработкѣ соціологіи (исключительно или преимущественно) посвящены слѣдующіе журналы: Revue international de Sociologie (Worms, Paris), Rivista di Sociologia (Fiamingo, Rom), La Riforma Sociale (Nitti, Neapel), Rivista scientifica del Diritto (Vaccaro e Fragapane, om), Revista de erec h o y de Sociologia (Posada, Madrid), Annals of the American Academy of political and social science (Philadelphia), The American Journal of Sociology (Chicago). Всѣ эти журналы основаны лишь въ самомъ концѣ 19-го столѣтія, но они уже достаточно успѣли обнаружить ревностное развитіе этой науки, которая призвана давать новые импульсы государствовѣдѣнію. Относительно новѣйшей соціологической литературы до 1891 года см. мою «Sociologie und Politik» 1892, S. 137 ff. Съ тѣхъ поръ выпустили въ свѣтъ: Gabriel Tarde—«Les transformations du droit» 1893, «Les lois de l'imitation» (2-ое изд. 1895) иглубокомысленное произведеніе «La logique social» (1895); Emil Durkheim—«De la division du travail social» 1893 и сообщеніе о состояніи изученія соціологіи во Франціи (въ Riforma sociale 1895); De-Greef резюмируетъ свою соціологическую теорію въ небольшомъ сочиненіи «Les lois sociologiques» (1891); Asturaro—«La sociologia e le scienze sociali» 1893; Fragapane—«Contratualismo e Sociologia contemporanea» 1892. Изъ американскихъ трудовъ по соціологіи слѣдуетъ упомянуть: Lester Ward—«Dynamie Sociology», 2 A. 1897 и Giddings—«The principles of Sociology» 1896. Вліяніе соціологіи начинаетъ теперь проявляться во всѣхъ областяхъ юриспруденціи. Въ области уголовнаго права: Napoleone Colajanni—«Socialismo e Sociologia Criminale» (1884—1889), Enrico Ferri—«La Sociologie criminelle» 1893. Ферри ожидаетъ отъ соціологіи также окончательнаго разрѣшенія неразрѣшенной до сихъ поръ проблемы международнаго права (въ своемъ интересномъ произведеніи—«La Sociologia e il Diritto internazionale» 1896). Соціологическую точку зрѣнія даже въ ученіи объ управленіи обнаруживаетъ di Bernardo въ своемъ поучительномъ, весьма разсудительно и объективно написанномъ сочиненіи—«La publica Amministrazione e la Sociologia» Turin 1883—1893.

§ 237.

Государствовѣдѣніе и юриспруденція.

Эволюція здѣсь проходитъ прежде всего черезъ организацію властвованія и утвержденіе извѣстнаго правопорядка, т. е. черезъ возникновеніе государственнаго начала. Этимъ соціальное развитіе выдвинуло намъ настоящій предметъ государствовѣдѣнія. Задача науки этой заключается въ томъ, чтобы прослѣдить за государствомъ съ самаго момента вступленія его въ жизнь черезъ всѣ дальнѣйшія послѣдовательныя стадіи и установить законы этого развитія.

Это государственное развитіе производится тѣми-же силами, которыя породили государство. Вѣдь столкновеніе двухъ разнородныхъ группъ всегда является враждебнымъ, такъ какъ одна изъ нихъ старается эксплоатировать другую въ свою пользу, а эта другая оказываетъ ей по крайней мѣрѣ пассивное сопротивленіе. Когда результатомъ такой обоюдной игры силъ является побѣда сильнѣйшей группы, то болѣе слабая сторона подчиняется и побѣдитель диктуетъ теперь свою волю, какъ законъ, и такимъ образомъ производитъ право. Вмѣстѣ съ этимъ возникаетъ предметъ правовѣдѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, принятыя или октоированныя положенія, формулирующія внутренній правопорядокъ, должны быть примѣняемы; поэтому приходится ихъ разъяснять и толковать, а также выводить изъ нихъ въ каждомъ данномъ случаѣ извѣстныя заключенія; и вотъ, такое толкованіе и искусство примѣненія этихъ нормъ къ конкретнымъ случаямъ, со всѣмъ обусловленнымъ ими, составляютъ предметъ юриспруденціи.

Отсюда выясняется принципіальное различіе между государствовѣдѣніемъ и юриспруденціей. Государственная наука разсматриваетъ весь комплексъ установленій, имѣющихъ цѣлью поддерживать государство съ основаннымъ въ немъ правопорядкомъ. Юриспруденція-же имѣетъ дѣло лишь съ самымъ этимъ правопорядкомъ, изученіемъ его, съ практическимъ примѣненіемъ его въ жизни. Слѣдовательно, государствовѣдѣніе занимается разсмотрѣніемъ естественно возникающей организаціи властвованія однихъ людей надъ другими; а юриспруденція имѣетъ дѣло съ тѣми положеніями, которыя сознательно устанавливаются людьми. Государственная наука изслѣдуетъ возникновеніе, развитіе и паденіе государства; юрис-

пруденція-же изучаетъ основанный въ государствѣ правопорядокъ. (a)

И вотъ, въ то время какъ государствовѣдѣніе носитъ характеръ чистой науки, имѣющей цѣль въ самой себѣ и подобно всякому естествознанію стремящейся лишь къ уразумѣнію истины,—юриспруденція преслѣдуетъ преимущественно практическія цѣли, научая приложенію правовыхъ нормъ къ конкретнымъ случаямъ, а поэтому является больше искусствомъ, практической дисциплиной, техникой (b).

a) Это принципіальное отличіе государственной науки отъ юриспруденціи не знакомо большинству юристовъ и государствовѣдовъ, и вотъ тутъ между ними возникаетъ множество недоразумѣній. Юристы хотятъ «юридически» разсматривать и «конструировать» государство, и получается приблизительно то-же, какъ если бы кто-нибудь вздумалъ бетховенскую сонату отвѣдать ложкой. Различіе между государствомъ и правомъ столь велико, что даже тѣ, которые считаются хорошими юристами, по большей части не имѣютъ никакого понятія о государствѣ. Во всякомъ случаѣ юристы всегда полагали необходимымъ толковать о государствѣ... на юридическій ладъ, т. е. всевозможными юридическими пріемами затемнять и затуманивать истинную природу вещей.

Въ этомъ отношеніи нѣмецкая «наука государственнаго права» зашла очень далеко, она въ данномъ отношеніи перещеголяла всѣ націи міра. Нѣмецкіе государствовѣды прямо-таки неисчерпаемы въ своихъ «конструированіяхъ» государства, то какъ «личности» («Persönlichkeit»), то какъ «суммы воль» («umme von Willen»), составляющихъ «общую волю» («Gesammtwille»), то какъ «общественной формы» («Gemeinwesen») высшаго порядка во главѣ цѣлой іерархіи подчиненныхъ общественныхъ образованій, каковыми являются община, округъ и т. д. При этомъ для большинства ученыхъ государство является «понятіемъ», вѣдь юристы работаютъ лишь надъ понятіями; и вотъ государствовѣды-юристы очень часто спорятъ о томъ, «какое понятіе»—государство?

Гейеръ (in Holtzendorffs Encyclopädie der Rechtsgeschichte, I, 4 Aufl., S. 85—86) проводитъ разницу между этическимъ и логическимъ понятіемъ государства; напротивъ, Бри (Brie—«Theorie der Staatenverbindungen», Stuttgart 1886, S. 4) утверждаетъ, что «понятіе государства двойное: идеальное и эмпирическое». А что государство является не только понятіемъ, но еще и чѣмъ-то совершенно инымъ,—это не интересуетъ юристовъ; имъ достаточно, что оно—понятіе, съ которымъ можно, какъ угодно, оперировать. Какъ же относятся юристы къ соціальному явленію, къ соціальному строю, къ соціальнымъ фактамъ? Ихъ вѣдь нельзя конструировать, ихъ нужно изслѣдовать, а это—не дѣло юристовъ.

b) Послушаемъ, что говоритъ высокообразованный берлинскій

адвокатъ Юліанъ Гольдшмидтъ, какъ докладчикъ на XIII съѣздѣ нѣмецкихъ адвокатовъ (сентябрь 1896 г. въ Берлинѣ) «о характерѣ юридическаго образованія въ университетахъ»; онъ говоритъ о «научномъ вооруженіи», которымъ «долженъ запастись студентъ юридическаго факультета», чтобы быть готовымъ къ «выполненію будущаго своего призванія въ качествѣ судьи, адвоката, администратора и нотаріуса». Мы увидимъ, какъ этотъ несомнѣнно компетентный докладчикъ называетъ юриспруденцію «прикладной» наукой, т. е. техникой. «Штудирующій право», говоритъ Гольдшмидтъ, «долженъ пріучаться примѣнять надлежащимъ образомъ данный законъ; вѣрнымъ примѣненіемъ абстрактнаго писаннаго или неписаннаго правила къ соотвѣтственному жизненному отношенію онъ долженъ сообщать этой отвлеченной нормѣ сильно и горячо пульсирующую жизнь. Въ этомъ отношеніи правовѣдѣніе, несмотря на принадлежность свою къ гуманитарнымъ наукамъ, нисколько не отличается отъ такъ называемыхъ прикладныхъ естественныхъ знаній (angewandte Naturwissenschaften). Вѣдь эти послѣднія составляются изъ элементовъ, частью основанныхъ на абстрактныхъ принципахъ чисто научной спекуляціи, частью направленныхъ на извѣстныя практическія цѣли, (напр. химія и технологія, математика и покоющіяся на ней техническія дисциплины, вся инженерная часть). Такъ и юриспруденція, какъ выросшая на исторической, философской, народнохозяйственной и этической почвѣ дисциплина, не смотря на ея крайне практическую, непосредственно проникающую въ общественную жизнь тенденцію, не можетъ обойтись безъ связи съ соотвѣтственными научными дисциплинами, если не хочетъ снизойти до простого ремесла регулированія взаимоотношеній отдѣльныхъ личностей и общественныхъ группъ, регулированія, вытекающаго, правда, изъ существа и задачи права, какъ высшей духовной и нравственной силы. Отсюда уже обнаруживается односторонность тѣхъ требованій, которыя, выдвигая на первый планъ въ университетскомъ юридическомъ образованіи изученіе дѣйствующаго земскаго права (Landrecht), т. е. непосредственно примѣняемаго юридическаго сырого матеріала, тѣмъ самымъ готовы низвести это университетское образованіе до подготовительной школы для обученія различнымъ чисто практическимъ пріемамъ, школы, которая должна дать возможность питомцамъ своимъ, по истеченіи установленнаго срока обученія, пріобщиться, въ качествѣ годныхъ частей, къ механизму функціонирующаго правового аппарата».

И Эрвинъ Крузе, также практикъ, воодушевляющійся юриспруденціей, какъ «свободнымъ призваніемъ», сильно возстающій противъ «подчиненія судебныхъ должностей» въ Пруссіи, не можетъ обойтись безъ того, чтобы не говорить «о юридической техникѣ» («Richteramt und Advocatur» 1897, S. 13); а не соглашающійся съ нимъ министръ Шенштедтъ утверждаетъ, что адвокатура есть «ремесло» (взглядъ, во всякомъ случаѣ странный для министра юстиціи).

§ 238.

Политическія науки.

Передъ нами три логически соподчиненныя между собою научныя области. На первомъ планѣ, какъ самая общая и обширнѣйшая, стоитъ соціологія; предметомъ ея является общество въ широкомъ смыслѣ этого слова или, правильнѣе выражаясь, совокупность всѣхъ человѣческихъ общеній. Соціологіи подчинена наука о государствѣ, объектомъ которой служитъ составленная изъ двухъ или изъ бóльшаго числа соціальныхъ группъ (общеній) форма. Государственной-же наукѣ подчинена вся юриспруденція, предметомъ которой является созданный государствомъ правопорядокъ и которая носитъ уже характеръ практическаго ученія или искусства и не можетъ называться чистой наукой.

Рядомъ съ этимъ правопорядкомъ, но надъ нимъ развивается и само государство. Оно не растворяется въ своемъ правопорядкѣ, а преслѣдуетъ иныя, высшія матеріальныя цѣли; оно ставитъ себѣ задачи, выполненіе и разрѣшеніе которыхъ указываетъ ему ростущая вмѣстѣ съ его развитіемъ культура. И всякая открывающаяся такимъ образомъ въ его дѣятельности новая область становится сейчасъ-же предметомъ новой государственной науки, предѣлы которой поэтому все расширяются и всякій разъ она, хотя и коренится въ потребностяхъ государства, стремится къ возможно самостоятельному конституированію.

Такъ сначала изъ управленія княжеской „камерой" и „камеральными имуществами" возникла „камеральная наука", которая впослѣдствіи, съ образованіемъ современнаго государственнаго финансоваго управленія, превратилась въ „финансовую науку". Изъ стремленія поднять матеріальное благосостояніе народа, раскрыть и усилить „источники національнаго богатства" возникла „національная экономія" („Nationalöconomie"). Изъ потребности познать состояніе всего государства развилась „статистика". Такъ наз. „матеріалистическое пониманіе исторіи" (Карлъ Марксъ), по которому всякое государственное устройство служитъ лишь выраженіемъ хозяйственныхъ отношеній и всякое политическое измѣненіе является только результатомъ экономическаго передвиженія такихъ отношеній,—оно побудило къ разсмотрѣнію исторіи народовъ и государствъ съ исключительно народнохозяйственной точки зрѣнія,

изъ каковаго способа разсмотрѣнія возникла современная „экономическая исторія“ (Лампрехтъ, Мейценъ, Инама-Штернегъ). Въ новѣйшее время необходимая внимательность со стороны правительствъ къ требованіямъ рабочихъ и предпринимаемыя вслѣдствіе этого мѣры къ поднятію благосостоянія рабочихъ классовъ населенія, все это дало толчекъ къ изслѣдованіямъ о положеніи этихъ классовъ, о причинѣ ихъ нужды, о средствахъ къ улучшенію ихъ быта въ физическомъ, моральномъ и соціальномъ отношеніяхъ; и вотъ отсюда возникло множество „соціальнополитическихъ“ изслѣдованій, изъ которыхъ теперь, повидимому, вырабатывается новая отрасль государственной науки, „соціальная политика“. Такъ соціальное и политическое развитіе выдвигаетъ все новыя и новыя отрасли государственныхъ и соціальныхъ наукъ. Кругъ этихъ наукъ еще не замкнутъ, такъ какъ конечный пунктъ культурнаго развитія государства не можетъ быть даже приблизительно намѣченъ.

§ 239.

Этнологія, антропологія и исторія культуры.

По размѣру своему кругъ государственныхъ наукъ долженъ все расширяться, причемъ взоръ изслѣдователя то обращается назадъ, стремясь постичь прошлое въ развитіи государствъ, народовъ и правопорядковъ, то, выходя за предѣлы отдѣльнаго государства и народа и сравнивая между собою различныя государства, народы и ихъ правопорядки, старается добывать новыя точки зрѣнія для познанія существа данныхъ явленій.

Такъ возникали исторіи „конституціоннаго развитія“ то отдѣльныхъ государствъ, то цѣлыхъ комплексовъ ихъ, исторіи государственнаго устройства, а равно исторіи права то отдѣльныхъ государствъ, то цѣлыхъ частей свѣта или даже такъ назыв. „общія“ (а).

Изысканія въ области исторіи права способствовали возникновенію „сравнительнаго правовѣдѣнія“, которое мало имѣетъ дѣла съ разсмотрѣніемъ непрерывнаго развитія извѣстныхъ правопорядковъ, а занимается преимущественно указаніемъ сходства между правопорядками и установленіями различныхъ государствъ и народовъ, чтобы затѣмъ дѣлать отсюда соотвѣтственные научные выводы. (b)

Такъ какъ тенденція сравненій вскорѣ обнаружилась также въ этнографіи, этнологіи и народовѣдѣніи (впрочемъ это три синонима), то сравнительное правовѣдѣніе легко превратилось въ „этнологическую юриспруденцію“. (c)

Всѣ эти названныя здѣсь дисциплины появились въ короткій промежутокъ времени, за полстолѣтія, и своимъ стремительнымъ выступленіемъ другъ за другомъ показываютъ онѣ, сколь сильно пробудилось познавательное стремленіе въ области государственныхъ и общественныхъ наукъ и съ какимъ порывомъ старались раскрыть царящіе здѣсь сокровенные законы развитія. Наконецъ, нѣкоторыя теченія въ антропологіи (d), въ исторіи культуры, а равно и „исторія, какъ наука“, о самомъ понятіи которой въ послѣднее время велась столь горячая полемика (e), все это между прочимъ имѣетъ ту-же цѣль, что и большинство изъ вышеназванныхъ государственныхъ наукъ.

a) Какъ выше (§ 196) уже замѣчено, нѣтъ общей, всѣ правовыя области охватывающей исторіи права. Для отдѣльныхъ же правовыхъ областей дѣлались попытки построенія «общей» исторіи ихъ развитія, такъ напр., у Эдуарда Ганса—«Das Erbrecht in weltgeschichtlicher Entwicklung« (1824). Даже исторія семьи подвергалась въ послѣднее время неоднократнымъ разработкамъ (Lippert, Westermark). Въ качествѣ предварительныхъ изысканій для построенія общей исторіи права могутъ служить исторіи права отдѣльныхъ народовъ или народныхъ группъ, напр., Maciėjowski—«Slavische Rechtgeschichte» (1835), Warnkönig und Stein—«Französische Staats—und Rechtsgeschichte» (1848) и др., затѣмъ также изслѣдованія въ области исторіи права первобытной эпохи, напр., Sumner Maine—«Ancient Law» (1861), «Early history of institutions» (1875) и Morgan—«Urgesellschaft» (нѣм. пер. 1891).

b) Сильнымъ толчкомъ къ развитію сравнительнаго правовѣдѣнія послужили въ послѣднее время удивительныя работы Адольфа Бастіана («Die Rechtsverhältnisse bei verschiedenen Völkern der Erde» 1872 и мн. др.), въ которыхъ собрана масса матеріала для сравнительнаго правовѣдѣнія; задачу развитія этой дисциплины поставила себѣ и издаваемая Бернгефтомъ и Колеромъ «Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft».

c) «Grundriss der ethnologischen Jurisprudenz» («Очеркъ этнологической юриспруденціи»),—такъ назвалъ A. H. Post послѣднее свое произведеніе (1894); началъ же онъ свою, къ сожалѣнію, не столь продолжительную, но весьма заслуженную научную карьеру сочиненіемъ—«Einleitung in eine Philosophie des Rechts, auf Grundlage der modernen empirischen Wissenschaft» (1867). Между этими двумя произведеніями лежитъ цѣлый рядъ его работъ,

въ которыхъ одинъ и тотъ же предметъ изслѣдованія обозначается все новыми названіями, что показываетъ не только собственныя его шатанія, но и вообще слабость систематики и терминологіи въ этой области. Вѣдь за «Философіей права» («Philosophie des Rechts») послѣдовало въ 1872 году «Введеніе въ естественную науку права» («Einleitung in eine Naturwissenschaft des Rechts»), а за этимъ въ 1875 году вышло сочиненіе о «Родовомъ общеніи въ первобытныя времена» («Geschlechtsgenossenschaft der Urzeit»), названное «Дополненіемъ къ общему ученію о государствѣ и правѣ» («Beitrag zu einer allgemeinen Staats—und Rechtswissenschaft»). Затѣмъ въ 1876 году появляется его трудъ о «Происхожденіи права» («Ursprung des Rechts»), обозначенный еще, какъ «Пролегомены къ общему сравнительному правовѣдѣнію» («Prolegomena zu einer allgemeinen vergleichenden Rechtswissenschaft»). Въ 1880 и 1881 годахъ выходятъ въ свѣтъ его «Матеріалы для общаго правовѣдѣнія на сравнительно-этнологическомъ базисѣ» («Bausteine für eine allgemeine Rechtswissenschaft auf vergleichendethnologischer Basis»). Слѣдующее свое сочиненіе—«Основы права и коренныя черты исторіи его развитія» («Die Grundlagen des Rechts und die Grundzüge seiner Entwicklungsgeschichte» 1884) онъ обозначаетъ ближе, какъ «Руководство къ построенію общаго сравнительнаго правовѣдѣнія на соціологическомъ базисѣ» («Leitgedanken für den Aufbau einer allgemeinen vergleichenden Rechtswissenschaft auf sociologischer Basis»). А затѣмъ въ 1886 году онъ смѣло переходитъ къ совсѣмъ ужъ неправильному названію «этнологической юриспруденціи» («Ethnologische Jurisprudenz»), для «изученія» которой даетъ особое «введеніе» и которой наконецъ посвящаетъ два своихъ послѣднихъ объемистыхъ тома (1894).

Не меньшую терминологическую шаткость обнаруживаетъ и Бастіанъ, въ различныхъ сочиненіяхъ своихъ давая разрабатываемой имъ единой наукѣ различныя названія, пока наконецъ не договаривается до «этнологической соціологіи». Такъ главное свое сочиненіе—«Человѣкъ въ исторіи» («Der Mensch in der Geschichte» 1860) онъ пишетъ «къ обоснованію психологическаго міровоззрѣнія» («zur Begründung einer psychologischen Weltanschauung»); позднѣйшее, упомянутое уже выше произведеніе—«Правовыя отношенія у различныхъ народовъ» («Die Rechtsverhältnisse bei verschiedenen Völkern» 1872) онъ именуетъ «Прибавленіемъ къ сравнительной этнологіи» («Beitrag zur vergleichenden Ethnologie»). Послѣ этого въ 1880 году Бастіанъ выпускаетъ въ свѣтъ «Первобытную исторію этнологіи» («Die Vorgeschichte der Ethnologie»), гдѣ снова обнаруживаетъ шатанія въ терминологіи; слѣдующее же сочиненіе озаглавливаетъ—«Народная идея въ построеніи науки о человѣкѣ» («Der Völkergedanke im Aufbau einer Wissenschaft vom Menschen» 1881); затѣмъ слѣдуютъ—«Общія черты этнологіи» («Allgemeine Grundzüge der Ethnologie» 1884), но тутъ же «этнологію» онъ называетъ «этни-

ческой соціологіей» («ethnische Sociologie)» или «соціологіей въ ея этническомъ разнообразіи» («Sociologie in ihrer ethnischen Vermannigfaltigung»). Примѣръ Поста и Бастіана прекрасно показываетъ, сколь не хватаетъ еще ясной и опредѣленной систематики; но замѣчательно, что эти выдающіеся писатели невольно направляются къ «соціологіи», для которой они, и не имѣя яснаго представленія о данномъ предметѣ, собираютъ матеріалы. Основной наукой здѣсь является именно соціологія, и матеріалы для нея доставляются этнографіей, этнологіей, этнологической юриспруденціей, сравнительнымъ правовѣдѣніемъ, государствовѣдѣніемъ, исторіей права и т. д. Это чувствовалъ и Летурно, озаглавливая свое главное сочиненіе—«La sociologie d'après l'ethnographie» (1884).

д) Когда человѣка представляютъ себѣ, какъ существо общественное, какъ стадное животное, то стараются всѣ его общественныя установленія, какъ продуктъ естественной его исторіи, выводить изъ антропологіи. Въ этомъ смыслѣ и Вильгельмъ Вундтъ разсматриваетъ образованія государствъ въ своихъ «Vorlesungen über Thier—und Menschenseele», выводя общественныя установленія и животныхъ и человѣка изъ ихъ психики. Соціологія не признаетъ подобной систематики и считаетъ предметомъ антропологіи лишь отдѣльнаго человѣка, его физическія и психическія свойства и различіе отдѣльныхъ людей по ихъ происхожденію, мѣсту жительства, культурному уровню и т. под. Наоборотъ, для себя соціологія беретъ въ качествѣ объекта исключительно лишь взаимоотношенія человѣческихъ группъ, ихъ соціальныя вліянія другъ на друга и вытекающія отсюда формы, изъ которыхъ самою выдающеюся является государство. Тенденція соціологіи дѣлать объектомъ своимъ исключительно лишь соціальную жизнь, соціальныя образованія заходитъ такъ далеко, что иные соціологи объектомъ с о ц і о л о г и ч е с к и х ъ изысканій берутъ даже общественное устройство животныхъ, о которомъ Альфредъ Эспинасъ написалъ столь интересную книгу («Les sociétés animales»). Итальянскіе писатели называютъ такія изслѣдованія «предсоціологическими» («präsociologische») такъ Vaccaro—«Sulla vita degli animali in relazione alla lotta per l'esistenza» (1887) и Giuseppe Fiamingo, который написалъ объ этомъ цѣлую книгу—«Präsociologia» (1893). Положимъ, что эту «предсоціологію» («Präsociologie») лучше уступить антропологамъ, соціологія-же, несомнѣнно, является самостоятельной наукой, предметомъ которой служитъ не отдѣльный человѣкъ, но, въ противоположность къ антропологіи, общественная жизнь съ ея взаимоотношеніями.

е) Въ сущности изъ того или иного представленія о государствѣ необходимымъ образомъ вытекаетъ и соотвѣтственное пониманіе исторіи. Вѣдь исторія повѣствуетъ намъ преимущественно о судьбахъ государствъ; и вотъ изъ соціологическаго представленія о государствѣ слѣдуетъ таковое-же пониманіе исторіи, т. е., исторія тутъ становится наукой о соціальномъ развитіи человѣчества и высшей задачей своей имѣетъ—указывать намъ законы этого развитія. Но такое пониманіе

исторія не по душѣ историкамъ, которые охотнѣе претендуютъ быть художниками (что̀, дѣйствительно, болѣе крупнымъ изъ нихъ удается) и рисуютъ намъ «для назиданія» образы могущественныхъ (иногда-же и совсѣмъ слабыхъ) индивидуальностей. Вопросъ этотъ я разсмотрѣлъ въ своей «Sociologie und Politik» (1892). Послѣ того со стороны историковъ мнѣ сдѣланы нѣкоторыя возраженія, которыя, правда, нисколько не опровергли меня; да вѣдь сами-же господа историки на собраніи своемъ въ Инсбрукѣ въ 1896 году горячо спорили о томъ, является-ли ихъ профессія искусствомъ или наукой. Теперь въ ихнихъ журналахъ снова разгорается борьба взглядовъ по данному вопросу. Но что̀ пользы съ этого, когда большинство историковъ, являющихся дѣйствительно поэтами и имѣющихъ поэтическія потребности (хотя и прибѣгающихъ для удовлетворенія ихъ къ изученію источниковъ), совершенно не способно къ здравымъ научнымъ аргументаціямъ. Они имѣютъ лишь поэтическую потребность создавать историческія индивидуальности; научной-же потребности выяснить, какія соціальныя отношенія произвели ту или иную индивидуальность вмѣстѣ съ ея дѣяніями, — такой потребности у нихъ бо̀льшею частью не имѣется. Почему-же? А потому между прочимъ, что у нихъ есть потребность преклоняться передъ самодѣльными кумирами. Объективное-же научное трактованіе исторіи не допускаетъ такого служенія кумирамъ. Хотя дѣло столь просто, господа историки все еще не могутъ понять, что такая исторія въ высшемъ своемъ типѣ является искусствомъ (Kunst), въ многочисленныхъ низшихъ типахъ простымъ повѣствованіемъ или собираніемъ матеріала или даже наконецъ разыскиваніемъ скрытаго матеріала, «изслѣдованіемъ» («Erforschung») фактовъ,—наукой-же такая исторія нигдѣ и никогда еще не была, такъ какъ историки по важнѣйшему вопросу развитія человѣчества все еще находятся въ миѳологической стадіи и большею частью ничего почти не знаютъ объ антропологіи, этнологіи и соціологіи. Я, какъ уже упомянуто, подробно разсмотрѣлъ данное положеніе и изложилъ свой взглядъ по этому вопросу въ сочиненіи «Sociologie und Politik» (1892, S. 19—39). Возраженіе по существу сдѣлали мнѣ съ точки зрѣнія «исторіи («Historik») Бернгеймъ («Historische Methode» 1894) и Лампрехтъ (въ Zeitschrift für Geschichtswissenschaft 1896). На собраніи-же историковъ въ Инсбрукѣ (въ 1896 г.) вопросъ этотъ снова былъ затронутъ докладомъ Скала (Skala), который совершенно не былъ оріентированъ въ новѣйшей его постановкѣ, совершенно не понялъ существа вопроса и закончилъ ничего не выражающей фразой, что задачей писанія исторіи является «дѣйствительно художественное (künstlerisch) оживленіе научно (wissenschaftlich) изслѣдованнаго прошлаго». Центръ тяжести всего вопроса заключается въ томъ, что̀ именно слѣдуетъ разумѣть подъ «научнымъ» («wissenschaftlich») изслѣдованіемъ прошлаго,— Скала-же этого не чувствуетъ. Все дѣло въ томъ, что значитъ— «научно» («wissenchaftlich») изслѣдовать прошлое? А объ этомъ, о понятіи «научнаго» Скала не говоритъ ни слова, но весьма

наивно полагаетъ, что споръ о томъ, является-ли исторія искусствомъ (Kunst) или наукой (Wissenschaft), можно разрѣшить простымъ допущеніемъ и того и другого: исторія—«художественное (künstlerisch) оживленіе научно (wissenschaftlich) изслѣдованнаго прошлаго». Не хотѣлъ-ли онъ этимъ примирить оба лагеря? я опасаюсь, что онъ не удовлетворилъ ни одну сторону.

Въ послѣдовавшихъ за докладомъ Скала дебатахъ Готейнъ (Gothein) отстаиваетъ тотъ взглядъ, что «историкъ прежде всего является художникомъ», а я прибавилъ бы сюда—«хорошій историкъ», такъ какъ вѣдь, конечно, не всякій историкъ можетъ считаться художникомъ. Готейнъ справедливо замѣчаетъ, что историкъ субъективно познаетъ и такое «субъективное познаніе и художественное творчество совпадаютъ», а мы прибавимъ отъ себя, что «субъективное познаніе» исключаетъ всякую научность. Шмоллеръ заявилъ, что въ исторіи не столь важны «эмпирическія начала» («das Empirische»), что здѣсь, напротивъ, большую роль играетъ субъективное міровоззрѣніе, изъ котораго и вытекаетъ извѣстное «соотвѣтствіе въ наукѣ» («das Zusammenpassende in der Wissenschaft»), но это было прекрасно разбито Гартманомъ (изъ Вѣны), назвавшимъ «идеи» Готейна и «міровоззрѣніе» Шмоллера какими то ипостасями, съ которыми представителю объективнаго знанія не слѣдовало бы имѣть дѣла. «Ни въ коемъ случаѣ нельзя признать научнымъ», совершенно вѣрно замѣтилъ Гартманъ, «когда (неизвѣстно откуда) присваиваютъ себѣ какое-нибудь міровоззрѣніе и затѣмъ уже согласно этому стараются сооружать исторію». Нужно держаться обратнаго пріема: «отъ историческихъ данныхъ индуктивно-эмпирически слѣдуетъ подходить къ міровоззрѣнію и такимъ уже образомъ познать, каковъ ходъ развитія». Но эти справедливыя замѣчанія Гартмана, повидимому, совершенно не были приняты во вниманіе участвовавшими въ дебатахъ историками. Между прочимъ Штиве признаетъ, что исторія должна быть лишь искусствомъ, а не наукой. Задачей этого искусства онъ считаетъ: «проникнуть мысленно въ минувшія эпохи, заглянуть въ душу историческихъ личностей—и отсюда создать картину (ein Bild). Конечно, такая психологическая картина (seelisches Bild) никогда не могла бы подойти подъ требованія устарѣвшей науки». Да и остальные участники дебатовъ обнаружили непониманіе замѣчаній Гартмана. Корень вопроса остался неизслѣдованнымъ, что впрочемъ и понятно. Историки вѣдь не философы; при этомъ настоящіе (die echten) историки создаютъ дѣйствительно художественныя произведенія, могущія доставить намъ эстетическое наслажденіе; историки-же ремесленники повѣствуютъ объ «исторіяхъ» и собираютъ матеріалы. Но что такое наука и какъ исторія могла-бы быть и наукой,—объ этомъ они не имѣютъ ни малѣйшаго представленія. И не удивительно! обратимъ лишь вниманіе, что даже величайшіе историки не разстаются съ дѣтскими сказками о началѣ рода человѣческаго на землѣ; что о ходѣ развитія человѣчества они имѣютъ совершенно превратные, безсодержательные взгляды; что о существѣ

государства, составляющаго все-таки главный объектъ ихъ повѣствованія, они положительно ничего не знаютъ; что соціологія (а особенно въ Германіи) является для нихъ terra incognita; что они, съ философской стороны обрѣтаясь еще въ дѣтскомъ періодѣ, свою «исторію», какъ «сферу свободы» («Gebiet der Freiheit»), противопоставляютъ естественной наукѣ, какъ «сферѣ необходимости» («Gebiet der Nothwendigkeit»), и допускаютъ еще много подобныхъ наивностей. Впрочемъ, кто сталъ-бы обращать ихъ въ людей науки? Пусть историки-художники и впредь восхищаютъ насъ своими художественными произведеніями, а другіе пусть собираютъ матеріалъ и изслѣдуютъ его,—это, конечно, похвально. Но пусть-же они не притязаютъ на то, будто занимаются наукой,—это прежде всего не ихъ задача.

(См. Lorenz—«Die Geschichtswissenschaft» 1886; Lamprecht—«Alte und neue Richtung in der Geschichtswissenschaft« 1896; Derselbe—«Was ist Culturgeschichte», in der ehemals Quidde'schen Dtsch. Zeitschrift für Geschichtswissenschaft von Seeliger, 1897 I, S. 75 ff.; Derselbe—in den Monatsheften für Geschichtswissenschaft 1897; Paul Barth—»Die sogen. materialistische Geschichtsphilosophie», in den Jahrbüchern für Nationalöconomie und Statistik 1896; N. F. Bd. XI, Bericht über die 4. Versammlung deutscher Historiker zu Innsbruck 1896; Scala—«Individualismus und Socialismus in der Geschichteschreibung», in der Zeitschrift «Das Leben». Januar 1397; Rappoport—«Zur Charakteristik der Methode und Hauptrichtungen der Philosophie der Geschichte» 1896; Simmel—«Die Probleme der Geschichtsphilosophie» 1892; Labriola—«I problemi della Filosophia della Storia» 1887; Benedetto Croce—«La Storia ridotta sotto in concette generale dell'Arte» 1893).

§ 240.

Факультеты государственныхъ наукъ.

Выдвинутый здѣсь вопросъ систематики государственныхъ наукъ пріобрѣтетъ еще болѣе живое значеніе, когда наконецъ (какъ слѣдуетъ этого ожидать) признаютъ необходимымъ учредить для изученія государственныхъ наукъ спеціальные факультеты и создать для нихъ соотвѣтственный учебный планъ. Вѣдь послѣ вышеизложеннаго должно быть ясно, что успѣшно развиваться наука о государствѣ можетъ лишь на надлежащей основѣ и въ связи со всѣми перечисленными выше соціальными и государственными знаніями вмѣстѣ съ ихъ отраслями; что, напротивъ, трактованіе „об-

щаго государственнаго права“ въ видѣ подчиненнаго придатка къ пандектамъ, къ гражданскому, уголовному, торговому и вексельному праву (какъ это теперь принято), не только не можетъ способствовать развитію науки о государствѣ, но прямо-таки не даетъ ей и проявиться.

Въ теперешней своей организаціи юридическіе факультеты или (какъ малоосновательно также ихъ называютъ) факультеты для изученія права и государства (die rechts—und staatswissenschaftlichen Facultäten)[1]) являются исключительно лишь школами юриспруденціи, готовящими для государства необходимый контингентъ судей и чиновниковъ. И не слѣдуетъ воображать себѣ, что на этихъ факультетахъ штудируются „государственныя науки“ („Staatswissenschaften“), что они являются разсадниками знаній о государствѣ. У современнаго студента-юриста не хватаетъ надлежащей основы, а поэтому нѣтъ и расположенія къ интенсивнымъ занятіямъ государственной наукой. Вѣдь, какъ это вытекаетъ изъ вышеизложенной систематики, соціологія, антропологія, этнологія, истинно научная исторія (а не повѣствованіе о событіяхъ!), исторія культуры въ томъ видѣ, какъ её трактуетъ Липпертъ, и еще другія „государственныя науки“ являются либо необходимой основой, либо надлежащимъ дополненіемъ, безъ которыхъ никакъ нельзя постичь науку о государствѣ.

Но на юридическомъ факультетѣ всѣ эти науки не могутъ изучаться, такъ какъ юристу онѣ отчасти и не нужны, да кромѣ того у него и времени не найдется для этихъ дисциплинъ.

А для того, чтобы процвѣтала наука о государствѣ, какъ таковая, слѣдуетъ учредить для нея особые, самостоятельные факультеты, на которыхъ-бы въ разумной, по логической системѣ построенной послѣдовательности и связи изучался весь комплексъ государственныхъ и общественныхъ наукъ.

Это одинъ изъ многихъ вопросовъ XX стол.; возбужденіемъ его я и заканчиваю свое Общее Ученіе о Государствѣ!

---

[1]) Насколько мнѣ извѣстно (см. Minerva, Jahrbuch der gelehrten Welt 1908/1909), названіе „juristische Facultäten“ принято въ Германіи и нѣмецкой Швейцаріи, а „rechts—und staatswissenschaftliche Facultäten“—въ Австріи.—Переводчикъ.

(Дополнительная статья).

(Отъ переводчика.)

Задача этой статьи. Вопросомъ о спеціальныхъ факультетахъ государственныхъ наукъ Гумпловичъ закончилъ свое «Общее Ученіе о Государствѣ». Затѣмъ въ нѣмецкомъ текстѣ у него слѣдуютъ дополненія (Anhang), посвященныя, въ подтвержденіе завоевательной теоріи, первоначальному образованію государственныхъ формъ въ Дунайско-Карпатскихъ земляхъ, въ области Судетъ, а также (въ издан. 1907 года [1]) и давнишнему возникновенію сербскаго и кроатскаго государствъ.

Темы этихъ дополненій, по моему мнѣнію, представляютъ мало интереса для русскаго читателя. Да и самъ Гумпловичъ отчасти согласенъ въ этомъ отношеніи со мною, разрѣшивъ мнѣ отбросить въ русскомъ изданіи эти нѣмецкія прибавленія,—что я охотно и дѣлаю.

Между тѣмъ непрерывный и въ послѣднее время особенно стремительный ходъ государственнаго развитія внесъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ не мало существенныхъ перемѣнъ въ строѣ современныхъ государствъ. Многія изъ этихъ измѣненій не могли быть отмѣчены въ самомъ текстѣ «Общаго Ученія о Государствѣ». Правда, встрѣчая при переводѣ этой книги нѣкоторыя устарѣлости, я исправлялъ ихъ своими подстрочными примѣчаніями. Но все-таки, вслѣдствіе нѣкоторыхъ затяжекъ въ моей работѣ, кое-что (напр., относительно государственнаго переустройства Россіи, Персіи, Турціи, относительно по-

---

[1]) Въ третьемъ изданіи (1907 г). своей книги Гумпловичъ прилагаетъ еще одну дополнительную статью — о „психологіи историческихъ описаній“, въ которой онъ собственно ничего существеннаго не прибавляетъ къ своимъ взглядамъ по этому предмету, высказываемымъ въ различныхъ мѣстахъ „Общаго Ученія о Государствѣ“. Во всякомъ случаѣ, желая пообстоятельнѣе ознакомить читателей съ новѣйшими теоретическими переживаніями Гумпловича, я касаюсь этого въ своемъ предисловіи къ переведенной мною книгѣ.

слѣднихъ побѣдъ всеобщаго избирательнаго права) осталось неисправленнымъ.

Восполнить эти отчасти неизбѣжные пробѣлы и является задачей ниже-слѣдующихъ моихъ дополнительныхъ замѣтокъ.

«Новѣйшіе успѣхи конституціонныхъ идей».

1. Введеніе представительнаго образа правленія въ Россіи.

Исторія русскаго государственнаго права знаетъ не мало попытокъ ограниченія самодержавнаго монархическаго строя.

Однако начинанія эти, исходя до сихъ поръ преимущественно изъ дворянской среды, занимавшей совершенно иное положеніе, чѣмъ феодальное дворянство въ Западной Европѣ, не могли дать прочныхъ результатовъ. Русскому дворянству приходится умирать, не оставивъ послѣ себя для обновляющейся государственности никакихъ историческихъ памятниковъ.

Но вотъ, по мѣрѣ разложенія нашихъ сословныхъ началъ, изъ нѣдръ Россіи выступаютъ новыя силы для борьбы за политическую свободу. Это уже чисто соціальныя, самой дѣйствительной жизнью порожденныя образованія, — правда, пока еще недостаточно окрѣпшія, но имъ несомнѣнно принадлежитъ будущее.

Крупныя военныя пораженія на Дальнемъ Востокѣ раскрыли всю вопіющую негодность и несправедливость нашего бюрократическаго уклада, и съ осени 1904 года конституціонныя идеи неудержимо стали распространяться въ русскомъ обществѣ.

Правительство, видимо, чувствовало серьезность этого общественнаго движенія. Такъ въ Высоч. указѣ Правител. Сенату отъ 12 дек. 1904 года намѣчается цѣлый рядъ преобразованій, направленныхъ къ расширенію правъ и самодѣятельности населенія, а въ изданномъ 18 февр. 1905 года на имя министра внутр. дѣлъ Высоч. рескриптѣ говорится уже о намѣреніи «привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній». Однако выработанное во исполненіе этого рескрипта Положеніе о Государственной Думѣ 6 авг. 1905 года, «сохраняя неприкосновеннымъ основной законъ Россійской Имперіи о существѣ самодержавной власти», отводило народному представительству лишь роль законосовѣщательнаго органа. Такое положеніе

не удовлетворило даже умѣренно настроенную часть нашего взволновавшагося общества.

И вотъ, когда разгорѣлась «неслыханная смута», правительство рѣшило переступить грань устарѣлаго режима. Появился Высоч. Манифестъ 17 окт. 1905 года, обѣщавшій «1) даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ; 2) не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ по мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ за симъ дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку; 3) установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы, и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій постановленныхъ отъ Насъ властей».

Такъ гласитъ Манифестъ 17 окт. 1905 г. Въ осуществленіе нѣкоторыхъ изъ изложенныхъ здѣсь началъ издано 20 февр. 1906 года новое Положеніе о Государственной Думѣ. Того же 20 февр. 1906 года былъ опубликованъ Высоч. указъ, въ которомъ намѣчались принципы преобразованія Государственнаго Совѣта; въ развитіе этихъ принциповъ было издано 24 апр. 1906 года новое Учрежденіе Государственнаго Совѣта, призваннаго отнынѣ играть роль верхней палаты русскаго парламента. Государственная же Дума является нижней палатой.

Въ силу всего этого стало необходимымъ соотвѣтственное измѣненіе нашихъ Основныхъ Законовъ, которые и были въ новой редакціи опубликованы 23 апр. 1906 года

Значеніе реформы, произведенной этими Основными законами, выражено въ ст. 7, гласящей: «Государь Императоръ осуществляетъ законодательную власть въ единеніи съ Государствен. Совѣтомъ и Государственною Думою». А смыслъ слова «единеніе» раскрывается въ ст. 86, въ силу коей «никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы и воспріять силу безъ утвержденія Государя Императора».

Таковъ новый принципъ русскаго государственнаго права. Не намѣреваясь въ этой краткой замѣткѣ обстоятельно изложить и разо-

брать его, я тѣмъ не менѣе не могу не упомянуть о крупнѣйшихъ недочетахъ русской конституціи. А именно,—у насъ нѣтъ конституціонныхъ гарантій, которыя могли бы сообщить провозглашенному праву надлежащую незыблемость, у насъ весьма призрачно право финансоваго контроля. При такомъ положеніи вещей фактъ часто оказывается сильнѣе права.

Наше избирательное право (зак. 6 авг. и 11 дек. 1906 года и 3 іюня 1907 года), отличаясь крайней сложностью своихъ куріальныхъ группировокъ и различныхъ цензовыхъ, классовыхъ, національныхъ и мѣстныхъ ограниченій, не въ состояніи правильно выражать истинное настроеніе страны.

Но тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что создалась брешь въ старомъ режимѣ, еще такъ недавно казавшемся неприступнымъ, въ эту брешь сильной струей вольется жизнь и сама уже довершитъ начатую работу.

Такова теперь задача новыхъ факторовъ дальнѣйшаго русскаго государственнаго развитія.

2. Переходъ отъ сословнаго къ народно-представительному режиму въ Финляндіи.

Обновленіе русскаго государственнаго строя поставило на очередь разрѣшеніе назрѣвшихъ вопросовъ и въ связанной съ нами Финляндіи.

Здѣсь до сего времени сохранялся пережитокъ средневѣковья—сословное представительство. Финляндскій сеймъ состоялъ изъ представителей отъ четырехъ отдѣльныхъ сословій: дворянства, духовенства, горожанъ и крестьянъ.

Непригодность такого устройства въ XX-мъ столѣтіи не можетъ вызывать никакихъ сомнѣній, и возбужденное финское общество съ изданіемъ основного закона 20 іюля 1906 года перешло къ новому, народно-представительному режиму.

Согласно закону этому сеймъ теперь состоитъ изъ 240 депутатовъ, избираемыхъ на 5 лѣтъ путемъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія; какъ активнымъ, такъ и пассивнымъ избирательнымъ правомъ обладаютъ, безъ различія пола, всѣ финляндскіе граждане, достигшіе 24-лѣтняго возраста.

3. Установленіе конституціи въ Черногоріи.

Обновившія Россію конституціонныя идеи всколыхнули и родственную намъ маленькую патріархальную Черногорію.

Правда, еще въ 1879 году здѣсь учрежденъ былъ выборный государственный совѣтъ, но ему не были сооо6щены опредѣленныя парламентскія функціи. Вотъ почему принято было относить Черногорію къ абсолютнымъ монархіямъ.

Теперь же въ Черногоріи 6 дек. 1905 года введена конституція, согласно которой органъ народнаго представительства, скупштина, слагается изъ 61 депутата, избираем. путемъ всеобщаго голосованія.

4. Введеніе конституціи въ Персіи.

Крушеніе россійскаго стараго режима вскорѣ находитъ себѣ отзвукъ въ близъ лежащей отъ насъ Персіи.

Угнетенное и крайне бѣдственное положеніе персидскихъ народныхъ массъ, непопулярность царствующей династіи Каджаръ, исконный антагонизмъ между духовной и свѣтской властью въ Персіи, безпрестанно усиливающееся здѣсь хозяйничанье иностранцевъ,— все это создало достаточно горючую почву для того, чтобы революціонная искра, перелетѣвшая сюда изъ-за Кавказскаго горнаго хребта, произвела такой пожаръ, который нельзя потушить старыми мѣрами репрессій.

Когда тегеранское духовенство, послѣ конфликта съ правительствомъ (1906 г.) выѣхало изъ столицы, главный тегеранскій муштаидъ Ага-Мирза-Сеидъ-Мухаммедъ отправилъ великому визирю (ферзю— по-персидски) очень характерное для даннаго момента письмо. Вотъ выдержки изъ него [1]):

«Вы хорошо освѣдомлены о разстройствѣ страны и объ опасности, которая окружаетъ народъ. Вы знаете, что всѣ улучшенія въ странѣ зависятъ отъ учрежденія Собранія, отъ единенія правительства съ народомъ и отъ согласія и содѣйствія улемовъ и государственныхъ сановниковъ. Удивительно,—несмотря на то, что Вы сами опредѣляете болѣзнь, Вы не приступаете къ леченію. Чтѡ за причина? Всѣ эти реформы волей или неволей, а будутъ скоро выполнены; но мы желали бы, чтобы реформы эти произведены были Его Величествомъ Шахомъ и Вашимъ Высочествомъ, а не англичанами и русскими.

Не дай Богъ, чтобы было написано въ исторіи, что царствованіе династіи Каджаръ въ эпоху Музафферъ-Эд-Дина было уничтожено!

---

[1]) См. М. А.—„Послѣднее политическое движеніе въ Персіи". Вып. II, Спб., 1907 г. Стран. 57 и слѣд.

Опасность близка! времени мало! Персія похожа на больного, который находится въ состояніи агоніи и для котораго возможенъ смертельный исходъ.

Итакъ, замедленіе въ леченіи и воздержаніе въ этомъ—дѣло не умное!

Клянусь Творцомъ, что эта медленность и откладываніе разрушаютъ Персію и современемъ отдадутъ ее иностранцамъ.

Ваше Высочество, Вы—масульманинъ и вѣрующій въ Шаріатъ и въ Страшный Судъ! Если въ день Суда имамъ Али, повелитель правовѣрныхъ (да будетъ миръ ему!) спроситъ Васъ, зачѣмъ Вы допустили, что Персидское Государство попало въ руки иностранцевъ и Персіяне стали униженными? какой отвѣтъ тогда Вы дадите? Или, быть можетъ, Вы скажете, что муллы мѣшали? Если такъ, то это—не отвѣтъ, и Ваше Высочество не будетъ выслушанъ.

Я вижу свою родину и сыновей отечества, подвергающихся раззоренію!

Я вижу, что они близки къ тому, чтобы попасть въ когти иностранцевъ!

Я чувствую, что значеніе наше совершенно унижено и уничтожено.

Поэтому, пока я живъ, буду всѣми силами ратовать на служеніе моей родинѣ и въ этомъ дѣлѣ жизни своей не пожалѣю!»

. . . .

«Наша цѣль не заключается въ одномъ лишь упорядоченіи суда; вѣдь судъ у насъ есть только одно изъ негодныхъ государственныхъ учрежденій. Мы требуемъ учрежденія Національнаго Собранія, которое обладало бы способностью создать процвѣтаніе страны, миръ и спокойствіе населенія и устраненіе алчности иностранцевъ».

Таковы слова главы тегеранскаго духовенства, главы духовныхъ учителей и руководителей персидскихъ угнетенныхъ народныхъ массъ.

Навстрѣчу демократизму попраннаго свѣтскими властителями Шаріата идутъ кое-гдѣ проникающіе въ персидское общество лучи европейскаго просвѣщенія.

Въ этомъ отношеніи весьма назидательна помѣщенная 28 янв. 1907 года въ № 24 газеты «Хабл-юл-Матинъ» статья одного изъ либеральныхъ персидскихъ министровъ, подъ заглавіемъ: «Крикъ о справедливости къ персидскому совѣту министровъ».

Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ нея [1]):

---

[1]) См. вышеупомянутое мною сочиненіе М. А., стран. 63 и слѣд.

«Положеніе Персіи таково, какъ Вы видите: органы управленія безпорядочны, казна пуста, человѣческія права—въ печальномъ состояніи, основы независимости со всѣхъ сторонъ потрясены. Есть ли еще на свѣтѣ такое бѣдствіе, которое не постигало бы эту печальную страну?

Каковъ же будетъ конецъ этого положенія? Дѣло извѣстное,—Персію захватятъ иностранцы!»

. . . .

«Согласно наукамъ этого вѣка доказано, что, если Персія будетъ управляться при помощи справедливыхъ законовъ, то количество произведеній ея земли увеличится въ тысячу (а, можетъ быть, и болѣе) разъ сравнительно съ настоящимъ и хватитъ не только для процвѣтанія Персіи, но и для вывоза во всѣ страны міра».

. . . .

«Исторія рода человѣческаго категорически подтверждаетъ, что основы процвѣтанія міра покоятся прежде всего на законѣ, который въ иностранныхъ государствахъ именуется закономъ безопасности жизни и имущества.

Съ тысячами болей и сожалѣній мы должны признать, что смыслъ этихъ словъ въ продолженіе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ оставался совершенно незнакомымъ для народовъ Азіи. Крайній предѣлъ нашей мысли былъ тотъ, что всѣ блага и безопасность свою мы должны ожидать всецѣло отъ хорошихъ качествъ главы государства. Иногда нѣкоторые изъ царей и министровъ дѣйствительно охраняли до извѣстной степени жизнь и имущество своихъ подданныхъ; но это случайное явленіе не имѣетъ никакой связи съ тѣмъ великимъ вопросомъ, который называется за-границей безопасностью жизни и имущества.

Цѣль, заключающаяся въ этихъ простыхъ словахъ, которыя въ продолженіе двухъ послѣднихъ столѣтій являлись предметомъ почитанія всего свѣта, есть та, чтобы въ странѣ было образовано такое учрежденіе, помимо котораго ни начальникъ, ни царь, ни министръ, ни императоръ, будь онъ справедливый или немилосердный и злой,—ни въ какомъ случаѣ и ни коимъ образомъ не могъ-бы кому-бы то ни было причинить малѣйшій вредъ безъ рѣшенія по справедливымъ законамъ».

. . . .

«Персія бѣдна, Персія несчастна, Персія—нищенская страна! Все это потому, что Персія не имѣетъ законовъ справедливости и что министры Персіи не могутъ никакъ понять того, что для прогресса

страны, кромѣ природнаго ума, необходимы науки, которыя пользуются уваженіемъ всего міра».

. . . .

«Довольно краснорѣчивыхъ словъ для выясненія вины другихъ и для выраженія разныхъ мыслей и плановъ! Теперь настало время для работы и пришла очередь для дѣла! Всѣ средства для дѣла на лицо: они среди самого народа. Наши улемы могутъ сдѣлать много для сохраненія нашихъ правъ: факелъ, направляющій Персію на истинный путь, еще свѣтится у нихъ въ рукахъ! Мы всѣ знаемъ, съ какою болью они смотрятъ на бѣдствія Персіи и на какое великое самопожертвованіе они идутъ для спасенія народа. Мы всѣ должны собраться подъ ихъ священнымъ главенствомъ и воспользоваться ихъ ученостью при составленіи плана борьбы. Уже время не то, которое было прежде, въ дни невѣжества, когда всю свою надежду возлагали на перемѣну личности (стоящей во главѣ народа). Исторія Персіи свидѣтельствуетъ о томъ, что отъ перемѣны личности никакой пользы не будетъ. Настало то время, когда всѣ мы признаемъ, что нужно судить о справедливости и справедливыхъ дѣлахъ согласно требованіямъ науки, а не на основаніи личныхъ качествъ того, къ кому обращаются съ просьбами. Мусульманскіе ученые достаточно разработали вопросъ относительно религіозныхъ обрядностей. Теперь очередь за правилами цивилизаціи. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что они, по требованію времени, расширятъ свои познанія новыми науками и силою своей учености подготовятъ все для прогресса Персіи. Для проявленія этой помощи не должны прибѣгать къ просьбамъ (передъ правительствомъ) о томъ, чтобы распорядители Персіи сдѣлали все преобразованіе. Все, что нужно сдѣлать, это разбудить разумъ народа настолько, чтобы онъ могъ сказать: «Мы тоже люди и мы тоже хотимъ имѣть справедливость!»

. . . .

«Можетъ-ли быть болѣе подходящая почва, чѣмъ теперешняя жажда персидскаго народа? Существуетъ-ли оружіе болѣе священное, чѣмъ слово о правѣ?..»

. . . .

Вотъ что писалъ либеральный и просвѣщенный сановникъ Персіи.

Изъ этихъ длинныхъ приведенныхъ мною цитатъ видно, что почва для начала конституціонныхъ требованій въ Персіи въ послѣдніе годы являлась уже значительно подготовленной и притомъ не теоретически, а реально, путемъ многонаучающаго опыта суровой жизни.

На этой почвѣ и возникла подписанная 5 авг. 1906 года Шахомъ Музафферъ-Эд-Диномъ персидская конституція.

26 сент. 1906 года (18-го Шайбана) уже послѣдовало торжественное открытіе парламента (меджлиса).

На первыхъ порахъ персидскій парламентъ имѣлъ однопалатное устройство.

Но вскорѣ, по настоянію тогдашняго наслѣдника престола Мухаммеда-Али, вызваннаго въ столицу въ виду тяжелой болѣзни Шаха, выработано было новое Положеніе о парламентѣ, подписаное Шахомъ и наслѣдникомъ 2 дек. 1906 года. По Положенію этому персидскій парламентъ слагается изъ двухъ палатъ,—Меджлиса (нижней) и Сената (верхней).

Меджлисъ состоитъ изъ 162—200 депутатовъ, избираемыхъ на 2 года. Верхняя-же палата состоитъ изъ 30 назначаемыхъ и 30 выборныхъ сенаторовъ [1]).

26 дек. 1906 года вечеромъ, послѣ продолжительной агоніи, Шахъ Музафферъ-Эд-Динъ скончался и на персидскій престолъ взошелъ Мухаммедъ-Али, явно враждебно настроенный противъ новыхъ конституціонныхъ порядковъ.

При Мухаммедѣ-Али усилилась въ придворныхъ кругахъ реакція, съ которой молодому парламенту приходилось вести тяжелую борьбу.

Въ началѣ 1907 года Меджлисъ потребовалъ отъ Шаха отвѣтственности министровъ, мѣстнаго самоуправленія и отдѣленія администраціи отъ суда,—требованія эти, вслѣдствіе грознаго состоянія народныхъ массъ, были удовлетворены.

Съ большимъ трудомъ, но все-таки удалось персидскому парламенту провести нѣсколько важныхъ реформъ, главной изъ которыхъ слѣдуетъ признать измѣненіе системы взиманія податей и налоговъ: вмѣсто прежней откупной системы введена была европейская система сборовъ.

При Мухаммедѣ-Али дважды производилась контръ-революціонная попытка, Меджлисъ подвергался бомбардировкѣ; но не удалось стереть съ лица земли персидской назрѣвшихъ новыхъ конституціонныхъ порядковъ. Жизнь оказалась сильнѣе безпочвенныхъ вожделѣній группы реакціонеровъ.

Лѣтомъ 1909 года Мухаммедъ-Али былъ низложенъ, на престолъ возведенъ его малолѣтній сынъ Султанъ-Ахмедъ-Мирза. Учреждено регентство. Теперь создались болѣе благопріятныя условія для дѣя-

[1]) См. Almanach de Gotha—1909, стран. 1023—1024.

тельности молодого персидскаго парламента, которому предстоитъ еще много трудной работы, чтобы послѣ столь долгаго господства стараго режима окончательно вывести страну на новый путь просвѣщенія, прогресса и свободы.

5. Возстановленіе Турецкой конституціи

Вслѣдъ за Россіей и Персіей сбрасываетъ съ себя старый государственный режимъ и Турція: 23 іюля 1908 года, подъ давленіемъ побѣдоноснаго освободительнаго движенія, опубликовано султанское ираде о возстановленіи «временно отложенной» конституціи 1876 года.

Каковы-же были ближайшіе предварительные фазисы турецкой государственной и общественной жизни? Какова та почва, на которой происходятъ новѣйшія конституціонныя побѣды? Для выясненія силы послѣднихъ событій постараемся хоть немного заглянуть въ прошлое.

Общественное движеніе въ Турціи имѣетъ уже свою длинную исторію, длинный мартирологъ самоотверженныхъ борцовъ за свободу угнетеннаго и раззореннаго народа. «Прогрессъ либеральныхъ идей въ Турціи», говоритъ Ренэ Пинонъ, «проявляется послѣ великаго европейскаго сотрясенія 1830 года. Ему дѣятельно способствуетъ Англія, которая для того, чтобы освободить Оттоманскую Имперію отъ русской опеки, возложенной на неё договоромъ въ Ункіаръ-Скелесси, толкаетъ ее по пути реформъ и централизаціи. Лондонскій кабинетъ совѣтуетъ султану, съ цѣлью отнять всякій предлогъ для русскаго вмѣшательства, слить всѣ христіанскія народности въ одну модернизированную, либеральную и парламентарную Турцію» [1]).

Въ 1839 году султанъ Абдулъ-Меджидъ издаетъ гатти-шерифъ Гюльханейскій, провозглашающій равенство передъ закономъ всѣхъ подданныхъ безъ различія расъ и вѣроисповѣданій. Но реформа эта остается мертвою буквою. Затѣмъ, принимая участіе въ концертѣ европейскихъ державъ на Парижскомъ конгрессѣ 1856 года, Турція гатти-гумаюномъ 18 февраля снова провозглашаетъ принципы равноправія. Однако сопротивленіе лихоимствующихъ чиновниковъ и отсутствіе искреннихъ реформистскихъ тенденцій въ центральномъ правительствѣ сводятъ къ нулю эти формальныя обѣщанія султана.

Но вотъ идеи прогресса постепенно проникаютъ въ сознаніе турецкаго общества. Первыми идейными поборниками за права угне-

[1]) René Pinon. „La Turquie nouvelle“; Revue des deux Mondes, № de septem. 1908, p. 137.

тенныхъ массъ (еще въ 1-ой половинѣ XIX столѣт.) становятся «софти»,—эти воспитанники турецкихъ высшихъ духовныхъ школъ, которые, получивъ въ провинцiи извѣстное образованiе, отправляются въ Константинополь слушать лекцiи мусульманскихъ теологовъ и юристовъ. Съѣзжается здѣсь до 25 тысячъ студентовъ. Въ столицѣ имъ бросается въ глаза контрастъ между бѣднымъ раззоренным селяниномъ и пресыщенными роскошью эфенди, беями и пашами въ ихъ дворцахъ, гаремахъ и садахъ. Не утратившiе душевной чуткости «софти» возмущаются, поступаютъ въ «очахи» и дѣлаются ярыми защитниками порабощеннаго, страждущаго народа. По мнѣнiю «софти», нужны коренныя преобразованiя, согласно нуждамъ народа и духу шарiата.

Высшее-же духовенство, которое могло-бы поддерживать народныя массы, дѣйствовало, ради личныхъ выгодъ, вопреки корану и шарiату и даже подписало постановленiе противъ «софти».

По смерти султана Меджида, на престолъ вступилъ братъ его Абдулъ-Азисъ, человѣкъ мало развитой, не знающiй шарiата и совершенно незнакомый съ положенiемъ края и нуждами населенiя. Новый султанъ, на котораго вначалѣ массы возлагали надежду, вскорѣ такъ стѣснилъ «софти», что они должны были или покориться ему, или удалиться за предѣлы Турцiи. Абдулъ-Азису удалось разсѣять «очахи-софти», но умертвить идеи, которыми жило и дышало населенiе, онъ не могъ. Ряды «софти» непрерывно пополнялись, къ нимъ стали примыкать различные оппозицiонные элементы, называвшiе себя «младотурками». Сюда входили, какъ угнетенные работники, ремесленники, такъ и опальные чиновники (эфенди) и сановники. Всѣ члены молодой Турцiи, хотя и раздѣлялись на особыя фракцiи, но у нихъ было общее стремленiе къ государственному преобразованiю въ духѣ свободы, равенства и братства.

Турецкая жизнь давала обильную пищу для этого оппозицiоннаго настроенiя. Населенiе было безправно и раззорено. Абдулъ-Азисъ держалъ себя, какъ полный хозяинъ государственныхъ суммъ. А между тѣмъ, по шарiату, «бейтъ-улъ-малъ» (государственные доходы) не принадлежатъ халифу: онъ — только хранитель казны и деньги долженъ расходовать на нужды страны. Турецкiе государственные финансы находились въ весьма печальномъ положенiи; прибѣгали къ ряду займовъ, что давало пищу для новыхъ хищенiй.

Но вмѣстѣ съ увеличенiемъ безправiя и нищеты народныхъ массъ росло и число противниковъ султанскаго властвованiя: много военныхъ и гражданскихъ сановниковъ, уволенныхъ по интригамъ двор-

цовой камарильи, вступили въ ряды младотурокъ и поставили себѣ цѣлью спасать страну отъ окончательнаго раззоренія. Потребность войти составною частью въ сферу общечеловѣческой культуры начинаетъ живо ощущаться нѣкоторыми передовыми представителями турецкаго общества, среди которыхъ еще въ началѣ 60-хъ годовъ XIX столѣт. выдвигается Мидхатъ-паша, человѣкъ съ замѣчательно чуткой душой и съ тонкимъ пониманіемъ назрѣвшихъ государственныхъ задачъ. Имя этого государственнаго мужа всегда будетъ блистать на скрижаляхъ отечественной исторіи и я не могу не посвятить ему хоть нѣсколько словъ. Недавно въ Парижѣ вышла въ свѣтъ біографія Мидхата-паши, написанная его сыномъ [1]); она можетъ служить хорошимъ источникомъ для ознакомленія съ соотвѣтствующей эпохой въ исторіи турецкой государственности. Сперва въ качествѣ придунайскаго (начало 60-хъ годовъ XIX стол.), а затѣмъ аравійскаго (конецъ 60-хъ годовъ) губернатора, Мидхатъ-паша старается проводить въ жизнь принципы гуманности и вѣротерпимости. Прибывъ въ 1871 году въ Константинополь, онъ находитъ здѣсь уже довольно многочисленную партію, преслѣдующую прогрессивныя цѣли пріобщенія Турціи къ европейской культурѣ и старающуюся приданіемъ конституціоннаго характера Оттоманской имперіи предупредить опасность отпаденія угнетенныхъ національностей. Мидхатъ-паша, сдѣлавшись главою этихъ реформистовъ, тщетно пытался влить новое вино въ старые мѣха. Онъ былъ даже великимъ визиремъ при Абдулъ-Азисѣ, но оставилъ этотъ постъ, разочаровавшись въ возможности поправить обстоятельства частными реформами.

Младотурецкая партія стала требовать конституціи по западноевропейскому образцу, отвѣтственнаго министерства, децентрализаціи провинцій, свободы собраній, слова, печати, совѣсти, равенства всѣхъ гражданъ страны передъ закономъ. «Софти» настаивали на господствѣ Шаріата, а другія фракціи не соглашались на это, считая Шаріатъ устарѣлымъ, и признавали необходимымъ редактировать новые законы въ духѣ новаго времени. Но мало-по-малу «софти» стали убѣждаться, что новые основные законы не будутъ противорѣчить Шаріату и вполнѣ довѣрились своимъ младотурецкимъ союзникамъ, особенно когда среди послѣднихъ появились выдающіеся общественные дѣятели.

Султанъ Абдулъ-Азисъ не хотѣлъ и слышать о конституціи. 2 іюня

---

[1]) „Midhat-pacha, sa vie, son oeuvre“, par son fils Ali-Haydar-Midhat-bey, Paris, 1908.

1876 г. онъ былъ умерщвленъ. На престолъ вступилъ племянникъ его (сынъ Меджида) Мурадъ V, признанный вскорѣ слабоумнымъ и также не хотѣвшій дать конституціи. 31 авг. того-же 1876 г., по низложеніи Мурада V, султаномъ сталъ братъ его Абдулъ-Гамидъ.

Вначалѣ Абдулъ-Гамидъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ заговорщиковъ, свергнувшихъ съ престола его предшественника, и во главѣ ихъ Мидхата-паши, главы младотурецкой партіи. Мидхатъ-паша составилъ проектъ конституціи и убѣдилъ новаго султана рѣшиться на немедленное осуществленіе этого радикальнаго государственнаго преобразованія. Абдулъ-Гамиду пришлось согласиться. 23 дек. 1876 г., когда открылась Берлинская конференція, созванная европейскими державами съ цѣлью найти выходъ изъ крайне смутнаго положенія въ Турціи,—въ этотъ-же самый день торжественно опубликованъ былъ султанскій «ираде» объ учрежденіи конституціи (Основные Законы Оттоманской Имперіи).

Вотъ какъ возникла турецкая конституція.

Но вскорѣ уже обнаружилось различіе исходныхъ точекъ зрѣнія султана Абдулъ-Гамида и его великаго визиря Мидхата-паши. Въ то время какъ либеральный министръ искренно стремился къ превращенію своего отечества въ культурное правовое государство, для падишаха провозглашеніе конституціи являлось лишь ловкимъ своевременнымъ шахматнымъ ходомъ, нисколько не связывающимъ дѣйствій его на будущее время. И въ самомъ дѣлѣ, когда миновалъ острый моментъ, Абдулъ-Гамидъ (не безъ вліянія русскаго посланника гр. Н. П. Игнатьева) уже 5 февр. 1877 г. далъ отставку Мидхату-пашѣ, который вскорѣ былъ арестованъ и отправленъ въ ссылку; такая-же участь постигла и многихъ другихъ поборниковъ государственнаго преобразованія. Безъ особаго акта объ отмѣнѣ конституціи, даже безъ оффиціальнаго распущенія, парламентъ, имѣвшій всего лишь нѣсколько засѣданій, долженъ былъ прекратить свою дѣятельность. «Молодая Турція» не была еще въ то время достаточно сильной, чтобы отстоять свои попираемыя права.

Такъ была «отложена» и упрятана султаномъ конституція, въ вѣрности которой онъ недавно столь торжественно клялся.

Послѣ этого въ Турціи наступила эра ужасающей тираніи. Всякое проявленіе свободной мысли и гражданскаго чувства подавлялось съ невѣроятной жестокостью. Такая жестокая расправа постигла Мидхата-пашу (убитъ въ 1883 г.), и многихъ его единомышленниковъ. «Гамидизмъ», какъ режимъ, господствовавшій свыше 30 лѣтъ, характеризуется невѣроятнымъ внутреннимъ гнетомъ, раззорившимъ Тур-

цію и превратившимъ ее въ одну громадную тюрьму и кровавую арену казней; справедливо получилъ Абдулъ-Гамидъ отъ Гладстона названіе «кроваваго султана». Внѣшняя политика его сводится къ системѣ всевозможныхъ обѣщаній европейскимъ державамъ, затѣмъ проволочекъ и попытокъ неисполненія данныхъ обѣщаній. Такое руководительство турецкой политики привело между прочимъ къ губительной для Оттоманской Имперіи войнѣ съ Россіей 1877—1878 г.г., окончившейся для Турціи потерей значительной части европейскихъ владѣній. Съ января 1883 года Египетъ, оставаясь въ фиктивной зависимости отъ турецкаго султана, фактически переходитъ подъ англійское владычество. Въ 1885 г. къ тогда еще вассальной Болгаріи [1]) отходитъ Восточная Румелія. Рядъ возстаній на Критѣ вызвалъ греко-турецкую войну 1897 года, послѣ которой, несмотря на побѣду Турціи, этотъ островъ получаетъ въ 1898 году автономію и особый «верховный коммиссаріатъ» отъ четырехъ великихъ державъ—Англіи, Франціи, Италіи и Россіи. Еще съ 1880 года турецкое правительство, страшно задолжавшее, вынуждено для удовлетворенія своихъ кредиторовъ и въ видѣ гарантіи передать завѣдываніе нѣкоторыми статьями государственныхъ доходовъ синдикату галатскихъ банкировъ. А съ 1883 года суммы, получаемыя съ шести монополій (соляной, гербовой, спиртовой, рыболовной и шелковой, а отчасти и табачной) составляютъ спеціальный фондъ для платежа по государственнымъ займамъ и находятся въ распоряженіи международнаго финансоваго органа, носящаго названіе «Comité de l'administration de la dette publique ottomane». (См. статью Н. Е. Кудрина—«Революція Ближняго Востока» въ № 10 Русскаго Богатства за 1908 г., стр. 52—53).

Къ чему-же наконецъ привела эта внутренняя и внѣшняя абдулъгамидовская политика? «Гамидизмъ» самъ рылъ подъ себя яму, собственноручно готовя себѣ крушеніе и могилу. Подобное часто можно наблюдать во всемірной исторіи, но данный примѣръ Турціи настолько поразителенъ и блестящъ, что я не могу не остановиться на немъ, быть можетъ, и нѣсколько дольше, чѣмъ то позволялъ-бы общій масштабъ моего очерка.

---

[1]) Воспользовавшись австро-сербо-турецкимъ конфликтомъ изъ-за аннексированія Австріей Босніи и Герцеговины и заручившись поддержкой австрійскаго монарха, болгарскій князь Фердинандъ объявилъ себя главою независимаго болѣе отъ Турціи Царства Болгарскаго. Эта независимость и новый титулъ прежде всѣхъ были признаны Россіей (въ фев. 1909 года), а затѣмъ постепенно и другими державами. Такъ исчезъ послѣдній видъ вассальнаго государства въ Европѣ.

Въ странѣ глухо росло общее и повсемѣстное недовольство. Султанъ не чувствовалъ себя безопаснымъ даже въ своемъ собственномъ дворцѣ; онъ не имѣлъ вѣрныхъ друзей и сторонниковъ и властвовалъ лишь путемъ угрозъ. Его боятся до такой степени, что, когда онъ въ декабрѣ 1895 года назначилъ великимъ визиремъ Саида-пашу, то этотъ, испуганный данной милостью и недовѣрчиво относясь къ ней, скрылся въ зданіи англійскаго посольства, откуда вышелъ лишь черезъ нѣсколько дней, когда султанъ обязался передъ англійскимъ посломъ оставить Саида-пашу въ покоѣ. 22 іюля 1905 года во время селамника въ Абдулъ-Гамида была брошена бомба, жертвою которой явилось нѣсколько десятковъ убитыхъ и раненыхъ; но султанъ счастливо спасся и воспользовался этимъ случаемъ для новыхъ политическихъ преслѣдованій.

Данная эпоха турецкой исторіи представляетъ блестящій примѣръ и доказательство того, что слѣпой правительственный гнетъ является хорошей школой для укрѣпленія демократическихъ требованій безправнаго общества. Школа эта даетъ настоящую интеллигенцію, активно преданную великимъ принцапамъ свободы, равенства и братства.

«Молодая Турція», еще не достаточно сильная въ 1877 году, ростетъ и крѣпнетъ,—правда, вначалѣ преимущественно на иностранныхъ территоріяхъ. Съ 1895 года въ Парижѣ начинаетъ выходить на турецкомъ и французскомъ языкахъ органъ младотурокъ «Mecchveret». Въ 1901 году, подъ вліяніемъ усилившагося движенія въ Македоніи, младотурки принимаются за особенно энергичную агитацію. Парижскій и женевскій комитеты младотурецкихъ эмигрантовъ наводняютъ свою родину листками, гдѣ выставляются демократическіе принципы. Наиболѣе передовые элементы офицерства, чиновничества и вообще среднихъ и высшихъ классовъ турецкаго общества все сильнѣе и сильнѣе проникаются новыми либеральными идеями. Самъ зять султана, эмигрируя за-границу, заявляетъ о своемъ присоединеніи къ младотурецкой партіи. Въ 1902 году въ Парижѣ состоялся, подъ предсѣдательствомъ принца Сахабъ-Эдина, младотурецкій конгрессъ, на которомъ присутствовало 47 делегатовъ отъ различныхъ отдѣленій организаціи въ Европейской Турціи, Малой Азіи и Египтѣ. На конгрессѣ же, состоявшемся въ Парижѣ въ 1907 году, кромѣ младотурецкой представлены были и другія оппозиціонныя партіи; здѣсь были делегаты отъ слѣдующихъ организацій: Оттоманскаго Комитета «Единенія и Прогресса», Революціонной Армянской Федераціи, Оттоманской лиги частной Иниціативы, Децентрализаціи и

Конституціи, отъ редакцій—«Арменіи», Размизо» балканскихъ странъ, революціоннаго «Хайремика» (изд. въ Америкѣ), отъ египетскаго комитета «Ахди-Османи». На этомъ конгрессѣ, несмотря на различные оттѣнки оппозиціонности вышеназванныхъ партій и организацій, попостановлены въ видѣ резолюціи слѣдующія требованія: отреченіе султана Абдулъ-Гамида отъ трона, коренное измѣненіе политическаго режима, созывъ Парламента.

Происшедшіе въ послѣдніе годы перевороты въ Россіи и Персіи способствовали перенесенію главнаго штаба оппозиціи (Централън. Комитета) изъ за-границы на отечественную почву, въ Салоники. Турція все болѣе и болѣе покрывалась сѣтью младотурецкой организаціи. Такъ какъ освободительныя оппозиціонныя идеи и требованія распространялись, главнымъ образомъ, среди передового офицерства и наиболѣе сознательной части молодого чиновничества, къ которымъ примыкали лучшіе элементы общества,—то дисциплинированность и опредѣленность ближайшихъ цѣлей являлись отличительными чертами данной турецкой революціонной организаціи.

Вскорѣ возстаніе разлилось по странѣ. Почва хорошо была подготовлена. Войска переходили на сторону повстанцевъ. Абдулъ-Гамидъ теперь ужъ не въ состояніи былъ справиться съ этой новой силой,—и **23 іюля 1908 года** султанскимъ ираде возвѣщено было о возстановленіи конституціи, якобы «временно отложенной».

Нельзя не отмѣтить, что переворотъ этотъ прошелъ въ удивительномъ порядкѣ и дисциплинѣ, безъ обычныхъ ужасовъ, и справедливо можетъ быть названъ «безкровной революціей».

Подчеркивая главнѣйшія статьи изъ попранныхъ Основныхъ Законовъ и заявляя о своей преданности конституціонному режиму, султанъ далъ обѣщаніе впредь не производить контръ-переворотовъ.

Турецкій парламентъ (Общее Оттоманское Собраніе) состоитъ изъ двухъ палатъ: Сената (верхней) и Палаты Депутатовъ (нижней). Собираются онѣ ежегодно 1-го ноября. Законопроекты обсуждаются сначала Палатой Депутатовъ, а потомъ Сенатомъ. Сенатъ состоитъ изъ назначаемыхъ султаномъ членовъ (изъ «знаменитостей страны»). Члены же Палаты Депутатовъ избираются населеніемъ по одному депутату на каждыя 100.000 жителей.

Основные Законы Оттоманской Имперіи установляютъ уголовную и политическую отвѣтственность министровъ, строгое бюджетное право, право петицій, свободу печати, совѣсти, союзовъ и собраній, равенство всѣхъ передъ закономъ, упорядоченный судъ и децентрализованное мѣстное управленіе.

Такова обновленная Турція. «Больной человѣкъ», какъ прежде обыкновенно ее называли въ Европѣ, выздоровѣлъ и сталъ крѣпнуть при новомъ парламентарномъ режимѣ.

Но «кровавый Султанъ» въ душѣ никакъ не могъ примириться со своей новой ролью конституціоннаго монарха. Торжественному клятвенному обѣщанію въ вѣрности конституціи Абдулъ-Гамидъ не придавалъ значенія,—въ Ильдизъ-Кіоскѣ организуется контръ-революціонная попытка вернуться къ старому режиму. И вотъ въ первые дни апрѣля 1909 года страна «безкровной революціи» озарилась багровымъ свѣтомъ. Фанатизированные улемами константинопольскіе полки, захвативъ и перебивъ всѣхъ приверженныхъ конституціи своихъ офицеровъ, подъ командой простого фельдфебеля, двинулись на парламентъ и вынудили у него на первыхъ порахъ сверженіе министерства, составленнаго изъ сторонниковъ Комитета «Единенія и Прогресса». Султанъ милостиво далъ полную амнистію этимъ полкамъ за произведенный бунтъ. Что будетъ дальше? Вниманіе всѣхъ невольно приковалось къ Салоникамъ, куда вскорѣ собрались самые крупные вожди партіи «Единенія и Прогресса». И вотъ изъ Салоникъ всѣмъ частямъ арміи, расположеннымъ въ Европейской Турціи, былъ отданъ приказъ безотлагательно двинуться на Константинополь. Войска двинулись, и участь Турціи была рѣшена. Черезъ нѣсколько дней генералиссимусъ Шевкетъ-паша занялъ столицу и послѣ упорнаго боя овладѣлъ особою самого султана. Тронъ турецкій объявленъ свободнымъ, и на него возведенъ младшій братъ бывшаго султана, Решадъ, подъ именемъ Магомета V. А Абдулъ-Гамидъ приговоренъ къ пожизненному заточенію и препровожденъ изъ Константинополя въ окрестности Салоникъ, на виллу Аллатини. Страна вскорѣ вернулась къ нормальному конституціонному режиму.

Послѣднія событія показываютъ, что конституціонныя идеи вошли уже въ сознаніе турецкаго общества. Турецкому парламенту предстоитъ теперь разрѣшеніе многихъ важныхъ очередныхъ культурныхъ задачъ и особенно сложнаго здѣсь національнаго вопроса.

Но усвоенные конституціонные демократическіе принципы помогутъ ему правильно выполнить эту многотрудную законодательную миссію.

6. Предстоящее конституціонное преобразованіе Китая.

Струя новой, европейской жизни начинаетъ мало-по-малу проникать въ огромную, замкнутую, патріархальную Срединную Имперію.

Еще въ концѣ XIX в. въ болѣе просвѣщенныхъ слояхъ общества раздаются голоса за государственные ре-

формы. Послѣ неудачной войны съ Японіей (1894 г.) въ Китаѣ образовалась партія реформъ, стремившаяся европеизировать свое отечество: стали ратовать о сооруженіи желѣзныхъ дорогъ, о развитіи промышленности; но это зачаточное преобразовательное движеніе встрѣтило сильное сопротивленіе со стороны мандариновъ со вдовствующей императрицей Тсу-си во главѣ. Въ 1898 году сочувствующій реформамъ богдыханъ Гуанъ-сюй былъ устраненъ отъ правленія, и регентшей вновь стала вдовствующая императрица-мать.

Подъ скрытомъ покровительствомъ придворной партіи старыхъ порядковъ въ сѣвер. Китаѣ образовались особыя патріотическія общества подъ названіемъ «Большой Кулакъ» (по английски «боксеры»), крайне враждебно настроенныя къ европейцамъ. Въ 1900 г вспыхнуло возстаніе «боксеровъ», направленное противъ иностранцевъ и сторонниковъ реформы. Но соединенными силами державъ оно вскорѣ было подавлено.

Послѣ неудачи боксерскаго возстанія европеизированіе Китая пошло довольно быстро впередъ. Съ Англіей и Сѣверно-Американскими Соединенными Штатами заключены новые торговые договоры, для иностранной торговли открыты новые города, разросталась постройка желѣзныхъ дорогъ и разработка каменноугольныхъ копей. Особено усилилось экономическое и культурное вліяніе на Китай со стороны Японіи, куда китайская молодежь стала ѣздить для полученія высшаго образованія.

Партія реформъ все болѣе и болѣе разростается и крѣпнетъ, особенно послѣ переворотовъ въ Россіи и Персіи. И вотъ въ 1907 г. правительство оффиціально объявляетъ о своемъ намѣреніи подготовить Китай къ конституціонному строю; согласно этому оффиціальному заявленію, конституція должна быть введена **1917 году.**

Въ видѣ-же подгодтовленія къ конституціонной эрѣ китайское правительство рѣшило предварительно созвать въ разныхъ провинціальныхъ городахъ областные сеймы, которые и открылись 1-го октября 1909 года.

Учрежденіе сеймовъ является первымъ звеномъ въ цѣпи грядущихъ государственныхъ преобразованій, завершеніемъ которыхъ должно быть открытіе въ 1917 году китайскаго двухпалатнаго парламента. Составленъ уже извѣстный планъ реформъ: съ 1910 г. областные сеймы приступятъ къ обсужденію бюджетовъ своихъ областей, затѣмъ будетъ издано новое уголовное уложеніе, а въ 1911 году послѣдуетъ открытіе новыхъ судебныхъ учрежденій. Китайское

правительство слѣдуетъ примѣру Японіи, гдѣ также за нѣсколько лѣтъ до открытія парламента созваны были областные сеймы.

Пройдетъ-ли реформа по предначертанному плану? или, быть можетъ, путь ей укажетъ сама мятущаяся жизнь?

Согласно эдикту принца-регента Чуна, сеймы должны заниматься обсужденіемъ исключительно лишь мѣстныхъ своихъ вопросовъ, но они уже вышли изъ предѣловъ предоставленной имъ компетенціи. Телеграммы изъ Китая гласятъ, что теперь (январ. 1910 г.) делегаты всѣхъ провинціальныхъ сеймовъ прибыли въ Пекинъ, устроили народное собраніе и требуютъ скорѣйшаго созыва парламента.

Къ чему это приведетъ?

Есть основаніе полагать, что открытіе перваго Китайскаго Парламента послѣдуетъ ранѣе 1917 года.

7. Новѣйшее (1900—1910 гг.) развитіе конституціонныхъ основъ въ Европѣ.

Таковы новѣйшія побѣды конституціонной идеи: она проникаетъ въ страны, являвшіяся до сихъ поръ твердыней стараго абсолютистскаго режима.

Но завоеванія эти служатъ лишь началомъ, основой для дальнѣйшей конституціонной созидательной работы. Проникшій въ страну новый режимъ долженъ закрѣпляться, входить въ плоть и кровь народнаго сознанія, реально пріобщая все болѣе и болѣе широкія массы къ истинно культурнымъ благамъ.

Какую-же картину представляетъ изъ себя эта дальнѣйшая работа конституціонной идеи за послѣдніе годы (первое десятилѣтіе XX в.)?

Во Франціи реакціонныя идеи терпятъ полное крушеніе, закрѣпляется республиканскій строй и во главѣ власти становится сильная радикальная партія, проводящая отдѣленіе церкви отъ государства и цѣлый рядъ соціально-демократическихъ законодательныхъ мѣропріятій. И наконецъ, въ 1909 году разгорается здѣсь борьба за пропорціальное представительство, какъ за средство защиты правъ меньшинства.

Въ Англіи, послѣ долгаго господства консерваторовъ, законодательная власть снова переходитъ въ руки либераловъ, и рядомъ съ ними появляется новая рабочая партія. Медленно, постепенно и прочно (по англійски) проводится рядъ демократическихъ законовъ. Разгорается борьба за ограниченіе палаты лордовъ, какъ не являющейся выразительницей мнѣнія страны.

Съ необыкновенной бурностью прошелъ въ Англіи 1909 годъ. Въ очередномъ бюджетномъ проектѣ либеральное министерство Ас-

кита, изыскивая средства для пенсій старикамъ и для нѣкоторыхъ нуждъ государственной обороны, вноситъ предложеніе новыхъ налоговъ на земельный и промышленный капиталы. Такъ канцлеръ казначейства Ллойдъ-Джоржъ предложилъ оцѣнить всѣ земли Соединеннаго Королевства и впредь, при всякомъ переходѣ любого земельнаго участка изъ однѣхъ рукъ въ другія, отбирать въ казну $^1/_5$ «незаработаннаго прироста» цѣнности. Земледѣльцы усмотрѣли въ Ллойдъ-Джоржѣ сходство съ Генри Джоржемъ, стали опасаться, какъ-бы у нихъ въ скоромъ времени не отобрали всей земельной ренты, называли канцлера казначейства грабителемъ и соціалистомъ и объявили непримиримую войну либеральному кабинету. Но либеральная партія въ союзѣ съ рабочей располагала въ палатѣ общинъ громаднымъ большинствомъ. Здѣсь враги бюджета были безсильны Имъ удалось опереться на консервативныхъ пэровъ, составляющихъ подавляющее большинство верхней палаты. Вниманіе всѣхъ приковывалось къ вопросу, неужели-же лорды, вопреки установившимся конституціоннымъ традиціямъ, отвергнутъ утвержденный коммонерами бюджетъ? И вотъ послѣ шестидневныхъ преній верхняя палата 30 ноября приняла резолюцію маркиза Лэнсдоуна, постановлявшую, что лорды не могутъ утвердить бюджета, пока о немъ не выскажутся избиратели. Парламентская сессія закрыта, парламентъ распущенъ и назначены новые выборы. Если грядущая сессія 1910 года и не скажетъ своего рѣшающаго слова по вопросу о правахъ наслѣдственныхъ англійскихъ законодателей, то во всякомъ случаѣ есть основаніе полагать, что не въ далекомъ будущемъ этотъ назрѣвшій вопросъ демократизаціи парламента будетъ разрѣшенъ согласно указаніямъ самой жизни.

Остановлюсь еще на двухъ важныхъ фактахъ изъ послѣдняго періода англійской конституціонной исторіи. Проведена реформа относительно многострадальной Индіи. 25 мая 1909 года королемъ санкціонированъ билль объ индійскихъ совѣтахъ. Члены совѣтовъ получили нѣкоторыя финансовыя полномочія, право запросовъ и резолюцій Удовлетворитъ ли Индію такая конституція? Объ этомъ судить сейчасъ трудно. Весьма важнымъ фактомъ въ англійской колоніальной исторіи является также образованіе южно-африканской федераціи изъ четырехъ колоній: Капской земли, Наталя, Трансвааля и Оранжевой республики. Билль объ этой федераціи утвержденъ королемъ 20 сент. 1909 года, и съ 1 мая 1910 года федеральная конституція вступаетъ въ силу; въ ней установляется равноправіе голландскаго и англійскаго языковъ, со-

юзный парламентъ имѣетъ двухпалатное устройство, избирательное право въ каждой колоніи оставляется то же самое, какое существовало и до федераціи, проводится принципъ охраненія правъ туземцевъ.

Таковы проявленія конституціоннаго развитія Англіи.

Въ Германіи за послѣднее время (1900—1910 г.г.) конституціонное развитіе не обнаруживаетъ столь яркой демократической тенденціи, какъ въ Англіи и Франціи. Правда, въ самомъ началѣ XX в. продолжается сильный ростъ соц.-демокр. партіи.

Такъ, въ 1893 году въ рейхстагъ прошло 36 соц.-дем. депутатовъ, въ 1898 году—56, а въ 1903 году—83. Въ 1903 году соц.-демокр. депутаты занимали по численности второе мѣсто въ рейхстагѣ, уступая лишь партіи центра. Демократизируя парламентскій составъ, соціалъ-демократы неустанно боролись противъ милитаризма и ратовали за соціальныя реформы, являющіяся важнѣйшими задачами современнаго культурнаго государства.

Въ 1906 году произошелъ конфликтъ рейхстага съ правительствомъ, испрашивавшимъ ассигнованія новыхъ кредитовъ на содержаніе колоніальныхъ отрядовъ; рейхстагъ былъ распущенъ.

На новыхъ выборахъ въ 1907 году соціалъ-демократы получили еще большее число голосовъ, чѣмъ въ 1903 г. (въ 1903 г.—3.010.000 голосовъ, а въ 1907 г.—3.255.000), но, несмотря на такую поддержку со стороны населенія, они, вслѣдствіе особаго распредѣленія избирательныхъ округовъ и усиленной солидарности другихъ партій, потеряли на этотъ разъ 40 депутатскихъ мѣстъ. Фактъ этотъ указываетъ на необходимость пересмотра хотя бы и всеобщаго избирательнаго права германской имперіи.

Значительнымъ тормазомъ для успѣшнаго конституціонно-демократическаго развитія Германіи является также и разношерстность составляющихъ ее государствъ: здѣсь еще наблюдается цѣлая радуга различныхъ конституціонныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, начиная съ архаическихъ государственныхъ формъ XVI столѣтія (Мекленбургъ-Шверинъ и Мекленбургъ-Стрелицъ) и кончая современными республиками (Любекъ, Гамбургъ, Бременъ). Но несомнѣнно, что управляющіе всемірно-историческимъ развитіемъ законы сильнѣе всякихъ мѣстныхъ тормазовъ и задержекъ, несомнѣнно, что и Германія (хотя бы и съ временными задержками и остановками) будетъ направлять свой ходъ по тому-же пути, по которому двигаются и другія государства. Конечно, всякое государство имѣетъ свои видо-

выя особенности, обнаруживающіяся и въ особыхъ оттѣнкахъ развитія.

Не могу не упомянуть о нѣкоторыхъ важныхъ реформахъ, произведенныхъ въ составляющихъ германскую имперію отдѣльныхъ государствахъ: обновлены конституціи [1])—въ Бременѣ—въ 1901 г., въ Баденѣ—въ 1904 г., въ Вюртембергѣ—въ 1906 г., въ Любекѣ—въ 1907 г.; кромѣ того произошли исключительно избирательныя реформы—въ Саксенъ-Веймаръ-Айзенахъ въ 1906 г. и въ Саксоніи—въ 1909 г. Въ то же время теперь все болѣе разгорается борьба за избирательную реформу въ Пруссіи.

На выборахъ, производившихся въ октябрѣ 1909 г. въ саксонскій и баденскій ландтаги, консерваторы потерпѣли жестокое пораженіе, а соціалъ-демократы получили много новыхъ депутатскихъ мѣстъ (такъ, въ Саксоніи число ихъ возросло съ 1 сразу до 25). Точно также сразу увеличилось число голосовъ, поданныхъ за кандидатовъ соц.-дем. и другихъ оппозиціонныхъ партій на цѣломъ рядѣ дополнительныхъ выборовъ въ рейхстагъ.

Явленія эти весьма знаменательны для грядущаго конституціоннаго развитія Германіи.

Въ Австріи, послѣ долгой борьбы [2]), введено съ 1907 года всеобщее избирательное право. А 26 янв. того-же года изданъ особый законъ о мѣрахъ къ огражденію свободы собраній и выборовъ, представляющій собою какъ-бы завершеніе избирательной реформы.

Въ маѣ 1907 года уже произошли новые выборы, сразу измѣнившіе парламентскій составъ. Даже въ такихъ пунктахъ, какъ католическо-клерикальные Иннсбрукъ и Тріентъ, даже въ земледѣльческой Богеміи и до сихъ поръ неутратившей шляхетскихъ замашекъ Галиціи прошли соціалъ-демократы, которые такимъ образомъ получили въ парламентѣ 87 мѣстъ, сдѣлавшись здѣсь второй по численности партіей.

Къ чему-же это привело? Прежде всего къ нѣкоторому ослабленію національной вражды и розни, каковое нельзя было не замѣтить съ первыхъ-же засѣданій обновленнаго парламента. Конечно, не скоро еще здѣсь окончательно улягутся вспышки національной розни, не

[1]) Частичному обновленію подверглись также конституціи двухъ миніатюрныхъ (не входящихъ въ составъ Германской Имперіи) монархій: княжества Лихтенштейна 11 окт. 1901 г. и Великаго герцогства Люксембурга—10 іюля 1907 г.

[2]) См. мое примѣчаніе къ § 160, стр. 315 переведеннаго мною „Общаго Государственнаго Права“ Л. Гумпловича.

легко въ этой пестрой Австріи съ ея блистательнымъ прошлымъ, въ этомъ разноплеменномъ «лагерѣ Валленштейна» разрѣшить сложный національный вопросъ. Но демократизація парламентскаго состава «внѣ-національнымъ» соц.-демокр. элементомъ, давая Австріи извѣстный Synthesis des Mannigfaltigen, несомнѣнно, должна значительно способствовать превращенію этого конгломерата враждующихъ національностей въ переливающуюся всѣми цвѣтами, но въ то-же время стройную и нераздѣльную національную радугу.

Важно отмѣтить, что въ 1909 году измѣненъ наказъ райсрата такимъ образомъ, что столь сильно препятствовавшая нормальной парламентской работѣ обструкція на будущее время весьма затруднена.

Значеніе вышеуказанныхъ фактовъ для дальнѣйшаго истинно-культурнаго развитія Австріи несомнѣнно.

Признавая огромное значеніе избирательной реформы, нельзя не упомянуть о греческомъ законѣ 10 іюня 1905 года [1]): депутаты выбираются въ парламентъ (однопалатный) путемъ всеобщаго и прямого голосованія; для активнаго избирательнаго права требуется достиженіе возраста 21 года, а для пассивнаго—30 лѣтъ.

Значительное развитіе конституціонныхъ основъ обнаруживаетъ въ началѣ XX стол. Норвегія, въ 1905 году расторгнувшая свою унію со Швеціей.

Старая норвежская конституція (1814 г.) подверглась пересмотру и была обновлена 7 іюня 1905 года.

Введено всеобщее избирательное право. Обновленный стортингъ выдвинулъ рядъ важныхъ вопросовъ внутренней политики и въ числѣ ихъ вопросъ о предоставленіи избирательныхъ правъ женщинамъ. Вопросъ этотъ, принадлежа къ категоріи конституціонныхъ, рѣшается въ особомъ соединенномъ присутствіи обѣихъ палатъ стортинга (лагтинга и одельстинга) и долженъ быть принятъ не менѣе $^2/_3$ голосовъ. Несмотря на это, послѣ упорной борьбы между правыми, лѣвыми и радикалами, норвежскія женщины съ 1907 года получили парламентскія избирательныя права,—правда, въ нѣсколько ограниченномъ видѣ сравнительно съ мужчинами: избир. право у женщинъ только активное и при томъ, кромѣ достиженія 25-лѣтняго возраста и проживанія въ странѣ въ теченіе 5 лѣтъ, требуется еще нѣкоторый имущественный цензъ, а именно—въ городахъ годовой доходъ 400 кронъ,

---

[1]) См. Almanach de Gotha 1909, p. 911.

въ деревнѣ-же—300 кронъ. Такимъ образомъ женское избирательное право въ Норвегіи значительно уже, чѣмъ въ Финляндіи (1906 г.) и въ нѣкоторыхъ изъ Австралійскихъ Соед. Штатовъ, гдѣ женщинамъ предоставлено не только активное, но и пассивное избир. право.

Укажу на нѣкоторыя важныя особенности норвежской конституціи. Здѣсь обѣ палаты выборныя [1]), составляются-же онѣ слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ: народные представители избираются на 3 года, но каждый годъ въ январѣ происходитъ соединенное засѣданіе всего стортинга, на которомъ изъ общаго состава депутатовъ выбирается $^1/_4$ для сформированія верхней палаты (лагтинга), а остальные $^3/_4$ образуютъ нижнюю палату (одельстингъ) [2]).—Въ Норвегіи, чего нельзя наблюдать еще ни въ одной [3]) изъ монархій, король не имѣетъ абсолютнаго законодательнаго veto, а лишь ограниченное (суспенсивное), существующее только въ республикахъ.

Въ заключеніе отмѣчу, что въ текущемъ столѣтіи въ Европѣ идетъ мощное развитіе парламентарнаго режима [4]). Цѣлый рядъ государствъ, недавно еще имѣвшихъ дуалистически-конституціонный укладъ, эволюціонируетъ къ парламентаризму. Такая картина наблюдается въ Норвегіи, Швеціи, Даніи, Италіи, Австріи и Голландіи. Даже въ Германіи, этой типичной дуалистической монархіи, вліяніе общественнаго мнѣнія все возрастаетъ и личная политика становится менѣе возможной; такъ, въ концѣ 1909 года германскіе національ-либералы внесли въ рейхстагъ предложеніе точно опредѣлить отвѣтственность имперскаго канцлера за всю правительственную дѣятельность императора. Явленіе это весьма знаменательно и заслуживаетъ большого вниманія со стороны тѣхъ, кто старается заглянуть въ грядущія историческія судьбы государственной жизни человѣка.

Уже послѣ этого краткаго обзора передъ нами начинаютъ вырисовываться нѣкоторые контуры наростающей, новой государствен-

---

[1]) Среди монархическихъ странъ цѣликомъ выборная верхняя палата существуетъ также въ Бельгіи и Голландіи, но здѣсь она по составу своему менѣе демократична, чѣмъ въ Норвегіи.

[2]) См. Almanach de Gotha 1909, p. 986.

[3]) Для точности сдѣлаю оговорку, что суспенсивное veto монарха знала уже Бразильская Имперія, превратившаяся въ 1889 г. въ республиканскую федерацію 20 штатовъ (Estados Unidos do Brazil). Съ этого времени весь американскій континентъ является республиканскимъ.

[4]) Объ этомъ обстоятельно трактуетъ проф. С. А. Котляревскій въ третьей главѣ своего недавно вышедшаго въ свѣтъ труда—„Правовое государство и внѣшняя политика“.

ности. Постепенный, неуклонный процессъ демократизацiи и развивающiяся парламентарныя начала, призванныя къ грядущей великой исторической миссiи, раскрываютъ перспективу истинно-культурной и справедливой государственной жизни, когда къ духовнымъ и матерiальнымъ благамъ прiобщатся самые отдаленные слои народныхъ массъ.

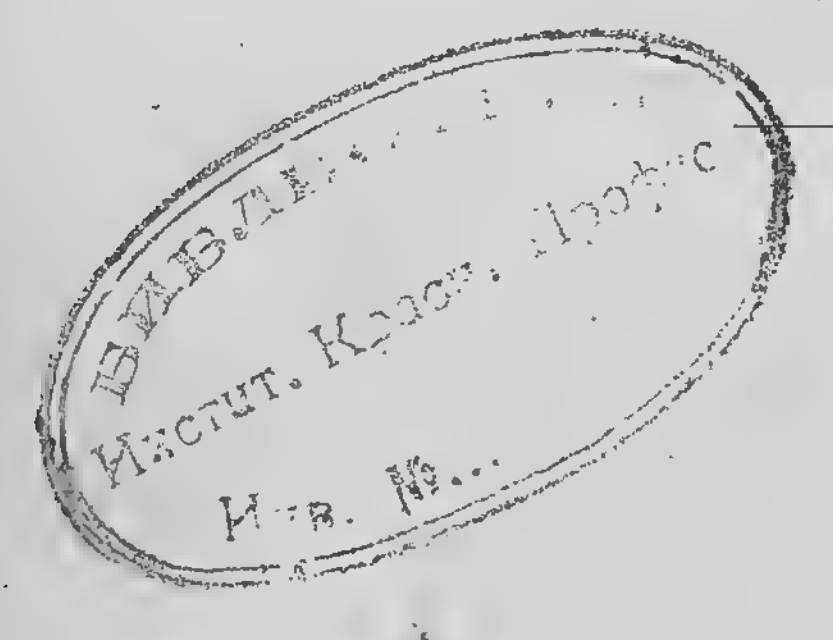
Ив. Нѣровецкiй.

С.-Петербургъ,
Янв. 1910 года.

Указатель авторовъ.

Замѣченныя опечатки.

Напечано.	Надо.	Страница.	Строка.
Гильдебрандъ	Гильденбрандъ	30	5 сверху.
образомъ	образцомъ	37	8 „
властвующимъ	властвующихъ	52	19 „
членахъ	членовъ	55	13 снизу.
парламентарнаго	парламентскаго	219	14 „
стремленіе	стремленіи	225	6 сверху.
одно	одного	230	10 снизу.
контигентомъ	контингентомъ	234	13 „
государственному	господствующему	266	16 „
преслѣдованіе	преслѣдованіи	273	20 „
палаты	палата	299	20 „
юношества	юношество	332	4 сверху.
является	являются	350	7 снизу.
вообщее	вообще	359	15 сверху.
уступуть	уступить	377	17 снизу.
Ueberbrechen	Verbrechen	403	5 сверху.
Ueberbrechens	Verbrechens	403	11 снизу.
Ueberbrechens	Verbrechens	406	3 „
способнымъ	способномъ	427	19 „
значенія	знанія	428	17 сверху.

«**Лекціи по общей теоріи права**» проф. *Н. М. Коркунова.* Изд. 9-е, ц. 2 руб., въ переплетѣ 2 руб. 50 коп.

М. Кондорсэ, Прогрессъ человѣческаго разума. Переводъ съ французскаго *I. А. Шапиро*, подъ редакціей приватъ-доцента *В. Н. Сперанскаго*, съ вступительнымъ очеркомъ профессора *М. М. Ковалевскаго.* XV+252 стр. Ц. 1 р. 50 к. Спб. 1909 г.

Соціальное Право. Индивидуальное Право. Преобразованія государства. Леона Дюги. Лекціи, читанныя въ „École des hautes études sociales" 1909 г. 50 коп.

Юридическая сдѣлка и экономическое неравенство. Законодательная охрана экономически болѣе слабыхъ. Herman Isay перев. съ нѣмец. Ю. В. съ примѣч. по русскому праву. Изд. 1909 г. 30 к.

Государство и пріобрѣтенныя права. Георга Мейера. Изд. 1909. 25 к.

Сравнительный очеркъ государственнаго права иностранныхъ державъ.

Т. I. Государство и его элементы. Проф. Н. М. Коркунова. 1906 г. 1 р.

Отечествен. законовѣдѣніе. Элементарныя понятія о правѣ и государствѣ. Введеніе къ изученію отечественныхъ законовъ (въ объемѣ VII кл. гимназіи). Составилъ И. Демкинъ, преподаватель законовѣдѣнія Ревельскихъ гимназій Императора Николая I и Петровскаго реальнаго училища. Изд. 1908 г. 40 к.

Русское гражданское право. Чтенія Д. И. Мейера, изданныя по запискамъ слушателей подъ редакціею А. И. Вицына. Изданіе 9-ое съ исправленіями и дополненіями А. Х. Гольмстена. 1910 г. 3 р.

Общее ученіе о государствѣ (право современнаго государства). Д-ръ Георгъ Еллинекъ, проф. Гейдельберскаго университета. Изд. 2-ое, исправлен. и дополненное по 2-му нѣмец. изд. С. I. Гессеномъ. 1908 г. 3 р.

Исторія источниковъ римскаго права. Теодора Киппа (перев. со второго переработаннаго изданія). А. М-ра. Изд. 1908 г. 1 р.

Пандекты, т. II (т. I ч. 2 нѣмец. изд.) Вещное право. Генриха Дернбурга. Перевод. бар. А. Ф. Мейендорфа. 1905 г. 2 р. 25 к.

УЧЕБНИКЪ

Русскаго Гражданскаго судопроизводства

А. Х. Гольмстена, заслуженнаго профессора. Изд. 4-е, переработанное. 1907 г. 2 р. 50 к.

Программа по гр. судопроизводству. Его же. 10 к.

Институціи. Учебникъ исторіи и системы римскаго гражданскаго права.

Рудольфа Зома, перев. съ 12-го нѣмецкаго изданія Г. А. Барковскаго, в. I. 1908 г. 1 р., в. II (система). 1910 г. 3., перев. съ 13-го нѣмец. изданія

ГРАЖДАНСКІЕ ЗАКОНЫ т. X ч. I по продолж. 1906 г. Изданіе карманн. 1907 г, въ перев 1 р. 30 к.

УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНІЕ 22 марта 1903 г. Изд. карман. въ перепл. 1 р.

Цѣна 3 рубля.

Типографія т-ва „Общественная Польза", СПБ., Б. Подъяческая, 39.

